

М.А.ИТИНА

ИСТОРИЯ  
СТЕПНЫХ ПЛЕМЕН  
ЮЖНОГО ПРИАРАЛЬЯ

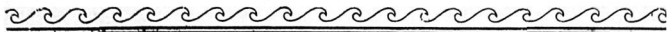


АКАДЕМИЯ НАУК СССР

---

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ  
ИМЕНИ  
Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ





ТРУДЫ  
ХОРЕЗМСКОЙ  
АРХЕОЛОГО-  
ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ  
ЭКСПЕДИЦИИ



Под общей редакцией  
члена-корреспондента АН СССР  
С. П. ТОЛСТОВА

X



ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»  
МОСКВА 1977



М.А.ИТИНА

ИСТОРИЯ  
СТЕПНЫХ ПЛЕМЕН  
ЮЖНОГО ПРИАРАЛЬЯ

(II—начало I тысячелетия до н. э.)



ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1977

В работе рассмотрены пути заселения и освоения человеком древних дельтовых равнин, дается историческая периодизация памятников Южного Приаралья эпохи бронзы, рассматривается система хозяйства, поселения и жилища исследуемого региона, прослеживаются пути исторического развития форм общественной и семейной организации древнего населения низовий Амударьи. В основе монографии лежит большой новый фактический материал, собранный в ходе комплексных археолого-геоморфологических работ с использованием данных аэрофотосъемки.

Исследование проведено на широком историческом фоне с привлечением данных сравнительной этнографии.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

А. В. ВИНОГРАДОВ

## ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемая вниманию читателя книга посвящена истории Южного Приаралья II — начала I тысячелетия до н. э., истории древних дельтовых областей Амударьи задолго до того, как эти земли стали называться Хорезмом. Исследуемый в ней тысячелетний период — эпоха становления и развития производящего хозяйства, расцвета металлургии меди и бронзы, разложения первобытнообщинного строя, эпоха сложных этнических перемещений.

В основу книги положены археологические материалы, собранные нами при раскопках и раскопках стоянок и поселений эпохи бронзы в древних дельтах Амударьи. Накопленный за последние 30 лет материал огромен и, естественно, не может уложиться в рамки этой книги. Значительная его часть уже опубликована в различных изданиях Хорезмской экспедиции, в составе которой автор работает все эти годы.

Написание этой книги было вызвано не только желанием обобщить собранные материалы. К этому побудило нас главным образом то новое качество, в котором они предстали за последние 10—15 лет. Комплексный метод работы с геоморфологами, использование данных аэрофотосъемки и специальной археологической аэрофотосъемки, наконец, просто накопленный опыт полевых исследований привели в конце концов к открытию на территории Южной Акчадарьинской дельты Амударьи множества неразветвленных поселений эпохи бронзы с остатками домов, ирригационной сети, полей. Раскопки этих поселений, их топография, координация времени их существования с отдельными этапами функционирования дельтовых протоков дали возможность восстановить экологическую основу развития экономики древнего населения Акчадарьинского оазиса. Динамика этого развития на протяжении тысячелетия отражает и природные изменения, не за-

висающие от человека, и постепенно возрастающее умение человека, если еще не подчинить силы природы, то по крайней мере найти возможность их использовать в своих нуждах.

Новые археологические материалы, полученные при раскопках, дали нам возможность проверить правильность предложенной ранее исторической периодизации культур эпохи бронзы на территории Южного Приаралья и внести в нее некоторые коррективы.

Рассмотренные в книге формы хозяйства, системы расселения, облик материальной культуры населения Южного Приаралья, с одной стороны, с несомненностью ставят эти племена в круг носителей культур стеной бронзы, с другой — дают целую сумму фактов, позволяющих настаивать на необходимости дифференцированного подхода к такому понятию, как «культуры стеной бронзы».

Развитие металлургии меди и бронзы, скотоводческо-земледельческого хозяйства у населения степей Евразии на сходной в целом экологической основе привело к возникновению так называемых культур стеной бронзы, которые, благодаря специфике своего хозяйства, были весьма подвижны и распространялись на значительные территории, образуя огромные культурные общности. Формирование культуры населения каждой из них или даже культуры населения отдельных регионов такой общности могло протекать вполне самостоятельно, но сходная хозяйственная и культурная основа развития этих общностей и контакты между ними способствовали выработке в известной мере единого облика культуры. Это привело исследователей к выработке широко распространенного определения «культуры стеной бронзы»<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> Предложенная Г. Е. Марковым формулировка «культуры горно-стеной бронзы» (см.: Марков Г. Е.

Само по себе это общее определение, если оно имеет в виду какие-то специфические особенности развития родственных культур на огромной территории, вполне правомерно, так же, скажем, как и «культуры крашеной керамики». Однако накопление знаний и опыта приводит при сохранении этого общего термина к вкладыванию в него достаточно многообразного содержания.

Уместно вспомнить, что на начальном этапе исследования андроновской культуры большое сходство между ней и срубной культурой заставило П. С. Рыкова предположить, что корни срубной «лежат где-то за Уралом»<sup>2</sup>. Принимаемая материалы из раскопок Сосновского (погребения близ улуса Орак) за срубные, он же писал, что срубная культура являлась в Поволжье с востока<sup>3</sup>. Произшедшее позднее четкое разграничение срубных и андроновских памятников способствовало определению границ срубной и андроновской культурных общностей, но при этом ареал второй охватил огромную территорию, в том числе и северные степные районы Средней Азии. Теперь все стоянки с керамикой стенового типа стали квалифицироваться как андроновские.

Бурное накопление материалов в течение последних десятилетий привело к тому, что этот огромный андроновский монолит начал распадаться, причем в разных направлениях.

Четкая поэтапная периодизация андроновской культуры, предложенная К. В. Сальниковым<sup>4</sup> и поддержанная в свое время боль-

шинством исследователей, была подвергнута критике. Выдвигая В. Н. Чернецовым<sup>5</sup> и развиваемая Э. А. Федоровой-Давыдовой<sup>6</sup> идея о федоровской и алакульской культурах, возможно сосуществовавших друг с другом, а не двух последовательных этапов одной андроновской культуры, находит все большее число сторонников<sup>7</sup>. Некоторые исследователи постулируют позднюю дату федоровских памятников<sup>8</sup> или доживание их до эпохи поздней бронзы<sup>9</sup>.

Таким образом, федоровская принадлежность комплекса сама по себе уже не является теперь признаком его ранней даты.

Поколебалась и точка зрения об общеандоновской принадлежности всех памятников эпохи бронзы в северных степных районах Средней Азии, были выделены тазабагыбская<sup>10</sup> и кайракумская<sup>11</sup> культуры. Более того, сейчас можно наметить пути продвижения федоровских и алакульских племенных групп на территорию Средней Азии и выявить наряду с этим ареал расселения тазабагыбских племен. Ду-

<sup>5</sup> Чернецов В. Н. К вопросу о месте и времени формирования финно-угорской этнической группы. — Тезисы докладов на совещании по методологии этногенетических исследований. М., 1951.

<sup>6</sup> Федорова-Давыдова Э. А. К проблеме андроновской культуры. — Сб.: Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973, с. 133–152, там же литература вопроса. Новые находки и польза этого см.: Кузьмина Е. Е. О соотношении типов андроновских памятников Урала. — Сб.: Памятники древнейшей истории Евразии. М., 1975, с. 220.

<sup>7</sup> Стожолов В. С. Культура населения бронзового века Южного Зауралья. М., 1972, с. 25 сл.

<sup>8</sup> Там же, с. 122, 123; Косарев М. Ф. О культуре андроновского времени в Западной Сибири. — СА, 1965, № 2, с. 244; Алексеева Н. А. К вопросу о бронзовых стрелах степных племен эпохи бронзы. — Труды Самаранского государственного университета, новая серия. № 270. Материалы по археологии Узбекистана, 1975, с. 46, примеч. 11; она же, Серги и височные подвески андроновской культуры. — Сб.: Первоначальная археология Сибири. Л., 1975, с. 70; Чалынова И. Л. [реп.] Стожолов В. С. Культура населения бронзового века Южного Зауралья. М., 1972. — СА, 1975, № 2, с. 285.

<sup>9</sup> Кузьмина Е. Е. Могильник Туктубаево и вопрос о хронологии памятников федоровского типа на Урале. — Сб.: Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973, с. 164. Если это так, то, может быть, разъяснится причина того что в мавзолеях Северного Тагискаена и в диндибай-бегазинских мавзольных Центрального Казахстана, датирующихся началом I тысячелетия до н. э., встречена керамика, напоминающая федоровскую. Именно эта посуда заставила К. А. Акишева первоначально датировать погребальный комплекс Акса-Аюлы II (Центральный Казахстан) федоровским (ранним) временем.

<sup>10</sup> Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948; Игита М. А. О месте тазабагыбской культуры среди культур стеновой бронзы. — СЭ, 1967, № 2.

<sup>11</sup> Литвинский Б. А. Памятники эпохи бронзы и раннего железа Кайракумов. — В кн.: Литвинский Б. А., Окладников А. П., Ронов В. А. Древности Кайракумов. Душанбе, 1962.

Некоторые проблемы возникновения и ранних этапов кочевничества в Азии. — СЭ, 1973, № 1, с. 103, примеч. 6) вызывает у нас сомнения. Он считает одним из оснований для расширения этого понятия то, что племена эти расселялись и в предгорных областях, но ведь тогда с равным успехом можно говорить, например, и о культурах «стеновой и лесостепной бронзы» и т. д. Однако решающим для определения этих культур как культур «стеновой бронзы», на наш взгляд, является то, что они сформировались и развились именно в евразийских степях, а расселение племен — носителей культур стеновой бронзы в предгорных районах — явление вторичное, причем, как правило, памятники, которые там находят (чаще погребения, реже поселения), идентифицируются как принадлежащие к той или иной культурной общности, сформировавшейся в зоне степей.

<sup>2</sup> Рыков П. С. Результаты археологических исследований в Нижнем Поволжье летом 1923 г. — Уч. зап. Саратовского государственного университета, т. III, вып. 3, 1925, с. 49.

<sup>3</sup> Рыков П. С. Результаты археологических исследований в Покровском и Хвалыном уездах Саратовской губернии в 1922 г. — Труды Общества истории, археологии и этнографии при Саратовском университете, вып. 34, ч. 1, 1923, с. 18.

<sup>4</sup> Сальников К. В. Бронзовый век Южного Зауралья. — МИА, № 21, 1951; он же. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967.

мается, что такое уточнение наших знаний в связи с накоплением новых фактов и их творческим осмыслением, идущее от общего к частному, вполне естественно.

Что же послужило причиной существующего многообразия культурных явлений, объединяемых под общим названием «культуры степной бронзы»? По-видимому, поскольку речь идет об эпохе первобытности, прежде всего, различные географические условия, в которых обитали те или иные группы племен, и в связи с этим различные направления в хозяйстве, т. е. большой или меньшей удельный вес земледелия или скотоводства. Это, так сказать, «внутриэкономические» причины, но существовали и «внешне-экономические». К ним относятся контакты с родственными культурами и направление этих контактов, определяемое в эпоху бронзы в значительной мере источниками сырья для изготовления орудий из металла. Здесь же следует назвать и степень контактов, и воздействия передовых цивилизаций на культуру той или иной группы племен, входящих в ареал «варварской» периферии этих цивилизаций. Комбинация всех этих линий развития и направления культурных связей плюс отдельные этнические перемещения, которые в этом подвижном степном мире были постоянно действующим фактором,— все это и создавало те особенности в облике материальной культуры той или иной группы племен, которые отличают ее от других родственных культур.

Все эти процессы могут быть прослежены на материалах эпохи бронзы из Южного Приаралья, население которого к тому же занимало положение как бы посредника между северным степным миром и южными центрами земледельческих цивилизаций и в это и в более позднее время.

Стремясь дать историческую интерпретацию первобытным археологическим материалам, автор отчетливо представляет стоящие перед ним трудности, однако, как и все советские археологи, видит в этом смысл и задачу своей деятельности. Очень важным представляется нам комплексный подход к изучаемому материалу, причем помимо естественных наук, большая роль в историческом осмыслении археологических фактов должна принадлежать этнографии.

Огромные возможности в разработке проблем первобытной истории силами археологов и этнографов открывает сформулированное советской этнографической наукой учение о хозяйственно-культурных типах и историко-этнографических областях<sup>12</sup>.

<sup>12</sup> Левин М. Г., Чебоксаров И. И. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области (к постановке вопроса).— СЭ, 1955, № 4; Андрианов В. В. Хозяйственно-культурные типы и истори-

Учение о хозяйственно-культурных типах дает возможность сравнивать хозяйственно-культурные типы, характерные для ранних этапов исторического развития и наблюдаемые этнографами, со сходными с ними хозяйственно-культурными типами, не только связанными с другой территорией, но и хронологически значительно удаленными от первых и исследуемыми археологами. Важность использования археологами этнографических материалов при изучении форм хозяйства и материальной культуры в первобытном обществе, при попытках реконструкции форм общественной организации, семейно-брачных отношений представляется нам бесспорной<sup>13</sup>. Источником для этих построений могут служить и материалы могильников и поселений, в идеальном варианте открытые в комплексе. Поскольку погребальных памятников, раскопанных полностью, обычно больше, чем поселений, и материал могильников на первый взгляд легче поддается социальным реконструкциям, в археологической литературе его анализ в данном аспекте встречается чаще<sup>14</sup>.

В то же время, несмотря на очевидные организационные и методические трудности в реконструкции форм общественной и семейной организации на материалах поселений, анализ такого рода практиковался в советской археологической науке уже в 30—40-е годы, и это направление исследований продолжает оставаться одним из ведущих: сделано в этой области, особенно за послевоенные годы, немало<sup>15</sup>.

ческий процесс.— СЭ, 1968, № 2; Андрианов В. В., Чебоксаров И. И. Хозяйственно-культурные типы и проблемы их картографирования.— СЭ, 1972, № 2; Чебоксаров И. И., Чебоксарова И. А. Народы. Расы. Культуры. М., 1971, с. 169 сл.

<sup>13</sup> На эту тему нами был прочитан доклад на советско-венгерском симпозиуме (Будапешт, октябрь 1970 г.). Опубликован на венгерском языке. См.: *Nepi kultura népi társadalom*. Budapest, 1971.

<sup>14</sup> Реконструкция общественных отношений по данным погребений была посвящена специальная конференция археологов, проводившаяся в Ленинграде в 1971 г., однако, к сожалению, ее результаты пока не опубликованы. Интересная попытка проверки выводов археологов на материалах полевых этнографических исследований в Северо-Западной Сибири была предпринята недавно П. Н. Грачевой (см.: *Грачева П. Н.* Отражение хозяйственного и общественного укладов в погребениях народностей Северо-Западной Сибири.— Сб.: Социальная история народов Азии. М., 1975, с. 126 и сл.). Этот опыт заслуживает всестороннего внимания, так как обычно археологи, обращаясь к данным сравнительной этнографии, сетуют на то, что целый ряд существенных для них деталей оказывается вне поля зрения этнографов. Неосредственное подписание к этой проблематике этнографов можно только приветствовать.

<sup>15</sup> Этой проблематике была посвящена специальная конференция, проводившаяся в 1973 г. в Ленинграде (см.: Реконструкция древних общественных от-



Между тем в зарубежной, особенно американской, археологии в 1960-х годах появилось направление, почему-то провозглашаемое новым, — «археология поселений» («settlement archaeology»), которое утверждает необходимость и возможность создания социальных реконструкций на археологических материалах, в первую очередь на материалах поселений. Любопытнее всего то, что американские археологи чувствуют себя при этом первооткрывателями. Лишь немногие вспоминают, что в этом плане еще раньше работали, например, Дж. Кларк<sup>16</sup> и Г. Чайлд<sup>17</sup>, не говоря уж о советских археологах. О работах П. Н. Третьякова упоминает Л. Бинфорд<sup>18</sup>, глухая, без комментариев, ссылка на «статью одного русского» (в цитате из Кляксона) приводит американским археологом К. Чжаном<sup>19</sup>.

За последние 15—20 лет американцами издано несколько сборников и множество статей, посвященных различным аспектам «археологии поселений» и обсуждению правомерности такого «подхода», «установки» (approach) в археологии<sup>20</sup>.

Один из первых таких сборников, редактором которого был Г. Уилли<sup>21</sup>, основан на американских археологических материалах, историческое истолкование которых, равно как и переднеазиатских, по мнению западных археологов,

значительно облегчается непрерывностью линии культурного развития в обоих этих регионах на протяжении тысячелетий.

Г. Уилли в своих археологических исследованиях сам продемонстрировал широкий подход к материалу, рассмотрев раскапываемые им древние поселения в Перу<sup>22</sup> на фоне окружающей их природной среды, с учетом изменений, которые претерпевала система расселения на разных исторических этапах в связи с изменениями гидрографических условий, с одной стороны, и возрастающим умением человека подчинить себе природу — с другой.

В послесловии к сборнику, посвященному «археологии поселений», редактором которого является К. Чжан<sup>23</sup>, Г. Уилли высказывается весьма определенно: «Главная движущая сила в археологии — интерес к прошлому человечества... Первобытные формы расселения — одна из важных составных частей этого прошлого... Это орудие (надо бы в кавычках. — М. И.), которое трудно открыть, и, может быть, поэтому ставшее лишь недавно предметом археологического обсуждения. Сейчас я думаю, что это «Так держать!» в археологии»<sup>24</sup>.

Однако в рецензии на вышедший в Лондоне сборник докладов<sup>25</sup>, прочитанных на международной конференции по археологии и предельным дисциплинам, Г. Уилли резко критикует напечатанный там доклад В. М. Массона, посвященный эволюции первобытных поселений Средней Азии, главным образом земледельческих южнотуркменистанских. За что же, когда, как кажется, сам Г. Уилли работает в целом в том же ключе? А дело, оказывается, в том, что В. М. Массон создает генеральную схему развития первобытных земледельческих поселений, беря в основу экологические и экономические факторы. Иными словами, В. М. Массон проводит свой анализ с учетом закономерностей исторического процесса, которых, по-видимому, Г. Уилли признать не хочет, считая возможным, очевидно, стремиться лишь к рассмотрению особенностей расселения и социальной организации населения какого-то одного региона, не доводя полученные при этом выводы до уровня обобщений.

Другой заметной фигурой в американской археологии, занимающейся проблематикой, связанной с изучением поселений, с выработкой методов ведения этих исследований, является

пошений по археологическим материалам жилища и поселений. — Краткие тезисы на объединенном симпозиуме методологического семинара и сектора Средней Азии и Кавказа ДИАНА АН СССР 23—26 апреля 1973 г. Л., 1974). На среднеазиатском (южнотуркменистанском) материале такой анализ с широким использованием этнографических данных удачно проведен В. М. Массоном (см.: Массон В. М. Средняя Азия и Древний Восток. М., 1964, с. 303 сл.; *он же*. Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976, с. 95 сл.).

<sup>16</sup> Clark J. G. Prehistoric Europe: the Economic Basis. London, 1952.

<sup>17</sup> Child V. G. Social Evolution. London, 1951; *idem*. Piecing together the Past. London, 1956.

<sup>18</sup> Binford L. Methodological Considerations of the Archaeological Use of Ethnographic Data. — In: Lee R. B., Vore Y. de (ed.). Man the Hunter. Chicago, 1968, p. 269, 270.

<sup>19</sup> Chang K. C. Rethinking Archaeology. N. Y., 1967, p. 8.

<sup>20</sup> Любопытно, что, не отрицая в целом возможность такого «подхода», археолог Рауза предлагает вести подготовку археологических кадров, разделяя их заранее на практиков, занимающихся раскопками, типологией вещей, музейным делом, и теоретиков, сидящих в тени кабинетов и конструирующих идеи на основе фактов, полученных практиками, в том числе касающихся и социального истолкования систем расселения (см. статья Рауза в кн.: Chang K. C. (ed.). Settlement Archaeology. Palo Alto, 1968. Общую критику взглядов Рауза см.: Кляксин Л. С. Археология и предистория в системе И. Рауза. — СА, 1976, № 1, с. 306 сл.).

<sup>21</sup> Willey G. R. (ed.). Prehistoric Settlement Patterns in the New World. N. Y., 1956.

<sup>22</sup> Willey G. R. Prehistoric Settlement Patterns in the Viru Valley, Peru. Washington, 1953.

<sup>23</sup> Chang K. C. (ed.). Settlement Archaeology, p. 208—226.

<sup>24</sup> Chang K. C. (ed.). Settlement Archaeology, p. 225.

<sup>25</sup> Man, Settlement and Urbanism. London, 1972; рец. см.: Antiquity, XLVII, 188, 1973, p. 269—278.

уже упоминавшийся нами К. Чжан<sup>26</sup>. В своих работах он утверждает, что в основе археологического исследования должны лежать орудия труда и их анализ, включая типологию, а историческая интерпретация — это как бы надстройка, базирующаяся на типологических исследованиях<sup>27</sup>. Он подчеркивает, что, создавая свои типологические классификации, археологи должны рассматривать их не изолированно, а в развитии, на протяжении длительного отрезка времени<sup>28</sup>. Он исходит из того, что вещи — это результат человеческой деятельности, а последняя является объектом человеческой истории<sup>29</sup>. Отсюда К. Чжан предлагает рассматривать поселения в целом как социальные группы, а не как культуры или фазы<sup>30</sup>. Он уделяет большое внимание естественной среде, так как считает, что ее анализ дает возможность восстановить занятия жителей того или иного поселения<sup>31</sup>. Признавая влияние экологического фактора на структуру поселения, К. Чжан, по-видимому, считает важным учитывать и экономический фактор. Один из его американских коллег «обвиняет» К. Чжана в том, что он утверждает, что в основе выводов о социальной структуре общества должно лежать исследование его экономики, от которой и зависят элементы социальной структуры<sup>32</sup>. К. Чжан является активным сторонником комплексных методов исследования, в частности, с участием представителей естественных наук, трудностям кооперирования с которыми К. Чжан посвящает несколько абзацев в своей книге<sup>33</sup>.

Большую роль при археологических исследованиях, особенно в области археологии поселений, К. Чжан отводит этнографии и всячески призывает археологов и этнографов к сотрудничеству. «В тех случаях, когда наблюдается культурная непрерывность от первобытности до

современности, как, например, в Новом Свете (так же, как и на островах Тихого океана, в Индии, на Ближнем Востоке и на большей части Африки), археологическая реконструкция первобытных поселений очень часто достигается с помощью привлечения данных этнографии»<sup>34</sup>.

Следует заметить, что взгляды К. Чжана на археологические факты как источник для исторических выводов, значимость которого увеличивается, если он к тому же апробирован в ходе комплексных исследований, не может вызывать возражений. Нам лишь представляется, что, ограничивая возможности применения данных этнографии только областями с преемственностью культуры, К. Чжан себя обediaет. Признавая значимость экономических факторов при реконструкции форм социальной организации общества, К. Чжану следовало пойти дальше и признать возможность археолого-этнографических сопоставлений обществ, относящихся к одному хозяйственно-культурному типу и совершенно необязательно связанных культурной и территориальной преемственностью.

В этом плане более четко и еще раньше высказался Дж. Кларк, который подчеркнул, что использование данных сравнительной этнографии возможно лишь в случаях, когда речь идет об обществах со сходным уровнем добычи средств существования и находящихся в сходных экологических условиях. Этот метод, по мнению Дж. Кларка, может быть более эффективным, если предметом исследования являются регионы, в которых наблюдается историческая непрерывность культуры. Однако он справедливо предостерегает от прямых параллелей, говоря, что «эти «исторически непрерывные» земледельцы, скотоводы или рыбаки бесспорно подвергались влиянию городской цивилизации»<sup>35</sup>.

Свою позицию по проблеме методов истолкования археологических фактов и в частности по проблеме археологии поселений занимают представители так называемой новой археологии<sup>36</sup>. Призывая к изучению систем расселения и планов поселений, придавая большое значение экономическому фактору и зависимости от него социальной структуры общества, с чем нельзя не согласиться, представители «но-

<sup>26</sup> См.: *Chang K. C. Major Aspects of the Interrelationship of Archaeology and Ethnology.*—Current Anthropology, 8, 3, 1967; *idem. Rethinking Archaeology.*

<sup>27</sup> *Chang K. C. Rethinking Archaeology*, p. 12.

<sup>28</sup> *Chang K. C. Major Aspects...*, p. 229. Здесь, по-видимому, К. Чжан выражает свое отрицательное отношение к сторонникам, как говорил американцы, «черепковой археологии» («potsherd archaeology»), которые занимаются чистой типологией.

<sup>29</sup> *Chang K. C. Rethinking Archaeology*, p. 14.

<sup>30</sup> *Ibid.*, p. 15.

<sup>31</sup> *Ibid.*, см. главу 4 «Микросреда».

<sup>32</sup> *Sears W. H. The Study of Social and Religious Systems in North American Archaeology.*—Current Anthropology, 2, 3, 1961, p. 226.

<sup>33</sup> *Chang K. C. Rethinking Archaeology*, p. 69, 70. Вообще это, по-видимому, большой вопрос в американской археологии, так как об этом же пишут и Ф. Хол и Р. Гейнер в своей книге (см.: *Holt F., Heizer R. F. An Introduction to Prehistoric Archaeology*, 2nd ed. N. Y., 1969).

<sup>34</sup> *Chang K. C. Major Aspects...*, p. 229.

<sup>35</sup> *Clark J. G. Archaeological Theories and Interpretation: Old World.*—In: *Anthropology today*, Chicago, 1957, p. 335.

<sup>36</sup> Об этом течении см.: *Монсандр А. Л. Археология Западной Европы. Каменный век. М., 1973, с. 76, 77.* См. также рецензия Л. С. Клейна на труды представителей этого направления (СА, 1973, № 2, с. 303; 1975, № 3, с. 267).

вой археологии» в лице Л. Бинфорда, в частности, ограниченно принимают возможность истолкования археологических фактов с помощью данных сравнительной этнографии. Л. Бинфорд, выступая в дискуссиях по этому вопросу, заявляет: «До тех пор, пока мы будем утверждать, что наше знание прошлого зависит от нашего знания настоящего, мы будем все дальше загнивать в методологической тупике»<sup>37</sup>. Однако это отнюдь не значит, что Л. Бинфорд отрицает роль этнографии в истолковании археологических данных при изучении поселений. Он считает, что данные этнографии могут служить средством проверки археологических гипотез, причем это могут быть уже известные материалы из сравнительной этнографии и материалы, полученные археологами при полевых исследованиях на современных этнографических объектах<sup>38</sup>. Археологические работы на этнографических объектах в американской археологии называются «археология действия» («action archaeology»). Они вызваны к жизни, по-видимому, тем, что не всегда данные этнографов удовлетворяют археологов: то, что этнографам кажется само собой разумеющимся и специально не фиксируется, для археологов может оказаться особенно важным<sup>39</sup>.

Далее, Л. Бинфорд признает, что этнографические факты могут служить основой для моделирования определенных взаимоотношений социального плана, но проверка правильности гипотез должна базироваться только на археологических материалах<sup>40</sup>. Это тем более необходимо, так как «в прошлом существовали культурные формы, для которых у нас нет этнографических примеров, а потому реконструкция образа жизни таких социально-культурных систем требует тщательной проверки дедуктивно выдвинутых гипотез независимой серией фактов» (археологических.— М. И.)<sup>41</sup>. Такое утверждение, очевидно, связано с тем, что представители «новой археологии» рассматривают археологическую культуру как совокупность субсистем, тесно связанных между собой, а поэтому наблюдение, сделанное в сфере действия одной из субсистем, может быть правильно интерпретировано и применено для оценки

каких-то социальных явлений, характерных для данного общества в целом, лишь с помощью проверки его фактами, полученными в результате анализа других субсистем.

Метод перекрестной проверки какого-то предположения серией фактов — несомненно правильный, но ведь предположение это делается на основе знания законов общественного развития, выработанных, в частности, и на основе этнографических наблюдений, так что здесь в рассуждениях Л. Бинфорда нельзя не увидеть противоречия. Если мы посмотрим отчет Л. Бинфорда и его коллег о раскопках поселения Хэтчери Вест (Средний Запад)<sup>42</sup>, то встретим там тщательно собранную сумму археологических фактов, которые служат основой для заключений об общественной и семейной организации данного общества, по заключения эти без знания законов развития первобытного общества, без знания этнографического материала были бы невозможны.

Таким образом, в конечном счете манера работы и приемы исторического анализа, проводимые сторонниками «новой археологии», достаточно традиционны, а вот использование ими новейших методов исследования, в том числе и математических, — это действительно новое.

Среди исследователей, непосредственно занимающихся «археологией поселений», или, как еще часто говорят, «планировкой поселений» («settlement patterns»), следует назвать Б. Триггера<sup>43</sup> — этнографа и археолога.

Б. Триггер конкретно рассматривает все аспекты изучения поселений, подчеркивая, что не следует квалифицировать это направление как особый подход, оно охватывает лишь одну из категорий фактов в их великом множестве. В то же время Б. Триггер считает, что для реконструкции первобытных культур особенно ценно рассмотрение систем расселения и планировки поселений, так как в них ярко отражается целая система различных институтов. При анализе системы расселения Б. Триггер предлагает учитывать размеры и протяженность поселений, имея при этом в виду природные условия, характер и уровень развития хозяйства<sup>44</sup>. По его мнению, каждое поселение, как правило, населяет родовая община. Однако при

<sup>37</sup> Binford L. Archaeological Perspectives.— In: New Perspectives in Archaeology. Chicago, 1968, p. 14.

<sup>38</sup> Binford L. Methodological Considerations... p. 270.

<sup>39</sup> См. по этому поводу: Chang K. C. Major Aspects... p. 230. Признают это и этнографы. Так, американский этнограф Шарп сообщает, что он написал статью о том, что найдет археолог в покинутом лагере североавстралийских аборигенов, ознакомил с ней многих археологов и понял, что не ответил на вопросы, которые их интересуют (см.: Man the Hunter, p. 289).

<sup>40</sup> Binford L. Methodological Considerations... p. 270.

<sup>41</sup> Binford L. Archaeological Perspectives... p. 13.

<sup>42</sup> Binford L. R. and Binford S. R., Whallon R., Hardin M. A. Archaeology of Hatchery West.— Memoirs of the Society for American Archaeology, 24, Washington, 1970.

<sup>43</sup> Trigger B. G. Settlement Archaeology — its Goals and Promise.— American Antiquity, 32, 2, 1967, p. 149—160; idem. The Determinants of Settlement Patterns.— In: Chang K. C. (ed.). Settlement Archaeology, p. 33—78; idem. History and Settlement in Lower Nubia. New Haven, 1965; idem. Beyond History: the Methods of Prehistory. N. Y., 1968.

<sup>44</sup> Trigger B. G. The Determinants... p. 54.

разбросанной системе расселения это соответствие не соблюдается, и родовая община может объединять несколько поселений. В этом случае существенно знать, не являются ли какие-то из поселений сезонными и, что особенно важно, каков предположительно может быть размер общины в данных экологических условиях и при данном уровне добычи средств к существованию. Даже в обществах с ирригационным земледелием, где поселения постоянные, картина расселения может быть нарушена, если истощаются природные ресурсы, меняется водный режим и люди вынуждены переселиться на другое место<sup>45</sup>.

Дальнейший путь анализа — рассмотрение планировки каждого поселения и выявление на его материалах социальной и религиозной систем организации данной общины.

В. Триггер формулирует три аспекта в изучении поселений: 1) основной — индивидуальное здание или сооружение; 2) планировка этих сооружений в системе одной общины; 3) система расселения общины в связи с ландшафтом<sup>46</sup>. Он предлагает обязательно обращать внимание на происхождение тех или иных явлений, связанных с системой расселения в современных обществах<sup>47</sup>, т. е. учитывать данные сравнительной этнографии. В. Триггер приводит примеры зависимости конструкций и планировки жилищ от экономической основы данного общества, наличия тех или иных строительных материалов, климатических условий, определенных технических навыков, специализации производства, религиозных представлений и, наконец, структуры семьи<sup>48</sup>.

Этот перечень возможных выводов на материалах исследований поселений и отдельных домов не нов; по этой тематике на Западе есть большая литература, основанная на археологическом и этнографическом материалах<sup>49</sup>. Но В. Триггер в своих работах довольно компактно сформулировал перспективу, которая открывается перед археологом, если он видит конечную цель своего исследования в восстановлении истории изучаемого им человеческого общества во все ее проявлениях.

Как нам представляется, даже столь крат-

кий обзор взглядов американских археологов, касающийся проблемы изучения поселений, или, если смотреть шире, проблемы правомерности для археологов реконструкции истории изучаемого ими общества, с очевидностью показывает, что: 1) сама логика исследования на нынешнем уровне развития науки неизбежно приводит исследователей, хотя они того или нет, именно к историческому, материалистическому подходу в интерпретации археологических фактов; 2) не упомяная об исторических законах развития общества, о движущих силах, направляющих этот процесс, американские археологи и в методике исследований, и при формулировании выводов волюно или неволюно вынуждены с этими законами считаться; 3) увлеченные новым для них направлением в археологии они фактически идут по пути, проложенному значительно раньше археологами Старого Света и в первую очередь советскими археологами.

Советские археологи никогда не считали изучение поселений особым «подходом» в археологии. Они видят в поселениях одну из категорий исторических памятников, результаты исследования которых рассматриваются в общей сумме фактов, полученных по другим категориям исторических памятников, из других источников, и характеризующих в целом систему хозяйства, общественную организацию, материальную и духовную культуру изучаемого общества.

В наших попытках реконструкции форм общественной и семейной организации населения Южного Приаралья эпохи бронзы мы, используя комплексный метод, исходили из общенациональных законов развития человеческого общества, выработанных марксистской исторической наукой. Следует иметь в виду, что некоторые специфические особенности развития этого региона (отсутствие богатых рудных источников, его периферийное положение по отношению к центрам цивилизации, по-видимому, сравнительно ограниченная сфера обмена) и, вероятно, недостаточная его изученность далеко не всегда дают удовлетворительный фактический материал для выявления особенностей развития общества. Восоздание этнической истории населения Южного Приаралья эпохи бронзы также связано с известными трудностями. К их числу следует прежде всего отнести отсутствие достаточного количества погребальных памятников и, тем самым, хронологических материалов. У нас нет могильников предшествующего, неолитического времени, нет и погребений эпохи поздней бронзы. Единственный источник — могильник тазабайской культуры Кокча 3. Однако и эти данные, и отдельные элементы материальной культуры, равно как и рассмотрение истории населения Южного Приаралья

<sup>45</sup> Ibid., p. 60, 61.

<sup>46</sup> Trigger B. G. The Determinants..., p. 55; *idem*. Settlement Archaeology..., p. 151.

<sup>47</sup> Trigger B. G. The Determinants..., p. 155.

<sup>48</sup> Ibid., p. 56—59; *idem*. Settlement Archaeology, p. 152.

<sup>49</sup> См., например: Rapoport A. House Form and Culture. London, 1969; Frazer D. Village Planning in the Primitive World. N. Y., 1968; Flannery K. V. The Origins of the Village as a Settlement Type in Mesoamerica and the Near East. A comparative study. — In: Man, Settlement and Urbanism; Whiting J. W. M., Agres B. Inferences from the Shape of Dwellings. — In: Chang K. C. (ed.). Settlement Archaeology, p. 117—133.

на фоне исторических процессов, охватывающих всю территорию Средней Азии и сопредельных областей, позволяют сделать некоторые заключения и в этом плане.

Для автора представляется очевидным, что собранный и проанализированный в этой книге материал наряду с тем, что он вносит новое в наши знания об истории племен, населявших Южное Приаралье и весь северный степной регион Средней Азии в эпоху бронзы, ставит и множество новых вопросов — такова диалектика научного исследования.

\* \* \*

Весь иллюстративный материал к книге выполнен художником Г. М. Басвым, фотографии — А. В. Оськиным, В. А. Родькиным, планы поселений — Н. И. Игоиным. Схема расположения стоянок сделана Б. В. Андриановым по его и автора материалам. Всем им приношу свою благодарность.

Я хотела бы выразить благодарность всем тем, кто добрым советом и делом помог мне в работе над этой книгой. Особая благодарность всем моим коллегам — сотрудникам Хорезмской экспедиции, среди которых я хотела бы выделить тех, с кем многие годы вместе работала, — А. В. Виноградова, В. А. Лоховица, В. Н. Ягодина (ныне зав. сектором археологии Каракалпакского филиала АН Узбекской ССР), Б. В. Андрианова, А. Ф. Леонову, С. А. Оленич, А. В. Оськина, Н. И. Игоина (ныне зав. лабораторией одного из московских научно-исследовательских институтов).

Приношу искреннюю благодарность доктору географических наук А. С. Кесь, многолетние работы с которой многому меня научили. И, конечно, самая сердечная моя благодарность моему учителю, Сергею Павловичу Толстову, который научил меня преданно любить свое дело, Среднюю Азию, пустыню, который научил меня за развалинами поселений и росссыями битой посуды видеть некогда живших здесь людей.

## ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Первобытная археология Средней Азии — наука сравнительно молодая. Большие работы в этой области, интенсивное накопление фактов, включение в разработку основных проблем этой отрасли исторической науки большого отряда специалистов не только из центральных учреждений, но и из союзных республик, — все эти процессы насчитывают не более трех десятков лет. В этот короткий промежуток времени археологами были сделаны крупные открытия, позволившие наметить основные пути исторического развития населения Средней Азии в первобытную эпоху.

Большие успехи, достигнутые за эти годы, в значительной мере обусловлены тем, что в середине 30-х годов в связи с вставшей перед советскими историками задачей создания истории народов СССР, в том числе и народов молодых среднеазиатских республик, был организован целый ряд крупных научных экспедиций, таких как Термезская под руководством М. Е. Массона, Семиреченская под руководством А. Н. Бернштама, Ферганская также под руководством М. Е. Массона, Нижнезеравшанская под руководством В. А. Шникина, Хорезмская под руководством С. П. Толстова. Все эти экспедиции, начиная уже тогда разрабатывать широкий круг проблем, явились организующими центрами, вокруг которых группировались специалисты по среднеазиатской археологии.

С 1945 г. приступили к работе: Бухарская экспедиция — преемница Нижнезеравшанской; Тяньшано-Алайская (1944—1949), Памирская (1946—1949), Памиро-Ферганская (1950—1952) — преемницы Семиреченской; Киргизская археолого-этнографическая экспедиция под руководством Г. Ф. Добена (1951—1955).

Поньше работают организованные также после Великой Отечественной войны Южно-Туркменистанская археологическая комплексная

экспедиция (ЮТАКЭ), руководимая М. Е. Массоном; Таджикская экспедиция, которую возглавляли ныне покойные А. Ю. Якубовский и М. М. Дьяконов, теперь ее работами на городище древнего Пенджикента руководит А. М. Беленицкий; в других местах исследования ведет Институт истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР и Институт народов Азии АН СССР. Большие работы осуществляют Институт археологии АН Узбекской ССР, Ташкентский государственный университет и сектор археологии Каракалпакского филиала АН Узбекской ССР, Институт истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР, Институт истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР, Институт истории, археологии и этнографии АН Киргизской ССР. С 1937 г. работает Хорезмская археологическая, а с 1945 г. — Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция.

Помимо перечисленных, на территории Средней Азии работают и другие отдельные экспедиции и отряды. В научных планах указанных экспедиций исследование памятников эпохи первобытности не всегда является одним из ведущих направлений в их работе. Наиболее последовательно этой проблематикой занимаются Южно-Туркменистанская и Хорезмская экспедиции, экспедиции Академии наук союзных республик, отдельные экспедиции Института археологии АН СССР и Государственного Эрмитажа<sup>1</sup>.

Большим достижением в области изучения древнеземледельческих культур юга Средней Азии явились работы XIV отряда ЮТАКЭ, начатые Б. А. Куфтиным и успешно продолженные В. М. Массоном. Результаты их легли в основу периодизации земледельческих культур

<sup>1</sup> Краткий обзор работ и библиографию по первобытной археологии Средней Азии см.: Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.—Л., 1966 с. 3—8.

Южного Туркменистана, охватившей огромный период — VI — начало I тысячелетия до н. э. Удалось установить тесную связь этих областей с передовыми цивилизациями Передней Азии и Индии. Появилась возможность рассматривать их как отдаленную окраину распространения высокой культуры переднеазиатского типа<sup>2</sup>.

Иная картина в северных, степных областях Средней Азии, где переход от присваивающего хозяйства к производящему произошел позже, чем на юге. Они развивались более медленно, и облик культуры их населения соответственно был иным. Так, еще в III тысячелетии до н. э. север Средней Азии — это область расселения неолитических охотников и рыболовов, в то время как юг — развитая земледельческая цивилизация, базирующаяся на искусственном орошении и уже знакомая с металлом.

Культуры степных областей Средней Азии наиболее полно были изучены в низовьях и на старых руслах Амударьи и Сырдарьи, а также во Внутренних Кызылкумах — Хорезмской экспедицией, в низовьях Зеравшана — экспедицией АН Узбекской ССР во главе с Я. Г. Гулямовым. Интересные результаты дали работы в Ферганской долине, где были открыты культуры поздней бронзы: южного типа — чустская, с крашеной керамикой, и северного степного типа — кайракумская, того же времени<sup>3</sup>. Удалось установить, что на Зеравшане в эпоху ранней бронзы происходил сток культур северного и южного типов (заманбабинская культура)<sup>4</sup>. В эпоху поздней бронзы взаимодействие южной земледельческой культуры с культурой степной бронзы наблюдалось в Южном Таджикистане<sup>5</sup>. Северные степные культуры имели совершенно иную ориентацию. Они тяготели к культурам степной бронзы Поволжья, Южного Приуралья и Зауралья, Западного, Северного и Центрального Казахстана, на территории которых были распространены срубная и андроновская культуры.

По ряду причин периодизация культур степной бронзы Средней Азии менее разработана, чем южнотуркменистанская. Во-первых, северные области Средней Азии охватывают огромную территорию, которая изучена весьма

неравномерно. Во-вторых, до сравнительно недавнего времени исследователи этих областей имели дело в основном с подъемным материалом, и только в последние годы начались исследования стоянок с ненарушенным культурным слоем. Наконец, отсутствие здесь крупной рудно-металлургической базы придавало особую ценность предметам из металла и, следовательно, приводило к тому, что находки изделий из металла в культурном слое поселений редки и немногочисленны. Это, как известно, создает трудности для датировки. Не дали пока убедительных результатов и радиоуглеродные анализы.

Из-за сравнительно небольшого количества раскопанных памятников невелико и количество импортных вещей, которые могли бы помочь при датировке. Однако работы Хорезмской экспедиции по изучению первобытных памятников, обзор которых приводится ниже, позволяют рассчитывать на постепенное заполнение этой лакуны.

В 1938 г. во время разведок в песках на правом берегу Амударьи между Наринджаном и Беркут-калой впервые была найдена лепная керамика с геометрическим орнаментом (стоянки Тепик-кала 1 и 2), которая, по определению С. П. Толстова, близко напоминает керамику бронзового века Поволжья, Казахстана и Минусинского края, относящуюся к срубной (Поволжье) и андроновской (Сибирь и Казахстан) культурам<sup>6</sup>. С. П. Толстов назвал культуру, которой принадлежала эта керамика, тазабагыльской и датировал эти находки концом II — началом I тысячелетия до н. э.<sup>7</sup> В 1939 г. в 1,5 км к югу от крепости Джанбас-кала, также на правом берегу Амударьи, студенты МГУ А. Я. Абрамович и Н. Н. Вактурская нашли неолитическую стоянку с неразвешенным культурным слоем. Это была широко известная теперь специалистам стоянка кельтеминарской культуры Джанбас 4, на которой велась раскопки в 1940 и 1945 гг. (руководитель С. П. Толстов) и которая была датирована IV — началом III тысячелетия до н. э.<sup>8</sup>

В эти же годы к югу от стоянки Джанбас 4 была обнаружена целая группа кельтеминарских стоянок, сборы с которых позднее были опубликованы вместе с материалами, получен-

<sup>2</sup> Подробно об этом см.: Массон В. М. Средняя Азия и Древний Восток. М., 1964; *он же*. Поселение Джейтун.—МИА, № 180. 1971. Новый центр земледельческой культуры открыт недавно в Северной Бактрии (Южный Узбекистан). См.: Аскаров А. Сапалитена. Ташкент, 1973.

<sup>3</sup> История таджикского народа, т. I. М., 1963, с. 115—127.

<sup>4</sup> Гулямов Я. Г., Исламов У., Аскаров А. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зеравшана. Ташкент, 1966, с. 117 и сл.

<sup>5</sup> Мандельштам А. М. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане.—МИА, № 145, 1968.

<sup>6</sup> Толстов С. П. Древнехорезмийские памятники в Каракалпакии.—ВДИ, 1939, № 3, с. 174, 175, рис. 2.

<sup>7</sup> Толстов С. П. Хорезмская экспедиция 1939 г.—КСИИМК, VI, 1940, с. 70, 71.

<sup>8</sup> Толстов С. П. Древности Верхнего Хорезма.—ВДИ, 1941, № 1, с. 156; *он же*. Древний Хорезм. М., 1948, с. 59—66; *он же*. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948, с. 65—74; Виноградов А. В. Неолитические памятники Хорезма.—МХЭ, 8, 1968, с. 33—52 (там же см. библиографию).

ными в 1965 г. после дополнительного обследования стоянки Джанбас 4 и стоянок в ее окрестностях (руководитель работ 1965 г. А. В. Виноградов)<sup>9</sup>. В 1940 г. художник экспедиции Н. П. Толстов из северо-востоку от крепости Ангка-кала обнаружил развешенную стоянку (Ангка-кала 1) с лепной керамикой того же типа, что и найденная на стоянках Тешик-кала 1 и 2. Эта стоянка также была определена как тазабагыльская, а дата тазабагыльской культуры была уточнена и отнесена к середине II тысячелетия до н. э.<sup>10</sup>

В 1939 и 1940 гг. к северо-востоку от Наринджана, на территории между развалинами Кош-Парсан и Якке-Парсан, к востоку от стоянки Джанбас 4, к югу от Базар-калы были обнаружены стоянки, датированные первой половиной I тысячелетия до н. э. или точнее VIII—VII вв. до н. э. Эту культуру, названную амрабадской, также отличала лепная керамика с резным орнаментом, и для нее были характерны длинные прямоугольные (77×20 м, стоянка Джанбас 7) глинобитные дома (исследования Я. Г. Гулямова)<sup>11</sup>.

В 1946 г. С. П. Толстов, выделив три культуры первобытного Хорезма, — кельтеминарскую, тазабагыльскую и амрабадскую, подчеркнул преемственность между ними (не исключая сильного влияния срубной и андроновской культур на тазабагыльскую)<sup>12</sup>. Позднее он писал лишь о генетической связи между кельтеминарской и тазабагыльской культурами, называя последнюю прямым потомком первой<sup>13</sup>. Тогда же А. А. Формозов опубликовал группу поздnekельтеминарских стоянок близ станции Саксаульская, датированных второй половиной III тысячелетия до н. э.<sup>14</sup> Таким образом, между тазабагыльской культурой середины II тысячелетия до н. э. и поздним этапом кельтеминарской получался хронологический разрыв примерно в 500 лет.

В 1945 г. была открыта еще одна культура — суряганская. Материал для ее характеристики дали раскопки 1945—1946 гг. на стоянке Джанбас 6 (к юго-востоку от стоянки Джанбас 4), проведенные Я. Г. Гулямовым<sup>15</sup>. Для

этой культуры характерна тонкостенная керамика с окрашенной в густо-оранжевый цвет и залощенной поверхностью, сопровождаемая обычными грубыми горшками с геометрическим орнаментом. Я. Г. Гулямов считал именно суряганскую культуру генетически связанной с кельтеминарской, полагая, что суряганская культура, в отличие от тазабагыльской культуры бродячих скотоводов и охотников, была земледельческой и датировал ее поздним бронзовым веком<sup>16</sup>. С. П. Толстов связывал появление этой культуры в Хорезме с приходом туда нового этнического элемента с юга, причем довольно поздно, но второй половине II тысячелетия до н. э.<sup>17</sup> Более развернуто излагая свою точку зрения, он писал, что суряганская культура «должна быть поставлена между тазабагыльской и амрабадской, вероятно, частично сосуществуя с первой, и датируется (амрабадская культура.— М. И.) последними столетиями II тысячелетия до н. э.<sup>18</sup> Вновь подчеркивая приливный характер суряганской культуры, служивший одним из доказательств традиционных контактов и этнических смесений между населением северных и южных областей Средней Азии, С. П. Толстов высказывал предположение, что амрабадская культура является результатом скрещения южной и северной культур, ибо одними элементами она восходит к тазабагыльской традиции, другими — к суряганской<sup>19</sup>.

Итак, в результате работ 1938—1940 и 1945—1946 гг. в низовых Амударьи были открыты:

1. Неолитическая кельтеминарская культура. Дата — IV—III тысячелетия до н. э. На стоянке Джанбас 4 было раскопано наземное жилище в виде шалама со столбовой конструкцией.

2. Культуры бронзового века:

а) Тазабгагыльская. Дата — середина II тысячелетия до н. э. Генетически связана с кельтеминарской — по С. П. Толстову.

б) Суряганская. Дата — конец II тысячелетия до н. э. Представлена приливным населением из южных областей (Иранское нагорье) — по С. П. Толстову. Генетически связана с кельтеминарской и продолжает южные культурные традиции, проявляющиеся еще в кельтеминарской культуре. Приливной, напротив, является тазабагыльская культура — по Я. Г. Гулямову.

<sup>9</sup> Виноградов А. В. Неолитические памятники Хорезма, с. 52—65.

<sup>10</sup> Толстов С. П. Древний Хорезм, с. 68.

<sup>11</sup> Толстов С. П. Древний Хорезм, с. 68—70.

<sup>12</sup> Толстов С. П. Новые материалы по истории культуры древнего Хорезма.— ВДН, 1946. № 1, с. 66.

<sup>13</sup> Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации, с. 76.

<sup>14</sup> Формозов А. А. Кельтеминарская культура в Западном Казахстане.— БСИНМК, XXV, 1949, с. 49—58; Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации, с. 76.

<sup>15</sup> Гулямов Я. Г. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1957, с. 51—54; Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации, с. 77—78; он же, Древний Хорезм, с. 348—349.

<sup>16</sup> Гулямов Я. Г. История орошения Хорезма..., с. 51, 54.

<sup>17</sup> Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации, с. 77—78.

<sup>18</sup> Толстов С. П. Древний Хорезм, с. 348, примечание к с. 32(2).

<sup>19</sup> Там же, с. 349.



Наземное жилище со столбовой конструкцией на стоянке Джанбас 6 — первое раскопанное жилище эпохи бронзы.

3. Амрабадская культура раннего железного века. Дата — первая половина I тысячелетия до н. э., или VIII—VII вв. до н. э. Является результатом смещения тазабагыябской (местной) и сурганской (пришлой) культурной традиции — по С. П. Толстову. Является прямым продолжением (следующий этап) сурганской культуры — по Я. Г. Гулямову. По мнению Я. Г. Гулямова, для амрабадской культуры характерно исчезновение краслощенной и вообще лощенной посуды<sup>20</sup>.

На стоянке Джанбас 7 открыты остатки типичного для этой культуры длинного глинобитного дома — по С. П. Толстову.

После 1946 г. в исследованиях среднеазиатских памятников первобытной культуры наступил перерыв. В начале 1950-х годов работы возобновились и уже в новом качестве.

С 1951 г. Хорезмская экспедиция приступила к изучению древних русел Амударьи, истории их функционирования и заселения человеком. С 1953 г. к этим работам подключаются геоморфологи и географы во главе с доктором географических наук А. С. Кесь. Экспедиция проводит изучение древних дельт и русел Амударьи с помощью маршрутных исследований и стационарных раскопок. В составе экспедиции работает археолого-топографический отряд во главе с Б. В. Андриановым, занимающийся изучением ирригационной сети в зоне действия амударьинских протоков и русел<sup>21</sup>. Весь этот цикл работ открыл для науки множество новых поселений и стоянок эпохи неолита и бронзы. Жизнь этих памятников оказалась очень тесно связанной с действием тех или иных протоков или русел, что позволило наметить время функционирования последних и, кроме того, дало возможность рассматривать историю первобытного населения низовий Амударьи на широком палеогеографическом фоне. Наконец, очень важно и то, что в результате планомерного обследования территории древних дельт Амударьи удалось обнаружить памятники с сохранившимся культурным слоем.

В 1951 г. был пройден большой маршрут по сухому руслу Узьбой, по которому в верхнечетвертичное время шел сток амударьинских вод из Сарыкамышского озера в Каспий. Здесь было обнаружено множество неолитических стоянок, материал которых представляет собой свое-

образный вариант (верхнеузбойский) кельтминарской культуры. Стоянки на Нижнем Узьбое, в районе урочища Тоголак, материал которых отличен от верхнеузбойского, дали основание говорить о существовании на Узьбое еще одной неолитической культуры — нижнеузбойской. Здесь же, на Узьбое, были обнаружены и энеолитические стоянки: одна — в урочище Чууйрик-баш (107 поиск), другая — в урочище Бала-Ишем (171 поиск). Отдельные находки керамики эпохи бронзы позволили С. П. Толстову заключить, что на Узьбое во II тысячелетии до н. э. бытовала культура тазабагыябского типа<sup>22</sup>.

В 1952 г. продолжалось обследование Верхнего Узьбоя и южных заливов Сарыкомышского озера (начальник отряда М. А. Игина). Здесь были открыты новые памятники первобытной культуры, в основном неолитические. Находки эпохи бронзы единичны<sup>23</sup>.

В 1953 г. тот же отряд провел археологическое обследование южных протоков Присарыкамышской дельты и обнаружил ряд интересных верхнеузбойских комплексов и отдельные находки керамики эпохи бронзы<sup>24</sup>.

В 1954 г. отряд продолжал обследование сухого русла Узьбой на его среднем участке. Были обнаружены многочисленные стоянки верхнеузбойского типа, а в районе колодца Янаджи были встречены отдельные кремневые орудия нижнеузбойского типа<sup>25</sup>. Все неолитические находки на Узьбое датировались концом IV—III тысячелетием до н. э. Дата немногочисленных находок керамики степной бронзы очень широка — II тысячелетие до н. э., скорее его вторая половина. Ни одного более или менее выразительного комплекса эпохи бронзы на Узьбое обнаружено не было.

В 1953 г. в Правобережном Хорезме археолого-топографическим отрядом были обнаружены стоянки эпохи бронзы в районе крепостей

<sup>20</sup> Гулямов Я. Г. История орошения Хорезма..., с. 66.  
<sup>21</sup> Общие итоги работ по изучению истории древнехорезмской ирригации подведены в кн.: Андрианов Б. В. Древние оросительные системы Приаралья. М., 1969.

<sup>22</sup> О работах 1951 г. см.: Толстов С. П. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг.—ТХЭ, II, 1958, с. 35—57, рис. 12 (карта-схема первобытных памятников на Узьбое).

<sup>23</sup> О работах 1952 г. см.: Толстов С. П. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг., с. 66—68; Игина М. А. Памятники первобытной культуры Верхнего Узьбоя.—ТХЭ, II, 1958, с. 255—304.

<sup>24</sup> О работах 1953 г. см.: Игина М. А. Памятники первобытной культуры Верхнего Узьбоя, с. 275; Низовья Амударьи. Сарыкамыш, Узьбой. История формирования и заселения (МХЭ, 3, 1960, с. 174—179) (там же археолого-геоморфологическая карта Присарыкамышской дельты).

<sup>25</sup> О работах 1954 г. см.: Толстов С. П. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1954 г.—СВ. 1955, № 6, с. 108, 109; Игина М. А. Работы Узьбойского отряда в 1954 г.—КСИЗ, XXVI, 1957, с. 105—113.

Дингильдже и Анга-кала. На стоянке Анга-кала 5 культурный слой сохранился, а в тех местах, где он подвергся разрушению, была обнаружена тазабагыябская керамика, которую С. П. Толстов датировал XIII—XII вв. до н. э.<sup>26</sup>

В изучении памятников эпохи бронзы Хорезма 1954 год явился как бы поворотным моментом.

С 1954 г. начались продолжающиеся по сей день работы на территории самой восточной из амударьинских дельт — Акчадарьинской дельты. Как выяснилось, все исследованное ранее в Правобережном Хорезме памятники эпохи неолита и бронзы были расположены как раз в зоне действия протоков Южной Акчадарьинской дельты. Ее три основных русла, отходя от Амударьи несколько выше широты г. Турткуль, устремлялись к северо-востоку и севернее горы Кокча вновь соединялись при входе в так называемый Акчадарьинский коридор. Пройдя его, они разбивались вновь на сеть русел, образовывавших Северную Акчадарьинскую дельту, по которой шел сток непосредственно в Арал (подробно об Акчадарье см. главу II).

В результате Акчадарьинских маршрутов 1954—1956 гг. было обнаружено множество памятников эпохи неолита<sup>27</sup> и бронзы<sup>28</sup>. Акчадарьинский маршрут 1954 г. был проведен в западной части Южной Акчадарьинской дельты, где были открыты стоянки в районе крепости Базар-кала и к юго-западу от горы Кокча. Крупная стоянка — Каунды 1 — была обнаружена к западу от Восточного русла Акчадарьи, в районе колодца Каунды, на внутридельтовом пространстве. Обследованы были также коренной восточный берег дельты (этот цикл работ проведен А. С. Кесь и Н. Н. Вактурской) между колодцами Каунды и Джингельды, коренной северный берег в районе горы Кокча и крепости Курганин-кала, район к северу от остановой возвышенности Дижанбаб<sup>29</sup>. Археолого-топографический отряд работал в юго-западной части дельты, в районе крепостей Дингильдже и Базар-кала. В Северной Акчадарьинской дельте были открыты стоянки Камышлы 1 и 2.

Стоянки в западной части Южной дельты, кроме стоянок Кокча 2 и Базар 2, в основном дали материал, который был отнесен к позднему этапу суярганской культуры, т. е. к концу II тысячелетия до н. э. Стоянки Кокча 2 и Базар 2 (на последней проведены раскопки)<sup>30</sup> были охарактеризованы как комплексы, свидетельствующие о возможности сосуществования на определенном этапе тазабагыябской и суярганской культур, так как в них представлен смешанный материал<sup>31</sup>. Открытие стоянок Камышлы 1 и 2 дало основание для постановки вопроса о выделении раннего этапа суярганской культуры, датируемого первой половиной II тысячелетия до н. э.<sup>32</sup>, и позднего, датируемого концом II тысячелетия до н. э. К позднему этапу суярганской культуры были отнесены также крупные стоянки, как Базар 1 и Каунды 1, на которых сохранились остатки культурного слоя. Стоянка Базар 9 была отнесена к еще более позднему времени — к амрабадской культуре, т. е. к началу I тысячелетия до н. э.

Коренной берег Южной дельты содержал смешанный материал — неолитический кельтеминарский (в районе колодца Каунды), тазабагыябский (повсеместно), позднесуярганский и амрабадский (особенно в районе колодца Джингельды).

В Северной дельте наиболее массовыми оказались находки так называемой варварской керамики, датируемой примерно серединой I тысячелетия до н. э.

В 1954 г. вновь сделано два крупных открытия. Найдены грунтовой могильник эпохи бронзы Кокча 3, принадлежащий тазабагыябской культуре. В этом году было раскопано 16 погребений, датированных третьей четвертью II тысячелетия до н. э.<sup>33</sup> Большим событием явилось также открытие археолого-этнографическим отрядом остатков ирригационных сооружений эпохи бронзы в виде арыков и небольших полей на стоянках Базар 3, Кокча 1 и близ могильника Кокча 3, которые были датированы XIII—XII вв. до н. э.<sup>34</sup>

В 1955 г. вновь был пройден Акчадарьинский маршрут, который охватил в основном самую северную часть Южной дельты близ начала Акчадарьинского коридора, Акчадарьинский

<sup>26</sup> Толстов С. П. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг., с. 90, 91, рис. 42, 43.

<sup>27</sup> Виноградова А. В. Неолитические памятники Хорезма, с. 11—15.

<sup>28</sup> Все работы по исследованию памятников эпохи бронзы велись при участии или под руководством автора. Расположение всех основных стоянок см. на картах-схемах в книгах: Пизовы Амударьи, Сарыкаманы, Узбой; Толстов С. П. По древним дельтам Оса и Яксарта, М., 1962.

<sup>29</sup> Толстов С. П. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1954 г., с. 95—103.

<sup>30</sup> Пизовы Амударьи, Сарыкаманы, Узбой..., с. 120—123.

<sup>31</sup> Толстов С. П. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1954 г., с. 98—99.

<sup>32</sup> Толстов С. П. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1954—1956 гг., — МХЭ, 1, 1959, с. 4—5.

<sup>33</sup> Толстов С. П. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1954—1956 гг., с. 8.

<sup>34</sup> Толстов С. П., Андрианов Б. В. Новые материалы по истории развития ирригации в Хорезме. — ИСЭО, XXVI, 1957, с. 5—7.

коридор, Северную дельту до участка чуть севернее Чимбайского тракта.

Большая группа неолитических и энеолитических стоянок была обнаружена южнее и юго-восточнее колодца Таджи-Казаган<sup>35</sup>, там же открыто несколько стоянок тазабагыбской культуры. В Акчадарыньском коридоре найдена позднеэнеолитическая стоянка Куралы 1<sup>36</sup>.

В Северной дельте была зафиксирована лишь одна неолитическая стоянка — Барактама 10<sup>37</sup>. Восемь стоянок на останцовых песчаных буграх внутри Северной дельты, в ее южной части, содержали керамику, сходную с найденной на стоянках Камышлы 1 и 2. Весь этот комплекс в целом был выделен в камышлинскую культуру — ранний этап суярганской культуры. Именно после работ 1956 г. были намечены три этапа в развитии суярганской культуры: ранний (камышлинский), переходный (базаркалийский) и поздний (каундинский)<sup>38</sup>. При этом вновь подчеркивалось южное происхождение носителей суярганской культуры. При обследовании останцовых возвышенностей Буагуд и Уч-Таган обнаружено несколько небольших тазабагыбских стоянок. Стоянки восточного коренного берега дельты в основном поздние, скорее амрабадские (Бальджан 1).

По северо-западной окраине Северной дельты, к северу от Барактама, близ русловых протоков найдена керамика тазабагыбского типа и открыты две стоянки этой культуры — Барактама 10 и Тюяк-бай 2<sup>39</sup>. Важным итогом маршрута 1955 г. явилось установление факта незаселенности Северной дельты в эпоху неолита в отличие от Южной. Это дало основание полагать, что Северная дельта была обводнена не ранее рубежа III и II тысячелетий до н. э.<sup>40</sup>

В 1955 г. были продолжены и закончены раскопки могильника Кокча 3<sup>41</sup>. В том же году был пройден Южнокызылдумский маршрут<sup>42</sup>, открывший две большие стоянки Беш-Булак и Лявлякан и положивший начало последующим большим работам во Внутренних Кызылдумках, которые ведутся и поныне.

В 1956 г. обследование Северной дельты было завершено. Акчадарыньский маршрут

1956 г. охватил ее северную часть, вплоть до выхода к Аральскому морю. Тогда же велись исследования ее русловых протоков, соприкасающихся с Жанадарыем. На останцовых песчаных грядках было открыто множество стоянок с очень фрагментарным керамическим материалом эпохи развитой и в основном поздней бронзы позднеэнеолитического типа<sup>43</sup>.

В 1956 г. начались работы на тазабагыбской стоянке Анга 5, где был раскопан дом 1<sup>44</sup>. Стоянка расположена на внутридельтовом пространстве в Южной дельте. Тогда же А. В. Виноградов начал раскопки дома на тазабагыбской стоянке Кават 3<sup>45</sup>, расположенной в северо-западной части дельты, на берегу руслового протока.

В том же году В. Н. Ягодин обследовал поселение амрабадской культуры Кават 2<sup>46</sup>, расположенное на русле в 2 км к востоку — юго-востоку от Кават-калы.

Работы 1951—1956 гг. по изучению древних русел Амударьи, включившие Узбойские маршруты 1951—1952, 1954 гг., Заунгузский маршрут 1953 г. (на территории Присарыкамьшской дельты), Сарыкамьшские маршруты 1952, 1954, 1956 гг., Акчадарыньские маршруты 1954—1956 гг., проводившиеся с участием геоморфологов, сопровождающиеся как широким использованием данных аэрофотосъемки, так и специальной археологической аэрофотосъемкой, выполненной сотрудником экспедиции инженером Н. И. Игойным, дали хорошие результаты. Прежде всего был накоплен огромный археологический материал, который вкпе с геоморфологическими данными дал возможность наметить схему функционирования амударыньских дельт в разные хронологические периоды, в том числе на протяжении эпохи первобытности<sup>47</sup>. Детально велось изучение первобытных памятников Акчадарыньской дельты, где интересующие нас памятники эпохи бронзы представлены наиболее полно. Наконец, первобытная археология Хорезма, не прекращая разведок, вступила в период раскопок и перестала базироваться пусть на многочисленном, но все же подъемном материале.

Итогом работ 1951—1956 гг. было значительное расширение ареала памятников кельтеминарского типа. Верхнеузбойская неолитическая культура, распространяемая также и на

<sup>35</sup> Низовья Амударьи, Сарыкамьш, Узбой..., с. 76—80; Виноградов А. В. Неолитические памятники Хорезма, с. 121—125.

<sup>36</sup> Низовья Амударьи, Сарыкамьш, Узбой..., с. 75.

<sup>37</sup> Там же, с. 76.

<sup>38</sup> Толстов С. П., Игина М. А. Проблема суярганской культуры.— СА, 1963, № 1, с. 14 сл.

<sup>39</sup> Игина М. А. Первобытная керамика Хорезма.— ТХЭ, IV, 1959, с. 51—53.

<sup>40</sup> Толстов С. П. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция 1955—1956 гг.— СА, 1958, № 1, с. 111.

<sup>41</sup> См.: Могильник бронзового века Кокча 3.— МХЭ, 5, 1961.

<sup>42</sup> Вакурская Н. Н. О поездке в Южные Кызылдумы в 1955 г.— МХЭ, 1, 1959, с. 39—51.

<sup>43</sup> Низовья Амударьи, Сарыкамьш, Узбой..., с. 130—132.

<sup>44</sup> Игина М. А. Новые стоянки тазабагыбской культуры (работы 1956 г.)— МХЭ, 1, 1959, с. 52—61.

<sup>45</sup> Там же, с. 64, рис. 9.

<sup>46</sup> Ягодин В. Н. Поселение амрабадской культуры Кават 2.— МХЭ, 6, 1963, с. 130—140.

<sup>47</sup> См.: Низовья Амударьи, Сарыкамьш, Узбой... (археолого-геоморфологические карты-схемы).

территории Присарыкамьской дельты, была квалифицирована как локальный вариант кельтеминарской. Однако следует подчеркнуть, что вывод этот был сделан только на основании сходства кремневого инвентаря, так как стоянки верхнеузбойской культуры не содержали керамики.

В периодизацию культур эпохи бронзы были внесены существенные коррективы<sup>48</sup>.

Тазабаягская культура рассматривалась уже как пришая, сформировавшаяся в степях Южного Приуралья, в зоне контакта срубно-андроновских племен, и имеющая характерные для этих культур черты<sup>49</sup>. Ее проникновение в низовья Амударьи было отнесено к третьей четверти II тысячелетия до н. э., и, таким образом, постулируется раньше С. П. Толстовым гипотеза о генетической связи ее с неолитической кельтеминарской культурой синамалас.

Суярганская культура по-прежнему считалась принадлежащей выходцам из южных областей, но хронологические рамки ее значительно расширились: она охватывала теперь все II тысячелетие до н. э., а не только его конец. Было высказано предположение, что на раннем, камышинском, этапе (начало II тысячелетия до н. э.) она сосуществовала с кельтеминарской, на среднем, базарклинском, этапе (середина II тысячелетия до н. э.) произошло смешение суярганской культуры с тазабаягской, причем вторая в значительной степени ассимилировала первую; на позднем, каундинском, этапе (XI—IX вв. до п. э.) суярганская культурная традиция вновь вышла вверх.

Слабым местом этой периодизации была неопределенность судеб кельтеминарской культуры и очень невыразительный характер памятников, относящихся к раннему этапу суярганской культуры. Последнее обстоятельство на фоне четко выраженных тазабаягских и позднесуярганских комплексов было особенно заметно.

Представление об открытой ранее амрабадской культуре не изменилось, так как принципиально новых находок не было. Важнейшим итогом работ того времени явилась возможность, благодаря не только большому количеству материала, но и комплексному характеру исследований, рассмотреть отдельные этапы истории

племен, населявших Южное Приуралье в эпоху первобытности, высказать предположение о той роли, которую они играли в обществотических процессах, протекавших на территории степей Евразии во II тысячелетии до н. э., наметить линии культурных связей между ними и населением южных областей — носителями цивилизации переднеазиатского типа<sup>50</sup>.

Большой опыт, накопленный во время многолетних комплексных маршрутных работ, естественно привел к тому, что мы научились по малозаметным, казалось бы, внешним признакам и с учетом данных стратиграфии находок обнаруживать поселения с сохранившимися культурным слоем.

С 1957 г. все основные работы Хорезмской экспедиции по исследованию памятников эпохи бронзы в Южной Акчадарьинской дельте стали стационарными. В 1957 г. были продолжены и закончены работы на стоянке Анга 5, где был раскопан дом 2, сохранившийся лучше, чем дом 1. Раскопана половина дома-полуземлянки на стоянке Кават 3<sup>51</sup>. Археолого-топографический отряд вел работы в районе Кум-калы, где была найдена тазабаягская керамика. На одном из акчадарьинских русел, в районе замка Якке-Парсан, была обнаружена целая группа амрабадских поселений, одно из которых, Якке-Парсан 2, было особенно большим и близ него сохранились следы оросительной сети<sup>52</sup>.

В 1957 г. на поселении был собран подъемный материал и снят план. В том же году, на берегу того же русла, где находилась стоянка Кават 3, была открыта развалины кельтеминарская стоянка Кават 5, а южнее, в урочище Дингильдже, — стоянка Дингильдже 6<sup>53</sup>.

В 1958 г. были закончены раскопки тазабаягской стоянки Кават 3<sup>54</sup> и начаты раскопки амрабадского поселения Якке-Парсан 2. На нем было раскопано четыре дома-полуземлянки — 11—14<sup>55</sup>. С 1958 г. начато обследование южного протока Сырдарьинской дельты — Инкардарьи. В 1958 г. был обследован нижний участок русла, где в урочище Жалпак обнаружены позднеэнеолитические стоянки, и

<sup>48</sup> *Игнina М. А.* Опыт картографирования памятников первобытной культуры древней дельты Амударьи. — В кн.: Материалы Второго совещания археологов и этнографов Средней Азии. М.—Л., 1959, с. 235—240; *Толстов С. П., Игнina М. А.* Проблема суярганской культуры, с. 14—25.

<sup>49</sup> Напомним, что предположение о принципе характере тазабаягской культуры было высказано И. Г. Гулязовым, но он ставил ее вне круга срубно-андроновских влияний (*Гулязов И. Г.* История орошения Хорезма..., с. 54).

<sup>50</sup> *Игнina М. А.* Стенные племена Среднеазиатского Междуречья во второй половине II — начале I тысячелетия до н. э. — СЭ, 1962, № 3.

<sup>51</sup> *Игнina М. А.* Раскопки стоянок тазабаягской культуры в 1957 г. — МХЭ, 4, 1960.

<sup>52</sup> *Толстов С. П., Воробьева М. Г., Рапопорт Ю. А.* Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1957 г. — МХЭ, 4, 1960, с. 5—8.

<sup>53</sup> *Виноградов А. В.* Новые неолитические находки Хорезмской археологической экспедиции АН СССР 1957 г. — МХЭ, 4, 1960, с. 63—81.

<sup>54</sup> *Игнina М. А.* Раскопки стоянки Кават 3 в 1958 г. — МХЭ, 6, 1963, с. 103—106.

<sup>55</sup> *Толстов С. П., Жданко Т. А., Игнina М. А.* Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1958—1961 гг. — МХЭ, 6, 1963, с. 9, 10.

средний, где в урочище Камысты были зафиксированы стоянки с керамиче- ственной бронзы (руководитель работ С. П. Толстов)<sup>56</sup>.

В 1959 г. велись раскопки на поселении Якке-Парсан 2, где были раскопаны три дома-полуземлянки (8—10) и расчищены большие площадки к западу от домов на берегу канала и к северу от дома 14<sup>57</sup>. Продолжались маршрутные работы на Инкардарье, где на плато Тагискен был открыт могильник поздней бронзы (руководитель работ С. П. Толстов). Тогда же были произведены рекогносцировочные раскопки мавзолеев 7<sup>58</sup>. В том же году в урочище Баян, также на Инкардарье, были обследованы развешенные стоянки эпохи поздней бронзы<sup>59</sup>.

В 1961—1963 гг. велись стационарные раскопки могильника Тагискен (руководитель работ М. А. Итина).

На плато Тагискен, давшем название некрополю, оказалось два могильника — Северный и Южный.

Северный Тагискен<sup>60</sup> был местом погребения племенных вождей и их приближенных в эпоху поздней бронзы. Могильник содержал мавзолей, построенные из сырцового кирпича, и пристройки к ним. Погребения совершались по обряду трупосожжения, сопровождалась богатым инвентарем, но еще в древности были разграблены, так что хорошо сохранилась лишь керамика, которая составляет великолепный комплекс.

Южный Тагискен<sup>61</sup> — курганный могильник раннесакского времени (VII—V вв. до н. э.), содержащий трупоположения и трупосожжения на древнем горизонте и в могильных ямах. Он также ограблен в древности, но сохранил все же выразительный комплекс вооружения, кон-

ского убора, причем предметы конского убора выполнены в зверином стиле.

В 1964 г. работы по изучению памятников эпохи бронзы вновь целиком переместились на Акчадарью. Были закончены раскопки на поселении Якке-Парсан 2, где был вскрыт северный ряд домов (24, 26—28), каждый из которых содержал два помещения, соединенных проходом. Была вновь обследована группа поселений в 1,5 км к западу от Якке-Парсан 2, расположенная по обоим берегам четко выраженного в рельефе руслового протока. Поселение Якке-Парсан 14 сохранило остатки наземных жилищ, три из которых были раскопаны.

1964 год ознаменовался крупным открытием, честь которого принадлежит археолого-топографическому отряду, руководимому Б. В. Андриановым. На внутрирельефовом пространстве между возвышенностями Кокча и Джанбас и частично на правом берегу Восточного Акчадарьинского русла, в его южной части, было обнаружено множество поселений эпохи бронзы (судя по скудному подъемному материалу) с великолепно сохранившейся ирригационной сетью того же времени. Этот район, своеобразный заповедник эпохи бронзы, стал объектом наших исследований в последующие годы.

В 1965 г. в этом районе велись раскопки на двух поселениях — Кокча 15 и 16<sup>62</sup>. На первом было раскопано четыре дома-полуземлянки (2 (восточная половина), 4, 6, 9), на втором — два (1 и 3). Были сняты планы обоих поселений с их разветвленной ирригационной сетью. На площадке, обследованной в 1964 г. археолого-топографическим отрядом, были проведены пешие маршруты и открыто около 30 домов-полуземлянок. В 1,5 км к юго-западу от стоянки Джанбас 4 было открыто поселение Джанбас 30, состоящее из трех домов, один из которых был раскопан<sup>63</sup>. Тогда же разведгруппа (руководитель работ А. В. Виноградов), занимавшаяся обследованием коренного берега Южной дельты в ее южной и юго-восточной частях, открыла стоянку эпохи бронзы Байрам-Казган 2, расположенную на склоне песчаной гряды неподалеку от русла. Этим же коллективом при шурфовке близ стоянки Джанбас 4 на глубине более 1,5 м, под слоем суглинки, был обнаружен культурный слой с керамиче- ственной неолитического воз-

<sup>56</sup> Виноградов А. В. Новые материалы для изучения кельтешанской культуры. — МХЭ, 6, 1963, с. 91—97; Толстов С. П., Жданко Т. А., Итина М. А. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1958—1961 гг., с. 32, 33.

<sup>57</sup> Итина М. А. Поселение Якке-Парсан 2 (раскопки 1958—1959 гг.). — МХЭ, 6, 1963, с. 107—128.

<sup>58</sup> Керамику из мавзолея 7 см.: Толстов С. П. Результаты историко-археологических исследований 1961 г. на древних руслах Сырдарьи. — СА, 1962, № 4, с. 134, рис. 9.

<sup>59</sup> Толстов С. П., Жданко Т. А., Итина М. А. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1958—1961 гг., с. 33.

<sup>60</sup> О работах на Северном Тагискене см.: Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Якарста, с. 80—87; Итина М. А. Южное и Восточное Приаралье в эпоху первобытности. — В кн.: Очерки истории Каракалпакской АССР, т. I. Ташкент, 1964, с. 32—38.

<sup>61</sup> О сакском могильнике Тагискен см.: Толстов С. П., Итина М. А. Саки низовьев Сырдарьи (по материалам Тагискена). — СА, 1966, № 2, с. 151 сл.; Вишняковская О. А., Итина М. А. Ранние саки Приаралья. — Сб.: Проблемы скифской археологии. М., 1971, с. 197—208.

<sup>62</sup> Итина М. А. О месте тазабатгябской культуры среди культур степенной бронзы. — СЭ, 1967, № 2, с. 72—75; она же. Древнехорезмийские земледельцы. — Сб.: История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968, с. 75—86.

<sup>63</sup> Кесс А. С., Виноградов А. В., Итина М. А. Палеогеография района возвышенности Джанбас и история его древнейшего освоения. — Сб.: Земли древнего орошения и перспективы их сельскохозяйственного использования. М., 1969, с. 160, 161.

раста — предположительно остатки жилища (стоянка Джанбас 31).

В 1966 г. были продолжены работы на поселении Кюкча 15, где помимо раскопок (дома 2, 3, 5, 7) велись исследования ирригационной сети. На поселении Кюкча 15А был раскопан дом 1, на поселении Джанбас 33 — дома 1 и 2, на поселении Байрам-Казаган 2 — дом 1<sup>64</sup>. На ряде поселений были заложены шурфы.

Задачей Акачдарынского маршрута 1967 г. явилось тщательное обследование Северной дельты. Удалось установить, что основная масса стоянок находится в песках, по краям внутридельтовых гряд и останцовых возвышенностей, причем самые ранние из них (не считая камышлинских) — тазабагыбские и амрабадские (поскольку речь идет об эпохе бронзы). Никаких следов ирригации на внутридельтовом пространстве не обнаружено<sup>65</sup>.

В Южной дельте было повторно обследовано поселение Каунды 1, где раскопан дом 1. Повторно обследован коренной восточный берег дельты между колодцами Каунды и Джингельды. Найдено много неолитических стоянок в районе колодца Каунды. На стоянке эпохи бронзы Каунды 14 раскопаны остатки жилища. На такырах между коренным берегом и руслом открыта стоянка Джингельды 10 с домами и плохо сохранившейся ирригационной сетью. Вблизи поселения Джанбас 33 на склоне песчаной гряды было открыто поселение Джанбас 34 с остатками наземных жилищ и большими россыпями керамики андроновского типа. Был раскопан один дом и проведены сборы подъемного материала.

В 1969 г. велись рекогносцировочные раскопки стоянки Джингельды 10 и продолжались раскопки стоянки Джанбас 34. Обследование некоторых пунктов в Южной дельте, где в свое время были зафиксированы крупные россыпи керамики эпохи бронзы, подтвердило наше предположение о том, что эти россыпи содержат тот же материал, что и найденный на стоянке Джанбас 34. Так мы открыли непосредственные следы проникновения на территорию Южного Приаралья ственных племен из Южного Приуралья и Западного Казахстана.

В 1975 г. были продолжены исследования тазабагыбских поселений в Южной дельте. Были раскопаны поселения Джанбас 21 и 30.

Параллельно с работами в Южном Приаралье отряд экспедиции (руководитель А. В. Виноградов) с 1965 г. ведет работы во Внутренних

Кызылкумах<sup>66</sup>. Исследования на древних протоках Зеравшана, в районах бессточных впадин (Аякагитма, Ливлякан, Минбулак), в горах Тамды-тау и Букап-тау выявили огромное количество неолитических стоянок, энеолитические стоянки, а также менее значительные находки керамики эпохи бронзы, преимущественно алакульского времени.

Что же касается кызылкумского неолита, то его представляют, по мнению А. В. Виноградова, локальные варианты или отдельные культуры кельтеминарского типа, которые вместе с собственно кельтеминарской культурой на Акачдарье могут быть объединены в единую этнокультурную общность<sup>67</sup>.

В связи с проектом переброса части стока вод сибирских рек в бассейн Аральского моря с 1971 г. были возобновлены работы в низовьях Сырдарьи, имеющие целью составление археолого-геоморфологической карты земель древнего орошения для нужд их последующего нового освоения. В результате на Средней Инкардарье открыты стоянки эпохи бронзы (андоновская культура), однако из-за интенсивного освоения этих мест в античное время и в средние века первобытные памятники на Сырдарье сохранились плохо и число их невелико.

Крупнейшим событием среднеазиатской первобытной археологии явились открытие и раскопки в 1972—1974 гг. неолитического могильника Тумеккичиджик на территории Присарык-камышской дельты Амударьи<sup>68</sup>.

Если попытаться подвести итог сделанному за последние 15 лет, то мы увидим, что именно этот период, подготовленный опытом, накопленным в предшествующие годы, дал принципиально новые результаты. Так, углубленные стационарные исследования поселений эпохи бронзы, начавшиеся в 1956 г., были продолжены на качественно новом этапе в 1965 г., после открытия скопления этих поселений в районе Кюкча — Джанбас (где к тому же, как мы уже отметили, прекрасно сохранилась древняя ирригационная сеть). Раскопки стоянок тазабагыбской и амрабадской культур на территории Южной дельты дали новый и хорошо документированный материал для истории расселения, хозяйства, форм общественной организации, типов мате-

<sup>64</sup> Голдстоу С. П., Игитов М. А., Виноградов А. В. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция. — АО 1966 г. М., 1967, с. 303—305.

<sup>65</sup> Игитов М. А. Акачдарынский маршрут. — АО 1967 г. М., 1968, с. 335, 336.

<sup>66</sup> См.: Виноградов А. В., Мамедов Э. Д. Первобытный Ливлякан. Этапы древнейшего заселения и освоения Внутренних Кызылкумов. — МХЭ, 10, 1975.

<sup>67</sup> Виноградов А. В. О локальных вариантах неолитической культуры Кызылкумов. — КСЧА, 122, 1970, с. 31—35; Виноградов А. В., Мамедов Э. Д. Первобытный Ливлякан, с. 263.

<sup>68</sup> Вайсберг Б. И. Могильник Тумеккичиджик в Северной Туркмении. — АО 1972 г. М., 1973, с. 476; Виноградов А. В. Работы на могильнике Тумеккичиджик в Северной Туркмении. — АО 1973 г. М., 1974, с. 300.

риальной культуры племен, населявших низовья Амударьи в эпоху бронзы.

Исследования в низовьях Сырдарьи позволили наметить пути заселения этой дельтовой области в эпоху первобытности, высказать предположения об ареалах расселения племен эпохи степной бронзы на этой территории, увидеть следы этнических перемещений там, где мы предполагали их теоретически. Наконец, именно в низовьях Сырдарьи были открыты замечательные погребальные сооружения Тагискена, которые еще раз показали, сколь велика была роль южных земледельческих цивилизаций в развитии культур стеной бронзы и сколь значительна была роль населения Южного Приаралья как посредника в передаче этих южных элементов культуры.

В результате разведочных и стационарных работ этого периода появилась необходимость внести некоторые коррективы в периодизацию первобытных культур древнего Хорезма. Для эпохи неолита это было сделано А. В. Виноградовым. Прежде всего он сократил ареал собственно кельтеминарской культуры, распространив его только на территорию Акчадарьинской дельты. Он разделил время существования кельтеминарской культуры на три периода — ранний, средний и поздний, заключив их в пределы второй половины IV — рубежа III—II тысячелетий до н. э. Стоянки в районе Аральска — Саксаульской и западнее (Северное Приаралье), которые раньше были отнесены к позднему этапу кельтеминарской культуры, А. В. Виноградов предложил связать с другой этнокультурной общностью, распространенной в Западном Казахстане, основной вариант которой находится, видимо, в Южном Зауралье<sup>69</sup>.

Периодизация культур эпохи бронзы в результате исследований последних 15 лет охватывает большой хронологический период: все II и начало I тысячелетия до н. э.

Помимо суярганской и тазабაгыбской культур к культурам эпохи бронзы отнесена и амрабадская культура, ранее датировавшаяся ранним железным веком.

Суярганская культура на ее раннем камышином этапе представляет культуру аборигенов Южного Приаралья в начале II тысячелетия до н. э.

Формирование в середине II тысячелетия до н. э. тазабагыбской культуры на базе смешения культур срубно-андроновских пришельцев и местной, суярганской, привело к поглощению местного культурного компонента и преобладанию срубно-андроновского. Время тазабагыбской культуры — середина — вторая половина II тысячелетия до н. э.

В конце II тысячелетия до н. э. (XI—X вв. до н. э.) на базе развития тазабагыбской культурной традиции и в результате вновь проявившегося влияния местной, суярганской, формируется амрабадская культура, расцвет которой приходится на X—VIII, IX—VIII вв. до н. э. Есть все основания включить в хронологические рамки амрабадской культуры поздний, каундинский, этап суярганской, так как ее памятники порой просто неотличимы от амрабадских. Утверждение, что для амрабадской культуры характерны длинные глинобитные дома (стоянка Джанбас 7), не подтвердилось. Дома амрабадцев — прямоугольные полуземлянки столбовой конструкции (поселение Якке-Парсан 2), такие же, как и дома на тазабагыбских поселениях. Тазабагыбскую и амрабадскую культуры можно с уверенностью отнести к так называемому кругу культур стеной бронзы Евразии, однако носителей и той и другой существенно отличает от населения степей Евразии знакомство с ирригационным земледелием, развитию которого способствовали не только благоприятные географические и климатические условия, но и постоянные контакты с земледельческим Югом.

То новое, что дали исследования прошедших лет для истории племен, населявших Южное Приаралье в эпоху бронзы, — основной источник настоящего исследования. История этих племен, их контакты с северным степным и южным земледельческим мирами, характер их хозяйства, облик материальной культуры, возможные формы общественной и семейной организации — вот круг вопросов, которому посвящены последующие главы книги.

<sup>69</sup> Виноградов А. В. Неолитические памятники Хорезма, с. 155.

## ПАЛЕОГЕОГРАФИЯ ЮЖНОГО ПРИАРАЛЬЯ

Палеогеография Юго-Восточного Приаралья неразрывно связана с историей двух крупнейших рек Средней Азии — Амударьи и Сырдарьи. Стремлясь восстановить историю племен, населявших в глубокой древности степные просторы Среднеазиатского Междуречья, мы неизбежно столкнемся с необходимостью рассматривать ее в тесной связи с историей функционирования древней гидрографической сети, ибо в условиях аридной зоны существование человека зависело в первую очередь и главным образом от источников воды.

Именно в таком аспекте вела свои исследования Хорезмская экспедиция, и сейчас история формирования, функционирования и заселения человеком древних русел Амударьи уже достаточно хорошо изучена<sup>1</sup>. Однако тема нашего исследования и продолжающееся накопление фактов заставляют нас снова обратиться к этой проблеме. Напомним, что в глубокой древности, в плиоценовое время, Пра-Амударья несла свои воды в Каспийскую впадину, а ее отложения, подвергавшиеся воздействию ветра, образовали мощные песчаные массивы Кара-

кум<sup>2</sup>. Пра-Сырдарья проходила к югу от основного массива Кызылкумских песков, соединяясь с системой Пра-Амударьи. В позднем плейстоцене, преградив себе прежний путь на запад своими же наносами, Амударья резко изменила направление течения и потекла на север, в сторону Аральского моря. На протяжении трех этапов, на которые делится история Амударьи в тот период, были сформированы три крупные дельты: Акчадарьинская, расположенная к востоку от современных русла и дельты Амударьи; Присарыкамьшская, расположенная далеко к западу от Амударьи; Приаральская, находившаяся между указанными выше дельтами, непосредственно к югу от Аральского моря.

К моменту поворота Амударьи на север к югу от Аральской впадины существовала обширная Хорезмская впадина, а в 50—70 км к западу от нее — Сарыкамьшская. Амударья после поворота на север в ранневалуйское время сбрасывала воду в Хорезмскую впадину, образовав здесь обширное озеро. Затем, когда южная часть низины заполнилась дельтовыми наносами, в отступившее к северу Хорезмское озеро продолжала впадать только часть протоков Амударьи, а большая их часть отклонилась к востоку. В 50 км к северо-востоку от г. Турткуль эти протоки сливались в единую мощную реку, которая текла на север, через так называемый Акчадарьинский коридор. При выходе из коридора Амударья делилась на целую сеть протоков, сформировавших Северную Акчадарьинскую дельту. При этом часть протоков продолжала впадать в Хорезмское озеро с северо-востока, а часть — в Аральскую впа-

<sup>1</sup> См.: Назовья Амударьи, Сарыкамьш, Узбой, История формирования и заселения (МХЭ, 3, 1960); Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948; он же. По следам древнехорезмьшской цивилизации. М., 1948; он же. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962; Толстов С. П., Кесь А. С. Проблема древнего течения Амударьи в свете новейших геоморфологических и археологических данных. — В кн.: Материалы ко Второму съезду Географического общества СССР. М., 1954, с. 141—145; Кесь А. С. Природные факторы, обуславливающие расселение древнего человека в пустынях Средней Азии. — КСИЭ, XXX, 1958, с. 7—12; Виноградов А. В., Игита М. А., Кесь А. С., Мамедов Э. Д. Палеогеографическая обусловленность расселения человека в пустынях Средней Азии. — Сб.: Первообытный человек, его материальная культура и природная среда в илеистонине и голонине. М., 1974, с. 290—295.

<sup>2</sup> История формирования амударьинских русел дельты по А. С. Кесь. См.: Назовья Амударьи, Сарыкамьш, Узбой..., с. 17—23.



дину. Так шло формирование Акчадарыньских дельт — Южной, на месте южной части Хорезмской впадины, и Северной — между западными Кызылкумами и возвышенностью Бельтау. Позднее, в позднехвалыское время, когда дельты Акчадары в основных чертах были сформированы, воды Хорезмского озера прорвались через западную перемычку, отделяющую Хорезмскую впадину от Сарыкамьшской, и потекли в последнюю, потянув за собой и всю Амударью. Так началось формирование Присарыкамьшской дельты Амудары. Сарыкамьшская впадина заполнилась водой и превратилась в обширное озеро глубиной до 100—110 м. Вода переполнилась Сарыкамьшскую впадину и потекла на юг по Верхнеузбойскому коридору, размывая встречающиеся на пути песчаные перемычки и застоявшиеся котловины. Так образовалась новая река Узбой, впадавшая в Каспийское море на протяжении позднехвалыского времени и голоцена. Так вдоль северной окраины пустыни Каракум сформировалась долина Узбой длиной в 550 км, которая прекрасно сохранилась и до настоящего времени.

Все эти процессы происходили задолго до появления человека, и лишь на протяжении последних пяти с половиной тысяч лет история амударыньских русел тесно связана с историей человечества. Объектом нашего пристального внимания будет Акчадарыньская дельта Амудары, ибо следы расселения племен эпохи бронзы в виде многочисленных стоянок сосредоточены в основном на территории Акчадары. Связано это с новым обводнением всей системы протоков Акчадары, на чем мы подробно остановимся ниже, но, забегая вперед, скажем, что еще в период формирования Присарыкамьшской дельты часть вод Амудары периодически сбрасывалась в Южную Акчадарыньскую дельту. Однако стока на север по Акчадарыньскому коридору, видимо, не было, и это привело к тому, что на протяжении IV—III тысячелетий до н. э. Южная дельта была заболочена и человек селился в песках на коренном берегу или на склонах останцовых возвышенностей внутри дельты. Только на рубеже III—II или в начале II тысячелетия до н. э., когда формирование Присарыкамьшской дельты было в основном завершено, а главная масса вод Амудары потекла вновь на восток по акчадарыньским протокам и прорвалась по Акчадарыньскому коридору на север, Южная Акчадарыньская дельта начала постепенно осушаться, и ее внутридельтовое пространство было заселено людьми.

На основании современных наблюдений Акчадарыньская дельта «простирается к северу и северо-востоку от города Турткуля, пересекает Кызылкумы и тянется до Аральского моря. На юге она... имеет форму треугольника,

вершина которого расположена вблизи города Турткуля, а основание — на севере у подножий Султануиздага и Кызылкумов, где ширина дельты достигает 90 км. В меридиональном направлении дельта тянется на 70 км. У северо-восточного угла треугольника аллювиально-дельтовая равнина резко сужается и занимает лишь днище узкого коридора, прорезающего Кызылкумы ... Общая протяженность коридора — около 75 км; севернее аллювиально-дельтовая равнина Акчадары резко расширяется, приобретая снова треугольную форму. Южной и юго-восточной сторонами треугольника здесь являются Кызылкумы, а северной — возвышенность Бельтау (в западной части) и пески юго-восточного Приаралья (в восточной). На северо-востоке Акчадарыньская дельта сливается с дельтой Жанадары, а на западе с современной дельтой Амудары»<sup>3</sup>. На территории Южной дельты Акчадары отчетливо прослеживаются три крупных русла шириной в несколько сот метров и глубиной свыше 10 м.

Западное русло, отгибая с запада и севера гору Кокча, входит в Акчадарыньский коридор. Среднее русло, которое начинает проследоваться в районе Кой-Крылгап-калы — Ангаккалы, направляясь к северу, к Базар-кале, и далее к северо-востоку, в район горы Кокча. Восточное русло, которое начиналось где-то близ Среднего, отгибает с юга возвышенность Джанбас, а потом тянется к северу вдоль западной границы высоких песков Кызылкум, часто подходя к ним и местами подтопляя межрядовые понижения. Примерно на широте горы Кокча Среднее и Восточное русла сливались и устремлялись в Акчадарыньский коридор. По выходе из коридора воды Акчадары вновь расчленяются на три основных русла — Восточное, Среднее и Западное, очень четко выраженные в рельефе. При этом Западное русло, которое принимало ближе к Бельтау широтное направление, впоследствии в западной части было перекрыто наносами восточных протоков современной Амудары. Среднее и Восточное русла, в северной своей части связанные между собой широтными протоками, впадали в юго-восточные заливы Аральского моря. Восточные протоки Восточного русла были позднее перекрыты сырдарыньскими наносами.

Отличительной особенностью Южной дельты является то, что территория ее, помимо трех главных русел, расчленена разветвленной сетью русловых протоков, которые на современной дневной поверхности читаются или в виде неглубоких и не очень широких сухих русел, или в виде такрных полос шириной от 10 до 30 м, выделяющихся на поверхности лишь иным со-

<sup>3</sup> Низовья Амудары, Сарыкамьш, Узбой..., с. 35.

ставом литологических отложений. Эти такырные полосы представляют собой полностью затленные русловые протоки. В Северной дельте столь расчлененной сети русловых протоков нет.

Такова в нескольких словах конфигурация Акчадарынской дельты в том виде, в котором она фиксируется исследованиями последних лет<sup>4</sup>.

Недостаток места не позволяет нам специально остановиться на истории исследования Акчадары<sup>5</sup>, к тому же это уведо бы нас в сторону от основной темы.

Комплексные археолого-географические работы Хорезмской экспедиции, проводившиеся на территории Акчадарынской дельты с 1954 г. с широким применением аэрометодов, с использованием при наземных работах материалов крупномасштабной аэрофотоъемки, явились новым этапом в изучении древних русел Амударьи. Один из итогов этих работ — приведенное нами описание древних амударыньских русел и в частности Акчадары. Однако при всей важности выяснения вопроса о конфигурации Акчадары и других древних русел Амударьи наибольший интерес представляют проблемы времени стока амударыньских вод по этим руслам и истории населения, жившего в зоне их действия, в решении которых большую роль играет археология. Следует подчеркнуть, что все дельты Амударьи функционировали в строгой зависимости друг от друга, а потому, хотя в центре нашего внимания находится Акчадарыньская дельта, мы неизбежно должны будем затронуть вопрос о времени стока вод Амударьи и по другим ее руслам. Кроме того, нам придется коснуться и истории древнейших протоков Сырдарыньской дельты, обводненность которых сыграла немаловажную роль в истории расселения племен на территории Южного Приаралья в эпоху первобытности.

IV—III тысячелетия до н. э. Узбой был живой, текущей рекой, по нему шел сток амударыньских вод в Каспий. Его берега и берега прирусловых озер усеяны стоянками неолитических охотников и рыболовов<sup>6</sup>. Совершенно очевидно, что та же картина должна наблюдаться и на берегах Присарыкамьинской дельты и Сарыкамьинского озера, так как Присарыкамьинская дельта, Сарыкамьинское озеро и Узбой — это звенья одной цепи, результатом функционирования которой и является сток

амударыньских вод в Каспий. И действительно, на южном берегу Присарыкамьинской дельты (северная граница Заунгузских Каракумов)<sup>7</sup> и в южных заливах Сарыкамьина<sup>8</sup> открыты неолитические стоянки, датированные III тысячелетием до н. э.

В этот период стока в Арал не было: ни в Акчадарыньском коридоре, ни в Северной Акчадарыньской дельте нет никаких находок того времени. Однако Южная Акчадарыньская дельта была подтоплена и довольно сильно, причем из-за отсутствия стока на север она к тому же была сильно заболочена. Степень ее обводненности на разных участках и в разные хронологические периоды на протяжении неолита была, видимо, различной.

Как уже говорилось, неолитические стоянки кельтемишарек культуры, обнаруженные на территории Южной дельты, были отнесены А. В. Виноградовым к трем группам — ранней, средней и поздней<sup>9</sup>.

К ранней группе, датированной второй половиной IV тысячелетия до н. э.<sup>10</sup>, относятся нижний слой стоянки Джанбаас 4, а также стоянки Куяк 1 и Кават 5. Первые две расположены в юго-восточной части дельты, причем стоянка Джанбаас 4 — на склоне останковой возвышенности Джанбаас, а Куяк 1 — в котловине выдувания, у восточной границы дельты в Кызылкумских песках. Таким образом, и та и другая находятся на относительно высоких отметках и подтверждают тезис о сильной обводненности дельты в то время. Видимо, не противоречит этому и топография стоянки Кават 5, которая расположена в западном районе дельты, значительно западнее одного из основных русел Южной дельты — Западного русла. Стоянка Кават 5 находилась на берегу руслового протока, ширина которого достигает 100—150 м, а глубина от уровня современной дневной поверхности доходит местами до 3 м и более. Расположение стоянки на берегу русла, на внутридельтовом пространстве, не исключает тезиса о сильном подтоплении дельты в то время, так как, во-первых, интенсивность подтопления на разных ее участках была, конечно, различной, во-вторых, отметка древней дневной поверхности каватских такыров могла быть достаточно высокой.

Значительная обводненность Южной дельты наблюдается на протяжении всего III тысячелетия до н. э. Это довольно стабильное в целом состояние водного режима может, види-

<sup>4</sup> Пизовья Амударьи, Сарыкамьин, Узбой.... карта между с. 34 и 35; см. также: *Лидриана В. В.* Древние оросительные системы Приаралья. М., 1969.

<sup>5</sup> По этому поводу см.: Пизовья Амударьи, Сарыкамьин, Узбой.... с. 35—37; *Игнко М. А.* Средняя Азия на карте Страденберга.—СЗ, 1974, № 1, с. 70—83.

<sup>6</sup> Пизовья Амударьи, Сарыкамьин, Узбой.... с. 267—315 (там же библиография).

<sup>7</sup> Пизовья Амударьи, Сарыкамьин, Узбой.... с. 147—178.

<sup>8</sup> Там же, с. 205—232.

<sup>9</sup> *Виноградов А. В.* Неолитические ламитики Хорезма.—МЭ, 8, 1968, с. 143.

<sup>10</sup> Там же, с. 152.

мо, несколько различаться на отдельных участках дельты. Культурный слой стоянки Кават 5, например, полностью смывает, и основная масса находок собрана прямо в русле, в то время как жилище стоянки Кават 7, относящееся, по А. В. Виноградову, к следующему, среднему, хронологическому периоду и датированное первой половиной — серединой III тысячелетия до н. э.<sup>11</sup>, подверглось лишь развеванию, хотя расположено оно на берегу того же русла. По наблюдениям А. В. Виноградова, времени существования стоянки Кават 7 предшествовало несколько подтоплений, одно из которых было весьма значительным<sup>12</sup>. Может быть, именно оно явилось причиной разрушения стоянки Кават 5.

Последний, поздний, этап кельтеминарской культуры датируется второй половиной III — рубежом III—II тысячелетий до н. э.<sup>13</sup> Характерно, что все стоянки и отдельные находки того времени располагаются в тех же условиях — или в песках на границе дельты, по берегам ее краевых протоков и стариц, или близ возвышенности Джанбас. Стоянки того времени обнаружены и в южной части Акчадарынского коридора (таджиказганская группа стоянок)<sup>14</sup> и на его левом берегу, ближе к северному концу (стоянка Куралы 1)<sup>15</sup>. В большинстве случаев стоянки располагались в межгрядовых понижениях, близ воды.

Основная группа таджиказганских стоянок расположена на довольно высоких отметках у начала коридора. Восточнее него, на более низких отметках, находятся стоянки Таджики-Казган 6 и 8, где наряду с неолитическим материалом встречена керамика эпохи бронзы. То же явление наблюдается и на восточной границе дельты. Основная группа стоянок локализуется в том месте, где Восточное русло Акчадары довольно близко подходит к высоким грядам песков Кызылжум. Особенно это относится к каундинской группе стоянок (в районе колодца Каунды), то же можно сказать и о стоянках в районе колодца Байрам-Казган. Но, как и в случае с таджиказганскими стоянками, находки обнаружены на более высоких и более низких отметках, но никогда непосредственно на берегу русла. Правда, на берегу основных крупных русел мы вообще не находили стоянок

первобытного человека; видимо, жить было удобнее поблизости от воды, но в песках, в местах, защищенных от разливов и ветра. Однако разные уровни позднекельтеминарских стоянок — возможное свидетельство того, что на протяжении указанного хронологического периода режим дельты менялся. Как мы уже писали, в Северной Акчадарынской дельте ни на внутридельтовом пространстве, ни на коренном берегу стоянки эпохи неолита не найдены.

Были, правда, исключения, которые требовали объяснения. К ним относится открытие неолитической стоянки Барак-там 10, расположенной в 10—11 км к северо-западу от замка IV в Барак-там, на западном склоне большого песчаного массива, на внутридельтовом пространстве<sup>16</sup>, а также находка в шурфе близ того же замка кремневого концевое скребка, лежавшего в тонком слое болотных отложений на глубине 18 см от уровня современного такыра, который к тому же в IV в. был еще по крайней мере на 30 см выше<sup>17</sup>. Стоянка и скребок обнаружены в северной части Северной дельты, что при отсутствии стоянок эпохи неолита на всей площади Северной дельты вызывало недоумение. Позднее территория эта была обследована дополнительно. В котловинах выдувания на склонах песчаных массивов было обнаружено еще множество стоянок, и среди них три — Барак-там 13, 18 и 19 — с неолитическим материалом. Ни одна из этих стоянок не представляет собой чистого комплекса, в каждой из них присутствует и более поздний материал, но одно несомненно — неолит здесь есть.

На барактамских стоянках, если не считать стоянку Барак-там 10, изделий из кремния или кварцита нет, но керамика достаточно выразительна. Это фрагменты тонкостенных лепных сосудов, покрытых, видимо, по всему тулову или на  $\frac{2}{3}$  геометрическим прочерченным или штампованным орнаментом. Очень часто орнаментирован и бережок сосуда. Штамм встречен различных: мелкозубчатый, «гусеничный», гребенчатый и т. д. Южнее стоянки Барак-там 22 на склоне песчаного массива встречен фрагмент керамики, украшенный характерными отсками «качалки». Керамика эта позднелинитическая и может быть датирована концом III — рубежом III и II тысячелетий до н. э.

Эти находки вновь заставили задуматься над тем, за счет каких вод могли существовать все эти стоянки, если, судя по отсутствию неолитических стоянок на большей части территории Северной дельты, стока в Арал по Акчадарь в неолите не было.

<sup>11</sup> Виноградов А. В. Неолитические памятники Хорезма, с. 143, 152.

<sup>12</sup> Там же, с. 66.

<sup>13</sup> Там же, с. 152.

<sup>14</sup> Низовья Амударья, Сарыкамш, Узбой..., с. 76—81; Виноградов А. В. Неолитические памятники Хорезма, с. 121—125.

<sup>15</sup> Низовья Амударья, Сарыкамш, Узбой..., с. 75; Виноградов А. В. Неолитические памятники Хорезма, с. 125.

<sup>16</sup> Низовья Амударья, Сарыкамш, Узбой..., с. 75—76.

<sup>17</sup> Там же, с. 76.

После находки стоянки Барак-там 10 была сделана попытка объяснить это тем, что сухие в то время протоки Северной дельты могли подпитываться сырдарынскими водами по системе Жанадарья<sup>18</sup>. Мысль эта представляется нам и сейчас весьма плодотворной, только, по-видимому, речь должна идти применительно к эпохе неолита не о Жанадарье, а об Инкардарье, которая, как впоследствии и Жанадарья, впадала в Арал примерно там же, где и Акчадарья.

Древняя дельта Сырдарьи расположена между современным руслом и северной окраиной возвышенной песчаной равнины Кызылкум. Этот огромный треугольник заполнен бесчисленным количеством староречий, тянущихся то в широтном, то в меридиональном направлениях.

Надо сказать, что далеко не все русла прослеживаются беспрерывно на всем их протяжении, очень часто они фиксируются лишь в виде отдельных отрезков. Кроме того, они по-разному выражены в рельефе. Иногда это хорошо проработанные русла с прирусловыми валами, иногда они сильно разветвлены, в ряде случаев это так называемые тактарные русла, известные и по наблюдениям в Акчадарынской дельте.

К моменту появления человека на территории Сырдарынской дельты стадия ее широкого обводнения была в основном завершена, хотя отдельные системы русел могли функционировать, периодически сменяя друг друга<sup>19</sup>. Одной из них была, видимо, система русел Инкардарья.

Протоки Инкардарья, в настоящее время не представляющие единого целого, занимают площадь, вытянутую как в широтном, так и в меридиональном направлениях. Иными словами, беря начало где-то южнее Кызыл-Орды, Инкардарья текла в Арал, часто меняя свое русло, перемещая его, а потому можно говорить о системе русел Южной Инкардарьи, Средней и Северной. При этом на более северных участках Инкардарья выражена лишь отдельными отрезками русел. Южная Инкардарья, идущая вдоль края коренных Кызылкумских песков, более четко прослеживается как единое русло. В нижнем и среднем течении системы Инкардарьи были обнаружены стоянки эпохи неолита и бронзы (конец III — начало I тысячелетия до н. э.). Так, например, группа позднеэнеолитических стоянок, датированных концом III — началом II тысячелетия до н. э.,

была открыта в урочище Жалпак<sup>20</sup> в нижнем течении Инкардарьи (предположительно в системе русел Средней Инкардарьи).

Таким образом, сток сырдарынских вод по Инкардарье бесспорно происходил в конце III — начале II тысячелетия до н. э., и наше предположение о подпитывании этими водами акчадарыньских русел Северной дельты, видимо, не лишено основания. Очевидно, подтопление акчадарыньских русел водами Инкардарьи было не слишком интенсивным, так как все перечисленные выше стоянки Северной дельты расположены в котловинах выветривания на склонах песчаных массивов, близ русла, причем уровень дна этих котловин был немногим выше, чем уровень береговой террасы.

По-видимому, наиболее поздней в этой группе стоянок является стоянка Барак-там 14, в керамике которой наряду с признаками, характерными для неолита (употребление мелкозубчатого штампа, сохранение в орнаменте вертикальных лент, заполненных каплевидными насечками), встречается уже элементы, характерные для эпохи бронзы, к которым можно отнести выделение горизонтального орнаментального пояса на горле сосуда, появление орнамента типа меандра и т. д.

Но и эта стоянка расположена еще на низких отметках и в случае сильного обводнения должна была быть затоплена.

Если на рубеже III и II тысячелетий до н. э. стока в Арал по Акчадарье еще не было, тогда соответственно отодвигаются во времени крупное подтопление Южной дельты, прорыв вод в Северную дельту и сток в Арал — события, датированные ранее предположительно именно этим временем<sup>21</sup>.

С другой стороны, если это подтопление произошло несколько позже, в начале II тысячелетия до н. э., хотя бы в конце его первой четверти, тогда можно понять находку в шурфе близ Барак-тама скребка, погребенного под более поздними акчадарыньскими отложениями, и малое количество находок эпохи ранней бронзы, сосредоточенных к тому же не на внутридельтовом пространстве Южной дельты, которое могло быть сильно затоплено, а на ее коренном берегу. Наконец, более поздним подтоплением Северной дельты можно объяснить и то, что все стоянки развитой и поздней бронзы обнаружены там на склонах больших песчаных массивов, а не на внутридельтовом пространстве. Вода, видимо, держалась здесь долго.

Однако, как бы не датировалось подтопление Северной дельты, возникает мысль, что оно

<sup>18</sup> Низовия Амурдарья, Сарыкамьин, Узбой..., с. 76.

<sup>19</sup> Анурашова Б. В., Игина М. А., Кесъ А. С. Земли древнего орошения юго-восточного Приаралья: их происхождение и перспективы освоения. — СЗ, 1974, № 5, с. 52 (там же карта-схема).

<sup>20</sup> Виноградов А. В. Новые материалы для изучения кельтменарской культуры. — МХЭ, 6, 1963, с. 91—97.

<sup>21</sup> Низовия Амурдарья, Сарыкамьин, Узбой..., с. 345.

явилось результатом последнего, наиболее мощного напыла воды в Южную Акчадарьинскую дельту, которому предшествовали другие, более ранние и менее сильные. В этот предшествующий период основной сток амударьинских вод шел по Узбою в Каспий, а Южная Акчадарьинская дельта лишь дополнительно подпитывалась водой.

Археолого-геоморфологические исследования в районе стоянки Джанбас 4 показали, что стоянки второй половины III — рубежа III и II тысячелетий до н. э., т. е. позднекельтеминарские, расположены на коренных грядах с более высокими отметками по сравнению с уровнем дневной поверхности более ранних стоянок<sup>22</sup>. То же самое можно сказать и о стоянках в урочищах Каунды и Таджи-Казаган, но там, особенно в урочище Таджи-Казаган, встречаются стоянки и на более высоких и на более низких отметках. По-видимому, на протяжении 500—600 лет облик культуры радикально не менялся, а условия жизни были разными. Возможно, что стоянки с более низкими отметками могут быть приурочены к промежуточным периодам с меньшей обводненностью. Эти же исследования весьма наглядно продемонстрировали, сколь мощным и продолжительным было подтопление, вызвавшее сток в Арал. Вслед за рядом подтоплений, в том числе сезонных, отложивших толщу суглинков, перекрывающих неолитический культурный слой, район стоянки Джанбас 4 был подвергнут затоплению, в результате которого отложился значительная толща алевроитов, мощностью не менее 2—2,5 м<sup>23</sup>. Видимо, стоянки эпохи бронзы (середина II тысячелетия до н. э.) располагались на уже осушенной поверхности этих алевроитов, которые за прошедшие тысячелетия были уничтожены процессами дефляции, и керамика с этих стоянок спроецировалась на современную дневную поверхность.

Топография стоянок эпохи бронзы дает возможность сделать заключения о палеогеографии изучаемого района, но наиболее четко фиксируемые хронологически комплексы относятся ко времени не ранее XVI—XV вв. до н. э. Если даже считать, что верхняя дата кельтеминарских комплексов — начало II тысячелетия до н. э., образуется лакуна в 200—300 лет.

Те немногие находки керамики, которые могут быть отнесены к первой половине II

тысячелетия до н. э., не представляют комплексов. Они найдены, как правило, на коренном берегу, в песках. На внутридельтовом пространстве, на такырах мы их не находим. Степень обследованности Южной Акчадарьинской дельты такова, что, если бы эти комплексы сохранились до наших дней в достаточном количестве, их нельзя было бы не заметить. Быть может, причиной всему этому является ошибка в нашей хронологической классификации? Но, как мы увидим в дальнейшем, это маловероятно, так как «дотннуть» памятники развитой бронзы до позднекельтеминарских невозможно, равно как невозможно еще более «омолодить» позднекельтеминарскую культуру. Скорее всего отсутствие или крайняя малочисленность находок эпохи ранней бронзы связаны с естественно-географическими причинами. Прежде всего следует подчеркнуть, что сохранность первобытных памятников на различных участках Южной дельты различна. В западной половине дельты они сохранились значительно хуже вследствие того, что эти земли использовались и в античное и в средневековое время, на их территории происходил сброс вод и в новое время, производились он и в наши дни. Кроме того, распространенные на этом участке древней дельты барханные пески сильно разрушили такыры и обнажили культурный слой стоянок, который под действием ветра и воды уничтожается. Все сказанное не позволяет рассчитывать на массовые находки ранних памятников в этих местах. Здесь найдена лишь одна развешенная стоянка кельтеминарской культуры Дингильдже 6<sup>24</sup>, большинство обнаруженных здесь стоянок датируется второй половиной II тысячелетия до н. э., и почти все они тоже развешены.

Иное дело восточная и юго-восточная часть дельты. Здесь, как мы уже говорили, достаточно хорошо сохранились неолитические стоянки и стоянки эпохи бронзы. Значит ли это, что данный участок дельты был более густо заселен? Может быть и так, но тогда основная причина и его большей заселенности, и сохранности культурного слоя стоянок эпохи неолита, и отсутствия там массовых находок эпохи ранней бронзы — в его большей по сравнению с другими участками дельты обводненности. Этот участок представляет собой идеальное поле деятельности для геоморфологов и археологов, так как территория Южной Акчадарьинской дельты между Средним и Восточным руслами и между последним и границей высоких кызылкумских гряд в античное время освоена не

<sup>22</sup> Кесъ А. С., Виноградов А. В., Игнina М. А. Палеогеография района возвышенности Джанбас и история его древнего освоения. — Сб. Земли древнего орошения и перспективы их сельскохозяйственного использования. М., 1969, с. 159.

<sup>23</sup> Кесъ А. С., Виноградов А. В., Игнina М. А. Палеогеография района возвышенности Джанбас..., с. 163—165.

<sup>24</sup> Виноградов А. В. Новые неолитические находки Хорезмской экспедиции АН СССР 1957 г. — МХЭ, 4, 1960, с. 66—78.

была, кроме ее западного края: остальная площадь, по-видимому, затоплялась сбросовыми водами из каналов. Восточное русло четче других выражено в рельефе, оно глубоко вреzano, очень широко, и по нему, видимо, шел интенсивный сток на протяжении длительного времени. Непосредственно у берегов русла мы не находим стоянок, что, несомненно, служит одним из доказательств его значительной обводненности. Еще одним доводом в пользу этого предположения является уже упоминавшийся слой суглинков и алевроитов, который перекрывает культурные слои неолитических стоянок в районе стоянки Джанбаб 4. Этот слой в зависимости от древнего песчаного рельефа может быть различным, но все же мощность его в целом была очень значительной. Отдельные находки керамики эпохи ранней бронзы по краю песков заставляют думать, что, возможно, где-то и должно быть скопление стоянок этого времени. Можно предположить, что во второй четверти II тысячелетия до н. э. уже шел процесс дренирования Южной дельты. Может быть, люди в то время селились на берегах протоков на внутридельтовом пространстве, занимаясь простейшим ирригационным земледелием, но неустойчиво водного режима дельты и все еще значительная ее обводненность в тот период и на этом участке, возможно, привели к уничтожению большей части стоянок того времени.

В южной части Северной Акчадаринской дельты, в межгрядовых понижениях больших песчаных массивов, на высотах отметок была найдена керамика, отнесенная к первой половине II тысячелетия до н. э. (камышлинская культура)<sup>25</sup>.

Проведенное нами в 1967 г. детальное маршрутное обследование южной части Северной дельты не обнаружило новых пунктов находок этой керамики. Видимо, население Северной дельты несколько более раннего и этого времени было весьма малочисленным. Во-первых, это может быть связано с ее сильным подтоплением. Во-вторых, условия существования в Северной и Южной дельтах различались, причиной чего прежде всего были климатические различия: в Северной дельте климат, видимо, как и сейчас, был более суровым.

С XVI—XV вв. до н. э. в топографии стоянок на территории Акчадаринской дельты происходят изменения, свидетельствующие о новых переменах в режиме дельты.

Стоянок, датируемых серединой — второй половиной II тысячелетия до н. э. и началом I тысячелетия до н. э., очень много. Они относятся к развитой и поздней бронзе и распола-

гаются в различных топографических условиях. При этом продолжают сохраняться различия между топографией стоянок Южной и Северной дельты, а потому о каждой из дельт мы будем говорить особо.

Постоянный сток вод Амударьи по Акчадарье в Арал, естественно, привел к постепенному дренированию Южной дельты. Здесь, помимо упомянутых трех главных русел, прорабатывается сложная система боковых протоков, на берегах которых и жили люди. Таким образом, в отличие от эпохи неолита, в эпоху бронзы люди селились на внутридельтовом пространстве, на такырах. Водный режим дельты был весьма неустойчив, немалую роль играли сезонные разливы. Отражением этих процессов явились суглинисто-супесчаные наслоения, залповидные котлованы жилищ-полуземлянок эпохи бронзы и отложившиеся вокруг них, на площади поселений. Культурный слой всех стоянок эпохи бронзы в Южной дельте сохранился лишь в котлованах жилищ, под своеобразной суглинистой «пробкой». На окружающей их площади, как правило, оп развеели, и находки обычно лежат прямо на современной дневной поверхности, как бы сиренировавшиеся на ней в результате интенсивных дефляционных процессов. В течение всего периода существования стоянок эпохи бронзы крупных подтоплений, кроме сезонных, видимо, не было. Дозаказательством этому служат стоянки, датируемые эпохой поздней бронзы — IX—VIII вв. до н. э. Они расположены практически на тех же такырах, что и более ранние стоянки эпохи развитой бронзы, и стратиграфия их аналогична стратиграфии последних. Эти и другие данные подтверждают, что в эпоху бронзы в целом шел постепенный процесс затухания Акчадаринской дельты, который в середине II тысячелетия до н. э. привел к ее отмиранию и полному установлению стока по современной Приаральской дельте.

Картографирование стоянок эпохи бронзы и различия в степени их сохранности позволяют сделать некоторые интересные заключения. На внутридельтовом пространстве все стоянки эпохи бронзы расположены на берегах небольших дельтовых протоков между тремя основными руслами. Территория к западу от Среднего русла сохранила много стоянок, но в основном все они развеели (см. схем. в конце книги, рис. 87). Исключение составляют лишь стоянки Ангика 5 и Кават 3, где сохранились остатки домов. В восточной части дельты, между возвышенностями Кокча и Джанбаб и особенно на внутридельтовом пространстве между Средним и Восточными руслами, было обнаружено скопление стоянок эпохи бронзы с остат-

<sup>25</sup> Пизовы Амударьи, Сарыкамын, Узбой..., с. 83—87.

ками домов и сохранившимся культурным слоем (см. рис. 87). На песчаном коренном берегу, в котловинах выдувания встречаются стоянки развитой бронзы, но их сравнительно немного. Они содержат небольшой по количеству материал, при этом культурный слой на них отсутствует. Видимо, основная масса населения благодаря умеренному водному режиму дельты жила на внутридельтовом пространстве, занимаясь ирригационным земледелием, а находки в песках на коренном берегу — это остатки стоянок пастухов, пасших стада здесь же, недалеко от дома.

О причинах различной степени сохранности памятников в западной и восточной частях Южной дельты мы уже писали.

Восточная часть дельты позднее II тысячелетия до н. э. освоена человеком не была, и это в значительной мере способствовало сохранности первобытных памятников в этом районе. Характерно и другое. Стоянки эпохи развитой бронзы обнаружены в дельте повсеместно, то во время как стоянки поздней бронзы конца II — начала I тысячелетия до н. э. концентрируются между Средним и Западным руслами и в северо-западной части дельты к югу от хребта Султануздага, в зоне действия широтных протоков Акчадары. Здесь могут быть два объяснения: или восточная часть дельты была в то время сильно обводнена, или, напротив, процесс усыхания Акчадары на этом участке был уже необратим. Скорее можно предположить второе. Видимо, к этому времени в дельтовых протоках воды уже не было, ведение сельскохозяйственного хозяйства было невозможно. Может быть, по основному Восточному руслу небольшой сток еще был, но воду использовали лишь для нужд скотоводства. Одним из доказательств этого служит скопление стоянок конца II — начала I тысячелетия до н. э. в песках на восточном коренном берегу (особенно много их близ колодца Джингельды).

Обилие стоянок эпохи поздней бронзы в западной части дельты может быть объяснено как раз обратным — видимо, на этом участке в дельтовых протоках еще была вода, что доказывают, в частности, следы ирригационной сети, обнаруженные на стоянках Базар 3, 8, 10, 11 и Кокча 1 (см. рис. 87).

В северо-западной части дельты, в районе стоянок Кават 2 и Якке-Парсан 2, мы тоже встречаем ирригационную сеть. На поселении Якке-Парсан 2 (IX—VIII вв. до н. э.) в качестве каналов были использованы русловые протоки, что вряд ли могло быть возможным при нормальном водном режиме дельты. Видимо, воды в дельте было уже мало. Однако и тогда бывало, что во время паводка каналы переполнялись и заливали какие-то участки поселения.

Так было и на поселении Якке-Парсан 2. Поскольку в это время уже шел процесс формирования Приаральской дельты, можно предположить, что данный участок Южной Акчадаринской дельты, связанный с широтными руслами южнее Султануздага, через них во время паводка подпитывался водой из Амударьи. О том, что по крайней мере в VII в. до н. э. в одном из этих русел, в 1,5 км к западу от Якке-Парсан 2, была вода, мы можем судить по расположенной на его берегу стоянке Якке-Парсан 14. Это поселение из небольших наземных жилищ типа шалашей принадлежало скотоводам.

Исследования показали, что на внутридельтовом пространстве Северной дельты, точнее — на такырах вдоль русел, никаких следов поселений и ирригации эпохи развитой бронзы, подобных найденным в Южной дельте, нет. Да и весь облик рельефа Северной дельты отличается от рельефа Южной. В Северной дельте нет такой мелкокоразветвленной системы русел, более обширные площади такыров, очень характерны останцовые возвышенности в более северной части и крупные, вытянутые меридионально песчаные массивы по всей ее площади. Стоянки эпохи бронзы располагаются в межгрядовых понижениях этих массивов, обычно в первом из них. При этом песчаная гряда, отделяющая площадь стоянки от такыра, не очень высока, а отметка дна котловины выше современной поверхности такыра не более чем на 0,5 м. Можно предположить, что это были стоянки скотоводов, которые и в наши дни живут в песках, там, где пасется их скот. Вода была, видимо, в руслах, но кроме того во время сезонных разливов она заливала такыры и проникала в межгрядовые понижения в тех местах, где гряды выклинивались. Получались своеобразные заливы, близ которых в котловинах селились люди. Так обстояло дело в эпоху развитой бронзы, та же картина наблюдается и в эпоху поздней бронзы. Топография стоянок того времени остается прежней, но увеличивается их количество и площадь каждой из них, нередко одна стоянка занимает несколько примыкающих друг к другу котловин. Надо думать, что если в Южной дельте развивалось сельскохозяйственно-скотоводческое хозяйство, то в Северной — отгонное или полукочевое скотоводство. Северная дельта с ее густой растительностью на песчаных массивах была и остается прекрасным местом выпаса. И почему не предположить, что, как это происходит и сейчас, земледельцы Южной дельты в древности пасли свои стада на севере?

Следует подчеркнуть, что никаких материалов античного времени на территории Северной дельты не обнаружено, и тезис, согласно кото-

рому в середине I тысячелетия до н. э. стока по Акчадаре уже не было, представляется нам бессорным<sup>26-27</sup>.

Сток сырдарьинских вод по системам Инкардары продолжался и в эпоху бронзы. Здесь, однако, надо иметь в виду, что позднейшая проработка Жанадарьей своего русла, в систему которого вошли отдельные отрезки Инкардары, сопровождалась, видимо, подтоплением и, возможно, уничтожением целого ряда стоянок. Наконец, район Инкардары был широко освоен и в античное время, и в средние века, что тоже никак не способствовало сохранению памятников эпохи первобытности. Тем не менее отсутствие стоянок и очень небольшое число отдельных находок эпохи бронзы на берегах Южной Инкардары заставляют нас предположить, что в эпоху бронзы стока по Южной Инкардаре не было. Стоянки (Тас 1, 3) и отдельные находки (урочище Кок-Селгир) обнаружены по берегам протоков системы Средней Инкардары. Характерно, что все они найдены на берегу русел, в открытых в сторону русла котловинах выдувания, на склонах песчаных гряд или просто на такыре на берегу русла (стоянка Тас 1, поздняя бронза).

Большинство материалов со Средней Инкардары датируется концом II — началом I тысячелетия до н. э., т. е. эпохой поздней бронзы. Наиболее ранний комплекс — стоянка Тас 3 (третья четверть II тысячелетия до н. э.). Если бы, как мы предположили, можно было связать со Средней Инкардарьей и отрезок русла в западной части дельты, на котором были найдены позднеэолитические жалнакские стоянки, тогда можно было бы считать, что в конце III — начале I тысячелетия до н. э. система Средней Инкардары функционировала. Берега ее протоков заселяли племена, основой хозяйства которых было скотоводство. Последнее обстоятельство может объяснить отдельные находки керамики эпохи бронзы по краю Кызылкумских нескво даже при условии, что Южная Инкардарья в тот период не функционировала. Древние скотоводы, как и теперь, пасли посезонно свои стада в песках, они и оставили уноминавшуюся выше керамику. Думается, что базировались они скорее всего не только на колодцы, но и на протоках Средней Инкардары, которую от коренных нескво отделяло сравнительно небольшое расстояние.

<sup>26-27</sup> Низовья Амударьи, Сарыкамыш, Узбой..., с. 137. Б. В. Андрианов пишет, что каналы архаического времени, т. е. VI—V вв. до н. э. еще базировались на воде Акчадары (Андрианов В. В. Древние оросительные системы Приаралья, с. 118 и сл.), однако на прилагаемой им схеме архаический Кельтенинар показан параллельным сухому Акчадарьинскому руслу, из чего вовсе не следует, что он питался водами Акчадары (Там же, с. 120, рис. 34, А).

Судя по тому, что и на Инкардарье, и в Северной дельте Акчадары стоянки начала I тысячелетия до н. э. расположены уже на такыре, у русла, можно предположить, что в то время сток по этим русловым системам был слабым и людям уже не грозил разлив паводковых вод.

Итак, основной сток Амударьи в эпоху бронзы шел по Акчадаре в Арал. Был ли в это время сток по Присарыкамьшской дельте в Сарыкамыш и далее в Узбой? Как мы уже знаем, в неолите основной сток шел по Узбою в Каспий, а Южная Акчадарьинская дельта выхода к Аралу не имела. В эпоху бронзы ситуация меняется, и естественно предположить, что в Сарыкамыш попадало гораздо меньше воды, и еще неизвестно, достигала ли она критической отметки, обеспечивающей сток по Узбою. Имеющиеся у нас материалы не дают возможности выйти за рамки предположений.

Внутридельтовая равнина Присарыкамьшской дельты была широко освоена позднее, в античности и в средние века. Самое раннее из известных на территории ее внутридельтового пространства поселение — Куясай 2 — датируется временем не ранее VII в. до н. э.<sup>28</sup> В этой связи было высказано предположение, что остатки культуры эпохи бронзы погребены под более поздними отложениями<sup>29</sup>. Это предположение вполне основательно, но возникает еще один вопрос. Находки эпохи бронзы на коренном берегу дельты единичны. В Южной дельте Акчадары при большом количестве стоянок внутри дельты на коренном берегу мало стоянок развитой бронзы, но много отдельных находок керамики того времени, а стоянок с керамикой поздней бронзы уже довольно много. Здесь же, в Присарыкамьшской дельте, ничего подобного не наблюдается. Освоенность дельты в более позднее время не могла помешать сохранению находок эпохи бронзы в песках. Мы и сейчас в одной котловине выдувания очень часто находим керамику эпохи бронзы, средневековую и современную. Так что дело здесь обстоит, видимо, сложнее. Показательно, что и на Узбое находок керамики эпохи бронзы очень мало. Огромное количество стоянок эпохи неолита найдено непосредственно на берегу русла, но уже в перетолженном состоянии. Если бы по руслу Узбой в эпоху бронзы был постоянный сток, находки эти были бы немедленно смыты и не сохранились бы лежащими на берегу (Верхний Узбой, район Кугунке-

<sup>28</sup> Вильберг Б. П. Куясайская культура раннего железного века в Присарыкамьшской дельте Амударьи. — Ученые среднеазиатской археологии, 3, Л., 1975, с. 42 сл.

<sup>29</sup> Низовья Амударьи, Сарыкамыш, Узбой..., с. 179.



Куртыш). Малое количество находок керамики эпохи бронзы на коренном берегу Присарыкамьшской дельты и вдоль Узбой заставляет думать, что регулярного стока вод Амударьи в Узбой в то время уже не было. Все же скотоводы эпохи бронзы ориентировались в основном на поверхностные воды, и там, где такие источники воды существовали (например, Акчадаринская дельта), они и пасли свои стада, а следы их пребывания сохранились в виде стонков до наших дней.

Все это заставляет думать, что во второй половине II тысячелетия до н. э. уже шел процесс усыхания Узбой, однако отсутствие по нему регулярного стока не исключает возможности функционирования, пусть слабого, Присарыкамьшской дельты. Можно было бы предположить, что Присарыкамьшская дельта в эпоху бронзы являла собой ту же картину, что и Южная Акчадаринская в эпоху неолита, т. е. сток по руслам Присарыкамьшской дельты был, но не интенсивный и, возможно, не постоянный, а вся территория дельты была сильно заболочена. Однако прямая параллель здесь невозможна, так как из Присарыкамьшской дельты сток в Сарыкамьш все же был, а из Южной дельты Акчадарьи в неолите стока в Арал не было. Если же допустить, что Присарыкамьшская дельта в эпоху бронзы была заболочена, возможность жизни на ее коренном берегу все же не исключается, а находок того времени, как мы говорили, там до удивления мало. Тогда, может быть, более вероятно предположение о недостаточной обводненности Присарыкамьшской дельты, а оно в свою очередь влечет за собой возникновение еще одной гипотезы.

Дело в том, что система Акчадарьи не могла пропустить всю массу амударьинских вод, и при условии слабой обводненности Присарыкамьшской дельты приходится предположить, что был еще какой-то третий путь, по которому устремлялись воды Амударьи. Не исключено, что как раз в это время, т. е. во второй половине II тысячелетия до н. э., и началась проработка русел современной Приаральской дельты Амударьи. Археологически это подтвердить нельзя, так как площадь современной дельты настолько освоена, что найти там следы пребывания первобытного человека просто невозможно. Однако такое предположение вполне допустимо, особенно если вспомнить, что в середине I тысячелетия до н. э. Акчадарьи уже не функционировала и сток шел по Приаральской дельте, а на процесс проработки ее русел нужно было время.

Материалы комплексных работ Хорезмской экспедиции на староречьях Амударьи и Сырдарьи привлекались широким кругом исследо-

вателей, в том числе и географами. Однако в ряде случаев, используя наши материалы в своих работах, их авторы приходили к выводам, основания для которых собранные нами факты не дают. К числу таких авторов следует отнести в первую очередь А. В. Шнитникова, теория которого о ритмичной смене климатических циклов находит сторонников и среди археологов<sup>30</sup>. Сформулированная А. В. Шнитниковым теория изменчивости общей увлажненности была апробирована им и на среднеазиатском материале<sup>31</sup>. Забегая вперед, отметим, что А. В. Шнитников широко использовал результаты комплексных работ Хорезмской экспедиции на древних амударьинских руслах, но при этом почему-то совершенно обошел молчанием книгу «Низовья Амударьи, Сарыкамьш, Узбой...» (М., 1961), которая подводила итог всем этим исследованиям и в которой опубликованы подробные археолого-геоморфологические карты. В книгу, изданную в 1969 г., А. В. Шнитников включил в качестве одной из глав статью 1961 г.<sup>32</sup>, не обогатив ее, однако, никаким дополнительным материалом, хотя за это время вышли в свет монографии С. П. Толстова<sup>33</sup> и ряд статей, принадлежащих перу сотрудников Хорезмской экспедиции и содержащих новые факты.

Как известно, А. В. Шнитников, исходя из своей теории, пришел к выводу, что «общей увлажненности свойственны ритмические колебания» и что «наиболее продолжительным является ритм длительностью несколько менее

<sup>30</sup> См., например: *Забнепровский Ю. А.* Древнеземледельческая культура Ферганы.— МИА, № 118, 1962, с. 72, 73; *Косарев М. Ф.* Некоторые особенности древней истории Томско-Нарымского Приобья в свете данных палеогеографии (II и I тысячелетия до н. э.).— СА, 1971, № 2, с. 39—41; *он же.* О причинах и социальных последствиях древних миграций в Западной Сибири.— СА, 1972, № 4, с. 22.

<sup>31</sup> *Шнитников А. В.* Динамика водных ресурсов бассейна Арала в свете его климатических трансгрессий.— В кн.: *Озера Нижнего Поволжья и Арало-Каспийской низменности* (Труды лаборатории озерадения АН СССР, т. XIV). М.—Л., 1961, с. 10—88. Критику положений А. В. Шнитникова см.: *Кесь А. С.* Основные этапы развития Аральского моря.— Сб.: *Проблема Аральского моря*, М., 1969, с. 168—169; *Андрянов Б. В.* Древние оросительные системы Приаралья, с. 49; *Виноградов А. В., Мамедов Э. Д.* Первобытный Ляляккан. Этапы древнейшего заселения и освоения Внутренних Кызылкумов.— МХЭ, 10, 1975, с. 238, 239.

<sup>32</sup> *Шнитников А. В.* Внутривековая изменчивость компонентов общей увлажненности. Л., 1969, с. 111—172. Статья публикуется с некоторыми сокращениями, не меняющими концепцию автора, а потому в дальнейшем мы цитируем текст статьи 1961 г. как заведомо более полный.

<sup>33</sup> *Толстов С. П.* По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.

2000 лет»<sup>24</sup>. Рассматривая влияние этих климатических циклов на периоды трансгрессий Арала и динамику амударьинских и сырдарьинских русел, цитирующих его, А. В. Шнитников устанавливает следующие три эпохи многоводья и трансгрессий Арала:

I. Конец III — начало II тысячелетия до н. э.  
II. Вторая половина I тысячелетия до н. э. или треть его с нашей эрой.

III. Середина текущего тысячелетия (XIV—XVI вв.)<sup>25</sup>.

При этом по А. В. Шнитникову сток амударьинских вод в Арал был всегда основным и осуществлялся через Приаральскую дельту<sup>26</sup>. Сток по Узбою в Каспий «в течение последних 4—5 тыс. лет» мог возникнуть «лишь в эпоху особенно крупных многоводий во всем бассейне Арала, в первую очередь в бассейнах рек Амударья и Сырдарья»<sup>27</sup>. Но Акчадарье не сток избыточной для аральского русла воды в периоды многоводий в бассейне Арала<sup>28</sup>. Таким образом, по А. В. Шнитникову Акчадарьинская и Присарыкамьшская дельты являлись лишь вспомогательными и самостоятельными не функционировали. Свою схему динамики амударьинских русел, отличную, как можно убедиться, от нашей, А. В. Шнитников пытается обосновать, используя публикации Хорезмской экспедиции. А. В. Шнитников очень подробно и часто цитирует отдельные места из работ С. П. Толстова и его коллег. Однако делает он это не всегда точно, иногда находясь в плену предвзятой идеи. Не будучи в данной области специалистом, мы не беремся судить о правомерности выделения А. В. Шнитникова 1850-летних климатических циклов<sup>29</sup>. Хотелось бы лишь кос-

нуться правомерности предложенной им схемы функционирования амударьинских русел в рамках его первой эпохи.

Согласываясь с археологами в том, что в конце III — начале II тысячелетия до н. э. произошло значительное обводнение Акчадарьинской дельты, А. В. Шнитников связывает это обстоятельство не с поворотом Амударьи в сторону Арала, а с трансгрессией Арала, вызвавшей переносление Амударьи и сток излишков воды по Узбою и Акчадарье. При этом он отмечает, что «С. П. Толстов и А. С. Кесь, рассматривая вопрос о заселенности низовой Амударьи и прилегающих территорий в эпоху хорезмского неолита и эпоху бронзового века, пишут, что в конце III и в начале II тысячелетия до н. э. (т. е. в конце неолитического и в энеолитическое время) долина Узбая была густо заселена»<sup>30</sup>. Но хорезмский неолит, что явствует из цитируемой А. В. Шнитниковым работы С. П. Толстова и А. С. Кесь, охватывает вторую половину IV и все III тысячелетие до н. э., а многочисленные неолитические стоянки, обнаруженные на берегах Узбая, датируются во всяком случае в пределах всего III тысячелетия до н. э.<sup>31</sup> Таким образом, сток по Узбою фиксируется уже на протяжении предыдущих тысяч лет и не увязывается с эпохой первой трансгрессии Арала по А. В. Шнитникову.

Обращая к режиму Акчадарьинской дельты, А. В. Шнитников упоминает стоянку Джанбас 4<sup>32</sup>; нигде не говоря о ее возрасте, а между тем это весьма существенно. Ссылаясь на С. П. Толстова и указывая даже соответствующие страницы в книге «Древний Хорезм», А. В. Шнитников пишет, что «стоянка Джанбас 4 перекрета (курсив мой.— М. И.) четырехметровым слоем песков амударьинского аллювия»<sup>33</sup>. У С. П. Толстова на указанных страницах мы читаем, что стоянка Джанбас 4 была расположена на высоком бархане и, «как показал шурф, заложенный нами, желтый барханный песок идет до глубины четырех метров»<sup>34</sup>; т. е. четырехметровый слой не принадлежит аллювиальным отложениям и подстилает культурный слой стоянки Джанбас 4. Стоянка Джанбас 4, между тем, датируется второй половиной или концом IV тысячелетия

<sup>24</sup> Шнитников А. В. Динамика водных ресурсов..., с. 13.

<sup>25</sup> Там же, с. 15. Следует подчеркнуть, что вся схема расчленений А. В. Шнитникова строится на материалах, связанных с амударьинскими руслами. Источники сырдарьинских русел им не привлекаются ни здесь, ни в работе 1969 г., и Сырдарья упоминается чисто формально.

<sup>26</sup> Там же, с. 13, 30.

<sup>27</sup> Там же, с. 13—15.

<sup>28</sup> Там же, с. 23.

<sup>29</sup> Вопрос о климатических изменениях в древности спорный и имеет большую литературу. Относительно Средней Азии упомянем лишь, что в пользу стабильности климата аридных областей Средней Азии и Ближнего Востока на протяжении последних 8—10 тыс. лет высказалась Г. Н. Лисицкая (Лисицкая Г. Н. История орошаемого земледелия в Южной Туркмении (раннеземледельческая эпоха).— Успехи среднеазиатской археологии. 1. Л., 1972, с. 14), в то время как А. В. Виноградов и Э. Д. Мамедов считают, что в эпоху голоцена (как, впрочем, и в предшествующее время) имели место периоды аридизации климата, в частности на рубеже III и II тысячелетий до н. э. (Виноградов А. В., Мамедов Э. Д. Первоазиатский Ливизиан..., с. 255).

<sup>30</sup> Шнитников А. В. Динамика водных ресурсов..., с. 36.

<sup>31</sup> Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации, с. 72, 73; Низовья Амударьи, Сарыкамьин, Узбой..., с. 345; Игана М. А. Памятники первобытной культуры Верхнего Узбая.— ТХЭ, II, 1958, с. 259—310.

<sup>32</sup> Шнитников А. В. Динамика водных ресурсов..., с. 36, 40.

<sup>33</sup> Там же, с. 36.

<sup>34</sup> Толстов С. П. Древний Хорезм, с. 41.

до н. э. Если исходить из схемы А. В. Шнитникова, ее существование в это время невозможно, так как сток по Узбою и по Акчадарье мог происходить лишь при переловлении Арала, т. е. не раньше конца III тысячелетия до н. э. Возможно и другое, совсем невероятное предположение, что стоянка Джанбас 4, существовавшая какое-то время на неизвестных нам источниках воды, потом почти тысячу лет была открытой и лишь в конце III — начале II тысячелетия до н. э. была затоплена и перекрыта амударьинскими отложениями. Так подучается по А. В. Шнитникову. По С. П. Толстову, над культурным слоем стоянки образовались такырные отложения, структура которых свидетельствует сначала о ее сезонных подтоплениях, а потом об образовании устойчивого водоема на месте стоянки<sup>45</sup>. Работы последних лет на джанбасском такыре показали именно эти стадии в подтоплении района стоянки Джанбас 4<sup>46</sup>. Подтопление Акчадарьи в конце III — начале II тысячелетия до н. э. вместе с предшествующими сезонными подтоплениями отложило значительную толщу осадков. Это подтопление, как мы считаем, было связано с начавшимися уже в историческое время стоком основной массы амударьинских вод в Арал, постепенным затуханием Присарыкамьшской дельты и прекращением регулярного стока по Узбою. По А. В. Шнитникову, это время интенсивного стока по всем трем дельтам, чему археологические данные противоречат.

Как мы знаем, сток по Узбою А. В. Шнитников признает, но ограничивает этот процесс концом III — первой половиной II тысячелетия до н. э., фиксируя для этого времени распространение по побережью Арала и Сарыкамша и вдоль Узбая стоянок одной культуры — кельтеминарской<sup>47</sup>. Однако памятники кельтеминарской культуры в лучшем случае доживают лишь до рубежа III—II тысячелетий до н. э., а первая половина II тысячелетия до н. э. — это уже эпоха бронзы. Это известно А. В. Шнитникову, ибо в следующем абзаце, вновь ссылаясь на С. П. Толстова и А. С. Кесь, он пишет: «В дальнейшем, в бронзовом веке, т. е. во II тысячелетии до н. э.

и в начале I тысячелетия, положение меняется. Стоянки бронзового века на Узбое встречаются в незначительном количестве и притом предполагаются лишь непосредственно на берегах его русел»<sup>48</sup>. Этот вывод вполне согласуется с нашими нынешними представлениями, но плохо увязывается с предыдущими и последующими рассуждениями А. В. Шнитникова. Во-первых, если в бронзовом веке во II тысячелетии до н. э. «положение меняется», то как же быть с первой половиной II тысячелетия до н. э., которая отнесена еще к предыдущему периоду? Во-вторых, если в этот же период стоянки были редки, а они и нами и А. В. Шнитниковым воспринимаются как указатель обводненности русла, то как понять следующую фразу о сильном обводнении Узбая «в конце III тысячелетия и в первой половине II тысячелетия до н. э.»<sup>49</sup>? В-третьих, одним из признаков наступивших в бронзовом веке перемен объявляется расположение стоянок непосредственно на берегах русла, а на предыдущей странице справедливо замечено, что кельтеминарские стоянки имеют ту же топографию<sup>50</sup>. В чем же тогда разница? А разница все же была, ибо действительно стоянок эпохи бронзы на Узбое мало, а в Присарыкамьшской дельте их просто нет, в то время как в неолите и берега Узбая и южный коренной берег Присарыкамьшской дельты были заселены<sup>51</sup>. Обводнение всей Акчадарьи, вызванное началом стока вод Амударьи в Арал, частичный спорадический сток в Присарыкамьшскую дельту привели к тому, что в начале II тысячелетия до н. э. на Акчадарье стоянки располагались еще на высоких отметках, а в Присарыкамьшской дельте, по-видимому, ни в это время, ни позднее благоприятных условий для жизни человека не было. Однако в дальнейшем идет процесс дренирования Акчадарьинской дельты, связанный с начавшимся процессом формирования Приаральской дельты и заканчивающийся усыханием Акчадарьи где-то в середине I тысячелетия до н. э.

Согласно схеме А. В. Шнитникова, процесс общего усыхания Акчадарьинской дельты в эпоху бронзы связан с усыханием Арала, а не с перемещением дельты к западу. И одним из доказательств этого является, по его мнению, отсутствие стоянок бронзового века в Присарыкамьшской дельте<sup>52</sup>. Выше мы уже останавливались на этом вопросе и надо думать, что

<sup>45</sup> Толстов С. П. Древний Хорезм, с. 42. На эту страницу в книге С. П. Толстова А. В. Шнитников ссылается (*Шнитников А. В. Динамика водных ресурсов...*, с. 40), но он помещает эти отложения над известным 4-метровым слоем амударьинского аллювия, перекрывающим, по его мнению, культурный слой стоянки.

<sup>46</sup> Кесь А. С., Виноградов А. В., Итина М. А. Палеогеография района возвышенности Джанбас..., с. 155—156.

<sup>47</sup> Шнитников А. В. Динамика водных ресурсов..., с. 37.

<sup>48</sup> Там же.

<sup>49</sup> Там же.

<sup>50</sup> Там же, с. 36.

<sup>51</sup> Низовья Амударьи, Сарыкамши, Узбой..., главы третья и пятая.

<sup>52</sup> Шнитников А. В. Динамика водных ресурсов..., с. 38—39.

вариант частичного стока по формирующейся Приаральской дельте удовлетворяет А. В. Шнитникова. Но мы никак не можем согласиться с дальнейшим ходом его рассуждений, согласно которым в эпоху бронзы весь сток шел по Приаральской дельте, «лишь частично попадал в Южную Акчадарыинскую и, возможно, периодически, в ничтожном количестве, в южную часть Северной Акчадарыинской дельты»<sup>23</sup>. В качестве аргумента в пользу отсутствия регулярного стока по Акчадарье в это время А. В. Шнитников использует, помимо отсутствия стоянок в Приарыкамынской дельте, расположение стоянок в Южной дельте на внутридельтовом пространстве. Однако в эпоху бронзы Акчадарыинская дельта функционировала отнюдь не спорадически. Об этом свидетельствует не только множество стоянок того времени *по берегам дельтовых протоков, но и то, что, как показали раскопки, стоянки эти были подчас неолитовременными, жители вынуждены были их покидать и переходить на новое место из-за непостоянного водного режима дельты и частых подтоплений.*

Думается, что приведенных примеров достаточно (их количество можно было бы умножить), чтобы показать огромную важность комплексного подхода к рассматриваемым проблемам, в чем мы с А. В. Шнитниковым полностью солидарны, и тот вред, который наносит и методу исследования и постулированной А. В. Шнитниковым идее столь произвольный и неточно использованный набор фактов, почерпнутых из публикаций Хорезмской экспедиции.

Однако неадекватное использование источниками данных археологии отнюдь не дискредитирует идею в целом. Мы не раз могли убедиться в том, что именно удачное сочетание археологических и геоморфологических работ, проводимых в полевых условиях на протяжении многих лет, может дать доказательства в пользу правоты того или иного предположения и превратить его из гипотезы в реально существующий факт. История изучения древних русел Амударьи служит наиболее ярким тому примером. И не в таком ли комплексном исследовании *признавал ученых Р. Э. Ленц, когда в 1871 г. писал: «Но когда именно эта могучая река (Амударья.— М. И.) перестала нести свои воды в Каспийское море и направилась в Аральское озеро, этого мы решить не можем, так как не имеем на то никаких данных. А между тем подробный осмотр всей окрестной страны и тщательное исследование ее развалин, о которых мы пока почти ничего не знаем, могли бы дать нам факты, нужные для*

ответа на этот вопрос; быть может, на какой-нибудь старой стене еще сохранились знаки или надписи, говорящие о времени ее возведения; быть может, под мусором развалин скрывается не одна ценная рукопись; быть может, иные указания нашлись бы и в самом древнем русле»<sup>24</sup>. То, о чем Р. Э. Ленц мечтал 100 лет тому назад, для нас сейчас единственно правильный, оправдавший и утвердивший себя путь исследований.

\* \* \*

Сейчас в древней Акчадарыинской дельте лет воды, ее русла, даже основные, на многих участках развелины настолько, что их можно проследить лишь по аэрофотоснимкам. Здесь господствует пустыня<sup>25</sup>. Исследователи, впервые появившиеся сюда, особенно на территории Южной дельты, поражают удивительное сочетание пустынного ландшафта с его вырами, барханами, небольшими грядками и величественных развалин крепостей и замков. Однако мы знаем, что в период возведения и жизни этих городов и поселений в Акчадарье воды уже не было. При более внимательном наблюдении, если отвлечься от памятников архитектуры и просто смотреть себе под ноги, мы увидим разбросанные на современной дневной поверхности обломки посуды всех времен, в том числе эпохи бронзы. Картографирование пунктов находок и анализ условий, в которых существовали некогда бывшие здесь стоянки, позволили прийти к тем выводам о времени функционирования Акчадарьи, о которых мы писали раньше.

Сейчас нас интересует другое — степень сохранности этих памятников и возможность их обнаружения при рекогносцировочных исследованиях.

До начала 1950-х годов существовало устойчивое и вполне обоснованное представление о том, что почти все стоянки эпохи бронзы в Хорезме развелины. Исключением составляла лишь стоянка Джикабаб 6, раскопанная Я. Г. Гулимовым в 1945 г.<sup>26</sup> И действительно, все находимые экспедицией стоянки представляли собой скопления керамики, разорванной и беспорядке на тапчаре, если это было на внутри-

<sup>23</sup> *Ленц Р. Э.* Наши сведения о древнем течении Амударьи.— Записки Русского географического общества по общей географии, IV, 1871, с. 156.

<sup>24</sup> До недавнего времени это утверждение было единственным для большей части территории Южной дельты. Сейчас эта древняя аллювиальная равнина интенсивно овраживается, и на многих участках там, где раньше были барханы, зеленеют хлопковые поля.

<sup>26</sup> *Гулимов Я. Г.* История орошения Хорезма в древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1957, с. 51—54.

<sup>25</sup> Там же, с. 39.

дельтовом пространстве, или в котловинах выдувания коренного берега. Если стоянка была небольшой, никакой системы в расположении находок уловить не удалось. На более крупных стоянках, площадью от 100 кв. м и более, удавалось проследить скопления керамики в виде отдельных янтей, которые можно было интерпретировать как остатки жилищ. В некоторых случаях сохранились остатки очажных янтей, в то время как культурный слой был полностью уничтожен. Картина эта чрезвычайно напоминает ту, которая столь подробно описана Б. А. Литвинским для кайраккумских стоянок<sup>57</sup>. Однако тщательное обследование местности в течение нескольких лет с использованием специальной археологической аэрофотосъемки, накопленный опыт распознавания целого ряда деталей древнего ландшафта на местности привели к открытию множества новых стоянок эпохи бронзы и, что особенно важно, стоянок с сохранившимися культурным слоем.

Как уже говорилось, территория Южной дельты, помимо трех главных русел, расчленена разветвленной сетью дельтовых протоков, которые на современной дневной поверхности читаются или в виде неглубоких и не очень широких русел, или в виде таковых меандрирующих полос шириной от 10 до 30 м, выделяющихся по цвету на поверхности современного такыра, с редкой растительностью по краю берега и отсутствием таковой на собственно такырной полосе. Удалось установить, что это полностью заиленные русловые протоки. Наблюдение за цветовыми пятнами на современной поверхности такыра позволило выявить огромный район расселения людей эпохи развитой бронзы между возвышенностями Кочка и Джанбас, отдельные стоянки к западу и северо-западу от возвышенности Джанбас, наконец, могильник Кочка 3.

Дома — котлованы жилищ-полуземлянок, могильные ямы и, наконец, арычная сеть и квадраты полей выделяются на современной дневной поверхности, так же как и упомянутые русловые протоки, лишь цветом (рис. 1, а, б). При этом поверхность такыра совершенно синвелирована, так что мы сразу видим и русло и поселение как бы на естественном плане.

Русла и котлованы жилищ заполнены отложениями, могильные ямы искусственно засыпаны, но и те и другие отличаются цветом от непотропанной поверхности материка, так как во всех перечисленных случаях она нарушена, заглублена, а образовавшаяся яма засы-

пана или заилена. Пятна жилищ часто бывают околурены по краю чуть вспухшей сизоголубой полосой, которая сразу дает четкие очертания дома, обычно подтверждаемые раскопками. В большинстве случаев поверхность такого пятна абсолютно ровная и плотная, иногда рыхлая, вспученная — солончаковая (рис. 1, б).

Стратиграфия заполнения жилищ-полуземлянок эпохи бронзы довольно однообразна (рис. 2). Под тонким (10—15 см) слоем современного такыра, состоящим из рыхлого, слоистого, пористого суглинка, идет суглинистый или суглинисто-супесчаный слой, чаще без четкой границы между супесью и суглинком, мощность которого зависит от глубины котлована полуземлянки. В среднем она равна обычно 50—70 см, но на поселении Джанбас 21, где сохранившаяся глубина котлована превышала 1,5 м, мощность этого слоя достигала 1,0—1,2 м. Этот слой в нижней части имеет лицевую сизоголубого болотного горизонта, края которой поднимаются вверх к стенам котлована и образуют голубоватый контур. Низ суглинистого или супесчано-суглинистого слоя покоится уже на культурном слое, лежащем на полу жилища.

Картина заполнения отложениями остатков домов эпохи бронзы очень ярко демонстрирует водный режим дельты того времени. Суглинисто-супесчаная «пробка», как бы закупорившая котлован дома и сохранившая для нас нетронутый культурный слой, образовалась в результате длительного стояния в нем воды во время сезонных разливов. Дополнительным источником накопления воды в этих ямах были и атмосферные осадки, приносившие илестые частицы с такыра. Подымаемая ветром пыль оседала на влажном грунте на дне котлована и также участвовала в формировании заполняющих его отложений. «Болотный горизонт» — результат длительного застаивания воды в бывшем здесь понижении, заросшем влаголюбивой растительностью.

Таким образом, когда мы встречаем на поверхности такыра цветное пятно — остатки жилища — без каких-либо находок на его поверхности или по краю, это значит, что заполняющие котлован жилища отложения сохранились настолько, что под ними лежит нетронутый культурный слой. Если же по контуру пятна мы обнаруживаем керамику, а толщина такыровидного суглинка на площади дома незначительна (20—30 см), значит, в результате процессов дефляции заполнившие дом отложения почти уничтожены. Так было, например, на стоянке Анка 5<sup>58</sup>. Еще дальше этой про-

<sup>58</sup> Итима М. А. Новые стоянки тазабгатыбской культуры (работы 1956 г.) — МХЭ, 1, 1959, 54, рис. 2.

<sup>57</sup> Литвинский Б. А., Окладников А. П., Рапов В. А. Древности Кайраккумов, Душанбе, 1962, с. 142—150.

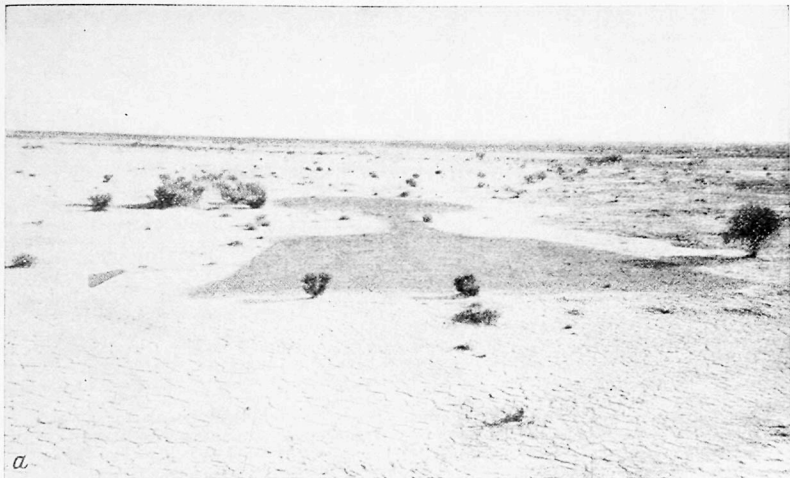


Рис. 1. Поселения эпохи бронзы. Вид домов до раскопок  
а — Кочча 13, дом А; б — Кочча 13А, дом 3

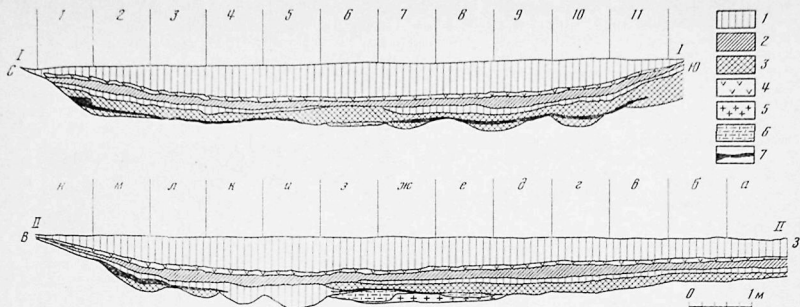


Рис. 2. Поселение Якке-Парсан 2. Дом 8. Разрезы

1 — суглинок; 2 — сугесь; 3 — культурный слой; 4 — болотный горизонт; 5 — прокаленный пол близ очага; 6 — заполнение очага; 7 — слой пожара

цесс зашел на стоянке Кават 3. Там под тонким слоем такыра оказалась лишь северо-западная часть жилища, остальная его площадь была развееяна и сохранила лишь остатки культурного слоя<sup>59</sup>.

Как мы отмечали, стоянки эпохи бронзы встречаются на такыре, т. е. на внутридельтовом пространстве, и в межгрядовых понижениях коренного берега, т. е. в песках. В последнем случае никаких остатков жилищ обнаружено не было. Некоторым исключением является дом-полуземлянка на стоянке Байрам-Казган 2, построенный на склоне песчаной гряды, обращенной к такыру, видимо, залитому в то время водой.

Следует заметить, что на внутридельтовой аллювиальной равнине Южной Акчадарьинской дельты мы встречаем не только незакрепленные барханные пески, но и невысокие слабоукрепленные навешные песчаные гряды, вытянутые в меридиональном направлении. Барханные пески весьма молоды, и очень часто при их передвижении на открывшемся изпод песка сильно разрушенном такыре мы находим остатки стоянок эпохи бронзы (район Анга-кала).

Небольшие песчаные гряды разного возраста. Есть среди них и более молодые, чем наши стоянки, образования, но есть и более древние. Так, например, стоянка Джанбас 34, датируемая эпохой поздней бронзы, была распо-

ложена на западном склоне такой более древней гряды, близ русла. Там были обнаружены не только россыпи керамики, но и остатки небольших круглых наземных жилищ.

Но если на стоянках Джанбас 34 или Байрам-Казган 2 люди совершенно намеренно строили свои дома в песке или на песке, то бывало и так, что это происходило по независящим от них обстоятельствам. Изменчивый режим дельты, функционирование одних протоков и отмирание других, образование озерных разливов — все это приводило к формированию отложений различных типов, что можно наблюдать при анализе грунтов, в которых были вырыты полуземлянки. В большинстве случаев это алевроиты, но нередко дома бывают вырыты в суглинке. На стоянке же Джанбас 33 тонкий (25—30 см) слой алевроита подстилался желтым коренным кызылкумским песком. Когда при рытье полуземлянки люди проходили ниже слоя алевроита, они оказывались вынужденными жить на песке. Очевидно, эти стоянки расположены в таком месте, где дельтовые отложения перекрывают наиболее высокие точки древнего песчаного рельефа.

На внутридельтовом пространстве Северной дельты мы никаких следов стоянок эпохи бронзы не обнаружили. Они найдены лишь в межгрядовых понижениях и котловинах выдувания крупных песчаных массивов или на склонах оставших возвышенностей. Это в основном россыпи керамики, причем без малейших остатков культурного слоя.

Таково современное состояние памятников, являющихся объектом нашего изучения.

<sup>59</sup> Толстов С. П. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1954—1956 гг.— МХЭ, 1, 1959, с. 14, рис. 8.

КУЛЬТУРА НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОГО ПРИАРАЛЬЯ  
ВО II ТЫСЯЧЕЛЕТИИ ДО Н. Э.

Археологические памятники Южной Акхударьинской дельты являются ценным источником для воссоздания истории племен, населявших Южное Приаралье в эпоху бронзы. Разветвленная система небольших дельтовых протоков, благоприятный климат, близость коренных несков с их прекрасными сезонными пастбищами, наконец, близость гор Султануздаг и более восточных — Тамды-тау и Букан-тау — с вероятными для Султануздага и несомненными для Тамды-тау и Букан-тау меднорудными месторождениями — все эти обстоятельства оказались чрезвычайно благоприятными для древнего человека. Именно исследование на территории Южной дельты послужило отправной точкой для выделения археологических культур Южного Приаралья, анализ которых в свою очередь дал возможность наметить пути сложных этногенетических процессов, связанных как с постоянной инфильтрацией населения сопредельных регионов в среду местных племен, так и с крупными племенными передвижениями. Наиболее четко выявились поселения тазабагыбской культуры середины — второй половины II тысячелетия до н. э.

Раскопки тазабагыбских поселений и могильника<sup>1</sup>, материалы множества разновременных стоянок показали, что тазабагыбская культура входит в ареал культур стеной бронзы Ев-

разии, который, поскольку это касается территории Средней Азии, охватывает ее северную стеновую часть. Удалось подтвердить и несомненное сходство тазабагыбской культуры — керамики, орудий, украшений — с андроновской (в ее западноказахстанском варианте) и срубной культурами. Это сходство проявилось и в других компонентах — погребальном обряде, домостроительстве и т. д.

Однако мы всегда подчеркивали, что тазабагыбская культура отнюдь не является вариантом срубной или андроновской. Она вполне самостоятельна и сформировалась в Южном Приаралье в результате смешения культуры пришельцев из Южного Приаралья — зоны контакта срубного и андроновского населения — и культуры аборигенов. Эта местная культура ранней бронзы, которая была в значительной мере поглощена культурой пришельцев, все же сказалась в своеобразии облика материальной культуры тазабагыбского населения по сравнению с андроновской и срубной.

Тазабгагыбскую культуру от срубной и андроновской отличало и то, что в хозяйстве ее поселителей, видимо, большую роль по сравнению со скотоводством играло земледелие, причем основанное на искусственном орошении<sup>2</sup>.

Сложные этнокультурные процессы, приведшие к формированию тазабагыбской культуры, нашли свое отражение и в антропологическом типе ее поселителей. Как известно, в могильнике Кочка 3 преобладали андроновский и восточносредиземноморский типы<sup>3</sup>, причем по-

<sup>1</sup> *Ишана М. А.* Новые стоянки тазабагыбской культуры (работы 1956 г.). — МХЭ, 1, 1959, с. 52—69; *она же.* Раскопки стоянок тазабагыбской культуры в 1957 г. — МХЭ, 4, 1960, с. 82—103; *она же.* Раскопки стоянки Кават 3 в 1958 г. — МХЭ, 6, 1963, с. 103—106; *она же.* Раскопки могильника тазабагыбской культуры Кочка 3. — МХЭ, 5, 1961, с. 3—96; *она же.* О месте тазабагыбской культуры среди культур стеной бронзы. — СЭ, 1967, № 2, с. 62—74; *Ишанова Амудария, Сарыгамин, Усбой.* История формирования и населения (МХЭ, 3, 1964), с. 89—119.

<sup>2</sup> *Ишана М. А.* Древнехорезмийские земледельцы. — Сб.: История, археология и этнография Средней Азии, М., 1968, с. 75—86.

<sup>3</sup> *Трофимов Т. А.* Черена из могильника тазабагыбской культуры Кочка 3. — МХЭ, 5, 1961, с. 97—116.



следний, может быть, представлял частично срубное население, а частично — какую-то группу южносреднеазиатского происхождения. Присутствие восточноевропейского типа не срубного происхождения может указывать не просто на южные связи местного населения низовий Амударьи, а на прямую инфильтрацию групп населения из южных областей Средней Азии в Южное Приаралье. Она могла происходить и в эпоху неолита, и позднее — в первой половине II тысячелетия до н. э. Возможно, восточноевропейский тип представлял какую-то часть местного населения. Однако мы вынуждены признать, что трудности, которые возникали у нас раньше при попытках выделения более ранних, чем тазагайские, комплексов, датированных первой половиной II тысячелетия до н. э., несмотря на обилие новых материалов продолжают оставаться.

Эпоха ранней бронзы для степных областей Средней Азии и Казахстана является своим «темным веком», и территория Южного Приаралья не составляет в этом плане исключения. Между рубежом III и II тысячелетий до н. э. или, может быть, между самым концом III тысячелетия до н. э. — крайней верхней датой существования неолитической кельтеминарской культуры — и серединой II тысячелетия до н. э. — временем появления памятников тазагайской культуры — получается осязаемый хронологический разрыв.

Имея четко выявленные археологически позднекельтеминарские и тазагайские комплексы, мы невольно ищем точки соприкосновения между ними. Путь поисков заставляет нас вновь обратиться к проблеме суряганской культуры. Точка зрения Я. Г. Гулямова, который считал, что суряганская культура генетически была связана с кельтеминарской (хотя он датировал ее эпохой поздней бронзы)<sup>4</sup>, в последнее десятилетие нашла новое истолкование.

Открытие Хорезмской экспедицией в южной части Северной Акчадарьинской дельты стоянки, в подъемном материале которых содержались каменные орудия и лепная керамика, дали основания для выделения раннего, камышлинского, этапа суряганской культуры, датированного началом II тысячелетия до н. э.<sup>5</sup> С. П. Толстов, считая суряганские племена выходцами из южных областей Средней Азии, видел в камышлинских материалах свидетельство появления в низовьях Амударьи нового этнического элемента.

Сравнительный анализ материалов позднекельтеминарской стоянки Канат 7 и камышлинских стоянок заставил А. В. Виноградова вернуться к гипотезе Я. Г. Гулямова о генетической связи между кельтеминарской и суряганской культурами. А. В. Виноградов высказал предположение, что древние камышлинцы были потомками кельтеминарцев<sup>6</sup>. Эта же мысль была высказана ранее В. М. Массоном<sup>7</sup> и Ю. А. Заднепровским<sup>8</sup>. Как бы ни решался вопрос о происхождении суряганской культуры, наличие в ней явного южного компонента не оспаривал никто<sup>9</sup>.

И действительно, камышлинские короткогорлые сосуды с сильно раздутыми боками, окрашенные и залощенные<sup>10</sup>, несомненно южного происхождения, находят аналогию в позднекельтеминарском комплексе Канат 7. К категории сосудов, происхождение формы которых можно связать с позднелихитскими образцами, относятся и горшки со сглаженным профилем. Их верхняя треть украшена орнаментальными рядами наклонных насечек, выполненных иногда к тому же «гусеничным» типом. Сосуды, украшенные вертикальными рядами насечек, тоже напоминают нам о неолитической традиции, когда такие ряды насечек служили разделителями между орнаментальными полями. Наконец, к числу возможных ранних признаков среди камышлинских орнаментальных мотивов следует, видимо, отнести треугольники с «росточками». Мотив этот хорошо известен на керамике земледельческого Юга, но там он выполнен росписью. Предположение о ранней дате его появления в среднеазиатском северном неолите подкрепляется находкой фрагмента сосуда, украшенного таким образом, в позднелихитском погребении могильника Тумекчиждик на территории Присарыкамьинской дельты Амударьи, а обнаруженный в другом погребении того же могильника ладьевидный сосуд в свою очередь сближает этот памятник с кельтеминарским культурным кругом<sup>11</sup>.

Генетическая связь камышлинского керамического комплекса с позднекельтеминарским<sup>12</sup> — такое решение проблемы заманчиво,

<sup>4</sup> Гулямов Я. Г. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1957, с. 51—54.

<sup>5</sup> Толстов С. П., Итина М. А. Проблема суряганской культуры. — СА, 1960, № 1.

<sup>6</sup> Виноградов А. В. Неолитические памятники Хорезма. — МХЭ, 8, 1968, с. 172—177.

<sup>7</sup> Массон В. М. Средняя Азия и Древний Восток. М. — Л., 1964, с. 184, примеч. 103.

<sup>8</sup> Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М. — Л., 1966, с. 214, 215.

<sup>9</sup> См., например: История таджикского народа, т. I. М., 1963, с. 108—110.

<sup>10</sup> Толстов С. П., Итина М. А. Проблема суряганской культуры, с. 16, рис. 2; с. 18, рис. 4; с. 17, рис. 3.

<sup>11</sup> Виноградов А. В. Могильник Тумекчиждик в Северной Туркмении. — АО 1974 г. М., 1975, с. 521.

<sup>12</sup> Новые доводы в пользу южного происхождения кельтеминарской культуры и генетической связи

так как оно дает возможность проследить исторический путь развития хорезмийских абorigенов на протяжении тысячелетий и снимает, наконец, трудный вопрос, куда девались потомки кельтеминарцев. По-видимому, южный компонент, который наблюдается в кельтеминарской культуре и рассматривается как результат южных связей ее носителей, продолжает проявляться и в эпоху бронзы как свидетельство не только продолжающейся культурной традиции, но и постоянных контактов населения северных областей с южными, инфильтрации отдельных племенных групп из южных областей<sup>13</sup>.

Однако факты, позволяющие увидеть развитие культуры ранней бронзы Южного Приаралья на камышлинской основе, весьма ограничены. По-видимому, следует признать, что в эпоху ранней бронзы население бассейна Акчадары было относительно немногочисленным, во всяком случае до середины II тысячелетия до н. э. Одно из возможных объяснений — сильная избыточная обводненность Акчадары в связи с прорывом вод Амударьи в Арал. Восточное Акчадарыинское русло было наиболее обводненным в период активного стока и раньше других перестало функционировать. Эти обстоятельства и близость его правого берега к коренному берегу дельты давали основание на-

даться, что на юго-восточном и восточном участках Южной дельты мы сможем обнаружить более ранние стоянки.

Отдельные фрагменты керамики, которые, по-видимому, можно отнести приблизительно к первой половине II тысячелетия до н. э., были найдены в несках восточного коренного берега дельты. Среди них мы встречаем сосуды сглаженных форм с чуть выделенным венчиком и со скошенным внутрь бережком. Они украшены рядами пазелок в верхней трети сосуда или вертикальными наклонными рядами пазелок, покрывающими  $\frac{2}{3}$  его поверхности. Последний прием, равно как и сочетание сглаженных и раздутых форм, характерен и для камышлинских комплексов. Ничего похожего ни на заманбабинский<sup>14</sup>, ни на лявляканские<sup>15</sup> комплексы эпохи ранней бронзы на Акчадары нет. Это лишний раз свидетельствует о том, что принадлежность к одной неолитической кельтеминарской этнокультурной общности не предопределяет сходного развития культуры на последующем хронологическом этапе.

К числу ранних тазабагыбских или даже дотазабгагыбских памятников следует, видимо, отнести стоянки с керамикой, четко выделяющейся по форме и главным образом по приемам орнаментации (рис. 3).

К такого рода стоянкам относятся Джанбас 8 и 10, расположенные западнее возвышенности Джанбас, и Курганини Б на северном коренном берегу Южной дельты, близ крепости Курганини-кала.

Для их керамических комплексов характерно сочетание раздутых и вытянутых сглаженных форм, близких энеолитическим, преобладающие гребенчатого, часто крупного, а также «гусеничного» и зубчатого штампов. Орнамент геометрический в виде замкнутых и незамкнутых треугольников, пучков из трех наклонных прямых, вертикальных рядов наклонных прямых.

Часто употребляются ленты с косой или прямой штриховкой в различных комбинациях, иногда воспринимающиеся как «лесенки». Характерны отскики треугольной лопаточки. Один из ведущих приемов — обрамление всех узоров рядами ямок, отскиков «гусеничного» штампа, пазелками. Уже превалирует горизонтальное членение поверхности сосуда на орнаментальные пояса, но как отголосок энеолитической

ее с камышлинской см.: *Формозов А. А.* О роли закаспийского и приаральского мезолита и неолита в истории Еврoпы и Азии.—СА, 1972, № 1.  
<sup>13</sup> Однако эти южные влияния при всей их значимости не следует преувеличивать. Даже если, следуя гипотезе С. П. Толстова, считать камышлинцев выходцами с Юга, трудно согласиться с Н. Л. Членовой, полагающей, что Иран и Хорезм (камышлинская культура) — это центры происхождения культур караукеского, тагискено-дильдабаевского и галынтастского типов (*Членова И. Л.* Хронология памятников караукеской эпохи. М., 1972, с. 134—135). Во-первых, камышлинские материалы не столь многочисленны, чтобы сделать такой ответственный вывод; во-вторых, стоянки эти четко локализованы на весьма ограниченной площади в южной части Северной дельты, так что о каком-то значительном ареале речи быть не может. Если же принять гипотезу о преемственности камышлинской и позднелетнеминарской культур, то тогда, видимо, речь может идти о влиянии культуры хорезмийских абorigенов на культуру Северной Тагискена. Причем это влияние проявляется, например, в наличии амрабаджских форм керамики в материалах этого памятника, но не более того. Несомненно, что постоянные культурные связи хорезмийского населения эпохи неолита и бронзы с Югом не могли не отразиться известным отпечатком на его культуру, что при анализе камышлинских материалов неоднократно отмечалось. Однако и характер камышлинских материалов, и их незначительность не могут служить основанием для признания Южного Приаралья возможным центром происхождения огромного круга евразийских культур конца II — начала I тысячелетия до н. э., уже не говоря о том, что вряд ли подобный центр вообще существовал.

<sup>14</sup> *Гудлямов В. Г., Исмаилов У., Аскарлов А.* Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зеравшана. Ташкент, 1966, табл. IX—XV.

<sup>15</sup> *Виноградов А. В., Мамедов Э. Д.* Первобытный Лявлякан. Этаны древнейшего заселения и освоения Внутренних Кызылкумов.—МЭ, 10, 1975, с. 225—228 и таблица.

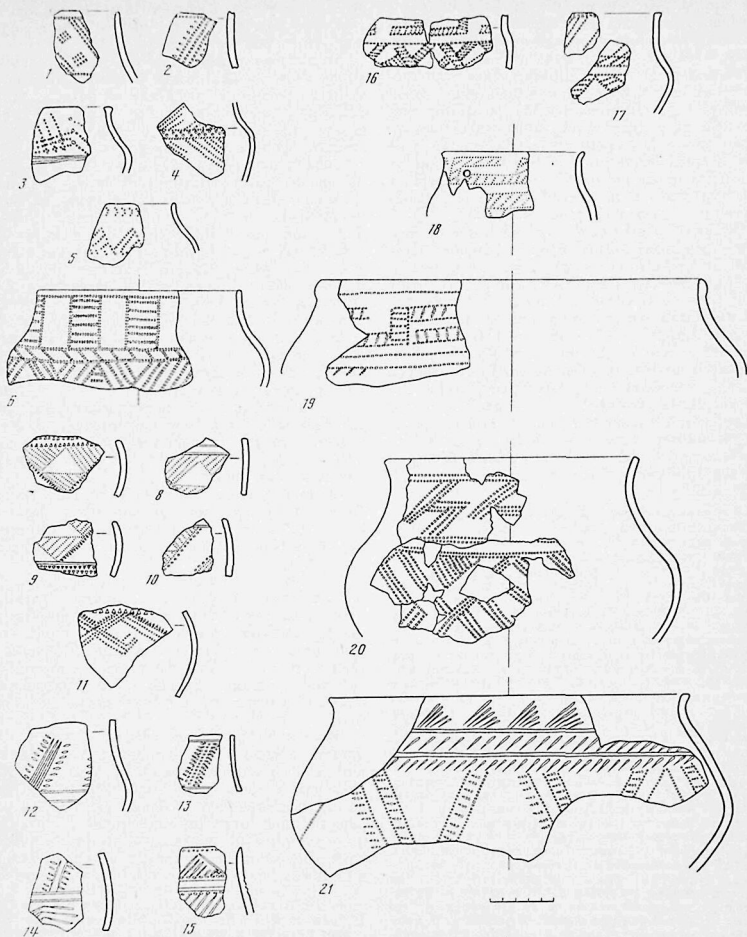


Рис. 3. Керамика федоровского типа

1, 2 — Барак-там 14; 3—5 — бугор Уч-таган; 6 — Барак-там 4; 7—12 — Бешбулак 3; 13—15 — Алсагитма 228; 16, 17, 21 — Кур-гашин Б; 18 — повск 21; 19 — Чымбай 2; 20 — Джанбас 8

1—6, 19 — Северная Алчадарьинская дельта; 7—15 — Внутренние Кызылкумы; 16—18, 20, 21 — Южная Алчадарьинская дельта

традиция применяется раздельная полоса, состоящая не из одной, а из двух линий.

Материал такого рода был встречен нами и в Северной Акчадарьинской дельте. Кроме того, керамика этого типа встречается в комплексах бенбулакских и аякгайтминских стоянок во Внутренних Кызылкумах<sup>16</sup>. Особенно выразительна в этом плане стоянка Бенбулак 3, где наряду с этой посудой есть керамика эпохи ранней бронзы и алакульского типа.

Создается впечатление, что интересный нас комплекс во многом сближается с федоровскими комплексами Южного Зауралья<sup>17</sup>.

Если иметь в виду возможность сосуществования федоровских памятников с алакульскими и даже с замараевскими, то небольшое количество алакульской и отсутствие замараевской керамики в материалах Бенбулак 3 и присутствие в них энеолитических или раннебронзовых форм заставляют предполагать преимущественно предалакульское или раннеалакульское время для этого комплекса федоровского типа.

М. П. Грязнов, беря за основу керамику могильника Тау-Тары в Казахстане, присоединяет к ней целый ряд находок из Узбекистана и Киргизии, в том числе сосуд со стоянки Джанбас 8, и постулирует идею о распространении «на широкой территории от дельты Амударьи до высот Тянь-Шаня группы племен, памятники которой составляли своеобразный археологический комплекс таутарынского типа»<sup>18</sup>. Комплекс этот М. П. Грязнов рассматривает как вариант андроновской культуры предалакульского времени. Поскольку, кроме таутарынского комплекса, речь идет о единичных находках, которые не могут служить свидетельством распространения культуры, нам представляется, что предпочтительнее говорить лишь о культурных связях или в лучшем случае об инфильтрации отдельных племенных групп из области распространения памятников федоровского типа на территорию Средней Азии. Однако инфильтрация по сравнению, скажем, с этим процессом на территории Казахстана, была весьма незначительной, и гораздо более существенные и более заметные этнические перемещения из северных областей

фиксируются несколько позже, в алакульское время.

Таким образом, на территории Акчадарьи для первой половины II тысячелетия до н. э. мы знаем прежде всего памятники камышлинской культуры, по-видимому, связанные генетически с позднелетеминарскими. При этом южный компонент в камышлинских комплексах может быть объяснен не только традиционной линией южных связей. Он мог быть привнесен на территорию Южного Приаралья непосредственно выходящими из южных земледельческих областей.

Это влияние южных областей на северные степные области Средней Азии для первой половины II тысячелетия до н. э. отчетливо представлено и отдельными металлургическими находками<sup>19</sup>. По-видимому, традиционные культурные связи с южными областями Средней Азии способствовали и зарождению начатков приращивающего земледелия в низовьях Амударьи. Иригационные системы, датруемые первой половиной II тысячелетия до н. э., нам пока неизвестны, но довольно высокий уровень развития иригационной техники в середине II тысячелетия до н. э. заставляет думать, что зарождение иригационного земледелия относится здесь к более раннему времени.

Наряду с этим Южное Приаралье в первой половине II тысячелетия до н. э. связано и с северными областями. Еще для позднелетеминарских памятников Акчадарьи было характерно распространение таких орнаментальных мотивов, как «шагающая гребенка» и «качалка», неизвестных в других культурах кельтеминарского круга, но широко распространенных в Южном Зауралье<sup>20</sup>. Для интересующего нас времени контакты с населением этого региона, видимо, демонстрируют материалы федоровского типа. Контакты эти, очевидно, осуществлялись по водным путям через низовья Сырдарьи. Оттуда вверх по Акчадарье шел путь в Южное Приаралье. Восточнее, через родники и колодцы, в район Бенбулака, возможно, шла сухопутная дорога, действовавшая в этих местах на протяжении тысячелетий, вплоть до нового времени. Нам не должно смущать, что на территории сырдарьинской дельты мы не знаем находок керамики федоровского типа: площади эти были активно освоены в

<sup>16</sup> Подальше, случаем привести благодарности А. В. Виноградову, ознакомившему меня с этими материалами и разрешившему их использовать.

<sup>17</sup> См.: Сальников К. В. Андроновский курганный могильник у с. Федоровки. — МИА, № 1, 1950, с. 63, табл. 1; он же. Очерки древней истории Южного Урала, М., 1967, с. 299, рис. 44.

<sup>18</sup> Грязнов Л. Н. Энеолитические племена Средней Азии в эпоху ранней и поздней бронзы. — РСИА, 122, 1970, с. 39. М. П. Грязнов реконструирует форму сосуда со стоянки Джанбас 8 несколько иначе, чем мы.

<sup>19</sup> Кузьмина Е. Е. Металлургические находки энеолита и бронзового века в Средней Азии. — САИ, вып. 149, 1966, с. 89, 90.

<sup>20</sup> Согласно гипотезе А. В. Виноградова контакты с Южным Зауральем прослеживаются и в материалах конца III — первой половины II тысячелетия до н. э. из Внутренних Кызылкумов (Виноградов А. В., Маледев Э. Д. Первобытный Саянск..., с. 226, 227).

более позднее время (античное и средневековое).

Если находки федоровского типа подчеркивают один из традиционных путей культурных связей, то камышлинские в основном представляют культуру аборигенов. Памятники камышлинской культуры расположены все на высоких отметках, что предполагает сильную обводненность Северной Акчадарынской дельты в тот период. На внутридельтовом пространстве Южной Акчадарынской дельты камышлинских находок нет. Таким образом, вопрос о том, когда было заселено внутридельтовое пространство Акчадары, может быть решен чисто теоретически. Поскольку нам известно, что в середине-второй половине II тысячелетия до н. э. внутридельтовое пространство Южной дельты было уже широко освоено, мы можем предположить, что вторая четверть II тысячелетия до н. э. — время расселения примитивных земледельцев и скотоводов на этой территории, когда процесс дренирования дельты после прорыва вод Амударьи в Арал шел уже полным ходом.

Культура этих племен и дала местную основу при формировании тазабагыбской, однако, как мы могли убедиться на нынешнем уровне наших знаний, выявляется она очень слабо.

## ТАЗАБАГЪЯБСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ

Картографирование стоянок тазабагыбской культуры и отдельных находок, преимущественно керамики, выявило очень четкую картину. Все памятники находятся в пределах Акчадарынской дельты Амударьи, часть из них (весьма незначительная) обнаружена в зоне контакта акчадарыньских и сырдарыньских (инкардарыньских) протоков. Основной территорией расселения тазабагыбцев была Южная Акчадарыньская дельта. Поселения их локализируются, как правило, на внутридельтовом пространстве, на такырах, близ затухающих боковых протоков. В настоящее время зафиксировано более 50 таких поселений, и на большинстве из них сохранились остатки жилищ (сейчас известно около 50 домов).

На коренном берегу в районе Южной дельты стоянок практически нет, но находки тазабагыбской керамики встречаются повсеместно и в большинстве случаев в смешанных комплексах, где преобладает более поздний материал.

В Северной дельте стоянок с тазабагыбским материалом мало, большинство из них также содержит смешанный материал. Однако все известные нам стоянки локализуются не на аллювиальной равнине, а на внутридельтовых останцовых возвышенностях (Уч-Таган, Буз-

Памятники тазабагыбской культуры, представленные многочисленными поселениями, четко фиксируются и достаточно полно исследованы, что и делает их и оставившие их население основным объектом нашего внимания. Однако помимо тазабагыбских поселений на восточном участке Южной Акчадарыньской дельты были выявлены поселения и отдельные находки, демонстрирующие другую культуру, — андроновскую. Она представлена наземными домами и подъемным материалом вокруг них или на месте их разрушения. Характерно размещение андроновских стоянок на склонах останцовых песчаных гряд внутри дельты. Иногда жилища с подобной керамикой встречаются непосредственно на площади тазабагыбских поселений, т. е. на такырах, близ дельтовых протоков.

По-видимому, эти стоянки могут рассматриваться как доказательство продолжающегося процесса инфильтрации степных племен из сопредельных областей Евразии на территорию Средней Азии. Движение этих племенных групп шло, очевидно, с учетом использования естественных источников воды и хороших пастбищ — оба этих условия были палицей на территории Акчадарыньской дельты.

гуд) или в котловинах выдувания крупных песчаных массивов, также расположенных внутри дельты (группа барактамских стоянок, стоянки Чимбай 2, Чагыр 1 и др.). Но и здесь отдельные находки тазабагыбской керамики присутствуют почти во всех более поздних комплексах эпохи поздней бронзы. Это, видимо, стоянки пастухов-скотоводов, в то время как поселения Южной дельты принадлежат земледельцам, имеющим комплексное земледельческо-скотоводческое хозяйство.

В основу нашего исследования мы кладем материалы Южной дельты, большая часть которых публикуется впервые.

На территории Южной Акчадарыньской дельты мы можем выделить три группы обследованных нами поселений: джабасско-кокчинскую, анкинско-базарскую и каватскую. Эти группы расположены на разных участках Южной дельты и приурочены соответственно к разным ее руслам.

*Джабасско-Кокчинская группа.* Основная группа стоянок расположена на внутридельтовом пространстве между Средним и Восточным большими Акчадарыньскими руслами. С севера эта территория ограничена Средним руслом, примыкающим южнее горы Кочча широтное направление, с юга — останцовой возвышенно-

стью с античной крепостью Джанбас-кала (см. рис. 87).

Однако отдельные стоянки и находки тазабагыбской керамики встречается как несколько западнее Среднего русла, так и между восточным коренным берегом и Восточным руслом. Основная территория распространения тазабагыбских стоянок этого района, испещренная сетью небольших вудридельтовых протоков, привлекла к себе внимание археолого-топографического отряда Хорезмской экспедиции (руководитель Б. В. Андрианов). В результате разведочных работ в районе Кокча — Джанбас были открыты поселения и остатки оросительной сети эпохи бронзы. На ряде поселений Б. В. Андрианов обнаружил пятна домов — остатки полужемлянок. Это тоже большая удача, так как до сих пор мы знали не больше пяти домов эпохи развитой бронзы, из которых раскопаны были три (два на стоянке Ангка 5 и один — на стоянке Кават 3). Весьма существенно, что стоянки района Кокча — Джанбас, как показали раскопки и разведки, в основном принадлежали носителям тазабагыбской культуры. Никаких памятников более позднего времени, т. е. выходящих за пределы II тысячелетия до н. э., здесь не обнаружено.

Интересующий нас район пронизан многочисленными русловыми протоками, в целом имеющими меридиональное направление. Как правило, они читаются на местности в виде таковых русел шириной 13—15 м, которые в отдельных местах иногда пересыпаны навесными невысокими грядами, иногда теряются в них. Разобраться в общем направлении этих русел и наметить конфигурацию гидрографической сети исследуемого района помогают данные аэрофотосъемки, в том числе специальной археологической<sup>21</sup>.

Дешифрирование снимков на местности показало, что основная масса поселений расположена в зоне действия двух небольших русловых протоков между Средним и Восточным руслами. На правом берегу Восточного русла, между ним и коренным берегом поселений почти нет. Они есть в юго-восточной части дельты, там, где Восточное русло, имея широкое направление, постепенно его меняет и устремляется к северу. Здесь была обнаружена стоянка Джингельды 10 с хорошо читающимися пятнами домов и арычной сетью. Однако основная масса стоянок располагается вдоль упомянутых двух русел и их ответвлений, а стоянка Кокча 15, например, — на старце одного из таких ру-

сел. Почти все поселения представляют собой группу из двух-трех домов, окруженных арыками и квадратами полей. Поля, в отличие от арыков, сохраняются хуже; кроме того, далеко не всегда удается проследить истоки того или иного арыка.

Характерно, что стоянки располагаются на небольшом расстоянии друг от друга. Это особенно хорошо видно на примере группы стоянок в зоне действия двух упомянутых выше протоков. Как правило, расстояние между стоянками на одном русле не более 0,8—1 км, а вся группа стоянок тянется вдоль такого русла на километры.

Дома на поселениях группируются по-разному. Иногда это два-три дома, отделенные друг от друга расстоянием от 30—50 до 100 и даже 400 м. Далеко расположены друг от друга дома на поселениях Кокча 15А и Джанбас 21. На довольно большом расстоянии друг от друга находятся и дома на поселении Кокча 15. Так, на площади в 450—500 кв. м обнаружено 12 домов, причем дома 4, 6 и 7 стоят поодиночке, 8—10 — рядом друг с другом, еще два дома — неподалеку друг от друга, но на расстоянии около 200 м к югу от основного скопления домов на поселении, а дома 2—5 образуют целую группу, центром которой является дом 2.

На стоянке Джанбас 33 пять домов образуют две группы (дома 1—2 и 3—5) на расстоянии около 100 м друг от друга. Рядом находятся дома на стоянке Джанбас 33А, расположенной в 700—800 м к северу от стоянки Джанбас 33. На стоянке Джанбас 30 три дома стоят буквально вплотную друг к другу.

Поселения Кокча 15, 15А и 16, Джанбас 21, 30, 33 и Байрам-Казган 2 раскапывались. На поселении Джингельды 10 была проведена шурфовка.

*Поселение Кокча 15* расположено в 13 км к юго-западу от горы Кокча, на старце одного из небольших русловых протоков, который в этом месте имеет направление, приближающееся к широтному (рис. 4). Проток этот выражен на местности в виде совершенно чистой таковой полосы (ширина 13—15 м) с кустниками по краям-берегам. Общее его направление — юго-запад — северо-восток. Юго-западный конец протока теряется в небольших навесных грядах, так что истоки его проследить затруднительно, но создается впечатление, что он был связан с более западным из двух заселенных протоков на этом участке дельты и, возможно, является ответвлением последнего. Восточный конец русла довольно отчетливо подключается к системе протоков, устремляющихся в северо-восточном направлении. На современной дневной поверхности, на правом и

<sup>21</sup> Групповая аэрофотосъемка стоянок и приречной сети эпохи бронзы была проведена визиром И. И. Игониным (Хорезмская экспедиция Института этнографии АН СССР).

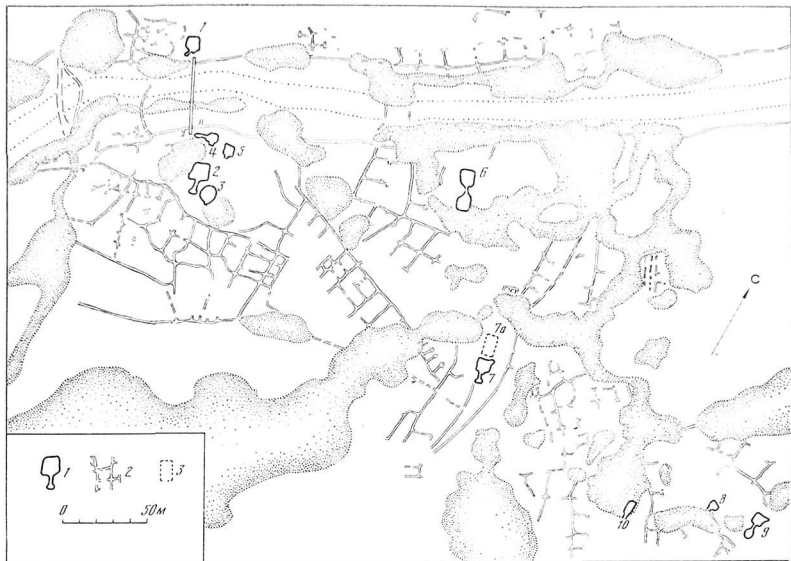


Рис. 4. Поселение Кокча 15. План

1 — дома; 2 — следы ирригационной сети; 3 — границы наземного жилища

левом берегу русла хорошо сохранились следы древней ирригации. Среди арыков и полей четко прослеживаются пятна домов. Все эти объекты очень легко обнаруживаются на местности благодаря разнице в цвете (они более темные) между ними и современной поверхностью такыра. Однако и тут наблюдается некоторая дифференциация: поля обычно более темного коричневого цвета, а арыки светлее, их цвет близок цвету такыра.

Поселение было обнаружено благодаря именно своему четкому «естественному плану», а не обильным россыпям керамики, как это обычно бывает. Керамики здесь очень немного, в основном она встречена в юго-восточном углу поселения.

Конфигурация ирригационных систем на поселении дает возможность проследить историю их создания по этапам (см. главу V). Происходившие изменения были теснейшим образом связаны с изменчивостью водного режима дельты.

Поэтому можно предположить, что 12 домов, обнаруженных на поселении, не все существовали одновременно и соответственно были связаны с тем или иным этапом развития ирригационных систем.

Как мы уже писали, дома 2—5 составляют одну компактную группу, в которой дом 2 как бы центральный.

Дом 2 — самый крупный на поселении (рис. 5). Его площадь  $10,8 \times 12$  м, входом он обращен на юг. Первоначально это была полуземлянка неправильной прямоугольной, скорее даже трапециевидной формы (рис. 6). Глубина ее котлована 0,8—0,9 м<sup>22</sup>. Котлован был вырыт в sucesлоно-суглинистых слоях материка. В середине южной стены располагался проход длиной 5,2 м, шириной 1,7 м. Его максимальная глубина достигала 0,8 м, т. е. уровня пола жи-

<sup>22</sup> Здесь и далее глубина дается от уровня современной дневной поверхности, относительная отметка которой на такырах внутридельтового пространства практически равна 0.



Рис. 5. Поселение Кокча 15. Дом 2 после раскопок. В левом верхнем углу — дом 3

лища, но к выходу уровень пола постепенно повышался и в предходовой части достигал уже 0,3 м. Предходовая часть имела неправильную округлую форму и, надо думать, была под легким навесом.

Дом имел столбовую конструкцию, причем система столбовых ямок фиксируется по внутреннему периметру стен, иногда они парные. Проход был, видимо, тоже перекрыт: там ясно видны столбовые ямы по углам его и вдоль стен. Диаметр столбовых ямок 12—18 см. Крупные опорные столбы стояли, видимо, и в углах дома. Диаметр угловых ям 0,4—0,5 м. По сторонам центрального очага, в центре дома, располагались две ямы диаметром 60—62 см, в которые, возможно, тоже были вкопаны опорные столбы. Наземная часть стен дома была каркасной. В северо-западной четверти дома у стен были обнаружены сгоревшие и рухнувшие остатки их наземной конструкции, сохранившие перелетение прутьев и куски обгоревшей глины — возможно, обмазки стен. Диаметр прутьев варьирует от 0,5 до 2 см. В этой же четверти на полу обнаружен сгоревший камыш. Он мог употребляться и при строительстве стен и при настиле перекрытия.

Очаг в центре дома, против входа, представлял собой прямоугольную яму площадью 1,4X X0,9 м, глубиной 8 см, заполненную белой золой. Вокруг очага пол был прокален, а с его западной стороны находилась прямоугольная небольшая яма, в которую выбрасывали пепел после чистки очага. В полу дома оказалось множество хозяйственных ям, большинство которых располагалось на западной его половине. В этих ямах и около них на полу найдены многочисленные фрагменты керамики. В северо-западной четверти удалось раскопать семь скопленной раздавленной посуды, лежащей явно *in situ*. В доме заметно выделяются очень чистая и малообжитая восточная половина и заполненная находками — западная.

Анализ заполнения дома 2 (рис. 7) дает возможность восстановить его историю, которая, по-видимому, была непростой. Первоначально на полу дома 2 отложился культурный слой, который представлял собой сусель, выхлуду в западной части дома и более плотную — в восточной, иногда с голубоватым оттенком, содержащую угольки и всевозможные культурные остатки. В центральной части дома толщина этого слоя не превышала 5—6 см, у стен





Рис. 6. Поселение Кокча 15. Дом 2. План

1 — керамика; 2 — кости; 3 — камни; 4 — терочкины; 5 — белемнты; 6 — скопления раздавленных сосудов

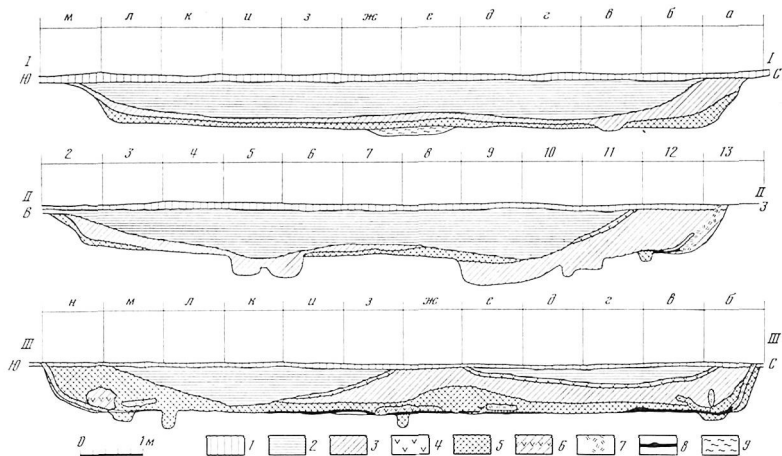


Рис. 7. Поселение Кочка 15. Дом 2. Разрезы

1 — тuffовидный суглинок; 2 — суглинок; 3 — серая сугесь с угольками и находками; 4 — болотный горизонт; 5 — культурный слой; 6 — прокаленная сугесь; 7 — угольки; 8 — следы пожара; 9 — заполнение очага

она увеличивалась до 20—30 см. Поверх него лежал слой супесчано-суглинистый, рыхлый, насыщенный угольками. В восточной половине дома, в центре, его толщина не превышала 5 см, а у стен достигала 30—40 см. Это особенно относится к северной стене дома, где этот слой выходит на поверхность почти в 1 м южнее линии стены, т. е. северная стена здесь фактически засыпана этими отложениями (разрез I—I). Та же картина наблюдается и у западной стены дома (разрез II—II). Разрез III—III, в 1—2 м от западной стены, демонстрирует еще более интересную картину. Слой с угольками заполняет здесь доверху всю северо-западную четверть и северную часть юго-западной четверти. К тому же в северо-западной четверти в этом слое попадаются фрагменты керамики, куски камней, кости животных, и вообще создается впечатление, что здесь была устроена свалка. Если у северной и западной стен, а также и у южной в ее западной части наблюдаются следы пожара, то северо-западная четверть дома была, видимо, очагом этого пожара, так как следы огня обнаруживаются повсеместно.

Можно предположить, что пожар возник в жилом доме внезапно и охватил его западную половину, затронув восточную лишь слегка,

у северной стены. Стремясь потушить огонь, люди стали забрасывать горящий дом землей, за счет чего и образовался супесчано-суглинистый слой с угольками, который всюду лежал поверх слоя пожара. Возможно, свидетельством стихийно возникшего пожара является раздавленная на полу посуда (обычно керамика бывает главным образом в хозяйственных ямах), и совершенно целый бронзовый серп, воткнутый в пол (мы очень редко находим на поселениях металлические вещи, а тем более целые). Вероятно и иное объяснение происхождения этого слоя с угольками, не исключющее первого предположения: это мог быть продукт разрушения наземной части стен, имевших каркасную конструкцию и обмазанных глиной. Может быть, именно поэтому в восточной половине дома 2, не охваченной пожаром, этот слой также есть, и мощность его у стен достаточно велика.

После пожара дом пытались приспособить под временное жилье. Можно предположить, что его меньшую, южную, часть отделили от пострадавших северной и северо-западной, соорудили очаг прямо против входа (1,23×0,8 м, глубина ямы 12 см, на дне ее — следы рубящего орудия типа кетменя) и жили некоторое время таким образом. Пострадавшую часть

дома не восстанавливали, и в его северо-западной четверти установили свалку. Происходило это бесспорно в период жизни поселения, так как керамика свалки не отличается от найденной на полу дома.

В пользу того, что дом 2 пережил два этапа существования, свидетельствуют и две столбовые ямы, вырытые в центральном очаге и входящие в систему столбовых ям, как будто бы отделяющих северную половину дома от южной. Впоследствии, видимо, довольно скоро после пожара, дом 2 был покинут жителями, так как в его южной и юго-восточной частях культурный слой беден находками. Процесс заполнения котлована покинутого дома продуктами разрушения и отложениями, образовавшимися за счет сезонных подтоплений, привел к сложению суглинистой линзы, пронизанной болотными прослоями. Мощность этой линзы в удаленней восточной половине дома достигает 70—75 см. В западной части дома и особенно в его северо-западной четверти толщина ее не превышает 30 см, так как там котлован к моменту образования этих отложений был основательно заполнен земляной засыпкой и свалкой.

Дом 4 расположен к северо-западу от дома 2. Он имеет неправильную форму, приближающуюся к прямоугольной, площадь —  $6,8 \times 5$  м, глубина котлована — около 0,5 м. Вход был обращен к югу, но никакого предвходового сооружения нет. Длина входа около 3,5 м, ширина — 2,8 м. Особенностью конструкции этого дома является очень длинный (7,2 м) дополнительный выход в западной стене. Скорее всего это длина не только прохода, а прохода и ведущей от него тропинки. Может быть, это был выход к арыку, идущему параллельно руслу.

Дом 4 имеет не очень четко выраженную систему столбовых ямок и скопление хозяйственных ям в северной половине, противоположной основному входу. В центре дома, ближе к северной стене, был очаг. Это неглубокая (8 см) яма почти квадратной ( $80 \times 80$  см) формы, заполненная землей, угольками и остатками золы. Культурный слой (супесь с угольками и редкими находками) лежит на полу, и толщина его не превышает 10 см. По-видимому, дом 4 был мирно покинут жителями, а малая мощность культурного слоя на полу свидетельствует о сравнительно кратковременном его существовании.

Дом 5 расположен в 12 м к северу от дома 2. Площадь его равна  $8,5 \times 7,8$  м, глубина котлована около 0,5 м. Дом имеет неправильную прямоугольную форму и проход в южной стене шириной 1,6 м и глубиной около 0,4 м. Проход как бы скользящий. Он не раскопан до конца, но, судя по тому, что уровень его пола через 2 м от входа в дом не повышается, проход был

еще длиннее и скорее всего завершался предвходовой частью с айваном. Столбовые ямки (диаметр 16—18 см) расположены довольно четко по внутреннему периметру стен, есть они и в проходе, т. е. он был крытым. По паре более крупных столбовых ям (диаметр 20, 35 и 40 см) расположено с восточной и западной сторон от очага, находящегося в центре дома. Очаг в виде квадратной ямы ( $1 \times 1$  м) глубиной 10—12 см по краям обнесен глинобитным валиком шириной до 10—15 см и высотой 12—15 см. Северная стенка его разрушена, а в юго-западной части южной — как бы скользящий проход. Создается впечатление, что форма очага имитирует форму дома. Очажная яма заполнена белым пеплом. Продуктами горения заполнена и круглая яма к северу от очага — в нее, видимо, выбрасывали золу при его очистке.

В северо-западном углу дома была площадка размерами  $1,0 \times 1,8$  м, возвышающаяся на 20 см над уровнем пола. Сохранившаяся глубина котлована дома в этом месте не превышает 15 см. Была ли это лежанка или, может быть, площадка для выброса мусора (в последнем случае в наземной части стены должно было быть отверстие), — сказать трудно. На полу дома обнаружен культурный слой голубоватого цвета толщиной не более 6 см, причем местами он даже вообще не прослеживается. Незначительная мощность культурного слоя, бедность его находками — свидетельства недолговременного существования дома.

Создается впечатление, что дома 4 и 5 каким-то образом связаны с домом 2 и безусловно были жилища. А вот дом 3, который явно входит в эту же группу, и по своей конструкции, и, видимо, по назначению отличается от описанных. Он расположен врыткой ко входу в дом 2 (рис. 5, левый верхний угол), ориентирован по оси северо-запад — юго-восток и имеет вход с юго-восточной стороны. До раскопок дом 3 читался на поверхности в виде темного пятна, по форме приближающегося к кругу. Раскопки подтвердили такую конфигурацию. Площадь дома  $10 \times 8,5$  м, глубина котлована 0,55 м. Особенностью этого дома, вырытого в суглинке, помимо необычной формы является не только малая толщина культурного слоя (4—12 см), но и его удивительная стерильность. Он не содержит ни золистых пятен, ни угольков, в нем практически нет находок. Зато в изобилии встречаются небольшие глиняные цилиндрики прямой или изогнутой формы, которые иногда рассматривают как заместившиеся остатки деревянных прутьев. Дом имеет совершенно нежилую вид. Этому впечатлению способствует и почти полное отсутствие в нем хозяйственных ям. В полу нет и следов стол-



Рис. 8. Поселение Кокча 15. Дом 6 после раскопок

бовых ям, что заставляет думать о какой-то иной, чем общеринная, конструкции стен и перекрытий. Наконец, необычен и очаг. Он расположен в центре дома, но несколько смещен к северу. Это две неглубокие (12 см) ямы овальной формы, разделенные естественной перегородкой (толщина 5—10 см). Размеры каждой из ям 1,2×0,8 м. На дне их сохранились следы палок и угольков от них, но пепла нет совершенно, что исключает долговременное горение. Судя по всему, сооружение это было нежилым и существовало недолго. Небольшая глубина дома, отсутствие столбовых ям, четко углубленного входа и предвходовой части, пепла в очаге — все эти обстоятельства наводят на мысль, что это было летнее временное сооружение типа большого шалаша, покоящегося на легких, не врытых в землю опорах. Может быть, это предположение подтверждает и форма дома, приближающаяся к круглой.

Остальные дома, расположенные на поселении, разбросаны по всей его площади и компактной группы не составляют.

Дом 6 (рис. 8) расположен в 150 м к востоку от дома 2. Площадь его равна 10×8,4 м, ори-

ентирован он по оси северо-запад — юго-восток. Глубина котлована приближается к 70 см, в южной части у прохода в среднем равна 60—65 см. Проход расположен в южной стене, имеет ширину 1,5 м, длину 4,4 м и глубину чуть больше 60 см. Он вырыт в одном уровне с полом жилища, но ближе к выходу его уровень повышается на 30—40 см. Таким образом, площадь перед проходом на 20—25 см ниже уровня современной дневной поверхности.

Дом 6 был вырыт в суглинке, способствовавшем хорошей сохранности его стен: они почти отвесные и совсем не осыпались. Отличительной особенностью является удивительно четкая система столбовых ям, позволяющая составить довольно ясное представление о его конструкции (рис. 9). Столбовые ямы диаметром 18—20 см, одиночные, иногда сдвоенные, идут по внутреннему периметру стен на расстоянии 2—2,5 м друг от друга. По углам прохода, в начале его и в конце, также имеются такие ямы. При входе из прохода в дом был, видимо, деревянный порог, от которого сохранилось в полу углубление шириной 10 см, глубиной 5,8 см, длиной 1,5 м, равной ширине про-

хода. Возможно, что две крупные ямы близ очага остались от больших опорных столбов.

Дом 6, как и все тазагабэбские жилища, был полудеревянный, перекрытие и наземная часть стен которой покоились на столбах диаметром 10—12 см. Проход был также перекрыт. В центре дома располагался очаг, залитый золой. Это прямоугольная яма со скругленными углами размерами 1,0×1,2 м и глубиной 18 см. Она с трех сторон, кроме южной, была окружена глинобитным бортиком шириной 15—18 см, высотой от пола 5 см. Рядом с очагом, прямо на полу, были обнаружены следы лежащих параллельно друг другу налок (диаметр 2 см), они не сгорели, а просто сгнили. Был ли это какой-то настил или остатки рухнувшего перекрытия, определить трудно. Помимо хозяйственных ям в полу дома были обнаружены две канавки, заполненные культурным слоем с продуктами горения. Одна из них, в восточной половине дома, имела S-образную форму, глубину 5—7 см, ширину 40 см, длину около 3,5 м; другая, меньшая по длине (около 2,5 м), была обнаружена в юго-западной четверти дома.

Заполнение дома с несомненностью свидетельствует о том, что он горел: культурный слой содержит в большом количестве включения золы, углей, горелой глины. В центре дома его мощность не превышает 3—4 см, зато у стен она достигает 15—20 см, что связано с обрушившимися при пожаре наземными стенами дома. Большое скопление углей и обожженной глины наблюдалось у южной стены дома около прохода. Керамика лежала на полу под этим горелым слоем. Судя по сравнительно небольшому количеству находок, пожар произошел уже после того, как дом был оставлен жителями.

Дом 7 (рис. 10) расположен к югу от дома 6. Отличительная его особенность — россыпи керамики вокруг него и особенно на поверхности его западной половины. Площадь дома 10×8 м, ориентирован он по оси север—юг с небольшим отклонением на северо-запад — юго-восток. Глубина котлована небольшая — 30—32 см, что, возможно, связано с особенностями залегания в этом месте материковых пород. Дело в том, что котлован вырыт в слое суглинка, но сразу под ним идет рыхлый слой серого амударьинского аллювия.

Дом имел прямоугольную форму, в южной его стене был проход шириной 1,5 м и длиной 4,8 м, заканчивающийся айваном полукруглой формы. Площадь айвана 3,4×2,4 м, в его юго-западном углу хорошо читался проход. Для дома 7 характерно понижение уровня пола в проходе по сравнению с уровнем пола в жилой части (перенад в отметках 20 см), что предо-

храняло от пропикновения в нее воды. Такойстройной системы в расположении столбовых ям, как в доме 6, здесь нет. В северо-восточном углу дома было углубление, в котором уровень пола полого поднимался вверх. Видимо, здесь было отверстие (в наземной части стены) для выброса наружу мусора. В центре дома находился очаг, представляющий собой овальную яму, вырытую в песке, площадью 1,5×1,0 м и глубиной 15 см, окруженной невысоким глинобитным бортиком, не замкнутым с южной стороны. Характерно, что в яме между двумя слоями золы идет слой обгорелой сусеси и глины (5—6 см), — видимо, это вторичная обмазка очаковой ямы. Вообще в доме 7 иза близости слоя материкового песка практиковалась обмазка глиной пола и стенок хозяйственных ям. Три ямы, расположенные к северу от очага, были заполнены золой, очевидно, выброшенной в них при чистке его. К северо-западу от очага находились две небольшие и неглубокие ямы овальной формы, заполненные золой и углями и весьма напоминающие жаровни. В юго-западной четверти дома, близ южной стены, обнаружена такая же канавка, как в доме 6, заполненная золой. Культурный слой дома лежит на полу, причем мощность его в центре дома ничтожна — 2—4 см, а к стенам она увеличивается до 25 см. В нем, особенно у стен, много замеченных прутиков. Культурный слой, как и во всех остальных домах, перекрыт суглинистой пробкой, мощность которой не превышает 10—12 см. В северной части дома этот суглинок лежит прямо на полу и на стене, так как здесь вся площадь пола зарыта хозяйственными ямами и культурный слой сохранился лишь в них.

Заполнение прохода имеет те же слои, но там культурный слой на полу перекрыт сверху комковатой сусесью, которую мы принимаем за развал стен. Отметим, что разрез через айван дал лишь культурный слой, без комковатой сусеси, что и понятно, ибо айван никаких стен не имел.

Дом 7а расположен к северу от дома 7, примерно в 2 м от него. На современной поверхности такры были замечены годубоватые янтна. В результате снятия таковой корки на площади 13×7 м удалось установить, что вся она покрыта пятнами ям, иногда со следами горения (рис. 11). Совершенно очевидно, что древняя дневная поверхность уничтожена, и дом, который был, видимо, наземным, сохранился лишь хозяйственные и столбовые ямы. Последние имели обычный диаметр — 15—20 см, но располагались они наиболее концентрированно вокруг очага, в радиусе примерно 3 м. Хозяйственные ямы в большинстве случаев круглой или овальной формы, диаметром

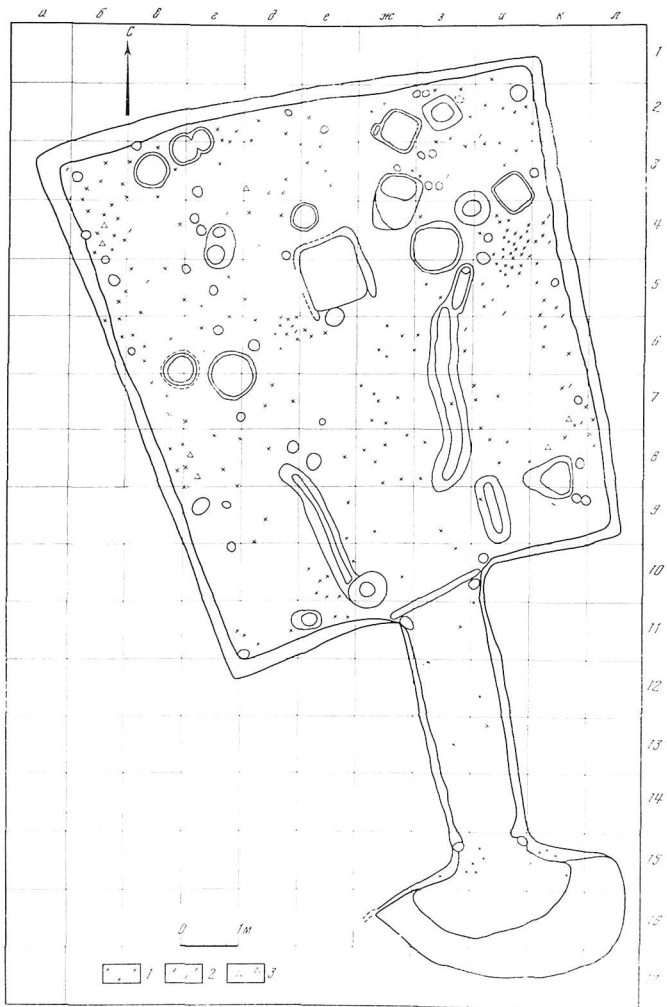


Рис. 9. Поселение Босча 15, Дом 6, План  
 1 — перегородки; 2 — посты; 3 — камни

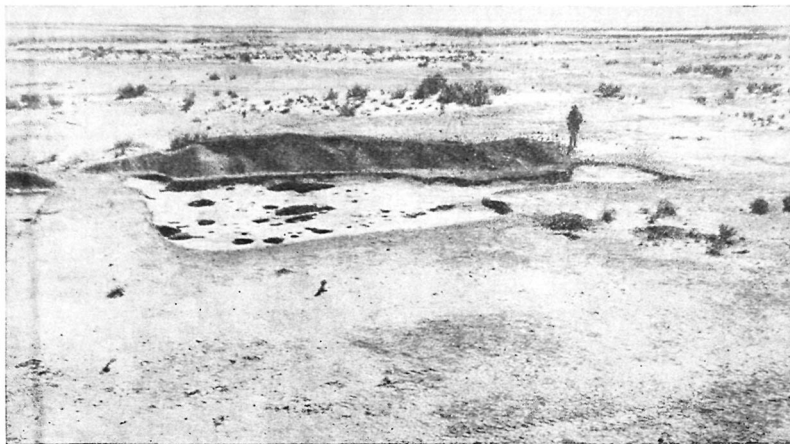


Рис. 10. Поселение Кокча 15. Дом 7 после раскопок

от 60 см до 1 м, глубина достигает в среднем 25—35 см, хотя есть ямы глубиной 55 и даже 88 см. Эти ямы расположены близко друг к другу, и сначала создавалось впечатление, что это хозяйственное помещение, но находка очага заставляет думать, что оно все же было жильем. Очаг расположен в центре скопления хозяйственных ям, имеет овальную форму, вытнут по оси север—юг. Его площадь  $1,2 \times 1,5$  м, глубина 24 см, по краю идет невысокий бортик, сильно разрушенный грызунами. Очажная яма заполнена золой и угольной пылью. Две большие ямы к северу от очага также заполнены золой, которую, возможно, выбрасывали в них при чистке очага. Площадь к югу от очага, т. е. там, где обычно бывает вход в жилище, свободна от ям.

Дом 9 (рис. 12) находится на восточном краю поселения. Он был очень четко виден на современной дневной поверхности в виде прямоугольника площадью  $3,4 \times 5,4$  м, с коридором-входом (длина 3,5 м) и приближающейся к кругу предвходовой частью диаметром 5,4 м. При раскопках выяснилось, что сохранившаяся глубина котлована дома равна 60 см. На сусечаном полу во многих местах зачищались натски, поверх них лежал слой навейного песка, толщина которого в центре дома 10—12 см,

а у стен достигает 30 см. На этом песке лежит слой плотного красноватого суглинка толщиной 40 см (в центре), но при этом верхняя граница песка имеет голубоватые болотные прослои. Никакого культурного слоя в доме нет.

В заполнении прохода на полу лежит тонкий (3—4 см) горелый слой, выше него — натки и навейный песок, почти доверху. Предвходовая часть, уровень пола которой повышается от выхода из коридора к югу, заполнена голубоватой сусью, лежащей на полу, поверх нее лежит красный слоистый суглинок. Прямоугольный очаг (площадь  $80 \times 60$  см, глубина ямы 10 см) расположен в центре и заполнен золой и угольками. В доме почти нет ям и нет находок; можно лишь упомянуть обломок зерноотерки и пестик.

В 10—12 м к востоку от дома на такыре были замечены круглые пятна, которые мы считали остатками хозяйственных ям. В среднем диаметр этих ям равен 1,0—1,3 м, глубина 37—40 см. Все они вырыты в суглинке, заполнение их однотипно. Под такырной коркой (8 см) лежит слой плотного красноватого суглинка, достигающий в центре 15 см. Под ним слой такого же суглинка с голубоватыми болотными прослоями. По дну и стенкам ям идет прослойка пепельного цвета с желтоватым



Рис. 11. Поселение Когча 15. Дома 7А (на переднем плане) и 7 после раскопок



Рис. 12. Поселение Когча 15. Дом 9 после раскопок. Слева — темные витна змок



оттенком, толщина которой не превышает 1,5—2 см. Возможно, что это следы сгоревшего (или сгнившего) органического заполнения.

Все восемь домов, расположенных на поселении Кочка 15, бесспорно дают материал для анализа. Шесть из них (2, 4—7, 9) примерно одинаковы, два (3 и 7а) отличаются от остальных. Дом 3 выделяется и по планировке, и по малой заглубленности, и, наконец, по отсутствию в нем ям (кроме очажной) и культурного слоя. Быть может, это общественное сооружение, но о том, что оно не было жилым, можно говорить уверенно. Дом 7а был, видимо, наземным и более поздним (об этом см. ниже).

Шесть сходных домов имеют в целом одинаковую планировку: прямоугольная полуземлянка площадью в среднем 80—85 кв. м, вход-коридор, выходящий на юг, юго-восток или юго-запад, предвходовая часть округлых очертаний. Дом и проход перекрывались: над предвходовой частью, возможно, был легкий навес, и она играла роль своеобразного айвана. Очаг располагался в центре против входа, причем в трех случаях (в домах 5—7) он имел прямоугольную форму и был окружен глинобитным бортиком, открытым с южной стороны, со стороны входа. Основная масса хозяйственных ям находилась обычно в северной половине дома. Характер заполнения котлованов жилищ позволяет заключить прежде всего, что жили в них сравнительно недолго и покидали, за исключением дома 2, не в результате стихийной бедствия (пожара), а обдуманно, предвительно забрав свое имущество. Об этом свидетельствует малая толщина культурного слоя в домах.

В доме 9 почти нет хозяйственных ям, и, возможно, наземная часть жилища была очень легкой, без обмазки. И проход, и сам дом заполнены навевным песком, что могло произойти после обрушения наземной части постройки, остатки которой сгнили и следов не оставили, а котлован засыпан песком.

В других домах (2, 4—7) поверх культурного слоя лежал слой комковатой супеси или супесчано-суглинистый слой с угольками, который, судя по тому, что у стен его мощность увеличивалась и находок в нем не было, если не считать засыпку в доме 2, можно считать продуктом разрушения наземных конструкций домов-полуземлянок. Трудно сказать что-нибудь определенное о том, с каким периодом функционирования оросительной сети связан тот или иной дом. Впрочем, имеются некоторые факты, о которых следует упомянуть.

Пурф через канал, идущий по правому берегу русла, параллельно ему, обнаружил культурный слой, прорезанный этим каналом, представляющий более древнюю дневную поверхность берега русла. Характерно, что ее уровень

ниже, чем сохранившийся уровень верха стен котлована дома 2. Можно считать, что дом 2 — не самое раннее сооружение на берегу этого протока и, может быть, он был выстроен тогда, когда уже действовал этот канал, прорытый параллельно протоку. Это же предположение может быть отнесено и к дому 4, западный выход которого вел к этому же каналу. Дом 7 может быть более поздним, чем дома 2—5. Раскопками установлено, что один из арыков, входящий в систему полей и арыков, выведенных из упомянутого канала, уходит под западную стену дома 7. Следовательно, дом 7 выстроен позже времени функционирования этого арыка. Дом 7а уже тем, что он наземный, отличается от остальных домов, но к тому же он, видимо, наиболее поздний. В этом нас убеждает анализ его керамического комплекса (см. ниже). Он моложе и дома 7, так как подземный керамический материал, собранный на поверхности дома 7, увязывается с керамикой дома 7а.

Среди находок, обнаруженных на поселении, больше всего керамики. Наибольшее ее количество сосредоточено обычно близ стен домов, особенно у стены, противоположной входу, где обычно сконцентрирована и основная масса хозяйственных ям. Помимо находок на полу, керамика встречена в хозяйственных ямах, причем в ряде случаев, например в доме 7а, в ямах стояли целые горшки. Часто фрагменты одного сосуда встречаются в разных хозяйственных ямах. На полу битая посуда разбросана в беспорядке, однако в западной половине дома 2 были зафиксированы отдельные скопления обломков посуды, являющиеся остатками некогда стоявших здесь целых горшков. Таких скоплений было обнаружено семь. В каждом было по два-три целых сосуда, в одном случае число их достигало шести-семи. Около 100 фрагментов керамики, обнаруженных в засыпке (свалке?) северо-западной четверти дома 2, не отличаются от найденных на полу и могут рассматриваться с ними в едином комплексе. В целом керамика поселения Кочка 15 довольно однообразна, и попытка выделить по керамическим комплексам разновременные дома не увенчалась успехом. Исключение составляет лишь дом 7а, на материалах которого мы остановимся отдельно.

Найденная на поселении посуда была лепная, изготовлена из глины с примесью шамота или дресвы. Очень велик процент сосудов, в глиняном тесте которых есть примесь толченных раковин. Обжиг был острым, и в большинстве случаев излом черепка черный при кремовом, коричневом, розоватом, редко — сером цвете поверхности. Из-за неравномерности обжига поверхность сосудов бывает пятнистой. Перед об-

Таблица I

Тазабаябские поселения. Общее количество и соотношение орнаментированной и неорнаментированной посуды

Памятник	№ дома	Общее количество фрагментов	Из них фрагментов с орнаментом	%	Покрытых резным орнаментом	Покрытых гребричатым и подпоясанным орнаментом	Примерное количество сосудов	Из них орнаментировано	%	Покрытых резным орнаментом	Покрытых гребричатым и подпоясанным орнаментом
Кочка 15	2	1418	449	31	361	88	87	66	76	50	16
	4	168	41	25	27	18	11—12	8	66	5	3
	5	90	29	32	15	14	10—15	10	66	7	3
	6	467	170	36,4	114	56	30	20	66	15	5
	7	491	162	33	148	14	Около 50	38	76	34	4
	7,	592	231	Около 40	184	47	Около 35	31	88	27	4
	подъемный материал	7а	415	210	Около 50	198	2	Около 50	40	80	40
Кочка 15А	1	623	170	28	148	52	Около 55	40	73	31	9
Кочка 16	1	825	323	Около 40	250	73	Около 100	89	89	40	18
	3	858	231	27	198	33	Около 65	52	80	21	10
	Подъемный материал	538	393	71	359	34	Около 75	71	92	66	5
Джабас 30	1	183	40	Около 30	34	6	Около 25	15	60	9	6
Джабас 33	1	301	43	Около 14	34	5	Около 25—30	14	50	12	2
	2	70	4	5	4	—	Не выделяются				
Байрам-Казган 2	1	438	85	Около 20	75	10	Около 40	24	60	19	3
Ангка 5	1	1114	69	6	39	30	40	28	70	17	11
	2	517	121	Около 25	611	60	59	35	60	12	23
Кават 3	1	3676	876	24	383	193	Около 200	151	75	122	29
Джабас 34	1	407	287	70	174	13	66	65	100	62	3
	и подъемный материал										
Могильник Кочка 3		—	—	—	—	—	94	54	57	51	3

жигом сосуды обмазывались жидкой глиной и затирались или заглаживались. В одном случае поверхность сосуда была окрашена красной охрой.

Сосуды были покрыты орнаментом, выполненным резными насечками, гладким или гребенчатым штампом. В двух случаях их украшали полусферические или конические палены. Характерно, что в пяти раскопанных домах орнаментированные фрагменты составляют в среднем 30—35% общего числа найденных. Исключение представляет дом 7а и относящаяся к этому же комплексу подъемная керамика из дома 7: здесь этот процент выше — 40—50% (табл. I). Орнамент в редких случаях покрывал всю поверхность сосуда, чаще всего он украшал его верхнюю треть или  $\frac{2}{3}$  его поверхности. Такая схема расположения орнамента подчеркивается кажущимся несоответствием процента орнаментированных фрагментов среди общего количества черепков из каждого до-

ма и процента орнаментированных сосудов из общего количества восстанавливаемых форм в каждом доме (табл. I). Практически орнаментированные горшки составляют  $\frac{2}{3}$  каждого комплекса, а то, что  $\frac{2}{3}$  общего количества фрагментов составляют неорнаментированные черепки, — свидетельство незаполненности орнаментом значительной части поверхности сосудов.

Увеличение количества орнаментированных фрагментов и орнаментированных сосудов в подъемном материале дома 7 и в находках из дома 7а еще раз выделяет их из комплекса поселения в целом.

Основная композиционная схема расположения орнамента — нанесение его горизонтальными полосами. Чаще всего украшена горловая часть сосуда, плечи и поверхность несколько ниже плеч. Довольно распространен принцип нанесения орнамента двумя полосами — на горле и ниже плеч. По плечам или чуть выше идет разделительная полоса в виде двух-трех гори-

Вид орнамента	Кокча 15							
	дом 2	дом 4	дом 5	дом 6	дом 7	дом 7.п.м.	дом 7а	
1		****	*	***	6	*****		
2		****	*					
3		****	*				**	
4		****	*					
5		****	*					
6		**			***	*****	****	
7		**						
8		**						
9		**					**	
10		**						
11		**						
12		**						
13		**		*				
14		**						
15		****	**			*****	**	****
16		**	*		**	****		
17		***			**	**		
18		**					***	
19		**						
20		**						
21		**						
22		**						
23		**						
24		**						
25		**						
26		**						
27		**				***		
28		**					**	
29		**						
30		**						
31		*				*		
32		*				*		
33		**						
34		**						

Рис. 13. Поселение Кокча 15. Таблица орнаментальных мотивов на керамике

зонтальных прямых, иногда заполненных насечками или группами насечек. В ряде случаев роль такого разделителя играет полоса треугольных или ногтевых вдавлений, иногда просто не заполненное орнаментом пространство. Иногда горло сосуда украшено не сплошной полосой орнамента, а отдельными его элементами с перерывами. Это могут быть группы по четыре-пять насечек в каждой, отрезки горизонтальной «елочки», вертикальных ломаных линий. Орнамент наносили гладким штампом, резными насечками, треугольной в сечении лопаточкой, гребенчатым штампом различной величины (в единичных случаях встречен мелко-

зубчатый штамп). Характерной особенностью керамики со стоянки является явное преобладание резного орнамента над гребенчатым.

Как видно из таблицы орнаментальных мотивов (рис. 13), наиболее распространенными были горизонтальные ряды наклонных прямых, расположенные под углом друг к другу, «елочка» в различных вариантах (2, 3, 6), заштрихованные равнобедренные треугольники в различных комбинациях (15, 16, 17), незамкнутые треугольники (10), ленты из горизонтальных зигзагов (5). На керамике из всех домов, кроме 7 и 7а, встречен мотив заштрихованных косугольных треугольников, который хорошо известен по памятникам андроновской культуры, считающимся ранними<sup>22</sup>. Довольно редко встречаются треугольники с «росточками» (12, 14, 20).

Очень любопытно, что такие широко известные по андроновской керамике мотивы, как различные варианты меандра, фигуры из заштрихованных лент (28), «флажки» (27), фестоны из треугольников (26), ромбы (29), ряды угловых отрисков (31) и, наконец, комбинации узоров, перемежающиеся рядами кашлевидных насечек (21—25), наиболее характерны для дома 7 и особенно для дома 7а, что лишний раз подчеркивает несходство комплекса последнего с керамикой домов на поселении. Для керамики из дома 7а характерно также украшение сосуда по всему тулову поясами орнамента, отделенными друг от друга горизонтальными прямыми или желобками.

По форме керамика с поселения Кокча 15 представлена в основном открытыми сосудами с выделенным горлом, туловом округлой формы и плоским невысоким дном, иногда с уступчиком. Они обычно имеют небольшой валикообразный венчик, плоский бережок и в отдельных случаях наплыв у края с внутренней стороны. Последняя деталь встречается на керамике эпохи ранней бронзы, но, по-видимому, связана с технологией изготовления сосудов и хронологического значения не имеет.

Сосуды с поселения можно разделить на ряд типов (табл. II)<sup>23</sup>.

<sup>22</sup> Сальников К. В. Бронзовый век Южного Зауралья.— МИА, № 21, 1951, с. 114; Сорокин В. С. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутах I в Западном Казахстане.— МИА, № 120, 1962, с. 78, 79, рис. 8, 9.

<sup>23</sup> Керамический комплекс поселения Кокча 15 положен нами в основу типологии тазабгайской посуды. Из-за фрагментарности керамического материала типы посуды в большинстве случаев восстанавливаются лишь по реконструкциям. При подсчете сосудов того или иного типа учтены лишь бесспорные экземпляры, поэтому число сосудов на памятнике расходитсся с числом сосудов, распределяющихся по типам. Количественное распределение сосудов по типам для этой и всех остальных стоянок см.

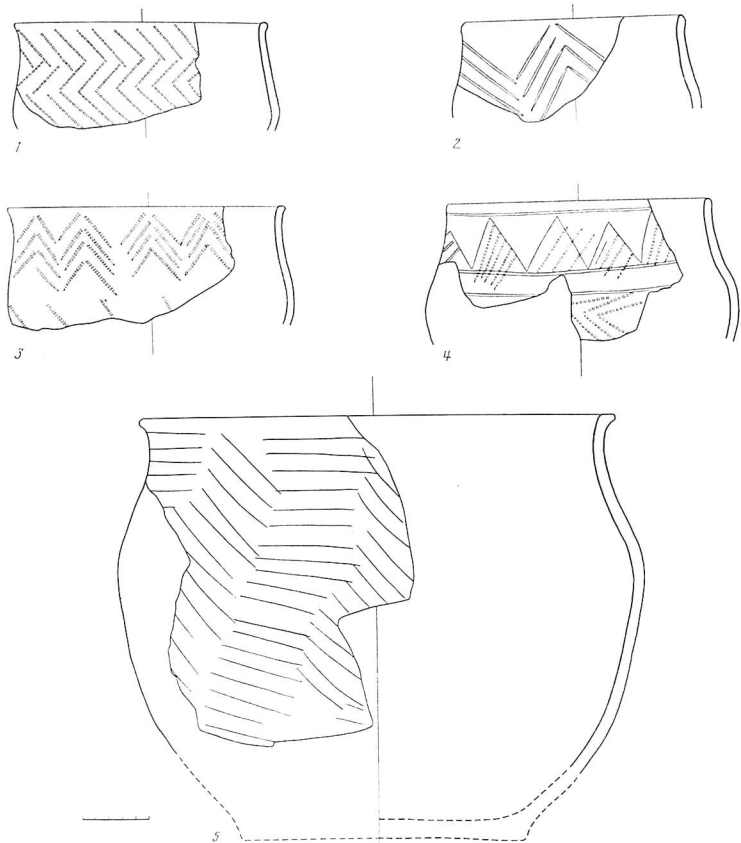


Рис. 14. Поселение Кочча 15. Дом 2. Керамика (1—5)

Сосуды типа 1 имеют широкое (диаметр от 18—20 до 24 см), слегка изогнутое горло, почти равное ему или составляющее его поло-

вину в диаметре дно и слабо выраженные плечи (рис. 14, 1—4). В большинстве случаев именно они на  $\frac{2}{3}$  или сплошь покрыты орнаментом, выполненным гребенчатым штампом или насечками. Мотивы: вертикальная «елочка», поля наклонных прямых, заштрихованные равнобедренные треугольники. На некото-

табл. 11. Ниже, при описании керамики с других стоянок, каждый вновь встречающийся тип посуды получает следующий порядковый номер.

Табзагаълбские поселения. Распределение керамики по типам

Таблица II

Памятник	№ дома	Всего сосудов	Из них отнесен по типам	Типы																					
				1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20		
Кокча 15	2	87	81	9	34	12	9	6	2	1	1	4	2	2	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	
	4	10—12	7	2	3	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
	5	10—15	8	2	4	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
	6	30	23	4	5	2	—	1	2	—	4	4	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
	7	Около 50	25	4	11	2	1	3	3	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	7 (подземный материал)	Около 35	8	1	3	3	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Кокча 15А	7а	Около 50	21	2	3	7	1	1	—	—	—	2	1	—	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	1 (нижний пол)	Около 30	26	4	15	7	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Кокча 16	1 (верхний пол)	25	22	4	13	2	—	1	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	3	Около 65	47	2	24	9	6	—	2	1	—	1	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Джанбас 33	1	Около 30	28	1	16	4	2	1	—	—	1	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	1	Около 25	19	1	6	5	1	3	11	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Байрам-Казган 2	1	Около 40	20	—	7	2	5	—	—	1	2	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Ангка 5	1	40	30	7	4	—	7	2	—	—	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	2	59	33	1	8	9	4	—	—	2	2	1	—	2	—	—	—	—	—	—	1	1	1	—	—
Кават 3	1	200	111	7	31	30	17	4	—	—	5	—	3	2	3	1	—	—	—	—	—	—	—	—	7
	1	66	37	—	3	—	—	8	2	—	—	1	—	—	12	—	—	—	—	—	—	4	—	—	7
Джанбас 34	и подземный материал																								

рых экземплярах по плечам имеет разделительный пояс, иногда в виде не заполненного орнаментом пространства. Сосуды этой формы встречаются во всех домах, но большинства не составляют. Аналогичим можно встретить среди форм эпохи ранней бронзы.

Сосуды типа 2 чаще всего встречаются на поселении, они есть во всех домах, но особенно много их в доме 2.

Они имеют слегка изогнутое горло, выступающий округлый венчик и плоско срезанный бережок. Горло, составляющее примерно  $\frac{1}{3}$  высоты сосуда, переходит в округлые, хорошо выраженные плечи, от которых тулово сосуда плавно опускается к плоскому дну, иногда имеющему характерный уступчик. Размеры различны: диаметр горловой части 18—22 см, но у крупных экземпляров достигает 38 см, диаметр дна колеблется в пределах 10—18 см (рис. 14, 5; 15; 19, 1—5; 20, 9).

Именно для этого типа характерно распределение орнамента по зонам или поясам: верх-

ний пояс — по горлу, далее при переходе к плечам или на сгибе плеч — разделительная полоса, ниже — еще один пояс. Орнамент выполнен гладким или гребенчатым штампом, насечками, и в ряде случаев нижний пояс заполняет поверхность сосуда почти до самого дна. Орнаментальные мотивы: запятрихованные равнобедренные треугольники, обращенные основаниями друг к другу, незамкнутые треугольники, пояса наклонных отрезков прямых, каждый из которых находится по отношению к другому под острым углом, подобие вертикальной «елочки» и т. д. Разделительный пояс образован двумя или тремя параллельными линиями, иногда они внутри заполнены каплевидными насечками.

Тип 3 представляют открытые сосуды с коротким, слегка изогнутым, а нередко направленным внутрь горлом и выделенными, часто высокими плечами. Диаметр их горла почти наловину превышает диаметр дна и колеблется в пределах 13—18 см (рис. 16, 5—9; 22, 2, 11).

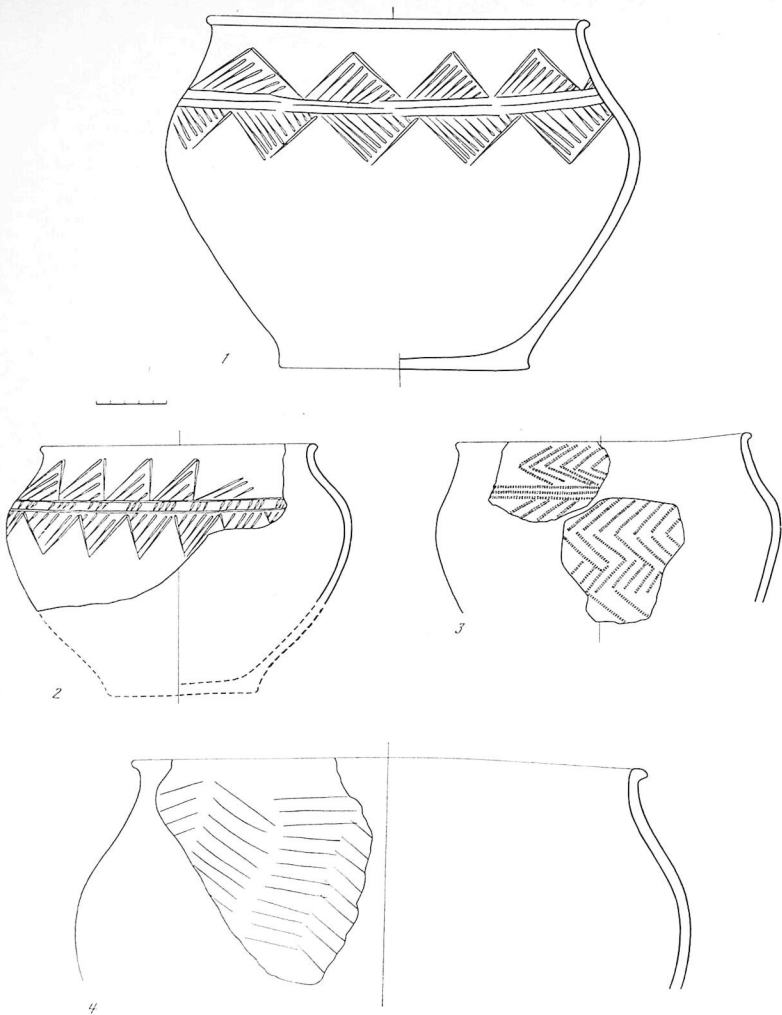


Рис. 15. Поселение Когча 15. Дом 2. Керамика (1—4)

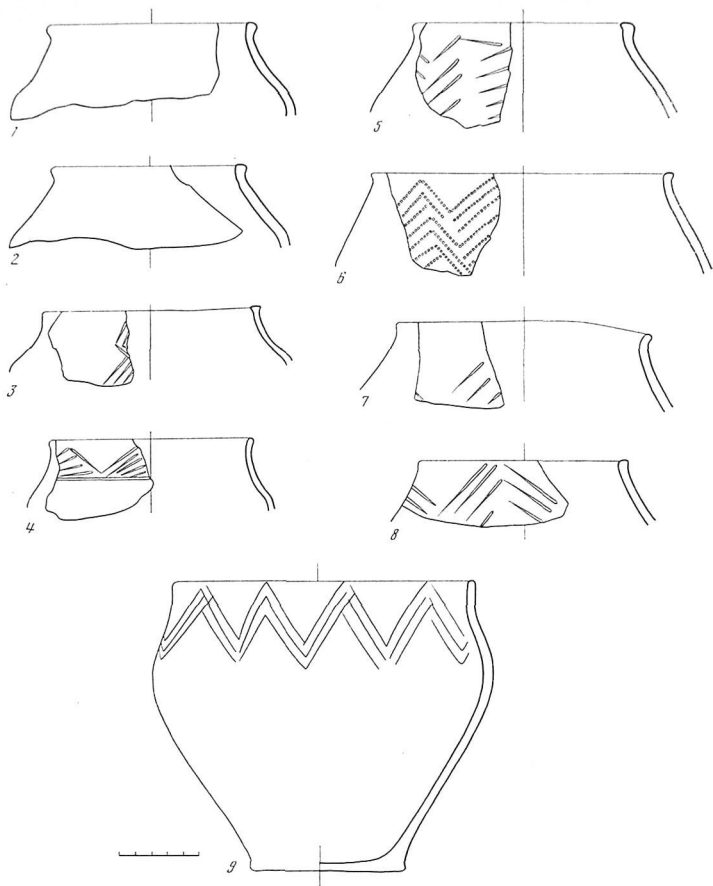


Рис. 16. Поселение Кокча 15. Дом 2. Керамика (1-9)

Этот тип включает остросереберные или близкие им варианты биконической формы (рис. 19, 6, 7). Он же имеет вариант с четко выраженным уступом плеча, но не остросереберным, а округлым (рис. 16, 1-4; 21, 6); в том случае, если этот уступ приходится на середину высо-

ты сосуда, форма последнего напоминает биконическую (рис. 16, 1, 2).

Сосуды типа 3, как правило, украшены орнаментом лишь в верхней трети или совсем не орнаментированы. Мотивы: ряды ломаных линий в разных комбинациях, заштрихованные

треугольники. Один сосуд такого типа, происходящий из дома 2, украшен на перегибе плеч ритмично повторяющимися коническими палепами (рис. 18, 3).

Четко выделяются сосуды типа 4 с коротким горлом или почти без горла и сильно раздутым туловом. Большей частью это неглубокие открытые горшки с широким горлом (20—22 см), валикообразным венчиком и, видимо, небольшим дном (рис. 17, 1—3). Как правило,  $\frac{2}{3}$  поверхности этих сосудов украшены орнаментом, расположенным зовалью, с традиционной разделительной полосой на плечиках. Среди орнаментальных мотивов — незамкнутые или косоугольные треугольники, ряды насечек и т. п. Этот тип имеет вариант в виде более крупных и глубоких сосудов почти без горла, с сильно раздутым туловом и плоским дном. Диаметр их горла (12—20 см), видимо, равен диаметру дна (рис. 17, 9; 23, 1). Сосуды типа 4 есть не во всех домах на поселении, но больше всего их в доме 2.

В тип 5 выделяются открытые сосуды, напоминающие миски, с изогнутым горлом (диаметр 12—19 см) и четким перегибом округлых плеч (рис. 17, 5, 6).

Вариант этой формы образуют сосуды с резким переходом от плеч к дну (рис. 17, 7; 21, 8; 22, 3), типа вазообразных. Все они обычно украшены орнаментом в верхней трети, однако имеются экземпляры, у которых орнамент покрывает  $\frac{2}{3}$  поверхности сосудов. В последнем случае встречаются зональные комбинации с разделителем на перегибе плеч. Мотивы самые разнообразные, но характерно расположение орнамента по горлу пучками. Один сосуд этого типа из дома 6 был украшен парными коническими палепами (рис. 18, 4).

Тип 6 — небольшие (диаметр горла 10—12 см) чашечки со сглаженным профилем, напоминающие камышлинские (рис. 20, 6, 7). Они, если и украшены орнаментом, то только по горлу. Встречаются редко.

К типу 7 относятся найденная только в доме 2 небольшая полусферическая чашечка с загнутым внутрь краем (рис. 18, 7).

Еще одна форма, тип 8, наиболее полно представлена в доме 6. Это сосуды с изящно изогнутым, коротким и довольно узким (не более 18 см в диаметре) горлом и сильно раздутыми плечами, очевидно, вытянутых в высоту пропорций. Они, как нам кажется, сделаны рукой одного мастера и украшены косоугольными треугольниками (рис. 20, 1—3). В доме 2 сосуд подобной формы имеет ниже берзика чуть заметное утолщение — намек на валик (рис. 18, 9).

Тип 9 — кринкообразные сосуды с прямым горлом (диаметр 12—18 см) и округлыми, чет-

ко выраженными плечами (рис. 18, 6; 20, 4). Чаще всего они не орнаментированы.

Довольно редко встречаются сосуды типа 10 — небольшие открытые горшочки без выделенного горла (диаметр по краю 13—16 см), с округлым (рис. 17, 4) или острорюберным (сосуд из дома 7а) перегибом плеч. Они чаще бывают неорнаментированными.

К типу 11 относятся два встреченных в доме 2 открытых горшка (диаметр горла 14 и 15 см, диаметр дна 6 и 9 см) с характерным, алакульского типа, уступчиком на плечах (рис. 18, 1, 2).

В доме 7а обнаружены четыре сосуда типа 12 — с невысоким прямым горлом диаметром 18—20 см и высоким уступчатым плечом. Один из них был найден в яме 15 (рис. 23, 2).

Одним экземпляром представлен тип 13. Это открытый сосуд из дома 2 с коротким горлом без венчика (диаметр 21 см) и с высокими раздутыми плечами, сходный со срубными образцами (рис. 18, 5).

Совершенно очевидно явное преобладание в каждом комплексе сосудов типов 1, 2 и 3, причем больше всего обычно табатагыбских сосудов типа 2. Дом 7а не составляет в этом смысле исключения, но о нем следует сказать особо.

В доме 7а все находки, а это в основном керамика, обнаружены в ямах. Один сосуд (рис. 23, 3) стоял в яме 20, в яме 15 оказались остатки двух горшков (рис. 23, 1, 2), в остальных случаях это отдельные фрагменты керамики. Среди орнаментальных мотивов (рис. 13), как и в других домах, часто встречаются ряды наклонных прямых, идущие под острым углом друг к другу, горизонтальная и вертикальная «елочка», заштрихованные равнобедренные треугольники. В то же время характерен идущий по горлу, иногда по плечам, пояс из двух-трех рядов горизонтальных ломаных линий, нанесенных, видимо, протачной гребенкой. В других домах такой орнамент не встречен. Учащаются различные комбинации из заштрихованных треугольников и рядов канлевиных насечек, встречены «флажки», меандр, «бантики» — мотивы, известные нам по андроновской посуде и не характерные для керамики из других домов поселения. По форме некоторые сосуды из дома 7а представляют типично андроновские образцы. Напоминает ранние вазообразные формы андроновской керамики и сосуд с хорошо выделенными раздутыми плечами и резким переходом к донной части из подьемного материала дома 7 (рис. 22, 3). К тому же, он, видимо, был богат орнаментирован, что вполне согласуется с его предпологаемой формой. Некоторой (но не прямой) аналогией нашему сосуду являются сосуды из



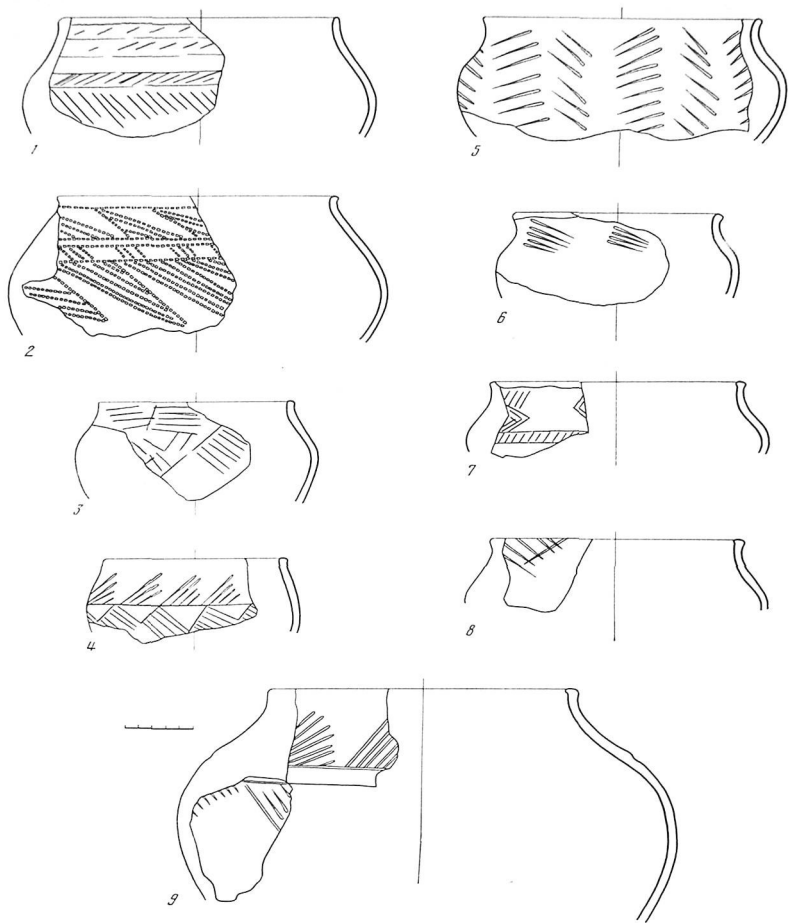


Рис. 17. Поселение Кокча 15. Дом 2. Керамика (1—9)

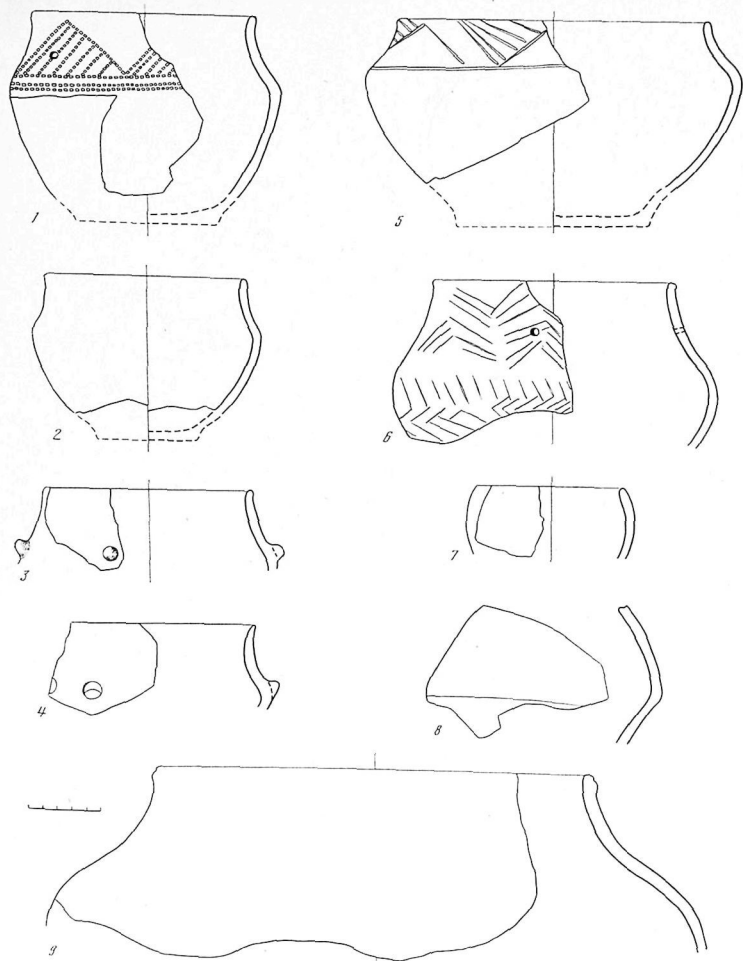


Рис. 18. Поселение Кокча 15. Дом 2. Керамика (1—9)

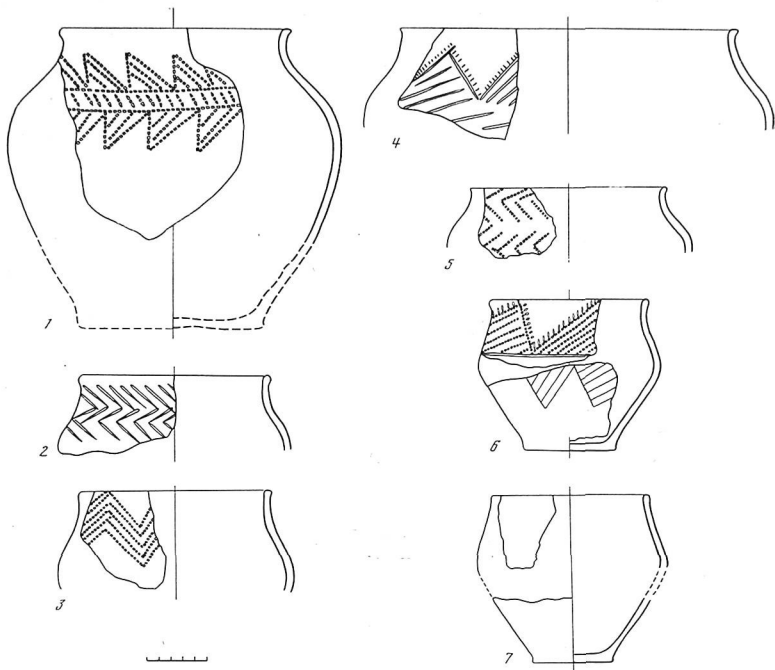


Рис. 19. Поселение Кочча 15. Керамика

1—3 — дом 5; 4—7 — дом 4

могильников Черняки 2<sup>25</sup> и Спасское 1<sup>26</sup> в Челябинском Зауралье, причем первый комплекс, по В. С. Сорокину, — федоровско-алакульский<sup>27</sup>, второй, по В. С. Стоколосу, — срубно-алакульский<sup>28</sup>. Очень выразителен сосуд из ямы 15 дома 7а с коротким прямым горлом и характерным алакульским уступчатым плечом (рис. 23, 2), аналогии которому мы во множестве на-

ходим в западноказахстанских и южноуральских памятниках алакульского времени<sup>29</sup>.

Если обратить внимание на подъемный материал, лежавший до раскопок на поверхности дома 7 (рис. 22), то можно заметить черты сходства его с комплексом из дома 7а (рис. 23; 24). Посуда вся сильно окатана, покрыта пыльным загаром и измельчена, так что отделке поверхности сосудов, ее цвете и формах

<sup>25</sup> Андроновская культура.— САИ, вып. ВЗ-2, 1966, табл. V, 2.

<sup>26</sup> Стоколос В. С. Культура населения бронзового века Южного Зауралья. М., 1972, с. 52, рис. 16, 1.

<sup>27</sup> Андроновская культура, с. 21.

<sup>28</sup> Стоколос В. С. Культура населения бронзового века..., с. 59.

<sup>29</sup> См., например: Крицкова-Гракова О. А. Алексеевское поселение и могильник.— Труды ГИМ. XVII, 1948, рис. 53, 54; Сорокин В. С. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутаки I., таблицы керамики; Андроновская культура, табл. X—XIV.

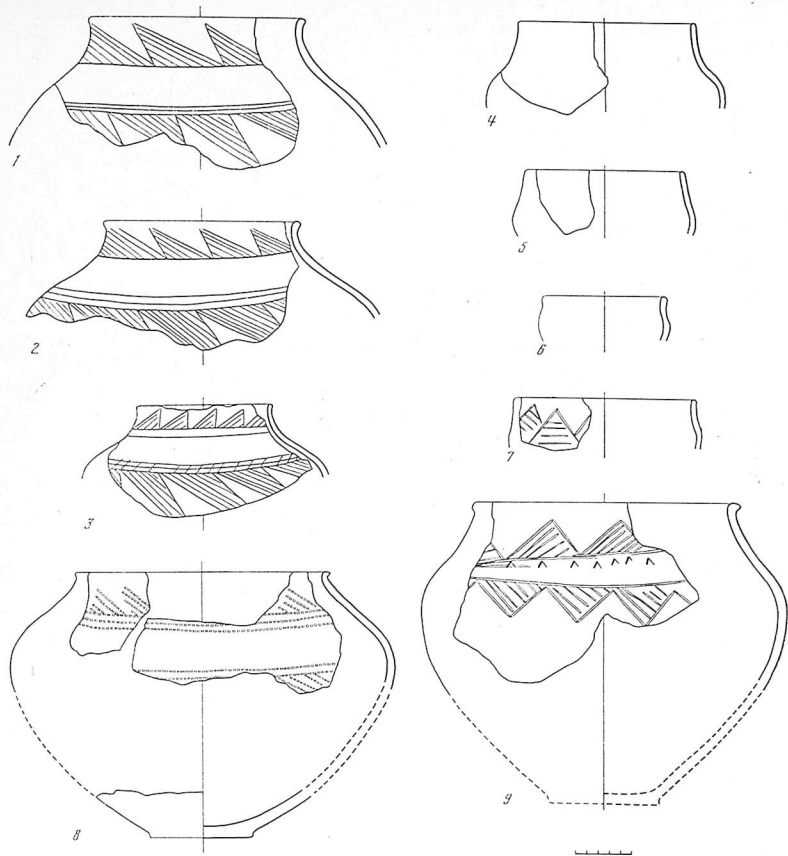


Рис. 20. Поселение Кочча 15. Дом 6. Керамика (1—9)

трудно говорить уверенно. В качестве примеси в глиняном тесте, как обычно, применены древесина или шмот, а поверхности сосудов затерты или заглажены. Среди орнаментальных мотивов встречаются равнобедренные заштрихованные треугольники с «росточками», но наряду с ними мы видим «флажки» и пояса кап-

левидных пасечек в различных комбинациях — мотивы, известные нам по находкам из дома 7а. Орнамент располагается зонально — по горлу и плечам, что не выделяет этот комплекс из описанных ранее, но, с другой стороны, во многих случаях все тулово сосуда разделено на горизонтальные пояса, заполненные орнамен-

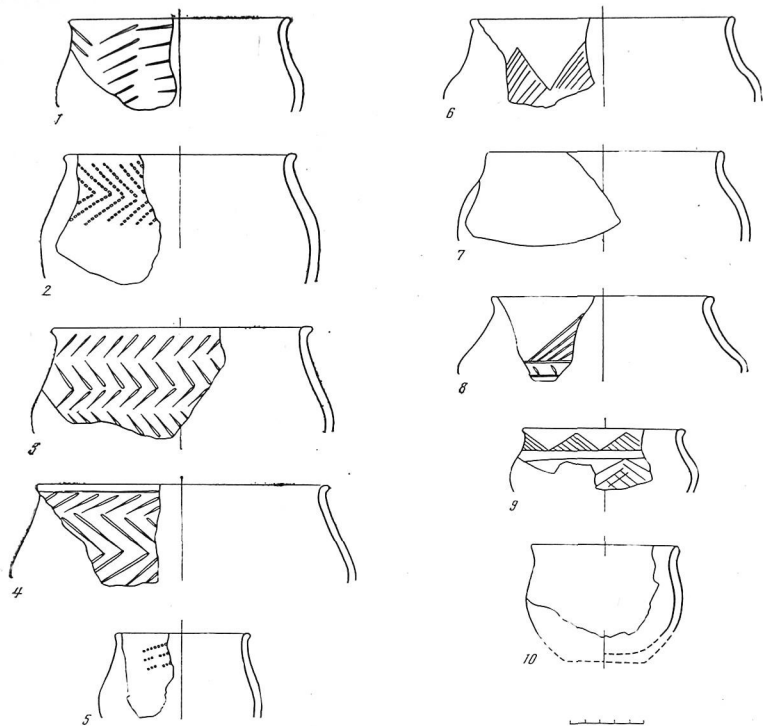


Рис. 21. Поселение Кокча 15. Дом 7. Керамика (1—10)

том. При этом случается, что разделителем служит желобок. Эти приемы для тазабагыбской посуды не характерны.

В целом создается впечатление, что эта керамика появилась на поверхности не в результате разрушения культурного слоя из дома 7. Видимо, подъемный материал дома 7 и керамика из дома 7а синхронны, т. е. дом 7а был обжит тогда, когда дом 7 уже не существовал. Более заметные андроновские черты в керамике из дома 7а как будто бы устанавливают различия в культуре между этим комплексом и

находками из остальных домов поселения. Однако следует иметь в виду, что в яме 15 дома 7а вместе с андроновскими был найден типично тазабагыбский сосуд типа 4 (рис. 23, 1). Большой сосуд для хранения запасов из ямы 20 (рис. 23, 3) тоже имеет тазабагыбскую форму типа сосудов из дома 5 (рис. 19, 1), но украшен он не в тазабагыбской манере. Бесспорно не андроновский и сосуд с узким горлом типа кувшина, обнаруженный в том же доме. Иными словами, при всем андроновском облике посуды из дома 7а она содержит все

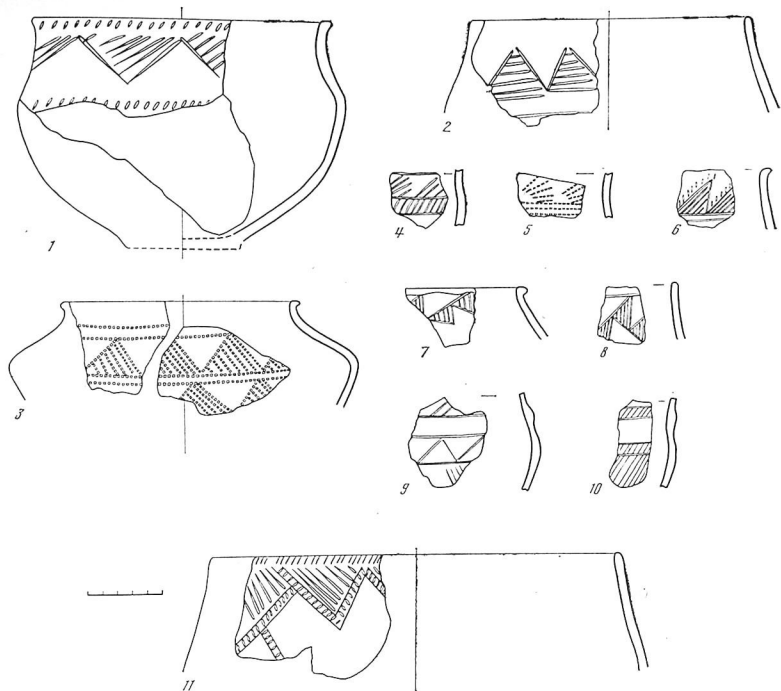


Рис. 22. Поселение Кокча 15. Дом 7. Керамика, подъемный материал (1—11)

же и тазабагыябские черты. О причинах этого явления мы скажем дальше.

Трудно переоценить находку в доме 2 фрагмента стенки сосуда из светлой глины, сделанного на гончарном круге. В нем нетрудно узнать обломок сосуда с характерным подкосом от тулова к дну (рис. 18, 8). Время бытования этого типа — конец периода Намазга V — период Намазга VI. В культуре Намазга VI они известны не только на Намазга-депе, но и на намятинках этого типа на Мургабе<sup>30</sup>. Кстати, там же мы находим очень близкую аналогю нашим сосудам типа 4<sup>31</sup>.

Изделий из металла на поселении почти нет. В доме 2 были найдены обломок однолезвий-

ного бронзового ножа с прямой спинкой, бронзовый серп андроновского типа, бронзовая серьга.

Среди изделий из камня (в основном из песчаника) на поселении Кокча 15 преобладают зернотерки. Обломков их много в доме 2 на полу и среди находок на свалке. Кроме того, там же много небольших терок, есть пестик, круглый в сечении. Встречен один камень яйцевидной формы, который обычно считают камнем для пращи.

Необычайно интересна и пока загадочна находка скопления белемнитов на полу дома 2. На некоторых белемнитах видны следы обработки. Одно из этих скоплений, неподалеку от северо-восточного угла дома, содержало более 100 экземпляров, другое, в северо-западной части дома, — 49. Известно скопление белемнитов

<sup>30</sup> Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргизи.— МИА, № 73, 1939, табл. I—II, V.

<sup>31</sup> Там же, табл. IX, I.

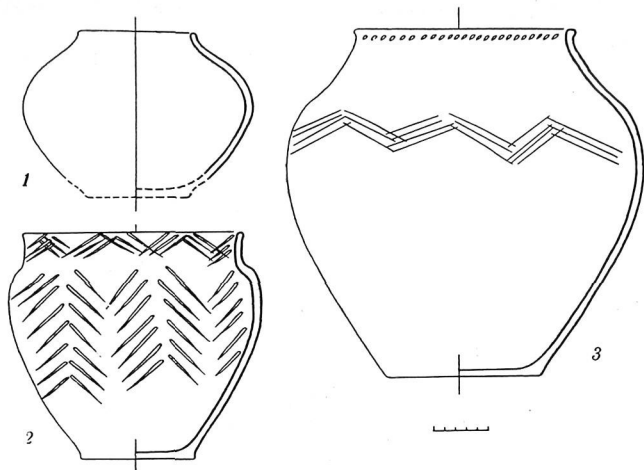


Рис. 23. Поселение Кокча 15. Дом 7А. Керамика

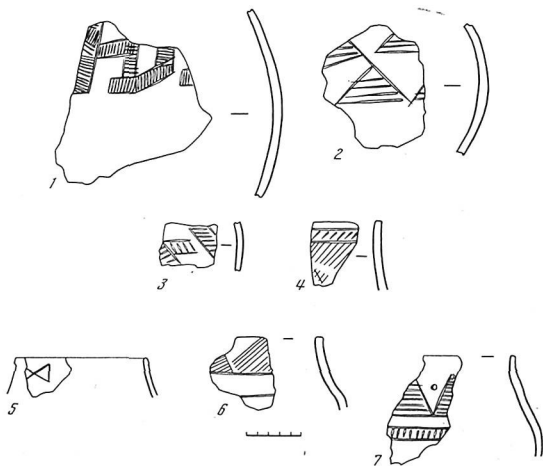


Рис. 24. Поселение Кокча 15. Дом 7А. Керамика (1—7)

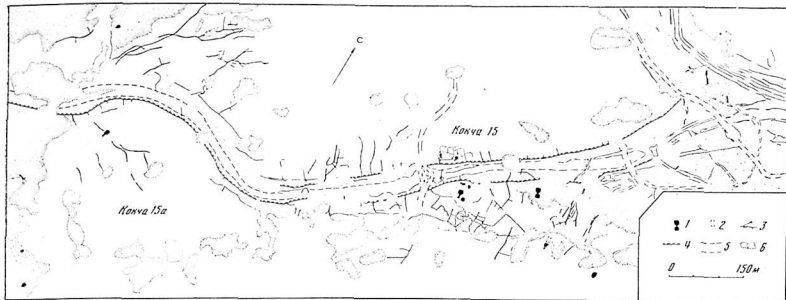


Рис. 25. Поселения Кокча 15 и 15А. План

1 — дома-полуземлянки; 2 — наземный дом; 3 — арычная сеть; 4 — основной арык; 5 — русло; 6 — поля

в срубном погребении кургана 1 у дер. Уразматово (XVI — начало XV в. до н. э.), где кроме них никаких находок нет. Н. Я. Мерперт считает возможным рассматривать эту яму как кенотаф и придает ей ритуальное значение<sup>22</sup>.

Среди находок на поселении Кокча 15 следует назвать глиняную фигурку собаки (?) и глиняную модель колеса с выступающей втулкой, найденные в доме 6.

Примерно в 800 м к западу — юго-западу от поселения Кокча 15 мы обнаружили поселение Кокча 15А, расположенное на том же русле (рис. 25). Между этими поселениями вся площадь такыра на правом и левом берегах русла испещрена обрывками оросительной сети, в отдельных местах пересыпанными навезенными песками. В районе поселения Кокча 15А эти пески превращаются в скопление небольших гряд, которые пересыпают русло и не дают возможности проследить до конца его истоки. Дом 1 расположен на правом берегу русла, в 50—60 м от него; дом 2 — на левом берегу, в 100 м от русла. Остальные дома (мы обнаружили два) находятся в 300—400 м к югу от русла, близ выведенного из него арыка. По внешнему виду они ничем не отличаются от домов поселения Кокча 15. Это все те же коричневые пятна, более темные, чем окружающий такыр, иногда слегка «всучухшие», имеющие прямоугольные очертания и выход на юг, юго-восток, юго-запад (реже). Иногда на такыре видна и предходовая часть. Как обычно, керамики вокруг них почти нет: не более десятка сильно окатанных маленьких фрагментов.

Из четырех обнаруженных нами домов был раскопан дом 1. Он вскрыт почти полностью. Не раскопанными остались проход и предходовая часть. По конфигурации он ничем не отличается от уже известных нам домов такого типа, так что следовало ожидать, что и заполнение его окажется идентичным. Оказалось, что это не совсем так.

Основной особенностью дома 1 явились два пола — нижний и верхний (рис. 26). До сих пор мы с таким явлением ни разу не сталкивались.

Дом 1 имеет площадь 10,6×9,2 м, глубина котлована в его центральной части достигает 1 м. Как удалось установить, дом был вырыт в суглинке, который подстилался слоем серого амударьинского аллювия. Люди, рывшие котлован, наскочили на этот серый песок и вынуждены были покрыть обмазкой не только дно котлована, но и нижнюю часть стен. Эта глиняная обмазка при вскрытии заполнения дома имела голубоватый оттенок, что связано, видимо, с процессом гниения каких-то растительных остатков. Обмазка нижнего пола имела толщину 3—5 см, поверх нее лежал культурный слой мощностью 14—15 см. В центре дома, как и в других случаях, был очаг в виде прямоугольной (1,6×1,1 м) ямы глубиной 20 см. Она имела по краям обычный глинобитный бортик высотой 10 см и шириной 15—20 см. К очажной яме с юга примыкала круглая яма. Хозяйственных ям в доме всего четыре. Основная масса находок на нижнем полу была сконцентрирована в северной половине дома, у восточной стены. Именно там была найдена каменная форма для отливки украшений, две ляльки, бронзовое четырехгранное шило с костя-

<sup>22</sup> Мерперт Н. Я. Срубная культура Южной Чувашии.— МИА, № 111, 1962, с. 14.



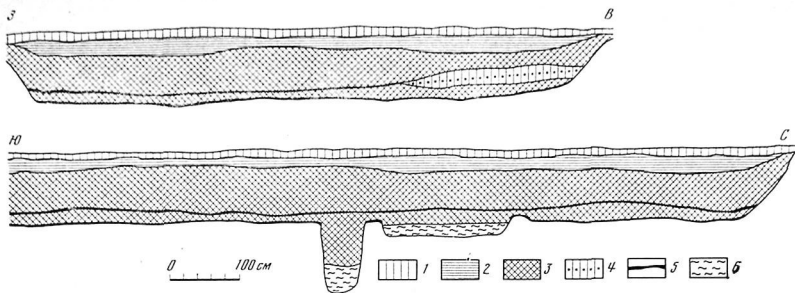


Рис. 26. Поселение Кокча 15А. Дом 1. Разрезы

1 — такыровидный суглинок; 2 — суглинок; 3 — культурный слой; 4 — забутовка; 5 — полы; 6 — золистое заполнение очага и ямы

ной рукояткой. Поверхность культурного слоя кое-где была подсыпана песком и заброшена глиной, а у восточной стены глина послужила для забутовки уступа своеобразной суфы (высота 40 см, ширина 35—40 см) и ее поверхности, относившихся к нижнему полу.

Поверх этой забутовки была положена обмазка второго, верхнего, пола, уровень которого у восточной стены из-за суфы был выше. Обмазка верхнего пола имела такой же голубоватый цвет, как и нижнего, и также несколько заходила на поверхность стен. Поверх верхнего пола лежал мощный культурный слой (толщиной до 60—65 см) с находками, но при этом на верхнем полу не было ни очага, ни хозяйственных ям. Последнее обстоятельство объяснению не поддается. Обычно мощность культурного слоя не превышает 40 см, да и то у стен, а здесь он достигает 60 см в центре. В связи с этим мощность суглинистой линзы, перекрывающей культурный слой, ничтожна — не более 20 см, в то время как в обычных случаях она бывает толщиной не менее 0,5 м.

Посуда с нижнего и верхнего пола в целом однотипна. Видимо, хронологической разницы между этими двумя комплексами уловить не удастся. Тем не менее, рассмотрим оба комплекса порознь.

Керамика с нижнего пола представлена 329 фрагментами. Из них орнаментировано 96 (около 30%), причем резным орнаментом покрыто 59 фрагментов (61%), штампованным — 37 (39%). В этом комплексе представлено около 30 сосудов, из них 22 орнаментированы: 17 покрыты резным, 5 — гребенчатым штампованным орнаментом.

Принцип заполнения орнаментом тулова сосуда обычный: полоса орнамента по горлу,

чаще — два пояса по горлу и тулову с разделительной полосой между ними, иногда узор по горлу располагается пучками. Наиболее распространенный мотив — ряды наклонных прямых, «елочка», заштрихованные треугольники — косоугольные, равнобедренные, иногда обрамленные «росточками». Обычен мотив незамкнутых треугольников. Штампом и насечками наносили все виды орнамента, т. е. каждый мотив мог быть нанесен и тем и другим способом. По форме преобладают сосуды типа 2 с округлыми плечами или отчетливыми их перегибом (рис. 27, 1—4), встречаются горшки типа 1 (рис. 27, 6—8) и типа 3 (рис. 27, 5).

На верхнем полу обнаружено 294 фрагмента керамики, из них 74 орнаментировано (25%), причем резным орнаментом украшено 59 фрагментов (80%), а гребенчатым штампованным — 15. Целых форм было примерно 25. Орнаментальные приемы и мотивы здесь в общем те же (рис. 28). Обращает на себя внимание частое употребление заштрихованных прямоугольных треугольников; встречен ярко выраженный, но небрежно выполненный меандр. В основном формы те же, что и на нижнем полу, но сосуды, украшенные по горлу рядами прямоугольных треугольников, довольно узкогорлы, а один из сосудов может быть отнесен к узкогорлому типу 8.

На нижнем и верхнем полах были найдены обломки гончарной посуды, сходные с фрагментами сосуда с подкосом из дома 2 на поселении Кокча 15. Следовательно, эта керамика датируется концом периода Намазга V — периодом Намазга VI. На обоих полах были найдены обломки каменных зернотерок и терок, в одном случае на терке были следы красной охры.

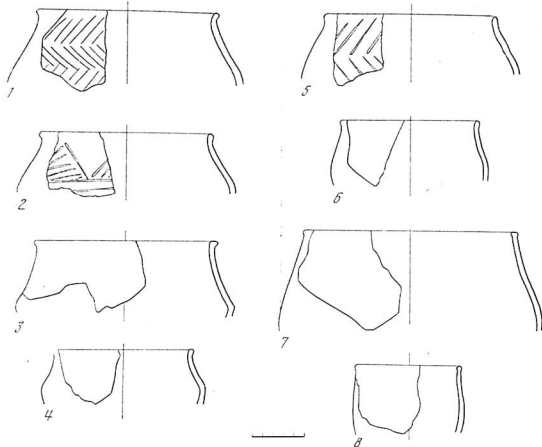


Рис. 27. Поселение Кокча 15А. Дом 1. Керамика с нижнего пола (1—8)

Еще одна группа домов — *поселение Кокча 16* — расположена в 800 м к юго-востоку от поселения Кокча 15, на берегах двух русловых протоков, которые имели меридиональное направление и, судя по всему, функционировали неодновременно. Более восточное из русел существовало, очевидно, дольше, так как оно хорошо прослеживается и к северу и к югу от поселения, и по его берегам зафиксировано еще несколько поселений этого и несколько более позднего времени. Более западное русло хорошо читается к северу от поселения, а на самом поселении, в его южной части, следы этого русла теряются.

Русла, ирригационная сеть, поля, остатки жилищ (рис. 29) читаются, как обычно, в виде более темных прямоугольных пятен на современной поверхности такыра. Таких пятен удалось зафиксировать два — это дома 1 и 3. Дома 2 и 4 были выражены менее четко, их поверхность представляла собой площадку с обильно рассыпанными по ней и вокруг нее фрагментами керамики. По аналогии с домом 7а на поселении Кокча 15 можно было предположить, что это остатки взаимных жилищ, отличающихся и по своему культурному наполнению от тазбагыбских полуземлянок, тем более, что керамический материал, собранный здесь, сходен с керамикой из дома 7а. Раскопки 1976 г. подтвердили правильность этого предположения.

Дом 2 располагается в западной части поселения, на правом берегу восточного русла. Западнее дома 2 проходит большой арык (шириной 2 м), который отходит от русла в 55—60 м к северо-западу от дома. На расстоянии 20 м от русла он пересекается с другим арыком, идущим параллельно руслу на расстоянии 15—20 м от него. Ширина этого меридионального арыка не превышает 1 м. К югу от дома 2 видны следы полей, орошение которых базировалось на этом крупном двухметровом арыке.

К югу от дома 3 также сохранились следы оросительной сети и остатки полей, но как эта система увязывается с руслом — сказать трудно. Против дома 2, на левом берегу русла, удалось проследить систему огородных участков, состоящую из прямоугольников (10×10 м; 10×6 м и т. д.), образующих компактную группу, площадь которой равна 65×55 м. Надо думать, что эти участки орошались водой этого же русла. В северо-западной части поселения, к северу от дома 1, вдоль левого берега второго, западного, русла, параллельно ему идет система арыков и полей, причем в 65 м к северо-западу от дома один из арыков пересекает русло и уже на другом берегу, восточнее, вокруг этого арыка группируются поля. Раз этот арык пересекает данное русло, значит, воды в нем в то время не было, и источник орошения этой системы был другой. Это подтверждает и положение дома 1 у самой береговой линии, что

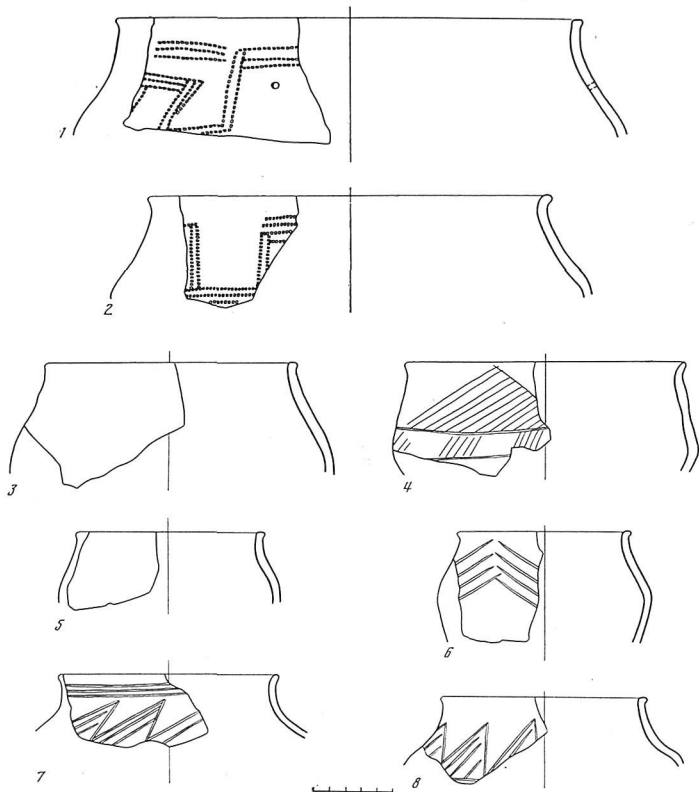


Рис. 28. Поселение Кокча 15А. Дом 1. Керамика с верхнего пола (1—8)

тоже заставляет думать, что воды в русле не было, так как высокий уровень грунтовых вод не дал бы возможности вырыть котлован полуземлянки.

К востоку от основного восточного русла, в районе дома 4, располагается довольно обжитая часть поселения. К северу от дома 4 проходит большой арык с ответвлениями и полями. Его длина, насколько ее удалось проследить, достигает 400 м. Но интересно, что этот арык в свою очередь пересекает основное

русло, т. е. этот жилой комплекс существовал тогда, когда воды в основном русле не было.

Таким образом, на одном поселении мы видим два, а может быть, и три относительно разновременных комплекса.

Раскопаны были дома 1 и 3.

Дом 1 был вырыт в серой супеси, ориентирован по оси северо-восток — юго-запад. По форме это неправильный прямоугольник площадью  $8,6 \times 10$  м с проходом в юго-западной

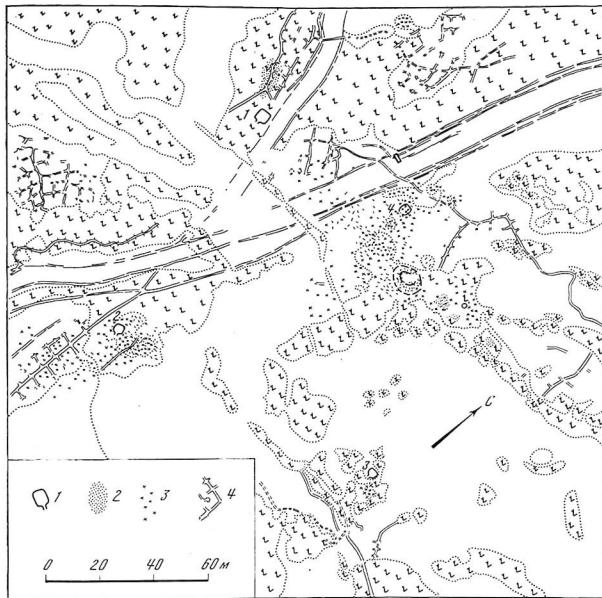


Рис. 29. Поселение Кокча 16. План

1 — дома; 2 — песок; 3 — керамика; 4 — остатки ирригационной сети

стене (рис. 30). Сохранившаяся глубина котлована 72—75 см. Очаг располагался в центре дома, был лишь несколько смещен к северу. Это овальная яма с золистым заполнением, без известного нам по другим домам глинобитного бортика. Две крупные ямы около очага также заполнены золой. Интересной особенностью дома 1 является сооружение вдоль его восточной стены. Это, видимо, суфа. Ее ширина 2,5—3 м, возвышается она над полом на 10—20 см. Конструктивно это просто невысокая ступень, вырытая в той же серой сунеси, что и весь дом.

Характерно, что на ее поверхности не было хозяйственных ям и очень мало находок. Вся площадь суфы покрыта голубоватым налетом; надо полагать, что в древности она была устлана циновками. Может быть, суфой также служило возвышающееся над уровнем пола на 25—30 см пространство площадью 4×2 м в юго-

западном углу дома, где тоже нет ям и находок. Дом 1 горел, но не очень интенсивно. Культурный слой, лежащий на полу, представлял собой сунесь с угольками и находками; в центре дома его мощность равна 25 см, у стен — 40 см. Поверху шел слой суглинка (30 см), отложившийся в результате последующего заполнения водой котлована разрушенного жилища. Суглинистый слой в проходе не образовался, так как он был почти доверху забит продуктами разрушения. Проход имел ширину 1,8 м и был защищен к юго-западу на расстоянии 2,8 м. В результате был обнаружен его западный угол при повороте к предвходовой части.

Видимо, в доме 1 жили достаточно долго, так как он весь переконан хозяйственными ямами, которые вряд ли существовали одновременно. Столбовых ям в доме много, довольно хорошо они видны на суфе вдоль восточной

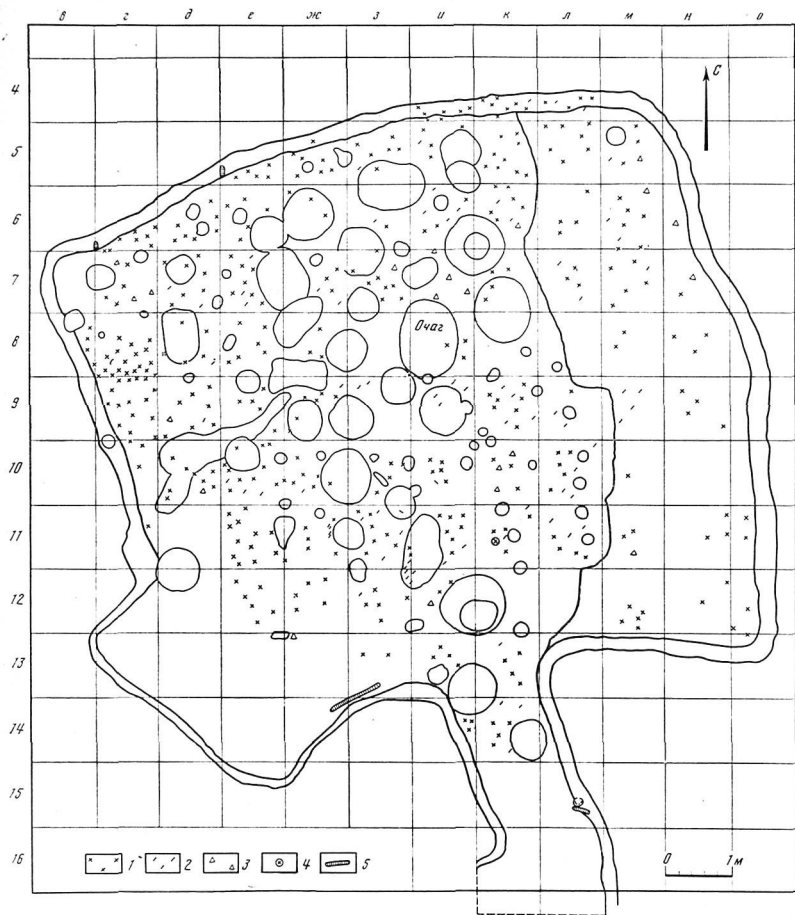


Рис. 30. Поселение Кокча 16. Дом 1. План

1 — керамика; 2 — кости; 3 — камни; 4 — обмазка; 5 — горелое дерево



Рис. 31. Поселение Кокча 16. Дом 3 после раскопок

стены, но в целом их расположение выглядит достаточно хаотично.

Дом 3 (рис. 31), расположенный в юго-восточной части поселения, имел площадь  $6,4 \times 7,4$  м и представлял собой прямоугольник со скругленными углами и выходом-коридором (длина 3 м, ширина 1,4 м), обращенным к югу. Коридор заканчивался предвходовой частью, приближающейся к кругу (примерный диаметр 4 м). Сохранившаяся глубина котлована 45—50 см. Стены дома супесчаные, пол суглинистый. Лежащий на полу культурный слой представлял собой серую сусесь с редкими угольками. Лежал он на тонком (1,5—2 см) голубоватом мягком слое, покрывавшем пол. Можно предположить, как и в других случаях, что это результат гниения органических остатков. Поверх культурного слоя лежала суглинистая линза, но здесь ее мощность невелика — 14—15 см. В проходе этот суглинок почти не отложился, так как его почти доверху заполняет серая сусесь с угольками — возможный продукт разрушения наземной части жилища. Дом имел столбовую конструкцию, причем столбовые

ямы диаметром 18—20 см хорошо видны у стен, есть они и в центре. Хорошо сохранились две столбовые ямы по сторонам прохода, при выходе его к предвходовой части. Очаг (1×1 м) располагался в центре дома и почти не был углублен. Он имеет подковообразную форму и окружен глинобитным бортиком высотой 10 см, открытым в сторону прохода. Вокруг очага группируются ямы, куда сбрасывались продукты горения после чистки. В доме довольно много хозяйственных ям.

Основная масса находок в домах 1 и 3 сосредоточена в северной, точнее северо-западной, части каждого из них и представлена, как обычно, керамикой (см. табл. I), которая лежит в ямах и на полу.

В доме 1 насчитывается около 400 сосудов, 90% которых орнаментированы. Примерно  $\frac{1}{3}$  их украшена штампованным орнаментом, в пяти случаях это мелкозубчатый штамп, который в тазабагъяльских комплексах встречается редко.

Орнаментальные композиции и отдельные мотивы не новы, но здесь они представлены

Вид орнамента	Кочка 16		
	дом 1	дом 2	Подъёмн. мотивный с послед- ствия
1		*****	****
2		***	*****
3		*	***
5			****
6		*****	***
7		*	
8		*	*
9			*
10		***	**
11		*****	***
13		**	***
15		*****	*****
16		*	*
17		*****	***
20		*	***
26			*
27			*****
28		***	*
29			*
31		***	*
32		*	***
34		*	*
35		*	
36		*	*
37			*
38		*	*
39			*
40		*	*
41			*
42			**
43			*****

Рис. 32. Поселение Кочка 16. Таблица орнаментальных мотивов на керамике

во всем своем многообразии (рис. 32). Орнамент на сосудах в большинстве случаев расположен зонально — на горле и плечах или ниже плеч, причем между этими двумя поясами непременно идет разделительная полоса в виде двух-трех горизонтальных параллельных прямых. Иногда пространство между ними заполнено насечками, чаще оно пустое. В ряде случаев роль разделителя играют угловые вдавления. Есть сосуды,  $\frac{2}{3}$  поверхности которых заполнено рядами наклонных прямых, расположенных под углом друг к другу. Среди орнаментальных мотивов преобладают также комбинации из заштрихованных равнобедренных, косоугольных и прямоугольных треугольников, различные варианты «елочки», причем встречаются сосуды, где «елочный» орнамент идет не сплошной полосой, а с интервалами. Как обычно, в ряде случаев сосуды украшены незамкнутыми треугольниками, треугольниками с «росточками». Встречены также простейший меандр (35) и фигуры из заштрихованных лент (28).

При всем разнообразии форм сосудов из дома 1 в целом они повторяют уже известные нам, в частности по дому 2 поселения Кочка 15, типы (см. табл. II). Правда, в доме 1 поселения Кочка 16 очень скупо представлены сосуды типа 1. Зато очень четко выделяются сосуды типа 2, причем, как всегда, они украшены двумя орнаментальными лентами с разделителем в виде горизонтальных прямых между ними (рис. 33). Хорошо представлены сосуды типа 3 и особенно его вариант — сосуды со слегка изогнутым, направленным внутрь горлом и четко выраженным перегибом округлого, а иногда остророберного плеча (рис. 34, 1, 2, 4, 6—8, 10; 36, 2, 4). Иногда перегиб этот приходится примерно на середину тулова, что приближает эти сосуды к бикоическим (рис. 34, 3). Поверхность сосудов этого типа на  $\frac{2}{3}$  покрыта орнаментом, иногда они не орнаментированы.

Хорошо выделяются сосуды типа 4 — открытые, практически почти без горла и с сильно раздутым туловом, представленные и крупными, и мелкими экземплярами (рис. 35, 1—3; 36, 1). Они, как правило, орнаментированы, преимущественно гребенчатым штампом.

Найден один узкогорлый сосуд типа 8 с сильно раздутыми плечами, украшенный поясами заштрихованных равнобедренных и косоугольных треугольников (рис. 34, 11). Прямою аналогию ему и по форме и по способу украшения поверхности составляют сосуды из дома 6 поселения Кочка 15 (рис. 20, 1—3).

Четко выделяются открытые сосуды с округлым туловом типа 5 (рис. 35, 4—6). Один из них, приближающийся к бомбовидной форме,

был украшен полусферическими напегами (рис. 36, 3).

Встречены также небольшие открытые бабочные горшочки типа 10 (рис. 36, 5, 6) и полусферические или близкие к ним чашечки типа 7 (рис. 36, 7, 8).

В доме 3 было около 65 сосудов, из которых 80% орнаментированы. Принцип расположения орнамента по двум зонам с разделителем между ними здесь очень устойчив. Среди мотивов основными являются заштрихованные равнобедренные треугольники, иногда с «росточками», встречается косоугольные треугольники, достаточно распространены ряды наклонных прямых, вертикальная и горизонтальная «елочка», треугольные и круглые вдавления и т. д. Чаще всего в комплексе встречаются сосуды типа 2 (см. табл. II), украшенные в большинстве случаев двумя поясами орнамента с разделителем между ними (рис. 37). Довольно много сосудов типа 3, причем среди них четко выделяются формы, близкие к биконическим (рис. 38, 6), в одном случае встречен биконический острореберный сосуд (рис. 38, 5).

Сосудов типа 4 меньше, чем в доме 1, но среди них выделяется экземпляр с коротким горлом и сильно раздутым туловом (рис. 38, 2), очень похожий на сосуд из дома 7а (рис. 23, 1).

В одном экземпляре найден сосуд типа 9, похожий на кринку (рис. 38, 1), встречены чашечки типа 6 (рис. 38, 7, 8), полусферическая чашечка типа 7, открытые горшочки типа 10 (рис. 38, 4, 9).

Интересен небольшой горшочек коричневого цвета с лощеной поверхностью, украшенный по горлу резным орнаментом в виде равнобедренных заштрихованных треугольников и разделительной полосой в виде желобка (рис. 38, 3) Лощение, желобок — все это приемы, не характерные для тазабугьинской керамики, но широко применяемые при украшении андроновской посуды. Фрагменты таких сосудов в доме встречены дважды.

Кроме керамики, в домах 1 и 3 находок почти нет. Можно назвать лишь глиняную модель колеса с выступающей втулкой (диаметр 5 см) и глиняную ляжку, найденные в доме 1. Находка ляжки свидетельствует о том, что предметы из металла изготавливались жителями поселения на месте. Изделия из камня встречены в обеих домах. Это фрагменты зернотерок и терок.

Суди по обилию хозяйственных ям и насыщенности культурного слоя керамикой, дома на поселении Кокча 16 существовали дольше, чем большинство домов на поселении Кокча 15. Может быть, одной из причин известной долго-

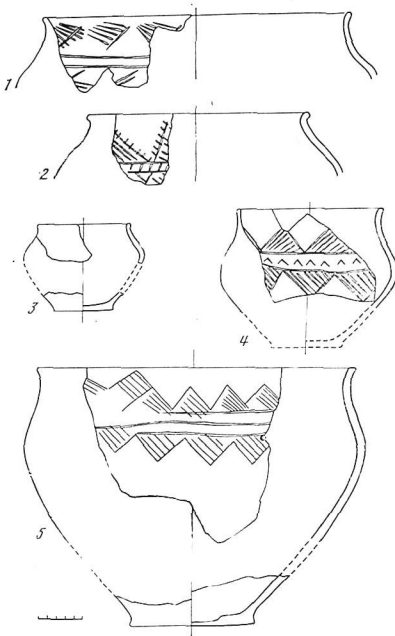


Рис. 33. Поселение Кокча 16. Дом 1. Керамика (1—5)

временности их обитания является довольно значительная (особенно это относится к дому 3) удаленность их от действующего русла, а следовательно, защищенность от наводковых вод.

Как уже говорилось, на поселении Кокча 16, преимущественно вокруг дома 4 и к юго-востоку от него, а также вокруг дома 2, был собран подъемный керамический материал. Он довольно единообразен и явно отличается от того что рассмотрено (если не считать отдельных черенков, бесспорно относящихся к культуре, представленной в домах 1 и 3). В глиняном тесте этих сосудов присутствуют дрова или шпалот, встречаются толченные раковины. Об отделе их поверхности судить трудно, так как черенки часто сильно выщерблены, окатаны или покрыты пустынным загаром. Но так или иначе, можно сказать с уверенностью, что в большинстве случаев внешняя поверхность



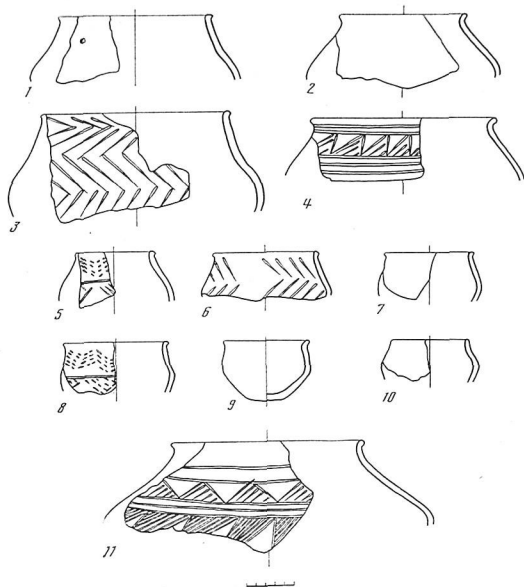


Рис. 34. Поселение Кокча 16. Дом 1. Керамика (1—11)

сосудов была заглажена, а часто залощена. Бросаются в глаза разнообразный орнамент, покрывающий большую часть поверхности сосудов, и явное преобладание (71%) орнаментированных фрагментов над неорнаментированными. В основном употреблялся резной орнамент (см. табл. 1), и лишь 34 черепка были покрыты узором, нанесенным гребенчатым штампом. Такое соотношение резного и штампованного орнамента — довольно обычное явление и для комплексов из полуземлянок, хотя там гребенчатый штамп применялся чаще. Обращает на себя внимание другое — процент орнаментированных фрагментов. Он очень велик по сравнению с долей их из полуземлянок. Там обычная цифра 30%, здесь она вдвое больше и может быть в какой-то степени сравнима лишь с процентом орнаментированных фрагментов из дома 7а на поселении Кокча 15 — около 50%. По-видимому, как и в доме 7а, такой процент черепков, покрытых орнаментом,

связан с тем, что им украшали большую часть поверхности сосуда. Но дело не только в этом. Из 75 сосудов среди подъемного материала поселения Кокча 16 орнаментирован 71.

В большинстве случаев это горшки, поверхность которых украшена уже известными нам двумя поясами орнамента — на горле и ниже, с разделительной полосой между ними. Но если на тазабаягьской керамике верхний пояс идет не от самого края сосуда, а разделительная полоса приходится на переход к плечам, то на описываемой керамике верхний пояс очень часто идет в верхней части горла, у самого края, а разделительная полоса — в нижней части горла. При этом она представляет собой довольно широкую, не заполненную орнаментом полосу, расположенную между двумя лентами, заполненными во многих случаях каплевидными насечками или просто резными штрихами. Часто такая лента идет по самому краю горла сосуда, поскольку сосуды эти во многих случа-

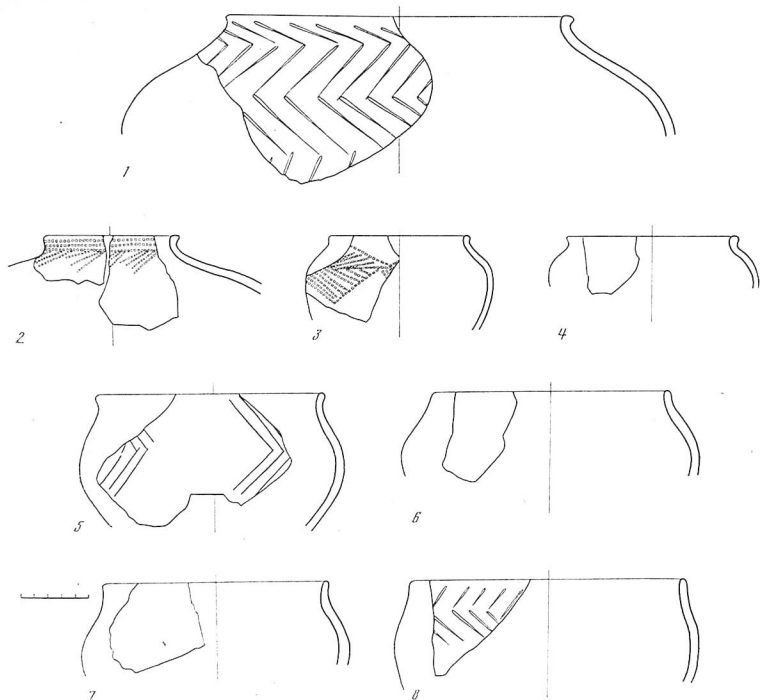


Рис. 35. Поселение Кокча 16. Дом 1. Керамика (1—8)

ях венчика не имеют. Вторая, нижняя, полоса орнамента идет по плечам и ниже плеч. Довольно характерный момент — желобок при переходе от горла к плечам или несколько таких желобков. Бывает и так, что сосуд украшен двумя-тремя орнаментальными лентами в верхней части горла, а в нижней непременно идет полоса, не заполненная орнаментом. Таким образом, признак, характерный для западноказахстанских алакульских комплексов, — не заполненная орнаментом полоса в нижней части горла, здесь четко выражен.

Из орнаментальных мотивов чаще других встречаются ряды наклонных прямых, ленты из нескольких рядов горизонтальных ломаных линий, различные варианты «елочки», заштри-

хованные равнобедренные треугольнички, ромбы, «флажки», «зеты», меандроподобные фигуры, комбинации из заштрихованных лент, угловые и погловые вдавления и ряды каплевидных насечек или ленты, заполненные ими (рис. 39; 40). Здесь и треугольные вдавления, и ленты, и ряды каплевидных насечек играют роль не только разделителей, как в керамике из полуземлянок, но и самостоятельных орнаментальных поясов. В одном случае на рифленую поверхность сосуда нанесены ряды каплевидных насечек (рис. 39, 9), которые, видимо, покрывали все туловище сосуда; в другом — сосуд украшен горизонтальными рядами треугольных вдавлений (рис. 40, 4) и т. д.

Встречен фрагмент сосуда с коническим на-

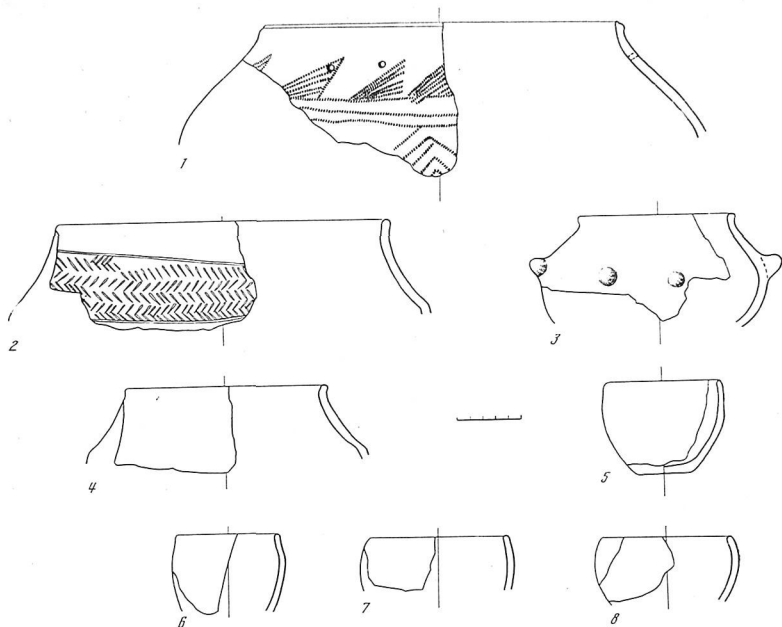


Рис. 36. Поселение Кокча 16. Дом 1. Керамика (1—8)

лепом, но не на плечах, а чуть ниже края горла, как на керамике Алексеевского поселения<sup>33</sup>. Среди форм встречаются сосуды типа 2 (рис. 40, 1—3, II), но больше горшков типа 9 с прямым или слегка направленным внутрь горлом и хорошо выраженными плечами (рис. 40, 4—5, 12, 13). Довольно выразительную группу составляют сосуды типа 5 со слегка изогнутым горлом, хорошо выделенными плечами, ниже которых имеется резкий переход к донной части (рис. 40, 7—9). Есть один сосуд типа 4 и сосуд типа 9 (рис. 40, 6). Однако среди восстанавливаемых форм нет ни одного сосуда с уступчатым плечом, в отличие от керамики из дома 7а на поселении Кокча 15,

среди которой есть материал, сходный с описываемым. И все-таки в целом керамический подъемный материал с поселения носит явно андроповский характер и, вероятно, может быть объединен в одну группу с комплексом из дома 7а на поселении Кокча 15.

Как уже говорилось, поселения Кокча 15 и 16 находятся в зоне действия двух протоков Акчадары, которые мы условно назвали Восточным и Западным. Берега этих протоков и территория между ними были густо заселены. Здесь буквально на каждом шагу мы встречаем следы древней ирригационной сети, и во многих случаях тут же удается обнаружить и пятна домов. Наблюдается уже замеченная нами на примере поселений Кокча 15 и 16 закономерность: вокруг тазабагыяских домов-полуземлянок подъемной керамики очень мало, а в

<sup>33</sup> Кривоша-Гракова О. А. Алексеевское поселение и могильник, рис. 55, II.

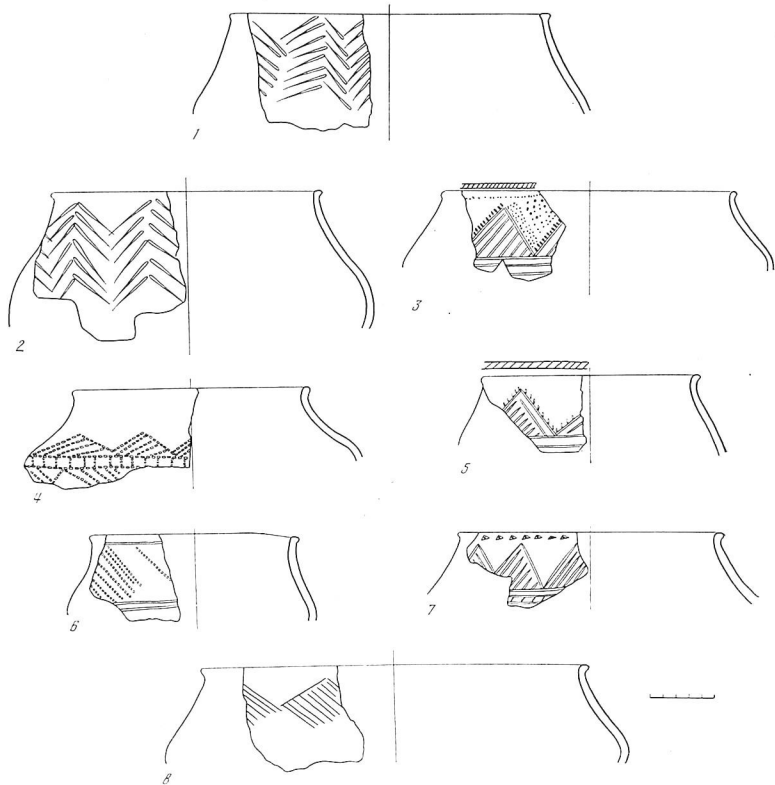


Рис. 37. Поселение Кочча 16. Дом 3. Керамика (1—8)

том случае, когда ее много, — это другой материал, андроновский.

Тазабагыбское расселение хорошо прослеживается по Восточному руслу в точках 1621, 1622, поселениях Кочча 17 и 18 (см. рис. 87).

Западный проток идет параллельно Восточному, на расстоянии 2—2,5 км. Между ними можно наблюдать систему небольших широтных протоков, а может быть, даже каналов. Западный проток был не столь густо заселен. Если не считать поселений Кочча 15 и 15А,

к северу от них известна точка 1599, расположенная на левом берегу протока или одного из его ответвлений, в 800 м к северо-западу от поселения Кочча 15. Керамика здесь типично тазабагыбская.

Точки 1603, 1609, 1610 расположены на канале, вытянутом в широтном направлении и связывающем Восточный и Западный протоки. На всем протяжении этого канала мы встречаем керамическую щебенку. Полоса эта выглядит чрезвычайно обжитой. Видимо, это была

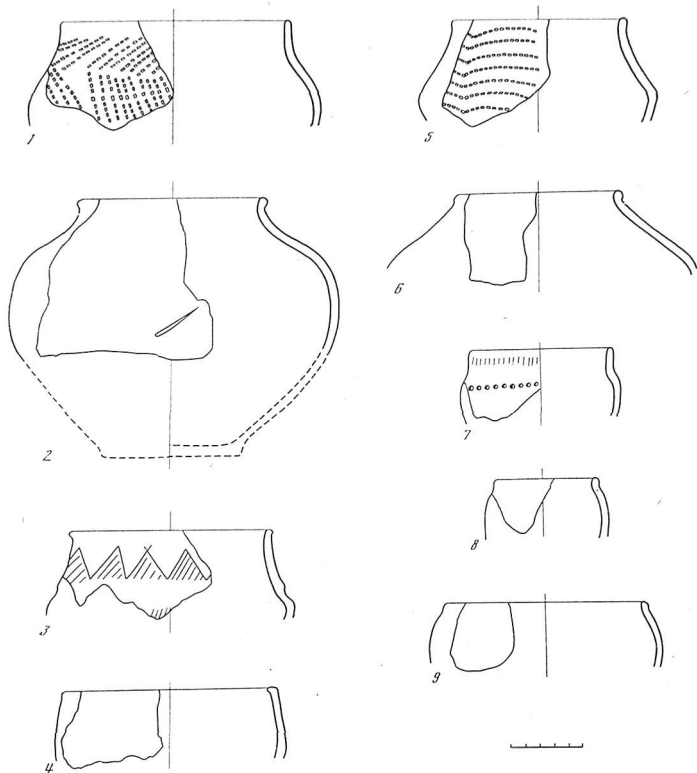


Рис. 38. Поселение Когча 16. Дом 3. Керамика (1—9)

пень жилищ, находящихся на расстоянии 200—300 м друг от друга. Дом сохранился лишь в точке 1609. Он имеет площадь  $8 \times 6$  м и ориентирован входом на юго-восток.

Примерно в 4 км к юго-западу от поселения Когча 16 была обнаружена целая группа поселений с домами и ирригационной сетью. Истоки этой сети проследить не удалось, так как и здесь площадь такыра во многих местах перекрыта навейными невысокими грядами.

*Поселение Джанбас 33.* Его площадь представляет собой такыр, который в отдельных местах пересыпан невысокими навейными грядами. С восточной стороны поселение граничит с коренным песчаным массивом, довольно сильно поросшим. В юго-восточной части поселения, обгибая его с юга, проходит русловый проток.

Примерно в 300 м к северу, тоже на такыре, среди навейных гряд, были обнаружены

три дома и следы ирригационной сети — стояка Джанбас 33А. Дома имеют обычную прямоугольную форму, выходы их обращены на юго-восток. Дома 1 и 2 расположены рядом, дом 3 находится в 80 м к западу от дома 2.

На поселении Джанбас 33, по его западному краю, были обнаружены более темные, чем окружающий такыр, пятна пяти домов (рис. 41). Вся площадь поселения прорезана арычной сетью, видны квадраты полей.

Дома на поселении Джанбас 33 располагаются двумя группами: южная группа объединяет дома 1 и 2, северная — дома 3—5. Все дома на поселении по внешнему виду представляют собой прямоугольные пятна с выходами на юг — юго-восток и с характерной круглой предвходовой частью. Были раскопаны дома 1 и 2.

Дом 1 имеет площадь  $6,6 \times 7,5$  м. Сохранившаяся глубина его котлована не более 0,5 м. Особенностью дома 1 являлось то, что он был вырыт в коренном желтом кызылкупском песке. Основание стен дома песчаное, но выше, под слоем такыра, они представлены сизой замытой сусесью. Как показали раскопки дома 2, расположенного рядом с домом 1, он мельче и вырыт именно в этой сусеси. Таким образом, надо думать, что строители дома 1 проскочили при рытье котлована этот сусесчаный слой и вышли на песок. Видимо, на площади поселения Джанбас 33 проходили наиболее высокие точки какого-то древнего песчаного рельефа.

Культурный слой очень тонок (3—5 см), лежит на материковом песке и представляет собой тот же песок, но серо-голубого цвета, с угольками, большим количеством сгнивших и замещенных веток. Керамики немного, и она в основном обнаружена в северной половине дома, там, где есть хозяйственные ямы. Песчаный пол и ямы, вырытые в песке, — все это довольно трудно себе представить в обыденной жизни, так что, может быть, пол и стенки ям были в дренажи обмазаны (как это было в доме 7 на стоянке Кокча 15), однако никаких следов такой обмазки мы не обнаружили. В культурном слое дома 1 довольно часты находки створок пресноводного моллюска *Anodonta*. В центре дома находится очаг. Ямы нет, зафиксирована куча негла, лежащая на прокаленном участке пола.

Дом 2 меньше дома 1. Его площадь равна  $4,8 \times 4,5$  м, глубина котлована 0,4 м. Как уже говорилось, он вырыт в сусеси, но сохранность его хуже, может быть, оттого, что он мельче. По конструкции в целом он такой же, как дом 1. Несколько отличается лишь очаг. Это прямоугольная в плане ( $60 \times 90$  см) очажная яма, углубленная на 10—15 см. Бортика у очага нет. Культурный слой представляет собой

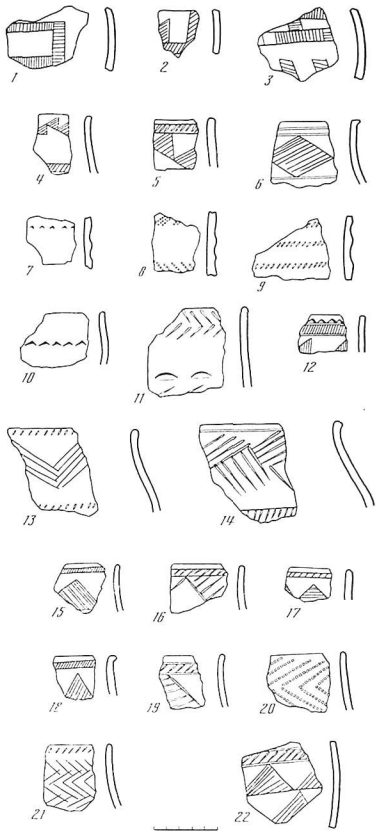


Рис. 39. Поселение Кокча 16. Керамика, подъемный материал (1—22)

сусесь с отдельными угольками, мощность его 6—7 см в центре и 12—16 см у стен. Находок очень мало.

В доме 1 восстанавливаются примерно 25—27 сосудов, из них половина не орнаментирована (см. табл. 1). Состав глиняного теста, характер обработки поверхности и цвет, а глав-

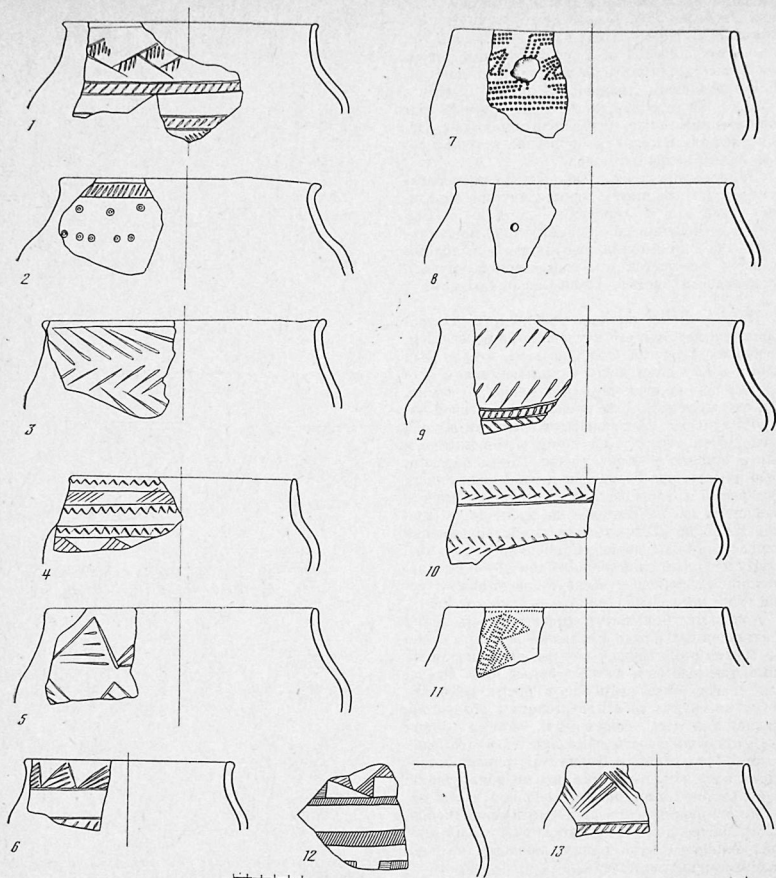


Рис. 40. Поселение Кокча 16. Керамика, подъемный материал (1—13)

ные — формы сосудов (см. табл. II) не позволяют сомневаться в том, что комплекс этот тазабагябский (представлены все основные тазабагябские формы). Орнамент заполняет верхнюю, горловую часть сосудов, редко спускаясь на плечи, и покрывает  $\frac{2}{3}$  поверхно-

сти сосудов. В большинстве случаев это ряды косых насечек, расположенных под углом друг к другу. Лишь в двух случаях встречается мелкозубчатый штамп.

Половина сосудов из керамического комплекса дома 1 представлена горшками типа 2 —

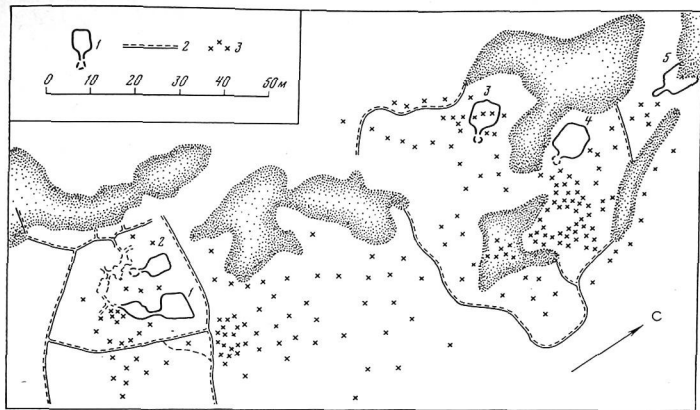


Рис. 41. Поселение Джамбас 33. План

1 — дома; 2 — арыки; 3 — керамика

наиболее распространенной тазабагъбской формы (рис. 42). Выделяются сосуды типа 3, среди которых есть один экземпляр, близкий к биконической форме (рис. 42, 5). Раздутые формы типа 4 представлены двумя экземплярами. Есть один узкогорлый сосуд типа 8. Открытые горшки с уступчатым плечом алакульского типа представлены одним экземпляром (рис. 42, 1). Обращает на себя внимание обломок глиняной жаровни (круглой?) с невысоким бортиком (тип 14) — формы, до сих пор не известной, но впоследствии — на поселениях амрабадской культуры — широко распространенной.

Юго-западнее поселения Джамбас 33, на том же такыре, среди системы небольших протоков было обнаружено еще несколько поселений, в том числе *поселение Джамбас 21*, расположенное в 5 км к востоку — северо-востоку от крепости Джамбас-кала (рис. 43). Оно состоит из двух домов, находящихся на расстоянии около 400 м друг от друга. На такыре здесь очень четко прослеживается арык, идущий в широтном направлении на более высокой отметке, чем такыр, на котором обнаружены дома. Последний имеет даже заметный на глаз уклон к югу, и на нем читается арычная сеть, выведенная из этого основного арыка. От арыков, отходящих под острым или прямым углом от упомянутого основного арыка, отведены, в свою очередь под прямым углом, с интервалом 25—35 м небольшие арыки, между которыми были,

видимо, поля. Ширина всех арыков не более 1 м.

Раскопки дома 1 показали, что это была полуземлянка площадью  $14 \times 10$  м и глубиной 1,25 м. Вход в дом ориентирован на юго-восток, его ширина примерно 1,2—1,5 м, протяженность прохода 6 м, далее он переходит в предвходовую часть. Уровень пола предвходовой части был выше уровня пола в доме на 0,5—0,6 м. Стратиграфия заполнения котлована дома 1 обычная. Основой наземной части стен дома и перекрытия была столбовая конструкция, от которой в полу сохранилась серия ям. В центре жилища был очаг ( $1,6 \times 1,1$  м, глубина 0,25 м) с плохо сохранившимся глинобитным бортиком. Как и в других подобных домах, у стены, противоположной входу, а вернее в углах дома, концентрируются группы хозяйственных ям, каждая из которых образовывала, видимо, единый хозяйственный комплекс.

Раскопки дома 2 выявили большую полуземлянку площадью  $10 \times 9,8$  м, глубиной 1,4—1,6 м, ориентированную по оси север—юг. Вход расположен в середине южной стены, имеет ширину 1,5 м. Примечательная особенность дома 2 — второе помещение, примыкающее к его юго-западной четверти. Его площадь  $6,4 \times 4$  м, оно вытянуто в широтном направлении и не соединено с основным помещением дома проходом, а просто открыто в сторону этого помещения. Однако уровень его пола на 25—30 см выше уровня пола дома, и, таким обра-



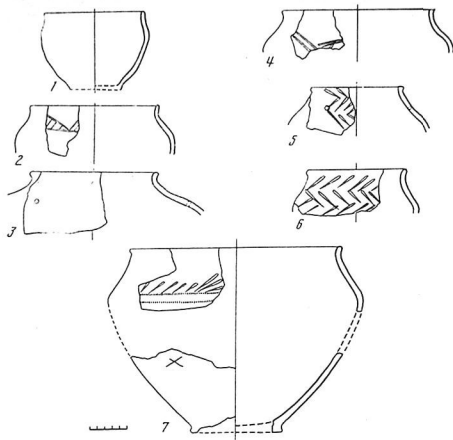


Рис. 42. Поселение Джанбас 33. Керамика (1—7)

зом, восточная граница этого небольшого помещения — ступенька, образованная в результате разницы в уровнях полов. По-видимому, только основное помещение дома имело фундаментальное перекрытие, покоившееся на системе опорных столбов вдоль стен и в центральной его части, тогда как пристройка, судя по отсутствию столбовых ям, была перекрыта легко, и столбы, на которые опиралась крыша, здесь даже не были врыты в землю. В центре дома был очаг без бортика (1,4×1,1 м), в пристройке очага не было.

Помимо керамики<sup>24</sup>, в домах 1 и 2 были найдены два бронзовых однолезвийных ножа и каменная форма для отливки втульчатого накопечника копыя.

Как известно, территория к западу, юго-западу и югу от возвышенности Джанбас чрезвычайно насыщена стоянками эпохи неолита и бронзы, но отсюда происходит в основном подьемный материал.

Новое обследование территории к юго-западу и югу от возвышенности Джанбас привело к открытию стоянок с сохранившимися остатками домов и культурным слоем.

В 4 км к юго-западу от крепости Джанбас-кала, на левом берегу Восточного русла Акададари, там, где оно, имея широтное направ-

ление, подходит к возвышенности Джанбас, мы раскопали стоянку Джанбас 30.

На стоянке Джанбас 30 обнаружены три дома (рис. 44), которые поставлены очень тесно друг к другу. Дома — это «вспухшие» прямоугольные пятна с выходами, обращенными на юг — юго-восток. Сначала был раскопан дом 1 (рис. 45), самый южный из домов на стоянке<sup>25</sup>, позднее — дома 2 и 3. В целом все три дома имеют единую конструкцию: это неглубокие (0,4—0,45 м), вырытые в суглинке полуземлянки прямоугольной формы со входами, обращенными на юг. В центре каждой из них был очаг с глинобитным бортиком, незамкнутым со стороны входа в дом. Перекрытие и наземная часть стен имели столбовую конструкцию, причем в домах 2 и 3 столбовые ямы образуют два ряда: один — вдоль стен, другой — ближе к очагу, в 1,5—2 м от первого. По сторонам очага во всех домах были две крупные ямы для опорных столбов. Дом 2 в заполнении сохранил слой сгнившего и заместившегося зем-

<sup>25</sup> Кесь А. С., Виноградов А. В., Итина М. А. Палеогеография района возвышенности Джанбас и история его древнейшего освоения.—Сб.: Земля древнего орошения и перспективы их сельскохозяйственного использования. М., 1969, с. 160, 161. Дома 2 и 3 раскопаны в 1975 г., материал их находится в стадии обработки.

<sup>24</sup> Раскопки 1975 г., материал еще не обработан.

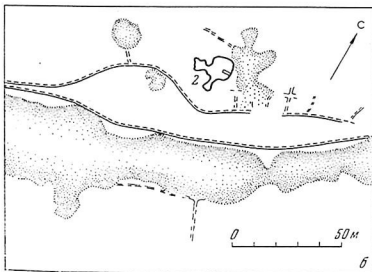
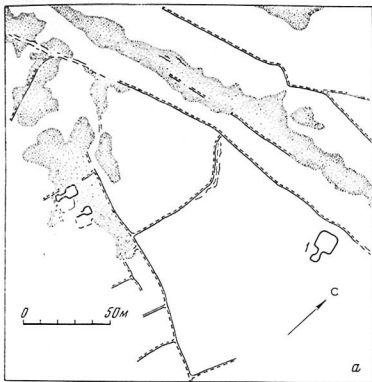


Рис. 43. Поселение Джабас 21

а — дом 1; б — дом 2

лей камыша толщиной 18—20 см — остатки переплетения рухнувших стен и перекрытия. В доме 3 (рис. 46) очень четко выделяются четыре группы хозяйственных ям, расположенные по его углам. В них сосредоточены основные находки.

Керамика в доме 1 немного, восстанавливается около 25 сосудов (см. табл. 1). Они все лепные, сделаны из светлой глины с примесью дресвы или шамота и почти всегда толченных раковин. Однако в трех случаях в качестве примеси в глиняном тесте использован песок, что в целом для керамики эпохи бронзы не характерно, зато типично для неолитической посуды, в том числе и поздненеолитической. Поверхность сосудов вытерта или заглажена, после обжига имеет кирпичный цвет, реже розовый.

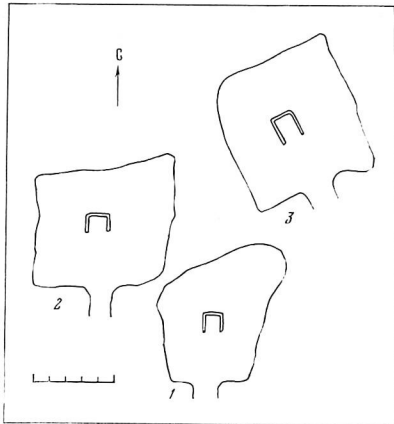


Рис. 44. Поселение Джабас 30. План расположения домов 1—3 — дома

Орнамент резной и штампованный (рис. 47), представлен в основном рядами наклонных прямых, расположенных под углом друг к другу, «елочкой», горизонтальным зигзагом. Незамкнутые треугольники встречаются один раз, и лишь один сосуд был украшен заштрихованными треугольниками. Чаще всего сосуды украшены вертикальными рядами наклонных насечек, что заставляет вспомнить орнамент на сосудах камышинской культуры. К тому же, эти сосуды иногда имеют приостренный или срезанный внутрь край (и именно в этих случаях наблюдается примесь песка в глиняном тесте). Это не характерно для тазабагъябской посуды эпохи развитой бронзы, у которой край, как правило, плоско срезан и имеет небольшой оттянутый округлый венчик. Однако приостренный край типичен для поздненеолитической посуды. К этому можно добавить мелкозубчатый «гусеничный» штамп (в одном случае — рис. 47, 12) и оттиски треугольного в сечении штампа, вытянутые в вертикальные ряды.

Что же касается форм сосудов, то несмотря на незначительное количество найденной керамики, здесь представлено большинство наиболее часто встречающихся типов тазабагъябской посуды. Это сосуды со сглаженным профилем типа 1, короткогорлые раздутые сосуды типов 4 и 5 (рис. 47, 1, 3, 8), сосуды типа 2, наиболее широко распространенные в тазабагъяб-



Рис. 45. Поселение Джанбас 30. Дом 1. Вид после раскопок

ских комплексах и традиционно украшенные двумя поясами орнамента с разделителем между ними (рис. 47, 2, 9—11). Встречены сосуды типа 3, близкие к биконическим (рис. 47, 5), один небольшой кринкообразный сосуд типа 9 и небольшая чашечка типа 7 со срезанным внутрь краем (рис. 47, 4).

Стоянка *Байрам-Казган 2* была обнаружена на правом берегу того же Восточного Акчадарьинского русла, там, где оно с юга огибают возвышенность Джанбас. Стоянка расположена на склоне песчаной гряды, на восточном краю большого такыра, с севера и запада обрывающегося в русло, а с востока и юго-востока прилегающего к коренным грядовым пескам.

Здесь была раскопана вырытая в песке полуземлянка площадью  $7 \times 10$  м со входом, обращенным на юг—юго-запад (рис. 48). Котлован дома достигает глубины 95 см, и, судя по тому, что остатки сгоревшего перекрытия, обнаруженные в северной половине дома, лежат на месте, опираясь на край котлована, сохранившаяся глубина дома, очевидно, близка к первоначальной. Пола в обычном понимании этого слова в доме нет. Культурный слой лежит на крупнозернистом желтом коренном песке. Правда, в южной половине дома сохранилась гли-

нистая вымостка, но является ли она остатками обмазки пола, сказать трудно,— может быть, это вымостка перед очагом. Как во всех домах подобного рода, уровень пола к выходу несколько повышается. В центре дома находится очаг, окруженный глинобитным бортиком, но не прямоугольный, а округлый в плане. Толщина слоя пепла в очаге достигает 20—25 см.

Остатки сгоревшего перекрытия дома в северной и северо-западной частях позволяют восстановить некоторые детали его конструкции. Толщина горелого слоя от перекрытия 30—35 см. Он состоит из остатков сгоревших балок диаметром 12—15 см, лежащих крестнакрест и служивших, вероятно, решетчатой основой перекрытия; связок прутьев и камыша, достигающих в диаметре 20 см; многочисленных вкрапленных угля; глиняных «палочек» — замещенных сгнивших прутьев. Перекрытие покоилось на деревянных столбах, расположенных двумя рядами,— вокруг очага, в центральной части дома, и вдоль стен. Столбовые ямки вокруг очага сохранились лучше, по ним можно судить, что столбы зачастую стояли парами. Примечательно, что в доме не было найдено кусков обмазки.

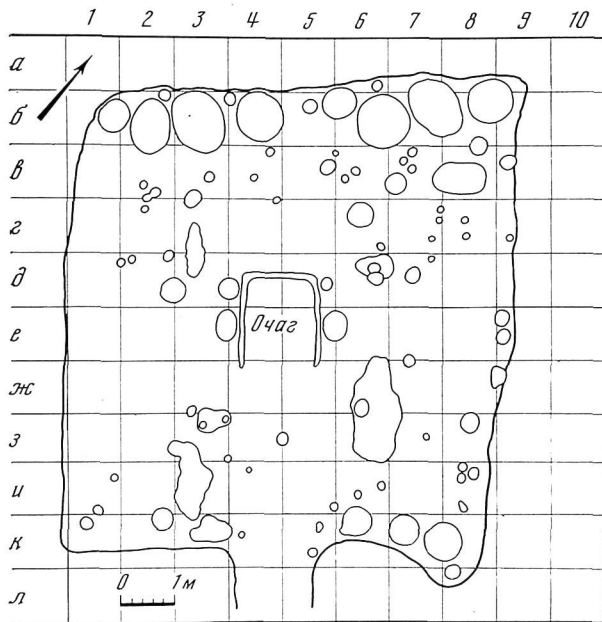


Рис. 46. Поселение Джавбас 30. Дом 3. План

Анализ заполнения котлована дома помогает восстановить картину его жизни и разрушения (рис. 49). Культурный слой лежит на полу и имеет толщину 10—20 см. Это светло-серый или голубовато-серый песок с очень редкими зелеными пятнами. Находки, а их немного, располагаются именно в нем. В большинстве случаев поверхность культурного слоя несколько уплотнена. Поверх него лежит слой желтовато-серого навейного песка толщиной до 65 см. Характерно, что этой максимальной толщины он достиг в центральной и южной частях дома. Песок этот мог отложиться лишь тогда, когда дом был заброшен жителями, но еще окончательно не разрушился. Очень может быть, что его занесло через прорехи в крыше, но большая толщина этого слоя в южной половине дома, вероятно, свидетельствует о том, что он был навеем через отверстие в крыше над очагом при господствующем направлении ветра север—северо-восток. О том, что направле-

ние ветра было именно таким, может свидетельствовать и юго-западная ориентировка входа в дом. Перекрытие рухнуло уже на этот навейный песок, причем сгорело оно лишь в северной и северо-западной частях дома. В восточной его части и в проходе, который был тоже перекрыт, оно просто сгнило. В дальнейшем котлован был заполнен навейным и перематым коричневатого-серым песком, который был того же происхождения, что и песок, лежащий под перекрытием, но просто подвергся влиянию внешней среды. Его толщина 60—80 см. Позднее котлован дома, почти сплошь заполненный отложениями, был подтоплен, и в нем стояла вода. Об этом свидетельствует слой такыровидного суглинка толщиной 6—8 см с двумя очень тонкими болотными горизонтами. Поверх него сформировался современный такыр, достигающий на участке, лежащем над центром котлована, толщины 20 см.

Стратиграфия заполнения жилища на стоян-

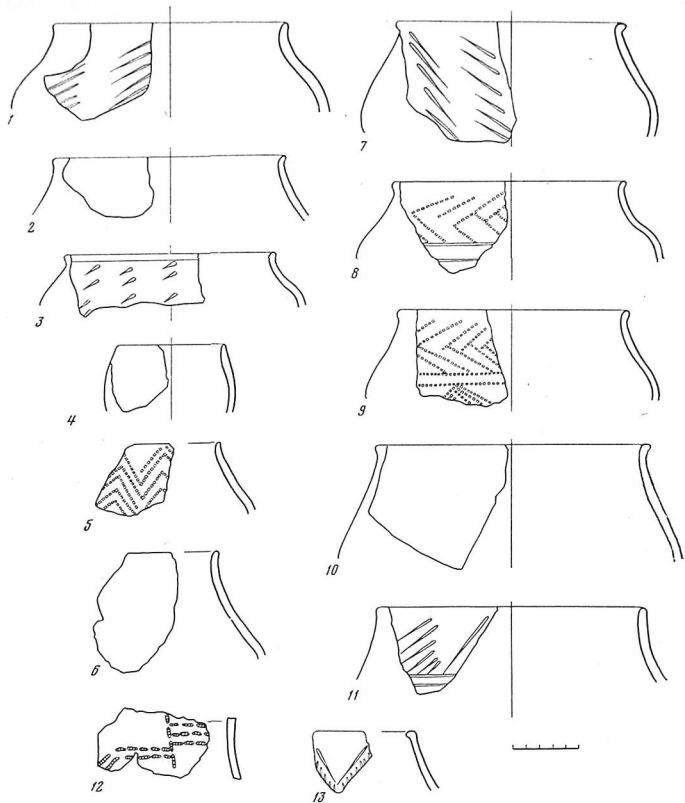


Рис. 47. Поселение Джанбас 30. Керамика (1—13)

ке Байрам-Казган 2 отличает его от тазабагыбских и более поздних жилищ бронзового века, расположенных на такырах. Там обычно отлагается мощная супесчано-суглинистая «пробка», перекрывающая культурный слой и свидетельствующая о многократных подтоплениях площади стоянки. Там мы также встречаем болотный горизонт, но гораздо более мощный. Здесь же, на Байрам-Казган 2, в основном действовал ветер, а не вода, и это лишний раз подтвер-

ждает, что жители очень расчетливо выбирали место для жилища, дабы предохранить его от подтопления водами, стоявшими, видимо, довольно высоко. Кроме того, скапливавшаяся в котловане вода стояла в нем недолго, просачиваясь в песок, а потому мощность супесчано-суглинистых и болотных отложений была здесь невелика.

Культурный слой дома беден находками. Надо думать, что люди просто покинули жи-

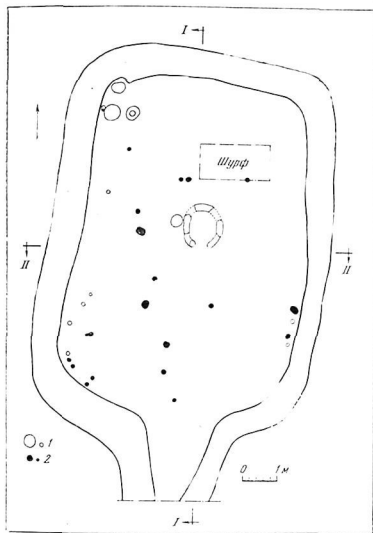


Рис. 48. Стойка Байрам-Казган 2. Дом 1. План  
1 — ямки; 2 — столбовые дырки

лице и причиной тому был не пожар (он, видимо, случился позже).

Основную массу находок, как обычно, составляет керамика (см. табл. I). Вся посуда лепная, выполнена в уже известной нам технике. Сосуды, как правило, плоскодонны, но встречаются экземпляры с уплощенным или округленным дном (рис. 50, 1).

Керамика довольно скупо покрыта орнаментом, причем в большинстве случаев он резной. Украшали или верхнюю треть сосуда, или, судя по сосудам со скругленным и уплощенным дном, весь сосуд целиком. В двух случаях два орнаментальных пояса — на горле и плечах сосуда — были отделены друг от друга лентой-разделителем. Так украшали обычно и типично тазабагыябские сосуды. Среди мотивов — ряды наклонных прямых, расположенных под углом друг к другу, вертикальные «елочки», незамкнутые треугольники. Обращают на себя внимание сосуды, украшенные вертикальными рядами наклонных насечек или отрисков «гусеничьего» штампан (рис. 50, 2, 3), — прием, хорошо известный в энеолитических комплексах и

встречающийся в тазабагыябских (стоянка Джанбас 30). Другой особенностью керамики стоянки Байрам-Казган 2 является отсутствие среди орнаментальных мотивов заштрихованных треугольников.

Очень интересна находка двух фрагментов стенок, может быть и от одного сосуда, украшенных росписью (рис. 50, 7, 8). Это толстостенный сосуд из глины с примесью шамота и крупных кусков толченых раковин, имеющий затертую поверхность кремового цвета, по которой коричневой краской нанесен орнамент. Композиция совершенно неясна, но горизонтальные и вертикальные полосы и заштрихованный треугольник видны отчетливо.

Среди встречающихся в доме на стоянке Байрам-Казган 2 форм обращают на себя внимание сосуды типа 4 округлой формы, с коротким горлом, выделенным валикообразным венчиком и круглым, слегка приотсранным дном (рис. 50, 1, 3, может быть, 6). Не исключено, что были и экземпляры с плоским дном. Один из круглодонных сосудов удалось реконструировать. Он сделан из глиняного теста с примесью песка и сверху донизу покрыт резным орнаментом в виде вертикальной «елочки».

В комплексе Байрам-Казган 2 имеются типично тазабагыябские сосуды типа 2 (рис. 51, 1, 3), традиционно украшенные двумя поясами орнамента. Узкогорлые горшки с раздутым туловом типа 8 тоже достаточно хорошо известны, но они обычно орнаментированы, здесь же орнамента нет.

Встречены два кринкообразных сосуда типа 9 (рис. 51, 4, 7).

Также в двух экземплярах встречены плоскодонные сосуды типа 3 с округлыми плечами, перегиб которых приходится примерно на середину тулова (рис. 51, 6).

Можно сказать, что комплекс из дома на стоянке Байрам-Казган 2 в основе своей тазабагыябский. Но в нем встречены фрагменты сосуда с розовой заглаженной поверхностью и вертикальными рядами наклонных насечек на тулове (рис. 50, 2), удивительно напоминающего камышлинские образцы. Обнаружен и фрагмент сосуда, имеющего приотсранный дном, причем самая заостренная часть обведена кружочком, — и форма, и прием хорошо известны по кельменцарской керамике.

Найден фрагмент небольшого тонкостенного сосуда с примесью песка в тесте, с прямыми стенками, покрытыми рядами прочерченных наклонных прямых (рис. 50, 4). Если бы этот сосуд попался вне комплекса, его легко можно было бы принять за энеолитический.

В этой связи уместно вспомнить о фрагменте сосуда, украшенном «гусеничьим» штампан (рис. 50, 5).

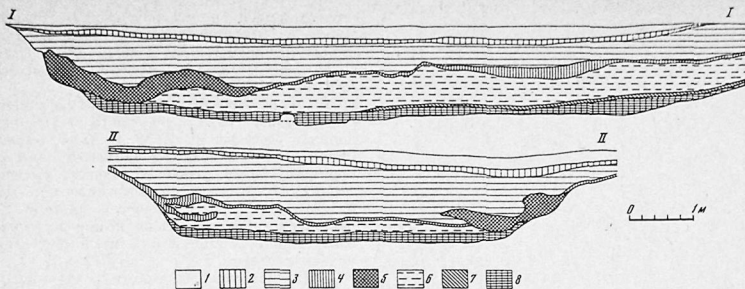


Рис. 49. Стоянка Байрам-Казган 2. Дом 1. Разрезы

1 — таковидный суглинок; 2 — суглинок с болотными прослоями; 3 — коричневатый переотложенный песок; 4 — гнившие конструкции; 5 — сгоревшие конструкции; 6 — желтоватый наветный песок; 7 — уплотненная поверхность культурного слоя; 8 — культурный слой

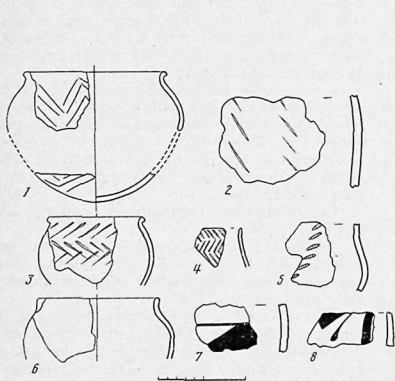


Рис. 50. Стоянка Байрам-Казган 2. Дом 1. Керамика (1—8)

Итак, суммируя наши впечатления о керамическом комплексе из дома 1 на стоянке Байрам-Казган 2, можно отметить в нем многие ранние признаки, к числу которых следует отнести примесь песка в глиняном тесте некоторых сосудов, присутствие в комплексе сосудов с пристранным округлым или уплощенным дном, к тому же сплошь покрытых орнаментом, украшение поверхности сосудов «гусеничным» штампом или прочерченным орнаментом. В то же время в этом комплексе четко проявляются тазабагьябские черты, объединяющие его со

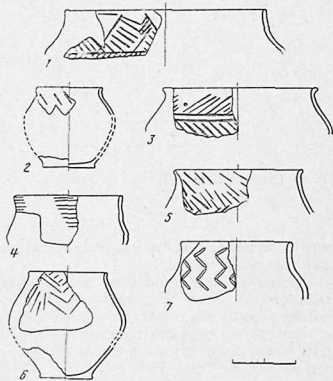


Рис. 51. Стоянка Байрам-Казган 2. Дом 1. Керамика (1—7)

стоянками этого культурного круга в исследуемом районе. К числу объединяющих признаков следует отнести планировку и ориентировку жилища и специфическую конструкцию очага.

Может быть, тазабагьябские признаки в материале стоянки следует отнести к проявлениям культурной традиции аборигенов (как и в случае со стоянкой Джанбас 30). Фрагменты с рисунком можно рассматривать как результат южных культурных связей. Возможно, следствием их нужно считать и находку бронзово-

го зеркала с петелькой в культурном слое дома.

*Ангкиско-базарская группа.* Среднее Акчадарьинское русло было обводнено долгие Восточного, к тому же между речью между ним и Западным руслом было освоено и в эпоху поздней бронзы, не говоря уже об античности, а поэтому степень сохранности тазабаябских стоянок на этой территории очень плоха. Это обширная зона разрушающихся такыров, пересыпанных барханскими песками. Постоянное передвижение песков также приводит к разрушению культурного слоя стоянок, которых здесь было, видимо, много. На южном участке этого района происходило, очевидно, разделение единого, идущего от Амударьи русла на Восточное и Среднее, по разобраться, к какому из них относится система мелких протоков в этом месте, довольно трудно. Возможно, что группа развешанных стоянок с россыпями керамики в районе крепости Дингильдже расположена не на протоках Среднего, а на правом берегу Восточного русла, на его протоках.

Большая группа стоянок в районе античной крепости Ангка-кала (Ангка 3—5, 7, 8)<sup>36</sup> расположена на левом берегу руслового протока, который выделяется сейчас на поверхности в виде ложбины, заполненной бархано-бугристыми песками, сложенными из серого амударьинского аллювия с многочисленными остатками раковин пресноводных моллюсков. Непосредственно вдоль русла, по его левому берегу, расположена полоса разрушающихся такыров, ширина которой колеблется от 20 до 200 м. Все находки эпохи бронзы концентрируются в зоне разрушающихся такыров, в развешанном культурном слое.

Находки в виде фрагментов керамики были собраны в песке и находились явно в перерожденном виде.

Непосредственно близ Ангка-калы, на такыре, были обнаружены россыпи керамики, которые зафиксированы как две стоянки — Ангка 1 и 2<sup>37</sup>.

На стоянке Ангка 2 была собрана тазабаябская керамика типа 2. В комплексе с ней обнаружен крупный хозяйственный сосуд, неорнаментированный, с валиком под венчиком<sup>38</sup>.

Следы двух жилищ обнаружены лишь на стоянке Ангка 5, где и были проведены раскопки, основные результаты которых опубликованы

ны<sup>39</sup>. Если на стоянках джанбасско-кокчинской группы дома выделялись на поверхности такыра в виде цветowych пятен, то здесь — это такырные остатки, которые сохранились в центральной части дома, там, где суглинистая линза заполнения бывает толще, чем у стен полуземлянки. Дом 1 сохранился хуже, дом 2 — лучше. Судя по дому 2, это были слабо углубленные полуземлянки прямоугольной формы столбовой конструкции, но входом они были ориентированы на северо-восток, что сразу отличает их от домов района Кочка—Джанбас (которые всегда ориентированы входами на юг с отклонениями к востоку и западу). В домах на стоянке Ангка 5 нет очагов с глинобитным бортиком.

При раскопках был получен довольно обильный керамический материал. Рассмотрим комплексы каждого дома порознь, так как между ними бесспорно есть отличия.

В доме 1 удалось восстановить 40 сосудов<sup>40</sup>, большая часть которых была орнаментирована резным и штампованным гребенчатым орнаментом. Сосуды лепные, изготовлены в обычной для тазабаябских мастеров технике. Поверхность сосудов обычно заглажена, изредка встречается лощение. В большинстве случаев на керамике видны следы копоти, особенно это касается крупных хозяйственных сосудов.

Вся керамика лежала прямо на полу, хозяйственных ям обнаружить не удалось. Обращает на себя внимание отсутстствие, сравнительно с комплексами из других раскопанных нами домов, обилие крупных хозяйственных сосудов (16), диаметр горла которых колеблется от 29—33 до 40—43 см, иногда они покрыты орнаментом, иногда — нет.

Наиболее распространенным орнаментальным мотивом были ряды наклонных под углом друг к другу прямых, выполненных гребенчатым штампом или резных. Они чаще всего покрывали верхнюю треть сосуда. Редко встречаются заштрихованные или пезамкнутые треугольники, так же редок прием украшения тулова сосуда двумя орнаментальными поясами с раздельной полосой между ними. Большие хозяйственные сосуды часто украшены вертикальными рядами насечек — прием, известный по материалам стоянок Джанбас 30 и Байрам-Казган 2. Среди форм, встречающихся в доме 1, сосуды типа 2 (рис. 52. 1—3, 5) представляются скупо, что отличает этот комплекс от уже

<sup>36</sup> *Итима М. А.* Новые стоянки тазабаябской культуры..., с. 68, рис. 11.

<sup>37</sup> Керамика со стоянки Ангка 1 см.: *Толстов С. И.* По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948, с. 77, рис. 19.

<sup>38</sup> *Итима М. А.* Первобытная керамика Хорезма.— ТХЗ. IV, 1959, с. 37, рис. 10, 2.

<sup>39</sup> *Итима М. А.* Новые стоянки тазабаябской культуры..., с. 52—60; она же. Раскопки стоянок тазабаябской культуры..., с. 82 сл.

<sup>40</sup> В первоначальной публикации было насчитано 72 сосуда, но последующая обработка материала показала, что эта цифра была завышена.



известных нам по другим стоянкам. Есть сосуды типа 1 (рис. 52, 4, 8). Сосуды типа 3 представлены вариантом, близким к биконическому, их мало<sup>41</sup>. Сосуды типа 4 имеются в семи экземплярах, причем среди них обращают на себя внимание крупные хозяйственные сосуды с очень коротким горлом (диаметр 40—48 см) и раздутым туловом, украшенные вертикальными рядами насечек. Узкогорлые сосуды с раздутым туловом типа 8 представлены обычными и хозяйственными крупными экземплярами, неорнаментированными<sup>42</sup>. Два сосуда типа 5 (рис. 52, 7) имеют изогнутое горло и четкий перегиб плеч, резко переходящих к дну.

В доме 1 обнаружены сосуды нового типа — типа 16. Это открытые горшки без венчика, с прямой, реже слегка изогнутой горловой частью, переходящей в слабо выраженные плечи (рис. 53, 1, 3—5). Лишь в одном случае уступ плеча все же имеется (рис. 53, 2). Среди сосудов этого типа есть крупные хозяйственные с диаметром горла 40—41 см и обычные — с диаметром горла 16—18 см. Отличительной особенностью этих горшков является украшение их валиком под венчиком. Кроме того, верхняя треть их поверхности бывает украшена горизонтальными или вертикальными рядами насечек. На больших хозяйственных сосудах валик орнаментом не подчеркнут, на меньших — валик украшен специально «елочкой», каплевидными насечками, в одном случае — крестиками. Характерно, что 5 из 11 сосудов украшены узором, выполненным гребенчатым штампом.

Среди сосудов, украшенных валиком, есть и экземпляры других типов — 2 и 4 (рис. 53, 6, 7), но принцип покрытия их орнаментом и его мотивы — те же.

Выделяется еще один горшочек из дома 1 — коричневого лощеный с резным орнаментом (рис. 52, 6). И по принципу расположения орнамента, и по мотивам, и по характеру отделки поверхности сосуд этот весьма напоминает андроновские образцы.

Кроме керамики, в доме 1 было найдено несколько каменных пестов-терочников. Изделий из металла не обнаружено.

Наиболее обжитой частью дома 2 являлась его западная половина, причем, как обычно, культурный слой был особенно насыщен находками у стен жилища. Вокруг очага, исключая его сторону, обращенную к входу, располагались хозяйственные ямы. Они имеют неправильную круглую или овальную форму и максимальный диаметр до 55 см, глубина их ко-

леблется от 15 до 30 см. Ямы эти заполнены серой супесью с явными следами горения, в них встречаются фрагменты керамики, а в яме 17 было найдено свинцовое колечко с заходящими концами.

Наиболее массовый материал составляет, как всегда, керамика. Она изготовлена из глины с примесью дровы и толченных раковин. Поверхность сосудов обычно тщательно заглажена, в ряде случаев внешняя поверхность сосудов залощена (зеркальное лощение). Имеется фрагмент сосуда со следами окраски в красный цвет и лощением. При раскопках дома 2 были найдены кусочки красной охры.

Поверхность большинства сосудов была покрыта орнаментом (см. табл. 1). Орнаментальные мотивы все те же: вертикальные и горизонтальные ряды ломаных линий, заштрихованные треугольники с «росточками», незамкнутые треугольники, «елочка», ряды ногтей вдавлений и т. д. Среди редких мотивов отметим «лесенку» и меандр, причем последний встречается лишь в двух случаях.

Обращает на себя внимание то, что в отличие от комплекса дома 1, где из 40 сосудов 16 были крупными хозяйственными, в доме 2 из 59 сосудов крупных было всего 9.

Весьма распространенной формой, как и во всех тазабаягских комплексах, являются сосуды типа 2 (рис. 54, 1—3). Диаметр их горла колеблется между 15 и 20 см, диа — между 8 и 12 см. Диаметр горла крупных сосудов такой же формы приближается к 30 см. Эти сосуды отличаются не только характерной для тазабаягской культуры формой, но и способом нанесения орнамента. Именно здесь выявляется типичный прием: орнаментированная полоса по горлу сосуда отделяется от таковой, идущей по плечам, рядами горизонтальных параллельных линий. Кроме того, именно эти сосуды покрыты в основном штампованным орнаментом.

Не менее распространенным видом посуды являются горшки типа 3 с направленным внутрь горлом и выделенными плечами, перегиб которых часто приходится как раз на середину высоты сосуда. Перегиб этот обычно очень плавный, и лишь в одном случае такой сосуд имеет угловатый профиль (рис. 54, 7). Сосуды бывают залощены, в одном случае такой сосуд был окрашен в красный цвет и потом залощен.

В комплексе есть короткогорлые сосуды с раздутыми плечами типа 4 (рис. 54, 4), два узкогорлых сосуда типа 8<sup>43</sup>.

Особенно следует выделить два довольно крупных сосуда типа 11, у которых отчетливо

<sup>41</sup> Игина М. А. Новые стоянки тазабаягской культуры..., рис. 5, 2, 4.

<sup>42</sup> Там же, рис. 6, 2, 8.

<sup>43</sup> См. также: Игина М. А. Раскопки стоянок тазабаягской культуры..., рис. 5, 2.

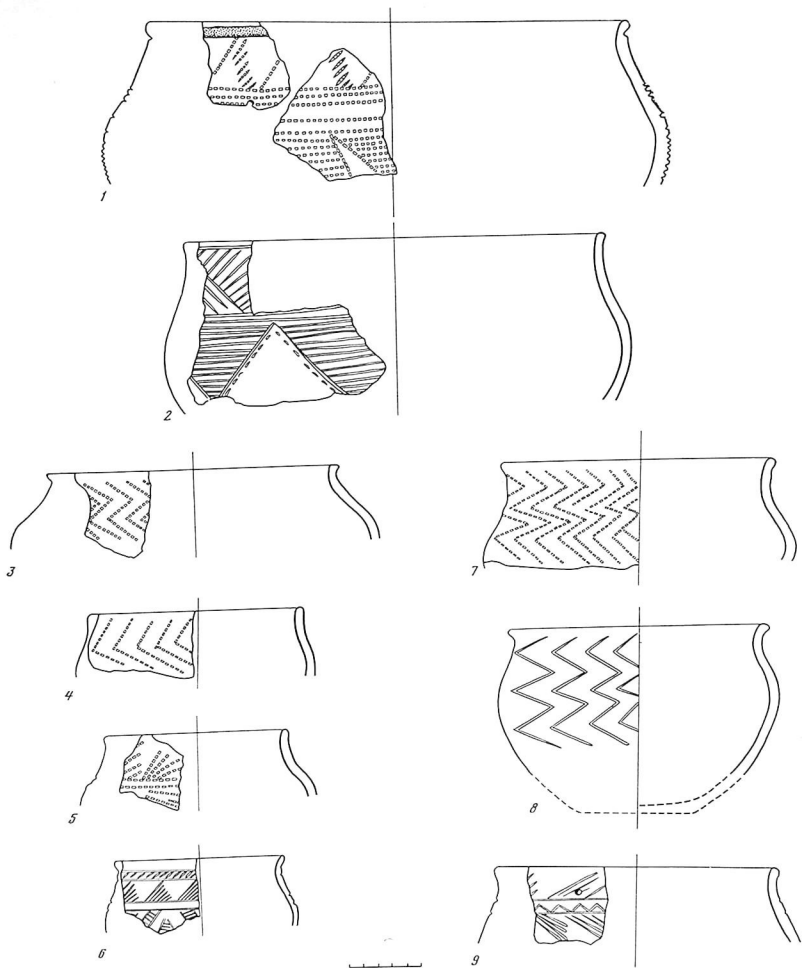


Рис. 52. Стоянка Англіа 5. Дом 1. Кераміка (1—9)

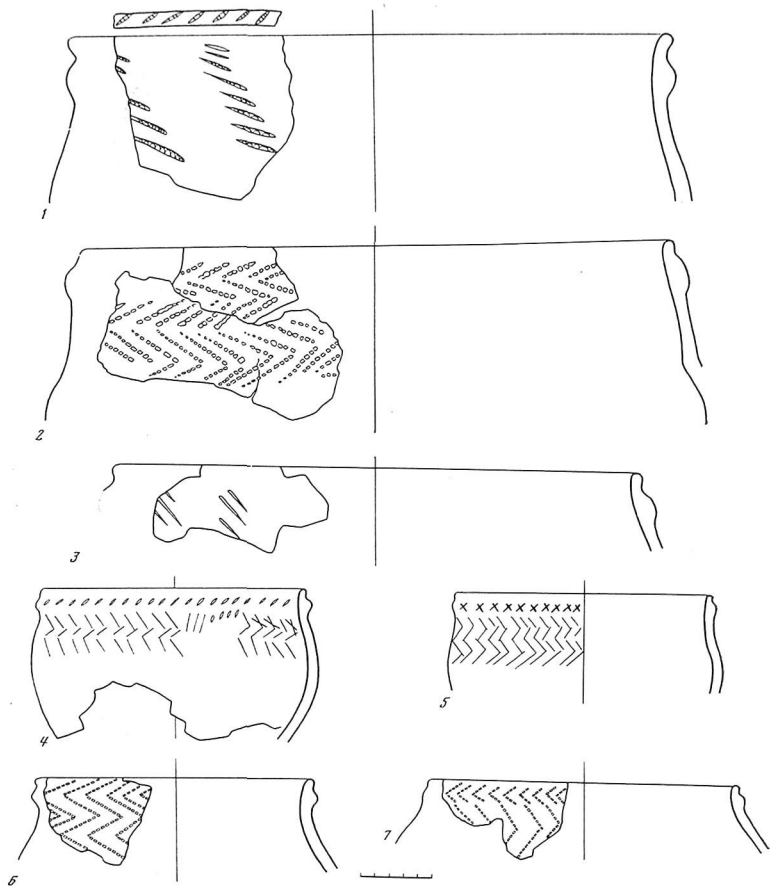


Рис. 53. Стоянка Англа 5. Дом 1. Керамика (1—7)

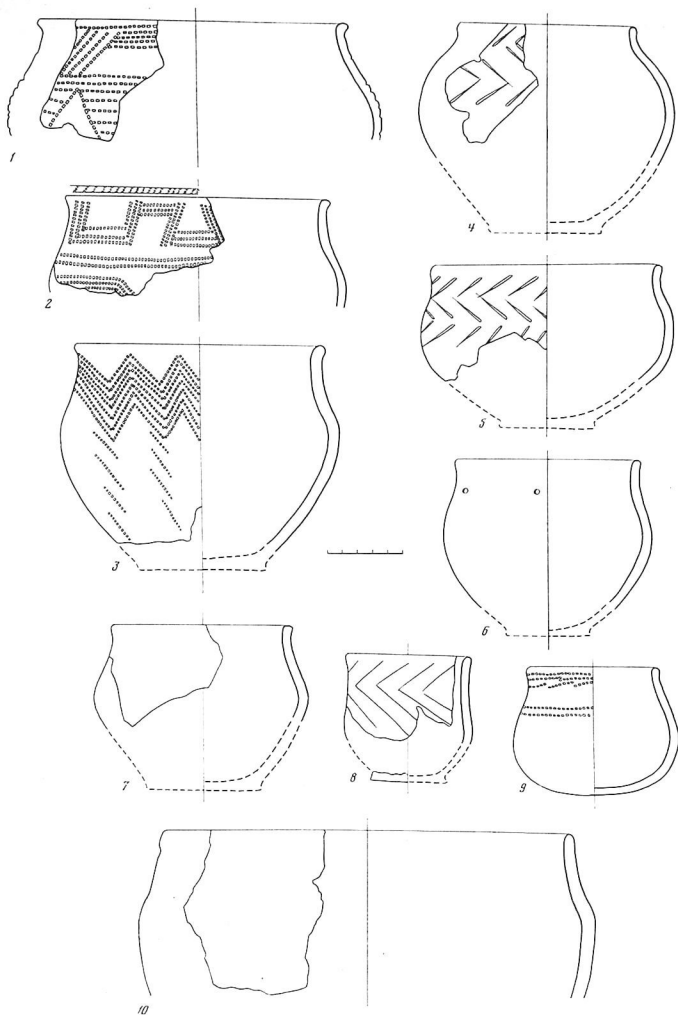


Рис. 54. Стоянка Лыгка 5. Дом 2. Керамика (1—10)

выделен характерный для алакульского времени уступ плеча (рис. 54, 10). Столь часто встречающиеся в комплексе дома 1 сосуды с валиком типа 16 здесь представлены лишь одним экземпляром<sup>44</sup>.

Среди керамики дома 2 обнаружены также четыре маленьких сосуда: две полусферические чашечки типа 7<sup>45</sup>, один вытянутый бокальчик типа 15 (рис. 54, 8), один сосудик неправильной грушевидной формы типа 18, с круглым дном (рис. 54, 9).

В единственном экземпляре встречен сосуд типа миски, украшенный горизонтальными рядами косых насечек (рис. 54, 5).

Как можно убедиться, керамический комплекс дома 2 отличается от комплекса из дома 1. В нем крупные хозяйственные сосуды составляют лишь пятую часть, а набор более мелких форм включает большинство наиболее распространенных на тазабагыбских стоянках типов. Встречены единичные сосуды индивидуальных форм, и среди них сосуд с валиком типа 16. В доме 1 крупные хозяйственные сосуды составляют 40% от общего числа форм, сосуды с валиком под венчиком представлены десяткой экземплярами, причем половину составляют сосуды типа 16; всего четырьмя экземплярами представлены сосуды типа 2, наиболее широко распространенного на тазабагыбских стоянках. Да и внутренний вид дома 1, в котором нет хозяйственных ям, а очаг имеет вид огромной груды белого пепла с развалом крупных хозяйственных сосудов вокруг, отличает этот дом от остальных, известных нам. В то же время очажная яма обычного типа и обилие хозяйственных ям делают дом 2 типичным жилищем дома.

Севернее Базар-калы по берегам русловых протоков было в свое время обнаружено более 20 разведных стоянок эпохи бронзы, но наиболее частые комплексы здесь — стоянки амирабдской культуры, о которых речь пойдет ниже.

Стоянки Базар 2, Кочка 2, 4, 6 содержали смешанные суярганско-тазабагыбские комплексы, в материалах которых наряду с посудой, окрашенной и залощенной, украшенной рифлением или рельефным рисунком и по формам восходящей к южным образцам, встречается типично тазабагыбская и по формам, и по орнаментальным мотивам керамика. Эти комплексы в свое время были выделены в базаркалин-

ский этап суярганской культуры<sup>46</sup>, который был датирован серединой II тысячелетия до н. э. Самым северным тазабагыбским памятником в этом районе является могильник Кочка 3.

*Каватская группа.* Стоянки располагаются в западном районе Южной Акчадарынской дельты, в северной части большого барханного массива. Локализуются они по берегам руслового протока, который находится к западу от Западного Акчадарынского русла. В северной части этого протока расположена группа амирабдских стоянок.

Как мы уже упоминали, на этом русле обнаружены стоянки эпохи неолита и бронзы<sup>47</sup>.

Стоянки эпохи бронзы — Кават 3, 4, 6 — расположены на более высоких по отношению к неолитическим отметкам (разница 50 см).

Стоянки Кават 4 и 6 дали небольшой подъемный материал, они развалены, а вот на стоянке Кават 3 сохранился дом<sup>48</sup>. Он представляет собой полуземлянку площадью 12×11 м. Стены ее строго ориентированы по странам света. Вход располагался в южной стене и представлял собой коридор шириной 1—1,1 м, несколько сдвинутый к западу<sup>49</sup>. Жилище имело столбовую конструкцию.

Наиболее обжитой частью дома было пространство вдоль стен, где было расположено большое количество хозяйственных ям и сосредоточены основные находки хозяйственной утвари и орудий труда.

В центре дома против входа располагался центральный очаг. Это яма площадью 1,8×1,6 м и глубиной 20—25 см. В южной половине дома близ очага встречены длинные и узкие неглубокие (6—8 см) ямы типа щелей с золотым заполнением. Напомним, что подобные ямы-канавки были обнаружены и на поселении Кочка 15 в доме 6, и на поселении Джанбас 30.

Жилище на стоянке Кават 3 отличается необычайно насыщенным находками культурным слоем. В этом доме жили долго, что подтверждается и обилием ям. Достаточно сказать, что примерное количество восстанавливаемых сосудов достигает в доме 200. Все сосуды лентные, плоскодонные, изготовлены в обычной технике.

<sup>44</sup> Игита М. А. Раскопки стоянок тазабагыбской культуры..., рис. 5, 9.

<sup>45</sup> Там же, рис. 6, 2.

<sup>46</sup> Толстов С. П., Игита М. А. Проблема суярганской культуры; Игита М. А. Первобытная керамика Хорезма, с. 40—42, рис. 9, 12.

<sup>47</sup> Виноградов А. В. Неолитические памятники Хорезма, с. 65—106; *он же*. Новые неолитические находки Хорезмской экспедиции АН СССР 1957 г. — МХЗ, 4, 1960, с. 64, рис. 1.

<sup>48</sup> Игита М. А. Раскопки стоянок тазабагыбской культуры..., с. 92—103; *она же*. Раскопки стоянки Кават 3..., с. 103—108.

<sup>49</sup> Игита М. А. Раскопки стоянки Кават 3..., с. 104, рис. 1.

Большинство сосудов орнаментировано. Штампованный гребенчатый орнамент встречается значительно реже резного. Отличительная особенность этого комплекса — сосуды с лощеной поверхностью. На нескольких черепках можно заметить красную окраску с последующим лощением.

Орнамент в большинстве случаев покрывал  $\frac{2}{3}$  поверхности сосудов, редко шел только по горлу. Здесь был хорошо известен прием нанесения орнамента двумя поясами — по горлу и плечам, с разделительной полосой между ними. Среди орнаментальных мотивов наиболее распространены ряды наклонных прямых, расположенных под углом друг к другу, «елочка», незамкнутые треугольники, заштрихованные косогольные и равнобедренные треугольники и т. д. Довольно часты треугольники с «росточками», выполненными насечками, ямками или поттевидными вдавлениями. В нескольких случаях встречены вертикальные ряды наклонных насечек.

Формы посуды из дома 1 довольно разнообразны<sup>50</sup>, но в основном повторяют большинство типов, известных нам по материалам со стоянок джанбасско-кокчинской группы.

Достаточно хорошо выделяются сосуды типа 1. Это открытые горшки, диаметр горла которых равен 16—18 см, у крупных экземпляров — 38—40 см, с довольно высоким изогнутым горлом и плавным сглаженным профилем. Как правило, они украшены рядами наклонных прямых, покрывающих верхнюю треть сосуда. Один из этих горшков был зеркально залощен, другой очень неумело сплошь покрыт орнаментом, мотивы которого напоминают андроновские (рис. 55, 1).

Многие характерные тазабагыябских сосудов типа 2 с изогнутым горлом, округлым венчиком с плоско срезанным бережком, хорошо выделенными округлыми плечами и плавным переходом к плоскому дну, диаметр которого в среднем равен  $\frac{1}{2}$  диаметра горла сосуда. Именно эти сосуды в большинстве случаев украшены двумя поясами орнамента с разделительной полосой между ними (рис. 55, 2—4). Диаметр горла крупных сосудов 35—50 см, средних — 18—20 см.

Столь же многочисленную группу составляют сосуды типа 3 с направленным внутрь гор-

лом, иногда с валикообразным венчиком, отчетливым перегибом плеч, иногда остросеребряных. Сосуды эти довольно скупо орнаментированы, причем орнаментом покрыта и верхняя половина (рис. 55, 6—8). В этой группе можно четко выделить четыре-пять биконических экземпляров (рис. 55, 5).

Сосуды типа 4 с очень коротким, иногда чуть изогнутым горлом с валикообразным венчиком или без него и сильно раздутым туловом (рис. 56, 8) покрыты орнаментом в большинстве случаев в верхней трети<sup>51</sup>. Эта группа в комплексе довольно многочисленна и, можно сказать, определяет его облик в целом.

Сосуды типа 5 с изогнутым горлом, отчетливым перегибом плеч и резким переходом от них к дну представлены четырьмя экземплярами, причем два из них украшены штампованным гребенчатым (рис. 56, 5, 6) и ямочным<sup>52</sup> орнаментом и оба залощены.

В комплексе есть пять узкогорлых сосудов с раздутыми плечами (рис. 56, 1, 2), подобных найденным на поселениях Кочка 15 и 16.

Встречены три сосуда типа 12 с коротким прямым горлом и подчеркнутым высоким уступом плеча, два сосуда типа 11 в виде открытых горшочков со сглаженным округлым или остросеребряным перегибом плеч (рис. 56, 3, 4, 7).

Обращает на себя внимание количество баночных сосудов с прямыми или почти прямыми стенками (тип 18). Эта форма для тазабагыябских комплексов не типична.

Кроме керамики, в доме 1 были и другие находки: дротик из серого слонстого, вероятно султануиздагского, сланца<sup>53</sup>, обломки двух бронзовых одностежневых ножей и бронзовое четырехгранное шило в костяной рукояти, глиняная фигурка лошади.

\* \* \*

Таков основной материал, который был нами получен при раскопках тазабагыябских поселений. Недостаток места не позволяет нам включить в описание материалы множества развешенных стоянок, расположенных на территории Акчадарынской дельты и в котловинах выдувания ее коренного берега. Впрочем, даже если бы мы это и сделали, общая картина существенно бы не изменилась.

<sup>50</sup> Игина М. А. Раскопки стоянок тазабагыябской культуры..., рис. 10—14; она же. Раскопки стоянки Кават 3..., рис. 2.

<sup>51</sup> Игина М. А. Раскопки стоянок тазабагыябской культуры..., рис. 12, 2—4, 8.

<sup>52</sup> Там же, рис. 11, 4.

<sup>53</sup> Там же, рис. 15, 4.

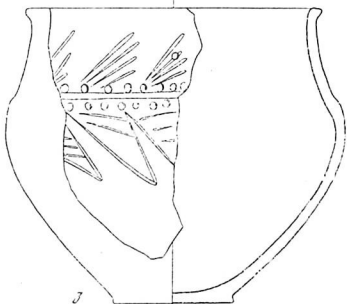
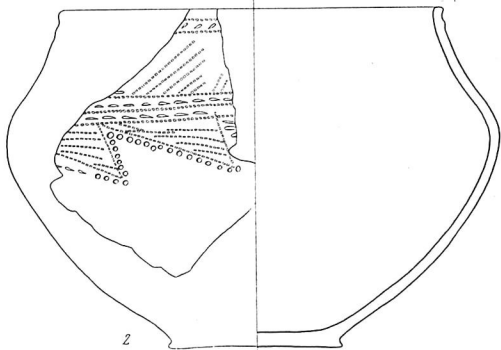
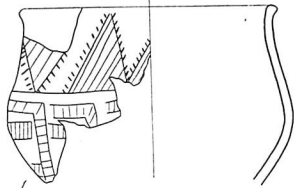
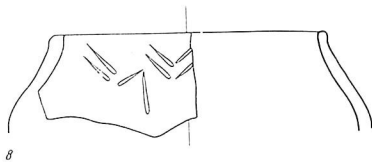
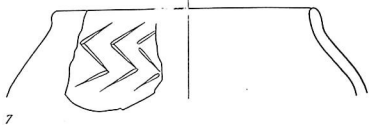
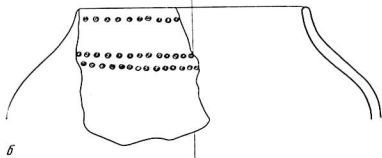
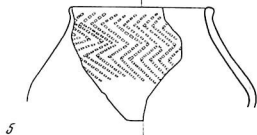
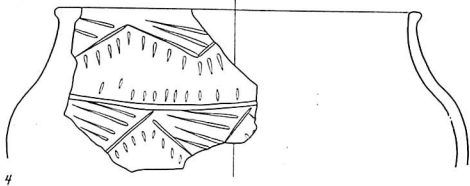


Рис. 55. Стоялка Кават 3. Дом 1. Керамика (1—8)





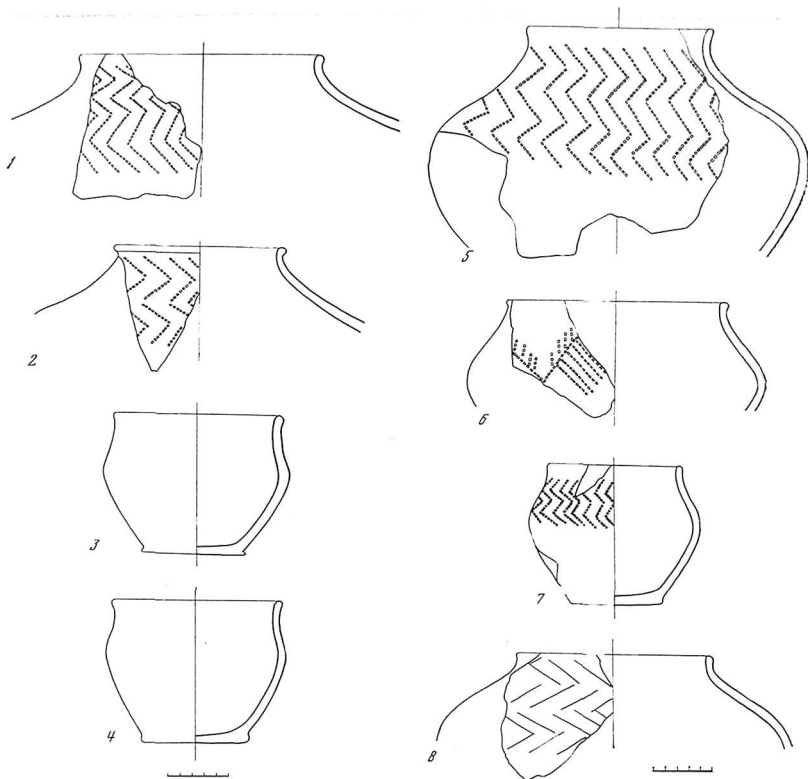


Рис. 56. Стоянка Кават 3. Дом 1. Керамика (1—8)

### АНДРОНОВСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ

Культурная принадлежность открытых на территории Южной дельты андроновских поселений выявляется лишь на основании анализа их керамических комплексов.

Они отличаются от известных нам андроновских стоянок и поселений не только топографией, но и характером жилищ: на обследованных нами поселениях нет домов-полуземлянок. Кроме того, не обнаружены и андронов-

ские погребения. Думается, что эти факты могут служить доводом в пользу временного, сезонного пребывания на территории Акчадары андроновского населения, в пользу скотоводческого направления хозяйства этих племенных групп, так и не осевших в Южном Приаралье. По-видимому, зашедший довольно далеко к концу II тысячелетия до н. э. процесс разделения труда привел к образованию отдельных

скотоводческих групп населения, которые в поисках хороших пастбищ часто передвигались с места на место. Нельзя исключить, что, занимаясь в основном скотоводством, эти люди использовали возможность занятия простейшим земледелием на маленьких участках, тем более что навыки ведения мотыжного земледельческого хозяйства на пойменных низинах андроновские племена имели<sup>24</sup>.

Можно предположить, что андроновцы, пасшие свой скот на песчаных массивах на внутрительном пространстве и на коренном берегу Акчадарьинской дельты, использовали воду ее затухающих протоков для своих небольших полей. Доказательством могут служить уже упоминавшиеся нами следы андроновского расселения на месте тазабатябских поселений Кочка 15 и 16, а также близость некоторых поселений, расположенных на песке, к участкам чистых такыров со следами древних дельтовых протоков и ирригационных систем (по-видимому, тазабатябских).

Среди развезенных андроновских поселений следует упомянуть поселение в точке 1601.

Оно расположено в 6 км к северу от крепости Джанбас-кала среди песков, на такыре, имеющем с юга «выход» на большой такыр. Здесь были обнаружены остатки поселения и ирригационная сеть.

Два дома, относящиеся к тазабатябскому поселению, прослеживаются в виде более темных пятен и имеют обычную бутылкообразную форму. Керамика здесь собрано немного, и она образует смешанный комплекс (рис. 57), причем, поскольку дома здесь не развезены и культурный слой сохранился, собственно тазабатябского материала мало, в глаза бросаются черенки андроновского типа. Среди форм есть сосуды типов 1 и 2, один остроберберный биконический сосуд типа 3, сходный со срубным (рис. 57, 7), фрагмент типичного горшка зоночного типа с желобками-разделителями зон орнамента (рис. 57, 4). Орнаментальные мотивы разнообразны: заштрихованные и незамкнутые треугольники, ряды наклонных прямых, «флажки», треугольные и ямочные вдавления, ряды каплевидных насечек. Уютнейшая обработка элементов орнамента «росточками».

К категории нетазабатябских памятников относится и стоянка Кочка 19, обнаруженная на правом берегу Западного протока, в 100 м от него и в 2 км к юго-западу от поселения Кочка 15. Эта стоянка площадью 250×100 м вытянута меридионально и представлена обильными россыпями керамики. Керамика лежит

на красноватом спекшемся песке, который в виде плотной корки покрывает древнюю песчаную грядку, где селились люди. Очевидно, жили они в наземных жилищах, от которых не уцелело и следа. Видимо, какая-то вода в Западном протоке еще была, так как стоянка явно привязана к нему. Керамика сохранилась плохо, но по имеющимся фрагментам можно заключить, что сосуды были в основном баночными и украшенными в типично андроновской манере (рис. 57, 8, 9).

Большой интерес представляет стоянка Джанбас 34, открытая в 300 м к юго-востоку от тазабатябской стоянки Джанбас 33. Она располагается на песчаной коренной гряде, поросшей невысокими кустиками, в весе между тремя русловыми протоками, два из которых находятся с ее южной стороны, один — с северной. Стоянка была обнаружена по большим россыпям керамики (рис. 58), которые занимали площадь примерно 160×200 м. Особенно насыщена битой посудой западная часть стоянки, где на протяжении около 100 м шла полоса (шириной 70 м), усыпанная керамикой, преимущественно орнаментированной. Именно здесь, в зоне интенсивных керамических россыпей, были замечены небольшие, приближающиеся по форме к кругу такырные пятна, слегка углубленные по отношению к окружающей поверхности. Заметить их неизмеримо труднее, чем пятна домно-полумзлянок на такыре, но определенная закономерность в их расположении и сходство общего облика заставили нас предположить, что это остатки домов. Оказалось, что мы не ошиблись. Основное скончение домов находилось на западном краю поселения. Было отмечено девять домов, из них семь содержали культурный слой.

Удалось раскопать дом 1, который представлял собой слегка углубленное жилище, круглое в плане (диаметр 4,5—5 м), без всяких следов столбовой конструкции. По его окружности обнаружен борт из спекшегося перемытого красного песка<sup>25</sup> — видимо, остатки обваловки, как у современных юрт. Пол дома углублен по отношению к современной дневной поверхности на 40 см. Пол — это желтый коренной кызылжумский песок, покрытый на некоторых участках, особенно близ очага, тонкой (2—3 см) корочкой с примесью золы и угольков. Мощность культурного слоя не превышает 30 см. Это золотистый, серого цвета песок, который в западной части дома выходит за пределы его окружности; возможно, именно с этой стороны находился вход. Очаг расположен в цент-

<sup>24</sup> Салышков К. В. Андроновские поселения Зауралья. — СА, XX, 1954, с. 245; *он же*. Очерки древней истории Южного Урала, с. 331—334.

<sup>25</sup> В тех случаях, когда под такырным пятном не было культурного слоя, мы обнаруживали именно этот красный песок — очевидно, древнюю дневную поверхность стоянки.

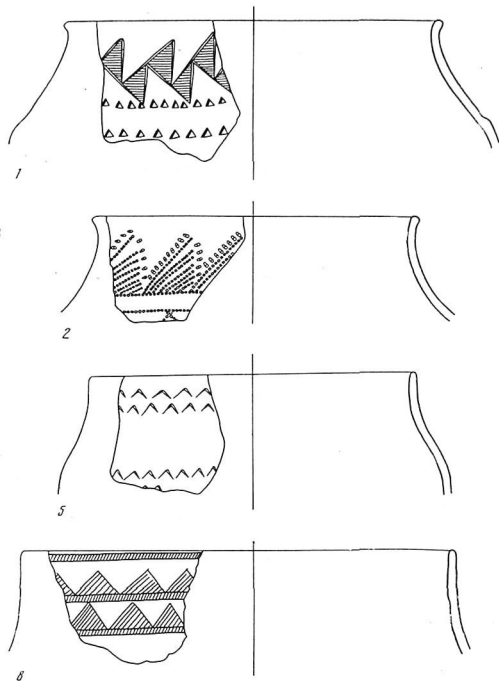
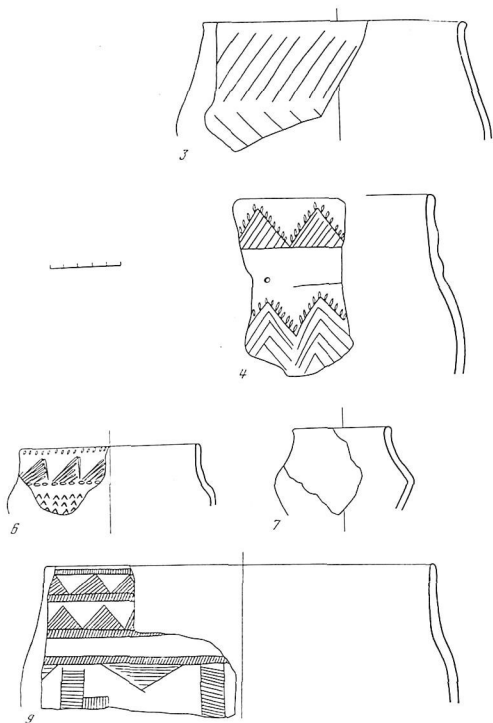


Рис. 57. Керамика с разных стоянок  
 1—7 — точка 1601; 8, 9 — Кокча 19

ре, но несколько сдвинут к западу, глубина очажной ямы 12—14 см. Находок в доме очень немного: фрагменты керамики, мелкие обломки костей животных, обломки створок раковины *Anodonta*. Очаг в центре, отсутствие столбовых ямок и видимого прохода заставляют предположить, что это было наземное жилище типа шалаша или юрты.

Керамика, обнаруженная при раскопках и поднятая на всей площади поселения, одна и та же, так что ее можно рассматривать в едином комплексе. Это лентная посуда с примесью в глиняном тесте дресвы или шамота, часто встречается примесь толченных раковин. Вся подъемная керамика коричневого или бурого

цвета, с пустынным загаром. Керамика из раскопа светло-серого или кремового цвета, заглажена или вытерта, изредка залощена. Иногда черепок очень легкий, что наводит на мысль о растительных примесях. Сосуды довольно щедро украшены орнаментом, который, как правило, резной. Распределяется он на тулове сосуда так же, как и на керамике андроновского типа, например, с поселения Кокча 16. Полоса орнамента покрывает верхнюю часть горла, разделительная полоса идет в нижней части горла, причем иногда это один или два желобка, по плечам и ниже идет второй орнаментальный пояс. В ряде случаев орнамент покрывает сосуд целиком, тогда разделительная по-



лоса отсутствует. Среди орнаментальных мотивов (рис. 59) — комбинации заштрихованных треугольников, «флажки», ленты, заполненные каплевидными насечками, просто ряды каплевидных насечек, каплевидные насечки, обрамляющие треугольники, фигуры из заштрихованных лент, меандр, реже — круглые ямки и треугольные вдавления. На одном из сосудов из дома 1 встречен оттиск веревочки — прием, ни разу не встреченный в тазабагтябской орнаментике, не характерный для андроновской, но иногда встречающийся на срубной посуде. В двух случаях горло сосудов украшал рельефный поясок.

Формы сосудов очень определенные. Наиболее многочисленную группу составляют горш-

ки типа 12, с прямыми или слегка изогнутым горлом (диаметр 18—20 см) и характерным уступчатым плечом (рис. 61, 1—5). Эти сосуды украшены поясами орнамента с разделителем между ними в нижней части горла, причем очень часто в качестве такого разделителя используются желобки. Горшки эти имеют и характерную андроновскую форму и присущий этой посуде орнамент: «флажки», комбинации из заштрихованных лент, треугольников и т. д.

В комплексе имеются сосуды типа 16 — форма, встречаемая еще лишь на стоянке Анка 5. Но здесь нет валика под венчиком, и верхняя треть поверхности украшена горизонтальным рифлением. Диаметр горла их колеблется от 20 до 30 см, поверхность заглаже-



Рис. 58. Стоянка Джанбас 34. План  
1 — остатки жилищ; 2 — керамика

на (рис. 60). Рифленая часть этих сосудов украшена обычно рядами насечек, расположенными под углом друг к другу, ниже идет неширокая разделительная полоса, а потом вертикальная «елочка» или зигзаги, покрывающие тулово сосуда почти до самого дна. В одном случае на выступающие полосы рифления были нанесены каплевидные насечки.

Хорошо выделяется группа открытых горшков типа 20 с очень коротким горлом (диаметр 10—13 и 18—20 см) и плавным переходом от горла к тулову. Иногда переход подчеркивается некоторым утолщением стенки сосуда на месте плеча — прием, характерный для керамики того же круга, к которому относятся сосуды с рифлением (рис. 62, 1—3).

И, наконец, среди керамики с поселения Джанбас 34 есть вариант типа 5 — открытые сосуды с резко выраженным перегибом плеч

(рис. 62, 4—8), которые присутствуют во всех комплексах андроновского типа, описанных нами выше.

В целом весь керамический материал поселения Джанбас 34 носит ярко выраженный андроновский облик, и к нему как бы привязываются комплексы из дома 7а на поселении Кокча 15, подъемный материал с поселений Кокча 16 и 19, поселения в точке 1601 и другие подобные находки. Никаких предметов из металла при раскопках найдено не было. В подъемном материале обнаружены бронзовый рыболовный крючок и четырехгранный шило, т. е. предметы не датирующие.

Привлекает внимание тот факт, что на андроновских поселениях встречается тазабагъябская керамика и, наоборот, в тазабагъябских комплексах встречаются андроновские сосуды. Объяснения возможны разные. Там, где ком-

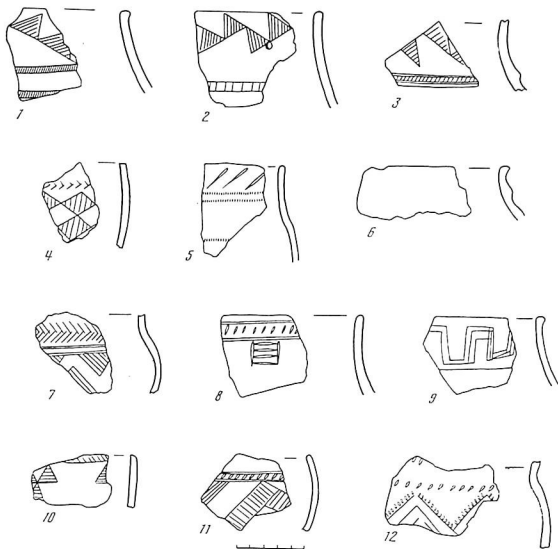


Рис. 59. Стоянка Джанбас 34. Керамика (1—12)

плекс в основном андроновский, он часто находится на месте покинутых тазабагыбских поселений, материал которых механически смешался с андроновским. Андроновская посуда могла попасть в тазабагыбские комплексы, об-

наруженные в культурном слое, в результате контактов тазабагыбского населения с андроновским, а эти контакты в разной форме проявлялись на протяжении всей второй половины II тысячелетия до н. э.

### КЕРАМИКА ПОСЕЛЕНИЙ

Являясь наиболее массовым материалом при раскопках поселений в Южной Акчадарьинской дельте, керамика служит для нас одним из определяющих факторов при анализе культурной принадлежности исследованных памятников и играет существенную роль при попытках их датировки.

Сделанный нами в свое время обзор тазабагыбской керамики<sup>26</sup> был основан лишь на материалах раскопок дома 1 на стоянке Ангка 5, комплексов из могильника Кокча 3 и многочисленном подъемном материале. Сейчас, как видно из табл. I, мы располагаем большим

материалом, полученным только в результате раскопок, к которому можно было бы добавить и значительную коллекцию, собранную на стоянках коренного берега Южной Акчадарьинской дельты. Это позволяет наметить более четкую классификацию тазабагыбской керамики, имея в виду не только характерные для нее формы, но и орнаментальные приемы и мотивы, и, что весьма существенно, рассмотреть керамику с поселений отдельно, сравнив ее потом с керамикой из погребений могильника Кокча 3.

Керамика тазабагыбских поселений была лепной и изготовлялась широко известным для памятников степной бронзы ленточным способом. В глиняном тесте в качестве отощителя применялись толченые раковины, дрова, реже

<sup>26</sup> Игана М. А. Первобытная керамика Хорезма, с. 35—50.

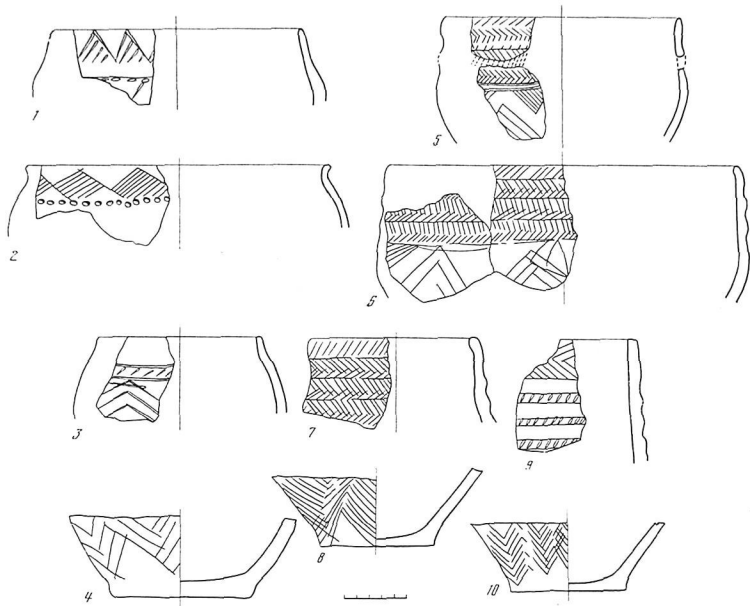


Рис. 60. Стоялка Джанбас 34. Керамика (1—10)

шамот и в исключительных случаях песок. По составу примесей в глиняном тесте тазабагъябская посуда отличается от андроновской Казахстана и Приуралья, где в основном использовались тальк, слюда, крупнозернистый песок. Правда К. В. Сальников упоминает о примеси в виде толченных раковин в глиняном тесте алакульских сосудов северных районов Южного Зауралья, но подчеркивает, что она встречается редко<sup>57</sup>. На Алексеевском поселении 30% керамики было изготовлено из глины с примесью толченных раковин<sup>58</sup>, есть такая примесь, например, в глиняном тесте могильника Тау-тары в Южном Казахстане<sup>59</sup>, но это все единичные примеры.

<sup>57</sup> Сальников К. В. Бронзовый век Южного Зауралья, с. 133.

<sup>58</sup> Кривцова-Гракова О. А. Алексеевское поселение и могильник, с. 142.

<sup>59</sup> Максимова А. Г. Могильник эпохи бронзы в урочище Тау-тары.— Труды Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР, 14. Алмата, 1962, с. 39.

В то же время О. А. Кривцова-Гракова называет для срубной керамики две основные примеси, второй из которых являются толченные раковины<sup>60</sup>. Для срубной посуды Среднего Заволжья Н. Я. Мерперт отмечает ряд примесей и в первую очередь толченные раковины<sup>61</sup>. Подчеркивая сходство керамических комплексов Приуралья и Закаспия, Е. Е. Кузьмина обращает внимание и на сходство технологии их изготовления — в обоих регионах широко применялись в качестве отощителя толченные раковины еще с эпохи энеолита. На этом основании Е. Е. Кузьмина высказывает предположение, что этнографические признаки, выявившиеся отчетливо позднее в различных культурах степной бронзы, уже зародились в эпоху

<sup>60</sup> Кривцова-Гракова О. А. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы.— МИА, № 46, 1955, с. 28.

<sup>61</sup> Мерперт Н. Я. Материалы по археологии Среднего Заволжья.— МИА, № 42, 1954, с. 146.

энеолита<sup>62</sup>. Мы предполагаем, что даже если технологико изготовления посуды отнести к числу этнографических признаков, то зарождение их можно констатировать еще для эпохи неолита. Так, как известно, неолитическая керамика Кызылкумов часто содержит в глиняном тесте примесь песка, и этот признак является одним из определяющих для культуры этой территории, объединявшихся, видимо, в кельтеминарскую этнокультурную общность. В энеолите и развитом бронзовом веке этого региона примесь песка делается редкой. Более характерна посуда, изготовленная из глины с примесью толченых раковин или дресвы, реже шамота.

Однако думается, что смена технологических приемов должна быть связана с новыми прогрессивными явлениями в историческом развитии человеческого общества при переходе от неолита к эпохе бронзы, когда происходит смена присваивающих форм хозяйства производящими, когда зарождается металлургия меди и бронзы и вырабатываются не только новые формы орудий и утвари, но соответственно и новые приемы их изготовления. Поэтому примесь толченых раковин в глиняном тесте сосудов, изготовленных носителями культур стеной бронзы среднеазиатских степей или племенами срубной общности, свидетельствует лишь о том, что практика жизни привела их к употреблению именно этого, а не другого отощителя. Для поселений дельтовых областей Амударьи и Сырдарьи этот выбор может легко найти объяснение, но дело, видимо, не только в изобилии пресноводной фауны в областях с разветвленной речной сетью. Хорошо известно, что в качестве примеси применялись и ископаемые раковины (например, Северное Приуралье, район Бешбулака во Внутренних Кызылкумах). Кроме того, жители поселений андроновской культуры также могли использовать эту примесь, однако не делали этого. По-видимому, в каждом случае эмпирически выбирался наиболее подходящие примеси, наиболее полно соответствующие тому или иному качеству глины и уровню технологии изготовления посуды в данном обществе. И не с этим ли сходством технологии, выработанной конвергентно срубными племенами и потомками кельтеминарцев, связана большая грубость керамики тех и других по сравнению с андроновской?

Тазабатябская посуда обжигалась, по-видимому, на костре. Цвет поверхности сосудов чаще всего светло-коричневый или кремовый, коричневатый, красноватый, но из-за неравномер-

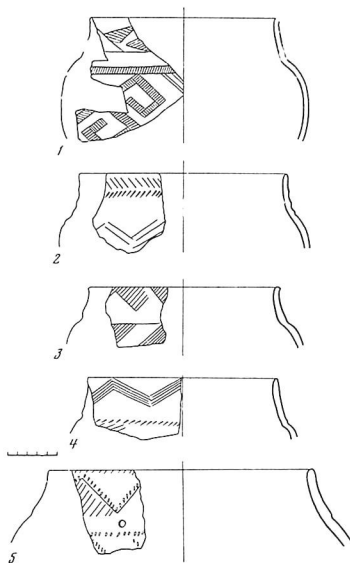


Рис. 61. Стяжка Джанбас 34. Керамика (1-5)

ного обжига на ней бывают пятна. Излом черенка в большинстве случаев черный или серый. Нередко в результате обжига примеси (толченые раковины) выступают на поверхности или выпадают, в последнем случае поверхность сосудов делается как бы пористой. Поверхность сосудов обычно гладко вытирали, иногда пучком травы (?), часто заглаживали. Лощение для тазабатябской керамики не характерно и встречается редко. Так же редки сосуды с окрашенной поверхностью. Иногда они просто покрыты красной охрой, иногда окрашены и залощены.

Наиболее обычный способ украшения поверхности сосудов — покрытие орнаментом. Если для андроновских комплексов алакульского времени характерно преобладание орнаментированной посуды, то для тазабатябских типично украшение орнаментом в среднем не более  $\frac{2}{5}$  сосудов в каждом данном комплексе. Отличает тазабатябскую посуду от андроновской и б́льшая скудность ее орнаментации, что также сближает ее со срубной посудой.

<sup>62</sup> Виноградов А. В., Кузьмина Е. Е., Смирин В. М. Новые первобытные памятники в Северо-Восточном Приуралье.—Сб.: Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973, с. 101, 102.



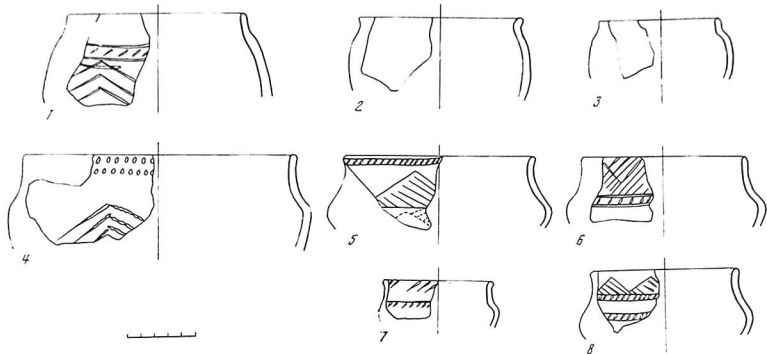


Рис. 62. Стоянка Джанбас 34. Керамика (1—8)

В большинстве случаев орнамент резной, иногда употреблялся гладкий штамп. Сосудов, украшенных гребенчатым штампом, на всех поселениях сравнительно немного, в среднем 20—25%. Исключение составляет лишь стоянка Ангка 5, где количество фрагментов, покрытых резным и гребенчатым орнаментом, примерно равно. Мелкозубчатый штамп встречается редко. Орнамент наносили также в виде угловых вдавлений, круглых ямок, оттисков полой трубочки (камышинка?), погтевых вдавлений. Все эти способы нанесения орнамента распространены повсеместно на посуде эпохи бронзы степей Евразии.

Наибольший интерес представляют орнаментальные мотивы и композиции, которые выделяют тазабагыбские памятники среди им подобных. На большинстве тазабагыбских сосудов орнамент располагается зонально, на шейке и плечах сосудов, очень редко у дна. Между орнаментальными поясами, как бы разделяя их, расположены ряды горизонтальных полос, иногда с заключенными между ними каплевидными насечками, штриховкой, угловыми и погтевыми вдавлениями, часто разделителем служит полоса, не заполненная орнаментом. Такая закономерность в расположении орнамента характерна и для андроновских памятников Западного Казахстана и Южного Приуралья алакульского времени, но для тазабагыбской посуды характерна одна особенность, отличающая ее от керамики указанных регионов. Замечено, что на алакульской керамике Орско-Актюбинского района и Южного Приуралья орнамент на шейке сосуда отсутствует, верхний

орнаментальный пояс располагается обычно по краю горла<sup>63</sup>. На тазабагыбских сосудах, напротив, орнамент покрывает шейку сосуда, а край горла чаще всего никак не украшен. В случае зонального распределения орнамента оказываются украшенными  $\frac{2}{3}$  поверхности сосуда, орнаментальный пояс у дна почти не известен. Наряду с этим в тазабагыбской серии есть сосуды, украшенные орнаментом лишь в их верхней трети, без разделения на орнаментальные пояса. Сравнительно немного сосудов, сплошь покрытых орнаментом, что также отличает тазабагыбскую керамику от андроновской.

Если мы сравним в целом таблицу элементов орнамента, встречающихся на тазабагыбской посуде (рис. 63), с подобными таблицами элементов андроновской орнаментации<sup>64</sup>, то сразу заметим разницу между ними при некоторых чертах сходства. Сходство это в свою очередь прослеживается между орско-актюбинскими памятниками и нашими.

<sup>63</sup> Кузьмина Е. Е. Андроновские могильники на р. Байту.— КСИА, 97, 1964, с. 42; Сальников К. В. Очерки древней истории Южного Урала, с. 167. См. также: Комарова М. Н. Относительная хронология памятников андроновской культуры.— АСГЭ, 5, 1962, с. 56, рис. 5. М. П. Грязнов считает такой принцип распределения орнамента вообще характерным для алакульской керамики (Грязнов М. П. Пастушеские племена Средней Азии..., с. 37).

<sup>64</sup> Сорокин В. С. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Булак I..., с. 78, 79, рис. 8, 9; Комарова М. Н. Относительная хронология..., с. 53—55, рис. 2—4; Стоколос В. С. Культура населения бронзового века..., рис. 7, 1.

Наиболее распространен на тазабагыльской керамике прием украшения сосудов горизонтальными рядами наклонных прямых, нанесенных под острым углом друг к другу (вариант — вертикальный зигзаг) (1). Узор этот бывает резным или нанесенным гребенчатым штампом, в андроновской керамике большого распространения не имеет. В то же время широкое применение этого орнаментального мотива известно на позднелептеминской посуде не только на Акчадарье<sup>65</sup>, но и в Южных Кызылкумах (лявляканские<sup>66</sup>, бешбулакские и аякагитинские стоянки). Встречается этот орнамент и на срубной посуде.

Следующий по частоте встречаемости элемент — горизонтальная «елочка» (6), реже, но достаточно часто встречается вертикальная «елочка» (2, 3). Горизонтальная «елочка» украшает обычно горло сосуда, вертикальная — чаще всего тулово. И этот прием для андроновской керамики не характерен, на срубной посуде не встречается.

Мотив незамкнутых треугольников — один из характерных для тазабагыльской керамики (10). Он является обычно основным элементом в зональной комбинации, при которой орнаментальные полосы из незамкнутых треугольников на горле и плечах сосуда отделены друг от друга раздельной полосой. Незамкнутые треугольники нанесены и в различных комбинациях — например, верхний пояс — незамкнутые треугольники, нижний — косоугольные. Вопреки мнению М. И. Комаровой, которая считает мотив незамкнутых треугольников типичным только для тазабагыльской посуды и в частности отличающим ее от керамики других районов распространения андроновской культуры<sup>67</sup>, заметим, что незамкнутые треугольники хорошо известны и на керамике андроновской культуры Южного Приуралья и Западного Казахстана<sup>68</sup>.

Наконец, чрезвычайно распространен прием украшения сосудов равнобедренными треуголь-

никами, заштрихованными наклонно; горизонтальная штриховка встречается редко (Ангка 5, Кават 3). Наиболее распространенный вариант — пояс треугольников вершинами вверх на горле сосуда и вершинами вниз — на плечах. Если сосуд украшают оба пояса, между ними идет раздельная полоса, а треугольники, следовательно, обращены друг к другу основаниями. При таком зональном распределении орнамента два ряда треугольников, обращенных вершинами вверх или вниз, очень редки. Мотив равнобедренных треугольников чрезвычайно характерен для андроновской керамики и встречается там и в комбинациях, подобных нашим. Однако в наших комплексах ни разу не отмечен хорошо известный по андроновским горшкам вариант, при котором треугольники, обращенные друг к другу вершинами, образуют зигзагообразную ленту, заштрихованную или незаштрихованную (36, 37 у В. С. Сорокина)<sup>69</sup>.

Редко встречаются прямоугольные и косоугольные треугольники. Косоугольные треугольники на андроновской посуде относят обычно к числу наиболее ранних элементов. В нашем материале чаще всего они попадались на поселениях Кокча 15, 16 и Кават 3. По-видимому, заслуживает внимания, что на поселениях Байрам-Казган 2 и в доме 1 на поселении Джанбаб 30 треугольники в качестве элемента орнамента вообще не фигурируют.

На всех стоянках встречаются треугольники, обрамленные «росточками» в виде каплевидных насечек или круглых ямок, — прием, также известный в андроновских или скорее федоровских комплексах. Таких фрагментов в наших материалах сравнительно мало.

Хорошо известен такой элемент, как вертикальные ряды косых насечек (7), который мы считаем идущим еще от неолита. Он представлен и на камышинских сосудах.

Также хорошо известны по андроновской посуде элементы, как «флажки», комбинации из заштрихованных лент, меандровидные фигуры, ромбы, ленты, заволненные каплевидными насечками, для тазабагыльской керамики не характерны и встречаются в обнаруженных на той же территории комплексах, которые мы считаем андроновскими по происхождению (Джанбаб 34 и др.).

Чрезвычайно распространен в западноказахстанских, да и вообще алакульских памятниках мотив в виде рядов горизонтальных зигзагов, образующих ленту (бывает выполнен протраченной гребенкой). На тазабагыльской посуде он встречается редко.

<sup>65</sup> *Виноградова А. В.* Неолитические памятники Хорезма. с. 59, рис. 21, 1; *он же.* Новые неолитические находки Хорезмской экспедиции..., с. 75, рис. 12, 1, 4, 8.

<sup>66</sup> *Виноградова А. В., Малеева Э. Д.* Первоыбитный Лявлякан..., табл. цн керамики.

<sup>67</sup> *Комарова М. И.* Относительная хронология..., с. 64. Как известно, М. И. Комарова считает тазабагыбскую культуру локальным вариантом андроновской.

<sup>68</sup> *Федорова-Давидова Э. А.* К вопросу о периодизации памятников эпохи бронзы в Южном Приуралье. — АИБ, II, 1964, с. 89, рис. 4, 6; с. 91, рис. 5, 11, 13; *Сорокин В. С.* Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак I..., с. 78, 79, рис. 8, 9. Наиболее часто этот мотив встречается в орсей группе памятников, есть он и на керамике из могильника Тасты-Бутак I и с поселения того же названия.

<sup>69</sup> *Сорокин В. С.* Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак I..., с. 78, 79, рис. 8, 9.



	Вид орнамента	Какча 15			Какча 16		Байрам Назган 2 дом 1	Джаргас 30 дом 1	Джаргас 33 дома 1, 3	Джарган 34 дом 1, 2	Янгя 5 дома 1, 2	Кабат 3 дом 1	Кочка 3 могила ник
		дома 1-7	дом 7А	подъ-емн. м	дома 1, 3	подъ-емн. м							
39						*							
40		*			**	*						*	
41						*							
42						**				*****		*	*****
43						*****	***			*****	***		**
44							*						
45							*						*
46											*		
47		*			*					**	*****		
48											**	***	
49								*				**	
50											*	****	*
51													***
52									*				
53									*				
54													****
55													*
56													*
57													*

Рис. 63. Таблица орнаментальных мотивов на керамике стоянок

Обращает на себя внимание принцип расположения орнамента на горле не в виде сплошной полосы, а в виде отдельных пучков «елочки», вертикальных ломаных, косых насечек, обрамленных «росточками», повторяющихся ритмически через равные интервалы. Бывает, что разделительные ленты между двумя поясами орнамента заполнены повторяющимися пучками из трех насечек. Такой принцип нанесения орнамента известен и на казахстанской андроновской, и на срубной посуде.

Этот орнаментальный прием, равно как и украшение сосудов угловыми оттисками, М. П. Грязнов считает наиболее характерным для Федоровской керамики, хотя эти узоры встречаются и на алакульской посуде<sup>70</sup>.

Новым, ранее неизвестным элементом орнаментации тазабಾಗьябской посуды являются конические или полусферические налены, расположенные на плечиках сосудов парно или по одному через равные интервалы.

<sup>70</sup> Грязнов М. П. Пастушеские племена Средней Азии..., с. 37, 38.

Наконец, в числе орнаментальных приемов следует упомянуть украшение сосудов валиком под венчиком.

Тазабಾಗьябская посуда может быть разделена на несколько четко выделяющихся типов (см. табл. II). Все имеющиеся индивидуальные отклонения не нарушают этой классификации в целом. Основную массу тазабಾಗьябской посуды с поселений составляют открытые горшки с плоским дном. Это форма сосудов ведущая, она представлена как сосудами небольших размеров, так и крупными хозяйственными горшками. Наряду с ними встречаются узкогорлые сосуды типа близкого к кувшину, но их меньше. Основные типы посуды, выделенные нами на стоянках, являются характерными для культуры в целом (см. рис. 65).

К типу 1 относятся сосуды с прямым или чуть изогнутым горлом, слегка отогнутым венчиком и пологими плечами. Диаметр горла у обычных экземпляров 18—20 см, отношение диаметра горла к диаметру дна примерно 2:1, высота сосудов, как правило, 12—14 см. Крупные экземпляры имеют диаметр горла в преде-

лах 30 см. Сосуды эти сплошь или чаще на  $\frac{2}{3}$  покрыты орнаментом. В большинстве случаев это ряды наклонных прямых, поставленных под острым углом друг к другу, иногда наносили вертикальный зигзаг, иногда — вертикальные ряды косых насечек. Сосуды такой формы встречены на всех стоянках, кроме Байрам-Казган 2 и Джанбае 34, но больше их (10—15%), чем в других комплексах, на стоянках Кокча 15 (дома 2 и 6), 15А и Ангка 5 (дом 1). Мы склонны видеть истоки этой формы в позднелегитимарских комплексах среди сосудов со сглаженным профилем, ведущих свое происхождение от цилиндрико-конических типов. Позднее мы встречаем их в материалах эпохи ранней бронзы.

Сосуды типа 2 — наиболее типичная тазабагыльская форма. Они имеют невысокое изогнутое горло с округлым, слегка выступающим венчиком и плоско срезанным бережком, хорошо выделенные округлые плечи и плавный переход к плоскому дну, часто имеющему характерный уступчик. Размеры этих сосудов различны, диаметр горла в среднем 16—22 см, у крупных экземпляров достигает 38 см, диаметр дна в среднем составляет  $\frac{1}{2}$  диаметра горла сосуда и колеблется в пределах 10—18 см. Высота этих горшков 14—25 см. Как правило, именно сосуды этой группы наиболее богато украшены, и орнамент на них располагается зонально. Основные орнаментальные мотивы — комбинация заштрихованных треугольников, незамкнутые треугольники, иногда обрамленные «росточками». Сосуды этого типа обнаружены на всех поселениях. Больше всего их на поселениях Джанбае 33 (60%); Кокча 15А (50%); Кокча 15, дом 2 (40%); Кокча 16, дом 3 (37%). В остальных случаях их доля колеблется в пределах 15—25%, а в доме 7а на поселении Кокча 15 и на стоянке Джанбае 34 они составляют 5—6%. Эти открытые широкогорлые сосуды более всего напоминают образцы срубной посуды, отличающиеся раздутостью тулова, наличием округлого венчика и частым применением принципа зонального нанесения орнамента с разделителем на плечах. Последний признак в значительной мере может быть связан с участием андроновского компонента в формировании тазабагыльской культуры.

Сосуды типа 3 — открытые горшки с невысоким, направленным внутрь, прямым и слегка изогнутым горлом и довольно высокими плечами. Диаметр их горла колеблется в пределах 13—18 см и почти всегда вдвое больше диаметра дна. Их высота равна в среднем 14—16 см. В большинстве случаев эти сосуды бывают украшены орнаментом лишь в верхней трети или совсем не украшены. Мотивы — ряды ло-

маных в различных комбинациях, заштрихованные треугольники. Единичные экземпляры украшены полусферическими или коническими наленами. Именно эти сосуды имеют острооберные варианты. К этой же группе следует отнести и биконические или подобные биконическим сосуды чаще всего с округлым перегибом плеч, но иногда и острооберные. Схема расположения орнамента на них та же. Посуда этого типа встречается на всех поселениях, кроме дома 1 на стоянке Ангка 5 и поселения Джанбае 34. На поселении Байрам-Казган 2 она составляет 5%. В среднем доля посуды этого типа на всех поселениях 15—20%. Биконические сосуды более четко выделяются в комплексе стоянки Кават 3.

Посуда типа 3 по своему происхождению может быть скорее всего связана со срубными или срубно-андроновскими комплексами. Горшок этого типа известен из комплекса Первого Сусканского поселения<sup>71</sup>, датируемого третьей четвертью II тысячелетия до н. э. Сходный сосуд известен из срубно-андроновского комплекса Увакского могильника (Орско-Актюбинский район)<sup>72</sup>, датируемого алакульским временем. К числу срубных признаков керамики этого могильника В. С. Сорокин относит наличие на некоторых сосудах острого ребра, приходящегося на середину тулова<sup>73</sup>, — признак, наблюдаемый и среди тазабагыльских сосудов описываемой группы. Еще одна аналогия — сосуд из срубного погребения 2 кургана 3 у дер. Уразметово (XVI—XV вв. до н. э.)<sup>74</sup>.

Можно отметить и наличие этих форм в срубных комплексах Башкирии<sup>75</sup>, причем К. В. Сальников тоже подчеркивает биширамидальность некоторых форм в качестве срубного признака, а вытянутость сосудов описываемого нами типа относит за счет андроновского влияния<sup>76</sup>.

Совершенно особую категорию составляют сосуды типа 4. Это открытые горшки с коротким горлом, иногда почти без горла, и с очень сильно раздутым туловом. В большинстве случаев у них широкое (20—22 см) горло с валикообразным венчиком и, по-видимому, небольшое плоское дно. Высота их равна примерно 18—19 см. Встречаются более крупные и более глубокие экземпляры, высота которых равна

<sup>71</sup> Мерперт Н. Я. Из древнейшей истории Среднего Поволжья. — МИА, № 61, 1958, с. 123, рис. 16, 2.

<sup>72</sup> Федорова-Давидова Э. А. К вопросу о периодизации..., с. 88, рис. 3, 7.

<sup>73</sup> Андроновская культура, с. 46.

<sup>74</sup> Мерперт Н. Я. Срубная культура Южной Чувашии, с. 17, рис. 5, 2; с. 21.

<sup>75</sup> Сальников К. В. Очерки древней истории Южного Урала, с. 164, рис. 19, 4; с. 205, рис. 28, 7, 9.

<sup>76</sup> Там же, с. 204.

28—30 см при ширине горла 12—18 см и таком же диаметре дна. Чаще всего горшки типа 4 орнаментированы, причем иногда их украшают горизонтальные или вертикальные ряды косых насечек, покрывающих  $\frac{2}{3}$  тулова, иногда — зональные горизонтальные пояса орнамента. Редко такие сосуды украшены налепами. Сосудов этого типа нет на поселениях Кочка 15А и Джанбас 34, одним экземпляром представлены они в домах 7 и 7а на поселении Кочка 15 и в доме 1 на поселении Джанбас 30. На остальных стоянках они составляют 10—15%, а в доме 1 на стоянке Анга 5—18%.

Аналогий сосудам типа 4 в срубно-андроновских комплексах нет. По-видимому, это местная форма, происхождение которой связано с позднелевосторонними<sup>77</sup> и раннесурганскими<sup>78</sup> комплексами. В этой связи уместно вспомнить, что в комплексе стоянки Байрам-Казган 2 три сосуда этой формы имели скругленное дно и по форме несколько напоминали заманбабские экземпляры. К тому же, на этой стоянке, как и на Заманбабе, найдена керамика с бурой росписью (два фрагмента). Наш материал имеет местное происхождение, но не исключено, что он является отражением более ранней традиции, связанной своим происхождением с южными областями Средней Азии.

Тип 5 представлен открытыми сосудами типа мисок с изогнутым горлом (диаметр 12—19 см), четким перегибом округлых плеч и плоским дном, диаметр которого составляет, видимо,  $\frac{1}{2}$  диаметра горла. Высота этих сосудов 12—14 см. Вариант этой формы — сосуды с резким переходом от плеч ко дну, похожие на вазообразные.

Сосуды этого типа обычно украшены орнаментом в верхней трети. Очень часто это точки насечек, «елочки», расположенные на равном расстоянии друг от друга. Сосуды этой формы бываю украшены полусферическими налепами. Однако случается, что орнамент покрывает  $\frac{2}{3}$  поверхности сосуда (это чаще всего относится к сосудам вазообразной формы), и тогда он располагается зонально. Сосуды этого типа встречены на всех поселениях, но в очень небольшом количестве, составляя 5—6%. Больше всего их на поселении Джанбас 34, причем там они представлены в основном вазообразными формами, об андроновском происхождении которых мы писали выше.

Но в целом сосуды типа 5 с их округлым мягким профилем близки сосудам типа 4 и находят аналогию в камышлинских (раннесур-

ганских) материалах. Этот тип может быть также связан с местной культурной традицией.

Мы уже упоминали, что сосуды типов 4 и 5, равно как и типа 3, были украшены полусферическими или соседними налепами. Любопытно, что на территории Средней Азии находки такого рода локализуются в северных степных областях. На сельскохозяйственном Юге, в подгорной полосе Туркмени, их нет. В Южном Приаралье этот прием известен еще с эпохи неолита: ладьевидный сосуд со стоянки Джанбас 4 украсила пара конических налепов<sup>79</sup>. Следующие по времени находки — сосуды со стоянок Кочка 15 и 16, относящиеся к типам 3—5. Случайные находки сосудов с налепами представлены этими же типами. Недавно в комплексе бешбулакских стоянок, на стоянке Бешбулак 10, был найден целый сосуд с налепами (рис. 64, 1), по форме аналогичный, видимо, сосуду с поселения Кочка 15.

В западноказахстанских памятниках керамика со сферическими налепами была обнаружена на поселении Шандаша, которое Е. Е. Кузьмина датирует позднелевосторонним временем<sup>80</sup>, и на Алексеевском поселении<sup>81</sup>.

В Челябинском Зауралье сосуд с подобными налепами, сходный по форме с нашими сосудами типа 3, был обнаружен В. С. Стоколосом в курганоидной группе 1 близ пос. Нижне-Спаское, в погребении 3 кургана 4, в комплексе с алакульской керамикой<sup>82</sup>. Близкие ему сосуды с парными налепами были найдены в комплексе Синташтинской могильника (Челябинская область)<sup>83</sup>, датированном В. Ф. Гепингом раннелевосторонним временем. Налены встречены на керамике замараевского типа на Ново-Буринском селище (Челябинская область), причем там есть налепы и парные, и одиночные. Исследовавший это селище К. В. Сальников расценивает эти фрагменты как уникальные<sup>84</sup>. Таким образом, в памятниках андроновской культуры этот прием встречается, но широкого распространения, как и в культурах степной бронзы Средней Азии, не имеет. Затрудняется отнести наличие сосудов с полусферическими налепами в дындыбай-бегазинском комплексе

<sup>79</sup> *Виноградов А. В.* Неолитические памятники Хорезма, с. 41, рис. 8.

<sup>80</sup> *Кузьмина Е. Е.* Андроновское поселение и могильник Шандаша.— КСИА, 98, 1964, с. 101, 105, рис. 30, 10. В тексте статьи эту находку Е. Е. Кузьмина никак не комментирует.

<sup>81</sup> *Крицкова-Гракова О. А.* Алексеевское поселение и могильник, с. 55, II, 61.

<sup>82</sup> *Стоколос В. С.* Культура населения бронзового века..., с. 51, рис. 15, 1.

<sup>83</sup> Архив ИА АН СССР.

<sup>84</sup> *Сальников К. В.* Раскопки у села Ново-Буринское (1948 г.).— СА, XXIX—XXX, 1959, с. 182, рис. 7, 1, 5.

<sup>77</sup> *Виноградов А. В.* Неолитические памятники Хорезма, с. 18; 19; 31, 4, 5.

<sup>78</sup> *Толстов С. П., Игнатьев М. А.* Проблема сурганской культуры, рис. 3.

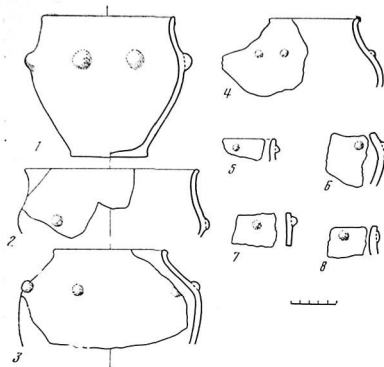


Рис. 64. Керамика с налепами, подъемный материал  
1 — Бешбулак 10; 2 — район Базар-калы; 3—5 — район Кокча 16; 6 — район Кокча 15; 7 — Янже-Парсан 2; 8 — район могильника Кокча 3

Центрального Казахстана (Дындабай 11)<sup>85</sup> и среди посуды мавзолея 6 Северного Тагискена (низовья Сырдарьи)<sup>86</sup> за счет андроновского компонента в культуре этих памятников. Скорее всего этот прием был широко распространен во времени и пространстве, так что хронологическим и культурным признаком он сам по себе служить не может.

Небольшие чашечки со сглаженным профилем типа 6, похожие на камышлинские, и полусферические чашечки типа 7 встречаются на поселениях редко (одна-две).

Несколько чаще встречаются сосуды типа 8. Они имеют изогнутое и довольно узкое (не более 18 см в диаметре) горло, переходящее в сильно раздутые плечи. Пропорции у них вытянутые. Они бывают покрыты орнаментом в верхней трети, как на стоянке Кават 3, или зонально по горлу и ниже плеч, с разделителем между этими зонами, как в доме 6 на поселении Кокча 15. Встречаются неорнаментированные экземпляры. В каждом комплексе их не более 10%, но характерно, что ни в доме 7а, ни на поселении Джанбас 34 сосудов этого типа нет. Эта форма встречена в камышлинском комплексе, и в свое время была оценена нами как

имеющая южное происхождение<sup>87</sup>. Наличие узкогорлых сосудов с раздутыми боками в поздние-неолитических комплексах этой территории, с одной стороны, приводит к мысли о местном происхождении этой формы<sup>88</sup>, с другой — не исключает ее южного происхождения, ибо южные связи и южный компонент в культуре неолитического населения низовий Амударьи бесспорны.

Почти всюду, кроме поселений Кокча 15А, Кават 3 и Джанбас 33, встречаются кринкообразные сосуды типа 9 с прямым горлом (диаметр 12—18 см) и округлым туловом с четко выраженными плечами. Они бывают орнаментированными и неорнаментированными, причем в первом случае орнамент покрывает  $\frac{2}{3}$  поверхности сосуда. Эта форма может быть сопоставлена с федоровскими образцами, а скорее даже с кожумбердынскими<sup>89</sup>, однако орнаментальные композиции у наших экземпляров иные, явно местные (преимущественно горизонтальные ряды косых насечек).

Остальные типы посуды на поселениях редки. К ним относятся открытые неорнаментированные горшки алакульского типа с уступчатым плечом (тип 11), встреченные на поселениях Кокча 15, дом 2 (2 экз.); Джанбас 33 (1 экз.); Анγκα 5, дом 2 (2 экз.); Кават 3 (2 экз.). Открытые короткогорлые горшки с четким уступом плеча, тоже алакульского типа, зонально покрытые орнаментом по горлу (у его края) и тулову (тип 12) встречены на поселениях Кокча 15 в доме 7а (4 экз.) и Джанбас 34 (12 экз.). Очень редки стаканчики (тип 15), миски (тип 17), банки (тип 19).

Заслуживают внимания сосуды типа 16, найденные лишь на стоянках Анγκα 5 и Джанбас 34. Это открытые горшки без венчика с прямой, реже слегка изогнутой горловой частью, переходящей в слабо выраженные плечи. Они имеют плоское дно, диаметр которого равен, по-видимому,  $\frac{1}{2}$  диаметра горла. Их отличительной особенностью является в одном случае украшение их валиком под венчиком и резным или штампованным орнаментом в верхней трети сосуда (Анγκα 5, дом 1), в другом — украшение верхней трети поверхности рифлением со сплошным покрытием орнаментом всего сосуда с разделителем между рифленой поверхностью и остальной частью тулова (стоян-

<sup>87</sup> Толстов С. П., Игина М. А. Проблема суяржанской культуры, с. 17—19.

<sup>88</sup> Видимо, к тому же выводу приходит и Е. Е. Кузьмина, которая считает эту форму локальной, характерной для Южного Приаралья (Виноградов А. В., Кузьмина Е. Е., Смирин В. М. Новые первобытные памятники..., с. 99).

<sup>89</sup> Кузьмина Е. Е. Раскопки могильника Кожумберды.— КСИА, 115, 1969, с. 128, рис. 50, 4.

<sup>85</sup> Грязнов М. П. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане.—СА, XVI, 1952, с. 140, рис. 8, 8; с. 141, рис. 9.

<sup>86</sup> Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, рис. 38.

ка Джанбас 34). Аналогии этой керамике мы встречаем на Замараевском селище<sup>90</sup>, Алексеевском поселении<sup>91</sup>, в комплексе с поселения Кара-Бутак (Оренбургская область)<sup>92</sup>. Наши сосуды с рифлением находят очень близкие аналогии в материалах Кара-Бутока. Отличия имеются лишь в качестве теста и в характере обработки поверхности (сосуды с Кара-Бутока лощеные).

Не совсем прямую аналогию сосудам с Джанбас 34 дают котлообразные хозяйственные горшки из позднего комплекса Первого Сусканского поселения, который Н. Я. Мерперт справедливо включает в одну хронологическую группу с памятниками типа Замараево и Алексеевски<sup>93</sup>. Форма этих срубных горшков та же, что и у наших экземпляров, но верхняя их треть украшена глубокими каннелюрами и лишена орнамента. По-видимому, можно заключить, что этот тип посуды связан с андроновским культурным миром.

Из 20-ти типов посуды, зафиксированных нами на всех поселениях, для всех тазабаябских комплексов наиболее характерны первые три. Сосуды типов 4 и 5 есть на всех поселениях и составляют примерно 15—20%. В целом же для тазабаябских комплексов характерно такое соотношение: 50—60% — типы 1—3, 15—20% — типы 4—5, остальное — единичные экземпляры других типов, среди них чаще других сосуды типов 8 и 9. При этом местное происхождение типов 1, 4—6, 8 представляется очевидным, равно как и срубно-андоновское и даже скорее андроновское — типов 10—20. По-видимому, андроновским (Федоровским?) в основе, но претерпевшим локальные изменения можно считать тип 9 (кринкообразные сосуды). Наиболее характерный для тазабаябской культуры тип 2, возможно, имел в своей основе срубные формы, но в результате контакта с местной культурной традицией превратился в совершенно самостоятельный. То же относится к типу 3, но в меньшей степени, так как в тазабаябских сосудах этого типа довольно отчетливо выявляются срубные черты. Наконец, даже при наличии своеобразных черт в приемах украшения тазабаябской посуды орнаментальные мотивы и композиции во многом

сближают ее со срубно-андоновскими образцами.

Возникает вопрос, с какими процессами можно связать присутствие в керамике тазабаябских поселений срубных и андроновских элементов? До недавнего времени мы объясняли это происхождением тазабаябской культуры, возникшей в результате смешения культуры срубно-андоновских пришельцев и культуры хорезмийских аборигенов — сугарганской. В результате этого смешения хорезмийский компонент отчетливо проявился, например, в раздутых формах посуды, срубно-андоновской — в наличии остросереберных форм и сосудов с уступчатым плечом, в орнаментальных мотивах. Мы и сейчас придерживаемся этой точки зрения, но за последнее время появились факты, которые позволяют по-новому взглянуть на ход процессов смешения упомянутых групп населения на территории Южного Приаралья.

Мы всегда считали, что проникновение срубно-андоновских племен в Южное Приаралье протекало не одновременно. Это был длительный процесс, охватывающий по крайней мере всю вторую половину II тысячелетия до н. э. Проникновение в низовья Амударьи отдельных племенных групп с территории Оренбургских степей, из зоны смешения срубных и андроновских племен, срубных и андроновских культурных компонентов, фиксировалось нами лишь на материалах тазабаябских стоянок, т. е. после смешения срубно-андоновского населения с местным хорезмийским. В последнее время нам удалось обнаружить следы пребывания андроновских групп населения на территории Южной Акчадарьинской дельты, так сказать, в чистом виде, что дает основание предположить возможность сосуществования тазабаябских и родственных им андроновских племен, по-видимому, на последнем этапе существования тазабаябской культуры, т. е. в конце II тысячелетия до н. э.

Речь идет о стоянках Джанбас 34, Кокча 19 и других с типично андроновскими керамическими комплексами, о которых мы уже писали.

Отличительной особенностью этой посуды, сразу бросающейся в глаза, является ее орнаментация (см. рис. 63). Горшки украшены богаче, чем тазабаябские, процент орнаментированных сосудов очень велик (70%). Орнамент геометрический, преимущественно резной, штампованный. Гребенчатый орнамент встречается редко. В большинстве случаев орнамент покрывает  $\frac{2}{3}$  поверхности сосудов, однако на поселении Джанбас 34 есть сосуды, орнаментированные сильнее (рис. 60, 8—10). Орнамент располагается преимущественно на тулове сосуда горизонтальными поясами, редко их не-

<sup>90</sup> Салышкова К. В. Очерки древней истории Южного Урала, с. 349, рис. 55, 20.

<sup>91</sup> Кришцова-Грикова О. А. Алексеевское поселение и могильник, рис. 56, 4; 58, 1, 6, 10.

<sup>92</sup> Андроновская культура, табл. XIX, 1. Опубликованы лишь некоторые фрагменты керамики с этого поселения. Благодаря любезности авторов раскопок М. Г. Моникавой и Э. А. Федоровой-Давыдовой, нам удалось ознакомиться со всем материалом, за что выражаем им искреннюю благодарность.

<sup>93</sup> Мерперт Н. Я. Из древнейшей истории Среднего Поволжья, с. 125, рис. 18, 2; с. 130.



сколько, чаще всего их два: один на горле, второй — ниже плеча, а между ними раздельная полоса в виде ряда каплевидных насечек, заштрихованной ленты или ленты с каплевидными насечками, желобков и т. д. Четко соблюдается принцип распределения орнамента, характерный для западноказахстанских алакульских комплексов: расположение верхнего орнаментального пояса у края горла сосуда, а не на шейке, как на тазабಾಗъябской посуде. Среди орнаментальных мотивов — ряды ломаных линий, горизонтальная и вертикальная «елочка», заштрихованные вдоль треугольнички, заштрихованные ромбы, «флажки», комбинации из заштрихованных лент, ряды каплевидных насечек, угловых вдавлений, ямок, лент горизонтальных ломаных, нанесенных протажной гребенкой. Реже встречаются незамкнутые треугольнички, меандр, треугольнички с «росточками». Обращают на себя внимание сосуды с рифлением верхней трети поверхности, причем выпуклые пояски украшены «елочкой» или каплевидными насечками. Весь этот набор орнаментальных мотивов и принцип их размещения на поверхности сосудов достаточно хорошо известны по материалам андроновских могильников Орско-Актюбинского района, в том числе и Алексеевского<sup>94</sup>. Наблюдается сходство, и особенно это касается рифления верхней трети сосуда, с керамикой с поселения Кара-Бутақ, о чем мы уже писали. Встречается прием украшения сосудов рифлением и на керамике эпохи поздней бронзы из Центрального Казахстана<sup>95</sup>.

Керамика андроновских поселений отличается от тазабಾಗъябской не только особенностями орнаментальных мотивов и композиций, но и формами. Типичные для тазабಾಗъябских комплексов сосуды типов 1—3 почти не представлены (3 из 66 на поселении Джанбас 34) или слабо представлены (12 из 50 в доме 7а на поселении Кокча 15) на андроновских поселениях; сосуды типов 4 и 5 встречены на них единично. Широко распространены горшки с довольно высоким прямым или чуть изогнутым горлом и хорошо выраженным уступом плеча алакульского типа (типы 11 и 12), часто отделенным от горла желобком или желобками (рис. 57, 4, 8, 9; 61). Иногда уступ плеча почти не выражен, это почти банки. Сосуды этой группы бывают в большинстве случаев украшены двумя поясами орнамента с разделителями между ними, на них чаще всего мы видим такие типично андроновские мотивы, как комби-

нации заштрихованных лент, «флажки», ленты горизонтального зигзага, нанесенные протажной гребенкой, угловые вдавления и т. д. Аналогии этой группе сосудов есть повсеместно, во всех коллекциях из алакульских памятников Западного Казахстана<sup>96</sup>. Заметно выделяются короткогорлые сосуды со слегка изогнутым горлом, уступом плеча и резким перегибом от него к донной части (тип 5) (рис. 22, 3; 37, 8; 62, 4—8). Выше мы писали о возможном субио-алакульском происхождении этой формы.

Небольшие короткогорлые сосуды типа 20 с уступом плеча, часто подчеркнутым большей толщиной его стенок по сравнению со стенками горла, и прямыми или слегка округленными стенками тулова обычно не орнаментированы (рис. 62, 1, 3). Такие сосуды попадались в тазабಾಗъябских комплексах Кокча 16 (рис. 38, 7). Неместное происхождение этой формы очевидно.

В тазабಾಗъябских комплексах встречаются в единичных экземплярах открытые горшки типа банок (тип 10), верхняя треть которых орнаментирована (рис. 37, 6). О горшках с рифлением в верхней трети, обнаруженных на поселении Джанбас 34 и в подъемном материале с поселения Кокча 16 (рис. 39, 9; 60, 5—7, 9), мы уже писали.

Надо думать, что андроновские комплексы поселения Джанбас 34 и других стоянок еще раз подтверждают нашу гипотезу о приходе в Южное Приаралье в середине — второй половине II тысячелетия до н. э. степных племен с северо-запада. Это движение, как мы отметили, не было единовременным, непрерывно шел процесс просачивания отдельных племенных групп, двигавшихся в южном направлении. Любопытно, что на бугре Уч-Тагаң (Северная дельта), т. е. на возможном пути продвижения этих племен, В. Н. Ягодин нашел фрагмент сосуда с рифлением в верхней части, той же формы, что и сосуды со стоянки Джанбас 34. Думается, что стоянка Джанбас 34 с ее большими и, видимо, легкими жилищами, возведенными на песчаном массиве близ дельтовых протоков, — поселение скотоводов на их пути к Югу.

Каково время этого поселения и всех обнаруженных нами комплексов этого типа? Ведущие формы, орнаментальные мотивы и приемы, принцип распределения орнамента на поверхности сосудов — все эти признаки выявляют комплекс алакульского времени. Указанные выше аналогии (Замараево, Алексеевка, Кара-Бутақ) керамике с рифлением с поселения Джанбас 34 (а она есть и в подъемном материале поселения Кокча 16) заставляют думать, что речь может идти о позднеалакульском времени,

<sup>94</sup> Андроновская культура, табл. XIV и сл.

<sup>95</sup> Марусали А. Х., Акишев К. А., Кайырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966, с. 225, табл. XXIX.

<sup>96</sup> См.: Андроновская культура, таблицы.

т. е. о конце II тысячелетия до н. э. Такая датировка согласуется и со стратиграфическими данными. Мы уже писали, что на поселении Кочка 15 керамика из частично развешенного дома 7а лежала поверх разрушенного и заполненного естественными отложениями дома 7. На тазабагыбском поселении Кочка 16, по правому берегу восточного протока, в котором больше, чем в западном, была вода, почти на километр тянутся россыпи андроновской посуды, представляющие собой остатки андроновского поселения, захватывающего частично и территорию тазабагыбского. Раскопанный нами в 1976 г. дом 2 оказался сходным с домом 7а на поселении Кочка 15 и по планировке, и по андроновской принадлежности его керамического комплекса.

Любопытное соотношение устанавливается между стоянкой тазабагыбской культуры Джанбас 33 и стоянкой Джанбас 34. В материале поселения Джанбас 34 тазабагыбской керамики почти нет. С другой стороны, подъемный материал, собранный на такыре, на площадке поселения Джанбас 33, содержит фрагменты керамики, характерные для поселения Джанбас 34. Следовательно, поселение Джанбас 34 моложе поселения Джанбас 33. Если же учесть, что, по данным аэрофотосъемки, русловые протоки, на которых стоит поселение Джанбас 34, называются на такыр, где стояло поселение Джанбас 33, вновь возникает мысль о том, что поселение Джанбас 34 моложе. Видимо, появление в восточной части Южной дельты андроновских пришельцев произошло тогда, когда жизнь на тазабагыбских земледельческих поселениях этого микрорайона прекратилась. Это могло быть связано с процессом отмирания дельты, причем, видимо, начался он с усыхания ее восточных протоков. Правда, стоянки с керамикой андроновского типа во всех случаях располагались близ русловых протоков, и это дает основание думать, что в некоторых из них на этом участке дельты вода в то время еще была. Примечательно, что нунки с находками такой керамики обнаружены в основном в районе Кочка — Джанбас, т. е. в восточной части дельты, неподалеку от коренного берега. По-видимому, эта территория неподалеку от коренных песков, с внутридельтовых песчаными останцами и остаточной обводненностью, представляла собой идеальное место для выноса скота, что и определило заинтересованность андроновских племен в расселении именно в этом районе. И если до сих пор присутствие андроновских форм в тазабагыбских керамических комплексах мы склонны были приписывать лишь культурным реминисценциям, то теперь для конца II тысячелетия до н. э., т. е. для более позднего времени, мы можем объяснить

это и непосредственными контактами между тазабагыбским и андроновским населением на территории Южного Приаралья в целом.

Возможно, что появление в тазабагыбском комплексе дома 1 стоянки Ангка 5 сосудов типа 16, подобных найденным на поселении Джанбас 34, но украшенных не рифлением, а валиком под величком, может быть связано с этими контактами. Это тем более вероятно, что стоянка Ангка 5 находится западнее, в зоне действия Среднего Акчадарынского русла, вне территории, где были обнаружены поселения Джанбас 34, Кочка 19 и др.

По-видимому, следует признать, что выдвинутый в свое время тезис о поглощении местной суйранской культуры культурой срубно-андроновских пришельцев в процессе формирования тазабагыбской на новых керамических материалах с поселений подтверждается. Этот тезис не исключает сохранения некоторой местной культурной традиции, которая проявляется в результате процессов ассимиляции в несколько видоизмененном виде и порождает местный колорит, который отличает тазабагыбскую керамику от срубной и андроновской. И здесь материалы вновь открытых поселений служат тому доказательством. И, наконец, керамические материалы поселений дают нам факты в пользу постоянных племенных передвижений из северных степных районов Евразии в южном направлении, причем на материалах Южного Приаралья речь, видимо, может идти о срубно-андроновских и андроновских миграциях, но не срубных — они охватывали, вероятно более западные районы.

Возникает вопрос, какое место в свете новых исследований может занять керамический комплекс могильника Кочка 3, который был нами опубликован в то время, когда значительная часть проанализированных нами стоянок была еще неизвестна<sup>97</sup>.

По характеру глиняного теста и технике изготовления посуда могильника ничем не отличается от керамики с поселений. Из 93 сосудов могильника 54 украшены орнаментом (57%). На раскопанных нами тазабагыбских поселениях доля орнаментированных сосудов составляет в среднем 65—75%. Кокчинский комплекс по процентному содержанию орнаментированной посуды ближе всего к стоянкам Джанбас 30 и 33, Байрам-Казган 2, дому 2 на стоянке Ангка 5 (50—60%). Характерно и то, что кокчинский комплекс содержит лишь три сосуда, орнамент которых выполнен гребенчатым витамом, в то время как в крупных тазабагыбских комплексах  $\frac{1}{3}$  или  $\frac{1}{5}$  часть

<sup>97</sup> *Ирина М. А.* Раскопки могильника тазабагыбской культуры..., с. 63—74, рис. 4, 5, 7, 9, 10, 12, 14.

сосудов украшена гребенчатым штампом (дома 2 и 6 на стоянке Кокча 15; дом 1 на стоянке Кокча 15А; стоянки Кокча 16, Кават 3). В этом плане он сближается с андроновскими комплексами типа Джанбас 34, дом 7а на стоянке Кокча 15.

Орнамент располагается на шейке и плечах сосудов сплошной полосой или нанесен зонально. Орнаментальный пояс идет обычно по шейке и плечам, между ними — или ряды горизонтальных желобчатых полос, или лента с каплевидными насечками, или просто полоса каплевидных насечек, или, наконец, не заполненное орнаментом пространство. В трех случаях разделитель — это лента, заполненная насечками, образующими горизонтальный зигзаг<sup>98</sup>. В материале стоянок такой мотив встречен один раз на сосуде со стоянки Анка 5 (рис. 52, 9). В то же время орнаментальный пояс в виде горизонтального зигзага, но не заключенного в ленту, достаточно част, например, в комплексе Алакульского могильника<sup>99</sup>. Третья орнаментальная зона — у дна, но на кокчинских сосудах она известна лишь в трех случаях.

Подобная закономерность в расположении орнамента была уже отмечена как характерная для андроновской керамики Западного Казахстана<sup>100</sup> и Южного Зауралья<sup>101</sup>, встречена она и на срубной посуде, и в этом отношении тазабагыбские комплексы, в том числе кокчинский, подходят на срубно-андоновские. В отличие от андроновской посуды орнамент на кокчинских горшках, как и на посуде с поселения, покрывает шейку сосуда, а край горла чаще всего никак не украшен. Однако в отдельных случаях был нарушен тазабагыбский и выдержан андроновский принцип расположения орнамента на горле. Наконец, некоторые кокчинские сосуды были орнаментированы целиком или почти целиком, но это исключения.

Если говорить об орнаментальных мотивах (рис. 63), то, как и на керамике стоянок, наиболее часто повторяющиеся узоры — ряды горизонтальных насечек, нанесенные под острым углом по отношению друг к другу, «елочка», равнобедренные заштрихованные треугольники, незамкнутые треугольники. В двух случаях встречены косоугольные треугольники, в четырех — прямоугольные. В двух случаях треугольники заштрихованы не вдоль, а поперек. Особенность кокчинского комплекса в том, что в большинстве случаев треугольники нане-

сены вершинами вниз, даже в комбинациях, когда они заполняют орнаментальный пояс на горле и на плечах. На керамике стоянок обычно в верхнем поясе треугольники обращены вершинами вверх, в нижнем — вниз. Может быть, это случайное совпадение, но ряды треугольников, обращенных вершинами вниз (не только на плечах), чаще встречаются на керамике из могильников<sup>102</sup>.

Как и на стоянках, керамика могильника бывает украшена рядами угловых или ногтевых вдавлений. Почти прямой аналогией сосуду из погребения 26, украшенному рядами угловых отрисков<sup>103</sup>, явился горшок, обнаруженный в погребенном материале на поселении в точке 1601 (рис. 67, 6).

Обращает на себя внимание целая серия сосудов, в орнаменте которых обязательным элементом являются ряды каплевидных насечек, т. е. элемент, отличающий андроновскую керамику типа Джанбас 34 от керамики чисто тазабагыбских стоянок типа, например, Кават 3. Этот же прием встречен и в погребенном материале дома 7 (поселение Кокча 15) (рис. 22, 1, 11), который мы относим к комплексу дома 7а, также имеющему очень сильный андроновский налет. «Фляжки», «бантики», ромбы, узоры из заштрихованных лент в комплексе могильника единичны, так же как и на керамике тазабагыбских стоянок. С другой стороны, в нем лишь в одном случае встречены треугольники с «росточками», нет сосудов, украшенных отрисками камышинки или полый трубочки, также нет сосудов с полусферическими паленгами, в то время как на стоянках эти орнаментальные мотивы и приемы достаточно известны. Кокчинская коллекция не имеет и сосудов с паленым валиком. В целом орнаментация кокчинских сосудов не выделяет их из тазабагыбских комплексов, но в ней есть композиции и мотивы, живо напоминающие андроновские и встречающиеся к тому же на керамике стоянок андроновского облика этого же района (Южная Акчадарбинская дельта).

Интересные результаты дает сопоставление типов керамики с исследованных нами тазабагыбских стоянок и могильника Кокча 3 (рис. 66). Сосудов типа 1 со сглаженным профилем, известных нам по материалам стоянок Кокча 15А, 16 и Кават 3, в комплексе могильника нет. Это тем более интересно, что мы склонны считать эту форму ведущей свое происхождение от местных неолитических форм.

<sup>98</sup> Игита М. А. Раскопки могильника тазабагыбской культуры..., рис. 5, 12; 7, 10; 14, 4.

<sup>99</sup> Андроновская культура, табл. X, XI.

<sup>100</sup> Грязнов М. П. Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане.—Сб.: Казах. II, Л., 1927, с. 196.

<sup>101</sup> Сальников К. В. Бронзовый век Южного Зауралья, с. 112.

<sup>102</sup> См., например: Кривонова-Гракова О. А. Алексеевское поселение и могильник, с. 128, рис. 52, 13, 20; Андроновская культура, табл. XI, 3 (Алакульский могильник).

<sup>103</sup> Игита М. А. Раскопки могильника тазабагыбской культуры..., рис. 7, 12.

	1	2	3	4	5	6	7
Figure 10							
Figure 11							
Figure 12							
Figure 13							
Figure 14							
Figure 15							
Figure 16							



Рис. 65. Видовые формы посуды на палеолитских поселениях

Сосуды типа 2, наиболее типичная тазабагыльская форма (до 40% в каждом комплексе), в материалах могильника представлены более скупо. Кроме того, здесь встречаются небольшие экземпляры, диаметр горла которых колеблется в пределах 12—14 см. На стоянках эти сосуды крупнее (рис. 66, 1, 3, 4). Сосуд из погребения 52 (рис. 66, 6) может быть отнесен к категории более крупных, почти прямую аналогично ему дает сосуд со стоянки Ангка 5 (рис. 66, 2), есть подобный сосуд и на стоянке Ангка 1<sup>104</sup>. Разница лишь в том, что на сосуде из погребения орнамент нанесен гребенчатым штампом, на сосудах со стоянок — насечками. Любопытно три небольших горшочка этого типа из погребений 23 (рис. 66, 7), 105 и 109<sup>105</sup>. Они сходны по форме и по орнаментальной композиции: верхний пояс — незамкнутые треугольники, нижний — заштрихованные треугольники, обращенные вершинами вниз. Залучивает внимания, что все три сосуда были поставлены в головах умерших женщин: в погребении 23 — в парном захоронении; в погребениях 105 и 109 — в одиночных. Последние два погребения к тому же расположены рядом. Может быть, эти женщины умерли на протяжении короткого отрезка времени и принадлежали к какой-то одной родственной группе, один из членов которой изготовлял эти сосуды. Вариант этой группы — открытые горшки, диаметр дна которых в два раза меньше диаметра горла (2-я группа могильника)<sup>106</sup>. Срубные параллели этим горшкам несомненны (рис. 66, 8—11). В материалах поселений их немного (рис. 66, 5; см. также рис. 33, 5; 42, 7). Сосуд с поселения Кочка 15 (рис. 22, 1) похож на сосуд из погребения 6<sup>107</sup>.

Сосуды типа 3 хорошо известны на поселениях (4-я группа могильника)<sup>108</sup>. Они имеют направленное внутрь прямое или слегка изогнутое горло и довольно высокие плечи (рис. 66, 12, 13). Их срубные или срубно-андоновские параллели несомненны. В материалах могильника они наиболее ярко представлены экземплярами из погребений 23, 50 и 75 (рис. 66, 17, 22)<sup>109</sup>.

В свое время мы писали, что для поселений описанная форма не характерна, — и ошибались: эти горшки есть на всех поселениях. Приземистый вариант этой формы, представленный сосудом из погребения 88 (рис. 66, 16),

весьма похож на сосуд с поселения Кочка 15 (рис. 66, 13).

К этой же группе можно отнести и биконические, и подобные биконическим сосуды с округлым перегибом плеч или остророберные. На поселениях их много и в основном это сосуды с округлыми плечами. Однако встречаются и остророберные варианты (рис. 66, 14, 15; см. также рис. 19, 6, 7; 28, 6; 54, 7; 51, 7). В комплексе могильника это сосуды из погребений 1 (рис. 66, 18), 9, 22, 65<sup>110</sup> и др., имеющие и вариант с округлыми плечами и остророберный. Наиболее выразительная серия в этой группе — небольшие биконические сосудики 5-й группы могильника (рис. 66, 19—21)<sup>111</sup>, прямой аналогией которым являются, видимо, лишь сосуды с поселений Кочка 16 (рис. 66, 15) и в точке 1601 (рис. 57, 7). Все шесть биконических сосудов могильника (погребения 3, 13, 17, 57, 99, 103)<sup>112</sup> по форме и размерам походят друг на друга, отличаются лишь большей или меньшей остророберностью. При этом погребения 3, 13, 17 и 99 находятся поблизости друг от друга, в юго-восточном углу могильника, погребения 103 и 57 тоже были недалеко друг от друга, но в северной части могильника.

Любопытно, что все эти сосуды были поставлены в погребения женщин, причем это относится как к парным, так и к одиночным захоронениям. Погребения 17 и 99 не являются исключением. Так как в четырех случаях из шести эти горшки стояли в головах у женщин, а могила 17, хотя и не содержит костика, но по размерам может рассматриваться как предназначенная для взрослого одиночного захоронения, мы при наличии в ней такого горшочка можем причислить ее к категории женских одиночных захоронений. В могиле 99 похоронен ребенок двух-трех лет на правом боку, т. е. казалось бы, мальчик. Но мы знаем, что по отношению к детям погребальный ритуал строго не соблюдался, и вправе предположить, что здесь могла быть похоронена и девочка.

Следует подчеркнуть, что в пяти из шести случаев описываемые сосуды имели у края горла по две дырочки, — как мы думали раньше, для подвешивания. Так же, в частности, истолковал и назначение таких дырочек на трех сосудах из Алакульского могильника К. В. Сальников<sup>113</sup>. Однако в погребении 13 могильника Кочка 3 с таким сосудом была найдена специально сделанная для него плоская дисковидная крышка, правда, в ней сохранилось лишь одно

<sup>104</sup> Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации, с. 77, рис. 19, 3.

<sup>105</sup> Игана М. А. Раскопки могильника тазабагыльской культуры..., рис. 7, 6; 14; 15; 16.

<sup>106</sup> Там же, с. 64.

<sup>107</sup> Там же, рис. 4, 11.

<sup>108</sup> Там же, с. 66, 67.

<sup>109</sup> Там же, рис. 7, 7; 10, 7; 12, 11.

<sup>110</sup> Там же, рис. 4, 1; 5, 3; 7, 5; 12, 6.

<sup>111</sup> Там же, с. 67, 68.

<sup>112</sup> Там же, рис. 4, 2; 5, 8, 12; 12, 2; 14, 10, 13.

<sup>113</sup> Сальников К. В. Курганы на оз. Алакуль. — ИМА, № 24, 1952, с. 6.

отверстие<sup>114</sup>. На поселении Джайбас 33 в доме I была найдена такая же крышка, как в погребении 13, и тоже с сохранившимся одним отверстием.

Прямую аналогию таким небольшим сосудам с крышечками мы находим в погребениях могильника Тасты-Бутака I. Они отличаются от наших формой — это стаканчики, но назначения их, видимо, было то же. Из пяти сосудов четыре орнаментированы, причем три из них почти сплошь покрыты орнаментом. В. С. Сорокин выделил эти сосуды в группу Б своей классификации<sup>115</sup> и высказал предположение, что с помощью двух дырочек в крышке и по краям горла сосуда крышка накрепко привязывалась и закрывала сосуд. В тех случаях, когда сосуд был найден без крышки, но имел по краям дырочки, такая крышка, по мнению В. С. Сорокина, могла быть сделана из дерева и не сохранилась<sup>116</sup>. Интереснее всего то, что в Тасты-Бутаке эти сосуды, видимо, тоже ставили для женщин. В двух случаях это парные разновременные захоронения — детей (ограда 20, могила 3; ограда 25, могила 2) и взрослых (ограда 38), где эти сосуды стоят в головах обоих покойников, недифференцированно. Однако, судя по находкам в одиночных женских могилах, можно думать, что и здесь они предназначались для женщин.

Хотя эти сосуды встречаются нечасто, но их называют характерной формой для Соль-Илецко-Орско-Актюбинского района распространения андроновских памятников<sup>117</sup>. Есть такой сосуд с крышечкой в комплексе могильника Ушкаты, расположенного неподалеку от Тасты-Бутока (ограда 33), но Е. Е. Кузьмина не пишет о том, кто был захоронен в этой ограде, и отмечает лишь, что баночные сосуды, средние и маленькие, встречаются обычно в составе остатков тризны и в детских погребениях<sup>118</sup>.

По-видимому, сходство (по назначению) сосудов с крышечками из могильника Кочка 3 с андроновскими экземплярами из Орско-Актюбинского района не случайно. Андроновские влияния сказываются и в мотивах, и в композициях украшающего эти сосуды орнамента. Зональное распределение орнамента характерно и для тазабаягьбской посуды, но вот расположение пояса треугольников по краю горла сосуда, а не по шейке (погребение 103) — это

уже характерный андроновский прием. Столь же несвойственно тазабаягьбским мастерам покрывать орнаментальными поясами всю поверхность сосуда (погребение 57). К этому можно еще добавить, что пояса каплевидных насечек, «флажки» — элементы, встречающиеся на стоянках Акчадары на керамике андроновского облика. То же относится и к поясам угловых вдавлений, которые на тазабаягьбских стоянках встречаются не так уж часто (см., например, рис. 20, 9; 33, 4). Разделительный пояс в виде ленты, заполненной горизонтальным зигзагом (погребение 17), — мотив, который, как мы уже писали, также характерен для андроновской керамики. В целом все эти орнаментальные мотивы и композиции достаточно часто встречаются на андроновской керамике Оренбургских степей и в том же Тасты-Бутаке. Но форма наших горшочков несомненно восходит к срубным прототипам. Могильники Ново-Кумакский и Увак, находящиеся к северо-западу и западу от Тасты-Бутока, но относящиеся к той же западной группе андроновских памятников, содержат смешанный срубно-андоновский керамический материал<sup>119</sup>. И именно там мы встречаем маленькие сосуды, уже близкие нашим по форме, но украшенные совершенно в андроновской манере, — орнаментальными поясами треугольников и лент, покрывающих весь или почти весь сосуд<sup>120</sup>. Таким образом, срубно-андоновское происхождение описываемой группы сосудов подтверждается.

Тип 4 посуды поселений, с типично тазабаягьбскими раздутыми формами (рис. 66, 25, 26), представлен в материалах могильника, но более скупо (7-я группа)<sup>121</sup>. Сходны по форме с сосудом из погребения 77 (фрагмент служил в качестве крышки) (рис. 66, 27) горшки с поселения Кочка 15 (рис. 66, 23, 24). Прямой аналогией, но более крупного размера, сосуду из погребения 8 (рис. 66, 29) является горшок из дома 7а на поселении Кочка 15 (рис. 66, 26). К одному типу принадлежит сосуд из погребения 18 (рис. 66, 28) и сосуд с поселения Кочка 16 (рис. 66, 25). На всех поселениях, правда, в небольших количествах, встречены кринообразные горшки. В могильнике Кочка 3 обломок такого сосуда (служил в качестве крышки) обнаружен лишь в одном случае (погребение 25)<sup>122</sup>.

<sup>114</sup> Итina М. А. Раскопки могильника тазабаягьбской культуры..., рис. 5, 9.

<sup>115</sup> Сорокин В. С. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутака I..., с. 66, 67.

<sup>116</sup> Там же, с. 67.

<sup>117</sup> Андроновская культура, с. 13.

<sup>118</sup> Кузьмина Е. Е. Периодизация могильников Еленовского микрорайона андроновской культуры. — Сб.: Памятники каменного и бронзового веков Евразии. М., 1964, с. 125, 126, рис. 1, 7.

<sup>119</sup> Мошкова М. Г., Федорова-Давидова Э. А. Погребения эпохи бронзы Ново-Кумакского могильника. — КСИИ. 101, 1964; Федорова-Давидова Э. А. К вопросу о периодизации..., с. 86, 87.

<sup>120</sup> Мошкова М. Г., Федорова-Давидова Э. А. Погребения эпохи бронзы..., с. 139, рис. 43, 2; Андроновская культура, табл. XXI, 10.

<sup>121</sup> Итina М. А. Раскопки могильника тазабаягьбской культуры..., с. 68.

<sup>122</sup> Там же, рис. 7, 13.

В комплексе могильника выделяется группа горшков с уступчатым плечом (3-я группа), которая на тазабಾಗъбских поселениях представлена единственным экземпляром (тип 11), но зато в андроновских материалах этой же территории проявляется достаточно четко. В комплексе могильника есть неорнаментированные экземпляры этой формы, но в основном это орнаментированные алакульские горшки из детских погребений в юго-западной части могильника, явно изготовленные одним мастером<sup>123</sup>.

Сосуды типа 11 на поселениях отличаются от экземпляров из могильника несколько большей округлостью плеча и тулова в целом, но все это тем не менее сосуды одной группы. Учитывая аналогии этим сосудам в западноказахстанских андроновских<sup>124</sup> и южноуральских срубно-андоновских комплексах<sup>125</sup>, мы, как и прежде, относим эту группу керамики к образцам андроновского (алакульского) керамического мастерства.

Тонкостенные чашки, диаметр дна которых приближается к диаметру горла, иногда с загнутым внутрь краем (6-я группа могильника), имеют аналогии, как мы уже писали, в срубных и андроновских комплексах<sup>126</sup>, но ни на тазабಾಗъбских, ни на андроновских поселениях Акчадарынской дельты мы их не встречаем; на поселениях, как правило, попадаются полусферические чашечки, да и они редки.

Сосудик типа бокальчика из погребения 25, так же как и обломок другого сосуда, использованный в качестве крышки<sup>127</sup>, могут быть тоже сопоставлены с тазабಾಗъбскими сосудами со стоянок. Бокальчик походит на сосуд, видимо того же назначения, из дома 2 на поселении Анга 5 (рис. 54, 8), отличается от него лишь формой дна. Обломок покрывавшего его горшка походит на кринкообразный сосуд из дома 6 на поселении Кюкча 16 (рис. 20, 4).

Сосуды из погребений 4 и 64 вводит нас в круг срубно-андоновских аналогий. Лощеный сосуд, стоявший в головах мужчины в погребении 4<sup>128</sup>, покрыт поясами геометрического резного орнамента андроновского типа. Орнамент в виде различных комбинаций заштрихо-

ванных лент достаточно распространен, но вот форма — открытая миска — встречается реже. Сходного типа сосуд найден в кургане 7 могильника у г. Петропавловск (Северный Казахстан)<sup>129</sup>, один экземпляр есть в коллекции могильника Тасты-Бутак<sup>130</sup>. Второй сосуд из погребения 4 могильника Кюкча 3<sup>131</sup> с равным успехом может быть причислен как к срубным, так и к андроновским образцам.

Среди керамики исследованных нами поселений сосуды этих типов неизвестны. Не исключено, что сосуды типа миски из погребения 4 бывали на андроновских поселениях. Во всяком случае фрагментов со сложными комбинациями узоров из заштрихованных лент на этих стоянках много, но далеко не всегда ясно, каким формам они принадлежали. Объединяя совершенно необоснованно первый сосуд (миску) из погребения 4 и сосуд из погребения 11 в одну группу, В. С. Стоколос приводит их в качестве аналогии сосудам четвертой группы могильника Спасское I<sup>132</sup>. Думается, что это сравнение неправомерно, к тому же сосуд из кургана 3 могильника Спасское I, включенный в эту группу<sup>133</sup>, находит многочисленные аналогии в материалах андроновского, а не тазабಾಗъбского облика (рис. 23, 3; 6, 5—8).

Наконец, сосуды из детского погребения 64 — банка и миска с загнутым внутрь краем — с равным успехом могут быть рассмотрены и как срубные, и как андроновские, причем на стоянках подобная посуда не встречена.

Сравнение керамического материала могильника с материалом стоянок выявляет черты сходства и различия между ними. В коллекции могильника полностью отсутствуют сосуды типа 1, слабо представлены сосуды типа 4, совершенно нет узкогорлых сосудов с раздутым туловом типа 8. Сосуды типа 2 есть, но их меньше, чем в комплексах стоянок. Однородно представлены и в комплексе могильника, и в комплексе стоянок сосуды типа 3 с вариантом в виде биконических форм. Разница заключается лишь в том, что в комплексе могильника чаще, чем на стоянках, встречается островерный вариант этой формы, более близ-

<sup>123</sup> Там же, рис. 9, 4—6; 10, 1, 2.

<sup>124</sup> См., например: *Кудзыма Е. Е.* Периодизация могильников Еленовского микрорайона... с. 126. рис. 1, 10, 13; *Сорокин В. С.* Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак I..., с. 165, табл. XLIII, I.

<sup>125</sup> *Салмыков К. В.* Некоторые сведения об эпохе бронзы Южной Башкирии. — Башкирский археологический сборник. Уфа, 1959, табл. I, 1, 4; *он же.* Очерки древней истории Южного Урала, с. 201—204, рис. 28, 7, 9.

<sup>126</sup> *Игина М. А.* Раскопки могильника тазабಾಗъбской культуры..., с. 68.

<sup>127</sup> Там же, рис. 7, II.

<sup>128</sup> Там же, рис. 4.

<sup>129</sup> *Оразбаев А. М.* Северный Казахстан в эпоху бронзы. — Труды Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР, 5. Алма-Ата, 1958, с. 288, табл. VI, 3. На рисунке сосуд покрыт резным орнаментом, на самом деле орнамент нанесен мелкоубуцатым штампом.

<sup>130</sup> *Сорокин В. С.* Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак I..., с. 172, табл. 4, 55.

<sup>131</sup> *Игина М. А.* Раскопки могильника тазабಾಗъбской культуры..., рис. 4, 7.

<sup>132</sup> *Стоколос В. С.* Культура населения бронзового века..., с. 53.

<sup>133</sup> Там же, с. 52, рис. 16, I.



кий к срубным образцам. Большие открытые горшки срубного типа (2-я группа могильника) в материалах стоянок почти неизвестны. В материалах тазабгайских стоянок также редки горшки алакульского типа с уступчатым плечом (тип 11), выделяющиеся в комплексе могильника в четкую группу. В целом в керамическом комплексе могильника гораздо более ярко, чем в материалах стоянок, проявляется срубно-андоновский компонент.

Именно это обстоятельство заставило некоторых исследователей относить могильник Кочча 3 к андроновской культуре (срубный компонент они во внимание не принимали) или к ее локальному варианту. При этом керамика рассматривается сторонниками андроновской атрибуции могильника лишь как типичный алакульский комплекс. М. П. Грязнов, считая, что «в целом керамика могильника Кочча 3 находит себе полные аналоги в памятниках алакульского этапа, а не в каких-либо других керамических комплексах»<sup>134</sup>, отмечает тем не менее три его особенности: 1) высокий процент неорнаментированной посуды; 2) наличие нехарактерных для других областей орнаментальных мотивов (незамкнутые треугольники); 3) своеобразие, более всего проявляющееся в формах сосудов. Высокий процент неорнаментированной посуды действительно отличает комплекс могильника Кочча 3 от алакульских, равно как и керамику тазабгайской культуры в целом, но эта ее особенность, как мы уже писали, может быть связана с участием в ее генезисе срубного компонента.

Что же касается особенностей отделки поверхности сосудов, то здесь отличий гораздо больше, чем те, на которые указывает М. П. Грязнов. Начнем с того, что только один сосуд из 93 был залощен (погребение 4), причем он как раз типично андроновский и по форме, и по орнаментальным мотивам. Такие андроновские мотивы, как меандр, «зеты», «флажки», различные сложные комбинации из заштрихованных дент, на сосудах могильника не встречаются или почти не встречаются. То же можно сказать и об украшении поверхности сосуда при переходе от горла к плечам горизонтальными каннелюрами. А вот незамкнутые треугольники встречаются как раз не только на кокчинской посуде, но и на алакульской из Орско-Актюбинского района. Наконец, своеобразные формы кокчинской посуды тем более исключают возможность считать этот комплекс андроновским. Наличие в нем явных срубных форм, типично тазабгайских сосудов с округлым или сильно раздутым туловом и невысо-

ким горлом при незначительном количестве горшков алакульского типа с уступчатым плечом дает основание рассматривать этот комплекс как алакульский по времени, но не по культурной принадлежности.

Типы бронзовых украшений — желобчатые браслеты с заходящими концами и восьмеркообразные привески — вводят могильник Кочча 3 в круг срубно-андоновских параллелей. Столь характерные для западноказахстанских алакульских погребений рубчатые бусы на щиколотках у женщин в могильнике Кочча 3 встречаются один раз.

Мы полагаем, что наша концепция о формировании тазабгайской культуры в результате смешения культур срубно-андоновских пришельцев из степей Приуралья и местной на новыми материалами со стоянок, но особенно материалами могильника Кочча 3 не опровергается, а подтверждается. Можно лишь подчеркнуть, что в материалах могильника срубно-андоновский компонент тазабгайской культуры просматривается более четко, чем в материалах стоянок.

Это же наблюдение предположительно (мы знаем материал лишь по публикациям) можно сделать, сравнив керамику из могильника Гуджайли (ее немного) в низовьях Зеравшана с керамикой обнаруженных там же стоянок, — памятников, содержащих комплексы весьма близкие тазабгайским. Хотя в могильнике Гуджайли исследовано всего пять могил, комплекс его очень выразителен. Это два типично андроновских (алакульских) горшка<sup>135</sup>: один (могила 1) — баночный, другой (могила 5) — с характерными желобками в нижней части горла, оба сплошь орнаментированы поясами равнобедренных треугольников и рядами ломаных линий. На стоянках керамика такого типа есть, но наряду с ней встречается типично тазабгайская<sup>136</sup>.

Думается, что отличия погребальной посуды от посуды, повседневно употреблявшейся в быту, не всегда могут быть объяснены однозначно. По материалам андроновской керамики Еленовского микрорайона Е. Е. Кузьмина пришла к выводу, что в могилы клали наиболее нарядные горшки<sup>137</sup>. На материалах могильника Кочча 3 мы этот вывод сделать не можем. Керамика тазабгайских поселений в целом выглядит наряднее, да и процент орнаментированной посуды там больше, чем в комплексе

<sup>135</sup> Гудаямов Я. Г., Исламов У., Аскарлов А. Первоначальная культура и возникновение орошаемого земледелия..., табл. XXI; XXV, 2.

<sup>136</sup> Там же, табл. XXIV, 2; XXVII—XXX.

<sup>137</sup> Кузьмина Е. Е. Относительная хронология андроновских поселений Еленовского микрорайона.— СА, 1965, № 4, с. 50.

<sup>134</sup> Грязнов М. П. Пастушеские племена Средней Азии..., с. 40.

могильника. Скромность или отсутствие орнамента на сосудах могильника скорее всего можно объяснить срубными влияниями, которые проявлялись, как мы видели, и в наличии некоторых характерных срубных форм. Другой вывод Е. Е. Кузьминой сводится к тому, что керамика могильников дает искаженную картину соотношения керамических типов, бытовавших у населения<sup>138</sup>. Учитывая результаты проведенного нами анализа (даже если иметь в виду, что не все комплексы стоянок синхронны с комплексом могильника), с этим выводом, видимо, следует согласиться, заменив «искаженную» картину «неточной».

Известное несоответствие между материалом из могильника и керамикой стоянок связано, очевидно, с тем, что погребальный инвентарь всегда более архаичен, он дольше сохраняет старые традиции, в то время как посуда, используемая в повседневной жизни, естественно, легче подвергается всяческому изменению.

Мы вполне разделяем точку зрения О. А. Кривцовой-Граковой, которая считала, что для погребений подчас использовались лишь определенные формы посуды<sup>139</sup>. Вероятно, в ряде случаев посуда погребений изготовлялась специально. Вспомним сосуды из детских погребений 20, 21, 31, 32, 39 (последнее — юношеское) — все они явно сделаны рукой одного мастера и не несут на себе следов употребления. Кроме того, один из них (сосуд из погребения 39), несмотря на то, что он меньше остальных, настолько тяжел, что создается полное впечатление, что он сделан напек, а не для повседневного употребления. Можно предположить, что и биконические со-

суды с крышечками были изготовлены специально для похорон.

Из этнографии известно, что у многих племен вещи покойного являются табу, причем поступают с ними по-разному. Так, например, у бушменов мужчине при погребении кладут на грудь лук и стрелы, но не для того, чтобы они ему служили на том свете, — просто вещи, принадлежащие покойнику, не могут быть использованы живыми<sup>140</sup>. Однако чаще всего к вещам покойного или не прикасаются, или их разбивают и ломают. Но в то же время покойному в могилу ставят сосуды с водой и едой, и это заставляет думать о том, что они сделаны специально к случаю. Возможно, что этим и можно объяснить находки в могильниках эпохи бронзы специально сделанных сосудов.

Открытие стоянок типа Джанбас 34, фиксирующих продолжающуюся инфильтрацию андроновского населения в Южное Приаралье, может быть, дает возможность объяснить: 1) присутствие андроновской струи в керамических материалах могильника не только специфической погребальной инвентаря; 2) подтвердить прежнюю датировку могильника временем не ранее XIII в. до н. э.

Существование в Южной дельте в конце II тысячелетия до н. э., по-видимому, в последней его четверти, стоянок с андроновской керамикой, позволяет предположить, что существование андроновского компонента в комплексе могильника Кокча 3 может быть объяснено не только архаизмом погребальной посуды по сравнению с употреблявшейся в быту, но и непосредственными контактами тазабагыльского населения с пришлыми, родственными им по происхождению и культуре племенами андроновского круга.

<sup>138</sup> Там же.

<sup>139</sup> Кривцова-Гракова О. А. Степное Поволжье и Причерноморье..., с. 26.

<sup>140</sup> Lebzelter V. Eingeborenenkulturen in Südwest-und Südafrika. Leipzig, 1934, S. 31.

## ОРУДИЯ И УКРАШЕНИЯ ИЗ МЕТАЛЛА

Изделия из металла — чрезвычайно редкая находка на памятниках эпохи бронзы в Южном Приаралье, в особенности на поселениях. Причины тому можно назвать несколько. Прежде всего, изделия из бронзы ценились, по-видимому, достаточно высоко, их берегли, а потому вероятность их находки на поселениях, которые в большинстве случаев были покинуты внезапно, а спокойно, в связи с изменившимся водным режимом того или иного участка дельты, очень невелика. Уходя, люди забирали с собой все ценное, в том числе и предметы из металла. То, что изделия из металла высоко ценились, подтверждают и материалы могиль-

ника Кокча 3, где их очень мало и положены они в могилу, по-видимому, лишь чтобы подчеркнуть различия в поле погребенных<sup>141</sup>. Достаточно сказать, что в 21 женском захоронении найдено лишь 20 браслетов и 19 височных подвесок, и это при том, что каждое женское погребение, очевидно, должно было содержать по крайней мере две подвески. В то же время в одиночном женском погребении 13 было обнаружено пять браслетов (единственный случай), т. е. количество металлических украше-

<sup>141</sup> Игана М. А. Раскопки могильника тазабагыльской культуры..., с. 74 и сл.

ний подчеркивало, видимо, более высокое по сравнению с другими общественное положение погребенной здесь женщины. Является ли все сказанное свидетельством того, что население Южного Приаралья во второй половине II тысячелетия до н. э. испытывало недостаток в сырье или затруднения при изготовлении металлических вещей (чисто технологического порядка)? Мы не ставим вопрос, были ли эти изделия привозными или изготовлялись на месте, так как находки литейных форм на поселениях Джанбас 21 и Кочка 15А, находки на многих поселениях льячек, да и чисто утилитарное назначение ряда предметов (ножи, шилья) не оставляют сомнений в местном производстве во всяком случае большинства вещей. О возможных трудностях при изготовлении бронзовых орудий и украшений мы можем лишь догадываться, но несомненно, что круг лиц, занятых этим, был уже, чем тех, которые лепили горшки. Ни на одном из раскопанных нами тазабагыябских поселений мы не обнаружили следов специального производства металлических предметов в каком-то одном центре. В то же время для второй половины II тысячелетия до н. э. у срубных племен уже фиксируется появление специалистов, занимающихся металлообработкой<sup>142</sup>. Для нашей территории такая специализация, свидетельствующая о начавшемся выделении ремесел, наблюдается лишь на материалах «дома литейщика» амарабадского поселения Якке-Парсан 2, который датируется самым концом II — скорее началом I тысячелетия до н. э.

Все найденные нами изделия из металла не группируются в комплексы. Как правило, это отдельные находки в домах или около них. Исключение составляет лишь могильник Кочка 3 с очень четким комплексом, в состав которого входят в основном украшения. Находки на поселениях — это главным образом орудия труда: ножи, серпы, шилья, иглы. Оружие представлено редкими находками наконечников стрел и литейной формой для отливки наконечника копья. Украшения в виде бронзовых колечек с заходящими концами и серег чаще всего встречаются на поселениях, но желобчатые браслеты, височные привески и рубчатые бусы — как правило, принадлежность погребального инвентаря. Изредка в материалах могильника Кочка 3 встречается шилья и иглы.

При всей фрагментарности имеющихся материалов они все же поддаются классифика-

ции. Среди ножей и их фрагментов, найденных в культурном слое поселений и в подъемном материале, представлены лишь однолезвийные экземпляры. Широко распространенные на территории степей Евразии так называемые срубные ножи на территории Южного Приаралья не встречаются. Возможно, что это связано вообще с нераспространенностью здесь двулезвийных форм, хотя срубно-адроновские контакты населения Южного Приаралья, казалось бы, должны были способствовать появлению их в этом регионе.

К широко известному в степях Средней Азии типу пластинчатых однолезвийных ножей с прямой спинкой и невыделенной рукояткой следует относить две бесспорные находки из слоя — в доме 1 на поселении Кават 3 и в доме 2 на поселении Кочка 15 (рис. 67, 1, 2). Нож с поселения Кават 3 имел, вероятно, отверстие в рукояти и расширяющееся книзу лезвие<sup>143</sup>. Точная атрибуция наших находок из-за их фрагментарности затруднительна, однако они, по-видимому, без большой ошибки могут быть отнесены ко второй половине II тысячелетия до н. э.

Небольшой ножичек из подъемного материала поселения Кочка 16 тоже представляет собой вариант однолезвийных ножей с прямой спинкой (рис. 67, 3). Однако лезвие его книзу сильно суживается, скруглено и имеет некоторую тенденцию к оттянутости назад. С некоторой натяжкой этот нож может быть сопоставлен с экземпляром с Южного холма Анау (слой III)<sup>144</sup>. Однако и Э. Шмидт, и вслед за ним Е. Е. Кузьмина<sup>145</sup> считают экземпляр из Анау принадлежащим к изделиям степного круга, так что, по-видимому, происхождение нашего ножа и анауского едино. Дата их — вторая половина или конец II тысячелетия до н. э. Более явно оттянутый назад кончик имеют два однолезвийных ножа из домов 1 и 2 на поселении Джанбас 21 (рис. 67, 4, 5). Все эти находки тем более интересны, что «хвостатые» ножи более выработанные формы с выделенной рукояткой характерны для культуры эпохи поздней бронзы Южного Приаралья — амарабадской. В свое время Е. Е. Кузьмина, имея в виду амарабадские экземпляры, с некоторой оговоркой высказала предположение, что эта форма «хвостатых» ножей типична именно для данного региона<sup>146</sup>. Намек на «хвостатость» на заведомо более ранних тазабагыябских

<sup>142</sup> Шилов В. П. О древней металлургии и металлообработке в Нижнем Поволжье. — МИА, № 60, 1959, с. 14 и сл.; Прякин А. Д. Сагайдак П. И. Раскопки на Битюге. — АО 1973 г. М., 1974, с. 72, 73; Киселев С. В. Бронзовый век СССР. — Сб.: Новое в советской археологии. М., 1965, с. 37.

<sup>143</sup> Ранее ошибочно помещен в публикации вверх ногами. См.: Итима М. А. Раскопки стоянок тазабагыябской культуры..., с. 103, рис. 15, 3.

<sup>144</sup> Pimpelly R. Explorations in Turkestan, I. Washington, 1908, pl. 39, 1.

<sup>145</sup> Кузьмина Е. Е. Металлические изделия..., с. 46.

<sup>146</sup> Кузьмина Е. Е. Металлические изделия..., с. 49.

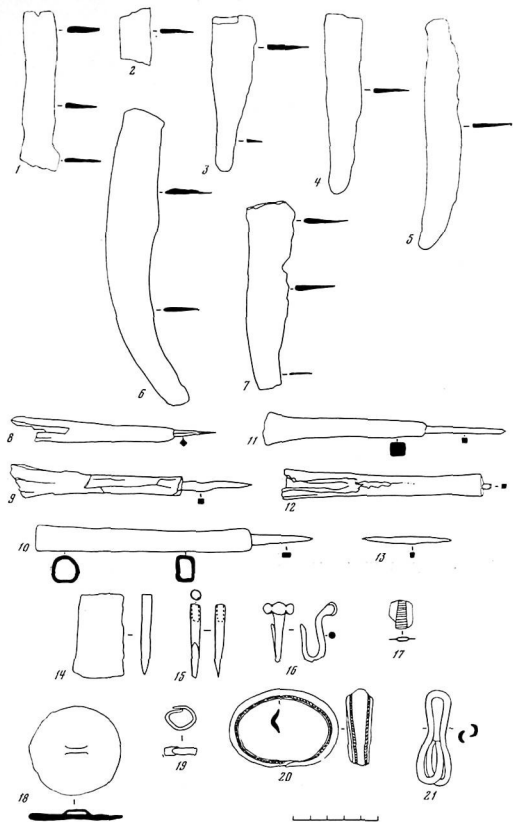


Рис. 67. Бронзовые орудия и украшения

1-7 — ножи; 8-13 — шпилья; 14 — тесло; 15 — долото; 16 — серьга; 17 — наконечник стрелы; 18 — зерцало; 19 — колено; 20 — браслет; 21 — височная приваеса.  
 1, 7, 10 — Кават 3; 2, 6, 16 — Кочча 15; 3, 13, 17 — Кочча 16; 4, 5 — Джанбае 21; 8, 9, 12, 20, 21 — Кочча 3; 11 — Кочча 15А; 14 — район Кочча 16; 15 — Джанбае 33; 18 — Байрам-Наган 2; 19 — Агика 5  
 14, 15, 17 — подъемный материал; остальное из раскопок

ножах, вероятно, является подтверждением правдивости этой гипотезы.

К категории серповидных ножей, а скорее небольших серпов, относятся две находки. Одна из них представлена целым экземпляром из дома 2 на поселении Кочка 15 (рис. 67, 6). Это изогнутый однолезвийный нож, более широкий в верхней трети, а затем суживающийся и заканчивающийся скругленным концом. Очень близок по форме этому ножу оказался нож со стоянки Кават 3, конец которого обломан (рис. 67, 7). Однако его пропорции почти совпадают с пропорциями ножа из дома 2 на стоянке Кочка 15, лишь лезвие при переходе от широкой к узкой части несколько уже. Эти две находки в какой-то мере могут быть сопоставлены с ножичком, найденным на такырах близ Кой-Крылган-калы<sup>147</sup>, и с серповидным ножом из Дальверзина<sup>148</sup>. Е. Е. Кузьмина датирует этот тип ножей, опираясь на находку с Дальверзина, эпохой поздней бронзы, возможно, ее концом<sup>149</sup>. Однако, учитывая некоторые отличия находок с поселений Кочка 15 и Кават 3 от дальверзинской (и по форме, и по отсутствию отверстий), а также принадлежность их к тазабагыяской культуре, правильнее будет датировать наши находки второй половиной II тысячелетия до н. э.<sup>150</sup>, а может быть, его третьей четвертью.

Орудия труда, повсеместно встречающиеся на всех поселениях, и в слое, и в подъемном материале, — бронзовые четырехгранные шилья (рис. 67, 8—13). По-видимому, ими пользовались очень широко. О том, что они вставлялись в костяную рукоятку в виде специально обработанной кости барана, мы узнали по находкам из могильника Кочка 3 и из дома 1 на стоянке Кават 3. Сейчас мы можем добавить к ним находку шила в костяной рукоятки из дома 1 на стоянке Кочка 15А (рис. 67, 11). Оно мало отличается от ранее известных экземпляров. Правда, его рукоятка, в отличие от них, ближе к рабочей части отделана таким образом, что в сечении дает прямоугольник. По длине все известные нам рукоятки примерно одинаковы — 9—12 см. Разнятся они лишь большей или меньшей массивностью; наиболее крупные экземпляры — находки со стоянки Кават 3 и из погребения 23 могильника Кочка 3. В трех из шести случаев длина той части шила, которая выступает из рукоятки, 4 см. Большинство эк-

земпляр, вставленных в рукоятку, имеет длину 7 см, встречаются отдельно шилья длиной 5 см. Но по типу они все одинаковые — обоюдоострые, четырехгранные в сечении. По-видимому, с пропорциями рукоятки и рабочей части было связано назначение инструмента. А оно могло быть разным, и это зависело от величины самого шила.

О разном назначении этих орудий свидетельствует и более мелкий экземпляр из погребения 77 могильника Кочка 3 (рис. 67, 12). Это шило имеет меньшее сечение, более заострено и выступает из рукоятки лишь на 2 см. На возможность разного использования этих орудий обратила внимание еще О. А. Кривонова-Гракова, причем, по ее мнению, некоторые шилья, как раз небольших размеров, могли употребляться в качестве пуносонов<sup>151</sup>. О. А. Кривонова-Гракова там же заметила, что шилья полтавкинской и срубной культур более миниатюрны. Действительно, отдельные шилья из кургана 5 у с. Марьевка<sup>152</sup>, из погребения 30 кургана 5 у с. Ягодное<sup>153</sup>, погребения 2 кургана 2 у дер. Уразаметово<sup>154</sup> невелики и прямо походят на шилья из погребения 77. Мы далеки от мысли приписать нашим шильям срубное происхождение, хотя, конечно, при тесном контакте с населением срубного или срубно-андроновского региона заимствование той или иной утилитарной формы орудия, несомненно, могло иметь место.

Шилья, встречающиеся на тазабагыябских памятниках, Е. Е. Кузьмина относит к типу II своей классификации и ведет их происхождение из Передней Азии, где они были известны еще в IV тысячелетии до н. э., полагая, что в культурах степных районов Средней Азии они появились в результате контактов с более южными областями<sup>155</sup>. Возможно, так оно и было, но этот вид орудий столь прост по замыслу и по выполнению, что можно предположить его самостоятельное появление в той или иной области после знакомства ее населения с производством орудий из металла.

Бронзовые иглы с ушком, круглые в сечении, распространены повсеместно и так же, как шилья, встречаются в погребениях.

Среди случайных находок на тазабагыябских поселениях в районе Кочка — Джанбас обращает на себя внимание обломок бронзового

<sup>147</sup> Низовья Амударья, Сарыкамьш, Узбой..., рис. 66, 2.

<sup>148</sup> *Забнепровский Ю. А. Древнеземледельческая культура Ферганы.* — МИА, № 118, 1962, с. 77, табл. XXI, 7.

<sup>149</sup> Кузьмина Е. Е. Металлические изделия..., с. 46.

<sup>150</sup> Такая датировка ничуть не лучше, чем эпоха поздней бронзы, но она по крайней мере исключает начало I тысячелетия до н. э.

<sup>151</sup> Кривонова-Гракова О. А. Степное Поволжье и Причерноморье..., с. 56, 57.

<sup>152</sup> Рыков П. С. Нижнее Поволжье по археологическим данным 1926—1927 гг. М.— Саратов, 1929, с. 8, рис. 6.

<sup>153</sup> Мерперт Н. Я. Материалы по археологии Среднего Заволжья, с. 61, 69, рис. 10, 4.

<sup>154</sup> Мерперт Н. Я. Срубная культура Южной Чувашии, с. 15, рис. 4, 1.

<sup>155</sup> Кузьмина Е. Е. Металлические изделия..., с. 62—64.

тесла (рис. 67, 14) — находка, редкая в степях Средней Азии. Судя по нашему фрагменту, он может быть отнесен к типу II тесел по классификации Е. Е. Кузьминой, т. е. к теслам с параллельными гранями, прямой пяткой и слабо изогнутым лезвием<sup>154</sup>. По-видимому, аналогий нашему теслу является тесло из Ташкентского музея (беспаспортная находка), которое Б. А. Литвинский датирует серединой II тысячелетия до н. э.<sup>157</sup> Тесла этого типа известны в андроновских памятниках Приуралья, где они датируются или алакульским временем<sup>158</sup>, или XIV—XI вв. до н. э.<sup>159</sup>, или серединой — третьей четвертью II тысячелетия до н. э.<sup>160</sup> Довольно ранним временем, не позднее середины II тысячелетия до н. э., датируются тесла этого типа в срубных памятниках<sup>161</sup>. Каково бы ни было происхождение нашей находки — местное или привозное, она служит еще одним несомненным свидетельством срубно-андроновских связей культуры населения Южного Приаралья.

К случайным относится также находка на такрыках поселения Джанбас 33 миниатюрного (длина 4 см) втульчатого долота (рис. 67, 15), видимо, подобного найденному на Алексеевском поселении<sup>162</sup>. Если иметь в виду, что рядом расположено позднеандроновское поселение Джанбас 34, датировка этого предмета концом II тысячелетия до н. э., на основании аналогий с Алексеевкой, вполне правомерна.

К сожалению, ни на одном из раскопанных нами тазабагыябских поселений мы не обнаружили наконечников стрел. Исключением является поселение Кокча 16, где такой предмет оказался в подъемном материале. Это втульчатый двуплостный наконечник со скрытой втулкой (конец его обломан) и следами рифления на нервуе (рис. 67, 17). Наконечники этого типа по классификации Е. Е. Кузьминой относятся ко II — началу I тысячелетия до н. э.<sup>163</sup> Вряд ли этот наконечник может датировать тазабагыябское поселение Кокча 16. Скорее он относится к позднеандроновскому комплексу, найденному на площади поселения,

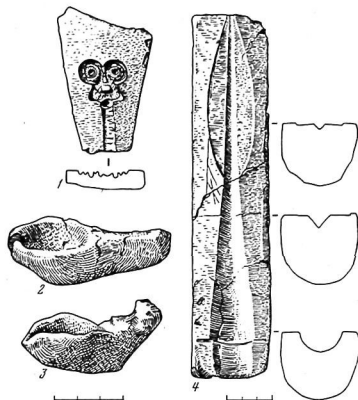


Рис. 68. Литейные формы и ляльки

1—3 — Кокча 15А, дом 1; 4 — Джанбас 21, дом 2

тем более что наконечники стрел этого типа в андроновских памятниках достаточно хорошо известны.

Уникальной находкой является каменная литейная форма для отливки втульчатого наконечника копья (рис. 68, 4) из дома 2 поселения Джанбас 21. Длина отливавшегося наконечника была равна 24 см (длина пера 11,5 см, втулки — 12,5 см). Форма пера была ланцетовидной, наиболее широкая часть (3,2 см) приходилась на его середину.

Немногочисленные находки втульчатых копий на территории Средней Азии, в том числе и обломок литейной формы для отливки наконечника копья с ромбическим стержнем, найденный в Чусте, датируются эпохой поздней бронзы<sup>164</sup>, т. е. временем не ранее конца II тысячелетия до н. э. В то же время в Южном Приуралье, в зоне контакта срубных и андроновских племен, известны находки втульчатых копий сейминско-турбинского типа, датирующихся XV—XIII вв. до н. э.<sup>165</sup> или серединой II тысячелетия до н. э.<sup>166</sup>

По классификации Б. Г. Тихонова наконечники сейминского типа делятся на две группы — со стержнем вильчатым и ромбическим.

<sup>164</sup> Там же, с. 28—29.

<sup>165</sup> Федорова-Давыдова Э. А. Андроновское погребение XV—XIII вв. до н. э. — Труды ГИМ, 37, 1960.

<sup>166</sup> Кузьмина Е. Е. Периодизация могильников Еленовского микрорайона..., с. 134—137.

<sup>156</sup> Там же, с. 16—17.

<sup>157</sup> Литвинский Б. А. Памятники эпохи бронзы и раннего железа Кайракумов. — В кн.: Литвинский Б. А. Окладников А. П., Рапов В. А. Древности Кайракумов. Душанбе, 1962, с. 212, табл. 50.

<sup>158</sup> Сальников К. В. Очерки древней истории Южного Урала, с. 317.

<sup>159</sup> Тихонов Б. Г. Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье. — МИА, № 90, 1960, с. 66.

<sup>160</sup> Кузьмина Е. Е. Металлические изделия..., с. 17.

<sup>161</sup> Крицкова-Гракова О. А. Степное Поволжье и Причерноморье..., с. 58.

<sup>162</sup> Крицкова-Гракова О. А. Алексеевское поселение и могильник, с. 109, рис. 34, 3.

<sup>163</sup> Кузьмина Е. Е. Металлические изделия..., с. 34—35.

Экземпляр, отлившийся в форме, найденной на поселении Джанбас 21, может быть причислен к группе 2 и подгруппе А упомянутой классификации. Помимо ромбического (а не вильчатого) стержня, копия этой подгруппы отличаются еще и более узким пером, как бы приближающимся по форме к наконечникам раннего железного века. Именно эта особенность обращает на себя внимание в нашем случае. Б. Г. Тихонов, полагая, что такой признак может рассматриваться как хронологический, все же не считает возможным наперед отывать наконечники этого типа во времени от наконечников с вильчатым стержнем и датирует их серединой II тысячелетия до н. э.<sup>167</sup> Он считает, что эта узкоперая форма в ананьинских памятниках могла быть традиционной, идущей от эпохи бронзы.

По мнению Е. Е. Кузьминой, узкое перо с максимальным расширением в середине характерно для наконечников копий эпохи поздней бронзы, что сближает их со скифскими экземплярами. Случайные находки такого типа в Средней Азии она датировала очень широко — XII—VIII вв. до н. э.<sup>168</sup>

Надо сказать, что прямой аналогии нашей находке мы не знаем. Если форма пера нашего наконечника и нас сразу наведла на мысль о поздней дате, то соотношение длины наконечника и длины втулки как будто бы этому противоречит, — в позднее время втулка обычно короче пера и более массивна, здесь же, напротив, втулка длиннее. Есть и еще одно соображение. Среди литейных форм для отливки наконечников стрел на поселении Якке-Парсан 2, расположенном здесь же, в Южной дельте, но датирующемся IX—VIII вв. до н. э., есть формы для отливки вильчатых листовидных наконечников стрел и с узким, и с широким пером. Таким образом, возможность существования узкоперых форм в раннее время, а широкоперых — в позднее, не исключается.

Если иметь в виду, что копия сейминско-турбинского типа с ромбическим стержнем могут быть несколько более поздними, чем классические сейминские, и если считать наш экземпляр каким-то вариантом форм с ромбическим стержнем, может быть, являющим следующий этап в типологии этих предметов, мы можем исключить XV век до н. э. как возможную дату нашей находки. (Сейминские наконечники классического типа большинством исследователей датируются XV в. до н. э.) По-видимому, датировка нашей находки временем в пределах XIV—XIII вв. до н. э. будет пра-

вильной, тем более, если учесть, что известные нам находки из Средней Азии, типологически явно более поздние, датируются временем не ранее XII в. до н. э. Любопытно, что более или менее типологически близкие аналогии нашему наконечнику дают находки из Зауралья.<sup>169</sup> К этому можно добавить, что по Б. Г. Тихонову простое сужение пера наиболее характерно именно для Зауралья.<sup>170</sup> Не может ли это обстоятельство свидетельствовать в пользу проникновения отдельных федоровских племенных групп из Зауралья в Среднюю Азию, тем более, что керамика этого типа нами уже зафиксирована. Примечательно, что в доме 2 на стоянке Джанбас 21 была найдена бронзовая бляшка, по форме напоминающая бляшку из федоровского погребения у курорта Боровое.<sup>171</sup>

Бронзовых украшений на поселениях встречено мало. В доме 2 на поселении Кочка 15 была найдена серьга (рис. 67, 16) в виде изогнутого круглого в сечении стержня с приостренным концом, верхняя часть стержня расплющена, отогнута и украшена тремя рельефными шишечками. Эта верхняя часть серьги перпендикулярна ее стержню. Аналогий этой находке мы не нашли, но прием украшения серег и подвесок шишечками достаточно хорошо известен и среди андроновских (там это в большинстве случаев пунсовый орнамент), и для северокавказских (шишечки литые) бронз второй половины II тысячелетия до н. э.

Как подвеску или как навершие булавки, к которому впоследствии приделывался стержень, следует рассматривать изделие, отлившееся в форме, найденной в доме на поселении Кочка 15А (рис. 68, 1). Оно представляет собой равнобедренный треугольник (длина сторон 1,3 см) с трапециевидным отверстием в нижней его половине. Справа и слева от вершины треугольника расположены подобия спирали. Каждый из завитков имеет вид двух рельефных concentрических окружностей с шишечкой в центре. Такая же, но более крупная шишечка расположена под основанием треугольника, уже на стержне. Стержень рубчатый, его длина 2,5 см. Высота навершия 1,5 см. Нижняя часть формы не сломана, это украшение действительно имело короткий стержень, который мог быть согнут в петлю, и тогда изделие могло служить под-

<sup>167</sup> Тихонов Б. Г. Металлические изделия эпохи бронзы..., с. 26—28.

<sup>168</sup> Кузьмина Е. Е. Металлические изделия..., с. 29.

<sup>169</sup> Черных Е. Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М., 1970, рис. 46, 2; Тихонова Е. Г. Металлические изделия эпохи бронзы..., табл. VIII, 1.

<sup>170</sup> Тихонова Е. Г. Металлические изделия эпохи бронзы..., с. 27.

<sup>171</sup> Оразбаев А. М. Северный Казахстан в эпоху бронзы, табл. IV, 8.

веской. Подвеска в виде двух волют с шпешкой в верхней части, но без треугольного щитка, была обнаружена в срубном погребении у с. Иловатка вместе с подвесками типа лапчатых, также украшенными шпешками. К. Ф. Смирнов полагает, что все они кавказского происхождения<sup>172</sup>. В нашем случае речь может идти или о южном в широком смысле слова происхождении этой формы, или о местном подражании ей, что менее вероятно.

Если же рассматривать отлившийся в форме предмет как напершие для булавки, что кажется нам более вероятным, то тогда единственный известный и объединяющий признак — ее биспиральное завершение. Широкий территориальный и хронологический ареал булавок с биспиральным напершем достаточно убедительно показан нашими предшественниками<sup>173</sup>. А. М. Мандельштам перечислил семь находок булавок этого типа на территории Средней Азии<sup>174</sup>, не считая булавки из Раннего Тулхарского могильника<sup>175</sup>. К этому перечню следует добавить и булавку, обнаруженную на Хаузу-депе<sup>176</sup>. Среди перечисленных экземпляров булавку из Раннего Тулхарского могильника выделяет наличие щитка под волютами. В нашем случае треугольник, который увеличивает волюты, функционально сопоставим со щитком. Ареал булавок со щитком тоже весьма широк<sup>177</sup>, что, по мнению А. М. Мандельштама, не дает возможности считать этот тип каким-то локальным вариантом<sup>178</sup>. Однако примечательно, что в Анатолии встречаются экземпляры с отверстием в центре ромбовидного расширения (например, в слое Алшар II)<sup>179</sup>.

Наш экземпляр, имеющий отверстие в центре треугольного расширения, по-видимому, может рассматриваться как один из вариантов этого типа булавок. Этот вывод для датировки нам ничего не дает, так как находки из того же Алшара датируются очень широко. Находка нашей литевой формы в слое вместе с фрагментами кругового сосуда типа Намазга V или VI (скорее Намазга VI) позволяет неза-

висимо от малазийских параллелей сузить дату находки до середины — второй половины II тысячелетия до н. э. Совместная находка формы для отливки булавки с сосудом из южных областей Средней Азии лишний раз подчеркивает южное происхождение этого типа украшений и существование контактов между населением Южного Приаралья и земледельческих областей Средней Азии во второй половине II тысячелетия до н. э. Устойчивость этих контактов подтверждается для более позднего времени — IX—VIII вв. до н. э. — находкой булавки с биспиральным напершем обычного типа в мавзолее Северного Тагискаена.

Очень интересна во всех отношениях, и в частности для определения даты поселения Байрам-Казаган 2, находка бронзового зеркала с ручкой-петелькой (рис. 67, 18). Оно очень маленькое, диаметр его равен 5,6 см. На нем сохранились следы каких-то волокон — возможно, остатки футляра.

Наиболее близки нашей находке два экземпляра (диаметр 5,5 см) из погребения близ Муминабада<sup>180</sup>. Комплекс вещей, с которыми найдены эти зеркала, а в него входят и серьги с раструбом, дал основание А. Аскарову датировать их временем не ранее XIII в. до н. э.<sup>181</sup>

Е. Е. Кузьмина, основываясь на находках серег с раструбом в погребениях Семиречья, комплексы которых сходятся с Вуадильскими (Фергана), считает возможным отнести этот вид украшений к концу II — началу I тысячелетия до н. э.<sup>182</sup> Утверждая федоровскую принадлежность и федоровский возраст серег с раструбом и считая федоровские памятники более поздними, чем алакульские, Н. А. Аванесова датирует среднеазиатские находки, в том числе муминабадские, также концом II тысячелетия до н. э.<sup>183</sup>

<sup>180</sup> Аскаров А. Раскопки могильника эпохи бронзы в Муминабаде. — ИМКУ. 8. Ташкент, 1969, с. 61, рис. 2, 7.

<sup>181</sup> Аскаров А. Раскопки могильника эпохи бронзы... с. 62. А. Аскаров прав, срывавшая бронзовые браслеты и биконические бронзовые бусы из Муминабада с украшениями из могильника Юкча 3. Тем не менее, на наш взгляд, неверно относить могильник близ Муминабада к памятникам тазабагыбского типа андроновской культуры: он попросту андроновский, так как в материалах тазабагыбской культуры серьги с раструбом неизвестны, а серьги и подвески, несомненно, являются этнографическим признаком.

<sup>182</sup> Кузьмина Е. Е. Металлические изделия... с. 75; она же. Семиреченский вариант культуры эпохи поздней бронзы. — КСИА, 122, 1970, с. 47.

<sup>183</sup> Аванесова Н. А. Особенности среднеазиатских украшений эпохи развитой бронзы. — Труды Самаркандского государственного университета, Новая серия, № 218, 1972, с. 105, рис. 2; она же. К вопросу о бронзовых стрелах степных племен эпохи бронзы. — Там же, № 270, 1975, с. 46, примеч. 11.

<sup>172</sup> Смирнов К. Ф. Курганы у сел Иловатка и Политодельское Сталинградской области. — МИА, № 60, 1959, с. 315.

<sup>173</sup> Кузьмина Е. Е. Металлические изделия... с. 78—80; Мандельштам А. М. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане. — МИА, № 145, 1968, с. 82, 83.

<sup>174</sup> Мандельштам А. М. Памятники эпохи бронзы... с. 83.

<sup>175</sup> Там же, табл. VIII, 2.

<sup>176</sup> Саркисиди В. И. Новые раскопки на Хаузу-депе. — КСИА, 115, 1969, с. 122.

<sup>177</sup> Иноу I. L. La diffusion des épingles à tête à double enroulement. — Syria, 46, 1-2, 1969, fig. 5.

<sup>178</sup> Мандельштам А. М. Памятники эпохи бронзы... с. 83.

<sup>179</sup> Кузьмина Е. Е. Металлические изделия... с. 79.



Таким образом, датировка А. Аскарковым муминабадских зеркал, видимо, правильна, тем более, если учесть, что, судя по находкам круглых вогнутых зеркал без петельки на Махандарье, зеркала провкли в обиход степных племен Средней Азии с Юга в конце III — начале II тысячелетия до н. э., а зеркала с ручкой-петелькой на обороте — уже дальнейшая ступень в развитии предметов этого типа<sup>184</sup>.

Бронзовые зеркала с петелькой редко встречаются на памятниках эпохи бронзы Урала, Казахстана и Средней Азии. Можно еще упомянуть находки из комплекса могильника Каракудук (Семиречье)<sup>185</sup> и комплекса Бугулы I (Центральный Казахстан)<sup>186</sup>. Что же касается нашего зеркала, то, принимая во внимание возможные ранние пережитки в керамическом комплексе стоянки Байрам-Казган 2, его дата, видимо, колеблется где-то в пределах третьей четверти II тысячелетия до н. э.

К числу украшений относится колечко, сделанное из плоской пластины (рис. 67, 19) с заходящими концами. Оно найдено на стоянке Анка 5. Форма эта традиционная, широко распространенная в комплексах культур степной бронзы, но выделяет наше колечко из числа ему подобных то, что оно сделано из свинца. Вторая такая вещь найдена на Мало-Кизильском селище (абашевская культура). Там был найден свицовой браслетоподобный предмет, который К. В. Сальников считает уникальной находкой для Урала и соседних территорий<sup>187</sup>. Дата его определяется временем Мало-Кизильского селища — XV—XIV вв. до н. э., или третьей четверти II тысячелетия до н. э.<sup>188</sup> К. В. Сальников считает, что свинец добывался, по-видимому, здесь же, на Урале, и распе-

ливает эту находку как доказательство высокогорного металлаобработки у абашевских племен<sup>189</sup>. Обследование поселений, на этот раз андроновских, в районе Еленовско-Ушкантинских меднорудных разработок (Оренбургская область) выявило среди подъемного материала как будто бы следы плавки свинца; но имеющимся сообщениям в том же районе были найдены слитки свинца<sup>190</sup>. По-видимому, это еще раз подтверждает древность добычи и плавки свинца на Урале. Наше колечко тоже, очевидно, было сделано из местного материала<sup>191</sup>.

Набор украшений из бронзы, обнаруженный при раскопках могильника Кочка 3, был нами в свое время проанализирован<sup>192</sup>. Желобчатые браслеты с заходящими концами (рис. 67, 20) и рубчатые бусы на шиколотках у женщин (в могильнике встречены единично) сближают наш памятник с западноказахстанскими, алакульскими, и в дополнительном рассмотрении не нуждаются.

Сейчас уместно вновь вернуться к вопросу о происхождении теперь уже широко известных и по находкам в других местах на территории СССР восьмеркообразных привесок (рис. 67, 21). За последние годы эти привески были обнаружены в Южном Приуралье, на территории, где проходили активные контакты между срубными и андроновскими племенами (могильник Новый Кумак, Увак), в том числе в Орско-Актюбинском районе, что особенно важно, так как там была собственная рудная база для их изготовления (Кудухта, Ульке). Известны новые подобные находки и в Средней Азии, в долине Зеравшана (Гуджайли, Кызыл-Кыр)<sup>193</sup>. Выказанное нами раньше предположение о срубном происхождении восьмеркообразных привесок основывалось на том, что в период публикации кочинских экземпляров ближайшую аналогию им давали лишь срубные привески из Куйбышевского Заволжья. Сейчас это нуждается в пересмотре в связи не только и не столько с новыми находками, как с проведенными Е. Н. Чернышом исследованиями древних бронз Южного Приуралья. Ему удалось установить, что 1/4 часть исследованных

<sup>184</sup> Кузьмина Е. Е. Металлические изделия... с. 68.

<sup>185</sup> Максимов А. Г. Могильник эпохи бронзы в урочище Каракудук.— Труды Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР, 12. Алма-Ата, 1961, с. 66, рис. 2, б.

<sup>186</sup> Маргулан А. Х. и др. Древняя культура Центрального Казахстана, с. 75, табл. XII, I. К этой же категории находок относит Е. Е. Кузьмина и зеркало из кургана 5 в Сухомесово (Челябинская обл.), связывая его с найденной там же федоровской керамикой (Кузьмина Е. Е. Могильник Туктубаево и вопрос о хронологии памятников федоровского типа на Урале.— Сб.: Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973, с. 163, 164, рис. 5). Однако, судя по опубликованной фотографии, это — зеркало с бортиком и, по-видимому, более позднее. К тому же, как известно, этот курган содержит смешанный материал из двух погребений — основного и впускного (см.: Андроновская культура, с. 32, 33), так что принадлежность сухомесового зеркала к описываемому нами типу и исследуемому времени представляется не бесспорной.

<sup>187</sup> Сальников К. В. Южно-Уральская археологическая экспедиция.— КСИИМК, XV, 1952, с. 58.

<sup>188</sup> Сальников К. В. Очерки древней истории Южного Урала, с. 102, 108, 109.

<sup>189</sup> Там же, стр. 55, 56.

<sup>190</sup> Сальников К. В., Новиченко А. С. Памятники эпохи бронзы в Домбаровском районе Оренбургской области.— СА, 1962, № 2, с. 131.

<sup>191</sup> О свинце среди полезных ископаемых Каракалпакии и данные исторических источников по этому поводу см.: Игита М. А. Раскопки стоянок тазабгайской культуры... с. 90, 91.

<sup>192</sup> Игита М. А. Раскопки могильника тазабгайской культуры... с. 74 сл.

<sup>193</sup> Обзор находок см.: Аванесова Н. А. Особенности среднеазийских украшений... с. 97 сл. Не совсем понятно, почему в табл. на с. 105 Н. А. Аванесова показала для Приуралья четыре могильника с находками восьмеркообразных привесок.

бронзовых изделий срубной культуры изготовлена из меди Еленовско-Упкаттинского месторождения<sup>194</sup>, причем производство меди в этом районе, по-видимому, началось уже в середине II тысячелетия до н. э., так как вещи из этой меди обнаружены в срубных погребениях поворского этапа<sup>195</sup>.

Подчеркивая тесные связи между андроновским (западноказахстанским) и срубным населением уже в это время, Е. Н. Черных приводит в качестве одного из доводов доказательств того, что срубные племена ориентировались именно на южноуральские месторождения меди<sup>196</sup>. При этом он делает очень существенный вообще и для нас, в частности, вывод, что распространение металла во времени и пространстве из какого-либо металлургического центра в древности определялось в основном «степенью культурной и этнической близости определенных племенных групп к населению, имеющему доступ к рудным источникам и производящему металлы»<sup>197</sup>. По-видимому, именно благодаря такой близости срубные племена использовали не северокавказский, а андроновский металл, который попадал к ним и в виде готовых вещей, и в виде слитков<sup>198</sup>.

Большая часть срубно-андоновских изделий изготовлена из оловянистых бронз<sup>199</sup>, а между тем известно, что на Урале оловяно-рудной базы не было<sup>200</sup>. Е. Н. Черных высказал предположение, что в алакульское время, т. е. с середины II тысячелетия до н. э., металлургические очаги Средней Азии, Казахстана, Алтая и Урала составляли единое объединение, центром которого была андроновская культурно-историческая общность<sup>201</sup>. Именно с востока и юго-востока, т. е. и из Средней Азии, андроновцы Южного Приуралья получали олово<sup>202</sup>.

Таким образом, линия контактов западноказахстанских андроновских племен прослеживается не только на запад (срубные племена), но и на юг (среднеазиатские племена степной бронзы).

В свете всего сказанного приходится согласиться с тем, что и по химическому составу

металла, и типологически восьмеркообразные привески в срубных погребениях могут быть отнесены к андроновскому (западноказахстанский вариант) типу украшений. Первые мысль о проникновении привесок подобного типа в Поволжье от андроновских племен Приуралья была высказана О. А. Кривцовой-Граковой<sup>203</sup>, сейчас Е. Н. Черных ее документально подтвердил.

Известно, что украшения андроновской культуры изготавливались обычно из желобчатых пластин, срубные — из круглой в сечении проволоки. Характерно, что восьмеркообразные привески в Поволжье и в зоне срубно-андоновских контактов — в Оренбургских степях — представлены изделиями, сделанными в той или другой технике. В некоторых случаях их андроновская принадлежность подчеркнута тем, что они обернуты золотым листком.

Какая же связь существует между срубно-андоновскими привесками Южного Приуралья и тазабагыбскими из могильника Кочка 3?

Е. Е. Кузьмина пришла к выводу, что эта форма украшений связана с орско-актобинской группой андроновских памятников<sup>204</sup>. М. П. Грязнов считает, что срубные племена не изготавливали восьмеркообразные привески, что они являются типично среднеазиатскими украшениями и что единственные аналогии им встречены в Западном Казахстане<sup>205</sup>. Наконец, Н. А. Аванесова полагает, что эта форма украшений «возникла где-то в среде тазабагыбских или западноандоновских племен»<sup>206</sup>.

Думается, что считать восьмеркообразные привески среднеазиатской формой украшений преждевременно<sup>207</sup>. Число находок этих и близких им по типу украшений на нескольких памятниках (а не в двух, как в Средней Азии), принадлежащих андроновской и срубной культурам, или на смешанных срубно-андоновских памятниках, заставляет думать, что происхождение этих украшений следует искать именно среди срубных и западноандоновских племен, тесные и дружественные контакты между которыми на территории Южного При-

<sup>194</sup> Черных Е. Н. Древнейшая металлургия..., с. 112.

<sup>195</sup> Там же, с. 111.

<sup>196</sup> Черных Е. Н. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1966, с. 80.

<sup>197</sup> Там же, с. 90.

<sup>198</sup> Там же, с. 90, 112.

<sup>199</sup> Металлические изделия из могильника Кочка 3 также изготовлены из оловянистой бронзы (Итанина М. А. Раскопки могильника тазабагыбской культуры..., с. 84).

<sup>200</sup> Черных Е. Н. Древнейшая металлургия..., с. 38.

<sup>201</sup> Там же, с. 119, 120.

<sup>202</sup> Там же, с. 38.

<sup>203</sup> Кривцова-Гракова О. А. Степное Поволжье и Причерноморье..., с. 64, 65.

<sup>204</sup> Кузьмина Е. Е. Периодизация могильников Еленовского микрорайона..., с. 139.

<sup>205</sup> Грязнов М. П. Пастушеские племена Средней Азии..., с. 41.

<sup>206</sup> Аванесова Н. А. Особенности среднеазиатских украшений..., с. 100; она же. Серги и височные подвески андроновской культуры. — Сб.: Первоазиатская археология Сибири. Л., 1957, с. 72.

<sup>207</sup> Небезынтересно, что из десяти погребений могильника Кочка 3, в которых найдены восьмеркообразные привески, восемь (4, 13, 16, 24, 32, 39, 57, 101) содержат срубный, андроновский или срубно-андоновский керамический материал и лишь два (3, 23) — срубно-тазабагыбский.

уралья убедительно показаны многими исследователями. Кстати, изготовление срубных привесок из «андроновского» металла и восточно-средиземноморский (срубный) тип погребенных в андроновском могильнике Тасты-Бутак I являются ярким свидетельством тесных связей между этими большими культурно-историческими общностями.

В связи с нашей гипотезой о формировании тазабгябской культуры в Южном Приарале путем смешения местной культуры с культурой пришельцев — срубно-андроновских племен степей Южного Приаралья — для нас не так уж важно, являются ли восьмеркообразные привески срубной или андроновской формой украшений. Но вот то, что они наиболее широко распространены в зоне контакта этих двух культурных регионов и именно там, откуда, по нашему мнению, уже с середины II тысячелетия до н. э. шла постоянная инфильтрация населения на территорию Южного Приаралья и южнее, — это весьма существенно.

Если суммировать весь рассмотренный нами материал, мы увидим, что хронологически он укладывается в пределы второй половины II тысячелетия до н. э. и, за исключением отдельных образцов бесспорно южного происхождения, попадает в круг срубно-андроновских аналогий. Существование единого объединения, включающего металлургические очаги Средней Азии, Казахстана, Алтая и Урала, является по Е. Н. Черных одним из весомых доказательств тесной культурной и, видимо, этнической близости между срубной и андроновской этнокультурными общностями и тазабгябскими племенами<sup>208</sup>. Эта близость вела к распространению сходных типов металлургических орудий и украшений при сохранении все же населением каждого региона каких-то свойственных лишь ему специфических этнографических признаков. Думается, что такое тесное взаимодействие срубных, андроновских и приуральских групп населения, отсутствие между ними антагонизма имели под собой какую-то очень прочную, видимо экономическую, основу, одним из компонентов которой действительно могла быть южноуральская меднорудная база, зависящая от среднеазиатского олова. И, видимо, не случайно такой важный этнографический признак, как височные привески, был на этой территории единичным.

Однако возможность использования степным населением Южного Приаралья южноуральской меди не исключает существования здесь местных источников сырья, и не только меди, но в свете всего сказанного и олова. В свое

время мы писали о возможных меднорудных месторождениях в горах Султануздаг, находящихся в непосредственной близости от центра расселения тазабгябских племен, и о древних выработках и следах меднорудного производства в горах Букал-тау и Алтын-тау. К тому же анализ кокчинских бронз показал, что они содержат значительный процент олова, а исторические источники указывали на богатство оловом Кызылкумских гор<sup>209</sup>. Все это заставило нас предположить, что источником сырья для изготовления предметов из металла служили для Южного Приаралья выработки в Кызылкумских горах. На нынешнем уровне наших знаний это предположение и сейчас не выходит за рамки гипотезы, но некоторые новые данные косвенно ее подтверждают.

Работы Хорезмской экспедиции во Внутренних Кызылкумах (руководитель А. В. Виноградов) охватили и район Тамды-тау — Букал-тау. Здесь в урочищах Бешбулак и Мынбулак было обнаружено множество первобытных стоянок, из которых многие относятся к эпохе бронзы. На энеолитических стоянках и поселениях эпохи бронзы обнаружены шлаки и следы меднорудного производства. Комплекс бешбулакских стоянок находится на известном расстоянии от возможных источников сырья, а значит, обрабатывали это сырье не только в непосредственной близости от рудников. Думается, что на бешбулакские стоянки доставляли руду, а уже дальше металл могли вывозить в слитках.

Что это было именно так и что район этот был в древности весьма притягательен, доказывает шестрота состава его населения, фиксируемая археологически. Прежде всего, керамика бешбулакских стоянок включает некоторые типично федоровские образцы посуды, которые могут свидетельствовать о продвижении в этот район федоровских племенных групп из Южного Зауралья. Так как все известные нам стоянки развеевы, стратиграфически установить время этого движения, было ли оно синхронно появлению здесь алакульских племен или предшествовало ему, невозможно. Появление алакульских групп населения фиксируется тоже по керамике и притом довольно четко. Алакульское расселение было, очевидно, направлено не только в район рудников, но охватывало более широкий регион, включая всю область Внутренних Кызылкумов. Приток алакульских племен в район Тамды-тау шел, по-видимому, с низовой Сырдарьи (с Инкардарьи), где удалось обнаружить несколько стоянок с керамикой этого типа.

<sup>208</sup> Черных Е. Н. Древнейшая металлургия... с. 120; *он же*. История древнейшей металлургии..., с. 90.

<sup>209</sup> Игита М. А. Раскопки могильника тазабгябской культуры..., с. 83, 84.

Любопытно, что низовья Сырдарьи и район Букан-тау связывала древняя караванная тропа, которая в новое время служила одним из отрезков пути, ведущего из Казалинска в Бухару. Открытые Хорезмской экспедицией наскальные изображения в горах Букан-тау, близ этой тропы, содержат рисунки, которые могут быть датированы сакским временем, т. е. серединой — второй половиной I тысячелетия до н. э. Там может выявиться и более древний пласт эпохи бронзы, который косвенно подтвердит, что именно по этому пути шло движение алакюдцев к югу.<sup>210</sup>

Особенно важно для нас, что на бешбулакских стоянках есть и тазабагыбская керами-

ка. На стоянке Бешбулак 3 она четко выделяется в самостоятельный комплекс. Зафиксированный таким образом приход тазабагыбцев в этот рудный район может быть связан со специальной целью — добычей сырья, тем более что, судя по материалам А. В. Виноградова, широкого расселения тазабагыбских племен в этих восточных районах Внутренних Кызылкумов не наблюдается. По-видимому, прояснить этот вопрос могут специальные исследования на кызылкумских древних выработках, подобные тем, которые Е. Н. Черных провел в Еленовско-Ушкаттинском районе на Южном Урале.<sup>211</sup>

<sup>210</sup> *Осыкин А. В.* Исследование петроглифов в Центральном Кызылкумах.— Сб.: Полевые исследования Института этнографии 1974 г. М., 1975, с. 107. Пользуясь случаем принести благодарность А. В. Осыкину, любезно ознакомившему меня со своими материалами.

<sup>211</sup> Анализ тазабагыбских изделий из металла, проведенные Е. Н. Черныхом, по предварительному заключению дают иную группу меди, чем еленовско-ушкаттинская, притом неизвестную. В этой связи работы на кызылкумских древних выработках представляют тем больший интерес.

## ПОДЕЛКИ ИЗ ГЛИНЫ, КОСТИ, КАМНЯ

Предметы из глины, кости и камня на исследованных нами тазабагыбских поселениях единичны.

Изделия из кости представлены двумя предметами, сделанными из эфифизов крупного рогатого скота. Один из них, сохранившийся целиком, — круглый, трапециевидный в сечении (диаметр основания 6 см), со сквозным отверстием в центре (диаметр отверстия 0,8 см). Такую находку на срубном поселении авторы раскопок считают пряслицем.<sup>212</sup>

Во всех домах на поселениях найдены обломки каменных зернотерок (в доме на стоянке Кават 3 — целая), терочников, камней со следами использования их в работе.

Среди изделий из глины, найденных при раскопках тазабагыбских поселений Южной Акчадарьинской дельты, обращают на себя внимание фигурки животных из необожженной глины.

Среди них в первую очередь следует назвать фигурку лошадки, обнаруженную в доме 1 на стоянке Кават 3 (рис. 69, 1)<sup>213</sup>. Ее длина (от морды до кончика хвоста) 7 см, высота 3,5 см. Она вылеплена из целого куса глины, ноги, составляющие единое целое с туловищем, заострены книзу. Головка несущественно мала, морда заострена. Хвост лошадки как бы развевается по ветру. Убеждают в том,

что это лошадь, очень выразительно переданный экстерьер и грива, сделанная с помощью зашина, в котором проткнуты дырочки.

Среди многочисленных фигурок животных, встреченных на памятниках земледельческого юга Средней Азии, мы аналогий каватской фигурке не нашли.

Весьма сходна с ней глиняная фигурка лошадки с отломанными ногами, найденная в Южном Зауралье на Второй Мысовской стоянке<sup>214</sup>. Находка эта датируется серединой I тысячелетия до н. э., но по изобразительной манере схожа с нашей, причем это особенно касается головы лошадки — она такая же маленькая, с очень заостренной мордой.

Остеологические материалы стоянки Кават 3 и поселения Кочка 15 представлены в культурном слое немногочисленными костями лошади. Таким образом, можно быть уверенным в том, что человек, выливший лошадку, имел перед глазами живую модель.

Однако находка фигурки лошадки на тазабагыбском поселении важна для нас не только как образец первобытного прикладного искусства. Развитие у древнейших племен коневодства, установленное работами последних лет продвижение границы расселения древнейших племен далеко на восток в Южное Приуралье<sup>215</sup> дают основание предположить, что

<sup>212</sup> *Синицын И. В., Фисенко В. А.* Поселение срубной культуры Гуселка II в окрестностях Саратова.— Сб.: Античный мир и археология, 1. Саратов, 1972, с. 26.

<sup>213</sup> *Игина М. А.* Раскопки стоянки Кават 3... с. 105.

<sup>214</sup> *Дмитриев П. А.* Мысовские стоянки и курганы. Тюменский округ Уральской области.— Труды секции археологии РАННОИ, IV, 1928, с. 196, табл. XIII, 7.

<sup>215</sup> *Мерперт Н. Я.* Древнейшие скотоводы Волго-Уральского междуречья. М., 1974.

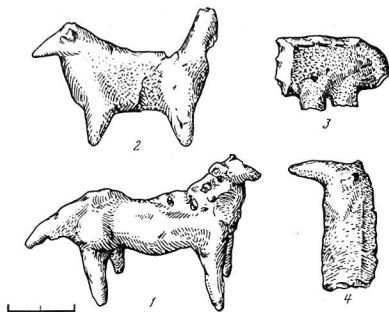


Рис. 69. Тазабаягьские поселения. Фигурки животных 1 — Кават 3; 2 — Кокча 15; 3 — Джанбас 30; 4 — урочище Каунды

распространение лошади у срубных и андроновских племен этого региона было процессом, имеющим здесь глубокие корни. Фигурка лошади с тазабаягьского поселения Кават 3 может в сумме с другими данными служить еще одним доказательством прихода в Южное Приаралье срубно-андроновских племен, принесших с собой широко знакомство с лошадью.

Вторая зооморфная фигурка, найденная на тазабаягьских поселениях, — фигурка из дома 6 на поселении Кокча 15, сделанная из необожженной глины (рис. 69, 2). Судя по поднятому вертикально вверх хвосту и абрису фигурки в целом, это собака. Манера, в которой вылеплена фигурка, чрезвычайно примитивна, а по стилю это изображение сходно со скульптурным изображением лошади с поселения Кават 3. Здесь та же приростенная клювовидная морда и четыре тонкие, вертикально поставленные, приростенные к низу ноги.

Наконец, на такырах близ восточного коренного берега Южной Акчадарынской дельты, в урочище Каунды была найдена головка животного на длинной шее, вылепленная из глины и слегка обожженная (рис. 69, 4).

Там же были обнаружены незначительные россыпи тазабаягьской керамики и остатки ирригационной сети того же времени.

Головка сделана совершенно в той же манере, что и фигурки лошади и собаки, имеет приростенную «птичью» морду. Обращает на себя внимание короткая грива на шее животного, что сначала заставило принять его за лошадь. Однако удивляет длинная шея фигурки, которая не похожа на лошадиную, особенно

при сравнении с каватской фигуркой. Направляется предположение, что перед нами головка верблюда. Правда, головка верблюда из Алтын-деше<sup>216</sup> имеет все же изогнутую шею, но наши статуэтки выполнены в столь условной манере, что высказанное предположение вполне допустимо.

Здесь уместно вспомнить находку глиняной фигурки верблюда (к сожалению, голова отсутствует) на андроновском (алакульском) поселении Ушкаты<sup>217</sup>. Нетрудно заметить, что она выполнена в той же манере, что и тазабаягьские фигурки, что, по-видимому, дает возможность объединить эти изображения в рамках единого художественного стиля.

Еще одна фигурка найдена в доме 3 на поселении Джанбас 30. Это фигурка животного с отломанным головой, нижней частью ног (их всего две) и кончиком хвоста (рис. 69, 3). Вылеплена она из цельного куска глины. Туловище животного в сечении имеет форму равнобедренного треугольника основанием вверх, т. е. спина фигурки совершенно плоская, в наиболее широкой части, у головы, имеет ширину 1,6 см. Хвост закруглен и похож на курдюк. По стилю эта фигурка отличается от ранее найденных большей приземистостью, что сближает ее скорее с образцами из земледельческих памятников Южной Туркмении. Однако ноги, расположенные где-то в середине туловища и специально выделенные, не характерны для южно-туркменской коропластики.

Фигурка из дома 3, несомненно, местного происхождения.

По-видимому, в низовьях Амударьи существовала определенная манера изображения животных, отличная от практиковавшейся в южных земледельческих областях. Там фигурки животных обычно приземисты, ноги выделены незначительно и воспринимаются с туловищем как одно целое<sup>218</sup>. Можно было бы предположить, что эта разница в изобразительной манере связана с более поздней датой наших находок по сравнению с южными экземплярами. Но, вероятно, дело не в этом или не только в этом, так как на Кара-деше, например, манера изображения животных в росписи на сосудах и синхронные ей скульптурные изображения животных отличаются друг от друга, причем первые гораздо более реалистичны.

Но если зооморфная скульптура тазабаягьских поселений еще раз подтверждает тяго-

<sup>216</sup> Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.—Л., 1966, рис. 38, 1.

<sup>217</sup> Кузьмина Е. Е. Новый тип андроновского жилища в Оренбургской области.— ВАН, 2. Свердловск, 1962, с. 14, рис. 3, 4.

<sup>218</sup> См., например: Массон В. М. Кара-деше у Артыма.— Труды ЮТАКЭ, X. Ашхабад, 1961, с. 429, табл. X.

тене культуры населения Южного Приаралья к северному кругу культур степной бронзы, то антропоморфная указывает, напротив, на южные контакты.

Мы имеем в виду женские статуэтки, обнаруженные в подъемном материале в окрестностях Кой-Крылан-калы<sup>219</sup> и в районе крепости Базар-кала<sup>220</sup>. Они однотипны, базаркалинская фигурка сохранилась несколько лучше. Она сделана из глины с примесью дресвы и толченых раковин, что выдает ее местное происхождение, обожжена. Несмотря на отбитую голову, руки, нижнюю часть туловища, базаркалинскую статуэтку по стилю исполнения можно уверенно причислить к типу женских терракот, характерному для южных сельскохозяйственных районов Средней Азии эпохи развитой бронзы<sup>221</sup>. Наша статуэтка уплощена, имеет расставленные в стороны руки, намеченные признаки пола, однако канон, определявший пропорции южнотуркменских статуэток<sup>222</sup>, здесь явно нарушен. На южнотуркменских образцах ширина талии относится к ширине бедер как 1 : 2. У базаркалинской статуэтки ширина талии (3 см) немногим меньше ширины бедер (3,8 см). Такое же несоответствие наблюдается и при сравнении размаха рук и ширины бедер. На фигурках из Южной Туркмении размах рук чуть превышает ширину бедер. В нашем случае размах рук (4,5 см) больше принятого, так как ширина бедер равна

3,5 см. Трудно сказать, какая была голова, но сохранившаяся часть шеи по ширине равна примерно ширине талии, и это, пожалуй, единственное приближение к пропорциям, принятым на Юге. Отличает нашу статуэтку и прием изображения груди: они не налепные, а переданы зашипами.

В свое время мы датировали базаркалинскую фигурку концом III — началом II тысячелетия до н. э.<sup>223</sup>, что не противоречит датировке южнотуркменских образцов<sup>224</sup>. Теперь датировку среднеазиатской терракоты можно расширить по крайней мере до середины II тысячелетия до н. э., так как в опубликованном южнотуркменском материале есть образцы эпохи Намазга VI<sup>225</sup>.

Столь небольшое количество находок глиняной скульптуры вряд ли дает возможность высказать даже предположения о верованиях древнего населения Южного Приаралья. Если раньше находку женской статуэтки в первобытных памятниках рассматривали как доказательство поклонения богине-матери, богине плодородия, то исследованиями последних лет как будто бы устанавливается, что в древних сельскохозяйственных областях Передней и Средней Азии имелся целый пантеон женских божеств<sup>226</sup>. Однако сельскохозяйственное направление хозяйства населения Южного Приаралья эпохи бронзы, хозяйства, основанного на искусственном орошении, не исключает персонализации базаркалинской статуэтки как богини плодородия.

<sup>219</sup> Воробьева М. Г. Ранние терракоты древнего Хорезма.— Сб.: История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968, с. 136, рис. 1, I.

<sup>220</sup> Игита М. А. Женская статуэтка эпохи ранней бронзы из Хорезма.— КСИЭ, XXX, 1958, с. 23 и сл., рис. 1, 2.

<sup>221</sup> Массон В. М., Сарияниди В. И. Среднеазиатская терракота эпохи бронзы. М., 1973.

<sup>222</sup> Там же, с. 143.

<sup>223</sup> Игита М. А. Женская статуэтка.... с. 29.

<sup>224</sup> Массон В. М., Сарияниди В. И. Среднеазиатская терракота.... с. 6, 7.

<sup>225</sup> Массон В. М., Сарияниди В. И. Среднеазиатская терракота.... с. 174, № 189.

<sup>226</sup> Там же, с. 97—122; Антонова Е. В. К вопросу о происхождении и смысловой нагрузке знаков на статуэтках анауской культуры.— СА, 1972, № 4.

## ВОПРОСЫ ДАТИРОВКИ

Раскопанные нами на территории Южной Акчадарьинской дельты тазабагыбские поселения при всем обилии полученного материала не дали нам твердо датированных находок. Количество металлических предметов очень невелико, а хронологические рамки большинства из них точнее, чем вторая половина или третья четверть II тысячелетия до н. э., определены быть не могут. А между тем, и количество открытых стоянок, и площадь расселения древних тазабагыбцев естественно предполагают распределение этих стоянок во времени, в хронологических рамках существования тазабагыбской культуры.

Как известно, нижняя дата тазабагыбской культуры теснейшим образом связана со временем срубно-андроновского (точнее срубно-алакульского, ибо алакульская принадлежность андроновского компонента в материнальной культуре тазабагыбцев несомненна) расселения в низовьях Амударьи.

Высказывая предположение о приходе в низовья Амударьи смешанного срубно-андроновского населения из Южного Приаралья, мы, естественно, должны определить время появления смешанных срубно-андроновских (алакульских) памятников на исходной территории.

Работы Э. А. Федоровой-Давыдовой в Южном Приуралье привели к открытию в западной части этого региона могильников (Герасимовка I, Новобелогорка), датированных XVI в. до н. э. и содержащих смешанный, раннесрубный и алакульский, керамический материал<sup>227</sup>. Таким образом, речь может идти не только о раннем времени появления срубных племен в степях Южного Приуралья, но и о достаточно ранней дате алакульских памятников.

Сильное влияние срубной культуры прослеживается и в материалах всех памятников орской группы, а их принадлежность к раннему времени сейчас никем не оспаривается. Их ранняя датировка подтверждается и исследованиями Е. Н. Черных, который относит начало производства меди в Еленовском районе к раннеалакульскому времени<sup>228</sup>. Датировка этих смешанных комплексов у Южного Приуралья XVI в. до н. э. не нарушает наших представлений о времени появления раннесрубных и раннеалакульских памятников: разные исследователи относят их в целом к одному времени — XVI—XV вв. до н. э.<sup>229</sup>

Таким образом, середина II тысячелетия до н. э. — время, когда в Южном Приуралье уже бесспорно существовало смешанное срубно-андроновское население, а судя по наличию в андроновских керамических комплексах полтавских форм, начало этого процесса действительно следует отнести к XVI—XV вв. до н. э.

Надо полагать, что на территорию Южного Приуралья из Оренбургских степей, с северо-запада, проникли группы населения, культура и антропологический тип которых имели смешанный срубно-андроновский характер. Эти люди в XV—XIV вв. до н. э., смешавшись с местным суярганским населением, осели на территории Южной Акчадаринской дельты. Именно этим временам и следует определять нижнюю границу тазабгайских памятников. Верхняя их дата в свое время была нами определена по материалам могильника Кочка 3 и отнесена к XI в. до н. э.

Верхнюю границу существования тазабгайских памятников помогают установить, по-видимому, и комплексы типа стоянки Анга 5, где встречена керамика с валиком. Валиком были украшены открытые горшки типа 16 (6 экземпляров) и узкогорлые сосуды с раздутыми плечами типа 8 (5 экземпляров). И те и другие представлены хозяйственными крупными (диаметр горла 33—36 см) и обычными небольшими (диаметр горла 15—17 см) экземплярами.

Подобную нашей керамику с валиком мы встречаем на Алексеевском поселении, причем ближайшую аналогию нашему типу 16 дает сосуд из землянки 3<sup>230</sup>. По наблюдениям О. А. Кривоной-Граковой, на Алексеевском поселении этот валик чаще всего помещается на границе шейки и плеч, в некоторых случаях несколько выше<sup>231</sup>. Этот второй вариант расположения валика на посуде, судя по контексту, встречается реже, чем первый, и соответствует нашему типу посуды с валиком, идущим под венчиком горшка. О. А. Кривоной-Гракова, выделяя тип керамики с валиком, имела в виду наличие на посуде валика как такового, независимо от того, где он расположен, — под венчиком или при переходе от горла к плечам, и какой он, — замкнутый или незамкнутый с опущенными концами и т. д. Как известно, она считала керамику с валиком характерной лишь для поселений, приводя в качестве подтверждения единственную находку горшка с валиком в комплексе Алексеевского могильника (там валик расположен при переходе от горла к плечам)<sup>232</sup>. Алексеевское поселение, а следовательно, и интересующая нас посуда были датированы ею X—VIII вв. до н. э.<sup>233</sup>

Исследования керамических комплексов Алексеевского поселения и могильника, проведенные недавно Т. М. Потемкиной<sup>234</sup>, заставили ее вернуться к уже высказывавшейся в литературе точке зрения о существовании на территории этого памятника двух разновременных комплексов. Первый из них алакульский, к нему относится керамика могильника, жертвенного места и западной части поселения к югу от жертвенного места. Вся восточная часть поселения была заселена позднее. Отсюда происходит посуда группы II (по Т. М. Потемкиной), к которой относится и керамика с

<sup>227</sup> Федорова-Давыдова Э. А. К проблеме андроновской культуры. — Сб.: Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973, с. 149.

<sup>228</sup> Черных Е. Н. Древнейшая металлургия... с. 111.  
<sup>229</sup> Сальников К. В. История Южного Урала в эпоху бронзы. Доклад по опубликованным работам, представленным на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1965, с. 30; *он же*. Очерки древней истории Южного Урала, с. 343; *Терекожкин А. И.* Основы хронологии предкифского периода. — СА, 1965, № 1, с. 64, 65; *Кривоной-Гракова О. А.* Степное Пovolжье и Причерноморье... с. 7; *Мернер Н. Я.* Срубная культура Южной Чувашии, с. 21.

<sup>230</sup> *Кривоной-Гракова О. А.* Алексеевское поселение и могильник, с. 136, рис. 58, I.

<sup>231</sup> Там же, с. 133, 134.

<sup>232</sup> Там же, с. 131, рис. 54, 4.

<sup>233</sup> Там же, с. 163.

<sup>234</sup> *Потемкина Т. М.* Керамические комплексы Алексеевского поселения на р. Тобол. — СА, 1975, № 1.

валиком. Дата этого комплекса — самый конец II — начало I тысячелетия до н. э.<sup>225</sup>

По мнению Т. М. Потемкиной, перемешанность алакульского и более позднего слоев на западной окраине поселения, где поздние землянки были сооружены на месте более ранних, и послужила причиной того, что О. А. Кривцова-Гракова считала весь керамический комплекс Алексеевки одновременным. Вне зависимости от решения вопроса об одновременности или разновременности комплекса Алексеевки дата, предложенная Т. М. Потемкиной для керамики с валиком, совпадает или почти совпадает с датировкой О. А. Кривцовой-Граковой. Однако следует иметь в виду, что в более поздней своей работе, посвященной раскопкам Садчиковского поселения, О. А. Кривцова-Гракова подчеркивает, что так называемая керамика с угступчатым плечом (то, что мы называем алакульским типом) не только на Алексеевском, но и на Садчиковском поселениях сосуществует с керамикой с валиком. В результате время появления керамики с валиком О. А. Кривцова-Гракова определяет XIII—XII вв. до н. э.<sup>226</sup>

Комплекс с керамикой с валиком, полученный на исследованном К. В. Сальниковым Замараевском поселении, послужил ему основой для выделения позднего этапа андроновской культуры, замараевского, датируемого VIII—VII вв. до н. э.<sup>227</sup> Подобные комплексы были выделены А. М. Оразбаевым в Северном Казахстане, отнесены к замараевской культуре и датированы началом I тысячелетия до н. э.<sup>228</sup>

Г. Б. Зданович, занимавшийся исследованиями памятников эпохи бронзы Северного Казахстана, отводит керамике с валиком в культурном, а не в хронологическом отношении, другое место. В своей классификации североказахстанской посуды эпохи бронзы он особо выделяет замараевскую посуду и ильинскую<sup>229</sup>. Он отмечает, что замараевские комплексы редко содержат сосуды с невысоким валиком и являются «поздней трансформацией андроновской посуды»<sup>230</sup>. Керамика ильинского типа

обычно составляет в комплексе около половины сосудов с валиком, и именно она находит наиболее прямые аналогии среди валиковой посуды Приуралья и Казахстана<sup>241</sup>. И здесь, и в другой своей работе Г. Б. Зданович подчеркивает самостоятельность этого комплекса и несвязанность его с поздними андроновскими<sup>242</sup>. Хронологически он относит ильинскую посуду с валиком к последней ступени финальной бронзы, к IX—VII вв. до н. э.<sup>243</sup>

Множество стоянок, содержащих керамику с валиком, было обнаружено в Центральном Казахстане, отнесено к замараевской культуре и датировано началом I тысячелетия до н. э.<sup>244</sup>

С. С. Черников датирует керамику с валиком XII—IX вв. до н. э., относит ее к мало-красноярскому этапу своей классификации культур эпохи бронзы Восточного Казахстана и отрицает ее существование в IX—VIII вв. до н. э. (трушниковский этап). Он, как и О. А. Кривцова-Гракова, полагает, что керамика с валиком сосуществовала с алакульскими формами<sup>245</sup>. В. С. Сорокин поддерживает точку зрения, согласно которой появление керамики с валиком следует относить к замараевскому этапу андроновской культуры, т. е. к X—VIII вв. до н. э., и следовательно, отрицает возможность ее осуществления с алакульскими формами<sup>246</sup>.

В своей последней работе К. В. Сальников вновь возвращается к проблеме датировки возникновения валиковой керамики. Он вновь высказывает точку зрения, согласно которой керамика этого типа характерна для позднего, замараевского, этапа андроновской культуры. Причину того, что она встречается с алакульскими или даже федоровскими сосудами, К. В. Сальников видит в многослойности стоянок (например, Новобуринской)<sup>247</sup>. Ту же мысль, основываясь, в частности, на материалах Алексеевского и Садчиковского поселений, высказывает и М. Н. Комарова<sup>248</sup>.

Однако К. В. Сальников, пересмотревший, как известно, заново датировку выделенных им

<sup>225</sup> Потемкина Т. М. Керамические комплексы..., с. 47. К такому же выводу пришел и В. В. Евдокимов, исследуя восточную часть Алексеевского поселения (Евдокимов В. В. Новые раскопки Алексеевского поселения на р. Тобол.—СА, 1975, № 4, с. 171).

<sup>226</sup> Кривцова-Гракова О. А. Садчиковское поселение (раскопки 1948).—МИА, № 21, 1951, с. 178.

<sup>227</sup> Сальникова К. В. Бронзовый век Южного Зауралья, с. 147.

<sup>228</sup> Оразбаев А. М. Северный Казахстан в эпоху бронзы, с. 277, 278.

<sup>229</sup> Зданович Г. Б. Керамика эпохи бронзы Северо-Казахстанской области.—ВАУ, 42, Свердловск, 1973, с. 37—39.

<sup>240</sup> Там же, с. 37, 43.

<sup>241</sup> Там же, с. 39, 43.

<sup>242</sup> Там же, с. 43; Зданович Г. Б. Стратиграфия поселения Новоникольское 1.—Сб.: Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1973, с. 125.

<sup>243</sup> Зданович Г. Б. Периодизация и хронология памятников эпохи бронзы Петропавловского Прииртышья. Автореф. канд. дисс. М., 1975, с. 24.

<sup>244</sup> Маргулан А. Х. и др. Древняя культура Центрального Казахстана, с. 257.

<sup>245</sup> Черников С. С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы.—МИА, № 88, 1960, с. 100, 101.

<sup>246</sup> Сорокин В. С. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Булак I..., с. 84—89.

<sup>247</sup> Сальникова К. В. Черки древней истории Южного Урала, с. 290—292.

<sup>248</sup> Комарова М. Н. Относительная хронология..., с. 70.



этапов развития культуры андроновских племен Южного Урала, время замараевского этапа определяет теперь XII — началом VIII в. до н. э.<sup>249</sup> Но в таком случае дата появления керамики с валиком, названная О. А. Кривоной-Граковой, уже не представляется заниженной, и спорным остается лишь вопрос о возможности сосуществования замараевских и более ранних форм.

Е. Е. Кузьмина провела анализ находок керамики стеной бронзы на памятниках подгорной полосы Южной Туркмении и предприняла попытку датировать их. По ее наблюдениям, керамика с валиком (имеется в виду валик на шейке и ниже) «на всех поселениях располагается в верхней части культурного слоя Намзага VI и, таким образом, должна быть датирована последней четвертью II тысячелетия до н. э.»<sup>250</sup> В более поздней своей работе Е. Е. Кузьмина уточняет дату, называя XII—X вв. до н. э.<sup>251</sup> Рассматривая андроновские поселения Оренбуржья, Е. Е. Кузьмина высказывает предположение, что поселения с валиковой керамикой могли быть частично синхронны позднеалакульским могильникам<sup>252</sup>, признавая, таким образом, возможность сосуществования валиковой и алакульской керамики. В последнее время Е. Е. Кузьмина пришла к выводу, что керамика с валиком генетически связана с алакульской<sup>253</sup>, но из этого не обязательно следует возможность ее сосуществования с последней.

М. П. Грязнов связывает появление валиковой керамики в Казахстане с приходом туда каких-то групп позднесрубного населения, принесших керамику ивановского типа, и подчеркивает, что никаких корней в Казахстане она не имеет. Он считает, что керамика Ивановского поселения в Нижнем Поволжье аналогична керамике Садчиковского и Алексеевского поселений в Западном Казахстане. Исходя из утверждения, с которым мы никак не можем согласиться, что дыдыбай-бегазинские памятники и мавзоли Северного Тагискаена датируются концом II тысячелетия до н. э., и полагая, очевидно, невозможным сосуществование двух синхронных культур на одной территории,

М. П. Грязнов пишет, что ивановская керамика внезапно сменяет дыдыбай-бегазинскую, и соответственно относит ивановскую керамику, а значит, и керамику с валиком, лишь к началу I тысячелетия до н. э.<sup>254</sup>

Что касается ивановского и алексеевского комплексов, нельзя не согласиться с Е. Е. Кузьминой в том, что первый сложился как результат закономерного развития срубной керамики (здесь у нее и у нас с М. П. Грязновым расхождений нет), а второй, позднеалакульский, — андроновской. Этот процесс, а значит, и распространение валиковой посуды, Е. Е. Кузьмина, как и в прежних своих работах, относит к концу II тысячелетия до н. э.<sup>255</sup> Добавим, что сходство ивановского, с одной стороны, и алексеевского и садчиковского комплексов — с другой, не выходит за пределы сходства между срубной и андроновской посудой алакульского времени, которое в Западном Казахстане особенно хорошо ощущается, так как это район контактов срубных и андроновских племен — контактов, естественно, нашедших свое отражение и в их материальной культуре<sup>256</sup>.

Наконец, В. С. Стоколос считает временем постепенного распространения валиковой керамики XIII—XII вв. до н. э., по отсутствие ее в комплексе могильника Тасты-Бутак I объясняет не тем, что в погребениях такая посуда почти не встречается, а тем, что «это новшество, по-видимому, не было воспринято алакульским населением». Он пишет, что в поздне-срубных (?) и в черкаскульских комплексах валиковая керамика не получила широкого распространения<sup>257</sup>. Но затем мы читаем, что сосуд с валиком обычен для позднесрубных комплексов, а в замараевских (черкаскульских) встречен всего один раз<sup>258</sup>.

Если учесть, что В. С. Стоколос фиксирует для Зауралья две группы населения — алакульскую и черкаскульскую<sup>259</sup>, подменяя термин «замараевская» термином «черкаскульская», делается совершенно непонятным, как быть с валиком, часто встречающимся на замараевской посуде.

<sup>249</sup> Сальников К. В. Очерки древней истории Южного Урала, с. 325.

<sup>250</sup> Кузьмина Е. Е. О южных пределах распространения стеной культур эпохи бронзы в Средней Азии. — Сб.: Памятники каменного и бронзового веков Евразии. М., 1964, с. 153.

<sup>251</sup> Кузьмина Е. Е. Клад из с. Предгорное и вопрос о связях населения евразийских степей в конце эпохи бронзы. — Сб.: Памятники эпохи бронзы юга европейской части СССР. Киев, 1967, с. 215.

<sup>252</sup> Кузьмина Е. Е. Новый тип андроновского жилища..., с. 13.

<sup>253</sup> Кузьмина Е. Е. Семипетчинский вариант..., с. 48.

<sup>254</sup> Грязнов М. П. Пастушеские племена Средней Азии..., с. 43.

<sup>255</sup> Кузьмина Е. Е. К вопросу о формировании культуры Северной Бактрии («Бактрийский мираж» и археологическая действительность). — ВДИ, 1972, № 1, с. 137.

<sup>256</sup> По мнению Е. Н. Черных, результатом контактов являются часто культурно неразличимые памятники (Черных Е. И. Древнейшая металлургия..., с. 120).

<sup>257</sup> Стоколос В. С. Культура населения бронзового века..., с. 125.

<sup>258</sup> Там же, с. 135.

<sup>259</sup> Там же, с. 144.

Итак, суммируя все точки зрения, мы получим следующую картину:

1. Нижней датой комплексов керамики с валиком является: XIII—XII вв. до н. э. (О. А. Кривцова-Гракова, В. С. Стоколос); XII в. до н. э. (К. В. Сальников, С. С. Черников, Е. Е. Кузьмина); X—IX вв. до н. э. (А. Х. Маргулан, К. А. Акишев, М. К. Кадырбаев, А. М. Оразбаев, В. С. Сорокин); конец II — начало I тысячелетия до н. э. (Т. М. Потемкина); начало I тысячелетия до н. э. (М. П. Грязнов, Г. Б. Зданович).

2. Керамика с валиком сосуществует с алакульскими формами (О. А. Кривцова-Гракова, С. С. Черников, может быть, Е. Е. Кузьмина), или, напротив, с ними не встречается (К. В. Сальников, М. П. Грязнов, В. С. Сорокин, А. М. Оразбаев, Г. Б. Зданович).

Что дает нам для решения этого вопроса материал с территории Акчадарьи? Прежде всего мы имеем основание заключить, что валик непосредственно под венчиком сосуда и валик как рельефный поясок в нижней части горла сосуда появились не одновременно. Хозяйственный сосуд типа 8 с чуть намечающимся валиком под венчиком был обнаружен в единственном экземпляре на стоянке Кокча 15 в доме 2 (рис. 19, 9) — бесспорно тазабагьябском комплексе алакульского времени. Более четко этот валик просматривается на сосудах типов 8 и 16 в комплексе со стоянки Джанбас 266 (рис. 70, 8, 9), расположенной южнее возвышенности Джанбас. Как можно заметить, формы и назначение сосудов те же. Близкую форму имеет, видимо, и сосуд с валиком с поселения Анга 2<sup>260</sup>. Разведочные раскопки дома 1 на поселении Джингельды 10, расположенном на внутридельтовом пространстве к юго-востоку от стоянок Кокча 15 и 16, выявили наряду с тазабагьябской керамикой фрагмент хозяйственного сосуда с валиком под венчиком типа 16, сходный с экземплярами со стоянки Анга 5.

Среди немногочисленных фрагментов сосудов со стоянки Кокча 3 (близ могильника Кокча 3) есть фрагменты трех сосудов того же типа с валиком (рис. 70, 3, 4). Комплекс этот маловыразителен, но все же тазабагьябский; в нем, как и на стоянке Анга 5, имеются фрагменты сосудов алакульского типа с уступчиком<sup>261</sup>. Сосуд с валиком встречен и на стоянке Базар 2 (рис. 70, 1), но не в слое. Очень яркий и единообразный керамический материал, несмотря на то, что он подъемный, содер-

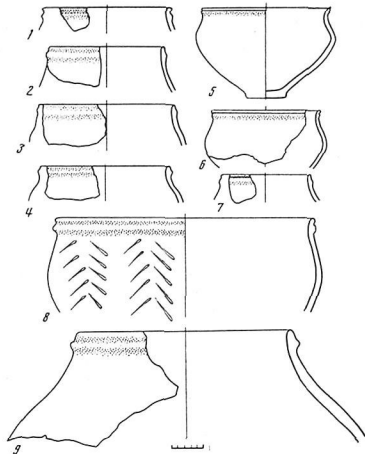


Рис. 70. Сосуды с валиком под венчиком

1 — Базар 2; 2 — Барак-там 19; 3, 4 — стоянка Кокча 3; 5 — Северный Тагискен, мавзолей 5а; 6, 7 — Северный Тагискен, мавзолей 4; 8, 9 — Джанбас 266

жит комплекс стоянки Тюяк-бай 2 в Северной дельте. В нем — тазабагьябская посуда, орнаментированная преимущественно гребенчатым штампом, среди которой присутствуют фрагменты четырех сосудов с валиком, расположенным чуть ниже венчика<sup>262</sup>. Аналогичная картина наблюдается в материалах со стоянок Барак-там 16, 14 и 19 в Северной дельте (рис. 70, 2).

В материалах амирабадских стоянок Базар 1 и 3, ориентировочно датирующихся XI—X вв. до н. э. (Южная дельта), сосуды с валиком под венчиком встречаются единицами. Один раз встречен здесь и рельефный поясок в нижней части горла сосуда. Этот поясок для керамики поселений той же культуры типа Якке-Парсан 2 (IX—VIII — может быть, X—VIII вв. до н. э.) может рассматриваться как один из характерных признаков. На поселении Якке-Парсан 2, где мы раскопали 18 домов, повсеместно обнаружены сосуды с рельефным пояском в нижней части горла<sup>263</sup>, и лишь в

<sup>260</sup> Итима М. А. Первобытная керамика Хорезма, с. 37, рис. 10, 2.

<sup>261</sup> Итима М. А. Раскопки могильника тазабагьябской культуры..., с. 8.

<sup>262</sup> Итима М. А. Первобытная керамика Хорезма, с. 52, рис. 17, 4.

<sup>263</sup> Итима М. А. Поселение Якке-Парсан 2.— МХЭ, 6, 1963, с. 119, рис. 10, 11.

двух случаях были зафиксированы сосуды с валиком прямо под венчиком. В материалах этого и синхронных ему поселений появляется особая форма венчика — типа ворончатого с характерным утолщением в нижней части, которая, на наш взгляд, ведет свое происхождение от венчика с валиком, идущим непосредственно под венчиком.

На керамику из мавзолеев Северного Тагискана, датирующихся тем же временем, часто встречается рельефный поясок в нижней части горла, и лишь в комплексах из двух самых ранних мавзолеев — 4 и 5а — встречены единичные сосуды с валиком под венчиком (рис. 70, 5—7).

Необходимо подчеркнуть, что керамика амударбандской культуры и керамика мавзолеев Тагискана по качеству, приемам обработки поверхности и формам отличаются от замараевской, хотя валик как способ украшения сосуда равно встречается во всех этих комплексах.

Таким образом, материалы из низовой Амударьи дают нам основание заключить, что там валик на сосудах впервые появляется еще в тазабагыбских комплексах. Это сразу исключает для Южного Приаралья X—VIII вв. до н. э. как дату его возникновения. Однако в тазабагыбских комплексах известна только одна из форм валика — валик чуть ниже венчика. Валик в нижней части горла появляется позднее — не раньше XI в. до н. э. — и широко распространяется в X—VIII вв. до н. э. При этом ранний валик — под венчиком — чаще всего украшен орнаментом, который не выделяет его из общей орнаментальной композиции, однако бывают случаи, когда орнамент специально выделяет валик. Как бы то ни было, приемы его оформления весьма напоминают южноуральские и казахстанские образцы. В дальнейшем это сходство утрачивается. Сосуды с валиком теперь уже вовсе не орнаментированы, или орнамент располагается под валиком, идущим в нижней части горла. Валик же под венчиком совершенно вырождается и сохраняется лишь в виде небольшого утолщения на венчиках ворончатого типа.

Таким образом, тазабагыбские комплексы, и в частности комплекс Ангка 5, фиксируют наиболее раннее появление валика и, как нам кажется, наиболее раннюю его форму.

Существование сосудов с валиком под венчиком с сосудами более ранних форм, характерных для расцвета тазабагыбской культуры и относящихся к алакульскому времени, несомненно и вероятной многослойностью памятника в нашем случае объяснено быть не может. Если считать правомерной новую дату начала замараевского этапа по К. В. Сальникову — XII в. до н. э., то создается впечатле-

ние, что керамика с валиком распространяется на огромных пространствах степей Евразии практически почти одновременно.

В свое время мы считали комплекс со стоянки Ангка 5 наиболее ранним тазабагыбским комплексом и датировали его XV—XIV вв. до н. э.<sup>264</sup> или третьей четвертью II тысячелетия до н. э.<sup>265</sup> Открытие тазабагыбских стоянок Кочка 15, 16, Кават 3 и сравнение их материалов с комплексом Ангка 5 позволяют заметить, что сосудов с валиком (если не считать не слишком выразительный экземпляр с поселения Кочка 15) ни в одном из этих комплексов, кроме комплекса Ангка 5, нет. Таким образом, в относительной хронологии стоянка Ангка 5 получается более поздней. С учетом всего сказанного время появления в Южном Приаралье сосуды с валиком может быть отнесено к концу третьей четверти II тысячелетия до н. э., может быть, к XIII—XII вв. до н. э.

Этим же временем может быть датирован и комплекс Ангка 5. Отсутствие подобной посуды в могильнике Кочка 3, датируемом XIII—XI вв. до н. э., не противоречит этому положению, ибо, как правило, сосуды с валиком в погребениях встречаются очень редко.

Еще одна отправка точка при датировке раскопанных стоянок — находка бронзового зеркала с петелькой на стоянке Байрам-Казган 2. Если относить его не ранее, чем к XIII в. до н. э., мы получим время, близкое дате стоянки Ангка 5, на которой есть керамика с валиком. В доме на стоянке Байрам-Казган 2 такой керамики нет — следовательно, вряд ли эти две стоянки относятся к одному времени. Кроме того, планировка дома на стоянке Байрам-Казган 2, тип очага, ориентировка входа сближают его с большинством тазабагыбских жилищ и отличают от дома на стоянке Ангка 5. Правда, посуда со скругленным дном, найденная на стоянке Байрам-Казган 2, могла бы рассматриваться в принципе как поздний признак. Такой сосуд был обнаружен в погребении 87 могильника Кочка 3 в маленькой (0,5×0,55 м) могильной яме, не содержавшей никаких следов костяка<sup>266</sup>.

В свое время мы сравнивали этот горшок с караускими формами<sup>267</sup>. По-видимому, все же более близкой его параллелью является

<sup>264</sup> Игита М. А. Новые стоянки тазабагыбской культуры..., с. 66.

<sup>265</sup> Игита М. А. Раскопки стоянок тазабагыбской культуры..., с. 92.

<sup>266</sup> Игита М. А. Раскопки могильника тазабагыбской культуры..., с. 44, рис. 14, 3.

<sup>267</sup> Там же, с. 69.

круглодонный сосуд из дома 2 стоянки Ангка 5 (рис. 59, 9).

В. С. Стоколос видит аналогию сосуду из погребения 87 среди керамики могильника Черняки 1<sup>268</sup>, относимого им к алакульскому кругу памятников. Но и он подчеркивает необычность этой формы. Однако все упомянутые сосуды, помимо округлого дна, ничего общего с сосудами со стоянки Байрам-Казган 2 не имеют. Очень близкие аналогии последним мы встречаем на поселении Кочка 15 в доме 2 (рис. 18) и особенно на поселении Кочка 16 в доме 1 (рис. 36). На этих экземплярах, правда, дно восстановить не удалось, но форма тулова очень похожа. Поселения Кочка 15 и 16 в целом, видимо, одновременны. Принципиальных отличий между техникой изготовления, орнаментальными приемами и мотивами и формами посуды, найденной на этих поселениях, нет. Есть отличия в небольших деталях: при украшении керамики на поселении Кочка 16 применялся мелкозубчатый штамп и довольно часто в качестве орнаментального мотива использовался косоугольный треугольник, тогда как на керамике поселения Кочка 15 мелкозубчатый штамп практически отсутствует, а косоугольные треугольники встречаются реже. По К. В. Сальникову оба эти признака характерны более ранние, федоровские, комплексы<sup>269</sup>, и особенно это касается применения мелкозубчатого штампа, так как косоугольные треугольники единично встречаются и позже. К числу ранних признаков, возможно, относится и украшение тулова некоторых сосудов сложной комбинацией узоров, выполненных гребенчатым штампом. Такие композиции тоже характерны для федоровской посуды. Даже если согласиться с тем, что федоровская керамика может доживать до позднего времени, все равно, видимо, в нашем комплексе эти фрагменты демонстрируют ранний этап ее существования и, возможно, как-то связаны с материалами типа Кургаши Б (рис. 3).

Таким образом, вряд ли сосуды со скругленным дном свидетельствуют в пользу принадлежности стоянки Байрам-Казган 2 к числу позднетазабагыбских памятников. Более того, примесь песка в тесте нескольких сосудов, в том числе и со скругленным дном, применение «гусеничного» штампа — признаки, не

характерные для тазабагыбской керамики, но известные по неолитическим и более ранним материалам. Но, с другой стороны, и конструкция жилища, и присутствие керамики тазабагыбских форм типа 2 заставляют относить стоянку к числу тазабагыбских, а следовательно, не дают возможности датировать ее временем раньше XV в. до н. э. Со всеми этими оговорками и с учетом находки на стоянке бронзового зеркала с пельтикой стоянка Байрам-Казган 2 может быть отнесена к XIV—XIII вв. до н. э.

Керамика со стоянки Джанбас 30 во многом сходна с керамикой со стоянки Байрам-Казган 2 не только по формам, но и по примеси песка в глиняном тесте отдельных сосудов, пристроенному или срезанному внутрь венчику, «гусеничному» штампу.

Находка в доме 2 на поселении Кочка 15 и в доме 1 на поселении Кочка 15А обломков круговых сосудов типа Намазга V (самый конец) — Намазга VI ставит эти два дома, к тому же расположенные на правом берегу одного и того же русла, в один ряд и ограничивает время их существования в пределах XV—XIII вв. до н. э., так как в XIII в. до н. э. уже появляется валик<sup>270</sup>. В доме 2 на поселении Кочка 15 намек на такой валик есть, но он не идентичен валикам на сосудах со стоянки Ангка 5. Возможно, оба дома следует датировать XV—XIV вв. до н. э., причем дом на стоянке Кочка 15А может быть несколько старше.

Относительная и абсолютная хронология исследованных нами стоянок выглядит предположительно следующим образом:

а) Ранний этап: стоянка Кочка 15А. XV—XIV вв. до н. э.

б) Средний этап: стоянки Кочка 15, 16, Кават 3, Джанбас 33, 30, Байрам-Казган 2. XIV—XIII вв. до н. э.

в) Поздний этап: стоянка Ангка 5. XIII—XII вв. до н. э., может быть, XII—XI вв. до н. э.<sup>271</sup>

К позднему этапу относится распространение в восточной части Южной Акчадарьинской

<sup>268</sup> Стоколос В. С. Культура населения бронзового века..., с. 45, рис. 11, 9. Почему-то В. С. Стоколос приписывает нам включение этого сосуда вместе с сосудом из погребения 102 в группу посуды типа карасукской (Там же, с. 44), в то время как сосуд из погребения 87 в комплексе могильника Кочка 3 единственный.

<sup>269</sup> Сальников К. В. Бронзовый век Южного Зауралья, с. 112.

<sup>270</sup> Предложенная недавно «короткая хронология» для периода Намазга VI (XIII—XI или XIII—X вв. до н. э.) вызывает сомнения и требует развернутой аргументации (См.: Хлопина Л. И., Хлопина И. Н. Работы Сумбарского отряда. — АО 1974 г. М., 1975, с. 532; Сарьяниди В. И. Степные племена эпохи бронзы в Марглане. — СА, 1975, № 2, с. 26).

<sup>271</sup> Стоянка Джанбас 21, материалы которой еще не обработаны, на основании найденной там литевой формы для отливки втульчатого наконечника копья может быть предварительной датирована третьей четвертью II тысячелетия до н. э.

дельты андроновских стоянок, таких как Джанбас 34, Кокча 19, стоянок на территории поселений Кокча 15 (дом 7а) и Кокча 16 (застройка в юго-западной части поселения и дом 2).

После открытия тазабагъябских поселений в районе Кокча — Джанбас мы высказали предположение, что несколько омолодили в свое время могильник Кокча 3 и что его нижней датой следует считать XIV в. до н. э., так как его материалы синхронны поселениям Кокча 15 и 16<sup>272</sup>. Сейчас у нас нет уверенности,

что могильник Кокча 3 одновременен этим поселениям. Скорее всего он принадлежит вместе со стоянкой Ангка 5 к более поздним памятникам тазабагъябской культуры, датируемым XIII—XII, может быть, XII—XI вв. до н. э. Следовательно, датировка ранних алакульских комплексов XV в. до н. э., предложенная Н. В. Сальниковым, равно как датировка XV в. до н. э. срубных покровских комплексов, предложенная Н. Я. Мерпертом, вовсе не должны заставить нас, как считает В. С. Стоколос, пересматривать дату могильника Кокча 3<sup>273</sup>.

---

<sup>272</sup> Итина М. А. Древнехорезмийские земледельцы, с. 81, примеч. 10.

---

<sup>273</sup> Стоколос В. С. Культура населения бронзового века..., с. 125, примеч. 119.

## ЮЖНОЕ ПРИАРАЛЬЕ В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ

Конец II — начало I тысячелетия до н. э. — очень важный период в истории древнего населения Южного Приаралья. Именно в недрах этого общества созрели материальные предпосылки для перехода к раннеклассовому обществу, а потому анализ хозяйства, культуры, системы расселения и жилища племен эпохи поздней бронзы низовий Амударьи представляет большой интерес. Для Южного Приаралья нижней датой оседлоземледельческих раннеантичных памятников считается VI в. до н. э. Являются ли памятники эпохи поздней бронзы и оставившее их население генетически связанными с раннеантичными, имеем ли мы непрерывную линию развития от эпохи развитой бронзы (тазабагьяльская культура) вплоть до VI в. до н. э., можем ли мы видеть в древних земледельцах и скотоводах прямых предшественников древнехорезмийских ирригаторов эпохи античности, был ли единообразным или многообразным путь их этнической истории, — вот круг вопросов, который нас занимает.

История исследования памятников того времени началась с открытия С. П. Толстовым амирабадской культуры раннежелезного века, датированной им VIII—VII вв. до н. э.<sup>1</sup> Он усматривал генетическую связь некоторых ее керамических форм с раннеантичной архаической керамикой кюзельгырского типа. К амирабадской культуре были отнесены стоянка Джанбас 7, скопление стоянок этого типа к северу — северо-западу от Джанбас-калы и южнее Базар-калы — в зоне Среднего Акчадарьинского русла и в междуречье между ним и Западным руслом. Еще одна группа стоянок была отмечена в районе крепостей Кош-Парсан и

Якке-Парсан<sup>2</sup>, т. е. еще севернее, ближе к горам Султануизага.

Как мы уже писали, во время Акчадарьинских маршрутов 50-х годов на множестве разведанных стоянок южнее и севернее Базар-калы была обнаружена керамика, похожая на амирабадскую, а одна из стоянок (Базар 9) была справедливо определена как амирабадская<sup>3</sup>. Остальные стоянки были отнесены к позднему, каудинскому, этапу суярганской культуры, и среди них наиболее типичный комплекс дали стоянки Кауды 1 и Базар 1. Позднесуярганская культура считалась тогда предшествующей амирабадской и генетически с ней связанной<sup>4</sup>.

Открытие археолого-топографическим отрядом Б. В. Андрианова в 1957 г. поселения Якке-Парсан 2 и последующие его раскопки, проведенные нами, заставили пересмотреть дату и историческое место амирабадской культуры. Оказалось, что амирабадская культура должна быть отнесена к эпохе поздней бронзы и датирована более ранним временем — IX—VIII, возможно, X—VIII вв. до н. э. Соответственно каудинский этап суярганской культуры был отнесен к самому концу II тысячелетия до н. э. — XI—X вв. до н. э., но генетическая связь его памятников с амирабадскими вновь подтверждалась. Связь эта, прослеживаемая на керамических материалах, была столь очевидной, что исследователям в большинстве случаев очень трудно было отличить позднесуярганские памятники от амирабадских и наоборот. Сейчас мы считаем возможным поставить

<sup>2</sup> Толстов С. П. Древний Хорезм, с. 70.

<sup>3</sup> Игина М. А. Первообытная керамика Хорезма. — ТХЭ, IV, 1959, с. 60—62, табл. I.

<sup>4</sup> Толстов С. П., Игина М. А. Проблема суярганской культуры. — СА, 1960, № 1.

<sup>1</sup> Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948, с. 69—70, рис. 7.

вопрос о расширении хронологических рамок амрабадской культуры с включением в это понятие и позднесурияганских памятников. Дело в том, что мы располагаем сейчас полностью раскопанным поселением Якке-Парсан 2, материалами раскопок на поселении Каунды 1 и многочисленным подъемным керамическим материалом того времени с разветвленных поселений на территории Южной и Северной дельты Акчадары. Как мы уже писали (см. главу II), в Южной дельте основная их масса сконцентрирована в западной и северо-западной частях, которые были обводнены дольше всего. Кроме того, множество стоянок было обнаружено в песках на коренном восточном берегу дельты и песчаных буграх на территории Северной дельты.

Поселение Якке-Парсан 2 находится в зоне действия системы протоков Западного Акчадаринского русла, вытянутых в меридиональном направлении. Часть этих протоков в античное и афригидское время использовалась в качестве каналов, но одно из таких меридиональных русел, расположенное между системой античного канала Гавхорэ и магистральным Яккепарсанским каналом (афригидское время), осталось неосвоенным. Его ширина 50—70 м, а берега, увенчанные барханными и грядовыми песками, возвышаются над уровнем дна на 1—2 м. На всем протяжении этого русла, начиная от окрестностей Кум-калы (на юге) и кончая окрестностями средневекового замка Якке-Парсан (на севере), были открыты стоянки эпохи развитой и поздней бронзы, относящиеся к тазабагыяской (в южной части) и амрабадской культурам.

Одним из крупных амрабадских поселений, базировавшихся на водах этого русла, было поселение Кават 2<sup>5</sup>.

Поселение Якке-Парсан 2 находилось в южной части небольшого, возвышающегося над окрестными такырами, сухого русла, берега которого, по-видимому, были дамбированы. Это русло начиналось в упомянутом меридиональном главном русле, в 3,8 км к юго-западу от Якке-Парсана, имело ширину 15 м, длину 1,8 км и заканчивалось веерообразной системой небольших арыков, сохранившихся теперь на местности в виде узких (ширина 2—3 м) такырных полосок, окаймленных растительностью<sup>6</sup>. От главного русла до поселения было 1,5 км.

Поселение Якке-Парсан 2 расположено на такырах, кое-где пересыпанных навезенными невысокими барханами и поросших кустарником, вытянуто в меридиональном направлении

<sup>5</sup> Ягодин В. Н. Поселение амрабадской культуры Кават 2. — МХЭ, 6, 1963, с. 130—140.

<sup>6</sup> Андрианов Б. В. Древние оросительные системы Приаралья. М., 1969, с. 110, 111.

более чем на 250 м, в широтном — примерно на 100 м. Почти на всей площади поселения были обнаружены обильные россыпи керамики, но кроме того, на такыре четко прослеживались лишенные керамики пятна, выделяющиеся по цвету и имеющие прямоугольную форму. По внешнему виду эти пятна ничем не отличались от пятен домов-полуземлянок тазабагыяских поселений, если не считать своеобразных «айванов» перед домами на тазабагыяских поселениях Кокча 15 и 16, которые на современной дневной поверхности оставили еще дополнительное пятно перед входом в дом. Так же, как и на тазабагыяских поселениях, поверхность этих пятен была лишена находок. Вокруг домов было много керамики, камней, обломков костей. В ряде случаев все эти находки лежали в культурном слое, что отличало поселение Якке-Парсан 2 от тазабагыяских. Это отличие принципиальное, так как на площади тазабагыяских стоянок культурный слой сохранился лишь в котлованах домов (на причинах этого явления мы остановимся ниже). Поселение после четырех полевых сезонов было раскопано полностью<sup>7</sup>. Было вскрыто 18 домов-полуземлянок и частично, на отдельных участках, раскопана площадь вокруг них (рис. 74).

Оказалось, что поселение Якке-Парсан 2 расположено как бы на мысе между двумя русловыми протоками, которые жителями были преуглублены и использованы как каналы — восточный и западный. Большая часть домов была обращена входами к западному каналу, в том числе дом 24, который стоял на его западном берегу. В целом дома 7—13 и 25, 14 и 26—28 образуют компактную группу, расположенную между двумя каналами, как бы по кругу, а дом 24 и дома 2—5 находятся вне ее пределов. Возможно, что первоначально поселение и состояло из домов, стоящих по кругу, в середине которого была площадка без малейших следов культурного слоя.

Поселение Новоникольское на левом берегу р. Ишим (Северный Казахстан), существовавшее в алакульское время и в эпоху поздней бронзы (ильинский этап по Г. Б. Здановичу, в целом синхронный времени Якке-Парсан 2), имело такую же планировку. Оно расположено на мысе и таким образом, что в центре образовалась площадка, на которую торцами выходили дома<sup>8</sup>. Правда, в нашем случае не все

<sup>7</sup> Нераскопанным остался, видимо, один дом между домами 28 и 13. Предварительные результаты раскопок опубликованы. См.: Игича М. А. Поселение Якке-Парсан 2 (раскопки 1958—1959 гг.). — МХЭ, 6, 1963, с. 107—129.

<sup>8</sup> Зданович Г. Б., Зданович С. Я. Археологические исследования в Северном Казахстане. — АО 1969 г. М., 1970, с. 392.

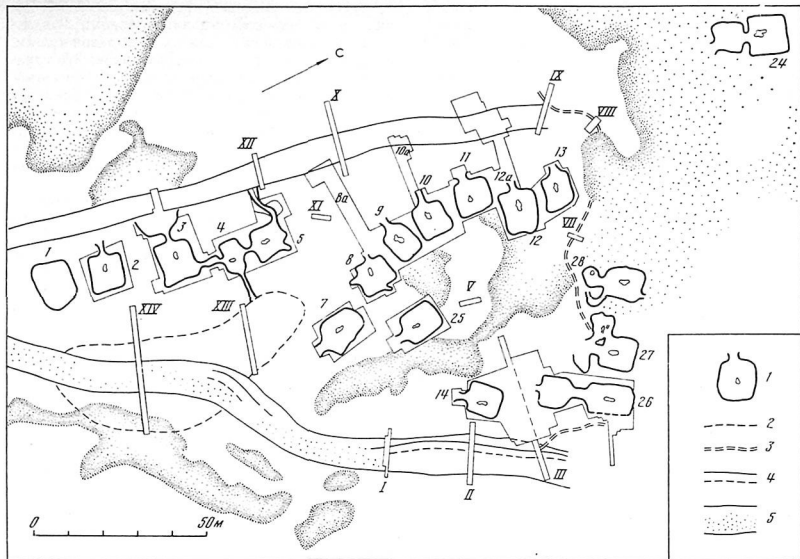


Рис. 71. Поселение Якке-Парсан 2. План

1 — дома; 2 — следы подтопления; 3, 4 — поздние арки; 5 — канал

дома обращены торцами к этой площадке и не все дома, составляющие этот комплекс, однотипны. Дома 26 и 27 и в какой-то период дом 28 были обращены к ней входами, а дом 14 — западной стеной. Дома 26—28 (так же, как и дом 24) к тому же отличаются от других домов планировкой — каждый из них имел по два помещения, в то время как все остальные дома в этой системе застройки — одинарные. Думается, что хронологическим признаком это различие не является, так как и среди тазабагьябских жилищ мы изредка встречаем дома, состоящие из двух помещений, например на поселении Джанбас 21, не говоря уже об андроновских поселениях Южного Приуралья. Характерно, что в этой группе дома 7, 25, 14 и 26—28 обращены входами на юг, — ориентировка, традиционная для домов эпохи бронзы в Приуралье и связанная с местными климатическими условиями. Дома 8—13 обращены входами на запад, к воде, что следовало бы отнести к числу новшеств, но, может быть, это было выз-

вано и планировочными соображениями — желанием замкнуть круг.

На поселении Якке-Парсан 2, в отличие от тазабагьябских поселений, вокруг жилищ локализовались большие керамические россыпи, более того, на площади поселения вокруг жилищ сохранились культурный слой (толщина до 15—20 см) и хозяйственные ямы. Зачистка такого участка была проведена между домами 14 и 26<sup>9</sup>. Кроме того, была зачищена древняя дневная поверхность на отдельных участках перед домами первого ряда (8—13) в сторону западного канала. Характерно, что зольный культурный слой и большие мусорные ямы шли полосой на расстоянии около 8—10 м от входа в дома. На самом берегу канала культурного слоя нет, но в траншеях через канал на его дне встречены линзы из угольков, об-

<sup>9</sup> Игина М. А. Поселение Якке-Парсан 2..., с. 115, рис. 6.



ломков керамики, кусков обмазки, выброшенных жителями поселения.

Большинство домов на поселении одинарные. В двойных домах основным жилым помещением было северное, а южные помещения были, видимо, хозяйственными (дома 24 и 26). В домах 27 и 28, так же как и в тазабгябском доме на поселении Джанбас 21, небольшие комнаты расположены к юго-западу от основного помещения, и они явно жилые. Дома 3—5 представляют еще более сложный, строенный комплекс, в котором жилыми были, видимо, дома 3 и 5. Дом 3 имел регулярный выход к западному каналу и, по-видимому, предходовую часть типа айвана, расположенную прямо на берегу. Стратиграфия заполняющих дома наслоений всюду, кроме домов 26—28, одина. Она помогает реконструировать отдельные этапы истории поселения и, кроме того, характеризует изменения в географических условиях, которые претерпевал в древности этот район.

Все дома представляли собой полужемлянки и были вырыты в серой пылевой супеси, которая является здесь материковой породой. Степень их заглубленности разная, но в среднем она колеблется от 0,85 до 1,1 м (от уровня современной дневной поверхности). На полу, т. е. на утоптанной поверхности все той же серой супеси, лежал культурный слой, состоящий из серой супеси, насыщенной золой, остатками сгоревших деревянных конструкций наземной части дома, кусками глиняной обмазки, керамкой, костями животных. Мощность его невелика: 15—20 см в центральной части дома, 35—40 см — у стен. Надо сказать, что на поселении Якке-Парсан 2, так же как и в тазабгябских стоянках, мощность культурного слоя по мере приближения к стенам увеличивается — видимо, наиболее обжитой частью дома была его пристенная часть, причем это особенно относится к половине дома, противоположной входу. Кроме того, именно у стен концентрируются сгоревшие деревянные конструкции жилища (остатки наземной части стен и опирающегося на них перекрытия).

Культурный слой прерект естественными отложениями, мощность которых равна 80—95 см. Они сложены из непосредственно лежащего на культурном слое плотного суглинка с включениями раковин пресноводных моллюсков и плотной комковатой супеси (общая мощность этого слоя 35—40 см), причем четкую границу между суглинком и супесью проследить не удается. Выше идет голубовато-черный слой болотных отложений с многочисленными растительными остатками (5—7 см). Эти два слоя являются свидетельством происшедшего подтопления, а в дальнейшем и заболачивания этих мест. В этот период заброшенные и

разрушенные жилища представляли собой серию ям, заполненных стоячими водами. В дальнейшем местность подвергалась затоплениям, видимо, в период сезонных разливов, что стратиграфически нашло выражение в слое плотного суглинка, мощность которого колеблется в зависимости от глубины жилищ и в наиболее глубоких полужемлянках достигает толщины 50—60 см.

Иной оказалась стратиграфия заполнения домов северного ряда — 26—28.

Как уже говорилось, дома эти на поверхности современного такыра не были видны. Оказалось, что в заполнении котлованов обоих помещений дома 26 и меньших помещений домов 27 и 28 нет болотного горизонта, который, выходя по краям дома на поверхность, обычно и очерчивает его контур на современной поверхности такыра. Как удалось установить, дом 26 еще при жизни поселения был засыпан жителями, что и не дало возможности скопиться здесь воде во время первого подтопления и образоваться болотцу. Последующие подтопления, отложившие в уже затопленных котлованах домов верхний слой плотного комковатого суглинка, затронули и дом 26, засыпка которого к этому времени несколько утрамбовалась, что дало возможность суглинными осадкам скопиться и здесь. Можно предположить, что дом 26, стоящий близ восточного канала, был во время паводка разрушен. Очевидно, в момент его постройки восточный канал (или восточный проток) был сухим. Происшедшее подтопление размыло восточную стену дома 26, разрушило его и вынудило жителей поселения засыпать дом землей. Может быть, это же подтопление привело к образованию озера к востоку от домов 1—5.

Причины, вызвавшие засыпку меньших помещений в домах 27 и 28, нам неясны, но, судя по тому, что основные помещения домов 27 и 28 содержат в своем заполнении болотный горизонт, они остались обитаемыми и после ликвидации этих меньших помещений. Это тем более вероятно, что дом 27 имел самостоятельный выход, не засыпанный вместе с меньшим помещением, а в доме 28 первоначальный выход к югу был вместе с меньшим помещением засыпан, и тогда в его северо-восточном углу был проделан выход к северу. Если дом 26 перестал существовать, то в домах 27 и 28, видимо, продолжали жить, и синхронность их существования с домами 3—5 подчеркивают найденные в них и в доме 27 фрагменты сходных сосудов с игде более не встреченным наколотым орнаментом, а также фрагменты уюов импортного происхождения.

Площадь одинарных полужемлянок на поселениях колебалась в пределах 75—110 кв. м.

В двойных жилищах площадь основных, северных, домов в среднем была равна 100 кв. м, исключая дом 26 — самый большой на поселении (165 кв. м). Размеры не основных жилищ зависели, видимо, от их назначения. В домах 26 и 24, где эти помещения, как нам представляется, играли роль хозяйственных, их площадь составляла соответственно 65 и 68 кв. м. В домах 27 и 28, где дополнительные комнаты были, видимо, жилыми (они имеют и очаги), площадь их равна 35 и 28 кв. м. В строенном доме (дома 3—5) основной дом 3 имел площадь 136 кв. м, второй жилой дом (5) — 90 кв. м, а небольшой проходной дом 4 — 50 кв. м.

Котлованы двоянных и строенных домов, в зависимости от назначения каждого, бывают разной глубины. В жилых помещениях глубина колеблется в пределах 0,7—1,1 м, в хозяйственных — 0,5—0,6 м. Например, в доме 26 глубина северного, хозяйственного, помещения 0,5—0,6 м, а южного, жилого, — 1,2—1,3 м. Среди домов поселения Якке-Парсан 2 выделяется дом 9 — он углублен всего на 0,35 м<sup>10</sup>, при том, что площадь его равна 101 кв. м и по всем другим признакам он ничем не отличается от остальных домов. К тому же, дом 9 стоит не особняком, а в едином ряду домов 8—13. Столь незначительная углубленность дома 9 заставляет предположить, что это была наземная постройка. Сам по себе этот случай не уникален. Так, К. В. Сальников предполагал, что на Кипельском селище были наземные жилища между полуземлянками, но при этом он считал те и другие дома не одновременными<sup>11</sup>. В нашем случае сомнений насчет синхронности домов того ряда, в котором стоит дом 9, не возникает.

Наземная часть стен жилищ сооружалась из дерева, камыша, прутьев и обмазывалась глиной с примесью самана. Перекрытия в основе тоже было деревянным. По внутреннему периметру стен в полу встречаются столбовые ямки диаметром 18—20 см, но систему их расположения уловить трудно. В некоторых домах встречены угловые, более крупные ямки для опорных столбов. Особенно четко они прослеживаются в более мелких хозяйственных постройках домов 24 и 26. Каждый из одиначных домов имел проход шириной около 1,5 м.

В двойных и тройных домах помимо выхода наружу существовали еще внутренние проходы между домами. Кроме того, в них в двух случаях (дома 24 и 28) внешний вход располагался в юго-восточном углу помещения, а не в середине торцевой стены, как обычно.

Входы большинства домов обращены на запад и в сторону западного канала. В то же время дома 7 и 25 ориентированы почти строго на юг, дома 14, 24, 26—28 — на юго-запад. Надо сказать, что южная ориентировка с отклонениями в связи с климатическими условиями здешних мест наиболее традиционна. Ни один из домов не обращен входом к восточному каналу — в сторону господствующих восточных и северо-восточных ветров.

В строенном доме 3—5 из домов 4 и 5 есть свои локальные узкие выходы к воде (своего рода «черный ход»).

В домах 5, 8, 25, кроме прохода в западной стене, были обнаружены канавки, врезающиеся в стену (рис. 72). Это приподнятые над полом на 8—10 см и вдающиеся в стену длинные (1,8—2,0 м) ямы, постепенно суживающиеся (ширина их от 2 до 0,5 м), с максимальной глубиной до 0,5 м, заполненные культурным слоем. Культурный слой насыщен золой и угольками и содержит фрагменты керамики и главным образом обломки камней. Такая же канавка была обнаружена в северо-восточном углу дома 5 и в северо-западном углу дома 14, причем в последнем случае она была заполнена чрезвычайно насыщенным культурным слоем.

Такие канавки или углубления, существовавшие в жилищах эпохи бронзы, были отмечены целым рядом исследователей, но толкуют их по-разному.

На Максютковском поселении, где углубления эти больше, чем наши, по размерам, И. В. Синицын рассматривал их как внутристенные очаги<sup>12</sup>. Канавки, обнаруженные при раскопках землянок на поселении Караташха 1<sup>13</sup> и близ хут. Ляпичева<sup>14</sup>, исследователи толкуют как входы. Возможен еще один вариант, который более подходит к нашему случаю, особенно поскольку это касается дома 14. Эти канавки, проделанные в толще стены под

<sup>10</sup> Птица М. А. Поселение Якке-Парсан 2., с. 16, рис. 7.

<sup>11</sup> Сальников К. В. Бронзовый век Южного Зауралья. — МИА, № 21, 1951, с. 104. В последнее время тезис о разновременности домов на Кипельском поселении был подвергнут сомнению (см.: Стоколос В. С. О стратиграфии поселения Кипель. — СА, 1970, № 3, с. 193—198; он же. Культура населения бронзового века Южного Зауралья. М., 1972, с. 97—101).

<sup>12</sup> Синицын И. В. Древние памятники в бассейне Пригоза по раскопкам 1938—1939 гг. — Ученые записки Саратовского государственного университета, XVII, 1947, с. 138; он же. Поселения эпохи бронзы стальных районов Заволжья. — СА, XI, 1949, с. 199, 200.

<sup>13</sup> Калинин Н. Ф., Халиков А. Х. Поселения эпохи бронзы в Приказанском Поволжье. — МИА, № 42, 1954, с. 171—172.

<sup>14</sup> Грязнов М. П. Землянки бронзового века близ хутора Ляпичева на Дону. — КСИИМК, I, 1953, с. 140.

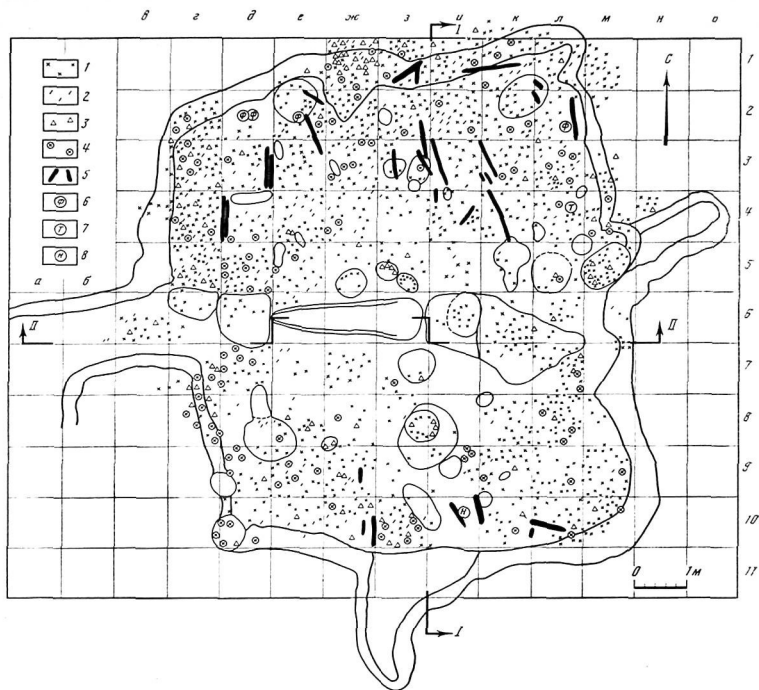


Рис. 72. Поселение Яке-Парсан 2. Дом 8. План

1 — керамика; 2 — кости; 3 — камни; 4 — обмазка; 5 — сторешные палки; 6 — литейные формы; 7 — фрагмент тигля (?); 8 — наконечник стрелы

ее наземной частью, могли служить для выброса наружу мусора из жилища. Возможно, для этой цели служили некоторые канавки на Алексеевском поселении<sup>15</sup>, и таким образом может быть объяснено то обстоятельство, что на Кипельском селище в доме 2 зольник, занимающий угол жилища, выходил за его пределы<sup>16</sup>.

Площадь всех жилищ усыяна ямами. О стол-

бовых ямах мы уже писали. Большинство ям, судя по их заполнению, были хозяйственными и располагались в противоположной от входа половине жилища. Хозяйственные ямы были разной величины и глубины, но имели в большинстве случаев прямоугольную, часто удлиненную форму, иногда овальную, реже круглую; они, видимо, не раз перекапывались. Кроме того, в пределах сравнительно короткого отрезка времени, в течение которого жил дом, количество ям менялось, т. е. не все они существовали одновременно. Так, например, дома 7 и 25 содержат множество перекопанных ям, носят следы перекапывания даже их централь-

<sup>15</sup> Кривоша-Гракова О. А. Алексеевское поселение и могильник. — Труды ГИМ. XVII, 1948, с. 78.

<sup>16</sup> Сальников К. В. Бронзовый век Южного Зауралья, с. 104.

ные очаги. В этих домах жили основательно и долго, они насыщены находками.

Центральный очаг был в каждом доме, и располагался он по длинной оси жилища, прямо против входа. Это длинная, до 3—4 м, яма шириной около 1 м и глубиной 20—30 см, состоящая как бы из двух ям, большей и меньшей. Стенки очагов обмазывались глиной, они сильно прокалены. Заполнение их составляли белый пепел и серая суспензия с золой. Лучшее, чем в других домах, сохранился центральный очаг (длина 4 м) в доме 2. На его стенках сохранились остатки обмазки. В очаг был вмазан сосуд без дна, на который, как на подставку, ставились сосуды при приготовлении пищи (?).

В доме 24, в жилой его части, очаг был двоякий, т. е. состоял из двух расположенных параллельно длинных ям. Такая же система была и в меньшем помещении дома 27, но там две длинные очажные ямы были вырыты попеременно жилища.

Длинные очаги — это нечто новое для эпохи бронзы Южного Приаралья. Как мы помним, на тазабагъябских поселениях были очаги прямоугольной формы с глинобитным бортиком или без него. Однако принцип устройства очага в центре жилища против входа, принятый на тазабагъябских поселениях, продолжает сохраняться. Длинные очаги, по-видимому, не были широко распространены на поселениях степной бронзы. Мы знаем один такой очаг на Садчиковском поселении<sup>17</sup> и очаг на поселении Лужки<sup>18</sup> — последний расположен попеременно жилища. По времени оба эти поселения синхронны нашему, они относятся к эпохе поздней бронзы. Отсутствие таких отопительных очагов в южных помещениях домов 24 и 26 (там обнаружено только по одному небольшому круглому очажку в центре), наличие в них крупных хозяйственных ям, меньшая заглубленность по сравнению с жилыми помещениями заставили нас подумать, что это хозяйственные помещения, через которые вход вел в жилую полужемлянку.

Керамика, как уже говорилось, найдена на поселении в изобилии и повсеместно. Фрагменты посуды обнаружены во всех жилищах, а также вокруг них, на древней дневной поверхности и в ямах вне жилищ. Обилие керамики или малое ее количество позволяет судить о функциональном назначении дома, о степени его обжитости и даже о его судьбе. Так, например, малое количество керамики в

южных помещениях домов 24 и 26 послужило одним из доводов в пользу того, что они были не жилыми, а хозяйственными. Почти полное отсутствие посуды в доме 4, расположенном между домами 3 и 5 и являющемся проходным, да еще с тремя проходами (по одному в доме 3 и 5 и восточный выход наружу), заставляет думать, что в этом доме не жили. Обилие керамики в россыпи «В» к северу от дома 14 заставило нас в свое время предположить, что здесь была сосредоточена жизнь населения в летнее время, у летних очагов. С другой стороны, очень бедный керамический комплекс дома 13, сравнительно небольшое количество посуды в домах 2 и 26 могут навести на мысль о том, что по тем или иным причинам в домах этих жили недолго (дом 26) или что они были покинуты жителями не в спешке, а совершенно сознательно, и при этом значительная часть посуды была захвачена с собой (дом 2).

Керамика поселения Якке-Парсан 2 и по технике изготовления, и типологически отличается от керамических комплексов тазабагъябской культуры. Это уже другое, более позднее время, что проявляется, в частности, и в более четком функциональном разделении посуды на кухонную и столовую. По-видимому, к числу хронологических отличий следует отнести и довольно явную стандартизацию форм сосудов, хотя керамика по-прежнему лепная. Более того, она по-прежнему изготавливалась не одним мастером, а несколькими лицами, причем, судя по находке в доме 12 двух сосудов с разными тагами, в этом доме посуду делали по крайней мере представители двух семей. Но все лепившие керамику на поселении уже имели в качестве образца серию традиционно выработанных форм, а отличия в продукции того или иного мастера проявлялись лишь в нюансах.

Все сосуды на поселении имеют в качестве примеси в глиняном тесте шамот, реже древес. Примесь в виде толченых раковин, столь характерная для керамики тазабагъябской культуры, встречается здесь в единичных случаях. Глиняное тесто кухонных сосудов довольно грубое, в нем отчетливо видны крупные куски примесей, которые при обжиге проступают на поверхности, делая ее подчас неровной, даже несмотря на заглаживание. Поверхность кухонных сосудов обычно вытерта или заглажена. Обжиг был, очевидно, костровый, излом черепка серый или черный. Однако какие-то усовершенствования в термическом режиме привели к появлению сосудов с красным или розовым цветом внешней поверхности, причем можно уверенно говорить, что в большинстве случаев эти сосуды не были окрашены. В то же время

<sup>17</sup> Крицкова-Гракова О. А. Садчиковское поселение (раскопки 1948 г.). — МИА, № 21, 1951, с. 175, рис. 24 и 25.

<sup>18</sup> Стоколов В. С. Культура населения бронзового века..., с. 56.

многие кухонные горшки, особенно наиболее крупные, имели на внешней и внутренней или только на внутренней поверхности лиловатую облицовку, которая получалась, как нам представляется, в результате обжига при определенной температуре сосудов, предварительно окрашенных красной охрой.

Технология изготовления столовой посуды отличалась более совершенными приемами. Сосуды изготовлялись из глины с примесью шамота, но очень тонко отмученной. Качество обжига было более высоким, но все же и в этом случае он был неравным, так как на поверхности сосудов очень часто наблюдаются характерные темные пятна. Внешняя поверхность сосудов светло- или темно-коричневая, красноватая, реже серая, обычно тщательно вытерта, заглажена или залощена. Для этого применялись специальные глиняные лощила<sup>19</sup>, которые были найдены во всех домах, иногда по несколько штук, в одном случае такое лощило было сделано из серого сланца. В ряде случаев поверхность сосудов была предварительно окрашена, но условия обжига, качество глиняного теста и состав краски приводили совсем к другому результату, чем в случае с кухонными сосудами. После последнего зеркального лощения получались превосходные краснолощенные сосуды. Охру для окраски держали в горшочках, обломки которых были найдены в домах 3, 13 и 26.

Орнамент, как правило, наносили под горлом сосуда и на плечах, очень редко им украшали горло сосуда или венчик (рис. 73; 74). Чаще всего это резная «елочка», «косая решетка», крестики, ряды наклонных прямых. Имеются отдельные черепки, украшенные волнистым орнаментом, нанесенным накомол. Накомол же выполнены комбинации треугольников на сосудах из домов 3 и 25. В каждом доме встречается до десятка черепков, на которых орнамент нанесен гребенчатым, редко мелкозубчатым, штампом. Одним из приемов, употреблявшихся яккепарсанскими мастерами, был разрыв орнаментального пояса на несколько групп насечек или крестиков с интервалом между группами. Прием этот широко известен и по андроновской, и по тазабатябской посуде и является, видимо, для культур степной бронзы традиционным. Расположение орнамента двумя поясами, столь характерное, в частности, для сосудов тазабатябской культуры, почти не встречается на горшках поселения Якке-Парсан 2. Очень редко венчик сосудов бывает украшен «косой решеткой» или крестиками — прием, хорошо известный по посуде замараев-

ского типа, хронологически синхронной яккепарсанскому комплексу. Следует подчеркнуть, что орнаментом покрывали лишь кухонные горшки, столовую посуду им не украшали. В отличие от керамики замараевского типа кухонные горшки Якке-Парсан 2 не украшали налетным валиком под венчиком (за исключением двух сосудов из дома 14) или под горлом.

Но на столовой посуде и на кувшинах для воды мы встречаем под горлом характерный рельефный поясик или валик, включающий яккепарсанский комплекс в круг валиковой керамики, столь широко распространенной в эпоху поздней бронзы на территории Евразии. Примечательно, что, в отличие от позднесрубной (Ивановка) и замараевской керамики, валик на яккепарсанских сосудах всегда замкнутый, он никогда не спускается двумя концами на тулово сосуда.

Известная стандартизация форм посуды ставит нас рассматривать комплекс с поселения Якке-Парсан 2 в целом. В каждом доме мы встречаем довольно единообразный набор форм, а отдельные нестандартные находки являются исключением, подтверждающим правило.

Так как посуда поселения очень четко делится на кухонную и столовую, мы и рассмотрим отдельно обе эти категории сосудов. Среди кухонных горшков наиболее широко распространены открытые сосуды с прямым коротким горлом и венчиком, имеющим или утолщение по краю и в нижней части, или, реже, треугольную в сечении форму. Тулово таких сосудов раздуто, иногда оно имеет перегиб ближе к дну. Дно обычно плоское, но без характерного для тазабатябских горшков уступчика. Диаметр горла этих сосудов колеблется в пределах от 16 до 20 см, а диаметр дна не превышает 9—10 см. Именно эти горшки украшены под горлом, реже по плечам, орнаментом (рис. 73, 3—5; 74, 3, 7, 8).

Кухонные горшки второго типа напоминают тазабатябские формы. Это сосуды с изогнутым горлом, округлым венчиком, четко выделенными плечами и округлым туловом (рис. 73, 1, 2; 74, 1, 2, 4—6). Диаметр их горла колеблется в пределах 18—24 см при высоте соответственно 15—21 см. Эти сосуды бываю украшены орнаментом по плечам, что тоже напоминает тазабатябскую традицию.

Третий тип встречен по крайней мере в половине домов на поселении и представлен горшками с направленными внутрь стенками и перегибом плеч, приходящими на середину высоты сосуда (рис. 73, 8). Диаметр горла этих горшков 12—15 см. Эта форма, видимо, перекресточная, так как сосуды такого типа доста-

<sup>19</sup> *Глина М. А. Поселение Якке-Парсан 2...*, с. 117, рис. 8.

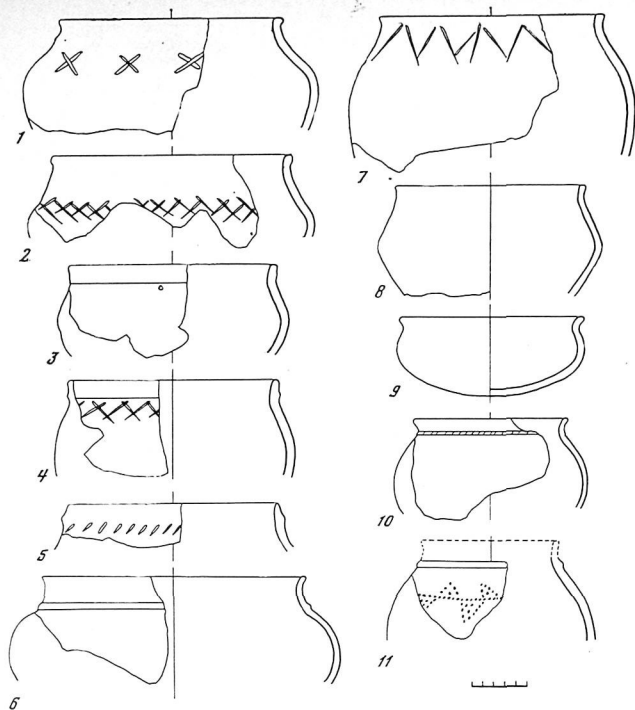


Рис. 73. Поселение Якке-Парсаи 2. Дом 3. Керамика (1—11)

точно широко известны на тазабагъябских памятниках.

Четвертый тип кухонной посуды — сосуды с коротким горлом и раздутым туловом. Диаметр горла их 13—15 см. Они чаще всего орнаментированы, причем орнамент украшает плечи и часть тулова сосуда. И эта форма известна нам по некоторым тазабагъябским комплексам (Кокча 15, 16 и др.).

Пятый тип — сосуды с прямым коротким горлом и высокими плечами, иногда образующими с горлом почти прямой угол. Такие сосуды и особенно крупные экземпляры этого типа с диаметром горла в пределах 26—28 см служили, возможно, для хранения запасов (рис. 75, 9). Сосуды первого и второго типов

бывают представлены крупными экземплярами с диаметром горла до 30—40 см — возможно, в них готовили пищу.

Кувшинами для воды были, вероятно, встречающиеся в большинстве домов узкогорлые (диаметр горла 10—12 см) сосуды с рельефным пояском под горлом, часто окрашенные в красный цвет и лощеные. Однако это еще кувшины без ручек.

Набор столовой посуды удивительно однообразен. Это прежде всего открытые миски или чашки с коротким прямым или чуть изогнутым горлом, сильно раздутым туловом или уплощенным дном. Они имеют светло-коричневый, красноватый, реже красный и серый цвет поверхности, заглажены или залощены, в ряде

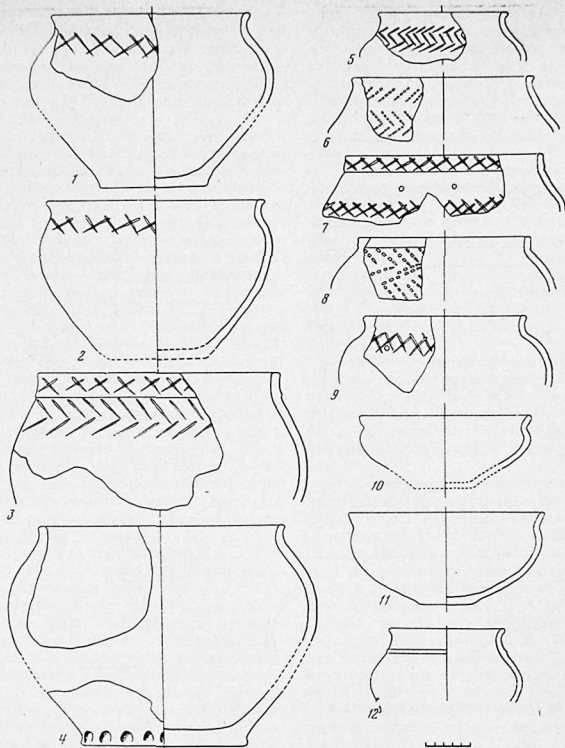


Рис. 74. Поселение Якке-Парсан 2. Дом 5. Керамика (1—12)

случаев украшены под горлом рельефным пояском (рис. 73, 9; 74, 10, 11; 75, 1, 2; 76, 1—3, 8, 9). Наиболее распространенный диаметр устья этих сосудов 15—21 см, причем он относится к диаметру дна как 4:1, а у крупных экземпляров как 2:1. Высота этих сосудов в среднем равна 7—9 см. Встречаются и крупные сосуды этой формы — видимо, тазы.

Второй, повсеместно встречающийся тип столовой посуды — открытые сосуды с коротким изогнутым горлом, округлым туловом и плоским дном, диаметр которого составляет в

среднем  $\frac{1}{2}$  диаметра горла сосуда. Они тоже заглажены или заложены и часто имеют под горлом рельефный поясок. Диаметр горла этих сосудов равен обычно 14—16 см, высота 9—12 см (рис. 73, 6, 10; 75, 3, 4, 7, 8; 76, 4—7). Вариант этой формы — сосуды того же типа, но узкогорлые и с довольно низким перегибом плеч. Возможно, что это переходная форма к кувшинам (рис. 73, 11; 74, 12; 75, 5, 6).

Помимо указанных четко выделяющихся форм кухонной и столовой посуды во всех домах поселения Якке-Парсан 2 были найдены

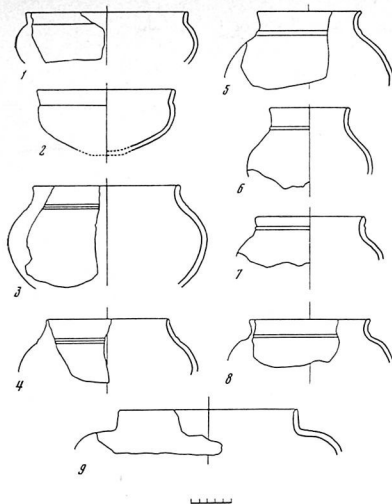


Рис. 75. Поселение Якке-Парсан 2. Дом. 25. Столовая посуда (1—9)

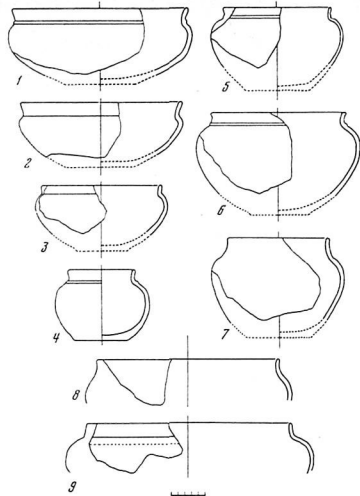


Рис. 76. Поселение Якке-Парсан 2. Дом. 27. Столовая посуда (1—9)

обломки плоских керамических блюдец, или жаровен, сделанных из глины с примесью самана. Они имеют заглаженную желтовато-красноватую поверхность, явно прокаленную, но без признаков копоти. Судя по форме, это круглые блюдец с вертикальным бортиком. Может быть, они служили подставкой для крупных сосудов с пищей<sup>20</sup>. Кроме того, во всех домах встречены небольшие сосудики, часто очень грубой лепки, представленные сериями горшочков и чашечек.

Среди других поделок из глины с поселения Якке-Парсан 2 назовем керамические бусы, пуговицы, прислица, крышки для сосудов, имевшие одно или несколько отверстий (рис. 77). Любопытна найденная в доме зооморфная фигурка (рис. 77, 5). Она сделана из обожженной глины, плоская, имела на спинке

две дырочки для подвешивания. Фигурка крайне невыразительна, но по манере, в которой она сделана, можно судить, что в амирабадское время несколько условный стиль тазабагыбских скульптурных изображений, по-видимому, сохраняется.

Предварительный анализ изделий из бронзы, найденных на поселении Якке-Парсан 2, был дан нами ранее<sup>21</sup>. Здесь мы считаем уместным вернуться к этому вопросу, включив в число рассматриваемых предметов и подъемный материал с площади поселения.

На поселении Якке-Парсан 2 найдены ножи, серпы, шилья, иглы, наконечники стрел, украшения и, что очень существенно, литейные формы для отливки некоторых из этих предметов.

По-видимому, основным типом ножей и в то время продолжали оставаться однолезвийные. Исключением является небольшой, видимо кованый, двулезвийный ножичек (может быть, бритва), найденный на поселении Якке-Парсан 2 в подъемном материале (рис. 78, 1).

<sup>20</sup> Такие блюда были найдены, например, на Дальверзинском и Чустском поселениях, их интерпретируют тоже как жаровни. См.: *Заднепровский Ю. А.* Археологические работы в Южной Киргизии в 1954 г.—Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции, т. IV, М., 1960, с. 171, 174, рис. 6, 5; *он же.* Древнесельскохозяйственная культура Ферганы.—МИА, № 118, 1962, с. 28, рис. 7, 3; с. 40, 41.

<sup>21</sup> *Игнана М. А.* Поселение Якке-Парсан 2..., с. 122—125.



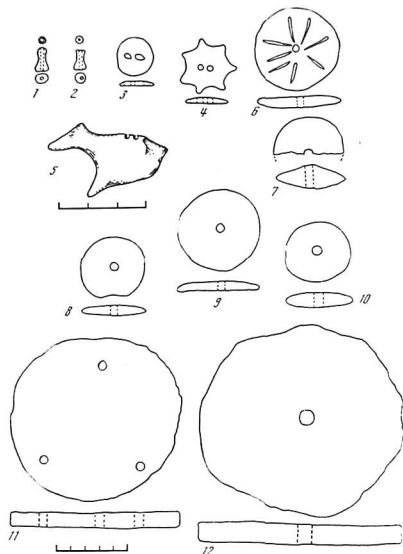


Рис. 77. Поселение Яке-Парсан 2. Подделки из глины  
1, 2 — бусы; 3, 4 — шпунговицы; 5 — ислеска (?); 6—10 —  
прислнца; 11, 12 — крышки  
1 — тахмыры; 2, 7 — дом 25; 3 — дом 7; 4, 9 — дом 28; 5, 8,  
10 — дом 27; 6 — дом 3; 11, 12 — дом 5

Он имеет выделенную прямоугольную в сечении рукоять, переходящую в широкое лопатобразное лезвие с закругленным концом. В нижней части лезвия имеется отверстие, возможно, позднего происхождения. Относительно близкую аналогию нашей находке представляет не датированный нож из Сурхандарьинской области<sup>22</sup>.

По классификации Е. Е. Кузьминой он относится к подтипу Па<sup>23</sup>. По ее мнению, листовидные двулезвийные ножи с выделенным черешком появляются в северных степных областях Средней Азии из южных земледельче-

<sup>22</sup> Литвинский Б. А. Памятники эпохи бронзы и раннего железа Кайраккумов.— В кн.: Литвинский Б. А., Окладников А. П., Рапов В. А. Древности Кайраккумов. Душанбе, 1962, с. 198, 340, табл. 42.

<sup>23</sup> Кузьмина Е. Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии.— САИ, вып. В4-9, 1966, с. 37.

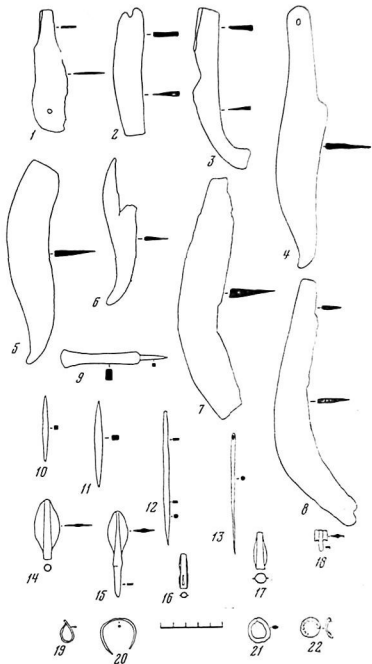


Рис. 78. Бронзовые орудия и украшения

1—5, 6, 8—16, 18—22 — Яке-Парсан 2; 4 — Каунды 1; 5 —  
Кочка 1; 7 — Ваазар 1; 17 — Чинбай 1  
1, 2, 16, 18, 22 — тахмыры; 3 — дом 9; 6, 10 — дом 7; 8, 14, 15 —  
дом 8; 9 — дом 11; 11 — дом 10; 12 — дом 5; 13 — дом 12; 19 —  
дом 14; 20 — объект 12а; 21 — дом 28

ских областей, вернее под их влиянием, не ранние конца III — начала II тысячелетия до н. э. и бытуют там до последней четверти II тысячелетия до н. э.<sup>24</sup> Так же рассматривает происхождение этой формы ножей и Б. А. Литвинский, расходясь с Е. Е. Кузьминой лишь в датировках<sup>25</sup>. Наш экземпляр по форме достаточно индивидуален и не может быть сопоставлен ни с ранними южными, ирано-среднеазиатскими экземплярами, ни

<sup>24</sup> Там же, с. 40, 41.

<sup>25</sup> Литвинский Б. А. Памятники эпохи бронзы..., с. 198, 199.

с восточноевропейскими ямно-катакомбными. К тому же, находка его на поселении, датируемом началом I тысячелетия до н. э., заставляет думать, что он мог представлять какой-то пережиточный вариант этой формы.

Другой, поднятый на такырах близ поселения Якке-Парсан 2 нож (рис. 78, 2) односторонний. Он имеет туловую спинку, закругленный верхний край с дырочкой, конец его обломан, но лезвие книзу несколько суживается. Верхняя треть ножа — рукоять, прямоугольная в сечении, при переходе ее к лезвию имеется перегиб, и лезвием ножа является его внешняя, а не внутренняя сторона. Некоторое подобие нашему экземпляру представляет нож из Урта-аула (Ташкентский канал)<sup>26</sup>, но перегиб у него почти не заметен. Ножи такого типа с более явным перегибом от рукояти к клинку найдены в погребениях Раннего Тулхарского могильника и определены А. М. Мандельштамом как «угловые» бритвы. Датирует он их, привлекая с оговоркой бритву с поселения Якке-Парсан 2 (рис. 78, 3), концом II — началом I тысячелетия до н. э.<sup>27</sup> «Концом эпохи бронзы» датирует и Е. Е. Кузьмина тип II односторонних ножей<sup>28</sup>, к которому принадлежит находка из Урта-аула.

Очень важная находка встречена в доме 7 на поселении Якке-Парсан 2. В подъемном материале с поселений Каунды 1 и Кокча 1, относимых к позднесуярганской культуре, в свое время были обнаружены целый односторонний нож и обломок ножа того же типа (рис. 78, 4, 5). Это односторонние ножи с сильно изогнутой спинкой и выделенной рукоятью с отверстием в верхней части, отходящей под тупым углом от лезвия. Характерной особенностью является оттянутый назад конец, что относит их к категории так называемых хвостатых ножей. В доме 7, в культурном слое, был найден фрагмент ножа того же типа (рис. 78, 6). Видимо, в конце II — начале I тысячелетия до н. э. этот тип ножей был в Южном Приаралье достаточно устойчив. Е. Е. Кузьмина, не оспаривая в целом самобытность этой формы, считает, что в основе ее лежит тип позднеандроновских односторонних ножей с выделенной рукоятью. Уместно вспомнить, что односторонние тазабатгайские ножи с прямой спинкой без выделенной рукояти из домов на поселении Джанбас 21 (см. рис. 67, 4, 5) уже имели не столь явный, но все же оттянутый

назад кончик, что еще раз подчеркивает местные корни типа амирабадских «хвостатых» ножей.

В домах 8 и 11 на поселении Якке-Парсан 2 были найдены серпы (рис. 78, 8) и литейная форма для отливки серпов (рис. 79, 4). Почти целый серп был обнаружен в подъемном материале на поселении Базар 1 (рис. 78, 7). Не принципиально, а по отдельным признакам эти находки отличаются друг от друга. Серп, отливавшийся в литейной форме на Якке-Парсан 2, не имел выделенной рукояти, в его верхней скругленной части была дырочка. Он ближе всего к чустским и дальверзинским серповидным пожам и, по-видимому, типологически и хронологически входит с ними в одну группу.

Серпы со стоянки Базар 1 и из дома 11 на Якке-Парсан 2 близки друг другу и по характеру изгиба лезвия (но не по его ширине), и по наличию короткой, слегка выделенной рукояти.

В свое время анализ этих находок<sup>29</sup> привел нас к выводу, что хорезмийские земледельцы использовали серпы так называемого восточного, или андроновского, типа, в отличие от населения южных земледельческих районов, где бытовала более совершенная, с большим изгибом рабочей части форма крокустских серпов срубного типа. Работы Е. Н. Черныха по исследованию рудных месторождений Южного Урала и установленная им принадлежность ряда категорий металлургических предметов андроновской культуры именно к южноуральскому металлургическому очагу привлекли наше внимание. Оказалось, что и по этим данным устанавливается бесспорно андроновское происхождение серпов интересующего нас типа<sup>30</sup>.

Хорезмийские серпы входят в тип V по классификации Е. Е. Кузьминой и оцениваются ею как более совершенные по форме по сравнению с находками из областей к северу и северо-западу от Южного Приаралья. Она связывает это с более развитым земледельческим хозяйством населения низовий Амударьи<sup>31</sup>. Это предположение было сделано Е. Е. Кузьминой до открытия в Южной дельте развитых ирригационных систем эпохи бронзы, но новые материалы подтверждают его справедливость.

Во всех домах на поселении были найдены целые и в обломках четырехгранные шпилья и

<sup>26</sup> Кузьмина Е. Е. Металлические изделия..., табл. IX, 26.

<sup>27</sup> Мандельштам А. М. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане.— МИА, № 145, 1968, табл. IV, 8, 9, с. 80, 81.

<sup>28</sup> Кузьмина Е. Е. Металлические изделия..., с. 46.

<sup>29</sup> Игнina М. А. Поселение Якке-Парсан 2., с. 125, 126.

<sup>30</sup> Черныш Е. Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М., 1970, с. 112, 113.

<sup>31</sup> Кузьмина Е. Е. Металлические изделия..., с. 57. Е. Е. Кузьмина ошибочно относит к категории серпов бритву с поселения Якке-Парсан 2. Эту ошибку она повторяет в табл. XI, 11, неверно показав сечение этого предмета.

круглые в сечении иглы с ушком (рис. 78, 9—13). В доме 11 найдено небольшое шило в костяной рукоятки (рис. 78, 9), которое могло использоваться иначе, чем шила стандартных, более крупных размеров. Может быть, таким или ему подобным орудием был нанесен пушковый орнамент на бляшке, найденной здесь же на поселении (рис. 78, 22). Отличается от других и шило из дома 5 (рис. 78, 12). Его длина 11 см, оно четырехгранное в сечении, верхний его конец притуплен, а нижний — заострен и имеет круглое сечение. Видимо, оно тоже имело какое-то специальное назначение.

Открытые на поселении Якке-Парсан 2 литейные формы для изготовления втульчатых и черешковых наконечников стрел (рис. 79, 1—3) и найденные там же наконечники того и другого типов (рис. 78, 14, 15) были в свое время нами проанализированы<sup>32</sup>. Все они датировались широко — концом II — началом I тысячелетия до н. э. Уже тогда мы сделали попытку выделить среди бытовавших там листовидных втульчатых наконечников, в целом относящихся к типам I и II классификации Е. Е. Кузьминой, более ранние и более поздние, но только по происхождению, ибо одновременность существования их в яккепарсанском комплексе для нас несомненна. К первому типу мы относим наконечник с довольно широким листовидным пером и выступающей втулкой и форму для его отливки (рис. 78, 14; 79, 1). Ко второму — форму для отливки двух наконечников с уже довольно узким листовидным пером и слегка выступающей втулкой (рис. 79, 2). Тогда же мы высказали предположение, что наиболее поздний вариант этой формы — наконечники со скрытой втулкой и слабо выделенным пером. Сейчас очевидно, что предположение это вполне справедливо, но хронологически эти наконечники из комплексов типа яккепарсанских не выпадают. Стрелы этого типа известны в материалах памятников Казахстана, в том числе по находкам в дымдыбай-бегазинских комплексах и в мавзолеях Северного Тагискена<sup>33</sup>. Один экземпляр такого наконечника найден позднее на яккепарсанском такыре, еще один — на стоянке Чимбай 1 в Северной Акчадарьинской дельте вместе с

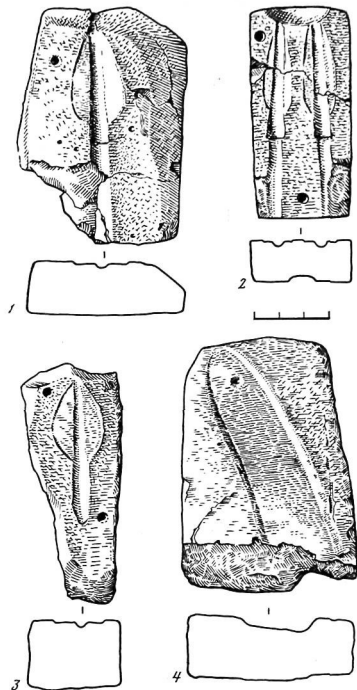


Рис. 79. Поселение Якке-Парсан 2. Дом 8. Литейные формы (1—4)

керамикой амирабадского типа (рис. 78, 16, 17). Тагискенские наконечники были нами в свое время датированы IX—VIII вв. до н. э.<sup>34</sup>, т. е. тем же временем, что и поселение Якке-Парсан 2. В работах казахских археологов<sup>35</sup> эта датировка подтверждается.

<sup>32</sup> Игина М. А. Поселение Якке-Парсан 2., с. 122—125.

<sup>33</sup> Черников С. С. Поселение эпохи бронзы в Северном Казахстане.—КСИИМК, 53, 1954, рис. 23, 7; *он же*. Восточный Казахстан в эпоху бронзы.—МИА, № 88, 1960, табл. XXXVI, з. 5; Грязнов М. П. Памятники карасульского этапа в Центральном Казахстане.—СА, XVI, 1952, рис. 3, 26; Толстов С. П. Результаты историко-археологических исследований 1961 г. на древних русле Сырдарьи.—СА, 1962, № 4, с. 136, рис. 12, 1—4.

<sup>34</sup> Толстов С. П., Жданко Т. А., Игина М. А. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1958—1961 гг.—МХЭ, 6, 1963, с. 45—46.

<sup>35</sup> Акишев К. А. Культура саков долины р. Или (VII—IV вв. до н. э.).—В кн.: Акишев К. А., Кушаев Г. А. Древняя культура саков и усуней долины р. Или. Алма-Ата, 1963, с. 117—118; Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразба

Н. Л. Членова определяет дату этих наконечников VIII—VII вв. до н. э.<sup>36</sup> или не раньше VIII в. до н. э.<sup>37</sup> Е. Е. Кузьмина датирует дылдыбай-бегазинские и тагискенские памятники VIII в. до н. э., протестуя против отнесения их к X в. до н. э.<sup>38</sup>

Мы думаем, что углубление хронологии этих наконечников до IX в. до н. э. вполне правомерно, ибо керамические материалы дают для этого основание, а наконечники стрел — подчас довольно консервативный, медленно изменяющийся вид изделий. Достаточно сказать, что в сакских погребениях на древнем горизонте Тагискена и Уйгарака<sup>39</sup> встречаются в комплексах VII—VI вв. до н. э. дулообразные втульчатые наконечники вуадильского типа, но ведь это не дает повода датировать погребения в Вуадиле (Фергана) тем же временем<sup>40</sup>.

Черешковые листовидные наконечники стрел, известные по находке литевой формы в доме 8 поселения Якке-Парсан 2 (рис. 79, 3) и находке такого наконечника в доме 12 того же поселения (рис. 78, 15), представляют два типа этих предметов. Наконечники, отлившиеся в литевой форме, демонстрируют тип II по классификации Е. Е. Кузьминой — с листовидным пером и жилкой; наконечники

ев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966, с. 163. Здесь речь идет о дылдыбай-бегазинских памятниках, но их синхронность с тагискенскими очевидна. В качестве нижней даты предлагается X в. до н. э.

<sup>36</sup> Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967, с. 218.

<sup>37</sup> Членова Н. Л. Хронология памятников карасукской эпохи. — МИА, № 182, 1972, с. 59.

<sup>38</sup> Кузьмина Е. Е. Семиреченский вариант культуры эпохи поздней бронзы. — КСИА, 122, 1970, с. 46, примеч. 14. См. также: Кузьмина Е. Е. Кубкообразные сосуды Казахстана эпохи поздней бронзы. — Сб.: В глубь веков. Алма-Ата, 1974, с. 20.

<sup>39</sup> Вишневецкая О. А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII—V вв. до н. э. — ТХЗ, VIII, 1973, табл. XXV, 18.

<sup>40</sup> Однако датировать мавзолей Северного Тагискена, а следовательно, и рассматриваемые наконечники копьем II тысячелетия до н. э. или точнее XIII—XI вв. до н. э., как это делает М. П. Грязнов (Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М. — Л., 1966, с. 237; *он же*. Папуские племена Средней Азии в эпоху развитой и поздней бронзы. — КСИА, 122, 1970, с. 42), нельзя. Новую датировку М. П. Грязнова поддержал М. К. Кадырбаев (*Кадырбаев М. К.* Некоторые итоги и перспективы изучения археологии раннежелезного века Казахстана. — Сб.: Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968, с. 33, 34). Против точки зрения М. П. Грязнова выступили Н. Л. Членова (*Членова Н. Л.* Хронология памятников карасукской эпохи, с. 61), Э. А. Новгородова (в связи с отнесением М. П. Грязновым этих памятников к карасукским (*Новгородова Э. А.* Центральная Азия и карасукская проблема. М., 1970, с. 19) и редакторы книги «Средняя Азия в эпоху камня и бронзы» (с. 27, примеч.).

из дома 12 — тип IV — с жилкой и упором. В подъемном материале с поселения Якке-Парсан 2 был обнаружен черешковый наконечник типа III — с опущенными, во слуга, жальцами и ребром по перу (рис. 78, 18). Все эти типы стрел датируются эпохой поздней бронзы<sup>41</sup>, не позднее VIII в. до н. э. Для яккепарсанских находок это, видимо, IX—VIII, может быть, X—VII вв. до н. э.

В недавно опубликованной работе Н. А. Аванесовой<sup>42</sup> дана сводка и проведен анализ находок бронзовых наконечников стрел на памятниках стеной бронзы, в том числе и среднеазиатских. В ней автор подвергает сомнению нашу датировку яккепарсанских находок, причем одним из доводов служит находка идентичных нашему черешковых наконечников стрел в погребениях Луристана, датирующихся концом XI — началом X в. до н. э.<sup>43</sup> Приводимые Н. А. Аванесовой сопоставления для втульчатых наконечников стрел с Якке-Парсан 2<sup>44</sup> хронологически укладываются в пределы X—VIII вв. до н. э. Тем не менее Н. А. Аванесова считает возможным датировать яккепарсанский комплекс XII—IX вв. до н. э.<sup>45</sup>

По-видимому, удренение предложенной нами в свое время датировки вызвано открытием в Центральном Казахстане комплексов алакульского времени, где вместе найдены втульчатые и черешковые наконечники. Эти находки ставят под сомнение южное (ирано-туркменистанское) происхождение черешковых наконечников и дают основание для предположения о более раннем времени их появления в степях Средней Азии и Казахстана. О вероятном южном происхождении типа черешковых листовидных наконечников мы в свое время писали<sup>46</sup>. Этой же точки зрения придерживаются В. М. Массон<sup>47</sup>, Е. Е. Кузьмина<sup>48</sup>, Б. А. Литвинский<sup>49</sup>. Все они при

<sup>41</sup> Кузьмина Е. Е. Металлические изделия..., с. 32, 33.

<sup>42</sup> Аванесова Н. А. К вопросу о бронзовых стрелах степных племен эпохи бронзы. — Труды Самаркандского государственного университета, новая серия, № 270, «Материалы по археологии Узбекистана», 1975, с. 27 сл.

<sup>43</sup> Там же, с. 55, примеч. 111.

<sup>44</sup> Там же, с. 34.

<sup>45</sup> Аванесова Н. А. К вопросу о бронзовых стрелах..., с. 41, 56, табл. 3. Не совсем ясно, почему Н. А. Аванесова в табл. 3 перечисляет пункты находок черешковых наконечников и источники, где о них упоминается, помещает свои датировки, никак не оговаривая, что они подчас расходятся с датировками, предложенными в этих источниках авторами раскопок.

<sup>46</sup> Игина М. А. Поселение Якке-Парсан 2..., с. 124, 125.

<sup>47</sup> Массон В. М. Древнеземледельческая культура Марганау. — МИА, № 73, 1959, с. 45—48.

<sup>48</sup> Кузьмина Е. Е. Металлические изделия..., с. 31—33.

<sup>49</sup> Литвинский В. А. Древние кочевники «Крыши Мира». М., 1972, с. 92.

этом оперируют достаточно большим перечнем переднеазийских находок, датирующихся в целом XII—VIII вв. до н. э. Появление стрел этого типа в среднеазийских степях вместе с втульчатыми формами, датирующимися X—VIII вв. до н. э., в случае их не местного происхождения вполне вероятно. Если же признать, что черешковые наконечники возникли на севере, в андроновских степях, то и тогда у нас нет никаких оснований считать якупарсанские находки более древними: они просто — более позднее звено в эволюционном ряду развития наконечников этого типа, подлинный расцвет которого приходится на сакское время. Именно так рассуждает теперь Е. Е. Кузьмина<sup>50</sup>, изменив свою прежнюю точку зрения, но нам представляется, что два пункта находок (Айшрак и Жаман-Уаен II в Центральном Казахстане) при всей их значимости еще не могут противостоять гораздо большему числу южных образцов. Нужны новые факты. К тому же, возможно и конвергентное происхождение этого типа стрел в северных и южных областях.

Среди предметов из бронзы остается назвать еще два колечка (рис. 78, 19, 21), которые были найдены в домах 14 и 28 на поселении Якке-Парсан 2. Первое из них свернуто из круглой в сечении проволоки и имеет заходящие концы, второе — из овального в сечении стержня, концы сомкнуты. На древней дневной поверхности поселения перед домом 12 была найдена привеска (или маленький браслет) (рис. 78, 20) из круглой в сечении проволоки (концы обломаны). Форма этих украшений широко распространена во времени и пространстве и взятая изолированно не может служить определителем ни даты, ни культурной принадлежности того или иного памятника.

Но украшения могут служить этнографическим признаком, отличающим, скажем, тазабагыбскую культуру от амирабадской. Действительно, набор бронзовых украшений тазабагыбской культуры — желобчатые браслеты, восьмеркообразные привески и рубчатые бусы — на амирабадских поселениях не встречаются. Однако следует иметь в виду, что на тазабагыбских поселениях мы эти украшения тоже не нашли, если не считать обломок бронзового желобчатого браслета, найденный на развеечном поселении (точка 1609), к западу от поселения Кочка 16. Иными словами, мы знаем тазабагыбские украшения главным образом благодаря находкам в могильнике Кочка 3. Могильники амирабадской культуры пока не открыты, и известные нам украшения най-

дены только на поселении Якке-Парсан 2. На основании этих находок не представляется возможным делать вывод, что эта форма украшений характерна для амирабадской культуры<sup>51</sup>; слишком неравноценен во всех отношениях сравниваемый материал.

Анализ материальной культуры жителей поселения Якке-Парсан 2 может служить для нас отравной точкой при оценке комплексов эпохи поздней бронзы, найденных на территории Южной дельты и относимых в свое время к каундинскому (позднему) этапу суярганской культуры. Среди них прежде всего следует назвать уже упоминавшуюся стоянку Каунды 1, первоначально исследованную в 1954 г.<sup>52</sup>

Стоянка находится на правом берегу большого Акчадарьинского русла<sup>53</sup>, образовавшегося за счет слияния Среднего и Восточного русел, перед впадением их в Акчадарьинский коридор. Россыпи керамики и очажных камней расположены на плоской поверхности такыра верхнего урвня и на склоне к южнеложному такыру, занимающая площадь 250×150 м. Именно на этом склоне в 1954 г. был найден однолезвийный «хвостатый» нож с выделенной рукоятью (см. рис. 78, 4). В 1967 г. в 4 м к северо-западу от заложеного на этом месте шурфа были обнаружены остатки жилища. Оно имело овальную форму, было выгнуто с северо-запада на юго-восток, вход был с южной стороны. Сейчас глубина дома в наиболее хорошо сохранившейся части не превышает 30 см. Размеры дома невелики — 4×2,5 м, и это заставляет думать, что он и первоначально был слабо углублен. Если это так, то можно предположить, что многочисленные россыпи керамики с камнями, рассеянные на площади поселения, — остатки таких же жилищ, а все поселение — остаток не из обычных для нас домов-полуземлянок, а из небольших, чуть углублен-

<sup>51</sup> М. Г. Воробьева полагает, имея в виду те же находки, что в амирабадской культуре происходит замена желобчатых височных колец проволочными, тем более что позднее этот последний тип украшений был широко распространен в Хорезме (Воробьева М. Г. Дингильдже. Усадьба I тысячелетия до н. э. в Хорезме. М., 1973, с. 164). Однако смена техвических приемов совсем не обязательно влечет за собой смену форм. В той же усадьбе Дингильдже в слое над верхним полом был обнаружен фрагмент восьмеркообразной привески тазабагыбского типа, но литой, а не кованой (Там же, с. 165, рис. 46, 14). Если учесть, что в амирабадских керамических комплексах встречается пережиточные тазабагыбские формы, может быть, наряду с другими как анахронизм могла существовать и тазабагыбская форма украшений.

<sup>52</sup> Толстов С. П., Итина М. А. Проблема суярганской культуры, с. 23—26, рис. 7, 8.

<sup>53</sup> Низовья Амударьи, Сарыкампыш, Узбой. История формирования и заселения (МХЭ, 3, 1960), с. 126, 127, рис. 67, 68.

<sup>50</sup> Кузьмина Е. Е. [рец.]. Вишневская О. А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII—V вв. до н. э. ТХЭ, VIII, 1973.—СА, 1975, № 2, с. 291.

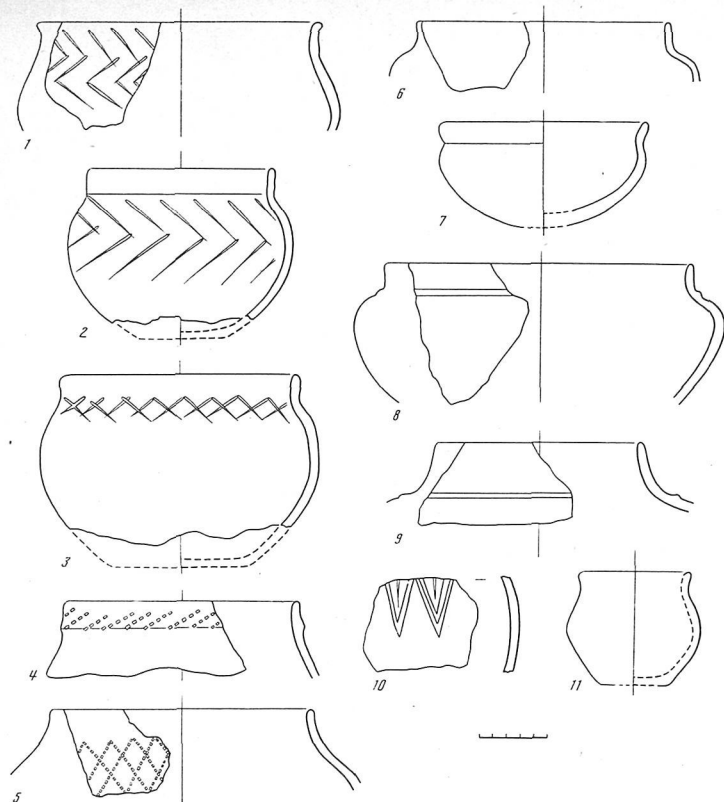


Рис. 80. Стоянка Каунды 1. Дом 1. Керамика (I—II)

ных домов, и, может быть, было сезонным. Дом, раскопанный на поселении, имел, судя по ямкам вдоль стен, столбовую конструкцию. Очажной ямы нет, очагом служила груда прокаленных камней. Такие очаги встречаются в культурах степной бронзы (например, очаги в Алексеевке и Кайракумах). В Южном Приаралье они обнаружены впервые.

Основная масса находок в доме — керамика (рис. 80). Она вся лепная, имеет в глиняном

тесте шамот. По технике изготовления, цвету и отделке поверхности она ничем не отличается от яккепарсанской. То же самое можно сказать и о наборе форм. Мы встречаем здесь типичную кухонную и столовую посуду, в том числе характерные лощеные пузатые миски и сосуды с рельефным пояском, кувшины с поверхностью красного цвета и рельефным пояском и т. д. Наконец, в доме на поселении Каунды 1 найден фрагмент серолащеного со-

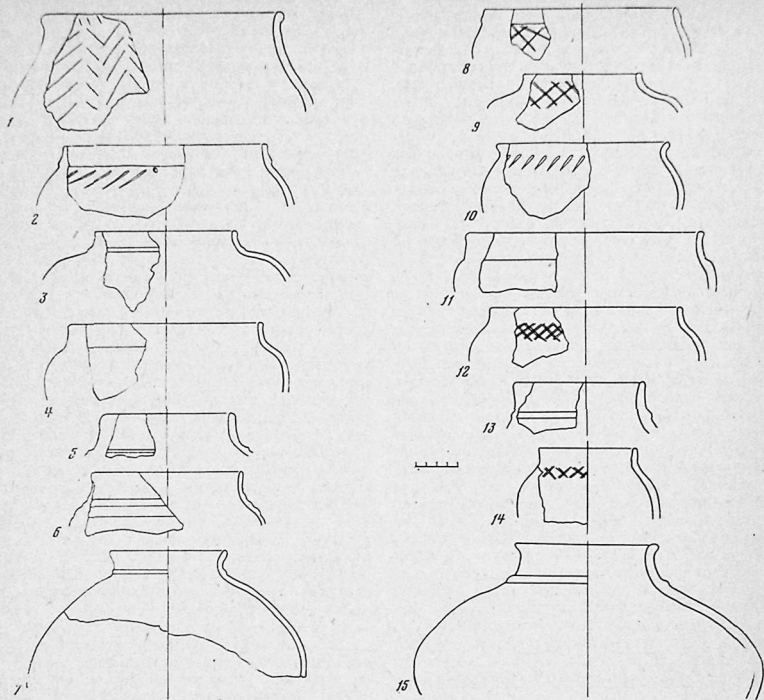


Рис. 81. Амрабадские стоянки. Керамика

1—6 — Кочча 1; 7, 14 — Базар 3; 8—11 — Базар 1; 12, 13, 15 — Кочча 4

суда с характерным резным орнаментом в виде вписанных треугольников, совершенно тагикенского облика (рис. 80, 10). Если к этому комплексу присовокупить опубликованную нами ранее подъемную керамику с поселения 2<sup>4</sup> и упомянутый «хвостатый» нож, подобный которому был найден и в доме на поселении Якке-Парсан 2, и, наконец, если учесть находки тагикенской посуды в домах обоих поселений, мы должны будем прийти к выво-

ду, что поселение Каунды 1 должно быть отнесено к амрабадской культуре.

Если мы сравним с яккепарсанским керамическим комплексом сборки со стоянок Кочча 1, 4, Базар 1 и 3 (рис. 81), то увидим, что несмотря на неравноценность материала и эти поселения должны быть включены в амрабадскую группу (здесь уместно вспомнить, что третий «хвостатый» нож был найден как раз на поселении Кочча 1).

Правда, отличает эти комплексы не столь полный набор типичных форм, как на раскопанных поселениях, но это можно объяснить

<sup>24</sup> Толстов С. П., Игина М. А. Проблема суярганской культуры, рис. 7, 8.

случайным характером сборов. Лощенные узкогорлые сосуды с рельефным пояском и низким перегибом плеч, короткогорлые сосуды с отходящими почти под прямым углом плечами, которые особенно много на стоянке Базар 1,— все это формы, происхождение которых может быть связано с южными земледельческими цивилизациями, где они появляются достаточно рано<sup>55</sup>. В Южном Приаралье они встречаются среди камышлинской керамики, что и дает нам основание относить их к местным суряганским формам. Сосуд со стоянкой Кокча 1, украшенный по плечам каннелюрами (рис. 81, 7), сейчас может быть уверенно причислен к тагискским образцам. Пока трудно говорить об относительной хронологии стоянок, относимых нами к амирабадской культуре, но расширение ее ареала в пределах Южной дельты в результате отнесения к ней позднесуряганских стоянок (а их в западной части дельты наберется не менее 20) приводит нас к мысли о том, что ранняя дата амирабадской культуры может быть углублена в X в. до н. э.

Рассматривая амирабадский (яккепарсанский) керамический комплекс с точки зрения его места среди синхронных ему комплексов из северных областей Евразии и южных районов Средней Азии, мы сразу видим, что, как и в предшествующее время, в Южном Приаралье наблюдается сложный конгломерат северных и южных культурных компонентов.

Северный компонент проявляется в типах и орнаментации кухонной посуды. Сосуды с коротким горлом, имеющим характерное утолщение по верхнему и нижнему краям, раздутые, плоскодонные, украшенные под горлом «косой решеткой», «елочкой», крестиками, рядами косо стоящих прямых, по первому впечатлению легко могут быть сопоставлены прежде всего с замараевскими. Впечатление это верно, поскольку кухонная посуда Якке-Парсан 2 действительно входит в этот круг, но сходство здесь не обязательно связано с прямым воздействием постадроновских культур на местную, хотя и оно, видимо, все же играло известную роль.

Характерная для нашей посуды раздутость форм, являющаяся для посуды эпохи бронзы на данной территории одним из ведущих признаков, в замараевских комплексах встречается, но не как правило. Пожалуй, если взять керамические комплексы Алексеевки, Садчиковского поселения, центральноказахстанские материалы и, наконец, южнозуральские — Замаараев и Лужки, то более всего сходны с наши

последние два<sup>56</sup>. В них встречаются сосуды раздутых форм и характерная для Якке-Парсан 2 форма венчика. Однако резко отличаются все эти комплексы от наших преобладающих воротничковых венчиков, гораздо большая пышность орнаментации сосудов, выражающаяся и в большом разнообразии мотивов, и в покрытии большей части поверхности сосудов орнаментом. Яккепарсанские сосуды же бывают украшены желобками и налепными валиками с орнаментом: в единичных случаях орнамент украшает венчик сосуда и покрывает его горло.

Еще один круг связей, и даже генетических, был сравнительно недавно предложен М. П. Грязновым, который утверждает, что керамика Алексеевки и Садчиковского поселения совершенно аналогична керамике Ивановского поселения на Волге и ее появление в Казахстане связано с распространением на его территории, вплоть до Ишима, ивановских племен. И далее: «С этим распространением ивановской керамики надо связывать, по-видимому, и появление амирабадской культуры в дельте Амударьи»<sup>57</sup>. Доводом в пользу последнего служат для М. П. Грязнова валик с насечками на керамике Якке-Парсан 2 и употребление характерных для Ивановки орнаментальных мотивов<sup>58</sup>. Как мы могли убедиться, валика с насечками на посуде Якке-Парсан 2 нет, но дело даже не в этом. Думается, главное здесь заключается в том, что позднесрубная, хвалынская, посуда, представленная, в частности, материалами Ивановки, демонстрирует развитие срубной керамики на более позднем этапе, с чем, кстати, согласен и М. П. Грязнов<sup>59</sup>. То же самое происходит и с замараевской посудой, которая являет собой, по-видимому, позднейшую трансформацию андроновской. Тесные связи между срубными и андроновскими племенами, вступление их в непосредственный контакт между собой, сходный путь экономического развития естественно повлекли за собой сходство в развитии элементов материальной культуры. Неудивительно, что развитие культуры эпохи поздней бронзы Южного Приаралья — амирабадской — пошло по тому же пути, так как ей здесь предшествовала тазабагыяская культура, тесное генетическое родство которой со срубной и андроновской культурами мы пытались показать выше. Если же говорить конкретно, то сохранение старых

<sup>56</sup> Стоколос В. С. Культура населения бронзового века..., рис. 20, 22, 23, 28—31.

<sup>57</sup> Грязнов М. П. Пастушеские племена Средней Азии..., с. 47.

<sup>58</sup> Там же.

<sup>59</sup> Там же.

<sup>55</sup> Толстов С. П., Игина М. А. Проблема суряганской культуры, с. 17—19.



тазабагыяских форм наряду с появлением новых, сохранение очень принятой в Южном Приаралье орнаментации в виде рядов наклонных прямых — все это доказательство единой линии развития от культуры развитой бронзы к культуре поздней бронзы. И сходство этого процесса в трех регионах — Поволжье, Казахстане и Южном Приаралье — отнюдь не доказывает распространение какой-то культуры (ивановской!) из одного центра.

Есть еще одно обстоятельство, снимающее тезис об ивановском происхождении амирабадской посуды. Как мы могли убедиться, амирабадский керамический комплекс включает компонент, который М. П. Грязнов, хотя он и ссылается на нашу предварительную публикацию керамики Якке-Парсан 2<sup>60</sup>, почему-то отбросил. Мы имеем в виду столовую посуду с рельефным пояском и без него, в большинстве случаев лощеную. Среди восстанавливаемых форм в каждом доме она составляет в среднем 27—30%, и наличие ее в этих комплексах отнюдь нельзя ни игнорировать, ни относить за счет культурных влияний.

По-видимому, эти формы с коротким прямым или изогнутым горлом и всегда раздутым туловом продолжают местную суряганскую традицию, с которой столкнулось пришлое срубно-андроновское население. На первый взгляд казалось, что керамика новой тазабагыяской культуры не несет на себе никаких следов суряганской, однако проведенный нами анализ тазабагыяской посуды (см. главу III) показал, что суряганский (камышлинский) компонент полностью поглощен не был. Думается, что в амирабадских комплексах он четко отразился именно в формах столовой посуды. Что же касается появления в это время такого технического приема, как лощение поверхности сосудов, то он скорее всего связан с прогрессивными изменениями в технологии изготовления керамики. Ведь андровцы применяли технику лощения, так что логично было бы предположить использование ее и при изготовлении тазабагыяской посуды, однако в тазабагыяских комплексах лощеных сосудов нет или почти нет. Возможно, что причиной тому были неумение приготовить тонкоотмученное глиняное тесто без крупных примесей, низкий уровень техники обжига сосудов. В амирабадское время навыки в изготовлении посуды — еще лепной, но достаточно высокого качества — уже выработаны, однако используются они лишь при изготовлении столовой посуды, кухонная остается грубой.

Поиски аналогий амирабадской столовой

посуде вводят нас на Юг. Аналогии узкогорлым сосудам типа кувшинов, мискам, сосудам типа стаканов мы находим на Чустском<sup>61</sup> и Дальнерзвлинском<sup>62</sup> поселениях в Ферганае. Некоторые сходные формы обнаруживаются и на памятниках дельты Мургаба<sup>63</sup> и Атрека<sup>64</sup>, есть они и в Анау<sup>65</sup>. Кроме атрекских и анауских экземпляров, ни на одном из привлекаемых нами в качестве аналогии сосудов рельефного пояска нет. Однако вряд ли это должно нас смущать, так как рельефный поясок или валик для этого периода — явление широко распространенное, и этот способ украшения посуды мог быть не заимствован, а развиваться в Южном Приаралье конвергентно.

С другой стороны, близкие параллели столовой посуде Якке-Парсан 2, как мы уже писали, наблюдаются среди керамических комплексов мавзолеев Северного Тагискена. Там есть и широкогорлые лощеные миски, и сосуды с рельефным пояском. Есть горшки, украшенные рядами ломаных линий и поясом крестиков по горлу (типично амирабадский и замаревский приемы), есть сосуды, украшенные «косой решеткой» (мавзолей 7). О степени сходимости мисок с поселения Якке-Парсан 2 и Северного Тагискена мы можем судить хотя бы по тому, что опубликованный И. В. Силиным сосуд из Западного Казахстана (оз. Сарайдин) мы сравнивали с амирабадскими<sup>66</sup>, а Н. Л. Членова видела для него, в частности, тагискенские аналогии<sup>67</sup>, не упоминая об амирабадских. Мы полагаем, что обе стороны правы, поскольку участие амирабадского компонента в культуре мавзолеев Тагискена для нас представляется очевидным. Этот довод может быть сейчас подкреплен и некоторыми новыми фактами.

Работы Хорезмской экспедиции на южных протоках древней Сырдарьинской дельты, объединениях в Инкардарьинскую систему русел, показал, что на большинство разветвленных стоянок этого региона представлена лощеная керамика амирабадского типа. Она присутствует в инкардарьинских комплексах вместе с постандроновской керамикой тагискенского

<sup>61</sup> Спришевский В. И. Чустское поселение эпохи бронзы. — КСИИМК, 69, 1957, с. 45, рис. 12, 2, 4, 10.

<sup>62</sup> Заднепровский Ю. А. Древнеземледельческая культура Ферганы, табл. XV.

<sup>63</sup> Массон В. М. Древнеземледельческая культура Марганы, с. 173, табл. V, 4; с. 194, табл. XXVI, 4.

<sup>64</sup> Массон В. М. Археологические работы на Мисрянской равнине. — КСИИМК, 69, 1957, с. 69, рис. 23 (правый крайний ряд).

<sup>65</sup> Pumpelly R. Explorations in Turkestan, v. 1. Washington, 1908.

<sup>66</sup> Игита М. А. Поселение Якке-Парсан 2, с. 120.

<sup>67</sup> Членова Н. Л. Карасукские находки на Урале и в Восточной Европе. — СА, 1973, № 12, с. 202.

<sup>60</sup> Игита М. А. Поселение Якке-Парсан 2, с. 118—119.

типа и керамикой замараевского типа с воротничковым венчиком и налепным валиком. Мы не знаем пока поселений с бесспорно тагикенским материалом, но находки в комплексе мавзолеев и на упомянутых развешенных пастушеских стоянках керамики амирабадского типа заставляют нас думать, что между амирабадским населением Акчадарьинской дельты и тагикенским (?) Сырдарьинской были тесные контакты, причем не исключено и мигрирование отдельных групп населения с севера на юг и с юга на север, прежде всего в связи с нуждами скотоводческого хозяйства.

До сих пор речь шла о проникновении амирабадских элементов культуры на север, однако мы имеем доказательства и обратной связи. В большинстве домов поселения Якке-Парсан 2 встречены фрагменты керамики, которые могут быть связаны с Тагискевом. Среди них фрагменты коричневого и красных лощеных сосудов с рифлением в верхней части, напоминающих лощеные сосудики с рифлением из мавзолеев Тагискева (рис. 82, 22—25). Довольно много коричневолощенных фрагментов, украшенных резными заштрихованными лентами в разных комбинациях (рис. 82, 6—8, 16—18). В нескольких домах встречены лощеные сосуды с рельефным пояском (второй тип столовой посуды) светло-коричневого или красного (окрашен) цвета, ornamentированные рядом равнобедренных треугольников вершинами вниз, заполненных насечками или наколом (рис. 82, 3, 4, 9—13). Повсеместно встречены фрагменты тагикенской посуды указанных типов в котловинах выдувания коренного восточного берега Южной дельты и останковых песчаных массивов и возвышенностей на территории Северной дельты. Наконец, в домах 3 и 27 на поселении Якке-Парсан 2 обнаружены фрагменты хумов с желтоватой облицовкой, напоминающих тагикенские образцы такой посуды. Там же были обнаружены фрагменты стенок тоже, видимо, хума с тусклой красноватой росписью по светло-красному фону, в одном случае роспись как будто бы сетчатая. Дата поселения Якке-Парсан 2 — IX—VIII вв. до н. э. — исключает хорезмийскую принадлежность этих сосудов. Они бесспорно южного происхождения, однако точно локализовать место их изготовления нам пока не удалось<sup>68</sup>.

Итак, на нынешнем уровне наших знаний амирабадскую культуру представляется нам культурой поздней бронзы, выросшей на основе тазабагыябских, причем отдельные элементы последней сохраняются в амирабадских комплек-

сах. Мы имеем в виду некоторые типы кухонной посуды. С другой стороны, присутствующий в тазабагыябских комплексах местный, суярганский, компонент наиболее ярко проявляется, видимо, в формах амирабадской столовой посуды.

Появление хорошо выделанной лощеной столовой посуды, ангобирование сосудов, специализация в производстве металлических изделий — все это приметы нового. Эти новые качественные изменения сказываются и в увеличении площади поселений, и в изменении системы расселения, и в возникновении крупных компактных, в целом одновременных поселений (типа Якке-Парсан 2), свидетельствующих о большей оседлости. В основе этих перемен лежат процессы, связанные с ростом производительных сил общества, изменений в его экономике и организации. Разделение труда между земледельцами и скотоводами, выразившееся в выделении среди амирабадских племен населения с преимущественно сельскохозяйственным и преимущественно скотоводческим хозяйством (подробнее см. главу V), по-видимому, сыграло немалую роль в формировании облика культуры оседлых земледельцев оазиса и его кочевой периферии в раннеантичное время. Рассмотренный нами комплекс поселения Якке-Парсан 2 отражает культуру преимущественно земледельческую, поселение Каунды 1 и стоянки на коренном берегу Акчадарьинской дельты — преимущественно скотоводческую. Следует, однако, подчеркнуть, что происшедшее разделение труда на этом этапе еще не привело к каким-то кардинальным изменениям в облике культуры скотоводов по сравнению с культурой земледельцев.

Однако позднее, в VII—VI вв. до н. э., эти изменения уже наблюдаются. Поселение скотоводов несколько более позднего времени, чем Якке-Парсан 2, было исследовано нами на берегу того же русла, в зоне действия которого находится Якке-Парсан 2, но на другом, западном его берегу, в 1,5—2 км к западу от Якке-Парсан 2. Оказалось, что берега руслового протока на этом участке были густо заселены в начале I тысячелетия до н. э. Они на протяжении по крайней мере километра усыпаны керамикой, поделками из камня, кусками гончарных шлаков. Поселение Якке-Парсан 14, о котором пойдет речь, было одним из 12, расположенных на этом участке русла.

Вся его площадь, как показали разведочные раскопки, представляет собой остатки жилищ, стоящих очень близко друг к другу и не дающих какого-либо четкого плана поселения. Остатки домов представлены 1) небольшими, диаметром 1,5—2 м и высотой 35—40 см, круглыми такырными останками — «тортами»,

<sup>68</sup> Любезно проконсультировавшие нас В. И. Сарнаиди и А. А. Марушченко в юнотуркменском материале аналогий этой керамике не знают.

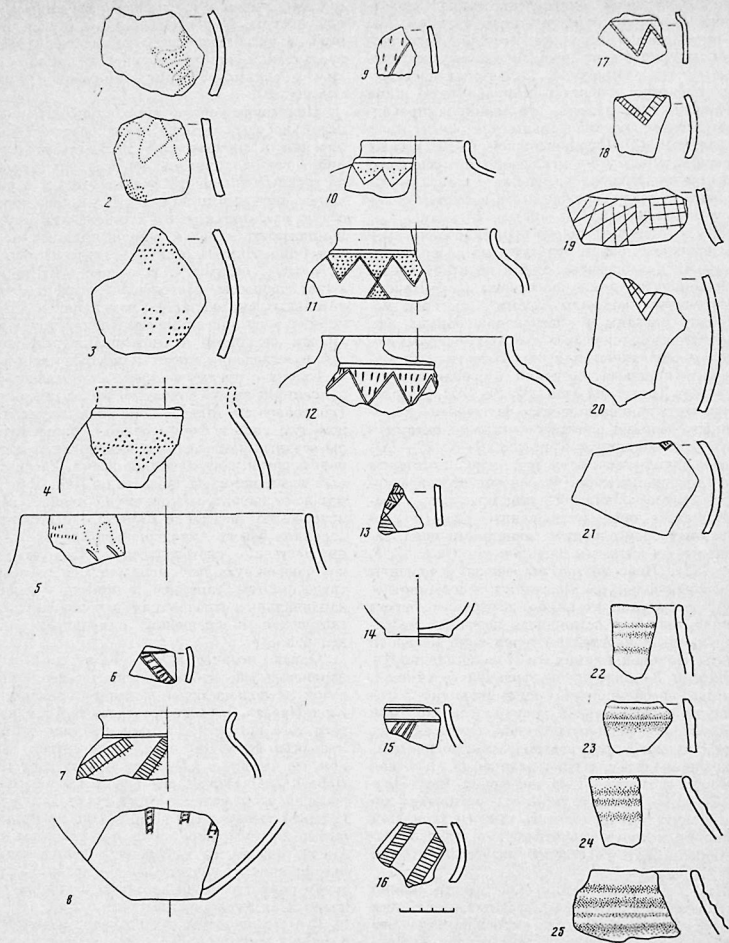


Рис. 82. Поселение Якке-Парсан 2. Керамика тагикенского типа

1, 5, 7, 16, 24 — роспись «В»; 2 — объект 10а; 3, 9 — дом 27; 4, 15, 19, 23 — дом 3; 6 — дом 24; 8, 14 — дом 25; 10 — дом 14; 11, 18 — дом 7; 12 — дом 11; 13—20, 25 — дом 26; 17 — дом 12; 21 — дом 5; 22 — дом 4

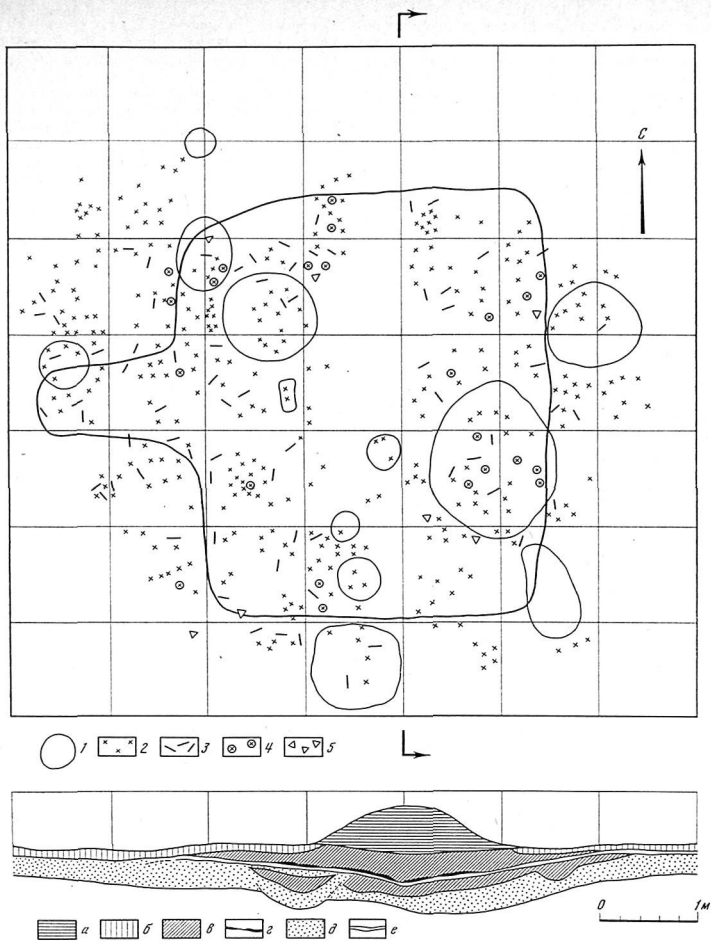


Рис. 83. Поселение Якке-Парсан 14. Дом 1. План и разрез

1 — хозяйственные ямы; 2 — керамика; 3 — кости; 4 — обзака; 5 — камни

а — супесчано-суглинистый останик; б — такыровидный суглинок; в — серая супесь с находками; г — следы горения; д — материковый песок; е — утоптанная поверхность (пол)

окруженными россыпью керамики, очерчивающей в плане прямоугольник или квадрат; 2) горелыми пятнами с керамикой, тоже квадратными или прямоугольными в плане, не выступающими над уровнем современной дневной поверхности. Раскопки показали, что оба типа развалин — это остатки легких наземных каркасных построек (рис. 33), прямоугольных или квадратных в плане (6×5; 4×4 м), поставленных на сером речном песке (серый амударынский аллювий). По этой причине очень трудно было определить истинную поверхность пола, она выявлялась лишь по уровню, на котором лежал культурный слой. Зачистку приходилось вести и ниже этого уровня, так как множество фрагментов керамики было втоптанно в песчаный пол. В домах очагов не обнаружено. Лишь в одном из них есть яма, расположенная в центре и слегка прокаленная. В двух из четырех случаев по периметру стен была обнаружена система столбовых ям, образующих в плане прямоугольник. Хозяйственные ямы были изнутри обмазаны глиной. Среди находок много различных поделок из камня, почти нет предметов из бронзы (к тому же они фрагментарны и невзрачны) и очень много керамики. Вся керамика лепная, из глины с шамотом, встречается примесь в виде толченых раковин. Черепок коричневого цвета вытерт или заглажен. Встречаются фрагменты сосудов с характерным красным цветом поверхности, связанным, возможно, с определенным тепловым режимом при обжиге. Как правило, посуда не украшена. По форме керамика делится на ряд типов.

На поселении распространены горшки типа 1 со слегка изогнутым горлом, выделенными плечами и округлым туловом (рис. 84, 1, 2). Вариант представлен подобными горшками, но с более сплаженным профилем.

Заметно выделяется группа сосудов типа 2, близких по форме предыдущим, но с характерной, очень явно подчеркнутым уступом плеча, образующим как бы ступеньку (рис. 84, 5—7). Один из них имеет рельефный поясок, и можно думать, что уступ — последнее напоминание о бывшем когда-то на этом месте рельефном пояске. Керамика с таким уступом встречается среди гончарной посуды времени Яз 1 в Южной Туркмении и Северном Афганистане, где, кстати, наблюдается и подобное нашему случаю исчезновение рельефного пояска и сохранение на тулове сосуда лишь уступа<sup>69</sup>. Встречен уступ на плечах лощеных мисок в мавзолеях

Северного Тагискена. Такой уступ, но менее четко выраженный, имеют и хозяйственные сосуды на поселении Якке-Парсан 14 (рис. 84, 3, 4).

Обращает на себя внимание группа сосудов типа 3 — банки с коротким, отогнутым наружу горлом и плоским дном (рис. 84, 8—10). Они имеют удлиненные пропорции: при диаметре горла 17 см высота сосуда равна 19 см.

На поселении распространены также кувшины (тип 4) с узким горлом и высокими раздутыми плечами, украшенные рельефным пояском или без него (рис. 84, 11, 12).

Наконец, в каждом доме встречены большие миски, или тазы, с рельефным пояском (тип 5), коричневые или серые, лощеные, совершенно аккесаранского облика (рис. 84, 13, 14).

Найдены фрагмент жаровни, также напоминающей аккесаранские образцы, и обломок стенки крупного сосуда (видимо, хумчи или хума) с бурой сетчатой росписью по светлomu красновато-коричневому фону<sup>70</sup>.

Сосуды типов 4 и 5 имеют прямые аналоги в амрабадских комплексах и сближают с ними материал поселения Якке-Парсан 14. Сосуды типов 2 и 3 совершенно оригинальны и соответствий в материалах Южного Приаралья не имеют. Если ступенчатое плечо сосудов типа 2 рассматривать как признак, хронологически связанный со временем Яз 1, тогда возможная датировка комплекса Якке-Парсан 14 в пределах VII в. до н. э. как будто бы подтверждается. Эта форма, судя по материалам Северного Тагискена, датируется временем не позднее VIII в. до н. э. С другой стороны, сосуды вытянутой формы типа 3 в целом напоминают савроматские горшки из Нижнего Поволжья<sup>71</sup>, а маленький сосудик из дома 3 (рис. 84, 15) является почти репликой горшка из могильника Бережновка 1<sup>72</sup>. И эти аналогии укладываются в пределы VIII—VII и VII—VI вв. до н. э. По-видимому, более позднюю дату, чем амрабадская, подтверждает и почти полное отсутствие орнаментации на сосудах. Однако с учетом сохранения по крайней мере двух амрабадских форм (кувшины и миски с рельефным пояском) и возраста южнотуркменских сосудов со ступенчатым плечом датировка комплекса Якке-Парсан 14 VII в. до н. э. более предпочтительна. Даже при рекогносцировочных раскопках, проведенных на поселении Якке-Парсан 14, найдены шесть особей мелкого рогатого скота, три особи крупного рогатого скота и две

<sup>69</sup> Саринанди В. И. Раскопки Тилля-тепе в Северном Афганистане. — В кн.: Материалы к археологической карте Северного Афганистана, 1. М., 1972, рис. 7.

<sup>70</sup> По мнению В. И. Саринанди, роспись такого рода встречается в мургабских комплексах типа Яз 1.

<sup>71</sup> Смирнов К. Ф., Петренко В. Г. Савроматы Поволжья и Южного Приаралья. — САИ, вып. Д1-9, 1963, табл. 7.

<sup>72</sup> Там же, табл. 6, 19.

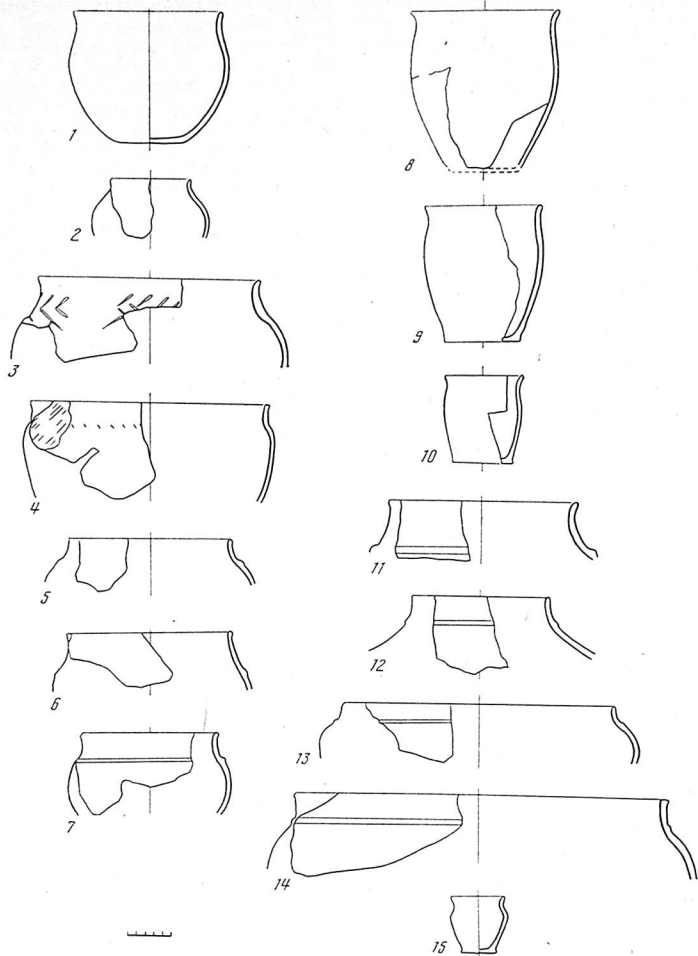


Рис. 84. Поселение Якке-Парсан 14. Керамика

1, 2, 5-8, 13 — дом 1; 3, 4, 9-12, 14 — дом 16; 15 — дом 3

особи лошади<sup>73</sup>. По имеющимся данным, вода в Акчадарьинских руслах в то время уже псыкала (кстати, расположение поселения прямо на берегу — еще одно доказательство в пользу этого), что затрудняло развитие ирригационного земледелия. Это, конечно, не исключало занятия жителей этого поселка земледелием, основанным на паводковых разливах или весенних водах.

Таким образом, топография поселка и типология жилищ свидетельствуют в пользу того, что перед нами поселок скотоводов. Это тем более вероятно, что поселок расположен неподалеку от склонов гор Султануиздаг и коренных песчаных гряд, — вероятных мест выпаса скота. Таким образом, нам представляется, что

материальная культура жителей поселения Якке-Парсан 14 — результат развития той группы ампрабадского населения, основным направлением хозяйства которых стало скотоводство. По-видимому, эта культура должна быть близка раннесакской и савроматской.

Развитие ампрабадской земледельческой культуры населения оазиса пошло, очевидно, по иному пути и нашло свое позднее выражение в культуре раннеантичного населения низовий Амударьи. Однако это два, так сказать, наиболее прямолнейных пути развития. Фактически же формирование раннеантичной культуры Южного Приаралья представляло собой гораздо более сложный процесс, весомыми компонентами которого были и тесные контакты, и взаимовлияния культур оазиса и степи, и постоянные контакты с передовыми южными земледельческими цивилизациями.

---

<sup>73</sup> Определения В. И. Цалкина.

## ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ И СКОТОВОДЫ НИЗОВИЙ АМУДАРЬИ

Фактический материал, которым мы располагаем, с несомненностью свидетельствует о том, что в середине II тысячелетия до н. э. переход населения Южного Приаралья к производящему хозяйству не только совершился, но имел уже достаточно длительную предысторию. Перед нами неизбежно встает вопрос о времени начала этого процесса, о времени становления производящего хозяйства в исследуемом регионе. Приходится заранее признать, что по имеющимся у нас данным мы можем ответить на него лишь предположительно.

Находки домашних форм крупного и мелкого рогатого скота на позднеолитических стоянках Северо-Восточного Приаралья, отнесенных в свое время к позднему этапу кельтеминарской культуры<sup>1</sup>, заставили В. М. Массона предположить, что «соответствующий процесс домостроения начался по крайней мере в раннем кельтеминаре, знаменуя начало неолитической революции в области, где позднее наблюдается расцвет скотоводческо-земледельческих культур степной бронзы»<sup>2</sup>. То, что тезис о поздnekельтеминарской принадлежности этих стоянок не представляется на основе новых материалов бесспорным<sup>3</sup>, не отражается на общем выводе, так как в целом направление хозяйства в степных районах Евразии рисуется именно таким образом. Позднеолитический материал стоянок Северо-Восточного Приаралья (вторая половина III тысячелетия до н. э.) может свидетельствовать о переходе оставшего их населения к производящей экономике и в более раннее время. Здесь во всяком случае следует

иметь в виду, что переход к производящей экономике с преимущественным значением скотоводства документирован для древнейших племен Волжско-Уральского региона уже в III тысячелетии до н. э., а восточная граница этого региона отодвинулась исследованиями последних лет вплоть до Южного Приуралья, что значительно приблизило территорию расселения древнейших племен к территории расселения охотников и рыболовов Западного Казахстана<sup>4</sup>.

Если же говорить о собственно кельтеминарской культуре, то нижний слой стоянки Джанбас 4 относится к ранней группе кельтеминарских памятников, ареал которых очерчен по А. В. Виноградову территорией Акчадаринской дельты Амударьи, и датируется эти памятники второй половиной IV тысячелетия до н. э.<sup>5</sup> Однако на стоянке Джанбас 4 найдены наконечники стрел кельтеминарского типа, а по заключению самого А. В. Виноградова «наконечники кельтеминарского типа появляются в Средней Азии только в развитом неолите»<sup>6</sup>. Таким образом, известным нам кельтеминарским памятникам теоретически могли предшествовать еще более ранние. Если В. М. Массон, говоря о раннем кельтеминаре, имел в виду именно их, то тогда переход к производящему хозяйству в Южном Приаралье должен был произойти в конце V — начале IV тысячелетия до н. э. А между тем для второй половины IV тысячелетия до н. э., т. е. для ранnekельтеминарских памятников, в свете наших ны-

<sup>4</sup> Мерперт Н. Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М., 1974, с. 138 и сл.

<sup>5</sup> Виноградов А. В. Неолитические памятники Хорезма, с. 143, 152, 157.

<sup>6</sup> Виноградов А. В., Кузьмина Е. Е., Смирин В. М. Новые первобытные памятники в Северо-Восточном Приаралье. — Сб.: Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973, с. 93.

<sup>1</sup> Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948, с. 77.

<sup>2</sup> Массон В. М. Поселение Джейтун.— МИА, № 180, 1971, с. 122.

<sup>3</sup> Виноградов А. В. Неолитические памятники Хорезма.— МХЭ, 8, 1968, с. 155—157.



нешних знаний (стоянки Джанбас 4 и др.) у нас нет решительных никаких доказательств, что охота и рыболовство как основные направления хозяйства отходят на второй план. Культурный слой всех этих стоянок буквально забит костями рыб, а в остеологическом материале стоянки Джанбас 4 обнаружены кости кабана, оленя и водоплавающей птицы.

На материалах южнотуркменского неолита, джейтунских в первую очередь, В. М. Массон сделал вывод, что переход к производящим формам хозяйства произошел там, в мезолите, в VII тысячелетии до н. э.<sup>7</sup> Именно в зоне контакта южных и северных неолитических культур, на протоке Пра-Зеравшана, обнаружены ранненеолитическая стоянка Учати 131, в культурном слое которой встречены кости крупного быка, но дикого. Дата стоянки — VI—V тысячелетия до н. э.<sup>8</sup>, т. е. время, когда на Юге существует уже оседлое сельскохозяйственно-скотоводческое хозяйство.

Исследованиями последних лет установлено, что на территории Внутренних Кызылкумов группы племен, входившие в кельтеминарскую этнокультурную общность, но представленные отнюдь не идентичными по облику культурами, населяли дельтовые районы Зеравшана, районы бессточных впадин (Аякагитма, Лявлякан, Минбулак)<sup>9</sup> и т. д. По-видимому, существовали постоянные контакты между этими группами племен и населением южных сельскохозяйственных районов. Однако стоянки эпохи неолита в районе Тузкана (низовья Зеравшана) и в частности стоянка Дарбазакыр 1, датированная концом IV — началом III тысячелетия до н. э., содержали в культурном слое помимо многочисленных костей рыб только кости диких животных: джейрана, дикой лошади, дикой свиньи, оленя, косули, дикой птицы<sup>10</sup>.

Стоянки эпохи энеолита в этом же районе демонстрируют уже зачатки земледельческого хозяйства (находки вкладышей серпов и зерночерок)<sup>11</sup>. Дата этих памятников — последняя четверть III — самое начало II тысячелетия до н. э.<sup>12</sup>

Ощутимые контакты Севера с Югом, но на более высокой ступени исторического развития, демонстрирующей уже происшедший, несомненно под влиянием южных земледельческих культур, переход к земледельческо-скотоводческому направлению в хозяйстве населения дельты Зеравшана, проявляются в культуре Заман-баба (конец III — начало II тысячелетия до н. э.). Мы уже упоминали о первых шагах ирригационного земледелия в этом районе. Сейчас добавим, что на поселении Заман-баба были обнаружены наряду с костями джейрана, бухарского оленя, кабана, лисицы и кулана<sup>13</sup> кости крупного рогатого скота (преобладают), козы и овцы<sup>14</sup>.

Если считать древних заманбабинцев возможными посредниками между населением южных областей и жителями Южного Приаралья, способствовавшими переходу недавних охотников и рыболовов к производящему хозяйству, то тогда следует иметь в виду возможность проникновения земледельческого хозяйства в низовьях Зеравшана в конце III тысячелетия до н. э.

В. М. Массон предложил три модели перехода от присваивающего к производящему хозяйству, первая из которых «характеризуется сложением земледельческо-скотоводческого хозяйства на базе высокоразвитой экономики охотников-собирателей. Представлена двумя основными вариантами — преимущественно земледельческим и преимущественно скотоводческим»<sup>15</sup>. Именно по этой первой модели протекал процесс неолитической революции в Средней Азии. В. М. Массон, в целом поддерживая точку зрения Г. Ф. Коробковой, что в неолите Средней Азии как раз и можно проследить указанные два варианта перехода к производящему хозяйству — через земледелие и скотоводство (Джейтун) и через скотоводство (Кельтеминар), все же делает оговорку, что «конкретная картина экономической истории, возможно, окажется еще более сложной»<sup>16</sup>. С этим нельзя не согласиться, и, по-видимому, история перехода к производящему хозяйству неолитического населения Южного Приаралья — тому пример. Сейчас мы не можем уже рассматривать всю северную пустынную зону Средней Азии как единую, развивающуюся по единому пути даже в эпоху неолита, не говоря уже о более позднем времени. Такой важный фактор, как географические условия,

<sup>7</sup> Массон В. М. Поселение Джейтун, с. 122.

<sup>8</sup> Виноградов А. В., Мамедов Э. Д. Исследования в Юго-Западных Кызылкумах. — АО 1969 г. М., 1970, с. 401.

<sup>9</sup> Виноградов А. В. О локальных вариантах неолитической культуры Кызылкумов. — КСИА, 122, 1970, с. 31 и сл.

<sup>10</sup> Гулямов Я. Г., Исламов У., Аскарлов А. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зеравшана. Ташкент, 1966, с. 87.

<sup>11</sup> Аскарлов А. Археологические материалы по истории земледелия в Узбекистане. — Сб.: Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана. М., 1975, с. 95, 96.

<sup>12</sup> Гулямов Я. Г., Исламов У., Аскарлов А. Первобытная культура..., с. 168.

<sup>13</sup> Верещанин П. К., Батыров Б. Фрагменты истории териофауны Средней Азии. — БМОИП, отл. биодиг. т. 72, вып. 4, 1967, с. 109.

<sup>14</sup> Гулямов Я. Г., Исламов У., Аскарлов А. Первобытная культура..., с. 172.

<sup>15</sup> Массон В. М. Поселение Джейтун, с. 111.

<sup>16</sup> Там же, с. 121, 122.

игравший в эпоху первобытности огромную роль, существенно влиял на экономику неолитических племен разных областей этого огромного региона.

Прежде всего обращают на себя внимание дельтовые области двух крупнейших рек Средней Азии — Амударьи и Сырдарьи.

В системе Амударьи сначала это заболоченная Южная Акчадарьинская дельта и действующая Присарыкамьшская, причем Акчадарьинская время от времени подпитывается излишком амударьинских вод, обнаружившихся во время сильных паводков. На внутридельтовом пространстве жизнь невозможна, охотники и рыболовы селятся на коренном берегу. Так продолжается до конца III тысячелетия до н. э. Топография позднелинитических стоянок Южной дельты вновь свидетельствует о ее сильной обводненности (стоянки, как правило, обнаружены на высоких отметках). Прорыв вод Амударьи в Арал по Акчадарье на рубеже III—II или в начале II тысячелетия до н. э. превращает всю Акчадарью в действующую, сильно обводненную магистраль, а Присарыкамьшская дельта начинает затухать. На внутридельтовом пространстве Присарыкамьшской дельты до начала I тысячелетия до н. э. никаких стоянок не обнаружено, можно полагать, что во II тысячелетии до н. э. в Присарыкамьшскую дельту идет незначительный сброс излишков воды.

Что же касается Акчадарьи, то ее сильная обводненность в начале II тысячелетия до н. э. могла служить препятствием для ведения там в это время комплексного земледельческо-скотоводческого или скотоводческо-земледельческо-хозяйства. Очень возможно, что по той же причине на территории древней дельты Зеравшана в эпоху неолита фиксируется лишь охотничье-рыболовческое хозяйство.

Вне пределов сильно обводненных древних дельт, по берегам озер или вдоль отмирающих протоков селились люди, принадлежавшие, видимо, к той же этнокультурной общности, но при более благоприятных географических и климатических условиях, возможно, уже занимавшиеся разведением домашнего скота и примитивным земледелием. По-видимому, все же произошло это не ранее второй половины III тысячелетия до н. э. Освоение потомками древних кельтеминарцев, уже перешедших к производящему хозяйству, внутридельтового пространства Акчадарьи могло начаться, по-видимому, не раньше второй четверти II тысячелетия до н. э., но это заключение носит чисто умозрительный характер, так как фактические свидетельства этого процесса датируются временем не ранее середины II тысячелетия до н. э.

Бесспорные (зафиксированные археологически) культурные влияния южных областей

Средней Азии с их рано сложившимися производящим типом хозяйства на северные степные районы этого региона с присваивающей экономикой не могли не оказать воздействия на переход местного неолитического населения к рыболовам, охотникам и собирателям к производящим формам хозяйства. Однако переход этот не мог бы совершиться, если бы он не был подготовлен процессом развития производительных сил внутри общества охотников и рыболовов, достигшим в конце III тысячелетия до н. э. того уровня, который и привел к скачку и переходу к качественно новому типу экономики. В этой связи нам трудно согласиться с концепцией И. Н. Хлопина, который отводит населению южных земледельческих районов ведущую роль в формировании не только производящего хозяйства в степных районах Средней Азии, но и культуры степной бронзы, включая андроновскую<sup>17</sup>. Стройность этой концепции нарушает прежде всего наличие волжско-уральской зоны распространения древнейшей производящей экономики, что, несомненно, сказалось на формировании производящего хозяйства андроновского населения Западного Казахстана и Урала, генезис культуры которого Е. Е. Кузьмина, возражая И. Н. Хлопину, связывает с неолитическими культурами Казахстана и Урала<sup>18</sup>. В свою очередь, влияние андроновской и срубной культур проявилось в некоторых чертах хозяйства и культуры тазабгайского населения Южного Приаралья. Так что в обоих случаях культурные тенденции и влияния, пусть вторичные, распространялись не только с юга на север, как считает И. Н. Хлопин.

Нет и «однотипных культур степной бронзы» (по И. Н. Хлопину), так как намечающаяся уже в позднем неолите культурная дифференциация их будущих ареалов и разные направления культурных связей, вкупе с различием географических условий на этой огромной территории, привели к разным направлениям в хозяйстве (преимущественно земледельческом или преимущественно скотоводческом) культур степной бронзы, причем дифференциация эта, по-видимому, может наблюдаться и на примере развития хозяйства у населения отдельных районов распространения одной культуры.

<sup>17</sup> Хлопин И. Н. Возникновение скотоводства и общественное разделение труда в первобытном обществе.— Сб.: Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970; *он же*. Проблема происхождения культуры степной бронзы.— КСИА, 122, 1970; *он же*. Индирицы: земледельцы или скотоводы?— ВП, 1970, № 10.

<sup>18</sup> Кузьмина Е. Е. К вопросу о формировании культуры Северной Бактрии.— ВДИ, 1972, № 1, с. 142, примеч. 85.

Контакты населения Южного Приаралья с населением южных земледельческих областей Средней Азии фиксируются с эпохи неолита на протяжении тысячелетий. Они могли выражаться и выражались в виде не только культурных влияний, но и, вероятно, спорадических инфильтраций отдельных человеческих групп в дельтовые области Амударьи. Но Южное Приаралье, несомненно будучи связующим звеном между южными цивилизациями и северным степным миром, испытывало и ощутимые северные и северо-западные влияния, которые начали проявляться тоже с эпохи неолита, но позднего, и выразились в эпоху бронзы в прямых переселениях целых групп населения в эти более южные, хорошо обводненные районы, дающие возможность успешно вести и земледельческое, и скотоводческое хозяйство.

Таким образом, по-видимому, подлинный ход исторического процесса был гораздо сложнее, а главное, многообразнее, чем нам иногда представляется.

Итак, в Южной Акчадарьинской дельте с середины II тысячелетия до н. э., а может быть, и несколько раньше, создаются благоприятные условия для развития ирригационного земледелия. Во всяком случае с середины II тысячелетия до н. э. они фиксируются уже документально. Развитию здесь земледелия способствует не только процесс дренирования Южной дельты, но и особо благоприятный микроклимат этого района, где горы Сутануиздаг являются как бы заслоном от северных ветров. В Северной дельте таких благоприятных условий не было. Она была, видимо, достаточно обводнена, к тому же и климат там более суровый. Никаких следов ирригационного земледелия раньше IV в. н. э. мы там не знаем, и оно уже связано не с Акчадарьей, а с Жанадарьей (Сырдарьей).

По-видимому, именно Южная Акчадарьинская дельта явилась древнейшим очагом развития ирригационного земледелия в Южном Приаралье, и первым известными нам сейчас древними земледельцами и скотоводами были тазабагыбские племена.

Принадлежность тазабагыбской культуры наряду со срубной и андроновской к кругу культур стеной бронзы заставила многих исследователей расценивать хозяйство ее носителей, так же как срубников и андроновцев, как скотоводческо-земледельческое. Однако С. П. Толстов еще в начале своих исследований подчеркивал земледельческое направление в хозяйстве тазабагыбцев<sup>19</sup>. Тезис о появлении ирригационного земледелия в Хорезме в

бронзовом веке развивал и Я. Г. Гулямов<sup>20</sup>.

Открытие остатков полей близ могильника Кочка 3<sup>21</sup> и открытие Б. В. Андриановым в 1964 г. целого заповедника тазабагыбских поселений в районе Кочка — Джанбас с развитой системой арыков и полей<sup>22</sup> документально подтвердили ранее высказанные предположения.

Поля близ могильника Кочка 3 единодушно интерпретировались как остатки примитивных систем, представляющих собой небольшие обвалованные участки, расположенные в непосредственной близости от русла и орошаемые водами паводковых разливов<sup>23</sup>.

Исследование ирригационных систем на поселении Кочка 15 дало нам возможность проследить историю их создания по этапам. Первоначально, когда в русле (ширина его 13—15 м) было много воды, системы небольших арыков отходили под острым углом от основных, идущих под прямым углом к руслу и берущих воду непосредственно из него. Позднее, когда воды в русле не стало, параллельно ему, по правому и левому берегам были прорыты каналы, точно повторяющие все его изгибы (рис. 4; 25). Шурфовка и нивелирование такого арыка на правом берегу показали, что он нес воду в северо-восточном направлении из русла, расположенного к юго-западу от поселения, причем перепад в отметках на протяжении 1 км равен 0,76 м. От этого основного арыка под прямым или острым углом отходит система арыков со множеством ответвлений, между которыми расположены квадраты полей. Сохранившаяся длина этих арыков достигает 150—200 м. Прямоугольные поля имеют разную площадь: 16×10; 10×10; 7×7 м и т. д. Арыки с ответвлениями, каждый из которых образовывал как бы небольшую систему, соединялись между собой. В это время, надо полагать, русло еще не было полностью заполнено осадками и имело отрицательные отметки. На русле против дома 2 была заложена траншея шириной 1 м, длиной 46 м, на протяжении 16—20 м, доведенная до глубины 2,7 м. Она прорезала также

<sup>20</sup> Гулямов Я. Г. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1957, с. 59 сл.

<sup>21</sup> Толстов С. П., Андрианов Б. В. Новые материалы по истории развития ирригации Хорезма. — КСИЗ, XXVI, 1957, с. 7.

<sup>22</sup> Андрианов Б. В. Древние оросительные системы Приаралья. М., 1969, с. 106—109; Итти М. А. Древне-хорезмийские земледелия. — Сб.: История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968, с. 75—86.

<sup>23</sup> Толстов С. П., Андрианов Б. В. Новые материалы по истории развития ирригации Хорезма, с. 5. 6; Латышев Б. А. Вопросы истории ирригации и орошаемого земледелия древней Ферганы. Обобщающий доклад по работам, представленным как диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Л., 1962, с. 25.

<sup>19</sup> Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948, с. 67, 68.

упомянутые арыки на правом и левом берегах русла, идущие параллельно последнему. Характер отложений, заполнивших русло, содержащих то лиазы серой слоистой сусеи, то плотный коричневатый суглинок, свидетельствуют о постоянно меняющемся темпе его водного режима. Это то быстро текущие воды, то угасающий проток. В конце концов наступило время, когда русло сплошь заполнилось отложениями, снискавшими с уровнем окружающей поверхности, а арыки, идущие в направлении юг — север, его пересекли. Видимо, это уже последний период существования ирригационных систем эпохи бронзы, так как большинство из них имели голубоватый цвет, характерный для болотных отложений.

Сходную картину можно наблюдать на поселении Кочка 16 (рис. 29). Примерная его площадь 450×500 м. Оно расположено на берегах двух русловых протоков шириной 12—15 м, которые имели меридиональное направление и функционировали, судя по всему, неодновременно. Более восточное из русел существовало, видимо, дольше, так как оно довольно четко прослеживается на местности на протяжении 1,5—2,0 км (к северу и к югу от поселения). Именно на этом русле, к югу от поселения Кочка 16, расположены поселения с домами в точках 1620 и 1621.

В южной части поселения от этого русла отходит арык шириной 2 м, который проходит западнее дома 2. К юго-западу от дома 2, на левом берегу русла, были поля (10×10; 10×6 м). В какой-то момент, как и на поселении Кочка 15, вода в русле совсем или почти иссякла, и вдоль него, по обоим берегам, были проведены арыки. Возможно, что система к западу от дома 2 продолжала функционировать и в этот период, получая воду уже не из русла, а из арыка, идущего параллельно ему. В какой из этих двух периодов существовали арыки и поля вокруг дома 3, сказать трудно. Наконец, явно обжитой участок поселения в районе дома 4 связан с арыком, который пересекает русло, т. е. со временем, когда оно перестало существовать.

Таким образом, на поселении Кочка 16 тоже можно наблюдать по крайней мере три периода в развитии ирригационной системы на его территории, три периода, неразрывно связанных с изменчивостью водного режима дельты. С каким из этих периодов связаны поля в юго-западной и северо-западной частях поселения, определить нелегко. Когда функционировал западный проток, близ которого был обнаружен дом 1, мы не знаем. Вдоль него тоже прослеживается арык, повторяющий его изгибы, к северу от дома 1 видна система арыков и полей. Мы можем лишь предположить, что в пору су-

ществования дома 1 воды в этом русле не было: дом расположен в 4 м от береговой линии, — если бы вода в русле была, высокий уровень грунтовых вод не позволил бы вырыть котлован полудельмины.

Ирригационные системы на поселениях Кочка 15 и 16 далеко ушли от примитивных форм каирного орошения. Для подачи и удержания воды на полях люди научились прорывать каналы и арыки. Арычная сеть, весьма разветвленная, имеет значительную протяженность, причем на определенном этапе она питается водами не русла, а канала, идущего параллельно руслу.

Иными словами, ирригационная сеть как бы повторяет конфигурацию древних дельтовых протоков, что было в свое время отмечено в Южном Приаралье для эпохи античности<sup>24</sup>. Сейчас же можно говорить о том, что этот прием использовался уже в глубокой древности, в эпоху бронзы.

Однако создание столь разветвленной ирригационной сети требовало и определенных навыков. Видимо, прав Б. В. Андрианов, который предполагает, что русловые протоки были в то время обвалованными<sup>25</sup>, так как даже в условиях процесса затухания Акчадарынской дельты без принятия таких мер предосторожности вряд ли дома, стоявшие непосредственно на берегу, в период паводка не подверглись бы затоплению.

По заключению Б. В. Андрианова тазабгьябские ирригаторы были знакомы и с системой конструирования головных сооружений<sup>26</sup>. Значительная протяженность арыков, благодаря которой расширялась орошаемая площадь, — еще одно свидетельство довольно высокого уровня развития ирригационного земледелия.

Процесс затухания дельты и изменчивость ее водного режима были, видимо, причиной того, что основная площадь полей располагалась близ русла, поближе к воде, возможно, еще и с расчетом на более длительное их увлажнение за счет поднятия уровня грунтовых вод во время паводка. Видимо, непостоянство водного режима дельты, затухание одних протоков и наполнение водой других приводили к тому, что не все ирригационные системы этого района функционировали одновременно. Однако вполне вероятно, что забрасывание отдельных полей и перенесение их на новое место были связаны не только с особенностями дельтового режима, но и с происходившим процессом засоления почвы. Эта разновремен-

<sup>24</sup> Толстов С. П. Древний Хорезм, с. 45.

<sup>25</sup> Андрианов Б. В. Древние оросительные системы Приаралья, с. 106—108.

<sup>26</sup> Там же, с. 108.

ность отдельных ирригационных систем создает трудности в определении орошаемой площади при том или ином поселении. Совершенно очевидно, даже если бы у нас не было других доводов, что площадь в 35—40 кв. км, используемая в районе Кокча — Джанбас под ирригационное земледелие, не могла быть освоена одновременно небольшими хозяйственными коллективами того времени. Здесь могла бы прийти на помощь археология, но относительная хронология тазабагыбских поселений этого района, не говоря уже об абсолютной, не бесспорна и требует проверки путем накопления нового материала.

Во всяком случае представляется очевидным, с одной стороны, что орошаемые и возделываемые участки земли находились близ домов и каждый дом или группа домов этот участок возделывали. Это достаточно четко видно на примере поселений Кокча 15 и 16, хорошо читается система арыков и полей близ дома 2 на поселении Джанбас 21 (рис. 43). На поселении Джанбас 33 создается впечатление, что дома 1 и 2 имеют свой «надел» площадью примерно 30×40 м, а дома 3 и 4 — свой, но больший, примерно 60×60 м. Границы этих участков определяются арыками, которые хорошо видны на местности, выделяясь своим более темным цветом (рис. 41).

Но, с другой стороны, и это особенно четко видно на плане поселений Кокча 15 и 15А (рис. 25), оросительная сеть которых питалась водой из одного русла или одного арыка, идущего вдоль русла, эта система могла поддерживаться в порядке только коллективными усилиями всех членов поселка.

С помощью каких орудий рыли и расчищали арыки и возделывали поля земледельцы Южного Приаралья, мы не знаем. По-видимому, это были орудия типа мотыг и наверное они были каменными. Однако не исключено и применение орудий из дерева. Орудие типа мотыги было найдено в 4,2 км к северу от Базаркалы (точка 481) отрядом Б. В. Андрианова. Это каменное орудие типа клиновидного топора, прямоугольное в сечении, еле заметно суживающееся кверху, с тупым верхним краем и приостренным нижним (рис. 85, 9).

Обычный тип легко определяемых каменных мотыг эпохи бронзы — это орудия клиновидной формы с выемками для прикрепления к рукояти в верхней части. Однако типология орудий этого вида знает пример существования каменных и металлических мотыг клиновидной формы без выемок, ведущих свое происхождение от очень древних форм<sup>27</sup>. Примером такой

находки для интересующего нас времени является мотыга с андроновского поселения в Оренбургской области<sup>28</sup>, правда, более выработанной формы, чем наша.

При обработке земли, а возможно, и при рытье каналов использовалась тяговая сила животных. Доказательством могут служить находки глиняных моделей колес со втулкой в домах на поселениях Кокча 15 и 16, в доме на стоянке Байрам-Казган 2. Именно так интерпретируют эти находки большинство исследователей, в частности и для памятников Геоксюрского оазиса (Южная Туркмения), где было развито ирригационное земледелие<sup>29</sup>.

Как ни невероятно, но при столь четко выявленной оросительной сети не встречено ни одной находки зерен тех злаков, которые сеяли древние тазабагыбцы. Мы можем лишь предположить, что это были ячмень и пшеница (если судить по южнотуркменским памятникам) и просо (если судить по археологическим материалам степей Евразии). Во всяком случае условия обводненности Южной Акчадарьинской дельты с ее обильной увлажненностью зимой и весной и летним паводком, сульфитные почвы и уровень развития ирригационной сети могли способствовать и выращиванию этих культур и сбору урожая два раза в год<sup>30</sup> (о возможности привнесения упомянутых злаковых культур в Южное Приаралье мы скажем ниже).

Орудием сбора урожая служили бронзовые слабоизогнутые серпы со слегка выделенной рукоятью, принадлежащие к так называемому андроновскому типу этих орудий и связывающие наш земледельческий ареал с северным евразийским. Единственный известный нам серп тазабагыбской культуры происходит из дома 2 на поселении Кокча 15 и отличается своими небольшими размерами (рис. 67, 6). Возможно, что небольшие размеры серпа связаны с его специальным назначением, т. е. им убирала какую-то определенную культуру или расчищали поле от сорняков. Такое же предположение, говоря о срубных серпах, в коллекции которых имеются более крупные и более мелкие экземпляры, высказывала в свое время и О. А. Крицова-Гракова<sup>31</sup>.

<sup>28</sup> Сальников К. В., Новиченко А. С. Памятники эпохи бронзы в Домбаровском районе Оренбургской области.—СА, № 2, 1962, с. 130, рис. 6, 2.

<sup>29</sup> Очерки истории земледелия и аграрных отношений в Туркменистане. Ашхабад, 1971, глава I (Земледелие и аграрные отношения в Туркменистане в эпоху первобытнообщинного строя), с. 24.

<sup>30</sup> На южнотуркменском материале об этом см.: Лисицкая Г. И. Орошаемое земледелие эпохи неолита на юге Туркмениции. М., 1965, с. 138, 139.

<sup>31</sup> Крицова-Гракова О. А. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы.—МПА, № 46, 1955, с. 63.

<sup>27</sup> Андрианов Б. В. Древние оросительные системы Приаралья, с. 62, рис. 19.

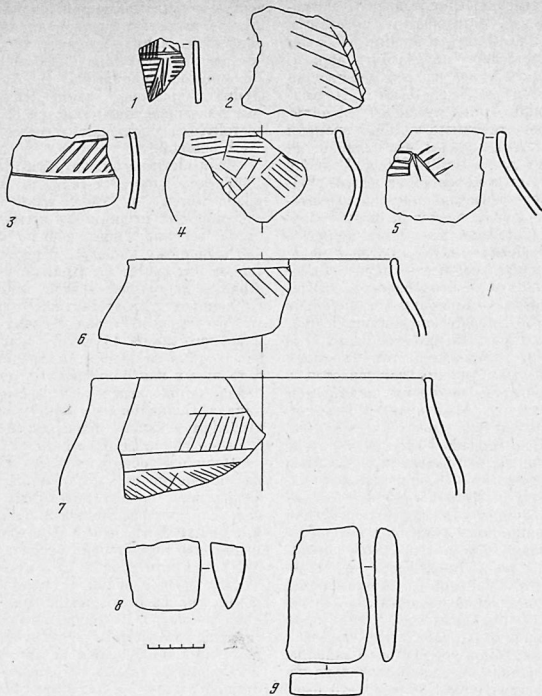


Рис. 85. Земледельческие орудия и земледельческие сюжеты в орнаментике

1—7 — керамика; 8, 9 — каменные орудия

1, 5 — восточный коренной берег дельты; 2 — Кават 3; 3 — Кочча 15, дом 4; 4, 6 — Кочча 15, дом 2; 7 — Кочча 16, дом 1;

8 — Янке-Парсан 2, дом 26; 9 — район Базар-калы

1, 5, 9 — подъемный материал; остальное — из раскопок

Повсюду в домах были найдены обломки зернотерок, терочки и пестики, а в доме на поселении Кават 3 была обнаружена целая зернотерка овальной формы, слегка вогнутая от употребления. Занятие жителей тазабагъябских поселений земледелием, основанном на искусственном орошении, сомнений не вызывает. Любопытно, что это нашло свое отражение и в некоторых орнаментальных мотивах на тазабагъябской керамике. Мы имеем в виду даже не рисунок, изображающий дерево, на черепке с поселения Кават 3 (рис. 85, 2) — мо-

тив, столь широко распространенный в расписной посуде земледельческого Юга на протяжении тысячелетий, а изображения, напоминающие арыки и поля, встреченные на ряде фрагментов из домов при раскопках тазабагъябских поселений и в подъемном материале (рис. 85, 1, 3—7).

Хозяйство амирабадского населения эпохи поздней бронзы тоже было земледельческим и базировалось на искусственном орошении. Однако оросительные системы того времени сохранились хуже, чем тазабагъябские, так как

более западные участки Южной дельты, на которых расположены амрабадские поселения, были освоены и в античное, и в раннесредневековое время. Отчетливой планировки ирригационной сети и полей не удалось зафиксировать нигде. К северу от Базар-калы Б. В. Андрианов обнаружил магистральные каналы, предположительно относимые к этому времени и достигающие длины до 1 км, что отличает их от тазабаягских длиной 150—200 м. К числу новшеств *относит он и появление в нижней части этих каналов разветвлений-распределителей*<sup>32</sup>. Бесспорно новым шагом на пути совершенствования ирригационных систем является использование боковых мелких протоков дельты в качестве искусственных каналов. Впервые мы наблюдаем это на амрабадском поселении Якке-Парсан 2. В дальнейшем, в античное время, этот прием широко внедряется, и, например, античный Базаркалинский канал следует по одному из высохших к тому времени протоков Акчадары. Разница заключается в том, что в амрабадское время источником воды служила все еще Акчадарья, а в античное — основное русло Амударьи.

Поселение Якке-Парсан 2 (рис. 71) стояло между двумя каналами (бывшими русловыми протоками), имеющими меридиональное направление, ширину 9—10 м и глубину (от уровня современной дневной поверхности) 1—1,2 м. Использование этих каналов в амрабадское время фиксируется по находкам амрабадской керамики на их дне. Судя по разрезам<sup>33</sup>, каждый из каналов функционировал по-разному. Заполняющие западный канал серые супесчаные отложения с суглинчатыми прослоями, по-видимому, свидетельствуют о том, что вода в нем была все время. В заполнении восточного канала отражено несколько периодов его существования. Поначалу это было просто сухое русло, близ которого, как мы уже писали, был выстроен дом 26. Бурный паводок привел к прорыву воды по этому руслу, которая затопила и дом 26, и южную часть площади поселения. Когда вода спала, она долго стояла в русле, превратившись в стоячую и образовав болотце. Создается впечатление, что это русло так и не использовалось в качестве канала, было через какой-то промежуток времени вновь затоплено и в нем вновь отложились суглинки. Впоследствии в этом суглинке был прорыт арык шириной 3 м и глубиной 0,6 м, в который впадал небольшой арычок, пересекающий площадь поселения с запада на

восток и захватывающий площади домов 27 и 26, т. е. вырытый в их заполнении. Это с несомненностью свидетельствует о более позднем, чем время поселения, возрасте этой системы. По предположению Б. В. Андрианова, она функционировала в раннеантичное время, так как восточный арык тянется дальше к северо-востоку, где подходит к остаткам поселения этого времени.

Если картина жизни двух протоков-каналов обрисована нами верно, то тогда придется предположить, что где-то южнее, т. е. выше по течению, они соединялись и там находилась система, регулирующая сток по одному из них (по западному каналу). В период сильных паводков эта система выходила, по-видимому, из строя, и восточный проток также затоплялся. Косвенным доказательством отсутствия по нему регулярного стока служит расположение близ него домов 14 и 25, обращенных к тому же входам не к нему, а традиционно к югу, в то время как большинство домов поселения обращено входами к воде, в сторону западного канала. Спокойное, регулируемое течение воды в западном канале подчеркивают дома 2 и 3—5, расположенные близ него.

Поля нам обнаружить не удалось: восточные поселения они могли не сохраниться, а к западу идет полоса навейных песков вплоть до русла (на расстоянии 1,5 км), под которыми, может быть, что-то и сохранилось. Несомненно, что поля теперь располагались не вокруг домов или группы двух-трех домов, как в тазабаягское время, а где-то в стороне от компактно расположенных домов поселка. Однако несмотря на скудость фактического материала сомневаться в занятии амрабадского населения земледелием не приходится.

Вспомним находки бронзовых серпов на стоянке Базар 1 и литейную форму для отливки серпа из дома 3 на поселении Якке-Парсан 2, повсеместные находки обломков зернотерок в домах на том же поселении и, наконец, находку обломка каменной мотыги (?) в доме 26 (рис. 85, 8).

Было ли орошаемое земледелие заимствовано из южных областей или развивалось в низовьях Амударьи самостоятельно? На этот сложный вопрос однозначно ответить невозможно. Прежде всего, самый факт освоения древними земледельцами дельтовых аллювиальных равнин — это, если говорить об истории развития орошаемого земледелия в целом, как известно, отнюдь не первый шаг в этом процессе<sup>34</sup>.

<sup>32</sup> Андрианов Б. В. Древние оросительные системы Приаралья, с. 110—113.

<sup>33</sup> Игнina М. А. Поселение Якке-Парсан 2 (раскопки 1958—1959 гг.).— МХЗ, 6, 1963, с. 114, рис. 2.

<sup>34</sup> Букинич Д. Д. История первобытного орошаемого земледелия в Закаспийской области в связи с вопросом о происхождении земледелия и скотоводства.— Хлопковое дело (Ашхабад), 1924, № 3-4.

Пока древнейшими (начало III тысячелетия до н. э.) в Средней Азии оросительными системами являются арки и каналы в дельте Теджена (Геокюрский оазис). Это небольшие каналы, забравшие воду непосредственно из русла, из которого они, как и на Ближнем Востоке, вывелись под прямым и под острым углом<sup>35</sup>. Любопытно, что поля располагались и в хвостовой, и в головной части канала, а поселение — в стороне от него и от полей<sup>36</sup>.

Г. Н. Лисицына и В. И. Сарнианиди считают, что принцип построения тазабагыябских систем напоминает геокюрскую оросительную сеть эпохи неолита<sup>37</sup>. Возможно, это и так, но только если речь идет о первом этапе развития тазабагыябских систем на поселениях Коча 15 и 16, т. е. о том периоде, когда каналы вывелись непосредственно из русла. По-видимому, тогда и дома стояли несколько дальше от русла, чем в тот период, когда источником водоснабжения служил канал, идущий параллельно руслу.

Предложенная Г. Н. Лисицыной и В. И. Сарнианиди интерпретация системы расселения геокюрских земледельцев в начале III тысячелетия до н. э., формы их семейной организации и землепользования напоминают предложенную нами для тазабагыябских племен. Небольшой поселок населяли три-четыре больших семей. Земля была собственностью поселка (или рода), но каждая большая семья могла иметь свой надел. Поддержание ирригационных систем требовало применения коллективного труда<sup>38</sup>. Вероятное сходство систем орошения и землепользования в ареалах, столь далеко удаленных друг от друга и территориально, и по времени, объясняется, с одной стороны, особенностями дельтового орошаемого земледелия обеих областей, с другой — неравномерностью исторического развития южного и северного регионов Средней Азии, подчиняющегося, однако, общим закономерностям направления исторического процесса.

Для нашей темы большой интерес представляет также исследование экспедиции Я. Г. Гулямова в низовьях Зеравшана, и территориально, и особенно по своим палеогеографическим условиям близких низовьям Амударьи. Как известно, обнаруженная в низовьях

Зеравшана заманбабинская культура испытала на себе сильное влияние земледельческого Юга. Исследователи заманбабинской культуры полагают, что основой для развития земледелия у древних заманбабинцев служило примитивное каирное орошение, связанное с довольно значительной обводненностью дельты Зеравшана в то время, и что умение возделывать культурные злаки (ячмень и пшеницу) заманбабинцы получили с Юга<sup>39</sup>. Никаких более подробных сведений о формах раннего земледелия в низовьях Зеравшана мы не имеем. Я. Г. Гулямов лишь пишет, что «обширный район, засыпанный бесконечными барханами (пески Каптарникум,— М. И.), сплошь покрыт следами земледелия так называемых заманбабинцев (оседлых земледельцев бронзового века)»<sup>40</sup>. О возможности существования у заманбабинцев естественного орошения каирного типа писал в свое время и В. А. Шишкин<sup>41</sup>, базирываясь, видимо, на данных экспедиции Я. Г. Гулямова.

Таким образом, по имеющимся у нас скудным данным примитивные формы орошаемого земледелия фиксируются в низовьях Зеравшана не позднее начала II тысячелетия до н. э., в дальнейшем они, видимо, совершенствовались<sup>42</sup>. А. Аскаров, подробно исследовавший памятники середины — второй половины II тысячелетия до н. э. в низовьях Зеравшана, пишет о мотыжном земледелии у оставшихся их племен (последних он считает андроновскими), но устанавливает это по находке бронзовых серпов, зернотерок, мотыгообразных орудий, зерен пшеницы и проса<sup>43</sup>. Он полагает, что земледелие было таким же, как у андроновских племен, и что зеравшанские племена, так же как и андроновские, были в первую очередь скотоводами<sup>44</sup>. Думается, что совпадение

<sup>39</sup> Аскаров А. Культура Заманбаба в низовьях Зеравшана.— Общественные науки в Узбекистане, 1962, № 11, с. 59; Гулямов Я. Г., Исламов У., Аскаров А. Первообытная культура..., с. 16, 17, 173, 174.

<sup>40</sup> Гулямов Я. Г. Исследование исторической гидрографии низовьев Кашкадарьи и Зеравшана.— ИМКУ, 6, 1965, с. 19, 20.

<sup>41</sup> Шишкин В. А. Узбекская археологическая экспедиция АН УзССР (полевые работы 1956—1959 гг.).— ИМКУ, 2, 1961, с. 27; *оп. же.*, Узбекская археологическая экспедиция 1961 г.— ИМКУ, 4, 1963, с. 8.

<sup>42</sup> О возникновении примитивной оросительной сети на Гурдуше в конце II тысячелетия до н. э., о главенствующем положении земледельческого хозяйства в то время Я. Г. Гулямов писал еще в своей первой публикации, посвященной низовьям Зеравшана (см.: Гулямов Я. Г. Археологические работы к западу от Бухарского оазиса.— Труды Института истории и археологии АН Узбекской ССР, VIII, 1956, с. 157).

<sup>43</sup> Гулямов Я. Г., Исламов У., Аскаров А. Первообытная культура..., с. 220, 221.

<sup>44</sup> Там же, с. 221.

<sup>35</sup> Лисицына Г. Н. Орошаемое земледелие эпохи неолита..., с. 114, 115, 127.

<sup>36</sup> Лисицына Г. Н. Орошаемое земледелие неолитических племен Юго-Восточной Туркмении.— Сб.: Земли древнего орошения. М., 1969, с. 117, рис. 2.

<sup>37</sup> Очерки истории земледелия..., с. 24.

<sup>38</sup> Очерки истории земледелия..., с. 26—29. Заключение тех же авторов, что, поскольку орудием труда служила палка-копалка, земледелием занимались женщины (Там же, с. 29), требует дополнительных доказательств.



физико-географических и гидрографических факторов, наблюдаемое при изучении древних дельтовых районов Зеравшана и Амударьи, должно было способствовать развитию сходных типов хозяйства, причем возможно, что культурные знаки попали в низовья Амударьи и при посредничестве древних заманбабинцев. Развитие здесь примитивных форм орошаемого земледелия бесспорно могло стимулироваться культурными связями с Югом, а может быть, и прямой инфильтрацией отдельных групп населения.

Сейчас, после открытия древнеземледельческого очага первой половины II тысячелетия до н. э. в Северной Бактрии (Южный Узбекистан)<sup>45</sup>, ареал протогородских цивилизаций охватил значительную часть южных областей Средней Азии. Таким образом, следует иметь в виду, что сильное влияние более передовых южных цивилизаций на северную первобытную периферию в эпоху бронзы должно быть достаточно ощутимым.

В середине — второй половине II тысячелетия до н. э. идет процесс постепенного усыхания Южной Акчадарьинской дельты, что заставляет человека, приспосабливаясь к новым условиям, совершенствовать технику искусственного орошения, но уже на базе имеющегося опыта. Тот же процесс усыхания низовий Зеравшана в бронзовом веке и прекращение стока в Амударью отмечает и Я. Г. Гулямов<sup>46</sup>. Это обстоятельство вкупе с другими фактами заставляет нас думать, что возможность существования там достаточно развитых ирригационных систем, подобных открытым в Хорезме, весьма вероятна. Аналогичные процессы, только более чем на тысячу лет раньше, происходили и в дельте Теджена, где древнейшие оросительные сооружения, в частности системы арыков, были созданы, когда начался процесс отмирания восточной части дельты в связи с ее общим перемещением к западу и северозападу<sup>47</sup>.

Примерно тысячелетнее отставание в уровне хозяйства и культуры населения Южного Приаралья в первой половине II тысячелетия до н. э. по сравнению с уровнем хозяйства и культуры южнотуркменских земледельцев — явление закономерное, основанное на разных путях исторического развития этих двух резко отличающихся друг от друга культурно-исторических областей. Однако такая неравномер-

ность исторического развития при условии контактов между этими двумя областями неизбежно должна была с течением времени в какой-то степени сгладиваться, что не могло не привести к переменам в хозяйстве и культуре северных областей. Этому процессу способствовал дальнейший рост производящего хозяйства на Юге, увеличение роли обмена, развивающаяся металлургия меди и бронзы. По-видимому, именно с этими обстоятельствами был связан резкий качественный скачок, который мы наблюдаем при анализе табагтабских оросительных систем второй половины II тысячелетия до н. э. Ирригационная сеть второго этапа на поселениях Кочка 15 и 16, когда система арыков, образующих как бы маленькую дельту, «подвешена» к каналам, проведенным по береговому валу русел, более всего напоминает систему орошения в долине Атрека, датируемую началом I тысячелетия до н. э., правда, уступая ей в размерах. Древние земледельцы Мешед-Мисрянской равнины проводили магистральные каналы по гребню прируслового вала, а от них уже отходили боковые каналы-оросители<sup>48</sup>. Таким образом, мы видим, что принцип построения ирригационных систем в Юго-Западной Туркмении тот же, что и в Южном Приаралье. Основан он на том, что «человек еще не противопоставляет себя природе, своей техникой лишь следуя ей, усиливая полезные для него стороны ее деятельности»<sup>49</sup>. Следует заметить, что если в третьей четверти II тысячелетия до н. э. такая система построения ирригационной сети выглядит еще довольно примитивно, то в начале I тысячелетия до н. э. на Мисрянской равнине она уже поражает и размерами, и разветвленностью<sup>50</sup>.

Конфигурация ирригационной сети эпохи античности в низовьях Амударьи тоже повторяет конфигурацию древних дельтовых протоков<sup>51</sup>, причем каналы, выведенные из основного русла Амударьи, часто следуют по старшим к тому времени сухими крупным руслам Акчадарьинской дельты. По-видимому, следует при-

<sup>45</sup> Аскарлов А. Сапаллитена. Ташкент, 1973.

<sup>46</sup> Гулямов Я. Г. Исследование исторической гидрографии..., с. 19.

<sup>47</sup> Лисицына Г. Н. Древние земледельцы в долине Теджена.— Природа, 1963, № 10, с. 100—102. Подробно об этом см.: Лисицына Г. Н. Орошаемое земледелие эпохи неолита..., с. 68, 69, 74.

<sup>48</sup> Массон В. М. Древнее орошение на Мисрянской равнине.— Сб.: Земли древнего орошения. М., 1969, с. 102, 103; Кесъ А. С., Костюченко В. П., Лисицына Г. Н. Источники древнего орошения в Юго-Западном Туркменистане.— Проблемы освоения пустынь (Ашхабад), 1972, № 5, с. 28, 29; они же. Древние орошаемые земли средневекового Дахистана.— Каракумские древности, IV. Ашхабад, 1972, с. 150, 151; Лисицына Г. Н. История орошаемого земледелия в Южной Туркмении (раннеземледельческая эпоха).— Успехи среднеазиатской археологии, 1, 1972, с. 14, 15; она же. Загадка Мисрянской равнины.— Природа, 1973, № 7, с. 40 сл.

<sup>49</sup> Толстов С. П. Древний Хорезм, с. 45.

<sup>50</sup> Массон В. М. Древнее орошение на Мисрянской равнине, с. 97, 98, 103.

<sup>51</sup> Толстов С. П. Древний Хорезм, с. 45.

знать, что закономерности в развитии орошаемого земледелия, намеченные еще Д. Д. Букиничем, находят все новые и новые подтверждения по мере накопления фактов. Заселение древних дельтовых аллювиальных равнин аридной зоны, обладающих очень благоприятными почвенными условиями и сходной динамикой функционирования русловых протоков, но неодинаковыми климатическими условиями, могло привести к более раннему или более позднему развитию в каждом данном случае орошаемого земледелия. Но при этом вовсе не обязательно непремное заимствование ирригационных навыков у населения более развитых областей. Если даже зерна пшеницы и ячменя древнее население Южного Приуралья получило извне, то все же развитие форм орошаемого земледелия в низовьях Амударьи пло по линии накопления опыта в данных конкретных условиях, и этот процесс не может быть объяснен только южными заимствованиями.

Рассмотрим эту проблему с другой стороны. Все исследователи единодушно характеризуют земледелие андроновских и срубных племен как полейное, мотыжное, и подчеркивают, что именно такое его направление способствовало развитию у них комплексного хозяйства, где пастушеское скотоводство легко могло развиваться, так как полейные луга были идеальным местом для выпаса скота.

Роль земледелия в хозяйстве срубных племен общезвестна. Находки костей свиньи на поселениях середины II тысячелетия до н. э. безусловно подчеркивают оседлоземельческий характер хозяйства наряду со скотоводческим<sup>52</sup>. Веским аргументом в пользу достаточно высокого уровня сельскохозяйственного хозяйства у срубных племен служит выработанная форма применявшихся ими бронзовых серпов, что заставляет думать о том, что происхождение срубного земледелия в Поволжье уходит своими корнями в более раннее время<sup>53</sup>. Эту мысль О. А. Кривоной-Граковой поддержал Н. Я. Мерперт, указав на несомненное существование полейного мотыжного земледелия у некоторых групп ямных племен, в том числе волжско-уральских<sup>54</sup>. В очерке о развитии полейного земледелия у срубных племен степей Южного Приуралья К. В. Сальников также отмечает у них достаточно выработанные навыки ведения хозяйства и формы сельскохозяйственных орудий<sup>55</sup>.

Роль земледелия в хозяйстве андроновских племен оценивается по-разному. Существенное значение этому направлению в их хозяйстве придавали С. В. Киселев и Б. А. Латынин<sup>56</sup>. М. П. Грязнов рассматривал хозяйство андроновцев как пастушеско-земледельческое<sup>57</sup>, включая в понятие «андроновская культура» всю степную территорию Средней Азии, в том числе и дельты Акчадарьи и Зеравшана<sup>58</sup>.

К. В. Сальников на материалах андроновских поселений Зауралья пришел к выводу, что у андроновских племен мотыжное земледелие на полейных низинах играло не меньшую роль, чем скотоводство<sup>59</sup>. В своей последней работе он рассматривает андроновское земледелие с разных точек зрения, выдвигая на первое место скотоводство как источник питания, но ни в коей мере не умаляя роли земледелия<sup>60</sup>. В другом месте, подчеркнув скотоводческо-земледельческий характер хозяйства андроновских племен, К. В. Сальников писал, что в разных районах и на разных этапах развития удельный вес этих отраслей хозяйства не оставался стабильным<sup>61</sup>. Этот вывод представляется нам очень важным, тем более что накопление новых фактов свидетельствует в пользу его правильности. К. В. Сальников упоминает об открытии А. С. Новиченко на юго-востоке Оренбургской области, на оз. Бурдукта, системы орошения лиманного типа, которая предположительно датируется эпохой поздней бронзы<sup>62</sup>. На поселениях эпохи бронзы Коньспай на р. Чаглинка (Кокчетавская область) на примыкающем участке поймы также были обнаружены остатки древней оросительной сети<sup>63</sup>.

<sup>56</sup> Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири.— МИА, № 9, 1949, с. 59; *он же*. Бронзовый век в СССР.— Сб.: Новое в советской археологии. М., 1965, с. 58, 59; Латынин Б. А. К вопросу о памятниках с так называемой многоязыковой керамикой.— АСГЭ, 6, 1964, с. 56; *он же*. О южных границах ойкумены степных культур эпохи бронзы.— СА, 1958, № 3, с. 47.

<sup>57</sup> Грязнов М. П. Этапы развития хозяйства скотоводческих племен Казахстана и Южной Сибири в эпоху бронзы.— КСИЭ, XXVI, 1957, с. 25.

<sup>58</sup> Грязнов М. П. Пастушеское хозяйство Средней Азии в эпоху ранней и поздней бронзы.— КСИА, 122, 1970, с. 40, 41.

<sup>59</sup> Сальников К. В. Андроновские поселения Зауралья.— СА, XX, 1954, с. 245.

<sup>60</sup> Сальников К. В. Очерки древней истории Южного Урала, с. 331—334.

<sup>61</sup> Сальников К. В. История Южного Урала в эпоху бронзы. Доклад по опубликованным работам, представленным на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1965, с. 24.

<sup>62</sup> Сальников К. В. Очерки древней истории Южного Урала, с. 333, 334.

<sup>63</sup> Званович Г. Б., Званович С. Я., Зайберг В. Ф. Работы в Северном Казахстане.— АО 1970 г. М., 1971, с. 406, 407.

<sup>52</sup> Мерперт Н. Я. Из древнейшей истории Среднего Поволжья.— МИА, № 61, 1958, с. 156.

<sup>53</sup> Кривоной-Гракова О. А. Степное Поволжье и Причерноморье..., с. 62, 70.

<sup>54</sup> Мерперт Н. Я. Древнейшие скотоводы..., с. 109.

<sup>55</sup> Сальников К. В. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967, с. 173—180.

Эти факты, разумеется, не могут служить основанием для утверждения, что у андроновских племен было развито орошаемое земледелие, равно как и отсутствие явных следов земледелия на поселении Тасты-Бутак не дает оснований для заключения об отсутствии этого направления в хозяйстве андроновцев. В. С. Сорокин на основании материалов Тасты-Бутока предположил «известную хозяйственную дифференциацию андроновского общества»<sup>64</sup>. Думается, что вряд ли здесь речь может идти о «чистых» скотоводах и «чистых» земледельцах, — эти два вида хозяйства бесспорно всегда существовали в комплексе, но удельный вес того или иного вида зависел от конкретных географических условий и наличия определенных навыков, а последние могли приобретаться и в результате культурных связей с племенами, где тот или иной вид хозяйства был более развит. Так, один из вариантов комплексного андроновского хозяйства, возможно, сложился в районе Южного Приуралья, где развитию поименного земледелия способствовала весьма разветвленная речная сеть. Смешанный срубно-андроновский характер населения этих мест не мог не повлиять на вероятную интенсификацию сельскохозяйственного направления в хозяйстве. Интересны в этом плане находки костей свиньи на срубных памятниках Приуралья<sup>65</sup>, свидетельствующие об оседлоземельском характере этих поселений. К. В. Сальников считал возможным связывать развитие сельскохозяйственного хозяйства у андроновцев Южного Урала с «взаимовлиянием культуры андроновского населения и племен эпохи бронзы Средней Азии»<sup>66</sup>. Может быть, это и так. Во всяком случае воспринятое с Юга умение создавать системы искусственного орошения в сочетании с земельным опытом срубно-андроновских пришельцев и навыками местного населения в ирригационном земледелии могли способствовать успешному и интенсивному развитию сельскохозяйственного хозяйства тазабагыбских племен в Южной Акчадарьинской дельте. Зримым для нас вкладом этого опыта являются находки на поселениях эпохи бронзы Южного Приуралья бронзовых серпов именно андроновского типа, хотя на земельном Юге, которому, как принято считать, население низовий Амударьи обязано развитием сельскохозяйственного хозяйства, основанного на искус-

ственным орошении, была в употреблении более выработанная форма крюкастых серпов, типа срубных.

Что же касается роли сельскохозяйственного хозяйства в хозяйстве срубных и андроновских племен в целом, то здесь, видимо, правы те исследователи, которые предлагают оценивать это явление дифференцированно. Правильность такого подхода на нынешнем, более высоком уровне наших знаний показал на древнем материале Н. Я. Мерперт<sup>67</sup>. Вероятно, возможности в развитии земледелия у древнего населения Волжско-Уральского региона с его степным или полупустынным ландшафтом были весьма ограничены. Более позднее срубное и срубно-андроновское население этих мест, обладая более совершенными навыками и орудиями, опираясь на более широкий круг культурных связей, в том числе южных, и, что очень важно, обладая новой, широко эксплуатировавшейся в то время меднорудной базой в Южном Приуралье, имело все возможности для более интенсивного развития поименного сельскохозяйственного хозяйства.

Исследования А. В. Виноградова во Внутренних Кызылумах выявили незначительные по сравнению с неолитическими находки эпохи бронзы в тех районах, где отсутствовали надежные постоянные источники пресной воды в виде озер или рек. По предположению К. В. Сальникова, поддержанному Н. Я. Мерпертом и В. М. Массоном, кочевое скотоводство существовало уже у древних племен, населявших степи Волго-Донского междуречья<sup>68</sup>. У скотоводов среднеазиатских пустынных областей этого быть не могло вплоть до эпохи поздней бронзы, когда более высокий уровень развития производительных сил, рост поголовья скота, увеличение роли обмена привели к дальнейшему углублению процесса общественного разделения труда между скотоводами и земледельцами, к выделению кочевых или полукочевых скотоводов, которым уже были под силу переходы на большие расстояния с расчетом только на воду ключей или колодезев. Преимущественно сельскохозяйственное направление хозяйства тазабагыбского населения Южной Акчадарьинской дельты было для этих северных районов явлением

<sup>64</sup> Андроновская культура, вып. 1.— САИ, вып. ВЗ-3, 1966, с. 14.

<sup>65</sup> Дажин В. И. Некоторые итоги изучения костей животных из раскопок археологических памятников позднего бронзового века.— КСИА, 101, 1964, с. 27.

<sup>66</sup> Сальников К. В. Очерки древней истории Южного Урала, с. 333.

<sup>67</sup> Мерперт Н. Я. Древнейшие скотоводы... с. 109, 110. См. также: Шилов В. П. Модели скотоводческих хозяйств степных областей Евразии в эпоху неолита и раннего бронзового века.— СА, 1975, № 1.

<sup>68</sup> Шилов В. П. Проблемы освоения степей Нижнего Поволжья в эпоху бронзы.— АСЭ, 6, 1964, с. 86—102; Мерперт Н. Я. Древнейшие скотоводы... с. 112, 113; Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976, с. 44. Правда, В. М. Массон делает оговорку о возможной полукочевой, а не кочевой, форме скотоводческого хозяйства древних племен.

Тазабაгыябские поселения. Кости домашних и диких животных

Вид	Кават 3		Кокча 15		Кокча 16		Байрам-Кааган 2	
	кости	особи	кости	особи	кости	особи	кости	особи
Крупный рогатый скот	26	2	26	4	2	1	7	1
Мелкий рогатый скот	132	10	145	11	36	2	36	4
Лошадь	2	1	2	2	—	—	13	1
Собака	—	—	—	—	1	1	1	1
Свинья	—	—	1	1	—	—	—	—
Верблюд	—	—	2	1	—	—	—	—
Джейран	1	1	88	7	—	—	1	1
Кот (домашний?)	1	1	—	—	—	—	—	—

уникальным, связанным не только с плодородными аллювиальными дельтовыми отложениями, но и с чрезвычайно благоприятным климатом. Нельзя забывать, что земледелие было одним из важнейших факторов, которые сделали «рабочую силу человека способной производить большее количество продуктов, чем это было необходимо для поддержания ее»<sup>69</sup>. И развитие этого вида хозяйства, к тому же в такой его высокопродуктивной форме, как ирригационное земледелие, уже с глубокой древности определило специфику экономического и социального развития населения Южной Акчадарьинской дельты. Земледельческое направление хозяйства населения этого района продолжает оставаться на протяжении тысячелетий: именно на этих землях, включая аллювиальную равнину Присарыкамьшской дельты, расцветает культура античного и средневекового Хорезмского оазиса, именно здесь фиксируется наиболее ранний для северных районов Средней Азии переход к классовому обществу, государственности.

Развитие скотоводства у населения Южного Приаралья в исследуемый период, разумеется, шло параллельно с развитием земледелия, но документирован этот процесс в наших материалах, происходящих из раскопок поселений на территории все той же Южной дельты, очень слабо.

И в тазабагыябских, и в амрабадских домах остеологический материал фрагментарен и очень плохой сохранности. Как мы уже писали, и тазабагыябские, и амрабадские жилища с точки зрения их стратиграфии находились в одинаковых условиях, так что степень сохранности костей животных в их культурном слое, плохая или хорошая, но должна была быть одинаковой, что и подтвердили раскопки. Но, если плохая сохранность костей может быть

объяснена тем, что остатки этих домов неоднократно затоплялись, то малое их количество нуждается в другом объяснении. Одним из них, и немаловажным, является, видимо, довольно скромный удельный вес мясной пищи в рационе людей в исследуемое время.

О составе стада по материалам тазабагыябских стоянок, да и амрабадских, мы можем говорить лишь в пределах видовых определений. Что же касается процентного соотношения видов, то здесь можно лишь пользоваться категориями «больше» или «меньше» (кроме поселения Якке-Парсан 2)<sup>70</sup>. Кости крупного рогатого скота есть на всех тазабагыябских поселениях, но во всех случаях явно превалирует мелкий рогатый скот (табл. III), что вполне соответствует местным природным условиям и сближает состав стада тазабагыябцев с андроновским Южного Приуралья<sup>71</sup>. То же самое можно сказать и об амрабадском поселении Якке-Парсан 2 (табл. IV), и о поселении Якке-Парсан 14; и там на первом месте по количеству найденных при раскопках особей стоит мелкий рогатый скот. Однако на Якке-Парсан 2 количество особей крупного рогатого скота во многих домах больше, чем в отдельных домах на тазабагыябских поселениях.

Кости лошади есть почти на всех тазабагыябских поселениях, но на таком большом поселении, как Кокча 15, обнаружена лишь одна особь, в то время как во всех домах поселения Якке-Парсан 2 встречено не менее одной, а иногда две-три особи. Кости верблюда найдены лишь на тазабагыябском поселении Кокча

<sup>70</sup> Остеологические определения были любезно сделаны Е. Дмитриевой (стоянка Кават 3), В. И. Цалкиным (стоянки Кокча 15, 15А и 16, Байрам-Кааган 2, Якке-Парсан 14) и В. П. Данильченко (поселение Якке-Парсан 2).

<sup>71</sup> Цалкин В. И. Фауна из раскопок андроновских памятников в Приуралье. — Сб.: Основные проблемы териологии. М., 1972, с. 80.

<sup>69</sup> Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 161.

Вид	№ дома																	
	2		3		4		5		7		8		9		10			
	кости	особи	кости	особи	кости	особи	кости	особи	кости	особи	кости	особи	кости	особи	кости	особи		
Крупный рогатый скот	8	1	96	2	1	1	29	5	31	4	11	1	6	1	13	1		
Мелкий рогатый скот	31	2	52	2	—	—	15	2	297	5	38	3	28	1	55	2		
Лошадь	14	1	28	2	—	—	10	1	4	1	2	1	1	1	2	1		
Собака	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		
Бухарский олень	—	—	—	—	—	—	6	1	—	—	—	—	—	—	—	—		

15 (дом 2)<sup>72</sup>, но отсутствие их в амарабадском комплексе Якке-Парсан 2 отнюдь не значит, что в эпоху поздней бронзы верблюдом не пользовались, скорее всего его просто не употребляли в пищу. Столь же редки и в тазабагыяских, и в амарабадском комплексах кости собаки. Любопытно, что если в неолитическом Джейтуне костей собаки найдено много<sup>73</sup>, то на памятниках эпохи бронзы и в Южной Туркмении, и в степях Евразии собака встречается довольно редко<sup>74</sup>. Объяснением этому служит, видимо, то, что в Джейтуне собак употребляли в пищу, а в эпоху бронзы, в связи с развитием скотоводства, собака стала выполнять иную роль, ценность ее возросла, ее перестали убивать, и умирала она где-то вне поселения<sup>75</sup>.

В одном случае, в доме 2 на поселении Коча 15, были встречены кости свиньи. Как известно, на памятниках андроновской культуры кости свиньи отсутствуют, на срубных памятниках Среднего Поволжья их немного, несколько больше на срубных поселениях Приуралья<sup>76</sup>. На южнотуркменских памятниках

кости свиньи встречаются в эпоху энеолита (IV—III тысячелетия до н. э.), но на памятниках эпохи бронзы представлены единичными экземплярами<sup>77</sup>. То же самое наблюдается и на Сапаллигана: свинья занимает одно из последних мест по количеству соотношению особей<sup>78</sup>. В. И. Далкин отмечал, что на Древнем Востоке свинья никогда не была широко распространена<sup>79</sup>. Думается, что человек довольно рано установил невозможность длительного хранения мяса свиньи в условиях жаркого лета аридной зоны и ту опасность для здоровья, которую оно в себе таит. Таким образом, присутствие или отсутствие костей свиньи на памятниках различных регионов может быть объяснено не только характером скотоводческого хозяйства (оседлое, полуседлое, кочевое), но и специфическими климатическими условиями.

При всей фрагментарности наших материалов сравнение тазабагыяских и амарабадского комплексов свидетельствует о том, что видовой состав стада и соотношение видов на протяжении по крайней мере 500 лет остаются неизменными. Однако обращает на себя внимание увеличение количества костей животных на более позднем памятнике (Якке-Парсан 2). Оно может быть связано с рядом причин, прежде всего с большей стабильностью поселения из-за продолжающегося процесса усыхания дельты и приобретенного людьми умения регулировать паводковые разливы. В домах амарабадского времени жили долгие, а следовательно, и культурных остатков там больше. С дру-

<sup>72</sup> Определение В. И. Далкина. Был это дромадер или бактриан, неизвестно, но скорее речь может идти о последнем. Еще до этой находки В. И. Далкин высказал предположение, что во времена тазабагыяских памятников может быть отнесено появление домашнего верблюда в Южном Приуралье (Далкин В. И. Древнее животноводство племен Восточной Европы и Средней Азии.— МИА, № 135, 1966, с. 150).

<sup>73</sup> Далкин В. И. Древнейшие домашние животные Средней Азии. Сообщение 1.— БМОИП, отд. биологии, т. 75, вып. 1, 1970, с. 158.

<sup>74</sup> Далкин В. И. Древнейшие домашние животные Средней Азии, с. 158; он же. Домашние животные Восточной Европы в эпоху поздней бронзы. Сообщение 3.— БМОИП, отд. биологии, т. 77, вып. 3, 1972, с. 71; он же. Фауна из раскопок андроновских памятников в Приуралье, с. 77.

<sup>75</sup> В связи с этим см.: Сергин В. Я. Об одной гипотезе одомашнивания собаки.— СА, 1971, № 1.

<sup>76</sup> Далкин В. И. Домашние животные Восточной Европы в эпоху поздней бронзы. Сообщение 2.— БМОИП, отд. биологии, т. 77, вып. 2, 1972, с. 47.

<sup>77</sup> Далкин В. И. Древнейшие домашние животные Средней Азии, с. 154.

<sup>78</sup> Аскароев А. Сапаллигана, с. 130, 131; Багыров Б. X. Фауна поселения Сапаллигана.— ИМКУ, 11, 1974, с. 135.

<sup>79</sup> Далкин В. И. О времени и центрах происхождения домашних животных в свете данных современной археологии.— Известия АН СССР, серия географическая, 1972, № 1, с. 21.

Таблица IV

## ДОМАШНИХ И ДИКИХ ЖИВОТНЫХ

или объекта																Всего		%					
		11		12		14		24		25		23		27						Россия* +в		10 <sup>a</sup>	
		кости	оскоби	кости	оскоби	кости	оскоби	кости	оскоби	кости	оскоби	кости	оскоби	кости	оскоби	кости	оскоби	кости	оскоби	кости	оскоби	кости	оскоби
8	1	9	1	22	1	11	1	34	5	5	1	47	2	33	4	54	5	29	3	447	40	24,7	28,5
36	2	22	2	80	4	19	1	107	2	1	1	67	3	86	10	102	7	46	3	1082	70	59,7	50,0
1	1	10	1	18	1	5	1	26	3	5	1	48	2	22	2	35	4	40	2	271	26	14,3	18,5
1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	1	—	—	3	1	—	—	6	2	0,6	1,5
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—	—	—	—	—	—	7	2	0,7	1,5

гой стороны, очевиден и возросший объем животноводства в хозяйстве — мяса стали есть больше. Наконец, увеличение поголовья крупного рогатого скота и на поселении Янке-Парсан 2, и на поселении Кават 2<sup>80</sup> свидетельствует об оседлом земледельческо-скотоводческом хозяйстве их жителей. С другой стороны, отмеченное нами широкое распространение папушеских стоянок древних амарабцев на территории всей Акчадарынской дельты и в южных районах Сырдарынской, явное преобладание костей мелкого рогатого скота в стаде и, наконец, частые находки костей лошади дают основание предположить, что в начале I тысячелетия до н. э. население Южного Приаралья выделило из своей среды полукочевых или кочевых скотоводов. По-видимому, начало этого процесса может быть отнесено к самому концу II тысячелетия до н. э.

На исследованных В. И. Цалкиным остеологических материалах из Южного Приаралья более позднего времени можно видеть, что видовой состав стада в целом остается прежним, причем по заключению В. И. Цалкина по материалам VII—V вв. до н. э. устанавливается очень высокий уровень развития животноводства с явным преобладанием в составе стада крупного рогатого скота<sup>81</sup>. Поскольку последнее заключение сделано на материалах городища Кюзели-гыр, крупного оседлого поселения, население которого занималось и ирригационным земледелием, такой состав стада вполне объясним. Для нас важно, что наблюдаемый по этим материалам высокий уровень животноводства с гораздо более, чем в Восточной Европе, разнообразным составом стада<sup>82</sup> предполагает и довольно высокий уровень его развития в

предшествующее время, в эпоху поздней бронзы. Тогда даже те скромные материалы по тазабагыбским и амарабским поселениям, которыми мы располагаем, приобретают еще большую значимость.

Немало важен для нас и другой вывод В. И. Цалкина, что лошадь из этих более поздних, чем наши, памятников близка по пропорциям и размерам скифо-сарматским лошадям<sup>83</sup>. Следует иметь в виду, что, по мнению большинства исследователей, генетическую основу скифо-сарматского населения степей Евразии составляют срубные и андроновские племена эпохи бронзы, уже хорошо знакомые с лошадей. Вывод В. И. Цалкина может служить еще одним аргументом в пользу того, что древнее население Южного Приаралья заимствовало лошадь от своих северо-западных соседей и развитие этого вида в дальнейшем шло по сходному пути.

Как известно, лошадь была широко распространена у срубных и андроновских племен, где она в составе стада, как и в нашем случае, занимает третье место после крупного и мелкого рогатого скота<sup>84</sup>.

На южнотуркменских памятниках кости лошади появляются не раньше II тысячелетия до н. э., и только с этого времени лошадь получает там широкое распространение<sup>85</sup>. Однако

<sup>80</sup> Там же, с. 138.

<sup>81</sup> Цалкин В. И. Домашние животные Восточной Европы в эпоху поздней бронзы. Сообщение 3, с. 64, 66; *оп же*. Домашние животные Восточной Европы в эпоху поздней бронзы. Сообщение 4.— БМОИП, отд. биологии, т. 77, вып. 4, 1972, с. 67—70; *оп же*. Фауна из раскопок андроновских памятников в Приуралье, с. 79.

<sup>82</sup> Цалкин В. И. Древнейшие домашние животные Средней Азии..., с. 155. Н. М. Ермолова относит появление лошади в Туркмении к концу II — началу I тысячелетия до н. э. (Ермолова И. М. Новые материалы по изучению остатков млекопитающих из древних поселений Туркмении.— Караумские

<sup>80</sup> Подъемный материал, определение В. И. Цалкина.

<sup>81</sup> Цалкин В. И. Древнее животноводство племен Восточной Европы и Средней Азии, с. 150.

<sup>82</sup> Там же.

В. И. Цалкин, ссылаясь на устное сообщение А. А. Марущенко, пишет о находке моделей одноосных колесниц в слоях второй половины III тысячелетия до н. э. на Намазга-дөпе и Алтын-дөпе, предполагая, таким образом, возможность появления там лошади уже в то время<sup>86</sup>. По-видимому, эти же или подобные им находки имеет в виду В. И. Сараниди, но датирует их II тысячелетием до н. э.<sup>87</sup>

Еще сравнительно недавно Ф. Цейнер постулировал возможность фиксации центра доместикации лошади в Туркестане в первой половине III тысячелетия до н. э., откуда она продвигается на запад, причем появление боевых колесниц было отнесено им к первой четверти II тысячелетия до н. э.<sup>88</sup>

Работами последних лет установлена более значительная древность одомашнивания лошади в степях Восточной Европы — вторая половина IV тысячелетия до н. э.<sup>89</sup> Тщательный анализ имеющихся данных позволил В. И. Цалкину заключить, что «единственный вид сельскохозяйственных животных, одомашнение которого в Юго-Восточной Европе или на сопредельных ей территориях не вызывает, по-видимому, сомнений, — это лошадь»<sup>90</sup>. Обобщенный Е. Е. Кузьминой большой археологический материал привел ее к выводу о том, что именно южнорусские степи были центром доместикации лошади, что процесс этот происходил начиная с IV тысячелетия до н. э. и что племена, приручившие лошадь и впрягшие ее в колесницу, принадлежали к индоевропейскому сообществу<sup>91</sup>.

древности, III. Ашхабад, 1970, с. 210). Но эта дата представляется нам слишком поздней. В. М. Массон относит появление лошади в стаде южнотуркменских земледельцев ко второй половине II тысячелетия до н. э. и связывает это с северными контактами (Массон В. М. Экономка и социальный строй древних обществ, с. 42).

<sup>86</sup> Цалкин В. И. Древнейшие домашние животные Средней Азии, с. 155.

<sup>87</sup> Сараниди В. И. Статуэтка лошади с Алтын-дөпе. — Сб.: Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973, с. 115.

<sup>88</sup> Zeuner F. E. A History of Domesticated Animals. London, 1963, p. 337.

<sup>89</sup> Бибикова В. И. К изучению древнейших домашних лошадей Восточной Европы. — БМОИП, отд. биологии, т. 72, вып. 3, 1967, с. 106 сл.

<sup>90</sup> Цалкин В. И. Древнейшие домашние животные Восточной Европы. М., 1970, с. 266.

<sup>91</sup> Kuzmina E. E. The earliest Evidence of Horse Domestication and Spread of Wheeled Vehicles in Connection with the Problem of Time and Place of Formation of Indo-European Unity. — VIII Congrès international des sciences préhistorique et protohistorique (Belgrad, 1971). Les rapports et les communications de la délégation des archéologues de l'URSS, Moscou, 1971; она же. Сложение скотоводческого хозяйства в степях Евразии и реконструкция социальной структуры общества древнейших пастушеских пле-

Проникновение домашней лошади из предполагаемого центра ее доместикации на северо-восток и восток фиксируется находками на памятниках древнейшей культуры Волжско-Уральского региона<sup>92</sup> и в неолитических слоях поселения Давлеканово (Южное Приуралье)<sup>93</sup> — те и другие датируются III тысячелетием до н. э.

Широко распространению лошади в евразийских степях во II тысячелетии до н. э. способствовало развитие в хозяйстве их населения пастушеского скотоводства.

Возможно, что именно этим можно объяснить уже четко фиксируемое для Южного Приуралья середины II тысячелетия до н. э. использование лошади под верх, что вкупе со скотоводческим направлением хозяйства срубно-андроновских племен оренбургских степей делало их столь подвижными. Эта подвижность способствовала расселению отдельных групп племен на обширных степных пространствах и, как нам представляется, проникновению значительных масс срубно-андроновского населения в середине II тысячелетия до н. э. в Южное Приуралье. Использовалась ли лошадь в то время и в качестве тягловой силы, сказать трудно.

На тазабагыбских поселениях Байрам-Казган 2, Кочка 15 и 16 были обнаружены глиняные модели колес с выступающей вулкой, широко известные по находкам на древнеземледельческих памятниках Закавказья и Средней Азии эпохи неолита и бронзы. Находки моделей цельных одноосных и двuosных повозок с колесами такого типа, напоминающими колесам современных среднеазиатских арб, на памятниках Южной Туркмении<sup>94</sup>, датируемых второй половиной III тысячелетия до н. э., — свидетельство использования тягловой силы животных. К некоторым из таких повозок была приделана головка верблюда, вероятно, для этих целей использовался и бык. Что же касается лошади, то, по-видимому, ее распространение в южных районах Средней Азии и в Передней Азии может быть отнесено ко II тысячелетию до н. э. Однако для Южного Приуралья, даже с учетом того, что находки моделей колес от-

мен (археологический и лингвистический аспект). — Конференция «Формы перехода от присваивающего хозяйства к производящему и особенности развития общественного строя». Тезисы докладов. М., 1974, с. 42—45; она же. Колесный транспорт и проблема этнической и социальной истории древнего населения южнорусских степей. — ВДИ, 1974, № 4.

<sup>92</sup> Мернерг Н. Я. Древнейшие скотоводы..., с. 105—106.

<sup>93</sup> Матюшин Г. И. Неолитическое поселение и погребение у г. Давлеканово на Южном Урале. — СА, 1970, № 4, с. 163.

<sup>94</sup> Массон В. М. Страна тысяч городов. М., 1966, рис. на с. 11.

носятся там ко времени широкого распространения лошадей, мы решим вопрос об использовании последней в качестве тягловой силы не можем. Впрочем, следует иметь в виду некоторые косвенные данные, может быть, и свидетельствующие в пользу этого.

Широко известны находки деревянных колес со ступицами в погребениях древнейшей культуры, в частности Волжско-Уральского региона<sup>95</sup>. По мнению Н. Я. Мерперта, развитие скотоводства, в том числе коневодства, при наличии транспортных средств способствовало широкому расселению древнейших племен. Казалось бы, что все эти факторы должны были проявиться и позднее, в эпоху развитой бронзы. Однако находок повозок мы для этого времени не знаем, а глиняные модели колес встречаются на памятниках эпохи бронзы северных степных районов спорадически. Тем не менее недавнее открытие В. Ф. Генингом в Челябинской области курганных захоронений Синташтинского могильника<sup>96</sup>, содержащих трупонложения, сопровождаемые богатым погребальным инвентарем, погребениями коней и одноосными колесными повозками (колеса со спицами), заставляет совершенно по-новому отнестись к этой проблеме во многих ее аспектах. В. Ф. Генинг датирует эти захоронения досейминским или раннесейминским временем<sup>97</sup>, т. е. в пределах середины II тысячелетия до н. э., и, говоря о трудности определения культурной принадлежности могильника, замечает, что большая часть его керамического комплекса сходна с алакульскими<sup>98</sup>.

Возникает мысль, что повозки или колесницы могли использоваться при расселении андроновских племен и, следовательно, могли быть занесены и в Южное Приаралье.

Согласно гипотезе И. М. Дьяконова, появлению в Передней Азии в начале II тысячелетия до н. э. лошадей, запряженных в колесницы, может быть связано с приходом туда индоиранских племен из Средней Азии<sup>99</sup>. В. И. Сараянц подвергает эту мысль сомнению, причем ссылается на «перднеазиатский» вид лошади из Алтын-депе и на отсутствие изображений лошади в степных культурах Средней Азии эпохи бронзы. В итоге он приходит к заключению, что домашняя лошадь была завезена южнотуркменскими земледельцами из городских центров Передней

Азии<sup>100</sup>. Однако изображение лошади, как мы могли убедиться, в среднеазиатском материале есть и давно опубликовано<sup>101</sup>, но оно ничего не решает, так как выполнено в очень примитивной манере. С другой стороны, если принять во внимание раннюю дату распространения лошади в евразийских степях, находки на древнейших памятниках глиняных моделей колес от повозок, целых деревянных колес и плетеные повозки и, наконец, упомянутые находки из Синташтинского могильника, — гипотеза о продвижении индоиранских племен в Переднюю Азию через Среднюю Азию станет вполне вероятной.

Что же касается верблюда, то вхождение Южного Приаралья в возможный ареал domestikации бактриана делает возможным его местное одомашнивание. Гипотеза о domestikации двугорбого верблюда на территории евразийских степей была выдвинута и поддержана многими исследователями, однако фактический материал, подтверждающий это, собирается буквально по крупицам<sup>102</sup>. Редкие находки костей двугорбого верблюда на андроновских памятниках, датированных временем ранние середины II тысячелетия до н. э., заставили В. И. Цалкина прийти к выводу, что верблюд не играл заметной роли в животноводстве андроновцев<sup>103</sup>. Думается, что здесь речь может идти скорее о том, что верблюда чрезвычайно ценили как транспортное животное и как тягловую силу, а потому не употребляли в пищу. Возможность использования тазагабьябами верблюда как тяглового животного подтверждается находкой на поселениях глиняных моделей колесных повозок. Такое его применение, как уже говорилось, зафиксировано в южнотуркменских памятниках второй половины III тысячелетия до н. э.<sup>104</sup>, находки костей верблюда обнаружены там на памятниках того же времени<sup>105</sup>. Началом II тысячелетия до н. э. датируются немногочисленные находки костей верблюда на Сапаллитена<sup>106</sup>.

В. И. Цалкин полагает, что южнотуркменский остеологический материал представляет

<sup>100</sup> Сараянц В. И. Статуэтка лошади с Алтын-депе, с. 116.

<sup>101</sup> Игнн М. А. Раскопки стоянки Кават 3 в 1958 г. — МХЭ, 6, 1963, с. 106, рис. 3.

<sup>102</sup> Кузьмина Е. Е. Древнейшая фигурка верблюда из Оренбургской области и проблема domestikации бактрианов. — СА, 1963, № 2, с. 39 сл.

<sup>103</sup> Цалкин В. И. Фауна из раскопок андроновских памятников, с. 77; он же. Домашние животные Восточной Европы в эпоху поздней бронзы. Сообщение 3, с. 71.

<sup>104</sup> См., например: Сб.: Средняя Азия в эпоху камня и бронзы, М.—Л., 1966, рис. 38, I.

<sup>105</sup> Ермолова И. М. Новые материалы..., с. 226, 227.

<sup>106</sup> Аскарлов А. Сапаллитена, с. 131; Батыров Б. Х. Фауна поселения Сапаллитена, с. 135.

<sup>95</sup> Мерперт Н. Я. Древнейшие скотоводы..., с. 115.

<sup>96</sup> Генинг В. Ф., Ашизлина Л. И. Могильник эпохи бронзы на р. Синташта. — АО 1974 г. М., 1975, с. 144—147.

<sup>97</sup> Там же, с. 147.

<sup>98</sup> Там же, с. 145.

<sup>99</sup> Дьяконов И. М. История Мидии. М.—Л., 1956, с. 124.



бактрианов и что, поскольку в мезолитических и неолитических слоях кости верблюда не найдены, его местная domestикация исключена<sup>107</sup>. Е. Е. Кузьмина пришла к выводу, что другой-бый верблюд был одомашнен в степях Средней Азии и Казахстана, а также, возможно, и Южной Сибири<sup>108</sup>. Однако находки его костей или иконографические изображения в этих районах датируются временем не ранее II тысячелетия до н. э., в то время как в Южной Туркмении они относятся к III тысячелетию до н. э. Если считать, что бактриан появился в южных земельных районах с севера и уже domestцированный, то естественно предположить, что его кости могут быть найдены на неолитических памятниках степных районов Средней Азии. В этом смысле большой интерес представляет находка костей верблюда в материалах неолитического могильника Тумеккичиджик на территории Присарыкамшской дельты Амударьи<sup>109</sup>. По целому ряду признаков этот могильник может быть датирован второй половиной III тысячелетия до н. э. и по облику материальной культуры отнесен к кругу памятников кельтеминарского типа<sup>110</sup>.

Если считать, что кости, обнаруженные в могильнике, принадлежали именно домашнему верблуду, и вспомнить, что на стоянке Саксаульской в Северо-Восточном Приаралье, датируемой тем же временем, найдены кости коровы и овцы<sup>111</sup>, то у нас появляется как бы промежуточное звено между памятниками евразийских степей и южнотуркменскими. Это дает нам возможность еще раз высказать предположение о возникновении производящего хозяйства у населения Южного Приаралья в эпоху позднего неолита.

Как ни странно, но культурный слой тазабаягских поселений и амирабадского поселения Якке-Парсан 2 содержит очень небольшое количество костей диких животных, даже с учетом ничтожной доли охоты в хозяйстве населения тех и других.

Кроме костей джейрана, обнаруженных на тазабаягских поселениях, отметим кости двух особей бухарского оленя из домов на поселении Якке-Парсан 2, кости лисицы из дома на по-

селении Якке-Парсан 14 и кости домашнего (?) kota со стоянки Кават 3.

Охота и на бухарского оленя и на джейрана велась в этих местах и позднее, в античное время<sup>112</sup>. Судя по находкам на Заманбаба<sup>113</sup> и Сапаллитене<sup>114</sup>, охотились на них и раньше, в начале II тысячелетия до н. э. Любопытна находка костей kota в доме на поселении Кават 3. Доместцированный вид отличается от дикого с большим трудом, так что трудно сказать, дикая это или домашняя особь. Кости дикого (камышового) kota были найдены и на Сапаллитене<sup>115</sup>. Если же считать, что на Кават 3 был найден домашний кот, тогда эта находка может служить косвенным доказательством хранения зерновых запасов непосредственно в доме<sup>116</sup>.

Поражает отсутствие каких-либо следов рыболовства, хотя все поселения, как мы знаем, расположены в дельтовой области, протоки которой, не говоря уже об основных руслах, несомненно изобиловали рыбой. Это тем более странно, что в культурном слое неолитических кельтеминарских стоянок кости рыб обычны, а условия его залегания — под суглинисто-супесчаными отложениями, образовавшимися в результате подтоплений, — те же, что и у культурного слоя стоянок эпохи бронзы. Более того, как правило, культурный слой эпохи неолита в значительной степени развезен, и все культурные остатки оказываются лежащими на современной дневной поверхности. И даже в этих условиях кости рыб сохраняются, в то время как в котлованах тазабаягских и амирабадских жилищ в культурном слое, «закупоренном» супесчано-суглинистой «пробкой», костей рыб нет.

Заслуживает внимания, что та же картина наблюдается и на первобытных стоянках в дельте Зеравшана: на неолитическом поселении Дарбазакыр, так же как и на стоянке Джанабас 4, есть кости щуки, сазана и сома<sup>117</sup>, на поселении Заманбаба костей рыб, видимо, нет, хотя с культурной Заманбаба связана находка бронзового рыболовного крючка и есть предположение о подсобной роли рыболовства в хозяйстве ее носителя<sup>118</sup>. Не совсем ясна

<sup>107</sup> Цалкин В. И. Древнейшие домашние животные Средней Азии, с. 156, 157.

<sup>108</sup> Кузьмина Е. Е. Древнейшая фигурка верблюда..., с. 41.

<sup>109</sup> Виноградов А. В. Работы на могильнике Тумеккичиджик в Северной Туркмении. — АО 1973 г. М., 1974, с. 500. Из публикации неясно, идет ли речь о диком или domestцированном виде.

<sup>110</sup> Виноградов А. В. Могильник Тумеккичиджик в Северной Туркмении. — АО 1974 г. М., 1975, с. 520, 521.

<sup>111</sup> Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации, с. 77.

<sup>112</sup> Цалкин В. И. Древнее животноводство племен Восточной Европы и Средней Азии, с. 144.

<sup>113</sup> Верещагин Н. К., Батыров Б. Фрагменты истории териофауны..., с. 109.

<sup>114</sup> Батыров Б. Х. Фауна поселения Сапаллитена, с. 136.

<sup>115</sup> Там же.

<sup>116</sup> По поводу подобных находок см.: Массон В. М. Средняя Азия и Древний Восток. М., 1964, с. 80; он же. Поселение Джейтуни, с. 120.

<sup>117</sup> Гулямов Я. Г., Исламов У., Аскарлов А. Первобытная культура..., с. 88.

<sup>118</sup> Там же, с. 174.

ситуация с более поздними стоянками «андроновско-тазабагыльской», как ее называют исследователи, культуры. А. Аскаров в свое время отмечал, что на одном из поселений на берегу сухого русла Гуджайли (стоянка Гуджайли 9) найдены кости рыб<sup>119</sup>, но в более позднем описании этой стоянки упоминаются кости домашних и диких животных и птиц, но о костях рыб нет ни слова<sup>120</sup>. Так как большинство исследователей относят стоянки эпохи бронзы низовий Зеравшана к тазабагыскому кругу памятников, эти факты представляют для нас особый интерес.

Рыболовные крючки мы в тазабагыских поселениях не обнаружили. Единственная сомнительная в этом плане находка — встречающиеся на всех поселениях обточенные по краю обломки сосудов круглой или овальной формы, иногда с выточенными по двум сторонам выемками для привязывания. Мы интерпретировали эти предметы раньше как грузила, но теперь у нас уверенности в этом нет.

Чем же тогда можно объяснить отсутствие костей рыб на тазабагыских поселениях? Чрезвычайно заманчиво предположить, что на употребление рыбы в пищу было наложено табу, что с рыбой был связан круг определенных тотемических представлений. Быть может, чрезмерная обводненность Акчадаринской дельты после прорыва по ней вод Амударьи в Арал, стремительность и масштабы потока при отсутствии необходимого оснащения сделали занятие рыболовством опасным делом. Именно с этим периодом в истории древнего населения этих мест хотелось бы связать табу, наложенное на рыбу и рыбную ловлю позднее.

Пережитки почитания рыб встречены у большинства народов Средней Азии, причем уходят они в далекое прошлое. В Южном Приаралье проявления культа рыбы особенно разнообразны в связи с тем, что население этих мест на протяжении тысячелетий жило в дельтовых областях, изобиловавших рыбой<sup>121</sup>. Так как источником питания древних тазабагыбцев были продукты земледелия и животноводства, запрет на употребление рыбы в пищу был для них не слишком обременительным. Но если с рыбой и были связаны тотемические представления, то это не исключало употребление ее в пищу при совершении тотемических обря-

дов<sup>122</sup>, что в свою очередь может объяснить редкие находки на тазабагыбских стоянках орудий рыболовства.

Обработка продуктов земледелия и скотоводства, судя по имеющимся у нас данным, на протяжении всего исследуемого периода не претерпела каких-либо кардинальных изменений.

Зерно измельчали с помощью каменных зернотерок овальной формы, как бы прогнущих в центре от действия различных терочников.

Зернотерки этого типа широко известны в Фергане на Чустском<sup>123</sup> и Дальверзинском<sup>124</sup> поселениях и на Кайраккумских стоянках<sup>125</sup>, встречены они и в Казахстане<sup>126</sup>. Все эти находки датируются концом II — началом I тысячелетия до н. э. В Южном Приаралье зернотерки этого типа известны раньше — с третьей четверти II тысячелетия до н. э. Кроме того, в хозяйстве использовались круглые в сечении каменные песты. Как готовили лепешки и пекли ли их вообще, мы не знаем. Но может быть, одним из вариантов использования жаровен, которые были найдены во всех домах поселения Якке-Парсан 2, было изготовление на них лепешек. Не исключено, что лепешки могли печь и в золе центрального очага. Многочисленные находки сильно закопченных кухонных горшков свидетельствуют о приготовлении в них пищи, возможно растительной.

Продукты скотоводства находили самое различное употребление в хозяйстве. Как мы уже писали, тазабагыбское население, видимо, очень бережливо относилось к мясу домашних животных, мясной рацион жителей тазабагыбских стоянок был очень скромным, даже если учесть, что они употребляли в пищу и мясо джейрана. Характерно, что в погребениях могильника Кочка 3 не были обнаружены кости животных, а в горшках, сопровождающих погребения, никаких остатков мясной или растительной пищи не содержалось<sup>127</sup>.

<sup>122</sup> Токарев С. А. Религия в истории народов мира. М., 1965, с. 54.

<sup>123</sup> Спришевский В. И. Чустское поселение эпохи бронзы. — КСИИМК, 69, 1957, с. 48, рис. 14, 5.

<sup>124</sup> Заднепровский Ю. А. Древнеземледельческая культура Ферганы. — МИА, № 118, 1962, с. 275, табл. XXVIII.

<sup>125</sup> Литвинский Б. А. Памятники эпохи бронзы и раннего железа Кайраккумов. — В кн.: Литвинский Б. А., Окладников А. П., Рапов В. А. Древности Кайраккумов. Душанбе, 1962, с. 263, табл. 114, 112.

<sup>126</sup> Кривошова-Гракова О. А. Алексеевское поселение и могильник. — Труды ГИМ, XVII, 1948, с. 103, 104; Черников С. С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. — МИА, № 88, 1960, с. 88.

<sup>127</sup> Игина М. А. Раскопки могильника тазабагыбской культуры Кочка 3. — МХЭ, 5, 1965, с. 54.

<sup>119</sup> Аскаров А. Памятники эпохи бронзы в районе Махадарьи. — Научные работы и сообщения, кн. 4. Ташкент, 1961, с. 273.

<sup>120</sup> Гуджаев Я. Г., Исмаилов У., Аскаров А. Первобытная культура.... с. 190, 191.

<sup>121</sup> См.: Сисаев Г. П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969, с. 325—330; он же. Люди и звери. — СЗ, 1972, № 1, с. 173—175.

Одним из обычных домашних занятий было прядение. Повсеместно найдены пряслица, сделанные из обломков керамики, которым специально была придана форма круга, в центре которого была просверлена дырка. Иногда их изготовляли специально. На поселении Якке-Парсан 2 найдены глиняные пряслице, украшенные соллярным знаком, и пряслице из гальки (рис. 86, 6, 10). Ни остатков тканей, ни ее отпечатков мы не нашли, но надо думать, что жителям тазабгябских и амирабадских поселений ткачество было известно. Посуюду встречены четырехгранные шилья в костяной рукояти. Об универсальности их применения свидетельствуют их различные размеры. По-видимому, это было орудие мужского труда, так как они найдены только в мужских погребениях могильника Кокча 3. Зато несомненно женским атрибутом были бронзовые иглы с ушками, которые тоже находят повсеместно.

Надо полагать, что на протяжении всего исследуемого периода все ремесла оставались в сфере домашнего производства.

Изготовление металлических орудий на тазабгябских поселениях производилось жителями отдельных домов на каждом поселении. Во многих из них были встречены льячки, обломки сосудов с капельками бронзы на дне, просто капельки бронзы. О том месте, которое занимала металлургия меди в хозяйстве тазабгябского населения, свидетельствует и достаточно разнообразный набор предметов, изготовившихся из металла, и, по-видимому, почти полный отказ от употребления каменных орудий, функции которых стали выполнять металлические. Лишь на поселении Кават 3 был обнаружен наконечник дротика, сделанный, видимо, из местного султануиздагского сланца<sup>128</sup>, других находок подобного рода не было.

На амирабадском поселении Якке-Парсан 2 предметы из металла найдены почти во всех домах, и производство их в отдельных домах домашними мастерами не исключается. Но все же принципиально новым следует считать появление специалиста-литейщика, жившего в доме 8. Именно там обнаружены четыре литейные формы — три из слюдяного сланца и одна из глинистого известняка — для изготовления наконечников стрел разных типов и серпов, здесь же найдены обломки сосуда с капельками бронзы и продукция литейщика.

Примечательно, что форма для двух наконечников стрел наиболее распространенного в этот период типа и, видимо, часто использовавшаяся, сделана как раз из глинистого из-

вестняка, который выдерживает нагревание до 700° С<sup>129</sup>.

Появление специализации в производстве металлических орудий — несомненно, шаг на пути к выделению специализированного ремесленного производства. Пока же такой мастер мог удовлетворять нужды данного поселения и, судя по этнографическим примерам, соседних поселений, входивших в эту племенную группу.

Набор типов металлических изделий в целом на протяжении исследуемых 500—700 лет не претерпевает существенных изменений, однако внутри каждого типа на протяжении времени они происходят. Ведущий тип ножа для Южного Приаралья эпохи бронзы — однолезвийный. Однако тазабгябские однолезвийные ножи с прямой спинкой и невыделенной рукоятью сменяются на амирабадских поселениях однолезвийными изогнутыми «хвостатыми» ножами с четко выделенной рукоятью гораздо более сложной формы. По-видимому, эта новая форма существовала параллельно с традиционными однолезвийными ножами типа тазабгябских, которые нашли столь широкое распространение в первой половине I тысячелетия до н. э. (выраженные и в бронзе, и в железе).

Тип серпов в тазабгябской и амирабадской культурах остается тем же, андроновским, но форма их совершенствуется: амирабадские серпы уже более изогнуты и имеют выделенную рукоять. Появляются и новые типы орудий: бритвы, наконечники стрел различной формы. Наконец, увеличивается число находок предметов из металла, что наряду с появлением новых форм и усложнением старых свидетельствует о значительном прогрессе как в технологии, так и в возможностях получения сырья.

Изготовление посуды продолжало оставаться домашним ремеслом. Тазабгябскую керамику делали жители каждого дома для своих нужд, с соблюдением принятых технологических приемов и в соответствии с существующими эстетическими воззрениями. Довольно большое разнообразие форм и комбинаций орнаментальных приемов отражает, по-видимому, эту своеобразную индивидуализацию производства, а качество горшков и исполнения украшающих узоров зависело от уровня мастерства древнего гончара.

Амирабадская керамика тоже как будто бы изготовлялась в каждом домохозяйстве для собственных нужд. Однако помимо того, что наблюдаются некоторые изменения в технологии

<sup>128</sup> Игита М. А. Раскопки стоянок тазабгябской культуры в 1957 г. — МХЗ, 4, 1960, с. 103, рис. 15, 4.

<sup>129</sup> Определения сделаны ст. науч. сотр. Ин-та минералогии, геохимии и кристаллохимии редких элементов В. И. Степановым. Пользуясь случаем выразить ему глубокую благодарность.

ее изготовления (глина более тонко отмучена; из примесей реже дресва и толченые раковины, чаще — шамот; зеркальное лощение поверхности сосудов; появление ангоба), отчетливо прослеживается стандартизация форм, которая присуща обычно комплексам, сделанным уже на гончарном круге. Здесь круга еще нет, но, судя по широкому распространению сосудов с рельефным пояском, может быть, амрабадские гончары подражают изделиям на круге.

Четко выделяющийся комплекс столовой лощеной посуды, отличающейся техникой выделки и уровнем мастерства изготовления от остальной посуды, мог навести на мысль, что это продукция отдельных мастеров-специалистов. Ложила, глиняные и каменные, найденные на поселении Якке-Парсан 2 в шести домах из 17, причем в домах 11 и 14 — по три, в домах 7 и 18 — по два, в домах 8 и 26 — по одному. Однако, если в домах 7, 14 и 25 столовая лощеная посуда представлена весьма внушительно, особенно в доме 7, то в остальных домах, где найдены ложки, ее немного. Так что вряд ли наличие или отсутствие ложек в доме может служить критерием для решения вопроса о специализации в керамическом мастерстве в амрабадское время, пусть даже в самой зачаточной форме.

Даже небольшой набор фактов, которым мы располагаем, включает Южное Приаралье в сферу действия первобытного обмена, который должен был быть здесь тем более развит, что Южное Приаралье бесспорно играло роль посредника в передаче достижения южных цивилизаций на север. Пока мы располагаем небольшим количеством привозных вещей на поселениях Южной дельты Акчадарьи. Это обломки круговых сосудов с подкосом времени позднего Намазга V или Намазга VI, найденные на поселениях Кокча 15 и 15А; литейная форма для отливки подвески или булавки с биспиральным навершием — на поселении Кокча 15А; обломки хумов, сделанных на гончарном круге, — в двух домах (3 и 27) поселения Якке-Парсан 2 (принадлежность таких хумов к общему миру сомнений не вызывает). Примечательно, что в могильнике Северный Тагискен в низовьях Сырдарьи, датирующемся тем же временем, обнаружены хумы, по технике выделки напоминающие находки на Якке-Парсан 2. В свою очередь в домах поселения Якке-Парсан 2 была найдена керамика тагискенского типа.

Мы имели возможность проанализировать пути хозяйственного развития населения Южного Приаралья на протяжении примерно 700 лет, начиная с середины II тысячелетия до н. э. Уровень развития ирригационного земледелия, пастушеского скотоводства, металлур-

гии меди того времени с несомненностью свидетельствует, что несмотря на довольно поздний по сравнению с южными областями переход к производящему хозяйству население аллювиальных равнин и степей Южного Приаралья прошло путь от позднего неолита до раннего железного века за гораздо более короткий срок, чем жители подгорной полосы Туркмении, — примерно за 1 тыс. лет. Этому способствовали постоянные контакты с южными цивилизациями, заимствование их опыта в развитии земледелия, скотоводства, металлургии меди. Однако специфика географических и климатических условий дельтовых аллювиальных равнин и окружающей их пустыни, которая весной и осенью являлась хорошим пастбищем, определила и специфику хозяйства этого северного региона. Здесь наряду с орошаемым земледелием на плодородных почвах дельты развивается скотоводство, но на первом месте в стаде стоит не крупный, а мелкий рогатый скот, наиболее приспособленный к условиям полупустынных и пустынных пастбищ.

До открытия в низовьях Амударьи развитой ирригации эпохи бронзы большинство исследователей квалифицировали хозяйство населения того времени здесь как преимущественно скотоводческое<sup>130</sup>. Сейчас такая характеристика представляется нам несколько обобщенной. Население, представленное памятниками тазабаянской культуры, должно быть отнесено к хозяйственно-культурному типу земледельческо-скотоводов. При этом нельзя забывать о шедшем в Южной Акчадарьинской дельте процессе выделения типа оседлых земледельцев с развитой ирригацией, хозяйство которых было теснейшим образом связано с пастушеским скотоводством.

Судя по распространению стоянок амрабадской культуры на территории Акчадарьинской и южной части Сырдарьинской дельты, по явному увеличению количества лошадей в стаде и, видимо, вообще увеличению поголовья скота, в амрабадское время в Южном Приаралье произошло выделение хозяйственного типа полукочевых скотоводов из хозяйственно-культурного типа земледельческо-скотоводов предшествующего, тазабаянского, времени. В дальнейшем хозяйственно-культурный тип полуседлых скотоводов стал доминирующим на территории Сырдарьинской дельты на протяжении тысячелетий, оседлоземельческий хозяйственный тип с высокоразвитым искус-

<sup>130</sup> См., например: *Левин М. Г., Чебоксаров Н. П.* Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области (к постановке вопроса). — *СЗ*, 1955, № 4, с. 9; *Пиотровский Е. В.* Основные этапы древнейшего земледелия в Армении. — *Историко-филологический журнал (Ереван)*, 1961, № 3-4, с. 111.

венным орошением стал ведущим в Южной Акчадарьинской и Присарыкамышской дельтах Амударьи.

Таким образом, проблема взаимоотношений населения земледельческих оазисов и полукочевой степи возникает уже в эпоху поздней бронзы. Первое крупное общественное разделение труда привело к развитию обмена, который возникает еще в недрах родового строя, когда «различные общины находят различные средства производства и различные жизненные средства среди окружающей их природы. Они различаются поэтому между собой по способу производства, образу жизни и производимым продуктам. Это — те естественно выросшие различия, которые при соприкосновении общин вызывают взаимный обмен продуктами, а следовательно, постепенное превращение этих продуктов в товары»<sup>131</sup>. В эпоху поздней бронзы

обмен превращается в постоянно действующий фактор. Мобильность полукочевых скотоводов приводит их в соприкосновение с оседлоземледельческим населением с чуждой им культурой и этносом, однако заинтересованность сторон во взаимовыгодном обмене продуктами хозяйства и ремесла приводит их к естественной необходимости мирного сосуществования.

Примером могут служить многочисленные стоянки с лепной керамикой эпохи поздней бронзы по краю песков на границе Мургабского оазиса<sup>132</sup>, известного своей высоко развитой земледельческой культурой.

И дальнейшее прогрессивное развитие хозяйства и культуры населения низовий Амударьи — древнего Хорезмского оазиса — во многом зависело от постоянных и взаимовыгодных контактов с окружающей его кочевой периферией.

<sup>131</sup> Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 364.

<sup>132</sup> Сарияниди В. И. Степные племена эпохи бронзы в Маргиане.— СА, 1975, № 2, с. 26—28.

## ПОСЕЛЕНИЯ И ЖИЛИЩЕ

Исследование поселений, системы расселения, жилищ и находимых в них предметов материальной культуры, раскопки погребальных памятников — все это дает возможность археологам судить о хозяйстве, формах семьи, первобытной идеологии исследуемого общества.

На территории Средней Азии изучение первобытных поселений особенно интенсивно ведется в течение последних 25 лет.

Большой шаг вперед в этом направлении был сделан В. М. Массоном, который на материалах сельскохозяйственных поселений Юго-Западной Туркмении показал всю сложную систему их развития на протяжении тысячелетий (VI—II тысячелетия до н. э.)<sup>1</sup>. Несомненная заслуга В. М. Массона в том, что он сумел раскрыть внутреннюю динамику развития общества, которая ярко отразилась в планировке поселений в тот или иной период времени. Этот анализ дал ему возможность выявить определенные закономерности в развитии сельскохозяйственных общин подгорной полосы, поставить вопрос о формах общественной и семейной организации населения Юго-Западной Туркмении эпохи неолита и бронзы, наметить пути, по которым шел здесь процесс разложения первобытнообщинного строя, и переход к классовому обществу.

Низкий уровень строительной техники в эпоху неолита, невозможность постройки крупных домов из употреблявшихся в то время примитивных сырцовых кирпичей — «булоз» привели к тому, что родовой поселок эпохи

неолита представлял собой скопище маленьких однокомнатных домов, притом все хозяйственные постройки были общими. Дальнейшее развитие форм общественной организации фиксируется появлением в энеолите и в эпоху бронзы многокомнатных домов, сосредоточенных в одном поселке, но при этом каждый из них имел свои специальные хозяйственные помещения. Используя сравнительные этнографические материалы по жилищам западных публо, принадлежащих к тому же хозяйственно-культурному типу, что и древние южнотуркменские земледельцы, В. М. Массон пришел к выводу, что эти крупные жилые массивы населяли большесемейные общины.

Задача исторической реконструкции жизни племен, населявших северные районы Средней Азии, с использованием в качестве основного источника материалов по поселениям осложнена рядом обстоятельств.

Прежде всего, здесь мы имеем дело с огромной территорией (культурно-исторически в нее должен быть включен и Казахстан), разнородной по степени изученности, отсюда не единообразной в географическом отношении. Если климатически — это аридная зона, то географически — это аллювиальные дельтовые равнины, пески пустыни, районы бессточных впадин, боковые протоки отдельных русел, наконеч, районы, лишенные естественных источников воды.

Совершенно очевидно, что в эпоху первобытности, когда человек еще в значительной мере зависел от окружающей среды, такое разнообразие условий существования неизбежно должно было отразиться на условиях жизни людей и прежде всего на формах их хозяйства. Комплексный, скотоводческо-земледельческий характер хозяйства у различных племен, населявших эту территорию во II — начале I

<sup>1</sup> Массон В. М. Средняя Азия и Древний Восток. М., 1964, с. 303—350; *он же*. Эволюция первобытных поселений Средней Азии. — Успехи среднеазиатской археологии. I. JL, 1972, с. 5—10; *он же*. Поселение Джейтун. — МИА, № 180, 1971, с. 103—107. См. также: Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ. JL, 1976.

тысячелетия до н. э., предполагал, однако, в зависимости от условий их существования большую или меньшую роль земледельческого или скотоводческого направления. От этого в свою очередь зависела степень оседлости тех или иных племен или племенных групп и система их расселения. Совершенно очевидно, что и планировка поселений и типы жилищ в этих условиях не должны были быть единообразны. Поэтому, если бы мы ставили своей задачей выявить особенности расселения и типологию жилищ населения северных степных районов Средней Азии и на этой основе попытались бы наметить формы их общественной и семейной организации, мы не получили бы единообразной модели.

В центре нашего исследования — история населения Южного Приаралья, т. е. жителей древних дельтовых областей Амударьи в эпоху бронзы.

Здесь позже, чем на Юге, — в эпоху бронзы — развилось земледелие, но, как и на Юге, оно было ирригационным. Значительно позже, чем на Юге (не ранее VII—VI вв. до н. э.), сложилась здесь и сырцовая архитектура. Несколько более замедленный процесс развития производительных сил привел и к более замедленному процессу развития общественной организации, но он в целом шел теми же путями, что и на Юге, и может быть прослежен на материалах поселений и жилищ.

Топография стоянок, тесно связанная со степенью обводненности дельтовых протоков и временем их функционирования, показана нами выше (см. главу II).

В эпоху неолита стоянки — это крупные наземные дома из дерева и камыша, каркасно-столбовой конструкции, обитаемые родовой группой охотников, рыболовов и собирателей. В эпоху бронзы картина усложняется.

Система расселения племен эпохи бронзы в низовьях Амударьи в середине — второй половине II тысячелетия до н. э. может быть рассмотрена на материале тазабагыяских стоянок.

Часть их располагается на внутридельтовом пространстве, другая — в песках коренного берега Южной дельты или в котловинах выдувания песчаных массивов на внутридельтовом пространстве Северной дельты. Эти две категории стоянок отличаются не только своей топографией. Так, стоянки в песках обычно не содержат культурного слоя и следов жилищ, в то время как многие стоянки внутри дельты сохранили остатки домов-полуземлянок с культурным слоем. Для нас особый интерес представляют последние, причем наиболее яркую картину системы расселения тазабагыяских племен демонстрирует район Кокча — Джанбас.

Здесь, в зоне действия двух русловых протоков, обнаружено до десятка поселений, каждое из которых отделено от другого расстоянием, не превышающим 1 км. Такую группу составляют поселения в точке 1599, Кокча 15, 15А, 16, 17, 18, 19, поселения в точках 1609 и 1621. Наиболее крупное среди них поселение Кокча 15, насчитывающее до десяти домов, остальные поселения содержат по два-три дома каждое.

Вторая группа поселений расположена южнее. Это поселения Джанбас 33, 33А, поселения в точках 66—1, 1601 и поселение Джанбас 21. В этой группе поселение Джанбас 33 содержит пять домов, остальные — не более двух-трех<sup>2</sup>.

На поселениях Кокча 15 и 15А (рис. 25), 16 (рис. 29), 19, Джанбас 33 (рис. 41), 21 (рис. 43) сохранились следы арыков и полей, причем те дома, которые прослеживаются сейчас на современной дневной поверхности в виде цветowego пятна, ни в одном случае арыками не пересекаются. Это заставляет думать, что обнаруженная рядом с этими домами арычная сеть существовала синхронно с ними.

Несмотря на большое количество разведанных срубных поселений, раскопан их сравнительно немного. Однако и здесь наблюдается густота расположения поселений в поймах или на надпойменных террасах небольших протоков и, как правило, небольшое количество — не более трех-четырёх жилищ — на каждом поселении. Такую густоту расположения поселений некоторые исследователи объясняют частым переносом мест поселения по разным причинам — из-за истощения земельных участков, загрязнения площади поселения при развитии скотоводстве<sup>3</sup>. По-видимому, к ним следует добавить и возможные изменения в водном режиме речек, на берегу которых стояли срубные поселения.

Об андроновских поселениях есть сведения, что на протяжении 30 км их встречено восемь (р. Бахта), на протяжении 20 км — четыре (верхнее течение р. Урал)<sup>4</sup>. Для балымско-карташтинского этапа прикаспийской культуры

<sup>2</sup> Не совсем ясно, какие фактические материалы легли в основу заключения Б. В. Андрианова о том, что в эпоху бронзы и раннего железа в Хорезме (Южная Акчадаринская дельта) поселения состояли из нескольких десятков полуземлянок (Андрианов Б. В. Древние оросительные системы Приаралья. М., 1969, с. 113). Не говоря уже о тазабагыяских поселениях, самое крупное из известных нам поселений эпохи поздней бронзы — Яккө-Парас 2 — содержит 18 полуземлянок, а не несколько десятков, а поселений (с планировкой) раннежелезного века мы вообще не знаем.

<sup>3</sup> Сальников К. В. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967, с. 148, 149, 180.

<sup>4</sup> Там же, с. 248.

(третья четверть II тысячелетия до н. э.) характерно расселение по группам поселков, в каждой из таких групп было по пять поселений, расположенных неподалеку друг от друга<sup>5</sup>.

Иными словами, в целом система расселения эпохи развитой бронзы в степях Евразии была сходной с тазабагыбской. Однако, если мы при этом учтем количество домов в каждом поселке, то увидим, что срубные поселения ближе к нашим, — они состоят из двух — шести жилищ<sup>6</sup>. Андроновские стоянки и поселения эпохи бронзы как в Южном Приуралья, так и, например, в Центральном и Северном Казахстане, крупнее, они насчитывают от 6 до 20 домов<sup>7</sup>, расположенных притом весьма компактной группой. Для наших же поселений характерна разбросанность домов или групп домов на поселениях<sup>8</sup>. И срубные, и андроновские поселения располагаются обычно в пойме или на первой надпойменной террасе небольших рек, близ стариц или пойменных озер. Наши поселки все были в дельтовой области, что заставляет при анализе системы расселения и планировки отдельных поселений учитывать обстановка.

Прежде всего, мы не можем быть уверены, что все группы домов, расположенные на сравнительно небольшом расстоянии друг от друга, существовали одновременно. Затухание одних протоков, усиление стока по другим — типичный для дельты режим — приводили к тому, что люди на одном месте подолгу не жили. Поэтому, скажем, выявляемая путем

картографирования поселений интенсивная заселенность Южной дельты в эпоху бронзы, по-видимому, получается несколько преувеличенной. С другой стороны, надо иметь в виду, что необычайно благоприятные экологические условия способствовали здесь развитию ирригационного земледелия, что, несомненно, привело и к большей плотности населения в этом районе. Таким образом, выявленная на примере района Кокча — Джанбас система тазабагыбского расселения рисует в целом объективную картину, но при оценке плотности населения в данном районе непременно надо делать поправку на неустойчивость водного режима дельты, влекущего за собой частую смену людских мест поселений. Находки из культурного слоя домов, представленные в основном керамикой, в целом довольно однородны. Во всяком случае можно говорить о том, что междуречье Среднего и Восточного русла было заселено примерно в одно время.

Но даже при учете возможной неодновременности существования отдельных стоянок система, если так можно выразиться, хуторского расселения в тазабагыбское время представляется нам беспорядочной. Так же точно, как в районе Кокча — Джанбас, расположены стоянки и в районе Ангк-калы, и на русловом протоке в районе Кават-калы.

Поселения были неукрепленными, да при такой свободной системе расселения они и не могли быть укрепленными.

Чем диктовалось такое расположение поселений? По-видимому, характером хозяйства и уровнем его развития. Как мы уже писали, дома на поселениях стоят среди рынков и полей. Ирригационная сеть была уже достаточно разветвленной, и поддержание ее требовало усилий жителей всего поселка или даже группы поселков, но поля или огородные участки, располагавшиеся около домов, обрабатывались, видимо, населением каждого дома или двух-трех домов, если они стояли рядом. Условия дельтового режима, обеспечивающего древним земледельцам легкодоступные источники воды, благоприятные климатические условия — все это способствовало расселению здесь большого количества людей, а система ведения земледельческого хозяйства на данном этапе предопределила такую разбросанность поселков и домов на них.

Близкая система расселения была прослежена археологами на американском Юго-Западе, в области, входящей в аридную зону и в целом близкой нашей по общности хозяйственно-культурного типа.

В бассейне р. Хила были исследованы ирригационные системы и остатки поселений культуры хохокам (VIII—IX вв. н. э.). По-

<sup>5</sup> Халиков А. Х. Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969, с. 360.

<sup>6</sup> Синицын И. В. Поселения эпохи бронзы степных районов Заволжья. — СА, XI, 1949, с. 223.

<sup>7</sup> Сальников К. В. Андроновские поселения Зауралья. — СА, XX, 1954, с. 245, табл. I; Маргулан А. X., Акишев К. А., Кадарбаев К. М., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966, с. 204 сл.; Оразбаев А. М. Поселение Чаглина (Шагалалы). Некоторые формы и типы жилищ. — Сб.: По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970, с. 130; Зданович Г. Б. Периодизация и хронология памятников эпохи бронзы Петропавловского Прииртышья. Автореф. канд. дисс. М., 1975.

<sup>8</sup> В этой связи и ввиду недоработки можно отметить заключение Ю. А. Задисперского о сходстве тазабагыбских поселений Приуралья и андроновских Казахстана как по числу домов на поселениях, так и по их площади (Задисперский Ю. А. Типы поселений и жилища Ферганы бронзового века. — Реконструкция древних общественных отношений по археологическим материалам жилищ и поселений. Краткие тезисы докладов на объединенном симпозиуме методологического семинара и сектора Средней Азии и Кавказа ЮИИА АН СССР, 23—26 апреля 1973 г. Л., 1974, с. 32). Тазабагыбские поселки и мышьне, и планировка у них иная, а размеры жилищ редко превышают 100 кв. м.



селения располагались вдоль Хилы и ее притоков, имеющих низкие берега, что давало возможность выводить каналы непосредственно из русла.

Поселения представляли собой группу домов без какого-либо четкого плана, расположенную близ воды и полей. Они были разбросаны на большой площади поблизости друг от друга, так что иногда трудно сказать, где начинается одно поселение и кончается другое<sup>9</sup>. Сходная система расселения была зафиксирована в бассейне р. Диала в Месопотамии, но для более раннего, чем исследуемое нами, времени<sup>10</sup>.

Возвращаясь к тазабагыбским поселениям, теоретически можно предположить, что в каждой группе стоянок была одна, более крупная, являвшаяся своеобразным центром этой группы. Может быть, таким центральным было поселение Кокча 15, насчитывающее до десяти домов и имевшее один очень крупный дом (дом 2) — может быть, дом вождя — и расположенный рядом дом 3, явно нежилкой и, возможно, являвшийся каким-то сооружением общественного характера.

В отличие от андроновских поселений, на площади которых всегда есть зольники, на тазабагыбских стоянках их нет. Площадь вокруг домов или близ них не имеет культурного слоя. Это обстоятельство вряд ли может быть объяснено худшей стеновью сохранности наших поселений, так как на их же площади мы находим более позднюю позднеандоновскую керамику, а тазабагыбской керамики вокруг домов почти нет. Может быть, и здесь дело в том, что дома каждого поселка не образуют компактной группы на территории поселения, они просто стоят среди полей. К тому же, жизнь на тазабагыбских поселениях не была, видимо, долговременной — усыхал русловой проток, и люди снимались с места, так что культурный слой накопиться вокруг домов просто не успевал.

Ведущим типом жилища в Южном Приарале в эпоху бронзы была полужемлянка, однако, по-видимому, распространился он здесь не ранее середины II тысячелетия до н. э.

В эпоху неолита, как уже говорилось, строили наземные большие дома типа шалашей овальной формы, со столбовой конструкцией.

Переход к прямоугольным жилищам типа

полужемлянок мог быть продиктован переходом потомков неолитических охотников и рыболовов к производящей форме хозяйства и связанной с этим большей оседлостью<sup>11</sup>. Распространение прямоугольных домов-полужемлянок могло быть связано с приходом на эту территорию срубно-андоновских групп населения, тем более что и климатические условия Южного Приарала с его жарким летом и холодной зимой способствовали внедрению именно этого типа жилища.

Для тазабагыбской культуры характерны прямоугольные полужемлянки двух типов: с коридорообразным входом и предвходным сооружением и просто с коридорообразным входом. В обоих случаях полужемлянки вытянуты, как правило, меридионально и входом обращены к югу, юго-востоку, юго-западу. Площадь этих домов (табл. V) колеблется в пределах 100 кв. м, часть домов имеет площадь от 40 до 70 кв. м, часть — от 80 до 100 кв. м. Свыше 100 кв. м имеют площадь дом 2 на стоянке Кокча 15, дома 1 и 2 (вместе с пристройкой) на стоянке Джанбас 21, дом 2 на стоянке Ангка 5 и дом 1 на стоянке Кават 3. Таким образом, если судить по размерам, дома тазабагыбских поселений в целом меньше андроновских<sup>12</sup> и ближе к срубным<sup>13</sup>, хотя среди последних встречаются дома и с большей площадью. Сохранившаяся глубина котлована в среднем равна 0,5—0,8 м (от уровня современной дневной поверхности), но есть дома, глубина которых превышает 1,0 м. Уровень пола коридорообразного входа постепенно повышается по мере удаления от входа в полужемлянку. При этом перепад в отметках достигает иногда 30—40 см. В тех случаях, когда этот коридор удалось четко проследить, его длина колебалась в пределах 3—6 м при ширине в среднем 1,5 м. Для домов района Кокча — Джанбас характерно завершение прохода полукруглой, чуть заглубленной площадкой, как правило, лишенной следов культурного слоя. Диаметр этой площадки равен обычно 3,5—4 м.

Сходного, но не идентичного плана постройки были обнаружены в Северном Казахста-

<sup>9</sup> Gladwin H. S. A History of the Ancient Southwest. Portland, Maine, 1957, p. 87, 147; Haury E. W. Speculations on Prehistoric Settlement Patterns in the Southwest.— In: Willey G. R. (ed.). Prehistoric Settlement Patterns in the New World. N. Y., 1956, p. 4—8.

<sup>10</sup> Adams R. M. C. Land behind Baghdad. A History of Settlement on the Dijala Plains. Chicago a. London, 1965.

<sup>11</sup> О связи прямоугольной планировки домов с оседлостью, проследенной на археологическом материале, см.: Flannery K. V. The Origins of the Village as a Settlement Type in Mesoamerica and the Near East. A comparative Study.— In: Man, Settlement and Urbanism. London, 1972, p. 29. То же на этнографическом материале см.: Whiting G. W. M., Ayres B. Inferences from the Shape of Dwellings.— In: Chang K. C. (ed.). Settlement Archaeology. Palo Alto, 1968, p. 117—133.

<sup>12</sup> Сальников К. В. Андроновские поселения Зауралья, с. 251.

<sup>13</sup> Синицын И. В. Поселения эпохи бронзы..., с. 223; Грязнов М. П. Землянки бронзового века близ хутора Ляшчьева на Дону.— КСИИМК, I, 1953, с. 139.

Таблица V

## Тазабатгыбское жилище

Поселение	№ дома	Тип жилища	Жилище				Проход				Очаг		Примечание
			длина, м	ширина, м	площадь, кв. м	сохранявшаяся глубина котлонадзора, м	длина, м	ширина, м	сохранявшаяся глубина, м	ориентировка	тип	размеры, м	
Кочка 15	1	?	10,0	8,5	85,0	—	—	—	—	—	—	—	Не раскопан
	2	Полуземлянка	10,8	12,0	129,6	0,8—0,9	5,2	1,7	0,8—0,3	Ю	Яма без бортика	1,4×0,9	Раскопан
	3	Наземное, заглубл.	10,0	8,5	85,0	0,55	—	—	—	Ю	Сдвоенная яма	1,2×0,8	То же
	4	Полуземлянка	6,8	5,0	34,0	0,5	3,5	2,8	0,4	Ю	Яма без бортика	0,8×0,8	» »
	5	То же	8,5	7,8	66,3	0,5	?	1,6	0,4	Ю	Яма с бортиком	1,0×1,0	» »
	6	» »	10,0	8,4	84,0	0,7	4,4	1,5	0,6—0,3	Ю-В	То же	1,0×1,2	» »
	7	» »	10,0	8,0	80,0	0,3	4,8	1,5	0,3	Ю-В	» »	1,5×1,0	» »
	8	?	5,0	5,0	25,0	—	—	—	—	—	—	—	Не раскопан
	9	Полуземлянка	3,4	5,4	28,36	0,6	3,5	1,0	0,4	Ю-В	Яма без бортика	0,8×0,6	Раскопан
Кочка 15А	10	То же	8,5	7,0	59,50	0,6	—	—	—	Ю	Яма с бортиком	1,5×1,24	То же
	1	» »	10,6	9,2	97,52	1,0	?	1,5	0,8	Ю	То же	1,6×1,4	» »
	2	» »	10,5	7,1	74,55	0,25	?	0,6	0,6	Ю	» »	1,6×1,25	» »
	3	» »	9,0	7,0	63,0	0,3	4,3	1,4	0,3	Ю-В	» »	1,03×0,96	» »
Кочка 16	4	?	8,0	7,6	60,8	—	—	—	—	—	—	—	Не раскопан
	1	Полуземлянка	8,6	10,0	86,0	0,7	2,8	1,8	0,6	Ю-З	Яма без бортика	1,2×1,1	Раскопан
	3	То же	6,4	7,4	47,36	0,5	3,0	1,4	0,4	Ю	Яма с бортиком	1,0×1,0	То же
Кочка 17	1	?	10,0	8,0	80,0	—	—	—	—	—	—	Не раскопан	
Точка 169	1	?	8,0	6,0	48,0	—	—	—	—	—	—	То же	
Точка 1621	1	?	12,0	7,0	84,0	—	—	—	—	—	—	» »	
Джабас 30	1	Полуземлянка	6,0	7,0	42,0	0,45	—	—	—	Ю	Яма с бортиком	1,22×1,2	Раскопан
	2	То же	8,0	8,0	72,0	0,4	2,1	1,2—1,5	0,3	Ю	То же	1,3×1,2	То же
	3	» »	9,4	8,6	72,24	0,3	2,0	1,2—1,5	0,2	Ю-В	» »	0,8×0,7	» »
Джабас 33	1	» »	6,6	7,5	49,5	0,5	3,5	1,5	0,4	Ю-В	Без ямы	—	» »
	2	» »	4,8	4,5	21,6	0,4	2,0	1,3	0,3	Ю-В	Яма без бортика	0,6×0,9	» »
	3	?	7,5	6,0	45,0	—	—	—	—	—	—	—	Не раскопан
	4	?	7,0	7,0	49,0	—	—	—	—	—	—	—	То же
	5	?	7,5	6,0	45,0	—	—	—	—	—	—	—	» »
Джабас 33А	1	?	10,0	9,0	90,0	—	—	—	—	—	—	—	» »
	2	?	8,0	9,0	72,0	—	—	—	—	—	—	—	» »
	3	?	7,0	8,0	56,0	—	—	—	—	—	—	—	» »
Джабас 21	1	Полуземлянка	14,0	10,0	140,0	1,25	6,0	1,2—1,5	0,6	Ю-В	Яма с бортиком	1,6×1,1	Раскопан
	2	То же	19,0	9,8	98,0	1,4—1,6	—	1,5	0,8	Ю	То же	1,4×1,1	То же
Байрам-Каган 2	1	» »	7,0	10,0	70,0	0,95	—	—	0,7	Ю-З	» »	1,3×1,1	» »
Джингельды 10	1	» »	6,8	5,5	37,4	0,8	8,0	Около 1,0	—	Ю-З	—	—	Частично раскопан
Каунды 14	1	Наземное	5,0	3,6	18,0	—	—	—	—	Ю	Яма без бортика	1,1×0,9	Раскопан
Анка 5	1	Полуземлянка	42,2	7,4	30,28	0,25	—	—	—	С-В	Без ямы	—	То же
Кават 3	1	То же	10,5	10,0	105,0	0,5	4,2	2,8	0,5	С-В	Яма без бортика	Диаметр 0,7	» »
	2	» »	12,0	11,0	132,0	0,2	—	1,0	0,2	Ю	То же	1,8×1,6	» »

не<sup>14</sup>, где они названы восьмеркообразными. Жилища с такой планировкой были раскопаны на поселении эпохи поздней бронзы Чаглинка<sup>15</sup>. Однако там предходовая часть была тоже полуземлянкой и содержала небольшое количество находок. Последнее обстоятельство и отсутствие очага заставили исследователей предположить, что это были хозяйственные помещения<sup>16</sup>. Незаглубленность предходовой части жилищ в нашем случае и отсутствие там культурного слоя дали основание видеть в ней сооружение типа айвана, необходимого при южной ориентировке входа в дом. Такая ориентировка, кстати, совершенно оправдана, если учесть, что господствующие ветры здесь северо-восточные, а западная сторона в этих местах самая жаркая.

Сходный с нашими полуземлянками план имеют дома поселения Шабик в каньоне Чако (американский Юго-Запад), принадлежащего к культуре «корзишников» (Basketmakers) и датируемого VIII в. н. э.<sup>17</sup> Они удивительно похожи на наши дома с айваном, но там уровень полов жилого помещения, коридорообразного входа и предходового сооружения — единый.

Исследователи называют эти предходовые помещения «вентиляторами», полагая, что вход в них, традиционно для этих мест, был через крышу.

Четыре таких дома, но с круглой, а не прямоугольной жилой частью и меньших размеров были раскопаны Л. Бинфордом на поселении Хэтчер Вест (Средний Запад). У них коридорообразный вход имеет расширение в противоположном от входа в жилище конце, которое Бинфорд трактует как место для удержания влаги или тоже как «вентилятор»<sup>18</sup>. Он называет этот тип планировки «дом в форме замочной скважины» (keyhole house)<sup>19</sup>. Характерно, что здесь, как и у нас, уровень пола жилища ниже уровня пола в коридоре<sup>20</sup>, а вход ориентирован на юго-восток<sup>21</sup>. Эта ориентировка, по мнению Бинфорда, свидетельствует

(для тех широт) о том, что вход был обращен к восходу солнца в позднем ноябре<sup>22</sup>.

Мы не проводили подобных исследований, но можем предположить, что наши полуземлянки были вырыты в период наибольшей увлажненности древней дневной поверхности, так как в увлажненных суглинках и сунеси гораздо легче вырыть котлован полуземлянки, чем в сухом грунте. Поскольку речь идет о дельтовой области с изменчивым водным режимом, установить время года, в которое строились эти дома, затруднительно. Несомненно одно: люди строили свои дома, ориентируя их на юг, юго-восток и юго-запад<sup>23</sup>, в расчете на оптимальные условия и летом, и зимой. Кстати, отсутствие каких-либо следов столбовых ям в предходовом сооружении, по-видимому, является свидетельством того, что над ним был легкий навес.

Среди раскопанных нами тазабагыбских жилищ нет ни одного состоящего из двух или трех помещений, соединенных между собой переходами, как это часто наблюдается на срубных и андроновских поселениях. Выделяется своей необычной планировкой дом 2 на поселении Джанбас 21, к юго-западному углу которого примыкает дополнительное помещение площадью 6,4×4 м, вытянутое в широтном направлении. Оно полностью открыто в сторону основного помещения дома 2, а уровень его пола на 25—30 см выше уровня пола дома 2. Ни очага, ни хозяйственных ям, ни находок в этом помещении не было, культурный слой толщиной 2—4 см был попросту натоптан. Точно такая же планировка была зафиксирована в доме 1 на поселении Кочка 16 (рис. 31), но там дополнительное помещение вдвое меньшей площади. Там так же, как в предыдущем случае, разница в уровне полов 25—30 см, так же нет никаких находок. Может быть, и в том и в другом доме это было место для спанья типа нар в срубных жилищах, но, по-видимому, там спали в летнее время, так как зимой людям вдали от очага было холодно.

Все тазабагыбские полуземлянки имели каркасно-столбовую конструкцию. Столбовые ямки диаметром 16—20 см расположены обычно по внутреннему периметру стен полуземлянки. В домах 2 и 6 на поселении Кочка 15 и в доме на стоянке Байрам-Казган 2 они иногда парные. На поселении Джанбас 30 в домах 2 и 3, в доме на поселении Байрам-Казган 2 удалось проследить второй ряд столбовых ям, от-

<sup>14</sup> Акишев К. А. Памятники старины Северного Казахстана.— Труды Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР, т. 7. Алма-Ата, 1959, с. 17.

<sup>15</sup> Орабаев А. М. Поселение Чаглинка..., с. 129 сл., рис. 1 и 7.

<sup>16</sup> Там же, с. 139.

<sup>17</sup> Gladwin H. S. A History of the Ancient Southwest, p. 120, 121 (ill).

<sup>18</sup> Binford L. R. and Binford S. R., Whallon R., Hardin M. A. Archaeology of Hatcher West.— Memoirs of the Society for American Archaeology, 24. Washington, 1970, p. 18.

<sup>19</sup> Ibid., p. 16.

<sup>20</sup> Ibid., p. 24.

<sup>21</sup> Ibid., p. 16.

<sup>22</sup> Ibid., p. 28.

<sup>23</sup> Исключением являются два дома на стоянке Ангка 5, ориентированные входами на северо-восток, но они содержат и самый поздний тазабагыбский материал.

стоящий от стен дома, т. е. от первого ряда, примерно на 1,5—2 м. Этот второй ряд столбов располагался вокруг очага, по обеим сторонам которого были обычные ямы для крупных опорных столбов. Так, в доме 2 Кочки 15, самом крупном в этой группе поселений, в центре дома были две ямы, каждая диаметром 0,6 м, к тому же по одной яме диаметром 0,4—0,5 м было в углах дома. По паре столбовых ям диаметром 0,3—0,4 м было с западной и восточной сторон очага в доме 5 на том же поселении. В домах на поселении Джанбас 30 таких центральных ям было обычно две.

Столбы, стоявшие вдоль стен, служили основой каркасной конструкции наземной части стен и были переплетены прутьями и связками камыша. Перекрытие было, по-видимому, двускатным, основу его составляли жерди, покрытые травой или камышом, причем, судя по остаткам перекрытия, в доме на стоянке Байрам-Казган 2 жерди эти образовывали конструкцию типа решетки. Столбовые ямки зафиксированы и в проходах, из чего следует, что проходы тоже были перекрыты. Другим доказательством этого служит и характер заполнения проходов, которое не отличается от заполнения собственно жилища. В доме 6 на поселении Кочка 15 во входе из коридора в полуземлянку зафиксированы следы деревянного порога. Плетень стен не всегда обмазывали. Во всяком случае в домах на поселении Джанбас 30 и в доме на стоянке Байрам-Казган 2 следов обмазки нет.

Система расположения столбовых ям во всех полуземлянках, вырытых и в суглинке, и в супеси, в целом была, видимо, единообразной и для Южного Приарала традиционной. Как известно, три ряда столбовых ям было обнаружено в наземном доме на неолитической стоянке Джанбас 4<sup>24</sup>, но он был больше, чем дома эпохи бронзы; два ряда — в наземном доме на поздне-неолитической стоянке Кават 7<sup>25</sup>; два ряда столбовых ям и две большие столбовые ямы в центре — в наземном неолитическом доме на стоянке Дарбазакир 1<sup>26</sup>.

Особенность конструкции дома на стоянке Байрам-Казган 2 заключалась в том, что столбы у его стен были наклонены к центру и все сооружение имело вид шалаша, нижняя часть стен которого была снаружи подсыпана песком (последнее обстоятельство подтверждается данными разреза).

По-видимому, некоторое сходство в конструкции этого дома и неолитических жилищ связано с тем, что все они выстроены на песке, а отсутствие обмазки на стенах дома может быть объяснено желанием облегчить конструкцию.

Полы в домах, как правило, были земляными. Однако в доме 7 на поселении Кочка 15, в доме 1 на поселении Кочка 15А и в доме на поселении Байрам-Казган 2 были обнаружены участки пола с обмазкой. Похоже, что пол в доме на стоянке Кават 3 тоже был обмазан. В большинстве случаев покрытие пола глиняной обмазкой было, видимо, связано с тем, что при рытье котлована для дома его строители выходили на слой серого амударьинского аллювия, который необходимо было укрепить дом на поселении Байрам-Казган 2 просто был выстроен на склоне песчаной гряды).

Все дома имеют по одному полу, и лишь дом 1 на поселении Кочка 15А и дом 1 на поселении Джингельды 10 имели по два пола. В этих домах нижний пол был покрыт обмазкой с заходом на нижнюю часть земляных стен, толщина ее равна 3—5 см. В доме на поселении Кочка 15А поверх культурного слоя, лежавшего на нижнем полу, был намазан второй пол, глиняная обмазка которого также заходила на стены. Если на нижнем полу были очаг и хозяйственные ямы, то на верхнем — ничего этого не было, однако культурный слой здесь достигал мощности 60 см, в нем были находки. Назначение жилища в этот второй период его существования неясно. Разделить хронологически два строительных горизонта, опираясь на находки в них, невозможно.

Сходная картина в доме на поселении Джингельды 10, в котором вскрыта лишь его северо-восточная четверть. Это прямоугольник площадью 6,8×5,5 м, с бутылкообразным входом в южной части и узким проходом длиной 8,0 м, обращенным на юго-запад. Сохранившаяся глубина котлована 80 см. Дом был вырыт в песке, его пол и, возможно, стены (в углубленной части) были обмазаны глиной. Обмазка пола сохранилась на некоторых его участках и имеет толщину до 3 см. На полу отложился культурный слой: в центре — до 20 см, у стен — до 40 см. Он углистый, а на стенах лежат более старые балки перекрытия диаметром до 8 см, прутья, камыш. Несмотря на достаточную мощность культурного слоя находок в нем мало. Это фрагменты костей животных и керамики. После пожара дом был заброшен, на его стенах и поверх культурного слоя отложился навешный песок. Но через некоторое время его решили, видимо, восстановить. Поверх всех этих напаставаний был намазан еще один пол, на котором отложился в свою оче-

<sup>24</sup> Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948, с. 61.

<sup>25</sup> Виноградов А. В. Неолитические памятники Хорезма.—МХЭ, 8, 1968, с. 69, рис. 26.

<sup>26</sup> Гулязов Я. Г., Исламов У., Аксаров А. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зеравшана. Ташкент, 1966 с., 98.

редь тонкий (4—5 см) культурный слой. Но он не содержит находок, так что назначение дома во второй период его жизни неясно.

Таким образом, совершенно очевидно желание людей использовать дома на обоих поселениях вторично, но находки на верхнем полу в одном случае (Кокча 15А) и отсутствие их в другом (Джингельды 10) заставляют думать, что назначение этих домов во втором периоде их существования было различным.

В отличие от андроновских жилищ, насчитывающих обычно по несколько очагов, тазабагыские дома имеют только один большой очаг в центре. Правда, в доме 7 на поселении Кокча 15 были обнаружены неглубокие ямки типа жаровен, такие же ямки были и в доме на поселении Кават 3, но это все исключения, а не правило. Тазабатские очаги — ямы прямоугольной, реже овальной (табл. V) формы, обычно целиком заполненные золой и пеплом. Рядом часто бывает круглая яма, в которую, видимо, сбрасывали золу и пепел при чистке очага.

В районе Кокча — Джанбас очажные ямы нередко обрамлены глинобитным бортиком высотой 5—10 см, шириной 10—15 см, который разомкнут со стороны, обращенной к входу. В доме на поселении Байрам-Казган 2 и в доме 7 на поселении Кокча 15 очажные ямы имеют овальную форму, и соответственно ту же форму имеют окружающие их глинобитные бортики. Очаги, обрамленные глинобитным бортиком, были обнаружены при раскопках поселения на «вышке» Намазга-тепе (период Намазга VI) <sup>27</sup>. В Южном Приарале эта конструкция может считаться типичной для района Кокча — Джанбас, так же как и полужемлянки с предвходными сооружениями.

В доме 1 на поселении Ангка 5 и в доме 1 на поселении Джанбас 33 очажной ямы не было, огромная гряда пепла лежала просто на полу.

Единственный в своем роде очаг в доме 3 на поселении Кокча 15. Это две ямы размерами 1,2×0,8 м, глубиной 12 см, отделенные друг от друга естественной перемычкой шириной 5—10 см. Они, как и остальные очаги, заполнены продуктами горения и не содержат культурных остатков.

По-видимому, к числу обогревательных сооружений относятся неглубокие (8—9 см) канавки, заполненные золой, обнаруженные нами в свое время в доме на поселении Кават 3 <sup>28</sup>, а теперь в домах 6 и 7 на поселении Кокча 15

и в доме 2 на поселении Джанбас 30. Канавки были обнаружены и на поселении Тасты-Бутак (они глубже и шире паших) <sup>29</sup>, и в Алексеевке <sup>30</sup>, и в срубных жилищах близ хут. Ляичева <sup>31</sup>. В последнее время канавки были зафиксированы на поселении эпохи поздней бронзы Ильинка 1 (Северный Казахстан) <sup>32</sup>. Исследовавший их Г. Б. Зданович не соглашается с мнением В. С. Сорокина, трактующего эти канавки как проходы, отделяющие нары от остального помещения <sup>33</sup>, но и своего решения не предлагает. Нам представляется, что выдвигнутая нами гипотеза о назначении этих канавок <sup>34</sup> во всяком случае для Южного Приаралья остается вполне правомерной. По-видимому, они служили для обогрева, и на них, постелив шкуру, люди спали, как и теперь спят пастухи в пустыне на золе отгоревших костров.

Возможно, что косвенным подтверждением нашей правоты служит раскопанное там же в Северном Казахстане жилище на поселении эпохи поздней бронзы Покровка III. В центре его были прорыты две параллельные канавки шириной 0,3—0,7 м, длиной 6 м, к которым примыкали основные очаги помещения <sup>35</sup>.

Еще одно своеобразное сооружение, встречающееся в некоторых домах, — это земляные нары, или суфы. Наиболее четко суфа была прослежена в доме 1 на поселении Кокча 16, где она шла вдоль всей восточной стены дома. Подобие суфы или лежанки было обнаружено и в доме 5 на поселении Кокча 15. Эта конструктивная деталь облегчает наши жилища со срубными, хотя на андроновских поселениях нары иногда тоже встречаются.

Площадь всех домов обычно испещрена круглыми и овальными хозяйственными ямами разных размеров. Их количество бывает столь велико (например, в доме на поселении Кават 3), что нет никаких сомнений, что все они одновременно существовать не могли. Как правило, основная масса ям группируется в северной половине домов, противоположной входу, там же обычно и больше находок. Площадка перед входом относительно «чистая».

<sup>29</sup> Сорокин В. С. Жилища поселения Тасты-Бутак. — КСИА, 91, 1962, с. 53—55.

<sup>30</sup> Крицовой-Гракова О. А. Алексеевское поселение и могильник. — Труды ГИМ, XVII, 1948, табл. V.

<sup>31</sup> Грязнов М. П. Землянки бронзового века близ хутора Ляичева..., рис. 59 и 60.

<sup>32</sup> Зданович Г. Б. Новое поселение эпохи бронзы в Северном Казахстане. — Сб.: По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970, с. 148, 151.

<sup>33</sup> Сорокин В. С. Жилища поселения Тасты-Бутак, с. 54—55.

<sup>34</sup> Игита М. А. Раскопки стоянки Кават 3..., с. 105.

<sup>35</sup> Зданович Г. Б., Зданович С. Я., Зайберт В. Ф., Бойко Т. А., Хабдулина М. К. Работы в Северном Казахстане. — АО 1972 г. М., 1973, с. 448.

<sup>27</sup> Хлопин И. И. «Вышка» Намазга-тепе. — АО 1965 г. М., 1966, с. 73, 74.

<sup>28</sup> Игита М. А. Раскопки стоянки Кават 3 в 1958 г. — МХЭ, 6, 1963, с. 105.

Хозяйственные ямы служили, видимо, для разных целей, в том числе и для хранения запасов. Об этом косвенно свидетельствуют ямы дома 7 на поселении Кокча 15, обмазанные изнутри глиной. В ряде домов крупные хозяйственные сосуды были обнаружены стоящими в ямах, но никаких следов содержимого этих сосудов не сохранилось.

Конструктивно тазабагыбские дома в целом могут быть включены в одну группу со срубными и андроновскими жилищами, отличающимися от них некоторыми особенностями. К числу последних следует отнести айван перед входом в дом; один, а не несколько очагов, к тому же своеобразной конструкции; устойчиво сохраняющаяся с эпохи неолита каркасная конструкция стен, в большинстве случаев покрытых глиняной обмазкой. Несомненно оседлый характер поселений, жители которых занимались земледельческо-скотоводческим хозяйством, не привел однако к столь раннему, как в южных районах Средней Азии, появлению домов из сырцового кирпича. Это легко объясняется вынужденной подвижностью тазабагыбского населения, связанной с изменчивостью водного режима дельты. Люди действительно часто переселялись с места на место, о чем свидетельствуют малая мощность культурного слоя в домах (не более 40 см) и, как правило, относительно небольшая насыщенность его находками.

Система расселения и планировка поселений неолитических охотников и рыболовов (кельтемпарская культура) и населения Южного Приаралья эпохи развитой бронзы (тазабагыбская культура) существенно различаются, причем в основе изменений лежат причины социально-экономического характера. Переход к производящей форме хозяйства, особенностью которого для этого региона было сочетание ирригационного земледелия со скотоводством, привел к появлению оседлых поселений. Разбросанные на большой территории сезонные стоянки охотников и рыболовов с одним крупным родовым жилищем сменяются группами земледельческих поселений, каждая из которых включала до десяти таких поселений. Наряду с ними существовали и подвижные поселения пастухов-скотоводов в песках, бывшие, по-видимому, сезонными. Пастухи-скотоводы и земледельцы, жившие на внутридельтовом пространстве, принадлежали к одной племенной группе и в зимнее время жили вместе. Не исключено, что предеховские сооружения, или, как мы их называем, айваны, в зимнее время превращались в закрытую наземную постройку, где содержался скот. Характерно, что в середине — второй половине II тысячелетия до н. э. (в тазабагыбское время) основным

местом выпаса скота были пески коренного берега Акчадарынской дельты, преимущественно Южной (в Северной дельте тазабагыбских стоянок немного), расположенные неподалеку от оседлых земледельческих поселений.

Дельтовое земледелие, при котором обрабатывались отдельные небольшие участки близ действующего в этот момент затухающего протока или старицы, требовало затраты сил коллектива людей, непосредственно потребляющих урожай, собранный с данного участка. По-видимому, поселения из двух-трех или трех-пяти домов были населены родственными семьями, образующими большесемейную общину. Вряд ли каждый из этих небольших поселков представлял собой отдельную общинно-родовую группу, скорее ее образовывала группа таких поселков.

По-видимому, в домах, площадь которых превышала 100 кв. м, жила большая семья, в составе которой было несколько нуклеарных. С другой стороны, процесс выделения отдельных семей из большесемейной общины демонстрируют небольшие дома (их площадь колеблется в пределах 50 кв. м) на поселении Джанбас 33, сгруппированные по два и по три, причем в каждой группе дома стоят вплотную друг к другу. Процесс увеличения численности населения одной большесемейной общины можно наблюдать на примере планировки стоянки Джанбас 30. Первоначально существовали два дома — 2 и 3, сооруженные, видимо, одновременно. Дом 1, судя по его расположению относительно дома 2 (рис. 44), был построен позднее и несомненно был жилым. Так как все три дома стоят вплотную друг к другу и стратегия их едина, возникает мысль, что какое-то время все три дома существовали одновременно и постройка дома 1 была связана с увеличением числа членов данной группы.

Выделить на поселениях дома общинного характера невозможно. Может быть, таким был дом 3 на поселении Кокча 15, но доказать это трудно.

Возникает еще вопрос: где хранились запасы зерна и являлись ли они общинно-родовой собственностью? Думается, что каждая большесемейная община была владельцем собранного с определенного участка урожая и распределяла его между своими членами, а обрабатываемая земля могла быть общинно-родовой собственностью.

По-видимому, помимо общей земли племени (описанной Ф. Энгельсом на примере прокезов)<sup>36</sup>, учитывая условия дельтового земледелия с его непостоянным водным режимом, существовала какая-то определенная общинно-

<sup>36</sup> Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 92—93.

родная территория, которую не могли использовать члены другой общины. «Раздел территории» устанавливался, очевидно, по соглашению (такие добровольные соглашения зафиксированы этнографами), нарушение которого исключалось, так как иначе трудно объяснить свободную систему расселения табатабгябцев на площади дельты и отсутствие каких-либо следов укреплений на поселениях.

Увеличение продуктивности производящего хозяйства, совершенствование средств и орудий производства, увеличение численности населения — все это привело в эпоху поздней бронзы к существенным изменениям в системе расселения, хозяйстве и общественной организации.

Амирабадские поселения располагаются на боковых протоках Западного Акчадарынского русла, но, насколько можно судить, расстояние между ними уже равно нескольким километрам. Судя по поселениям Якке-Парсан 2, Кават 2, Каунды 1, Базар 1, дома не разбросаны по площади поселения, а составляют довольно компактную группу — например, на поселении Якке-Парсан 2—19 домов, на поселении Кават 2 — 5—7 домов<sup>37</sup>. В обоих случаях дома располагаются между двумя русловыми протоками, исчисляемыми в качестве каналов. Наиболее отчетливо эта планировка видна на поселении Якке-Парсан 2, стоящем как бы на мысе, причем в северной части этот мыс перегорожен четырьмя домами (один дом не раскопан). Никаких следов укреплений и здесь нет, но может быть, именно такая планировка поселения служила целям его защиты от возможного нападения. При несомненном сохранении земледельческого характера хозяйства поля уже не составляют с территорией поселка одно целое, как было в табатабгябское время, они находятся вне поселка. Если мы говорим, что площадь поселения Якке-Парсан 2 равна 250×150 м, то имеем в виду площадь собственно поселка, т. е. места, где стоят дома. Процесс высыхания Акчадарынской дельты, зашедший в тот период достаточно далеко, способствовал большей стабилизации ее водного режима и соответственно возможности более длительного обитания людей на одном месте. На Якке-Парсан 2 мы встречаем обжитое пространство с культурным слоем, хозяйственными ямами и очагами на площади поселения вокруг домов. Культурный слой сохранился до наших дней не только в котлованах жилищ, но и на площади поселения, и это служит одним из свидетелей того, что накапливался он не один сезон.

<sup>37</sup> Ягодин В. П. Поселение амирабадской культуры Кават 2. — МХЭ, 4, 1963, с. 130—140.

Теперь мы можем более уверенно говорить о сезонных, временных поселениях амирабадского времени. И планировка, и тип жилищ отличаются от долговременных поселений типа Якке-Парсан 2. По-видимому, такими сезонными поселениями были стоянки Каунды 1 и Базар 1. Ни на той, ни на другой нет и следов полуземлянок, а жилище типа шалаша, расплапанное на стойке Каунды 1, невелико по площади и не имело даже очаговой ямы — вместо нее использовалась груда раскаленных камней.

Основным типом жилища на оседлых поселениях земледельцев остается полуземлянка прямоугольной формы. Однако теперь появляются двоянные или даже строенные жилища, соединенные между собой проходами и имеющие часто каждое самостоятельный выход к воде. Такой тип домов характерен для андроновских поселений, где он появляется раньше, чем у нас, — в алакульское время.

Еще одна деталь: дома больше не ориентированы строго на юг или юго-восток, их входы имеют самую различную ориентировку, очевидно, в зависимости от необходимости. Поскольку предвходовых сооружений типа айванов мы нигде не встретили (за исключением неясной конструкции перед входом в дом 3 на поселении Якке-Парсан 2), можно предположить, что все дома на поселении Якке-Парсан 2, обращенные входами на запад, были зимними (западная сторона в Средней Азии самая жаркая). Меняются и ширина, и длина проходов, они делаются короче и шире. Это связано, видимо, и с тем, что увеличивается площадь домов, она приближается к 100 кв. м и часто превышает эту цифру (табл. VI). Соответственно увеличивается и глубина котлованов (в среднем 0,7—1,0 м), и, таким образом, увеличивается и кубатура домов. Каркасная конструкция наземной части стен жилищ и перекрытия остаются неизменной, но система столбовых ям почему-то выявляется менее четко. Стены домов по-прежнему обмазаны глиной. По-видимому, исчезают перекрытые коридоробразные длинные входы в дома, но переходы между домами, несомненно, были перекрыты.

Новой конструктивной особенностью являются ямы-канавки, как бы врезающиеся в толщу стены, дно их постепенно повышается и выходит на древнюю дневную поверхность за пределами дома. Они встречены на поселении Якке-Парсан 2 в домах 5, 8 и 25.

Такие канавки, существовавшие (помимо входов) в жилищах эпохи бронзы, отмечены многими исследователями, но толкуют их по-разному. Нам представляется, что эти канавки, продельные под наземной частью стены жилища, могли служить для выброса из него мусора.

Амирабадское жилище по материалам поселения Якке-Парсан 2

№дома	Тип жилища	Жилище				Проход				Очаг	
		длина, м	ширина, м	площадь, кв. м	сохранившаяся глубина, м	длина, м	ширина, м	сохранившаяся глубина, м	ориентировка	тип	размеры, м
2	Полуземлянка	10,5	10,5	110,25	0,7	3,0	1,8	0,5	З	Длинный	4,0×0,7
3	То же	13,9	9,8	136,22	0,7	2,5	1,4	0,4	З	То же	2,5×0,6
4	» »	9,6	6,6	63,36	0,6	7,2	1,6	0,4	В	» »	2,0×0,6
5	» »	9,8	9,2	90,16	Около 1	—	1,6	0,5	З	» »	2,5×0,5
7	» »	11,0	9,0	99,0	Около 1	2,5	3,0	0,7	Ю	» »	4,0×0,8
8	» »	11,0	10,0	110,0	1,15	2,0	1,5	0,8	З	» »	3,0×0,8
9	Наземное	11,4	8,86	101,0	0,3	2,5	1,5	0,2	З	» »	3,0×0,8
10	Полуземлянка	9,22	8,54	78,75	1,0	3,5	3,0	0,8	З	» »	2,4×0,6
11	То же	10,0	10,0	100,0	0,9	2,5	3,0	0,6	З	» »	2,9×1,3
12	» »	12,0	9,5	114,0	1,1	3,0	2,8	0,8	З	» »	3,2×1,0
13	» »	9,0	8,0	72,0	0,7	3,0	4,0	0,5	З	» »	3,0×0,8
14	» »	10,5	9,0	94,5	0,9	3,0	1,8	0,7	Ю-З	» »	2,9×1,0
24 южн.	» »	8,0	8,5	68,0	0,6	3,0	2,5	0,4	Ю	—	—
24 сев.	» »	10,8	10,0	108,0	0,8	1,8	2,5	0,8	Ю	Длинный	4,4×0,7
25	» »	8,5	8,5	72,25	0,6	2,5	2,0	0,4	Ю	То же	3,3×0,8
26 южн.	» »	6,5	10,0	65,0	0,7	1,5	1,8	0,4	Ю-З	Круглый	0,5×0,5
26 сев.	» »	15,0	11,0	165,0	1,3	3,5	2,5	1,3	Ю	Длинный	2,5×0,6
27 зап.	» »	6,0	6,4	38,4	0,9	2,0	1,8	0,9	Ю	Двадлинных	2,8×0,4 1,9×0,4
27 сев.	» »	10,0	9,0	90,0	0,8	2,0	2,5	0,8	Ю-З	Длинный	2,8×0,44
28 южн.	» »	7,0	4,0	28,0	1,1	1,5	1,5	1,1	Ю	Овальный	1,2×1,2
28 сев.	» »	10,0	10,0	100,0	1,1	?	1,5	0,8	С-В	Длинный	3,4×0,4

По-прежнему в домах существует один центральный очаг, но форма его меняется. Это обычно длинная узкая яма (табл. VI), иногда с конца, противоположного входу, есть еще круглая яма, также заполненная продуктами горения. В западном помещении дома 27 на поселении Якке-Парсан 2 был двойной очаг из двух длинных ям, но это исключение. По-видимому, очаги обжигались изнутри, следы такой обжарки сохранились на очаге в доме 2. Увеличение размеров очажной ямы, вероятно, тоже было связано с увеличением размеров жилища, т. е. с увеличением количества населяющих его людей. В этом плане любопытные результаты дает распределение керамических находок на площади каждого жилища. Мы уже отмечали, что наиболее обжитой частью каждого дома была его половина, противоположная входу: там обычно наблюдалось скопление хозяйственных ям и керамики. Сейчас мы можем эту картину несколько уточнить. Распределение керамических находок в домах поселения Якке-Парсан 2 указывает, что в каждом жилище можно выделить по крайней мере два хозяйственных комплекса, содержащих каждый

полный набор необходимой посуды: кувшины для воды, большие хозяйственные сосуды для приготовления пищи, кухонные горшки небольших размеров, столовую посуду. Эти находки концентрируются действительно у стены, противоположной входу, но преимущественно по углам, где, кстати, наблюдается обычно скопление хозяйственных ям.

В больших домах, например 12 и 14, таких хозяйственных комплексов насчитывается четыре: они размещены по всем четырем углам каждого дома.

Такое распределение керамических находок при наличии одного большого центрального очага и отсутствии отдельных небольших очагов наводит на мысль, что у центрального очага в доме не только грелись, на нем и готовили пищу, но делала это каждая семья — обладательница полного набора посуды — отдельно, и трапезы происходили по углам жилища, там, где фактически и жили люди. Возможно, что две-три ямы с заполнением очажного типа близ длинных очагов могут быть истолкованы как дополнительные очаги, использованные только для варки пищи. С другой стороны, об-



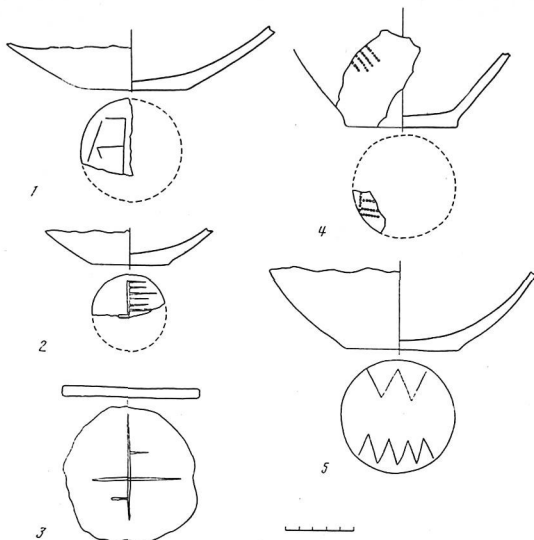


Рис. 86. Знаки на сосудах

1 — Якке-Парсан 2, дом 24; 2 — Якке-Парсан 2, дом 28; 3, 5 — Якке-Парсан 2, дом 12; 4 — Кочча 15, дом 2

ломки жаровен, встречающиеся во всех домах, свидетельствуют, возможно, о том, что приготовленную у центрального очага пищу подогревали на жаровнях с углями, каждая семья для себя, вне пределов центрального очага.

Для постановки вопроса о форме семейной организации людей, живших в амирабадских домах, кое-что, может быть, дает находка резных знаков — тамг — на днищах сосудов поселения Якке-Парсан 2 (рис. 86). Таких знаков обнаружено четыре, причем три из них нанесены на днища столовых лощеных сосудов. Существовало, что все они разные, а в доме 12 обнаружены сразу две разные тамги. Три тамги в основе имеют крест с различными комбинациями полос, помещенных перпендикулярно к сторонам креста, причем знак из дома 24 походит на свастику. Четвертая тамга — из дома 12 — представляет две лежащие друг против друга зигзагообразные линии.

Анализируя знаки на статуэтках и керамике эпохи бронзы Южного Туркмени, исследователи подчеркивают традиционность последнего знака для этих областей и раскрывают его се-

мантику, полагая, что это изображение воды<sup>38</sup>. С этим нельзя не согласиться и надо полагать, что для Южного Приаралья с его большой обводненностью этот знак столь же традиционен. Любопытно, что знак, встреченный на сосуде из ямы близ дома 28, удивительно походит на южнотуркменские знаки третьей группы<sup>39</sup>. Продолжая сопоставления, можно было бы сказать, что изображение свастики характерно для культур северного степного круга<sup>40</sup>, но нам представляется, что простейшие геометрические фигуры эпохи первобытности, в том числе описываемые, могли возникать в каждом случае конвергентно, но в соответствии с какими-то общими семантическими представлениями, основой которых должна была быть принадлежность к единому или сходному хозяйственно-культурному типу.

<sup>38</sup> Массон В. М., Сарияниди В. И. Среднеазиатская терракота эпохи бронзы. М., 1973, с. 117.

<sup>39</sup> Там же, с. 119, рис. 18.

<sup>40</sup> См., например: Отроценко В. В. Элементы изобразительного искусства в искусстве племени срубной культуры. — СА, 1974, № 4, с. 73, рис. 1.

Как известно, тамги чрезвычайно широко распространены во времени, и толкуют их по-разному<sup>41</sup>. Для эпохи первобытности, когда изготовление керамики являлось домашним, а не ремесленным производством, вряд ли можно думать, что тамга — знак мастера. Даже если предположить, что на поселении Якке-Парсан 2, где был уже специалист-литейщик, был и мастер-керамист, то и тогда нельзя понять, почему же обнаружены четыре разные тамги. Скорее всего правы те, кто квалифицирует такие знаки как символы отдельных родов и большесемейных общин<sup>42</sup>.

Возвращаясь к стоянке на поселении Якке-Парсан 2, подчеркнем, что для нас важно наличие двух разных тамг в доме 12. Это может означать, что в нем жили по крайней мере две разные семейные группы, имевшие каждая свою тамгу — своеобразный символ определенного рода или большесемейной общины. Здесь возможны разные толкования. Два разных знака в одном доме могут служить основанием для предположения о том, что эти две семьи — семьи двух сестер, и мы имеем дело с матриликальным поселением. Может быть, эту гипотезу подкрепляет и предположение об общем месте приготовления пищи в доме — в центре, у большого очага.

Основываясь на наличии такого общего места на поселении Хэтчери Вест, Л. Бинфорд тоже высказал предположение о существовании там матриликальной формы поселения, возможно сороральной<sup>43</sup>.

Возможно и другое предположение. Если считать изготовление керамики женским делом, то может быть, женщины каждой семьи, изготовляя керамику, ставили иногда (знаки ведь встречаются очень редко) знак своего рода или большесемейной общины. И тогда можно думать, что в доме жила большая патриархальная семья, в состав которой входило несколько нуклеарных семей.

Но все эти предположения ни в коем случае не выходят за рамки гипотез, ибо, как нам представляется, выводы о материнском или отцовском счете родства, о наличии в данном обществе матриликального или патриликального брака следует делать с большой осторожностью

<sup>41</sup> Сводку мнений по этому вопросу см., например: *Маммаев М.* Знаки на керамике Уртекского городища.— Материалы по археологии Дагестана, III. Махачкала, 1973, с. 88 и сл.

<sup>42</sup> *Массон В. М., Сарияшвили В. П.* Среднеазиатская терракота..., с. 119, 120. Возможно, дополнительным аргументом в пользу этого предположения являются разные тамги на сосудах в погребении вояды (мавзолей б) Северного Тагискана, относящиеся к эпохе поздней бронзы.

<sup>43</sup> *Binford L.* and oth. *Archaeology of Hatcher West*, p. 89.

и не только на материалах поселений и жилищ<sup>44</sup>.

Как справедливо замечает Б. Триггер, кое-что в этом плане может дать выяснение принципа разделения труда между родами<sup>45</sup>, но это скорее можно сделать на материале погребений. Во всяком случае при попытках анализа такого рода контролирующая роль беспорочно должна быть отведена этнографам.

Если мы обратимся к среднеазиатскому материалу, то существует точка зрения, согласно которой в Южной Туркмении в энеолите такие факторы, как появление многокомнатных домов, общинные дома, все более развивающееся земледелие и возрастание роли мелкого домашнего скота в хозяйстве, свидетельствуют о значительном прогрессе в области производства и связаны с выдвиганием на первый план мужского труда, т. е. «перед нами патриархальный род на первых этапах своей истории, состоящий из какого-то числа больших семей, объединяющих по несколько поколений ближайших родственников»<sup>46</sup>. Насколько проблематичен этот вывод, можно судить на примере уже упоминавшихся индейцев пубэло (западных). Они издавна занимались орошаемым земледелием, и счет родства велся у них по материнской линии. При этом поля обрабатывали мужчины, посевом и сбором урожая занимались женщины, пастухами тоже были женщины<sup>47</sup>. Примечательно, что в одной из своих последних работ В. М. Массон, давая картину эволю-

<sup>44</sup> Мы не согласны с исследователями, полностью отрицающими для археологов возможность такого рода выводов, так как они полагают, что все базисные явления, фиксируемые археологами, относятся к сфере производственной деятельности общины, а не рода, который они противопоставляют общине, и, поскольку формы семейно-брачных отношений — это prerogativa рода, следовательно, археологически они уловлены быть не могут (см.: *Сб.: Охотники, собиратели, рыболовы*. Л., 1972, статьи Г. П. Григорьева, В. Р. Кабо). Критику утверждения, противопоставляющего общину роду, см.: *Бромлей Ю. В., Першиц А. И.* Ф. Энгельс и проблемы первобытной истории.— *Сб.: Проблемы этнографии и антропологии в свете научного наследия Ф. Энгельса*. М., 1972.

<sup>45</sup> *Trigger B. G.* The Determinants of Settlement Patterns.— In: *Chang K. C.* (ed.). *Settlement Archaeology*. Palo Alto, 1968, p. 68.

<sup>46</sup> Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.—Л., 1966, с. 116. См. также: *Хлопик И. И.* Возникновение скотоводства и общественное разделение труда в первобытном обществе.— *Сб.: Ленинские идеи в научении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма*. М., 1970, с. 100.

<sup>47</sup> Народы Америки, т. I. М., 1959, с. 292 сл. Именно обращение к этнографическим материалам убедило В. М. Массона, как он пишет, в необходимости большой осторожности в решении вопроса о патриархальном или матриархальном обществе у энеолитических племен Южной Туркмении (*Массон В. М.* Средняя Азия и Древний Восток, с. 114, 350).

ции первобытных поселений Южной Туркмении и реконструировать на этом фоне формы общественной и семейной организации их жителей<sup>48</sup>, осторожно обходит молчанием вопрос о материальном или отцовском счете родства в данном обществе на том или ином этапе его развития. В другом месте он высказывает мысль, что проблему локальности брака нельзя решать на материалах поселений, она может быть поставлена лишь при тщательном анализе материалов погребений<sup>49</sup>. Но и материал погребений бывает иногда противоречив<sup>50</sup>.

Думается, что наша прежняя категоричность в утверждениях о матриархальной или патриархальной структуре общества, изучаемого археологически, теперь, когда мы обладаем неизмеримо большим материалом, когда мы имеем возможность оперировать фактами, полученными в результате комплексных исследований, когда целый ряд положений в истории первобытного общества получил более углубленное толкование (мы имеем в виду, в частности, такое явление, как поздний матриархат), должно смениться более осторожным подходом к решению этого вопроса. Но от постановки его отказываться ни в коем случае не следует, используя всю сумму имеющихся материалов.

Итак, поселения эпохи поздней бронзы типа Якке-Парсан 2 — родовые поселки, жители которых объединены в более семейные общины.

Появление двоянных или строенных домов — свидетельство процесса разрастания большесемейной общины. Еще одним свидетельством этого процесса, а также неуклонного роста производительных сил общества, увеличения получаемого им прибавочного продукта, служат большие хозяйственные постройки к домам. Это те же прямоугольные дома-подуземлянки, но менее углубленные, с большим количеством хозяйственных ям и без большого очага или вовсе без очага (дома 24 и 26). Площадь их приближается к 70 кв. м, а площадь примыкающих к ним жилых помещений превышает 100 кв. м.

Эти же процессы нашли свое отражение и в появлении специализации в производстве металлических орудий. Дом 8 на поселении Якке-Парсан 2 был назван нами с полным основанием «домом литейщика».

Каждая большесемейная община на поселениях экономически была в какой-то степени независима, но не более того. Поддержание ирригационной сети требовало коллективных уси-

лий. Если считать, что каждая община имела определенный участок земли, который она обрабатывала, до расчистки каналов и подачи воды на поля были, несомненно, в коллективном ведении рода, и земля, очевидно, была его коллективной собственностью.

Рост населения, достаточно далеко зашедший процесс разделения труда между земледельцами и скотоводами, рост поголовья скота — эти процессы привели, очевидно, к выделению из среды населения групп полукочевого скотоводов, которые пасли скот не только в пределах основной территории расселения своего племени.

Возможно, что поселение Каунды 1 было сезонным поселением скотоводов, так как расположено оно на берегу руслового протока, близ песков — места выпаса скота. По-видимому, небольшие, слабо углубленные жилища круглой или овальной формы, типа шалаша, площадью 10—12 кв. м были типичны для скотоводов эпохи поздней бронзы.

Однако, если амирабадцы-скотоводы даже легкие, сезонные постройки возводили на столбах, врытых в землю, и стены их обмазывали глиной (поселение Каунды 1), то позднеандроновские скотоводы просто строили слабо углубленные шалаша на легких опорных столбах, не врытых в землю, и обмазку стен не практиковали (поселение Джанбас 34)<sup>51</sup>. Здесь, очевидно, надо еще иметь в виду, что поселение Каунды 1 располагалось в пределах основной территории расселения амирабадцев, а позднеандроновское поселение Джанбас 34 — типичное поселение скотоводов, передвигавшихся в поисках пастбищ вне пределов основной территории расселения.

Еще один вопрос, который естественно возникает при анализе жилищ и поселений, сколько же людей жило в каждом поселке?

В археологической литературе высказываются много предположений о численности населения в одном жилище в эпоху неолита и бронзы в степной и лесостепной полосах Евразии. Используя этнографические примеры, А. Х. Халиков предлагает считать, что в среднем на человека приходилось 3 кв. м площади<sup>52</sup>. Исходя из этого, в доме площадью 100 кв. м жило примерно 30—35 человек.

К. В. Сальников для срубных жилищ площадью 100 кв. м считает возможной плотность не менее чем 25 человек; для крупных андро-

<sup>48</sup> Массон В. М. Эволюция первобытных поселений Средней Азии, с. 7—10.

<sup>49</sup> Массон В. М. (реп.). Общ.: Охотники, собиратели и рыболовы. Л., 1972.—СА, 1973, № 4, с. 281.

<sup>50</sup> О возможном толковании материалов погребений в этом плане см. главу VII.

<sup>51</sup> Насколько можно судить, и при строительстве андроновских жилищ типа подуземлянок наземная часть их стен глиной не обмазывалась (см.: Сальников К. В. Бронзовый век Южного Зауралья.—МИА, № 21, 1951, с. 107).

<sup>52</sup> Халиков А. Х. Древняя история Среднего Поволжья, с. 345.

новских жилищ, площадь которых превышает 100 кв. м, он называет цифру в несколько десятков человек<sup>53</sup>. На материалах андроновских жилищ Еленовского микрорайона Е. Е. Кузьмина определяет численность большой семьи, населяющей дом, от 25 до 50 человек, в зависимости от размеров дома<sup>54</sup>.

При таких расчетах в тазабагыбских домах площадью 40—50 кв. м жило примерно 12—18 человек. Таким образом, поселение Джанбас 30, состоящее из трех домов площадью 42, 72 и 81 кв. м, стоящих врытках друг к другу и существовавших, по всей видимости, в одно время, насчитывало около 65 человек.

Крупные тазабагыбские жилища, площадь которых несколько превышала 100 кв. м, были населены 35—40 жителями, но таких домов немного.

Если поселение состоит из двух групп сравнительно небольших домов (поселение Джанбас 33), в одной из которых два дома (1 и 2) с 20 обитателями, а в другой — три (3—5) с 50 жителями, то число жителей большесемейной общины на поселении колеблется в пределах 100 человек. То же самое наблюдается в тех случаях, когда поселение состоит из двух больших домов (Джанбас 21). Таким образом, в среднем большая семья имела в своем составе 35—40 или даже 40—50 человек, а поселок, состоящий из нескольких (двух-трех) больших семей, насчитывал около 100 человек. Но это можно предположить, лишь удостоверившись в одновременности существования домов на поселении.

В нашем случае, как правило, установить это удается редко, тем более когда речь идет о поселениях, на которых сохранилось много домов (Кокча 15 и 16). Поэтому утверждение Б. В. Андрианова, что на поселении Кокча 16 жило не менее 100 человек мужского пола, выведенное на основании данных сасанидского судейника VI—VII вв. н. э.<sup>55</sup>, тогда как речь идет о второй половине II тысячелетия до н. э., нам кажется неубедительным.

Второй довод Б. В. Андрианова в пользу этой цифры — высчитанный им объем земляных работ, необходимый для поддержания оросительной сети на поселении Кокча 16<sup>56</sup>. Но анализируя оросительную сеть этого поселения (см. главу V), мы установили по крайней мере три фазы в ее существовании, а следовательно

но, вычислять объем необходимых земляных работ, исходя из площади и ответственности всей ирригационной сети на поселении, — неверно.

Что же касается амирабадских поселений, то на примере поселения Якке-Парсан 2 мы можем судить о возросшей численности жителей каждого поселка. В составе поселка было, видимо, 18—49 домов, половина которых имела площадь более 100 кв. м, а дом 26 — даже 165 кв. м. Исходя из прежних расчетов, на поселении жило 500—550 человек. Если даже исключить из этих расчетов как постоянно действующий фактор дом 26, который был, по нашим предположениям, впоследствии заброшен, все равно цифра не менее чем 500 человек остается реальной. Получается, что число жителей поселка по сравнению с тазабагыбским временем возросло не менее чем в пять раз. Такая же пропорция наблюдается и при сравнении численности приказанского населения на балымско-карташихинском этапе и поздних, атабаевском и маклашеевском, этапах<sup>57</sup>, в целом синхронных всем нашим поселениям.

В амирабадское время разрастается и большая семья. Дома 3—5 на поселении Якке-Парсан 2 составляют единый комплекс. При этом дом 4 не был заселен, а в домах 3 и 5 жили, и, видимо, жителей было не менее 70.

Можем ли мы, опираясь всеми доступными нам материалами, в том числе материалами поселений и жилищ, уловить следы социальной дифференциации в тазабагыбском и амирабадском обществах?

Материалы поселений тазабагыбского времени в целом не выделяют среди членов общины никого, обладающего более высоким имущественным или общественным положением. Среди отдельных настаораживающих фактов назовем дом 2 на поселении Кокча 15, выделяющийся своими размерами и являющийся центральным в небольшой группе окружающих его домов. Культурный слой дома 2 насыщен находками, а среди найденных в нем костей животных — две особи крупного рогатого скота, шесть — мелкого, одна — свиньи, одна — верблюда, одна — лошади и шесть — джекиранов. Такой набор и в таком количестве не характерен ни для одного из домов того времени. Кроме того, как уже говорилось, кости свиньи и верблюда принадлежат к редким находкам среди хозяйственных отходов поселений. Все эти обстоятельства выделяют дом 2 среди других на поселении и наводят на мысль о более высоком общественном, а в условиях разлагающегося первобытнообщинного строя и имущественном положении его хозяев.

<sup>57</sup> Халиков А. X. Древняя история Среднего Поволжья, с. 360, 361.

<sup>53</sup> Сальников К. В. Очерки древней истории Южного Урала, с. 153, 248.

<sup>54</sup> Кузьмина Е. Е. О некоторых вопросах андроновской демографии. — Известия Сибирского отделения АН СССР, 1974, № 6, серия обществ. наук, 2, с. 105—107.

<sup>55</sup> Андрианов Б. В. Древние оросительные системы Приаралья, с. 109.

<sup>56</sup> Там же.

На амирабадском поселении Якке-Парсан 2 обращают на себя внимание три дома: 7, 8 и 25. Дом 8 — «дом литейщика» — благодаря специализации одного из его жителей бесспорно выделялся среди других домов. Следует иметь в виду, что в первобытном обществе мастер по изготовлению металлических вещей, по-видимому, был почитаем и занимал отнюдь не рядовое положение.

Дома 7 и 25 выделяются обилием керамики вообще и в частности столовой лощеной посуды (не менее 40% от общего числа восстанавливаемых форм). Эта посуда отличается высоким качеством, может быть, она ценилась дороже. Кроме того, оба эти дома содержат наибольшее количество остеологического материала: в доме 7 обнаружено четыре особи крупного рогатого скота, 15 — мелкого и одна — лошади; в доме 25 — пять особей крупного рогатого скота, 11 — мелкого и три — лошади. По данным В. И. Цалкина, вес коровы, обнаруженной в андроновских памятниках, был равен примерно 350 кг<sup>58</sup>. Если исходить

из этой цифры, в домах 7 и 25 потребляли много мяса. В домах 3—5 обнаружено восемь особей крупного рогатого скота, но это строенный дом, населенный большим количеством людей. Дома 7 и 25 по площади не выделяются, имея соответственно 99 и 72,25 кв. м. В свете всего сказанного возникает вопрос, не является ли обилие высококачественной керамики и костей животных в домах 7 и 25 свидетельством более высокого общественного и имущественного положения их хозяев? Увеличение поголовья скота, совершенствование земледельческого хозяйства неизбежно вели к созданию прибавочного продукта, который скапливался в отдельных семьях, выделяя их в составе общины и способствуя формированию института вождей племен и союзов племен.

Без амирабадских погребений мы весьма ограничены в выводах подобного рода, но находка в подъемном материале поселения Якке-Парсан 2 фрагмента каменной шаровидной булавки со сквозным отверстием, несомненно являвшейся прерогативой власти, — пусть косвенный, но все же довод в пользу высказанных предположений.

<sup>58</sup> Цалкин В. И. Фауна из раскопок андроновских памятников в Приуралье.— Сб.: Основные проблемы териологии. М., 1972, с. 80.

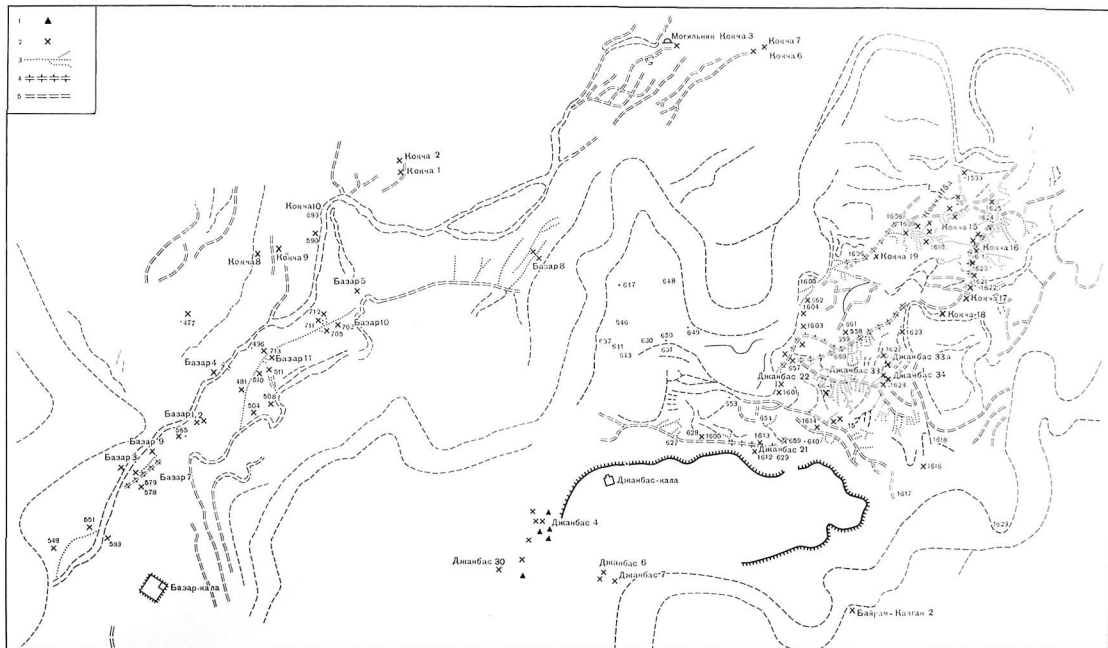


Рис. 87. Памятники первобытной культуры на Акчадаре.

Схема расположения стоянок

1 — поселки; 2 — бронзовый век; 3 — прычкая сеть эпохи бронзы; 4, 5 — древние русловые протоки

## ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД И ФОРМЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ И СЕМЕЙНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Культура населения низовой Амударьи эпохи бронзы, в отличие от срубной и андроновской, принадлежащих к одному с ней культурному кругу, изучена главным образом по поселениям, а не по могильникам. В этом есть свои плюсы и свои минусы. Положительным моментом является возможность на материале поселений наиболее полно выявить особенности хозяйства, систему расселения, типы жилищ. Однако особенности материальной культуры не всегда выявляются достаточно полно. Так, изделий из металла на поселениях очень мало, и то время как в погребениях орудия из металла и особенно украшения встречаются достаточно часто. Украшения, равно как и особенности погребального обряда, могут быть отнесены к числу этнографических признаков, что представляет очень большой интерес при выявлении этнокультурного облика древнего населения.

О роли погребального ритуала при реконструкции форм социальных отношений и особенностей религиозных представлений, как и об огромной научной ценности краинологического материала для заключений об этнической принадлежности населения, оставившего могильник, говорить не приходится.

Историко-этнографические реконструкции на материалах могильников, так же как и на материалах поселений, могут дать интересные результаты, если в их основу положить комплексный археолого-этнографический анализ. Раскопанный нами в свое время могильник тазабагыльской культуры Кокча<sup>3</sup> был подвергнут такого рода анализу, однако накопившиеся с тех пор материалы заставляют нас вновь обратиться к этому интереснейшему памятнику

ку, опуская детали, с которыми читатель может познакомиться по публикации.

На площади могильника (140×67 м) были обнаружены следы более 100 могильных ям без каких-либо остатков надмогильных сооружений.

М. П. Грязнов полагает, что они были окружены каменными оградками, которые не сохранились<sup>2</sup>. Несмотря на то, что материал для таких оградок имелся, — в 7 км к северу расположена останцовая возвышенность Кокча, — можно уверенно сказать, что их здесь не было. Трудно предположить, что камень мог не сохраниться там, где повсеместно сохранились большие россыпи керамики эпохи бронзы (развеечные стоянки), а керамика, конечно, скорее, чем камень, могла подвергнуться разрушению. С другой стороны, могилы тесно расположены одна около другой. Среди них невозможно выделить какие-то компактные группы, что также исключает сооружение оград вокруг каждой могилы или ограды вокруг группы могил.

Отсутствие скопления могил в одной компактной группе исключает и возможность насыпки над такой группой курганной насыпи, как это практиковалось у племен срубной культуры. К тому же и курганная насыпь, если бы она была, не могла бы исчезнуть бесследно. В то же время нельзя забывать, что срубные погребения в Оренбургской и Куйбышевской областях представлены не только курганами, но и бескурганными могильниками<sup>3</sup>.

<sup>2</sup> Грязнов М. П. Пастушеские племена Средней Азии в эпоху развитой и поздней бронзы. — КСИА, 122, 1970, с. 39.

<sup>3</sup> Сальников К. В. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967, с. 158. О грунтовых могильниках срубной культуры см. также: Погова Т. В. Памятники срубной культуры в окрестностях с. Выково. — МИА, № 78, 1960, с. 280.

<sup>1</sup> Итима М. А. Раскопки могильника тазабагыльской культуры Кокча 3. — МХЭ, 5, 1960.

Напомним<sup>4</sup>, что в раскопанной части могильник Кочка 3 содержит 37 детских захоронений и 33 захоронения взрослых людей. В 43 могилах сохранились костяки, и эти погребения распределяются следующим образом: женские одиночные 5; мужские одиночные 10; парные разнополые одновременные 3; парные разнополые разновременные 6; парные женские одновременные 1; парные женские разновременные 1; женщина с ребенком 1; детские одиночные 13; парные детские одновременные 3.

Все погребения были совершены в грунтовых ямах, как правило, вытянутых по оси восток — запад. По своим размерам они делятся на три категории, причем самые большие предназначались для взрослых парных захоронений, самые маленькие — для одиночных детских.

Для всех раскопанных захоронений характерно скорченное положение погребенных, с согнутыми в коленях ногами, лежащими под прямым углом к тазу или прижатыми к животу, и согнутыми в локтях руками, причем кисти рук лежат под головой или у подбородка. Обычай связывания покойников, при котором и наблюдается сильная скорченность костяка, здесь, видимо, применялся редко. Можно предположить, что связан был молодой мужчина в могиле 88; связаны были ноги у щиколоток погребенных в могиле 77, подвергшихся, по нашему предположению, насилию<sup>5</sup>. К тому же они лежат в могиле ничком, так же как и мужчины в могилах 75 и 90<sup>6</sup>. Известно, что обычай погребения покойников ничком был довольно широко распространен в срубных памятниках Поволжья<sup>7</sup>. Встречается он и среди срубных погребений на территории Башкирии<sup>8</sup>. М. Д. Хлобыстина, ссылаясь, в частности, и на указанные погребения могильника Кочка 3, трактует подобные захоронения, нарушающие традиционный обряд, как погребения иноплеменников, патриархальных рабов или людей, нарушивших родо-племенные обычаи<sup>9</sup>. Предположение о том, что мы имеем дело с ино-

племенниками, которые в свое время высказывались и нами, этнографическими материалами не подтверждается. Иноплеменники не хоронили на родовых кладбищах, равно как и рабов. О последних сплошь и рядом читаем, что после смерти их просто выбрасывали в кусты. В единичных случаях, если рабыня имела детей от своего хозяина, ее хоронили так же, как и свободных членов рода, с соблюдением всей необходимой обрядности<sup>10</sup>. Однако несомненно, что погребения не в соответствии с ритуалом все же были совершены не случайно и связаны с особыми обстоятельствами, выделяющими умершего из массы его соплеменников. Так, по этнографическим данным к особой категории относят, например, людей, умерших от инфекционной болезни; подвергшихся колдовству или занимающихся колдовством; укушенных змеями; утопленников; людей, покончивших самоубийством; женщин, умерших от родов, и т. д. Если принятым является обряд трупосожжения, их хоронят по обряду трупоположения, и наоборот<sup>11</sup>.

В могиле 59 Раннего Тулхарского могильника (Южная Таджикистан) ничком, но с согнутыми руками и ногами, была похоронена женщина. По аналогии с подобным захоронением античного времени А. М. Мандельштам высказывает предположение, что здесь была похоронена беременная женщина<sup>12</sup>. Однако, может быть, это была женщина, умершая от родов, так как по многочисленным этнографическим примерам известно, что в последнем случае, как правило, плод извлекали и хоронили отдельно.

Любопытно, что у некоторых племен Центральной Индии практикуется связывание покойников или положение их в могилу ничком из стремления обезопасить оставшихся в живых от злых духов. У племени бугуния, в частности, ничком хоронят людей, занимавшихся при жизни колдовством<sup>13</sup>. Тот же обычай замечен и в Африке. У племени байомбе (центральные банту) тело ведьмы хоронят лицом вниз<sup>14</sup>. Сколь широко распространено имен-

<sup>4</sup> Подробно см.: Игина М. А. Раскопки могильника тазабагьяльской культуры..., с. 50, 51.

<sup>5</sup> Игина М. А. Раскопки могильника тазабагьяльской культуры..., с. 41, рис. 13, I, 3.

<sup>6</sup> Там же, с. 35, рис. 11, 6; с. 41, рис. 13, 5.

<sup>7</sup> Саницын И. В. Археологические исследования Заволжского отряда Сталинградской экспедиции.— КСИИМК, 55, 1954, с. 82; *он же*. Работы Заволжского отряда Сталинградской археологической экспедиции.— КСИИМК, 63, 1956, с. 79; Шилов В. П. Калининский курганный могильник.— МИА, № 60, 1959, с. 417; Мерперг И. Я. Материалы по археологии Среднего Поволжья.— МИА, № 42, 1954, с. 105, 125.

<sup>8</sup> Садыков К. В. Очерки древней истории Южного Урала, с. 159.

<sup>9</sup> Хлобыстина М. Д. Палеосоциологические проблемы южносибирского неолита.— СА, 1972, № 2, с. 36.

<sup>10</sup> См., например: Torday E. African Races. London, 1930, «Slavery».

<sup>11</sup> Судя по археологическим данным, уже в эпоху бронзы обряд трупосожжения практиковался в случае смерти лиц, занимавших более высокое положение в обществе. См., например: Хлобыстина М. Д. Некоторые особенности андроновской культуры Минусинских степей.— СА, 1973, № 4, с. 56; Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, с. 81, 82 (Северный Тагикстан).

<sup>12</sup> Мандельштам А. М. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане.— МИА, № 145, 1968, с. 54.

<sup>13</sup> Leschnik L. S. Archaeological Interpretation of Burials in the Light of Central Indian Ethnography.— Zeitschrift für Ethnologie, Bd. 92, H. 1, 1967, S. 25.

<sup>14</sup> E. Torday. African Races, p. 197, 4 col.



по такое представление о ритуале захоронения людей, связанных при жизни со злыми потусторонними силами, свидетельствуют данные из сибирской этнографии<sup>15</sup>. Таким образом, если видеть в погребенных ничком могильника Кокча 3 людей, занимавшихся колдовством или подвергшихся колдовству, это, может быть, объяснит и то, что все они похоронены неподалеку друг от друга, т. е. как бы для них было отведено специальное место на кладбище. Вообще говоря, этнография дает множество примеров того, как роится погребальный ритуал в зависимости от положения умершего в обществе<sup>16</sup>. Так, например, известно, что у различных народов детей, не достигших определенного возраста, не прошедших обряд инициации, считают табу и хоронят не в соответствии с ритуалом<sup>17</sup>. Детей часто не хоронят на общем кладбище, их погребают беспорядочно где-то у дороги или на берегу реки; встречаются специальные детские кладбища<sup>18</sup>. Это связано с представлением, что они еще не являются человеческими существами, принадлежат миру духов и представляют известную опасность для оставшихся в живых. В тех случаях, когда дети все же покоятся на кладбище вместе со взрослыми, по отношению к ним ритуал строго не соблюдается. Это наблюдают большинство археологов, нам удалось это заметить и на примере могильника Кокча 3<sup>19</sup>.

Для всех погребений могильника Кокча 3 характерна западная ориентировка покойника, часто с некоторыми отклонениями к югу, редко к северу, сближающая кокчинский погребальный ритуал с андроновским.

Очень интересной особенностью погребального ритуала могильника является обязательное положение в могиле мужчин на правом

боку, женщин — на левом. Исключение составляют отдельные детские захоронения, так как это правило по отношению к детям, видимо, вообще строго не соблюдалось. Различия в расположении мужчин и женщин были неоднократно отмечены исследователями, причем для различных по времени и культурной принадлежности погребальных памятников.

Так, в Мариупольском могильнике, где покойники хоронили в вытянутом положении на спине, женщины лежали головой на запад, мужчины — на восток<sup>20</sup>.

Обряд, сходный с кокчинским, был отмечен для Нальчикского могильника, где покойники лежали в скорченном положении, мужчины — на правом боку, женщины — на левом<sup>21</sup>. Тогда же авторы публикации Нальчикского могильника обратили внимание на такой обряд в ямных погребениях на Северном Донце, опубликованных В. А. Городцовым<sup>22</sup>, причем и здесь женщин хоронили на левом боку, в то время как господствующим было положение на правом.

В фатьяновских погребениях мужчин в могилу клали на правом боку, женщин — на левом, кроме того, для мужчин и женщин практиковалась разная ориентировка (мужчин клали головой на запад, женщин — на восток)<sup>23</sup>.

Как известно, для погребений срубной и андроновской культур в целом характерно положение покойников в могиле скорченно на левом боку, вне зависимости от пола погребенных. Это правило нарушалось в парных разнополюх захоронениях, где мужчина и женщина лежали лицом друг к другу, но тогда мужчина лежал обычно на левом боку, женщина — на правом. С другой стороны, в андроновских погребениях енисейских степей (улус Орак) положение погребенных на левом боку не нарушалось даже при парных захоронениях, но при

<sup>15</sup> Дьяконова В. П. Погребальный обряд тувицев как историко-этнографический источник. *Ж.*, 1975, с. 148—150.

<sup>16</sup> Kroeber A. L. Disposal of the Dead.— *American Anthropologist*, v. 29, 1927; Bendann E. Death Customs. An Analytical Study of Burial Rites. N. Y., 1930; Binford L. Mortuary Practices: their Study and their Potential.— *Memoirs of the Society for American Archaeology*, 25, Washington, 1971, p. 6—29. Эта тема наша подробное освещение в одной из глав новой книги В. М. Массона (*Массон В. М.* Экономика и социальный строй древних обществ. *Ж.*, 1976, с. 149 сл.).

<sup>17</sup> Crook B. A. Primitive Rites of Disposal of the Dead with special Reference to India.— *Journal of the Anthropological Institute of Great Britain and Ireland*, v. XXIX, 1899, p. 271.

<sup>18</sup> Вопрос о специальных детских кладбищах на археологическом и этнографическом материалах подробно освещен М. П. Гризновым. (*Гризов М. П.* История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка.— *МИА*, № 48, 1956, с. 22—25).

<sup>19</sup> Игана М. А. Раскопки могильника тазабатъявской культуры... с. 52.

<sup>20</sup> Столяр А. Д. Мариупольский могильник как исторический источник.— *СА*, XXIII, 1955, с. 34. По-видимому, к числу недоработанных следует отнести заключение Л. П. Хлобыстина, что обряд захоронения в парных погребениях Мариупольского могильника, где мужчины и женщины положены по правилу антитезы, может служить доказательством приниженого положения женщины (см.: *Хлобыстин Л. П.* Проблемы социологии неолита Северной Евразии.— *Сб.*: Охотники, собиратели, рыболовы. *Ж.*, 1972, с. 39). Но ведь Мариупольский могильник содержит коллективные захоронения, там нет парных (кроме одного захоронения двух мужчин), и все мужчины лежат головой в одну сторону, а женщины — в другую.

<sup>21</sup> Кружлов А. П., Пальковский Б. Б., Поддаский Г. В. Могильник в г. Нальчике.— *МИА*, № 3, 1941, с. 106.

<sup>22</sup> Городцов В. А. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде.— *Труды XII археологического съезда 1902 г.*, т. I, М., 1905, с. 184.

<sup>23</sup> Крайнов Д. А. Древнейшая история Волго-Окского междуречья. М., 1972, с. 188, 189.

этом женщина лежала за спиной мужчины<sup>24</sup>. В срубных погребениях Поволжья бывают случаи погребения покойников на правом боку или погребения обоих костяков в парных захоронениях в одинаковом положении, но они редки<sup>25</sup>.

В погребениях стеной бронзы Средней Азии, там, где удалось определить положение костяков, наблюдается интересная картина. В погребениях могильника Гуджайли в низовьях Зеравшана женщина лежит на левом боку<sup>26</sup>. Погребение женщины (судя по подвескам) на левом боку отмечено в Кызылкыре (Бухарская область)<sup>27</sup>. Во всех этих погребениях, таким образом, то же положение женского костяка, что и в могильнике Кокча 3. Кроме того, они сопровождаются характерными для погребений Кокча 3 бронзовыми восьмеркообразными привесками и сходной керамикой. Это заставляет думать, что и сходство интересующего нас элемента погребального ритуала не случайно. Любопытно в связи с этим, что в погребении 3 близ Муинабада (Самаркандская область) женщина положена на правом, а не на левом боку, у ее черепа лежали золотые серьги с раструбом<sup>28</sup> — украшение, характерное для восточных районов распространения андроновской культуры и не встречающееся на памятниках алакульского типа в Южном Приуралье и Западном Казахстане, не говоря уже о тазабаявской культуре.

Если мы обратимся к южным областям Средней Азии, то увидим, что в катакомбных и подобных захоронениях Сапаллтепа (Южный Узбекистан), датирующихся первой половиной II тысячелетия до н. э., женщины похоронены на левом боку, мужчины — на правом<sup>29</sup>.

В погребениях в ямах со спуском Раннего Тулхарского могильника женщины похоронены на левом боку, мужчины — на правом, но там к тому же практиковалась и разная ориентировка покойников (мужчины — головой на восток, женщины — на запад). Положение мужчин на правом, женщин — на левом боку практиковалось и в подбойно-катакомбных захоронениях эпохи бронзы могильников Тигровой Балка I—IV (Южный Таджики-

стан)<sup>30</sup>, датирующихся так же, как и Ранний Тулхарский могильник.

Положение костяков на правом (преимущественно) и левом боку известно и в погребениях эпохи поздней бронзы в Свате (Пакистан)<sup>31</sup>, но в публикациях, к сожалению, не указан пол погребенных. Очень четко соблюдается этот ритуал для скорченных погребений эпохи поздней бронзы в Тимаргархе (Пакистан), где все погребенные лежат головой на запад, но при этом женщины на левом боку, мужчины — на правом<sup>32</sup>.

Если же мы обратимся на север, то в могильнике Тасты-Бутак I (Западный Казахстан), например, очень четко, как и в других алакульских памятниках, мужчины и женщины лежат на левом боку. Но в первых погребениях женщины положены на правый бок. Однако наблюдаются и некоторые отклонения от строгого соблюдения ритуала. Так, из 13 одиночных женских погребений в восьми женщины похоронены на левом боку, а в пяти — на правом<sup>33</sup>. В. С. Сорокин считает, что при господствующем положении погребенных мужчин и большинства детей и женщин на левом боку этот элемент ритуала может быть истолкован как свидетельство принадлежности умерших к одному патриархальному роду<sup>34</sup>. Но на левом боку в одиночных женских могилах лежали лишь двое взрослых, остальными были дети<sup>35</sup>, а для детей, как уже не раз отмечалось в литературе<sup>36</sup>, ритуал соблюдался не так уж строго.

В числе пяти женских погребений, в которых костяки лежали на правом боку, три принадлежали женщинам зрелого возраста, одно

<sup>30</sup> Мандельштам А. М. Памятники эпохи бронзы..., с. 54, 115; Лувинский Б. А. Археологические открытия в Таджикистане за годы советской власти и некоторые проблемы древней истории Средней Азии.— ВДИ, 1967, № 4, с. 121—127.

<sup>31</sup> Stacul G. Preliminary Report on the Pre-Buddhist Necropolis in Swat (W. Pakistan).— East and West, v. 16, 1966, № 1-2; Antonini Ch. Silvi, Stacul G. The Proto-Historic Graveyards of Swat (Pakistan), p. 1. Rome, 1972.

<sup>32</sup> Bernhard W. Human Skeletal Remains from the Cemetery of Timargarha.— In: Dani A. H. (ed.), Timargarha and Gandhara Grave Culture. Peshawar, 1968, p. 330.

<sup>33</sup> Сорокин В. С. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак I в Западном Казахстане.— МИА, № 120, 1962, с. 92.

<sup>34</sup> Там же, с. 93.

<sup>35</sup> Там же, с. 29—33, табл. I.

<sup>36</sup> См., например: Ucko P. J. Ethnography and Archaeological Interpretation of Funerary Remains.— World Archaeology, v. 1, N 2, 1969, p. 271. Учко считает, что такая обрядность была связана с большой детской смертностью, при которой человеческим существом, а следовательно, объектом соблюдения строгого ритуала, считался лишь ребенок, доживший до определенного возраста.

<sup>24</sup> Комарова М. И. Памятники андроновской культуры близ улуса Орак.— АСГЭ, 3, 1961, с. 49.

<sup>25</sup> Сальников К. В. Очерки древней истории Южного Урала, с. 159.

<sup>26</sup> Гулямов Я. Г., Исмаилов У., Аскаров А. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зеравшана. Ташкент, 1966, с. 188, 189.

<sup>27</sup> Аскаров А. Памятники андроновской культуры в низовьях Зеравшана.— ИМКУ, 3, Ташкент, 1962, с. 31.

<sup>28</sup> Аскаров А. Раскопки могильника эпохи бронзы в Муинабаде.— ИМКУ, 8, Ташкент, 1969, с. 58.

<sup>29</sup> Аскаров А. Сапаллтепа. Ташкент, 1973, с. 44, 45.

взрослой женщине и одно — женщине 16—17 лет, т. е. здесь нарушение ритуала маловероятно. По В. С. Сорокину, все женщины, погребенные в могильнике Тасты-Бутак I на правом боку, принадлежали к другому роду, что соответствует правилам родовой экзогамии<sup>37</sup>. Но, во-первых, если уж следовать правилам экзогамии, то женщины, принадлежавшие к другому роду, должны быть похоронены на своем родовом кладбище. Во-вторых, как же тогда толковать жесткое соблюдение правила захоронения всех без исключения мужчин и женщин на правом боку (могильник Кочка 3, Ранний Тулхарский могильник и др.) или погребение большинства срубников или андроновцев независимо от пола на левом боку? Ведь во всех указанных случаях соблюдение экзогамных норм в сношениях между полами для нас несомненно, а между тем совершенно очевидно, что такой элемент погребального ритуала, как положение покойника на том или ином боку, не может служить определением его принадлежности к своему (имея в виду исследуемый могильник) или чужому роду.

Ю. А. Заднепровский, ссылаясь на В. С. Сорокина, считает возможным так же интерпретировать и кокчинский обряд, основываясь на том, что там детей, как и мужчин, клали на правый бок<sup>38</sup>.

Внимательный анализ детских захоронений могильника Кочка 3<sup>39</sup> может лишь привести к заключению, что на материалах этого памятника гипотеза В. С. Сорокина и, видимо, следующую за ним Ю. А. Заднепровского не подтверждается.

Из 14 детских погребений, в которых сохранились кости, в четырех (7, 9, 36, 96) положение покойников неизвестно, так как кости очень плохой сохранности; в двух (32, 64) покойники лежат на левом боку, женский пол в погребении 32 определяется по наличию украшений; в восьми (21, 25, 30, 31, 59, 68, 89, 103) покойники лежат на правом боку, из них погребения 25 и 89 антропологически определены как принадлежащие мальчикам.

Таким образом, если среди погребенных на правом боку определены два захоронения мужского пола, то, значит, они погребены в соответствии с ритуалом погребения на правом бо-

ку, существовавшим для взрослых мужчин. Где в таком случае доказательство, что остальные шесть погребений также не принадлежали мальчикам? Наличие двух захоронений на левом боку, из коих одно бессорно женское, во-первых, снимает категоричность заявления Ю. А. Заднепровского, что всех детей, как и мужчин, клали на правый бок, а, во-вторых, препятствует построению его гипотезы. Против предложенного В. С. Сорокиным объяснения этого обычая возражала в свое время и Е. Е. Кузьмина<sup>40</sup>. Скорее всего здесь может идти речь об обряде, подчеркивающим различие между полами. Обрядность эта встречается в самых разных проявлениях и может быть проиллюстрирована целым рядом этнографических примеров. Интересующий нас обычай разного труположения мужчин и женщин мы находим, например, в описании погребальных обрядов племен кикуюи и масаев<sup>41</sup>, акамба (восточные банту)<sup>42</sup>, нанди, линго, луво, бару, кики (нилоты)<sup>43</sup>, где при погребении женщин клали в могилу в скорченном положении на левом боку, мужчин — на правом. У ланго, которые хоронят своих покойников в деревне перед хижиной, существует разновидность этого обряда — мужчин хоронят справа от входа, женщин — слева<sup>44</sup>. Этот обычай захоронения мужчин на правом боку, женщин — на левом широко распространен в Нигерии и Гане, причем там мужчины кладут лицом к востоку, женщины — к западу. Объясняют это тем, что для мужчины восход солнца должен быть сигналом к отправлению на охоту или в поле, для женщин его заход — сигнал к приготовлению пищи для возвращающегося с работы мужчины<sup>45</sup>. На правом боку мужчин, на левом — женщин хоронят саора Центральной Индии<sup>46</sup>. Число этих примеров можно было бы умножить, здесь важно то, что все исследователи объясняют этот обычай как стремление подчеркнуть различия между полами.

Соблюдением обрядности, подчеркивающей различие между полами, можно объяснить и фиксируемые археологически случаи «полярной» ориентировки мужских и женских захоронений. Так же интерпретирует этот обычай, используя материалы Раннего Тулхарского мо-

<sup>37</sup> Сорокин В. С. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак I..., с. 93.

<sup>38</sup> Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.—Л., 1966, с. 229. В. С. Сорокин, видимо, учитывая, что Тасты-Бутак I и Кочка 3 дают в этом плане не идентичный фактический материал, не прилежал материалы последнего в качестве аналогии (Сорокин В. С. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак I..., с. 92, 93).

<sup>39</sup> Птица М. А. Раскопки могильника тазабгальской культуры..., таблица на с. 93—96.

<sup>40</sup> Кузьмина Е. Е. Андроновские могильники на р. Байту (о некоторых деталях андроновского погребального обряда).— КСИА, 97, 1964, с. 47.

<sup>41</sup> Hobbey Ch. W. Bantu Beliefs and Magic. London, 1922, p. 98—99.

<sup>42</sup> Torday E. African Races, p. 192, 3 col.

<sup>43</sup> Ibid., p. 199, 3 col.; p. 201, 1 col.

<sup>44</sup> Ibid., p. 200, 3 col.

<sup>45</sup> Ucko P. J. Ethnography and Archaeological Interpretation..., p. 272; Goody J. Death, Property and the Ancestors. Stanford, 1962, p. 144.

<sup>46</sup> Leshnik L. S. Archaeological Interpretation..., p. 25.

гильника и А. М. Мандельштам. Он совершенно прав, считая, что обряд этот носит этнографический характер<sup>47</sup>. Такое объяснение дает возможность понять и не увидеть противоречий в обычаях пожения и всевозможных независимых от пола на одном боку (например, срубная и андроновская культуры в археологии, бумшмены в этнографии) или на правом и левом в зависимости от того, мужчина это или женщина (например, Кочка 3, Сапаллтипа, Ранний Тулхар, могильники Свата, многочисленные этнографические примеры).

В период открытия и публикации могильника Кочка 3 наибольшее внимание специалистов привлекла одна из особенностей погребального обряда. Речь идет о парных разнополюсных разновременных захоронениях. Парные разнополюсные одновременные захоронения были тогда уже достаточно хорошо известны, особенно в могильниках андроновской культуры. Они дали основание целому ряду исследователей считать, что оставившее их общество, основой хозяйства которого было скотоводство, являлось патриархальным, где мужчина играл главенствующую роль, а женщина — подчиненную. Парные разнополюсные разновременные захоронения требовали иного объяснения и не могли быть истолкованы так же, хотя бы потому, что вовсе не всегда к мужчине подхоранивалась женщина, бывало и наоборот.

За последние годы число погребальных памятников с парными разнополюсными одновременными и разновременными захоронениями умножилось. На территории Средней Азии к ним относятся могильник Замап-баба, исследователи которого фиксируют там восемь парных разнополюсных захоронений. Среди них лишь два погребения, 1 и 36, не нарушены, и пол погребенных определен<sup>48</sup>. Остальные шесть содержат груды перемешанных костей, пол большинства покойников не определен, первоначальное положение их в могиле — неизвестно. Судить только по инвентарю о разнополюсности погребений трудно. А может быть, в каком-нибудь из них похоронены две женщины? В двух случаях (погребения 3 и 21) предполагается и детский скелет, что требует специального рассмотрения. Кроме того, неизвестно, были ли эти погребения, даже если считать их разнополюсными, одновременными или разновременными. Тем не менее, на основании этих скудных данных были сделаны выводы: 1) о возможности считать шесть из восьми парных захоронений разновременными; 2) о неравноправности, зависи-

мом положении женщины, свидетельство чему видят именно в разновременных захоронениях, хотя ни их разновременность, ни кто был раньше похоронен — мужчина или женщина, доказать невозможно; 3) о становлении патриархата у скотоводов и земледельцев низовой Зеравшана эпохи неолита, находившихся «где-то в конце переходного этапа от матриархальной общины к патриархальной»<sup>49</sup>. Не имея дополнительных материалов по более позднему времени — эпохе развитой и поздней бронзы, но отталкиваясь от тезиса о переходе к патриархату еще в эпоху неолита, авторы исследований в низовьях Зеравшана заключают, что «общество племен андроновского типа низовой Зеравшана скорее всего относится к периоду полного установления патриархального родового строя»<sup>50</sup>.

Эти выводы некритически, на наш взгляд, были восприняты Ю. А. Заднепровским и поддержаны им<sup>51</sup>. Иначе подошла к этому вопросу Е. Е. Кузьмина. Не касаясь того, насколько доказательны или не доказательны фактические материалы из низовой Зеравшана, она, ссылаясь на этнографическую литературу, считает возможным поставить под сомнение тезис авторов этих исследований о том, что бронзовому веку вообще присущ патриархальный строй<sup>52</sup>. Нам такая постановка вопроса представляется совершенно правильной. Бесспорный и хорошо документированный материал по интересующему нас вопросу дает Ранний Тулхарский могильник. Он был оставлен скотоводами эпохи поздней бронзы (конец II тысячелетия до н. э.), носителями так называемой бишкентской культуры, находившимися в контакте с земледельческим населением. 15% от общего числа захоронений взрослых в ямах со спуском составляли парные разнополюсные захоронения. В могилах 6, 22, 32, 35 были совершены одновременные захоронения, в могилах 20, 25, 45 — разновременные. Погребение в могиле 51 интерпретировать затруднительно, так как оно сильно ограблено и кости перемешаны<sup>53</sup>. В одновременных и разновременных погребениях захоронены лица старческого или зрелого возраста, что позволяет предположить возможность их одновременной смерти или смерти одного индивидуума буквально вслед за другим. Таким образом, по половозрастному составу парные захоронения Раннего Тулхарского могильника отлича-

<sup>49</sup> Гулямов Я. Г., Исламов У., Аскарлов А. Первобытная культура... с. 185, 186.

<sup>50</sup> Там же, с. 231.

<sup>51</sup> Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.—Л., 1966, с. 229.

<sup>52</sup> Кузьмина Е. Е. Некоторые спорные вопросы истории первобытной культуры в низовьях Зеравшана.— СА, 1968, № 2, с. 309.

<sup>53</sup> Мандельштам А. М. Памятники эпохи бронзы... с. 118.

<sup>47</sup> Мандельштам А. М. Памятники эпохи бронзы... с. 113.

<sup>48</sup> Гулямов Я. Г., Исламов У., Аскарлов А. Первобытная культура... с. 120—126.

ются от подобных погребений могильников Кокча 3 и Тасты-Бутак I.

В парных могилах Раннего Тулхара обнаружено следов насильственного умерщвления женщины, и более того, все женские костяки сопровождаются зеркалами и бусами. Зеркала, видимо, не были рядовым элементом погребальной инвентаря, они имели и религиозно-магическое значение<sup>54</sup>. Как можно предположить, в сарматских захоронениях Южного Приуралья и раннесакских Восточного Приаралья они являлись принадлежностью женщин-жриц. Любопытно, что в Раннем Тулхарском могильнике из 24 одиночных женских захоронений зеркала были найдены в семи, а из семи парных — в пяти. Это заставляет нас думать, что женщины, погребенные вместе с мужчинами, являлись во всяком случае полноправными членами данного общества. О независимом положении женщин говорит и тот факт, что в разновременных погребениях подхоранивали позже и мужчин и женщин, в зависимости от того, кто умер раньше.

А. М. Мандельштам, как и мы, склонен видеть в парных разновременных захоронениях доказательство укрепления парной семьи. Что же касается одновременных погребений, то и здесь, так же как и мы, он склонен видеть в погребенных с мужжиной женщинах наложниц. Однако, в отличие от могильников Кокча 3 и Тасты-Бутак I, наложниц сопровождал столь же богатый погребальный инвентарь, как и женщины в разновременных захоронениях. В связи с этим А. М. Мандельштам предположил, что общественное положение наложниц (во всяком случае после их смерти) никак не отличалось от положения женщин — полноправных членов рода. При этом А. М. Мандельштам делает оговорку, что при незначительном количестве парных одновременных захоронений они могут рассматриваться лишь как отклонение от нормы и по ним никак нельзя судить об общественном строе общества. Но он же пишет, что в раннетулхарском обществе можно предположить главенствующее значение большой патриархальной семьи, доказательством чему могут быть, в частности, парные одновременные захоронения<sup>55</sup>. Преобладание одиночных женских (24) и мужских (19) захоронений А. М. Мандельштам рассматривает как свидетельство еще какой-то, неизвестной нам формы брака<sup>56</sup>.

В могильниках эпохи бронзы на северо-западе Пакистана, материалы которых, по мнению ряда исследователей, свидетельствуют о сходстве бишкентской культуры и культуры Свага и гандхарских могил<sup>57</sup>, также были обнаружены парные захоронения — одновременные и разновременные.

В могильниках Буткара II, Каталаи I, Лоебанр<sup>58</sup>ряду с трупосожжением встречено труположение. Покойников хоронили в скорченном положении на правом (чаще) или левом боку, ориентировка различная. Рядом с одиночными встречены парные одновременные и разновременные захоронения. В одновременном парном захоронении могильника Лоебанр I покойники лежали лицом друг к другу<sup>59</sup>. Антонины видит в парных одновременных захоронениях доказательство существования человеческих жертвоприношений<sup>60</sup>. И Станкул и Антонины уверенно отмечают разновременные парные захоронения, которые отличаются тем, что в них, так же как и во всех известных нам случаях, при погребении второго покойника ранее умерший был сдвинут в сторону и кости его скелета перемешаны<sup>61</sup>. Никакой попытки объяснить этот погребальный обряд исследователи не делают.

Этот же обряд был обнаружен пакистанскими археологами в могильнике Тимаргарха. Для погребений группы III, которые датированы по радиокарбону IX—VIII вв. до н. э.<sup>62</sup>, характерны парные одновременные захоронения. В них покойники лежат лицом друг к другу, как бы обнявшись. А. Дани высказывает предположение, что здесь мы имеем случаи добровольной смерти жены после смерти мужа<sup>63</sup>. Он же отмечает и разновременные захоронения, в которых кости одного из костяков сдвинуты

<sup>57</sup> См., например: *Литвинский Б. А.* Археологические открытия в Таджикистане (там же библиография); *Кузьмина Е. Е.* Культура Свага и ее связи с Сенополь Бактрией (обзор работ итальянской археологической миссии в Пакистане). — КСИА, 132, 1972; она же. К вопросу о формировании культуры Северного Бактрии («Бактрийский мрак» и археологическая действительность). — ВДИ, 1972, № 1: она же [реп.]. *Dani A. H.* Excavations in the Gomal Valley. — Ancient Pakistan (Bulletin of the Department of Archaeology, University of Peshawar, v. V, 1970—1971, Special Number). — *Пароды Азии и Африки*, 1974, № 2.

<sup>58</sup> *Stacul Ch. S.* Preliminary Notes on the Excavations of the Necropolis found in Western Pakistan. — East and West, v. 14, 1963, № 1-2, p. 13—26; *Stacul G.* Preliminary Report... p. 37—39. *Antonini Ch. Silvi, Stacul G.* The Proto-Historic Graveyards...

<sup>59</sup> *Stacul G.* Preliminary Report... p. 46, fig. 7.

<sup>60</sup> *Antonini Ch. S.* Preliminary Notes... p. 15.

<sup>61</sup> *Stacul G.* Preliminary Report... p. 48, 49; *Antonini Ch. S.* Preliminary Notes... p. 15—18.

<sup>62</sup> *Dani A. H.* (ed.). *Timargarha and Gandhara Grave Culture*, p. 37.

<sup>63</sup> *Ibid.*, p. 27, 28.

<sup>54</sup> См., например: *Хазанов А. М.* Религиозно-магическое понимание зеркал у сарматов. — СЗ, 1964, № 3, с. 89; *Литвинский Б. А.* Зеркала в верованиях древних фризцев. — Там же, с. 97 сл.

<sup>55</sup> *Мандельштам А. М.* Памятники эпохи бронзы..., с. 120, 121, 133.

<sup>56</sup> Там же, с. 121.

в сторону и перемешаны<sup>64</sup>. Более подробно на последнем обряде останавливается антрополог В. Берихард. Он высказывает предположение, что здесь могло иметь место не подхоранивание трупа, а подхоранивание уже очищенных от мягких тканей костей умершего<sup>65</sup>. Как бы то ни было, он рассматривает парные разнополюсные захоронения, особенно если они еще и с детьми (такие случаи есть), как семейные погребения<sup>66</sup>.

Наши наблюдения над материалами Тимаргархи показали<sup>67</sup>, что из пяти случаев (могилы 123, 138, 139, 180, 197), когда речь идет о парном одновременном захоронении в двух (могилах 123, 138) в относительно порядке лежат кости мужчины, т. е. он подхоронен позже, в двух (могилах 139, 180) — кости женщины и в одном случае (могила 197) костяк мужчины лежит глубже, в правильном анатомическом порядке, кости женщины — выше, в беспорядке. Последнее захоронение заставляет думать, что здесь имело место подхоранивание костей, а не трупа. Но как бы ни рассматривать этот ритуал, совершенно ясно, что, как и в известных нам случаях с территории Советского Союза, в разновременных парных захоронениях Тимаргархи одинаково часто подхоранивали как мужчин, так и женщин.

В отличие от среднеазиатских могильников стеной бронзы, в андроновских погребениях на территории Южного Приуралья, Казахстана и Южной Сибири фиксируют обычно большое количество парных разнополюсных захоронений. Иногда их число, как нам кажется, преувеличивают. Так, вряд ли был прав К. В. Сальников, когда писал, что в андроновских могильниках парные захоронения иногда достигают 50% от общего числа захоронений взрослых<sup>68</sup>.

Относительно недавно исследователи начали рассматривать парные андроновские погребения дифференцированно, выделяя среди них одновременные и разновременные. Примером исследованного таким образом могильника является уже упоминавшийся нами могильник Тасты-Бутака I, материалы которого были полностью изданы уже после нашей публикации могильника Кокча 3. Из 70 погребений Тасты-Бутака I лишь 9 были парными разнополюсными, из которых в свою очередь 3 были разновременными, т. е. это составляло около 13% от всех погребений могильника. В парных одно-

временных захоронениях, как отмечает В. С. Сорокин, были похоронены преимущественно юные женщины со взрослыми мужчинами. Характерно, что сопровождающий этих женщин инвентарь был весьма скромным, в большинстве случаев — лишь керамика. Только в ограде 38, где была захоронена женщина зрелого возраста, в могиле лежали украшения из бронзы. Рассмотрим с этой точки зрения и разновременные захоронения. Их было четыре (ограды 4, 5 (?), 30 и 43). Кроме того, как нам кажется, ограды 46, 50 и 55 (?) представляли собой погребения, где оставлено было место для того, кто умрет позже. Во всех случаях, кроме ограды 43, где похоронены возмужалый мужчина и женщина 14—16 лет, речь идет о захоронениях людей зрелого и зрелого возраста. Это принципиально отличает одновременные и разновременные парные погребения Тасты-Бутака I. Кроме того, все без исключения женские костяки в разновременных погребениях сопровождалась бронзовыми украшениями в виде низкоразмерных бус на шиколотках и бронзовых желобчатых браслетов. В парных одновременных захоронениях не было даже этих бус. А между тем в погребениях Тасты-Бутака они часто встречаются, в том числе даже в детских захоронениях, так что юный возраст женщин в одновременных парных захоронениях был не помехой для включения в состав сопровождающего их погребального инвентаря низкоразмерных бус.

По-видимому, все же относительно положение женщин, погребенных в разновременных захоронениях, было более высоким, чем в одновременных, и вполне независимым. О последнем свидетельствует и то, что среди четырех таких погребений в трех случаях сначала была похоронена женщина, а потом мужчина. В тех оградах, где было оставлено место, если не предполагать, что там могли быть подхоронены лица того же пола (так встречается редко), в двух случаях из трех раньше была похоронена женщина.

В. С. Сорокин, оперируя сравнительными этнографическими материалами, утверждает, что парные разнополюсные захоронения Тасты-Бутака оставлены обществом с патриархально-родовым строем, в котором уже намечаются признаки обособления индивидуальной или малой семьи<sup>69</sup> внутри большесемейной общины. В то

<sup>64</sup> Dani A. H. (ed.). Timargarha and Gandhara Grave Culture, p. 33.

<sup>65</sup> Ibid., p. 328, 329.

<sup>66</sup> Ibid., p. 331.

<sup>67</sup> Нами использованы данные В. Берихарда (*Berihard W. Human Skeletal Remains...*).

<sup>68</sup> Сальников К. В. Очерки древней истории Южного Урала, с. 159.

<sup>69</sup> Сорокин В. С. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутака I... с. 120. Точка зрения В. С. Сорокина была недавно подтверждена Г. А. Максименко (см.: Максименко Г. А. Погребальные памятники эпохи бронзы Минусинской котловины — истинный источник семейных и общественных отношений. — Сб.: Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974, с. 15.

же время В. С. Сорокин пишет, что материалы могильника не дают оснований для заключения о богатстве одних членов общества и бедности других, о патриархальном рабстве, о развитии обмена. Он заключает: «В какой-то степени можно считать, что люди, оставившие могильник, жили в условиях еще сравнительно недалеко зашедших процессов разложения первобытнообщинного строя»<sup>70</sup>.

Раскопки могильника Байту I, среди погребений которого были и парные разнополые захоронения, в том числе одно разновременное, заставили его исследователя, Е. Е. Кузьмину, обратиться к интересующей нас теме. В кольце 9, единственном бесспорно разновременном захоронении, и в одновременном парном захоронении I в кольце 4 погребальный инвентарь женщин был особенно богат<sup>71</sup>, что заставляет видеть в этой детали ритуала один из признаков вполне равноправного положения женщины в данном обществе.

По периодизации Е. Е. Кузьминой могильник Байту I датируется более ранним временем, чем Тасты-Бутак I, — третьей четвертью II тысячелетия до н. э.<sup>72</sup> Основываясь на материалах этого могильника и других могильников Еленовского микрорайона, Е. Е. Кузьмина дает несколько иную оценку андроновского общества, чем та, которую предложил В. С. Сорокин. По ее мнению, счет родства в андроновском обществе, с его упрочивающейся парной семьей, продолжал вестись по материнской линии (достаточно часто встречаются погребения матери с ребенком), но, возможно, уже шел процесс перехода от матрилинейной к патрилинейной системе счета родства<sup>73</sup>.

Большинство исследователей, занимающихся вопросами общественной организации андроновского общества, используя материалы парных разнополых захоронений, обращали внимание на погребения в спаренных ящиках в могильниках Атасу, Бегазы и др. (Центральный Казахстан), относившихся к алакульскому времени. По заключению К. А. Акишева женщины в этих могильниках хоронили в северном ящике на правом боку, мужчины — в южном на левом. Наблюдалась случаи позднейшего подхоранивания женщин к мужчинам и, наоборот, оставления пустого места для мужчины. На основании этого были сделаны выводы, во-пер-

вых, о подчиненном положении женщины в обществе, так как она обычно похоронена на правом, а не соответствующем принятому обряду левом боку, и, во-вторых, что уже вовсе странно, о возникновении в данном обществе моногамной семьи<sup>74</sup>.

О погребении женщины в могиле мужа «после того как она умерла своей смертью», имея в виду андроновские парные разновременные захоронения алакульского времени, писал в свое время М. П. Грязнов, ссылаясь именно на центральноказахстанские материалы<sup>75</sup>. Он считает эти погребения несомненным доказательством того, что андроновское общество было патриархальным, хотя позднее подхоранивали, как мы уже говорили, не всегда женщин к мужчинам, но и наоборот.

В одной из своих последних работ М. П. Грязнов довольно подробно анализирует андроновские парные разнополые захоронения<sup>76</sup>. Он отмечает, что в одновременных погребениях Минусинской котловины женщина лежит всегда за спиной мужчины, на Оби — лицом к нему. Подчеркивает он и наличие разновременных погребений, при которых одного из покойников погребают через некоторое время после первого или когда в могиле, вырытой для двоих, хоронят лишь одного из умерших, а для второго оставляют место<sup>77</sup>. Однако М. П. Грязнов умалчивает о том, что в разновременных захоронениях одинаково часто подхоранивали как женщин, так и мужчин.

Говоря о парных разнополых захоронениях в Сибири в глазковское время, А. П. Окладников подчеркивал лишь факт подхоранивания к мужчинам женщин, хотя публикуемый им материал для такого одностороннего вывода оснований не дает<sup>78</sup>. Позднее А. П. Окладников высказался еще более категорично, утверждая, что глазковские парные захоронения — это по-

<sup>70</sup> Сорокин В. С. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак I..., с. 120.

<sup>71</sup> Кузьмина Е. Е. Андроновские могильники на р. Байту, с. 42.

<sup>72</sup> Кузьмина Е. Е. Периодизация могильников Еленовского микрорайона андроновской культуры.— Сб.: Памятники каменного и бронзового веков Евразии. М., 1964, с. 138.

<sup>73</sup> Кузьмина Е. Е. Андроновские могильники на р. Байту, с. 47.

<sup>74</sup> Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оршабаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966, с. 285, 287. Скорее всего здесь произошло недоразумение, и авторы имели в виду не моногамию как форму семьи, а моногамию как форму брака, характерную прочным соединением супругов, но и в таком виде эта формулировка представляется нам неудачной. В последнее время этот вывод на основании анализа старых и приложенных новых материалов был поставлен под сомнение М. К. Кадырбаевым (Кадырбаев М. К. Археологические раскопки в Северном Прибайкалье.— Сб.: Понски и раскопки в Казахстане, Алма-Ата, 1972, с. 118—122).

<sup>75</sup> Грязнов М. П. Этапы развития хозяйства скотоводческих племен Казахстана и Южной Сибири в эпоху бронзы.— КСИИ, XXVI, 1957, с. 24.

<sup>76</sup> Gruznow M. P. Southern Siberia. Geneva, 1969 (Archaeologia Mundi), p. 94, 95.

<sup>77</sup> Ibid., p. 94.

<sup>78</sup> Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья.— МИА, № 43, 1955, с. 234.

гребения пассивно умиривших женщин вместе с мужчинами, свидетельствующие о чертах патриархально-родовых отношений<sup>79</sup>.

Любопытная картина наблюдается в андроновских погребениях близ улуса Орак. Из пяти парных одновременных захоронений для двух определен половозрастной состав умерших (погребения 15, 22). Оказывается, что с мужчиной погребен подросток 12—14 лет или ребенок 6—8 лет, оба женского пола<sup>80</sup>, т. е. ситуация весьма походит на ту, которая наблюдается в Тасты-Бутаке I. М. Д. Хлобыстина обратила внимание на три захоронения в улусе Орак<sup>81</sup>, где в трех погребениях (могилы 1, 3, 30)<sup>82</sup> на левом боку положены женщины и явно оставлено место для второго покойника. При этом в могиле 1 даже поставлен горшок, как бы приготовленный для второго погребенного. Можно смело предположить, что в могиле 30 место оставлено для мужчины, так как именно в этом случае женщина окажется за его спиной, т. е. будет соблюден ритуал, характерный для данного могильника. В могилах 1 и 3 погребенный позднее при строгом соблюдении ритуала не мог быть мужчиной, так как тогда он оказался бы за спиной женщины. Можно предположить, что здесь мы имеем или нарушение ритуала, или парные разновозрастные однополые захоронения, что изредка встречается (Кокча 3, Тасты-Бутак I). М. Д. Хлобыстина предположила, что ритуал, характерный для парных разнополовых одновременных захоронений, не соблюдался в случае разновозрастных погребений: в северной половине могилы хоронили того, кто умрет раньше, независимо от пола<sup>83</sup>. Если это так, — перед нами еще одно подтверждение равноправного положения женщины, похороненных не одновременно с мужчинами, и второстепенного — похороненных с ними одновременно<sup>84</sup>.

В последнее время не раз поднимался вопрос о толковании парных разнополовых захоро-

нений в афанасьевской и окуневской культурах Южной Сибири. М. Д. Хлобыстина, специально занимаясь анализом афанасьевских погребений в палеосоциологическом плане, рассматривает афанасьевское общество как находящееся на раннем этапе патриархата<sup>85</sup>. М. Д. Хлобыстина в то же время подчеркивает отсутствие в афанасьевских могильниках парных разнополовых разновозрастных захоронений<sup>86</sup>. Напротив, для окуневской культуры характерно наличие таких погребений от одного до трех, редко пяти, в одной ограде. Погребения плохо сохранились, но М. Д. Хлобыстина считает возможным предположить, что это погребения мужчин с подхороненными к ним позднее женщинами или одновременные парные захоронения<sup>87</sup>. В другой своей работе она высказывается более определенно: «По-видимому, существовал обычай подхоронивания женщины к умершему ранее мужу. Весьма вероятно также, что обратная последовательность не практиковалась»<sup>88</sup>. Таким образом, М. Д. Хлобыстина исключает возможность подхоронивания мужчины к женщине. Но почему? Ведь сама М. Д. Хлобыстина, толкуя эти погребения как доказательство укрепления малой семьи (мы бы сказали нуклеарной) в рамках большой патриархальной семьи, объединяет их с подобными андроновскими захоронениями, где, как она подчеркивает, существовал обычай взаимного подхоронивания мужчин и женщин<sup>89</sup>. Подводя итоги, М. Д. Хлобыстина пишет: «Развитие патриархата в рамках раннекотловодческого и скотоводческо-земледельческого общества нашло выражение, помимо прочих моментов, в заметной консолидации членов малой семьи, что проявилось, в частности, в обычаях взаимного или одностороннего подхоронивания»<sup>90</sup>. Таким образом, позиция М. Д. Хлобыстиной, по-видимому, близка к занимаемой В. С. Сорокиным.

В интересующем нас аспекте рассматривает погребальный обряд афанасьевских, окуневских и андроновских племен Г. А. Максименков. Он предлагает еще один вариант объяснения парных одновременных захоронений на материалах окуневских погребений. Основываясь на том, что в экзогамных родах жена или муж члена данного рода одновременно является же-

<sup>79</sup> *Окладников А. П.* Религия лесных племен Восточной Сибири в неолите и бронзовом веке в свете археологии и этнографии.— Географическое общество СССР, отделение этнографии, доклады, 3, 1966, с. 44.

<sup>80</sup> *Гомарова М. Н.* Памятники андроновской культуры..., с. 49.

<sup>81</sup> *Хлобыстина М. Д.* Палеосоциологические проблемы южносибирского энеолита, с. 34, примеч. 9.

<sup>82</sup> *Гомарова М. Н.* Памятники андроновской культуры..., с. 60, табл. II, 4, 7; с. 63, табл. V, 17.

<sup>83</sup> *Хлобыстина М. Д.* Некоторые особенности андроновской культуры Минусинских степей, с. 58.

<sup>84</sup> М. Д. Хлобыстина делает даже попытку выделить в федоровских погребениях с трупосожжением парные одновременные захоронения, где подчиненное положение женщины (патриархальной рабыни) подчеркнуто поставленным для нее скудно ornamentированным горшком (Там же, с. 59—60).

<sup>85</sup> Там же, с. 37.

<sup>86</sup> Там же, с. 34.

<sup>87</sup> *Хлобыстина М. Д.* Могильник Черемушный Лог и эпоха раннего металла на Среднем Енисее.— СА, 1971, № 4, с. 31.

<sup>88</sup> *Хлобыстина М. Д.* Происхождение и развитие культуры ранней бронзы Южной Сибири.— СА, 1973, № 1, с. 34.

<sup>89</sup> Там же.

<sup>90</sup> Там же.



ной или мужем всех остальных членов рода, он заключает, что в парных погребениях могут быть захоронены любые мужчина и женщина, принадлежащие к двум экзогамным родам и умершие одновременно. Результатом того, что такая случайность (одновременная смерть мужчины и женщины) не произошла, являются, по его мнению, одиночные захоронения мужчин и женщин<sup>91</sup>. Но эта гипотеза все равно не может объяснить, каким образом, при наличии экзогамии, о которой все время помнит и Г. А. Максименков, члены двух разных родов могли быть похоронены в одной могиле и на одном кладбище. Г. А. Максименков подчеркивает, что парные одновременные разнополюсные захоронения следует считать признаком перехода окуневского общества к патриархату<sup>92</sup>, замечая, что «видеть в одном из погребенных зависящего члена общества также нет никаких оснований»<sup>93</sup>. Последнее утверждение какими фактами не подкрепляется. В отличие от М. Д. Хлобистиной, Г. А. Максименков вообще не упоминает о разновременных окуневских парных погребениях. В то же время одним из отличий андроновских погребений от окуневских он считает появление на андроновских кладбищах парных разновременных погребений, подчеркивающих идущий процесс укрепления индивидуальной семьи в рамках патриархального общества.

В отличие от своих предшественников — исследователей андроновской культуры, Г. А. Максименков не склонен подчеркивать наличие на андроновских кладбищах парных одновременных погребений, более того, он пишет, что даже в тех случаях, когда оба костяка лежат непогребенными, есть основания считать, что это разновременные погребения<sup>94</sup>. На примере отсутствия парных захоронений в афанасьевское время, наличия парных одновременных погребений в окуневское и парных разновременных захоронений в андроновское время Г. А. Максименков реконструирует эволюцию форм семейной организации в древнесибирском обществе эпохи бронзы. По-видимому, парные одновременные захоронения андроновцев в эту схему не укладываются, так же как и возможные парные разновременные погребения окуневцев. При этом Г. А. Максименков совершенно опускает имущественно-правовую сторону проблемы, играющую большую роль в системе семейно-брачных отношений родового общества на стадии его разложения. Он допускает нарушение экзогамных норм только для карасук-

ского времени<sup>95</sup>, тогда как парные захоронения андроновского времени уже могут рассматриваться в качестве фактического нарушения норм экзогамии. К тому же причины, которые привели к нарушению этих норм в карасукское время, — борьба между семьей, превращающейся в самостоятельную хозяйственную единицу, и родовой организацией, — они ведь являются движущими силами процесса распада первобытнообщинного строя и находятся в действии задолго до карасукского времени, начиная с периода перехода к производящему хозяйству.

Как мы могли убедиться, все исследователи, предлагающие толкование парных разнополюсных захоронений, одновременных и разновременных, затрагивают при этом очень существенные проблемы истории первобытного общества, касающиеся форм общественной организации и семейно-брачных отношений у скотоводов и земледельцев — носителей культур стеной бронзы. Постановка этих проблем при истолковании археологических фактов возможна с помощью привлечения данных сравнительной этнографии.

Широко используя этнографический материал, мы, в свое время, следуя за нашими предшественниками<sup>96</sup>, пытались показать, что в условиях родового строя, при наличии экзогамии невозможно погребение мужчины на родовом кладбище женщины (при матрилокальном браке) и, наоборот, женщины — на родовом кладбище мужчины (при патрилокальном браке).

Это обстоятельство заставляло нас видеть в женницах, погребенных одновременно с мужчинами, рабынь-наложниц, а не свободных членов рода, и позволяло рассматривать данное общество как находящееся на стадии перехода от матриархата к патриархату. Сохранением матриархальных норм объясняли мы и погребение матери с ребенком<sup>97</sup> в могилке Кочка 3.

Сходной точки зрения придерживались и другие исследователи<sup>98</sup>, однако наши оппонен-

<sup>91</sup> Максименков Г. А. Погребальные памятники эпохи бронзы... с. 16.

<sup>92</sup> Артамонов М. И. Совместные погребения в курганах со скорченными и окрашенными костяками. — ПИДО. 1934, № 7—8; Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, с. 52, 53; Толстов С. П. Периодизация древней истории Средней Азии. — КСИИМК, XXVIII, 1949, с. 121.

<sup>93</sup> Игита М. А. К вопросу об отражении общественно-го строя в погребальных обрядах первобытных народов. — СЭ, 1954, № 3; она же. Раскопки могильника тазобайгоякской культуры... с. 59—63.

<sup>94</sup> См., например, упоминавшиеся выше работы Е. Е. Кузьминой и А. М. Манделштама, а также: Бадер О. Н. Балиновский могильник. М., 1963, с. 290 сл.

<sup>91</sup> Максименков Г. А. Погребальные памятники эпохи бронзы... с. 13.

<sup>92</sup> Там же, с. 14.

<sup>93</sup> Там же, с. 13.

<sup>94</sup> Там же, с. 14, 15.

ты, исходя из предположения, что основой хозяйства племени культуры стеной бронзы было скотоводство (при незначительной роли земледелия), считают бесспорным наличие у них патриархата, при котором женщина совершенно бесправна и принадлежит мужчине, а он волею с ней обращаться как с вещью, даже убить. Наиболее крайним выразителем этой точки зрения является М. П. Грязнов<sup>99</sup>, который, с одной стороны, видит в обычае похищения женщины из другого рода основу их бесправия, а с другой — рассматривает только этот обычай как путь к переходу от матриархата к патриархату. Он подчеркивает, что и этот обычай, и насильственное погребение женщины с мужчиной (парные одновременные захоронения) характерны лишь для федоровского этапа андроновской культуры, т. е., по М. П. Грязнову, для более раннего времени. А между тем эти погребения, как известно, есть и в заведомо алакульских (по времени) памятниках. Это противоречие пытается рассеять В. С. Сорокин. Он справедливо признает, в соответствии с господствующей сейчас в науке точкой зрения, что брак путем насильственного похищения не мог иметь сколько-нибудь широкое распространение. Вместе с тем В. С. Сорокин не считает возможным видеть в погребенных с мужчинами женщинах рабынь-наложниц, так как они могли быть принадлежностью лишь очень богатых людей, а в андроновском обществе алакульского времени процесс имущественного расслоения еще так далеко не зашел. Наконец, исходя из предположения о патриархальной основе данного общества, он приходит к выводу, что эти женщины пошли на смерть добровольно<sup>100</sup>.

Рассмотрим возможность насильственного погребения жены, т. е. свободного члена общества, вместе с умершим мужчиной.

Если мы обратимся к трем могильникам, давшим наиболее выразительный материал по интересующему нас вопросу (Тасты-Бутак I, Кокча 3 и Ранний Тулхар), то увидим, что в Тасты-Бутаке из 70 погребений лишь 6 разнополюх одновременных, в Кокча 3 из 43 погребений — 3, в Раннем Тулхаре из 44 — 4. Таково же соотношение в катакомбных захоронениях Калмыкии. В Лалинском 1 и 2 и Арханском 2 могильниках располоно свыше 50 катакомбных погребений, из которых лишь 6 оказались парными разнополюми одновременными<sup>101</sup>. В Элистинском могильнике свыше

80 катакомбных захоронений и среди них только 3 парных разнополюх одновременных<sup>102</sup>. Таким образом, совершенно прав А. М. Мандельштам, считая, что парные одновременные захоронения являются исключением, а не правилом. Погребения Раннего Тулхара выделяются среди им подобных, так как и половозрастные определения и инвентарь заставляют думать, что эти погребения зрелых или пожилых людей, умерших одновременно или почти одновременно. Погребения Тасты-Бутак I и Кокча 3 дают разный возраст погребенных: в Тасты-Бутаке все женщины юного возраста. Отсутствие или бедность погребального инвентаря, положенного с женщинами в парных одновременных погребениях могильника Кокча 3, служит, по-видимому, одним из доказательств того, что эти женщины были не свободными членами общества, а рабынями-наложницами. Та же картина, как мы уже писали, наблюдается и в могильнике Тасты-Бутак I.

В парных катакомбных захоронениях с повозками Лалинском 1 могильника погребения женщин не сопровождаются вещами, сохранились лишь мелкие бусы, которыми, видимо, была обшита одежда<sup>103</sup>. В погребении 8 женщина лежала в ногах мужчины, лицом и грудью вниз<sup>104</sup>, что бесспорно подчеркивает неравноправность ее социального положения. К тому же, по мнению И. В. Сивиницы и У. Э. Эрдниева, погребения в повозках принадлежали лицам, занимавшим особое положение в обществе<sup>105</sup>. Таким образом, вполне допустимо, что их сопровождали в могилу рабыни-наложницы.

Известные в этнографии примеры человеческих жертвоприношений в случае смерти вождя насчитывают обычно не одну жертву, и в числе убитых бывают лица обоего пола. Но это касается уже общества с сильным социальным расслоением. Рассматриваемые нами могильники как будто бы таких признаков не содержат. Очевидно, в нашем случае речь может идти о захоронениях с наложницами-рабынями, погребенными, конечно, не по своей воле, с умершим мужчиной. Отсутствие явных признаков насилия, положение рук женщины, как бы обнимающей мужчину (встречается часто, но только в Тасты-Бутаке), — видимо, элемент ри-

республиканского краеведческого музея, 2, 1966, с. 12.

<sup>102</sup> Сивиница И. В., Эрдниева У. Э. Элистинский курганный могильник (по раскопкам 1964 г.). — Калмыцкий научно-исследовательский институт языка, литературы и истории и Республиканский краеведческий музей. Труды, 3, 1971, с. 6.

<sup>103</sup> Сивиница И. В., Эрдниева У. Э. Новые археологические памятники..., с. 32—38.

<sup>104</sup> Там же, с. 35—38, рис. 4.

<sup>105</sup> Там же, с. 13.

<sup>99</sup> Грязнов М. П. Southern Siberia. p. 25.

<sup>100</sup> Сорокин В. С. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак I..., с. 118, 119.

<sup>101</sup> Сивиница И. В., Эрдниева У. Э. Новые археологические памятники на территории Калмыцкой АССР (по раскопкам 1962—1963 гг.). — Труды Калмыцкого

туала, а вовсе не признак добровольной смерти. Дело в том, что у многих народов кровопролитие при убийстве рабыни нежелательно, ибо она должна последовать за господином в могилу «здоровой». Чтобы достичь этого, женщины обычно душили, реже давали выпить яд<sup>106</sup>. Почему трудно предположить, что в могиле с мужниной похоронена свободная женщина? Во-первых, следует учитывать, что и в период разложения родового строя замужняя женщина не перестает быть членом своего рода. Если сородичи женщины считали сородичью мужнины повинными в ее смерти, они впрямь были требовать от них материальную компенсацию. Переход женщины в род своего мужа и разрыв всех связей со своим родом — это уже свидетельство весьма далеко зашедшего процесса разложения рода<sup>107</sup>. Даже в условиях материнского рода мужчина дарил за женщину подарки ее роду, при переходе же к патрилокальности род мужчины платит роду женщины выкуп, который в случае смерти женщины ее сородичи могут потребовать обратно. Могут они вернуть в свой род и женщину в случае смерти ее мужа. И при патрилокальном браке связи женщины со своим родом сохраняются. Так, в Западной Африке у некоторых племен с патрилокальным поселением умирающую женщину забирает ее род и сам ее хоронит<sup>108</sup>. У скотоводов и земледельцев заде женщину хоронят в деревне ее родителей<sup>109</sup>. У балуба (центральные банту) в случае смерти женщины ее хоронят не раньше, чем будут уведомлены ее сородичи, которые должны получить за нее определенную плату<sup>110</sup>. Ливингстон описал случай такого рода у племени маниема (центральные банту): «Четыре человека пробежали мимо нас, чтоб сообщить о смерти женщины в их деревне ее родственникам, живущим в другой. Двадцать два мужчины с огромными прямоугольными черными щитами, фактически щелком закрывающими каждого, прибежали, чтоб получить тело своей родственницы и все ее имущество (утварь. — М. И.) и отнесли ее в ее собственный дом для погребения; около двадцати женщин их сопровождали, и мужчины ждали под деревьями, пока женщины подготвят тело и оплачут его»<sup>111</sup>.

Обычай погребения женщины в ее деревне и при патрилокальном браке известен в Меланезии у папуасов племени меко<sup>112</sup>. Если же умирает мужчина, то его род обычно стремится удержать вдову, прежде всего для того, чтобы не терять работника и не возвращать уплаченный за нее выкуп. Вдову выдают обычно замуж за одного из братьев мужа (предпочтительно младшего), но даже и в этом случае она получает подарки<sup>113</sup>.

В. С. Сорокин сделал попытку реконструкции андроновской общественной организации и семейно-брачных отношений в связи с анализом материалов могильника Тасты-Бутак I<sup>114</sup>. Для этого он использовал этнографические материалы по юго-восточным банту, скотоводам, у которых, однако, наблюдались явные пережитки матриархата при патрилокальном браке и патрилинейности. Однако такие племена, как, например, зулу, зашли на пути социального расщепления уже очень далеко, так что вряд ли их общественная организация может служить примером для реконструкции андроновской. Кроме того, В. С. Сорокин провел этот сравнительный анализ чересчур прямолинейно. Но даже если принять без оговорок использованные им материалы, мы не сумеем доказать, что погребенные с мужчинами женщины были свободными членами данного общества. Подробно описанный В. С. Сорокиным обычай уплаты «лобола» за жену, взятую в другой общине, действительно являющийся фактически уплатой не за женщину, а за право будущих детей наследовать своему отцу, т. е. шагом, обеспечивающим переход к патрилинейной системе наследования, совершенно не ликвидирует принадлежности женщины к своей общине и прав последней на нее. Вдова может остаться в роде мужа, выйдя замуж за его брата, или уйти в свой род (если у нее нет детей), но в последнем случае ее сородичи должны вернуть сородичам ее мужа «лобола»<sup>115</sup>. С другой стороны, если «лобола» полностью не была выплачена (ее платили и после брака), родители жены имеют права на ее детей от этого брака<sup>116</sup>. Если умирает муж, вдова выходит за его брата, но если за нее вновь не будет выплачена «лобола», ее дети от этого нового брака будут считаться детьми покойного. Такой же обычай известен, например, и у лотуко (нилоты, Северная Уганда)<sup>117</sup>. У юго-восточных банту (кватла) существовал обычай, являвшийся попыт-

<sup>106</sup> Lebzelter F. Eingeborenkulturen in Südwest- und Südafrika, Leipzig, 1934, S. 235; Moss R. Life after Death in Oceania, Milford, 1925, p. 202; Brown G. Melanesians and Polynesians, London, 1910, p. 396; Brown M. Peoples and Problems of the Pacific, v. I, London, 1927, p. 30.

<sup>107</sup> Тимаркин Д. Д. К вопросу о сущности рода. — СЗ, 1970, № 5, с. 90.

<sup>108</sup> Torday E. African Races, p. 205, 2 col.

<sup>109</sup> Ibid., p. 203, 4 col.

<sup>110</sup> Ibid., p. 191, 1 col.

<sup>111</sup> Ibid., p. 190, 3 col.

<sup>112</sup> Bendann E. Death Customs..., p. 232.

<sup>113</sup> Earthy E. D. Valenge Women, London, 1968, p. 169.

<sup>114</sup> Сорокин В. С. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак I..., с. 89—122.

<sup>115</sup> Torday E. African Races, p. 34, 3 col.; p. 67, 1 col.

<sup>116</sup> Ibid., p. 67, 1 col.

<sup>117</sup> Ibid., p. 48, 3 col.

кой избежать вторичной уплаты за женщину при левирате. Младший брат покойного сожительствовал с его вдовой и обязан был о ней заботиться, даже имея свою семью. Но при этом их дети считались детьми покойного. Брат умершего мог жениться на вдове и вновь заплатить ее сородичам — тогда их дети были его детьми, но этот обычай не был распространён из-за нежелания родственников покойного платить второй раз родственникам вдовы. В итоге большинство вдов оставались в семье мужа и не выходили снова замуж. Из 40 вдов в двух деревнях 36 остались жить с родственниками мужа и лишь 4 ушли к своим родным<sup>118</sup>. Вдовец должен был жениться на сестре жены, но если она почему-либо отказывалась, тогда уже ее семья должна была вернуть семье вдовца выкуп, полученный в свое время за его покойную жену<sup>119</sup>. Таким образом, экономическая и правовая основы брака исключали возможность убийства свободной женщины в случае смерти ее мужа.

Разумеется, приведенные этнографические примеры могут помочь нам при попытках реконструкции тех или иных исторических процессов, происходивших в древности. Однако совершенно очевидно, что современные народы, стоявшие до недавнего времени в силу тех или иных причин на более низких ступенях исторического развития, не могут быть безоговорочно признаны живой моделью человеческих коллективов, например, эпохи бронзы. Даже с учетом того, что процессы их исторического развития протекали крайне медленно, все же они не были изолированы от соприкосновения с остальным миром, а следовательно, не свободны от воздействия влияния этого мира на свою культуру и быт. Поэтому этнографические, в данном случае африканские, материалы могут быть привлечены лишь с этими необходимыми оговорками, но все же ценность их для археологических исследований несомненна, ибо они дают сумму фактов, позволяющих нацелить направление исследований. В то же время этнографические материалы, полученные путем исследований в живых человеческих коллективах, ярко демонстрирующие все многообразие их социальной и общественной организации, могут, несомненно, предостеречь археологов от создания странных кабинетных реконструкций.

В парных разновременных погребениях перед нами ритуал, с одной стороны, свидетельствующий о довольно прочных родственных связях между погребенными (ведь в могиле заранее было оставлено место для того, кто умрет

позднее, будь то мужчина или женщина), с другой — исключая строгое соблюдение экзогамии, так как два свободных члена общества, принадлежавшие к разным общинам, захоронены на одном кладбище. Возможность нарушений такого рода может быть связана только с процессом распада родовой организации.

Обычай подхоранивания позднее умершего или умерших был известен на Древнем Востоке значительно раньше появления исследуемых нами захоронений. Первой половиной IV тысячелетия до н. э. датируются захоронения в камерах из сырцового кирпича могильника в Эриду (Месопотамия). Они содержат, как и у нас, парные разнополюсы захоронения. «Первый умерший был положен в могилу большей, чем обычно, величины. После смерти мужа или жены могилу частично разрывали, чтобы освободить место для второго умершего. Нередко при этом первое захоронение нарушалось, и кости иногда просто отодвигались». «Могилы не перекрывали друг друга, хотя их было около тысячи. Видимо, сверху они были как-то отмечены, иначе были бы невозможны подхоранивания»<sup>120</sup>.

В. М. Массон, первым обративший внимание на погребальный обряд в Эриду, считал возможным рассматривать его, а также и исследуемые нами погребения в степях Евразии как свидетельство упрочения брачных связей и формирования патриархальных отношений, тем более что по данным письменных источников шумерская семья III тысячелетия до н. э. была патриархальной<sup>121</sup>.

Рубежом IV—III тысячелетий до н. э. датируются захоронения в толосах в Геокюрском оазисе (Юго-Восточная Туркмения), которые, по мнению их исследователей, являются семейными усыпальницами. Захоронение в них также производилось путем подхоранивания лиц, умерших позднее, и отодвигания в сторону костей похороненных ранее. Но такие погребения в основном были коллективными. В. И. Сариниди полагает, что это погребения больших семей, а группа толосов — кладбище большесемейной общины<sup>122</sup>. Любопытно, что в толосе «Л» были погребены преимущественно мужчины<sup>123</sup>. До этого В. И. Сариниди писал о раскопанных им толосах, где было погребено несколько поколений ближай-

<sup>120</sup> Lloyd S., *Safar F. Eridu.*—Sumer, v. IV, 1948, № 2, p. 117, 118.

<sup>121</sup> Массон В. М. Средняя Азия и Древний Восток. М.—Л., 1964, с. 335, 336.

<sup>122</sup> Сариниди В. И. Коллективные погребения и изучение общественного строя раннеземледельческих племен (по материалам Геокюрского некрополя).—Успехи среднеазиатской археологии, 1. Л., 1972, с. 24, 25.

<sup>123</sup> Сариниди В. И. Коллективные погребения..., с. 25.

<sup>118</sup> Schapera I. Married Life in an African Tribe. London, 1966, p. 316, 319—320.

<sup>119</sup> Ibid., p. 324.

ших родственников по женской линии<sup>124</sup>. Он делал вывод, что «население Геокюрского оазиса в начале III тысячелетия до н. э. находилось на начальной стадии перехода от матрилокального к патрилокальному браку при продолжающемся еще господстве женщины в семье»<sup>125</sup>. Если это так, то можно было бы предположить, учитывая только мужские захоронения толоса «Л», что в Геокюре сохранялся обычай погребения членов рода на своем родовом кладбище, но соблюдался он не всегда. Об этом свидетельствуют толосы, содержащие парные захоронения, но их немного<sup>126</sup>. К сожалению, В. И. Сариниди их подробно не описывает, так что судить о том, содержали ли они одновременные или разновременные захоронения, невозможно. Автор раскопок полагает, что они принадлежали членам малой семьи, отпочковавшейся из состава большой семьи, но основу общества, судя по преобладанию коллективных захоронений, составляла, по его мнению, большая семья<sup>127</sup>. Традиция коллективных захоронений с последовательным подхораниванием удерживалась в юго-западных районах Средней Азии и в бронзовом веке: раскопаны такие усыпальницы на Кара-депе (первая половина III тысячелетия до н. э.)<sup>128</sup> и на Алтын-депе (конец III — первая четверть II тысячелетия до н. э.)<sup>129</sup>.

Для культур стеной бронзы обычай сооружения семейных усыпальниц не характерен. И дело не только в том, что по ряду объективных исторических причин процесс общественного развития племен, населяющих степи Евразии во II тысячелетии до н. э., был более замедленным. Специфические условия их жизни, не связанные со столь прочной оседлостью, как в южных земледельческих районах Средней Азии, не давали им возможности хоронить своих покойников в семейных усыпальницах, «заполнение» которых могло требовать длительно-го отрезка времени.

На материалах парных разновременных захоронений культур стеной бронзы мы можем сделать следующие наблюдения. Эти захоронения действительно фиксируют процесс стабилизации нуклеарной семьи при совершенно равноправном положении женщины. Во всех

описанных нами выше случаях одинаково часто подхоранивались женщины к мужчинам и мужчины к женщинам. Утверждения М. Л. Грязнова (центральноказхастанские погребения в спаренных ящиках) и А. П. Окладникова (глазковские «соседские» могилы), что подхоранивали только женщин к мужчинам, и аналогичное предположение М. Д. Хлобыстиной, касающееся окуневских погребений, не доказаны и поэтому не могут поколебать наш тезис. Если в одновременных захоронениях мы сталкиваемся часто с существенной разницей в возрасте погребенных, то в случаях разновременных погребений, как правило, этой разницы нет. Обычно супружеская пара состоит из лиц зрелого или старческого возраста, что подчеркивает естественную причину смерти каждого из супругов. Наконец, о достаточно высоком и отнюдь не прииженном положении женщины свидетельствует и достаточно (как правило) богатый сопровождающий ее погребальный инвентарь.

Предпринятая нами попытка найти в этнографических материалах примеры парных разновременных захоронений не увенчалась успехом. Думается, дело не в том, что такая практика вообще не существовала, а в том, что не специалисты и специалисты-этнографы, публикуя свои наблюдения, эту сторону погребальной обрядности упускали из виду. Намек на существование такого обычая нам удалось найти у Дж. Гуди — этнографа, который, в частности, занимался вопросами правомерности использования этнографических материалов при археологическом анализе погребальных памятников и степени достоверности сделанных при этом выводов<sup>130</sup>. Проводя этнографические исследования в Северной Гане у скотоводов и земледельцев лодага, он обнаружил, что на кладбище, где хоронят людей данной общины, могилы снаружи отмечены двойко. Те из них, поверх которых установлен сосуд, никогда позднее не раскрываются. Сосуд этот — свидетельство того, что вся данная семейная группа перестала существовать. Поверх других могил кладут камень, который может быть сдвинут, и могила может быть раскрыта, если другой член семьи или жена умершего должны быть похоронены в этой же могиле. Но могилу никогда не раскрывают в случае «дурной» смерти (самоубийство, инфекционная болезнь, укусы змеи и т. д.)<sup>131</sup> позднее умерших. Ничего более определенного Дж. Гуди не пишет. Может быть, захоронения здесь были и коллективными, поскольку речь идет и о других членах

<sup>124</sup> Сариниди В. И. Памятники позднего энеолита Юго-Восточной Туркмении. — САИ, вып. БЗ-8, ч. IV, 1965, с. 46.

<sup>125</sup> Там же.

<sup>126</sup> Сариниди В. И. Коллективные погребения..., с. 23.

<sup>127</sup> Там же, с. 24, 25.

<sup>128</sup> Массон В. М. Традиция коллективных погребений в энеолите Средней Азии, Афганистана, Индии. — КСИА, 101, 1964, с. 4, 5.

<sup>129</sup> Массон В. М. Изучение стратиграфии и топографии Алтын-депе. — АО 1970 г. М., 1971, с. 430.

<sup>130</sup> Goody J. Death and Social Control among the Loda-ga. — Man, v. LIX, 1959, august.

<sup>131</sup> Goody J. Death, Property and the Ancestors. Stanford, 1962, p. 146.

семьи, но для нас существенно, что упоминается подхоранивание жены умершего после ее естественной смерти. При этом у лодага существовал левирад, но он не всегда соблюдался: женщина могла выйти замуж за любого члена общины мужа, но последний обязан был уплатить брачный выкуп ее сородичам<sup>132</sup>. Думается, как бы не оценивать этот пример, он может только укрепить нас во мнении, что обычай подхоранивания одного из членов супружеской пары — свидетельство укрепления родственных связей между ними, свидетельство укрепления семьи и, следовательно, идущего процесса разложения первобытнообщинной организации.

У всех исследователей, раскапывавших могильники, в которых наблюдались обряд, аналогичный кокчискому, возникал вопрос: как толковать одиночные мужские и женские погребения? В них похоронены, как правило, взрослые люди, и непонятно, почему умершие не похоронены парами, ведь все они достигли брачного возраста. Количество этих погребений в Тасты-Бутаке, Раннем Тулхаре и Кокче 3 — разное, причем в первых двух памятниках преобладают женские захоронения, в Кокче 3 — мужские.

В. С. Сорокин приходит к выводу, что преобладание женских одиночных захоронений свидетельствует о полигамии в данном обществе<sup>133</sup>. А. М. Мандельштам высказывается более осторожно, полагая, что одиночные захоронения мужчин и женщин демонстрируют какую-то неизвестную нам форму брака<sup>134</sup>.

Если мы вновь обратимся к плану могильника Кокча 3, мы сможем, как мне кажется, сделать некоторые дополнительные наблюдения. В свое время мы писали, что мужские одиночные захоронения описывают могильник с северо-востока и северо-запада полукольцом и принадлежат мужчинам-воинам, как бы охраняющим женщин и детей. Такое расположение могил мы предположительно связывали с делением на возрастные классы и в качестве примера приводили масаев Восточной Африки<sup>135</sup>. К этому можно еще добавить, что масаи-воины остаются холостыми подчас до 30—35 лет, так что одиночные погребения в этом случае вполне возможны.

Если же к одиночным женским захоронениям Кокчи 3 (29, 105, 109) причислить погребения

бения 15 и 17 (костики не сохранились, но по размерам ямы предназначены для одиночных захоронений) и погребение 16 (женщина с ребенком), то и тогда их будет всего шесть. Погребения 11 и 12 костяков не содержат, а по своим размерам и местоположению могилы могут с равным успехом рассматриваться как одиночные мужские или женские.

Каково было правовое положение женщин, похороненных в одиночных могилах? Ответить на этот вопрос тем более затруднительно, что возраст их известен лишь в двух случаях: в могиле 29 была похоронена женщина старческого возраста, в могиле 105 — женщина 16—18 лет.

Известно, например, что у вачагта (восточные банту) из общей категории лиц, по отношению к которым соблюдался погребальный ритуал, выделялись, в частности, бездетные мужчины и женщины<sup>136</sup>. Количество одиночных женских могил в Кокче 3 столь невелико, что мы можем выдвинуть и такое предположение. Тогда, может быть, для бездетных женщин не оставили места в могиле мужа и их не хоронили в большой могиле, рассчитанной на последующее погребение мужа. Надо сказать, что бездетных женщин вообще ценили очень низко и в общине покойного мужа, и в их собственной, а по некоторым данным у бушменов родственники мужа их даже убиwali<sup>137</sup>. Возможность того, что женщины в одиночных могилах — члены давней общины, которые после смерти должны быть похоронены на своем кладбище, отпадает, так как наличие парных разновременных погребений уже нарушает соблюдение экзогамных норм. Можно предположить, что это вдовы, по тем или иным причинам вернувшиеся к своим родственникам и не вышедшие замуж. Вспомним, с другой стороны, свидетельство Шапера, что у некоторых племен среди юго-восточных банту вдовы оставались с родственниками мужа, о них заботился один из его братьев, а замуж они так и не выходили<sup>138</sup>. Вспомним также свидетельство Гуди, что людей, умерших от инфекционных болезней или несчастного случая, не подхоранивали<sup>139</sup>. Это тоже возможные объяснения одиночных захоронений.

Итак, могильник Кокча 3 с его устойчивым погребальным ритуалом и характерным погребальным инвентарем несомненно принадлежит какой-то единой тазабагьябской племенной группе, находившейся на стадии разложения

<sup>132</sup> Goody J. Death, Property and the Ancestors, p. 248, 249.

<sup>133</sup> Сорокин В. С. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак I..., с. 119, 120.

<sup>134</sup> Мандельштам А. М. Памятники эпохи бронзы..., с. 121.

<sup>135</sup> Итима М. А. Раскопки могильника тазабагьябской культуры..., с. 62, 63.

<sup>136</sup> Torday E. African Races, p. 192, 1 col.

<sup>137</sup> Lebzelter V. Eingeborenkulturen..., S. 42.

<sup>138</sup> Shaper I. Married Life in an African Tribe, p. 316, 319—320.

<sup>139</sup> Goody J. Death, Property and the Ancestors, p. 146.

первобытнообщинных отношений, но еще сохранявшей черты родовой организации.

Могильник был кладбищем, на котором хоронили своих покойников жители не одного, а нескольких поселений. Тазабагтябские поселения представляли собой скопления трех-пяти, редко десяти домов, которые на расстоянии 800—1000 м друг от друга тянутся на километры. Рядом с поселениями мы не обнаружили кладбищ. Вероятнее, что жители какой-то определенной округи хоронили своих покойников в определенном месте, которое, будучи постоянным, давало им возможность соблюдать такую деталь погребального обряда, как подхоранивание умерших позднее, требующую достаточно прочной оседлости.

Этнография дает нам много примеров существования постоянных кладбищ, причем место погребения умершего зависит от его племенной принадлежности<sup>140</sup>. У яо (восточные банту) существуют постоянные кладбища, на которых хоронят своих покойников несколько деревень<sup>141</sup>.

У некоторых племен Центральной Индии от 12 до 18 деревень хоронят своих умерших на одном кладбище, но все покойники должны принадлежать к одному племенному подразделению. При этом часто стремятся сделать так, чтобы кладбище и деревни разделяла река<sup>142</sup>. Известно, что у многих народов вода, река, играет очистительную роль. Здесь уместно заметить, что могильник Кочка 3 по отношению к основной площади тазабагтябского расселения в районе Кочка — Джангас находится «за рекой», а вокруг него тазабагтябских поселений нет, есть только более поздние.

Уловить на материалах могильника следы социальной дифференциации в данном обществе очень трудно. По многочисленным этнографическим примерам можно заключить, что различия в способе погребения зависели часто от социального положения умершего<sup>143</sup>. В могильнике Кочка 3 случаи нарушения обряда единичны. Погребальный инвентарь могильника в целом не дает оснований для заключения о существовании имущественного неравенства. Правда, по количеству бронзовых украшений выделяются женские захоронения 13 и 101, причем в первом из них покойница вместо двух имела пять бронзовых браслетов, что может свидетельствовать о ее более высоком общественном положении и в конечном счете о боль-

шом богатстве. Если трактовать парные разнополые одновременные захоронения как погребения мужчин с рабынями-наложницами, то можно думать, что среди погребенных были люди, которые по своему общественному положению выделялись среди других членов коллектива, т. е. неравноправие все же существовало. Но таких могил в Кочке 3 всего две, так как третья (погребение 77) не может быть истолкована таким образом: это, видимо, насильственное погребение и мужчины и женщины.

Парные разнополые разновременные захоронения можно трактовать лишь как несомненное свидетельство укрепления януклеарной семьи. Процесс укрепления семьи неизбежно вел к распаду родовой организации, и одним из признаков этого являются разновременные разнополые захоронения, ибо этот обряд нарушает один из основных законов родового общества — закон экзогамии.

Эпоха бронзы с ее крупными сдвигами в области производственной деятельности человека была, как известно, периодом разложения первобытнообщинного строя. Однако процесс этот протекал по-разному. Согласно существующей точке зрения в скотоводческих обществах процесс разложения родового строя протекал в форме патриархата, в мотыжно-земледельческих «наступление патриархата надолго задерживалось матриархальными традициями, и тогда разложение родового строя проходило в форме позднего матриархата»<sup>144</sup>. Позднему матриархату, так же как и патриархату, присущи «развитие частной собственности, экономическое обособление отдельных семей, зарождение эксплуатации»<sup>145</sup>. В то же время наблюдаются матрилинейность счета родства и наследования, матрилокальность (авнукулокальность) поселения при постепенно развивающейся патрилокальности, важная роль женщины в трудовом процессе (но не всегда), высокое положение женщины в обществе и, наконец, сохранение парного брака или его пережитков<sup>146</sup>. Это, так сказать, основные направления процесса, основные пути, по которым он шел, но бывают и отклонения, которые, правда, не охватывают всей суммы признаков, но все же их следует иметь в виду.

По-видимому, оседлость, связанная с занятием земледелием, способствует развитию матриархальных отношений, однако элементы

<sup>140</sup> Torday E. African Races, p. 192, 3 col.; p. 198, 1 col.

<sup>141</sup> Ibid., p. 192, 2 col.

<sup>142</sup> Lesnik L. S. Archaeological Interpretation..., p. 29.

<sup>143</sup> См., например: Ucko P. J. Ethnography and Archaeological Interpretation..., p. 270, 271; Lesnik L. S. Archaeological Interpretation..., p. 27, 28; Crook B. A. Primitive Rites..., p. 277, 279.

<sup>144</sup> Першиц А. И., Монгайт А. Л., Алексеев В. И. История первобытного общества. М., 1974, с. 180, 181.

<sup>145</sup> Хазанов А. М. Материнский род у сарматов. — ВДЦ, 1970, № 2, с. 139.

<sup>146</sup> Там же. См. также: Хазанов А. М. Разложение первобытнообщинного строя и возникновение классового общества. — Сб.: Первобытное общество. М., 1975, с. 100—103.

последних могут существовать и в скотоводческих обществах (африканское племя беджа, туареги)<sup>147</sup>. Если же говорить о значении разделения труда между полами в решении вопроса о патриархальной или матриархальной структуре общества, то мы уже упоминали пустынных (западных) индейцев пуэбло, у которых счет родства велся по материнской линии, а поля обрабатывали мужчины, женщины осуществляли лишь посев и сбор урожая. Но, что самое интересное, пастухами были женщины<sup>148</sup>.

В свете сказанного вряд ли прав М. П. Грязнов, когда он пишет, что «наличие у тазабагьябцев Акчадары искусственного орошения в расчет принимать не следует»<sup>149</sup>. Большой удельный вес земледелия в хозяйстве по сравнению, скажем, с андроновцами мог отразиться на системе разделения труда между полами, наследственном праве и т. д.

Тезис о том, что племена степной бронзы Евразии во второй половине II тысячелетия до н. э. переживали сложный процесс распада первобытнообщинных отношений, вряд ли может быть оспорен, но по какому из двух путей шел этот процесс в том или ином случае, — вопрос дискуссионный, и на археологическом материале его проследить чрезвычайно трудно. Помимо той роли, которую могло играть ирригационное земледелие в сохранении матриархальных традиций в тазабагьябском обществе, следует иметь в виду относительное богатство некоторых женских погребений могильника Кокча 3 по сравнению с мужскими, с одной стороны, и возможность сохранения еще с эпохи бронзы матриархальных черт в социальной структуре общества массагетов (саков) Приаралья — с другой. После раскопок раннесакских могильников Южный Тагискен и Уйгарак в Восточном Приаралье последний тезис нашел подкрепление в открытых там характерных по-

гребениях женщин-жриц с каменными жертвенниками, зеркала, конским снаряжением<sup>150</sup>.

С. С. Черников, являющийся сторонником гипотезы о патриархальной структуре андроновского общества, все же обращает внимание на «сильные пережитки матриархата у ранних кочевников Казахстана», культура которых генетически связана с андроновской. При этом он предполагает, что и в андроновском обществе положение женщин было не ниже, чем у ранних кочевников<sup>151</sup>. Мысль о возможной матриархальности некоторых скотоводческо-земледельческих племен культуры степной бронзы, нашедшей свое продолжение в сохранении матриархальных черт в обществе савроматов Южного Приуралья, была высказана и А. М. Хазановым<sup>152</sup>.

Все сказанное заставляет нас с большой осторожностью относиться к выводам о матриархальной или патриархальной структуре общества, исследуемого нами археологически и датированного эпохой бронзы. Здесь, вероятно, следует внимательно фиксировать все признаки, которые позволяют судить о тех или иных изменениях в хозяйстве, культуре, системе расселения, общественной организации по сравнению с предшествующим периодом, не ставя себе задачу безапелляционного утверждения существования той или иной системы счета родства. И, конечно, во всех случаях такого рода построения должны, если это возможно, базироваться на материалах и могильников, и поселений.

<sup>150</sup> Вишневецкая О. А., Игина М. А. Ранние саки Приаралья. — Сб.: Проблемы скифской археологии. М., 1971; Толстов С. П., Игина М. А. Саки низовьев Сырдарьи (по материалам Тагискена). — СА, 1966, № 2.

<sup>151</sup> Черников С. С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. — МИА, № 88, 1960, с. 145, 146. Однако С. С. Черников рассматривает парные разнополые погребения как несомненное доказательство патриархальности андроновского общества (там же), а тогда непонятно, о каком высоком положении женщин может идти речь.

<sup>152</sup> Хазанов А. М. Материнский род у савроматов, с. 147, 148.

<sup>147</sup> Хазанов А. М. Материнский род у савроматов, с. 147.

<sup>148</sup> Народы Америки, т. I, М., 1959, с. 292, сл.

<sup>149</sup> Грязнов М. П. Пастушеские племена Средней Азии..., с. 41.



## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ исторических памятников, оставленных древним населением Южного Приаралья и датированных II — началом I тысячелетия до н. э., дает нам основание рассматривать этот регион как историко-культурную область, на территории которой происходили сложнейшие этногенетические процессы, уходящие своими корнями в глубь тысячелетий. Освоению человеком этих мест способствовала их обводненность — это были дельтовые равнины Амударьи, соприкасающиеся к тому же на северо-востоке с дельтой Сырдарьи. Изобилие воды, благоприятные климатические условия, плодородные аллювиальные почвы дельт наряду с хорошими сезонными пастбищами окружающей их пустыни — все эти факторы делали Южное Приаралье чрезвычайно удобным для расселения человека и в эпоху неолита, и в эпоху бронзы.

Эта территория оказалась втянутой в ареал расселения племен степного пояса Евразии, и северная ориентация в материальной культуре ее населения в интересующее нас время остается преобладающей. С другой стороны, Южное Приаралье являлось одной из составных частей варварской периферии южных земледельческих цивилизаций, на которую распространялись излучаемые Югом импульсы, выражающиеся не только в культурных влияниях, но и в постоянной инфильтрации отдельных племенных групп. К тому же, занимая промежуточное положение между центрами земледельческой цивилизации и северным степным миром, население Южного Приаралья всегда было как бы посредником в передаче элементов южной культуры на север. В то же время эта территория, благодаря своей обводненности, всегда была на пути племенных передвижений, происходивших с севера на юг. Следует подчеркнуть, что все эти процессы с разной до-

лей полноты улавливаются на археологическом материале, но тем не менее имеющиеся факты позволяют наметить отдельные этапы в истории населения Южного Приаралья эпохи бронзы, истоки которых следует искать еще в неолите.

Неолитические кельтеминарские племена, центром расселения которых принято считать Южную Акчадарьинскую дельту<sup>1</sup>, имея, по-видимому, единую мезолитическую основу с неолитическим населением юго-западных районов Средней Азии, в ряде элементов материальной культуры сохранили следы своего древнейшего южного происхождения. Проявилось это в приемах украшения поверхности сосудов определенными типами резного орнамента, известному по образцам расписной керамики Юга, и в окраске сосудов красной или желтой охрой<sup>2</sup>.

Именно керамика и особенно ее орнаментика, которая для эпохи первобытности может быть отнесена к числу этнографических признаков, дали основание А. В. Виноградову поставить вопрос о целом ряде крупных этнических групп, расселившихся на территории Внутренних Кызылкумов и древних дельт Зеравшана и Амударьи и входивших, видимо, в единую кельтеминарскую этнокультурную общность<sup>3</sup>. Основная масса неолитических памятников кельтеминарского круга датируется второй половиной IV — III тысячелетием до

<sup>1</sup> Виноградов А. В. Неолитические памятники Хорезма. — МХЭ, 8, 1968.

<sup>2</sup> Там же, с. 146 и сл.; Виноградов А. В. К вопросу о южных связях кельтеминарской культуры. — СЭ, 1957, № 1.

<sup>3</sup> Виноградов А. В. О локальных вариантах неолитической культуры Кызылкумов. — КСИА, 122, 1970, с. 31 сл.; Виноградов А. В., Мамедов Э. Д. Первобытный Лявлякан. Этаны древнейшего заселения и освоения Внутренних Кызылкумов. — МХЭ, 10, 1975, с. 263 сл.

н. э. Если на ранних этапах более четко проявляются южные связи кельтеминарской культуры, то на позднем этапе фиксируется новый культурный компонент, отражающий северную ориентацию этих связей. Мы имеем в виду стоянки Северо-Восточного Приаралья<sup>4</sup> с несколькими иной, чем кельтеминарская, каменной индустрией и керамикой, украшенной отгисками «шагающей гребенки» или «качалки». Исследованиями А. В. Виноградова установлены некальтеминская принадлежность этих памятников и вероятная связь их с неолитом Южного Зауралья. Характерно, что эти северные влияния захватывают лишь собственно кельтеминарский (акчадарьинский) круг памятников и не проявляются в других районах, входящих в кельтеминарскую этнокультурную общность<sup>5</sup>. Так, на всех поздних стоянках Южной Акчадарьинской дельты есть керамика, украшенная отгисками «качалки» или «шагающей гребенки». Этот северный культурный компонент в материальной культуре населения Южного Приаралья эпохи позднего неолита — одно из первых свидетельств северного направления культурных связей, которое в дальнейшем на протяжении тысячелетий будет играть большую роль в этногенезе и формировании культуры населения низовий Амударьи.

Примечательно, что элементы культуры, характерные для южных земледельческих районов не только Средней, но и Передней Азии (мы имеем в виду Юго-Восточный Прикаспий), проявляющиеся в наличии в кельтеминарских комплексах Акчадарьи сосудов со сливом и трубчатым носиком<sup>6</sup>, проникают в свою очередь далеко на север. Работами последних лет на территории древней дельты Сырдарьи в ее северо-западной части (район Кувандарьи), в урочище Космола обнаружена группа стоянок, в керамическом комплексе которых встречены фрагменты сливов. Керамика этих стоянок в целом напоминает керамику стоянки Дингильдже 6 на Акчадарье<sup>7</sup>, что позволяет датировать их временем не позднее середины III тысячелетия до н. э.

Говоря о населении эпохи позднего неолита в Южном Приаралье, следует иметь в виду материалы неолитического могильника Тумекчиждик (древняя Присарыкамшская дельта Амударьи). Находка в одном из погребений ладьевидного сосуда позволяет поставить могильник в круг памятников кельтеминарского типа, причем, судя по орнаменту на сосуде («качалка»), поздних<sup>8</sup>. С этим временем согласуется и датировка неолитических стоянок, обнаруженных вдоль южного коренного берега Присарыкамшской дельты<sup>9</sup>.

По предварительному заключению Т. А. Трофимовой, черепа из могильника Тумекчиждик могут быть отнесены к северному прото-европейскому типу<sup>10</sup>.

Пока трудно сказать, был ли могильник Тумекчиждик кладбищем местного населения, связанного с кельтеминарским этнокультурным кругом. Во всяком случае широко распространенный с глубокой древности в южных районах Средней Азии и в Передней Азии восточносредиземноморский расовый тип косвенно свидетельствует в пользу северного (условно говоря), а не южного происхождения погребенных в могильнике Тумекчиждик.

О возможном влиянии древнеазиатских племен на развитие производящего хозяйства у населения Юго-Восточного Приаралья в позднем неолите мы уже писали. Следуя гипотезе Н. Я. Мерперта, можно заключить, что, восприняв из южных земледельческих районов Средней Азии навыки ведения производящего хозяйства, древнее население, осваивая степные просторы Волжско-Уральского региона, на востоке входило в соприкосновение с позднеолитическим населением Северного Приаралья и в какой-то мере способствовало возникновению и развитию скотоводческого хозяйства в низовьях Сырдарьи и Амударьи. Однако на уровне наших нынешних знаний мы не имеем свидетельств непосредственного влияния древнеазиатской культуры на кельтеминарскую. Здесь можно говорить лишь о традиционных контактах Южного Приаралья с Южным Приуральем, которые в этот период проходили не непосредственно, а через родственное, но инокультурное население Северного Приаралья (мы имеем в виду памятники района Аральска — Сакаусьской). Вместе с тем мы не мо-

<sup>4</sup> Виноградов А. В. Археологическая разведка в районе Аральска — Сакаусьской в 1955 г. — Труды Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР, т. 7. Алма-Ата, 1959; Виноградов А. В., Кузьмина Е. Е., Смирин В. М. Новые первобытные памятники в Северо-Восточном Приаралье. — Сб.: Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973.

<sup>5</sup> Виноградов А. В., Мамедов Э. Д. Первобытный Лялякан..., с. 268 сл.

<sup>6</sup> Виноградов А. В. Неолитические памятники Хорезма, с. 81—83, 148—150.

<sup>7</sup> Виноградов А. В. Новые неолитические находки Хорезмской экспедиции АН СССР 1957 г. — МХЭ, 4, 1160, с. 66—75, 78.

<sup>8</sup> Виноградов А. В. Могильник Тумекчиждик в Северной Туркмении. — АО 1974 г. М., 1975, с. 320, 521.

<sup>9</sup> Низовья Амударьи, Сарыкамши, Узбой. История формирования и заселения (МХЭ, 3, 1960), с. 175—179.

<sup>10</sup> Трофимова Т. А. Краниологические материалы из могильника Тумекчиждик (предварительные данные). — СЭ, 1975, № 3, с. 145.

жем исключить и вполне вероятное влияние южных земледельческих областей, в частности, в связи с находкой в низовьях Сырдарьи сосудов со сливом.

По-видимому, связи населения Южного Приаралья с населением Южного Приуралья и Южного Зауралья, отмечаемые исследователями для позднекельтеминарского времени<sup>11</sup>, нашли свое продолжение и в эпоху бронзы. Это подтверждают находки керамики феодоровского типа на территории Акчадарьинской дельты. Наряду с этим всегда следует иметь в виду инфильтрацию каких-то групп населения из южных областей Средней Азии. Если даже считать камышлинский комплекс генетически связанным с кельтеминарским, то и тогда южная струя при анализе керамики первого ощущается весьма явно. Но, по-видимому, еще более весомым аргументом в пользу южных контактов населения Южного Приаралья в первой половине II тысячелетия до н. э. служит развитие на аллювиальных дельтовых равнинах орошаемого земледелия, которое к середине II тысячелетия до н. э. было уже на весьма высоком уровне. Если развитие навыков ведения ирригационного земледелия можно было бы рассматривать в какой-то мере и как конвергентное явление, то получение семян для посева там, где отсутствуют дикорастущие виды (а в нашем случае это именно так) без замствования невозможно.

Кельтеминарская этнокультурная общность с развитием форм производящего хозяйства в начале II тысячелетия до н. э. распадается, на ее месте складываются племенные образования, но уже с различной материальной культурой. Можно заметить, что заселение и освоение человеком дельтовых равнин Амударьи и Зеравшана (о Сырдарье для этого времени у нас нет данных) и районов бессточных впадин Внутренних Кызылкумов уже с этого времени идет разными путями, а с течением времени эти отличия все более углубляются.

Наиболее заметное явление того времени — культура Заман-баба, которая, продолжая кельтеминарскую культурную традицию, дает сложный конгломерат культуры, сложившейся на местной неолитической основе, с южной земледельческой. Последняя проявляет себя не только в виде привозных вещей южного происхождения, но, главное, в приобретении населения низовий Зеравшана к целому ряду технических новшеств (например, гончарные печи развитого типа), в появлении специфических особенностей в материальной культуре (сосуды с росписью местного производства, метал-

лические предметы, изготовленные по южным образцам и т. д.). Но одним из главных результатов контакта Севера с Югом на Махандарье явилось орошаемое земледелие. Охота и рыболовство уходят на второй план, основным занятием населения являются земледелие лиманного типа и скотоводство.

В то же время и жилище, и керамика Заман-бабы, видимо, демонстрируют еще первые ступени в развитии этой культуры эпохи ранней бронзы. Жилище и по форме, и по размерам очень близко неолитическим большим наземным домам, керамика дает еще осторожные формы. Об этом же свидетельствует и обилие каменных изделий, в частности, двусторонне обработанных наконечников стрел.

Культура, видимо, синхронная культуре Заман-баба, обнаружена во Внутренних Кызылкумах, в урочище Бешбулак. Ее можно генетически связать с кельтеминарским культурным кругом, но если говорить об участии в ее формировании нового культурного, а может быть, и этнического компонента, то происхождение его предположительно связывается уже не с Югом, а с Севером, с Южным Зауральем. Есть комплексы такого рода и на Лявлякане, но там их меньше. По-видимому, в условиях отсутствия разветвленной гидрографической сети и при наличии лишь родниковых источников воды основной притягательной силой, заставляющей людей селиться в этих местах, были меднорудные источники гор Тамды-тау и Букантау, причем основное направление хозяйства населения этого региона было бесспорно скотоводческим.

В низовьях Амударьи, как мы уже писали, памятники этого времени представлены очень скупо, и посткельтеминарский культурный пласт нащупывается здесь с большим трудом. Однако мы не исключаем возможную культурную, а может быть, и этнокультурную общность населения низовий Зеравшана и Амударьи (Акчадарьи) и в этот период. В ее основе могли лежать сходные экологические условия (хорошо обводненные дельтовые области аридной зоны) и сходные системы хозяйства (земледелие, основанное на искусственном орошении, и скотоводство).

Посткельтеминарские, суярганские, племена Южного Приаралья, продолжавшие местную линию развития, испытали на себе влияние земледельческого Юга, что способствовало в конечном счете их переходу к производящему хозяйству и нашло свое выражение в некоторых особенностях материальной культуры (камышлинский комплекс). Наряду с этими южными влияниями, скорее всего осуществлявшимися и в форме культурных связей, и в виде прямой инфильтрации отдельных групп населения,

<sup>11</sup> Виноградов А. В., Мамедов Э. Д. Перобытний Лявлякан..., с. 226, 227.

были и северные контакты, ощутимые и в типах камышлинских каменных орудий, и несколько позднее в характере некоторых керамических комплексов (Федоровского типа).

В середине — второй половине II тысячелетия до н. э. картина еще более усложняется. Южное Приаралье включается в ареал культуры степной бронзы. Продвижение срубно-андроновских (алакульских) племен в Южное Приаралье из зоны контакта этих двух общностей в Южном Приуралье, смешение их с местным населением и формирование на этой основе тазабагыльской культуры — это, видимо, генеральное направление этнокультурного развития населения низовой Амударьи в середине — второй половине II тысячелетия до н. э. Наряду с этим не прекращаются контакты с Югом, выраженные в интенсификации развития ирригационного земледелия, в появлении в тазабагыльских комплексах импортных вещей и, наконец, в восточносредиземноморском и индодравидонидном расовых типах, зафиксированных среди погребенных могильника Кочка 3<sup>12</sup>. И тот и другой могли представлять местное аборигенное население, генетически связанное с неолитическим этническим пластом (индодравидонидный тип Т. А. Трофимова связывает с потомками кельтеминарцев)<sup>13</sup>.

Вхождение неолитического населения низовой Амударьи и Зеравшана в единую этнокультурную общность и восточносредиземноморский тип погребенных могильника Заманбаба не исключают предположения о восточносредиземноморском типе неолитического населения Южного Приаралья. Возможен еще вариант: и в Заманбабе, и в могильнике Кочка 3 восточносредиземноморский тип связан с непосредственным проникновением групп людей из южных областей Средней Азии. С другой стороны, как известно, восточносредиземноморский расовый тип дают также и срубные черепа, так что наличие срубного компонента в этногенезе населения Южного Приаралья эпохи бронзы сомнений не вызывает, тем более что срубная струя в материальной культуре тазабагыльцев весьма ощутима. В свете сказанного заслуживает внимания, что присутствие восточносредиземноморского расового типа в черепах из андроновских погребений Казахстана толкуется антропологами двояко — и как свидетельство проникновения на эту территорию срубного населения, и как возможное свидетельство контактов с Югом, со Средней Азии

ей<sup>14</sup>. По-видимому, главную роль в этом процессе этнических смешений следует отвести срубно-андроновским контактам, но отметить проникновение южного компонента не следует. Промежуточным звеном в этой цепи является Южное Приаралье.

Новые открытия в низовых Зеравшана и Амударьи, в Ферганае, Прикаспии дают возможность говорить о бесспорно неоднородном составе населения степных областей Средней Азии в эпоху бронзы, материальная культура которого тоже не была единообразной. Проникновение на территорию Южного Приаралья степных племен из Южного Приуралья — явление не узколокального порядка. Видимо, вообще процесс инфильтрации срубных и андроновских (алакульских) племен из разных регионов в среду местного среднеазиатского населения шел постоянно на протяжении всей второй половины II тысячелетия до н. э. Отразился он на культуре местных племен по-разному.

Если иметь в виду южное движение срубно-андроновских племен и формирование тазабагыльской культуры, то, помимо территории Южного Приаралья, наиболее близкий ей вариант — культура степной бронзы низовой Зеравшана, пришедшая на смену заманбабинской. Исследователи связывают ее происхождение с приходом на эту территорию андроновских племен. Думается, что скорее здесь могли происходить процессы, сходные с теми, которые мы наблюдали на Акчадарье, а именно — приход срубно-андроновских племен и смешение их с местным населением, видимо заманбабинским, но уже на более поздней стадии развития.

Сходные географические условия, сходная система хозяйства, основой которой также являлись ирригационное земледелие и пастушеское скотоводство, наконец, сходная неолитическая основа культур обеих областей могли привести к формированию сходных культур эпохи развитой бронзы. Это один вариант. Другой — непосредственный приход тазабагыльских племен в этот район.

Нам представляется первый вариант более достоверным, хотя он, конечно, не исключает культурные связи между населением низовой Амударьи и Зеравшана. Этнокультурную близость между населением этих двух областей Средней Азии подчеркивают находки в могильниках бронзовых восьмеркообразных привесков,

<sup>12</sup> Гинзбург В. В., Трофимова Т. А. Палеоантропология Средней Азии. М., 1972, с. 81—88; Трофимова Т. А. Череп из могильника тазабагыльской культуры Кочка 3.—МХЭ, 5, 1961, с. 97 сл.

<sup>13</sup> Гинзбург В. В., Трофимова Т. А. Палеоантропология Средней Азии, с. 88.

<sup>14</sup> Алексеев В. П. Антропологический тип населения западных районов распространения андроновской культуры.—Ташкентский государственный университет. Научные труды, 235, 1964, с. 22, 23; Гозман И. И. Роль андроновского компонента в формировании южносибирской расы.—СЭ, 1973, № 2, с. 103.

которые больше на территории Средней Азии нигде не встречаются, но хорошо известны в Волжско-Уральском регионе — зоне контакта срубных и андроновских племен. Находки тазабагыябской посуды вне древних дельт Акчадары и Зеравшана встречаются спорадически.

Выдвигавшаяся ранее С. П. Толстовым и нами идея о движении степных племен в южном направлении по древним водным путям во второй половине II тысячелетия до н. э.<sup>15</sup> представляется и сейчас справедливой, но тазабагыябская принадлежность этих племен в свете открытий последних лет, видимо, не бесспорна. Во всяком случае, отрицая общеандроновское происхождение всех памятников степной бронзы Средней Азии, мы не можем не признать того, что в отдельных районах довольно четко фиксируются комплексы, относящиеся к андроновским (алакульским) группам. Алакульские комплексы были встречены А. В. Виноградовым во Внутренних Кызылкумах, но они немногочисленны. По-видимому, скотоводы второй половины II тысячелетия до н. э. в значительной мере ориентировались на естественные водные источники, которыми эти районы бедны. Появление алакульцев здесь могло быть связано в основном с междурудными запасами этих районов, а исходной территорией могли быть южные районы древней Сырдарьинской дельты (староречья Инкардарьи), где мы обнаружили в восточной половине дельты стоянки скотоводов с алакульской керамикой. Заселение низовой Сырдарьи могло происходить с востока, из зоны расселения андроновских племен в Центральном Казахстане.

По-видимому, бассейн Сырдарьи в целом связан с расселением андроновских племен. Если говорить о Средней Сырдарье, то мы не знаем путей развития культуры населения степной части Ферганы, но выделенная здесь Б. А. Литвинским кайракумская культура эпохи поздней бронзы явно отличается от акадарьинской и зеравшанской. Кайракумские стоянки расположены не в дельтовой области, а близ основного русла Сырдарьи. Их топография заставляет думать, что при уровне ирригационной техники того времени люди вряд ли могли выводить каналы прямо из основного русла. Здесь, видимо, действительно основным направлением хозяйства было скотоводство, что не могло не отразиться на облике культуры в целом. По-видимому, на развитие культуры местных племен оказали влияние андроновские

племена, пришедшие в Фергану из Семиречья. Андроновские элементы в кайракумской культуре опускаются весьма явно, а некоторые срубные или тазабагыябские черты в ней могли появиться за счет связей с Махандарьей<sup>16</sup>.

Памятники степной бронзы Ташкентского оазиса изучены мало. Во всяком случае, по справедливому замечанию Е. Е. Кузьминой, металлургические вещи из погребений и кладов показывают и восточное (андроновское) и западное (уральско-приаральское) направление связей<sup>17</sup>. Примером восточных, андроновских, влияний является уже упоминавшийся нами могильник близ Муминабада, где были обнаружены височные кольца с растробом.

Проникновение степных племен в дельту Мургаба во второй половине II тысячелетия до н. э. было документировано ранее<sup>18</sup>. Сейчас В. И. Сарияниди провел новые сборы на коренном берегу, на границе песков и оазиса, и обнаружил новые находки этого типа<sup>19</sup>, среди которых, как нам кажется, преобладает поздняя керамика (конец II — начало I тысячелетия до н. э.), но встречается и алакульская.

Анализируя находки керамики степного типа в Южной Туркмении, Е. Е. Кузьмина считает возможным часть из них сопоставлять с алакульскими комплексами и датировать, таким образом, вслед за нами, продвижение северных степных племен в южном направлении серединой — второй половиной II тысячелетия до н. э.<sup>20</sup> В целом памятники степной бронзы юга Средней Азии Е. Е. Кузьмина включает в ареал культур срубно-андроновского круга, близких тазабагыябской культуре Южного Приаралья<sup>21</sup>.

Если в Южном Приаралье и, может быть, низовьях Зеравшана прослеживается продвижение срубно-андроновских племен из Южного Приуралья, то, судя по материалам могильников, раскопанных А. М. Мандельштамом на юге Туркмении<sup>22</sup>, есть основание ставить вопрос о

<sup>15</sup> Толстов С. П., Игитина М. А. Проблема суарганской культуры. — СА, 1960, № 1; Игитина М. А. Степные племена среднеазиатского междуречья во второй половине II — начале I тысячелетия до н. э. — СЭ, 1962, № 3.

<sup>16</sup> Мы не можем согласиться с Б. А. Литвинским, включающим памятники Махандарьи в кайракумский ареал (См.: История таджикского народа, I. М., 1963, с. 121).

<sup>17</sup> Кузьмина Е. Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. — САП, вып. В4-9, 1966, с. 92, 93.

<sup>18</sup> Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргяны. — МИА, № 73, 1959, с. 117.

<sup>19</sup> Сарияниди В. И. Степные племена эпохи бронзы в Маргяне. — СА, 1975, № 2.

<sup>20</sup> Кузьмина Е. Е. О южных пределах распространения степных культур эпохи бронзы в Средней Азии. — Сб.: Памятники каменного и бронзового веков Евразии, М., 1964, с. 148, 154.

<sup>21</sup> Там же, с. 154.

<sup>22</sup> Мандельштам А. М. Погребения срубного типа в Южной Туркмении. — КСИА, 108, 1966; см. же. Но-

проникновении племен с культурой срубного типа на юг, в предгорья Копетдага. Время этого передвижения — последние треть II тысячелетия до н. э., исходная территория — районы Северного Прикаспия<sup>23</sup>. По-видимому, если мы вспомним гипотезу Н. Я. Мерперта о передвижении степных древнеявных племен на юг и юго-восток, и о Восточном Прикаспии как зоне контакта древнеявной общности и южносреднеазиатских центров производящего хозяйства<sup>24</sup>, такое направление прямых контактов северного степного мира с южным земледельческим в эпоху поздней бронзы может рассматриваться как традиционное.

А. М. Мандельштам выдвигает предположение, что тазабагыбская культура — результат смешения отдельных групп пришлого андроновского населения с местным, а срубные черты в ней — результат позднейших наслоений, вызванных появлением «чистых» срубных племенных групп в Южном Приаралье<sup>25</sup>.

Нас в свое время упрекали в желании приписать всем памятникам степной бронзы на территории Средней Азии тазабагыбскую принадлежность. Теперь, кажется, гипотезы А. М. Мандельштама страдают некоторой «срубной» направленностью.

Думается, что открытие срубных курганов в юго-западных районах Средней Азии весьма примечательно и заслуживает всяческого внимания. Но из этого отнюдь не следует, что продвижение срубных племен из огромнейшего ареала их расселения должно было происходить одномоментно и с единой исходной территории. Скорее всего движение на юг групп степных скотоводов из зоны контакта срубных и андроновских племен в Южном Приуралье, памятники которых демонстрируют смешанный облик культуры и выявленное антропологически смешанное население, — процесс совершенно незаисчленимый. Проникновение чисто срубных племенных групп в Южное Приаралье в конце II тысячелетия до н. э. сомнительно, так как скопление их памятников в междуречье Волги и Урала отделено, по-видимому, зауральской полосой памятников со смешанной срубно-андоновской и чисто андроновской культурой, причем эта область территориально ближе к Южному Приаралью. К тому же в этих районах близкого контактирования срубных и ан-

дроновских племен в облик материальной культуры явно ощущается андроновская доминанта. Это подчеркивается, в частности, восточносреднеазиатским (срубным) типом погребенных в могильнике Тасты-Бутак, андроновская культурная принадлежность которого несомненна.

Да и в Южном Приаралье нам удалось зафиксировать стоянки с позднеалакульской керамикой, демонстрирующие постепенный процесс инфильтрации населения из северо-западных районов, но здесь нет ни одной стоянки срубного типа.

Что же касается андроновских племен, то продвижение их в юго-западном направлении А. М. Мандельштам ограничивает территорией Приаралья<sup>26</sup>. Если причислять население последней трети II тысячелетия до н. э. в дельте Зеравшана к андроновскому кругу племен, как считает А. М. Мандельштам<sup>27</sup>, то тогда Приаралье нельзя рассматривать как самый южный предел их распространения. Здесь, по-видимому, следует иметь в виду, что продвижение срубно-андоновских, а может быть, и андроновских племен из Южного Приуралья могло охватить и дельту Зеравшана. С другой стороны, на Среднюю Сырдарью и в Южный Узбекистан андроновский компонент мог попасть и с северо-востока, из Казахстана.

Думается, что даже на нынешнем уровне наших знаний нам не следует ограничивать себя определением «андоновский», «срубный» или «тазабагыбский» при выявлении культурной принадлежности памятников степной бронзы южных районов Средней Азии, если для подобной их интерпретации нет достаточно веских оснований. Культуры степной бронзы, как мы уже писали, таят в себе кажущееся единообразие, а потому не будет большого греха, если мы просто отнесем памятник, определение которого вызывает у нас затруднение, к культуре степной бронзы. Так бы мы поступили, например, с недавними находками Б. А. Литвицкого и В. С. Соловьева<sup>28</sup> на юге Таджикистана, так бы сейчас мы оценили и малочисленные находки этого типа на Узбе.

Ограничивать процесс проникновения степных племен из северных и северо-западных областей на территорию Средней Азии концом II тысячелетия до н. э. мы бы не стали. Крупные племенные передвижения, происходившие на территории Южного Приуралья еще в древнеявное время, причиной которых было развитие производящего скотоводческого хозяйства,

вые погребения срубного типа в Южной Туркмении.— КСИА, 112, 1967.

<sup>23</sup> Мандельштам А. М. История скотоводческих племен и ранних кочевников на юге Средней Азии. Автореф. докт. дисс. М.—Л., 1972, с. 6, 7.

<sup>24</sup> Мерперт Н. Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М., 1974, с. 141 сл.

<sup>25</sup> Мандельштам А. М. История скотоводческих племен..., с. 7.

<sup>26</sup> Мандельштам А. М. История скотоводческих племен..., с. 8.

<sup>27</sup> Там же, с. 9.

<sup>28</sup> Литвицкий Б. А., Соловьев В. С. Стоянка степной бронзы в Южном Таджикистане.— Успехи среднеазиатской археологии, 1. Л., 1972.

требовавшего освоения новых территорий под пастбища, продолжение этих перемещений уже в срубно-андроновское время (смешанные комплексы XV в. до н. э. на этой территории), освоение меднорудных богатств Южного Приуралья и значительная потребность в олове в связи с отсутствием там его месторождений, в то время как в северо-восточных районах Средней Азии они имеются,— все эти факторы приводят нас вновь к утверждению, что процесс проникновения степных скотоводов из степей Евразии на территорию Средней Азии был длительным и начало его следует отнести ко времени не позднее, чем середина II тысячелетия до н. э. На примере Южного Приаралья мы могли убедиться, что четко документированное движение с севера на юг охватывает всю вторую половину II тысячелетия до н. э. и начало I тысячелетия до н. э.

Появление в южных пределах Средней Азии в эпоху позднего Намазга VI свидетельств прихода туда степняков-скотоводов дает повод для важных общен исторических заключений. По-видимому, в конце II тысячелетия до н. э. в среде племен — носителей культур степной бронзы происходит процесс выделение отдельных групп с кочевым или, вернее, полукочевым хозяйством. Продвижение их в значительной мере шло по водным путям, а вступление в контакты с земледельческим населением оазисов в целом вошло в себя серьезные конфликты, ибо было основано на взаимовыгодном экономическом обмене продуктами скотоводства и земледелия. По-видимому, это мирное сосуществование населения оазиса и его кочевой периферии, установленное, в частности, на мургабском материале<sup>29</sup>, проявлялось и в культурных заимствованиях, и в процессах этногенетического порядка. Если при всем сходстве материальной культуры населения Южного Таджикистана эпохи бронзы, обнаруживаемой при раскопках могильников, Ранний Тулхарский могильник, по заключению антропологов, дает несколько отличный антропологический тип<sup>30</sup>, то это, видимо, связано с большей, чем в других случаях, смешанностью оставшегося его населения со скотоводами северных степных районов, продвинувшимися далеко к югу.

Движение степных племен в южном направлении, наиболее четко фиксируемое археологически с середины II тысячелетия до н. э.,

в лингвистическом и историческом аспектах связывается обычно с арийской проблемой. Не ставя перед собой задачу ее рассмотрения<sup>31</sup>, заметим, что для нас индоиранская принадлежность срубно-андроновских и тазабагльских племен, предполагаемая большинством специалистов, кажется убедительной. Помимо подкрепляющей этот тезис праязычности скифов и саков, генетически связанных, по мнению исследователей, с населением степей Евразии эпохи бронзы, новыми аргументами в пользу этой гипотезы являются факты раннего одомашнивания и широкого распространения лошади, равно как и применения колесного транспорта в южнорусских степях (в ямное время)<sup>32</sup>, проникновение древнейшего населения далеко на восток, в Южное Приуралье — в дальнейшем область расселения срубно-андроновских племен, появление в раннеалакульском комплексе Спиташтинского могильника погребений коней с колесницами<sup>33</sup>. По-видимому, могильники Южного Таджикистана (Ранний Тулхар, Тигровая Балка) и Свата действительно отражают процесс продвижения индоиранских племен на их пути в Индию. Заслуживает внимания, что во всех этих могильниках есть такой сходный элемент погребального обряда, как положение женщины на левом боку, а мужчины — на правом<sup>34</sup>, элемент, который можно отнести к числу этнографических признаков (небезынтересно, что такой же обряд отмечен и в могильнике Кочка 3).

В погребальном инвентаре и ритуале улавливается северная степная струя, но преобладающее влияние земледельческой культуры, в соприкосновении с которой вошли пришельцы, очевидно. По-видимому, при контактировании скотоводческих и земледельческих групп населения более высокая по уровню развития земледельческая цивилизация в облике материальной культуры смешанного населения в конечном счете доминирует, хотя в отдельные периоды культура пришельцев-«варваров» может даже возобладать. Так, видимо, было в Южном Приаралье, где местное суярганское

<sup>29</sup> Сарганиди В. И. Стенные племена эпохи бронзы в Маргиане.— СА, 1975, № 2, с. 26.

<sup>30</sup> Киякшина Т. П. Краниологические материалы эпохи поздней бронзы из Южного Таджикистана.— Сб.: Проблемы этнической антропологии и морфологии человека. Л., 1974, с. 34; она же. Материалы к палеоантропологии Таджикистана. Душанбе, 1976, с. 17 сл.

<sup>31</sup> Обзор и анализ литературы см.: Грантовский Э. А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970, глава I и заключение; Гафуров Б. Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972, с. 33, 34.

<sup>32</sup> Кузьмина Е. Е. Колесный транспорт и проблема этнической и социальной истории древнего населения южнорусских степей.— ВДИ, 1974, № 4.

<sup>33</sup> Генинг В. Ф., Ашишман Л. И. Могильник эпохи бронзы на р. Спиташта.— АО 1974 г. М., 1975, с. 145.

<sup>34</sup> См.: Манделъштам А. М. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане.— МИА, № 145, 1968, с. 58; Киякшина Т. П. Краниологические материалы... с. 24—27; см. также главу VII настоящей работы.

население, уже знакомое с ирригационным земледелием, смешалось со срубно-андроновскими пришельцами, материальная культура которых стала господствующей. Однако продолжающееся развитие хозяйства и культуры Акчадарьинского оазиса на сельскохозяйственно-скотоводческой основе привело к тому, что в облике материальной культуры в итоге взяв верх местный, сугарский компонент (амирабадская культура).

Возвращаясь в свете сказанного к могильникам Южного Таджикистана и Сваата, заметим, что, если верна их индоевропейская, индоиранская атрибуция, то облик материальной культуры легендарных ариев, вторгшихся в Индию, очевидно, не даст нам комплексов с явным преобладанием «варварских» черт. Нельзя не согласиться с И. М. Дьяконовым, который пишет, что проникновение индоиранских племен (к ним он причисляет андроновцев) на юг не влекло за собой коренных изменений в материальной культуре местного населения. По мнению И. М. Дьяконова, хотя влияния шли с юга на север, это совершенно не исключает того, что племена и язык могли двигаться с севера на юг<sup>35</sup>. Эта точка зрения представляется нам совершенно правильной. О миграции северных степных племен мы уже писали.

Влияние южных передовых сельскохозяйственных цивилизаций на культуру северной степной периферии, проявлявшееся, очевидно, в передаче злаковых растений и навыков ведения ирригационного земледелия, в некоторых элементах материальной культуры, в наличии импортных вещей, — несомненно. Оно осуществлялось путем не только культурных связей, но и прямой инфильтрации отдельных групп населения, что подтверждают и данные антропологии. Влияние передовых цивилизаций и дальнейшее развитие форм производящего хозяйства внутри «варварских» обществ влекли за собой и перемены в общественной организации последних, способствовали процессу разложения первобытнообщинных отношений.

Блестящим проявлением этих влияний служат мавзолей племенных вождей некрополя Северный Тагискен в Казахстане (IX—VIII вв. до н. э.)<sup>36</sup>. Они выстроены из прямоугольного сырцового кирпича, который в то время в Южном Приаралье еще неизвестен; их отличают оригинальная планировка и сложная конструкция перекрытий; в богатом погребальном инвентаре наряду с золотыми и бронзовыми укра-

шениями, каменными бусами много керамики, в том числе гончарной, часть которой напоминает южные образцы. Но в мавзолеях Тагискена множество чисто местных признаков, которые проявляются и в планировке погребальных комплексов, и в характере инвентаря, и в андроновском типе многих черепов (господствующим обрядом было трупосожжение).

Все эти данные говорят о неравномерности противопоставлений южных влияний и миграций северным и наоборот. Это два фактора единого исторического процесса.

С миграцией племен степной бронзы (срубно-андроновских, тазабагъябских) до недавнего времени связывали формирование в южных районах Туркмении культуры «эпохи варварской оккупации», пришедшей на смену Намазга VI и резко от нее отличной<sup>37</sup>.

Сейчас эта точка зрения некоторыми исследователями полностью исключается<sup>38</sup>. Другие, не отрицая в целом наличия «варварских» степных черт в культуре «эпохи варварской оккупации», связывают их не со срубно-андроновскими, а с какими-то другими племенами<sup>39</sup>. Не настаивая на нашей точке зрения, которая тоже нуждается в подкреплении фактами, заметим, что такие признаки культуры «эпохи варварской оккупации», как решительное преобладание лепной посуды, отсутствие захоронений в пределах поселений, все же не могут быть сброшены со счета и являются, по-видимому, одним из индикаторов присутствия «варварских» элементов в культуре населения южносреднеазиатских оазисов рубежа II — начала I тысячелетия до н. э. Однако эти признаки вовсе не следует рассматривать как показатель регресса, ибо и развитие орошаемого земледе-

<sup>37</sup> Толстов С. П., Игита М. А. Проблема сугарской культуры, с. 31, 32; Марущенко А. А. Елькен-дене. — Труды Института истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР, V, 1959, с. 64, 70; Гаянлин А. Ф. Теккем-тепе. — Там же, II, 1956, с. 83, 84.

<sup>38</sup> Сарияниди В. И. Раскопки Тилля-тепе в Северном Афганистане. — Материалы к археологической карте Северного Афганистана, I. М., 1972, с. 26—35; *он же*. Восточнохорасанская культура расписной керамики Афганистана. — КСИА, 136, 1973, с. 17 сл. В. И. Сарияниди связывает происхождение культуры «эпохи варварской оккупации» с вторжением на территорию Средней Азии и Афганистана племен из Восточного Хорасана. Однако до открытия ключевых памятников этой восточнохорасанской культуры на исходной территории точка зрения В. И. Сарияниди не выходит за рамки гипотезы.

<sup>39</sup> Кузьмина Е. Е. О некоторых аспектах проблемы культурных и этнических связей Средней Азии и Ирана в эпоху поздней бронзы и раннего железа. — Сб.: Искусство и археология Ирана. Всесоюзная конференция (1969 г.). Доклады, М., 1971, с. 174—176; *она же*. К вопросу о формировании культуры Северной Бактрии. — ВДИ, 1972, № 1, с. 136—138, 146.

<sup>35</sup> Дьяконов И. М. [Рец.]. Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргяны (МИА, № 73, 1959). — ВДИ, 1960, № 3, с. 200.

<sup>36</sup> Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Ясарта, М., 1962, с. 80—87.



лия и скотоводства, и появление укрепленных поселений с цитаделями и, наконец, появление железных орудий к концу периода — все это признаки, присущие культуре «эпохи варварской оккупации» и свидетельствующие о дальнейшем росте производительных сил общества, о появлении новых форм общественной организации. Во всяком случае, варваризация культуры в эту эпоху, как видно, вовсе не является доказательством происшедших изменений в общей тенденции прогрессивного развития земледельческих обществ, и в конечном счете преобладающей оказывается все же культура оазиса<sup>40</sup>.

В Южном Приаралье конец II — начало I тысячелетия до н. э. тоже были временем больших перемен. Из среды земледельцев и скотоводов оазиса происходит выделение группы полукочевых скотоводов, перемещения которых в значительной степени расширяют ареал новой амирабадской культуры, сменившей тазабаянскую. Намечаются первые признаки отделения ремесла, а увеличение избыточного продукта создает условия для развития имущественной и социальной дифференциации. Однако здесь, в северных районах, эти процессы замедлены, и не случайно первые намеки на возникновение государственности на территории Южного Приаралья могут быть отнесены не ранее чем к VI в. до н. э.

Развитие культуры оазиса приводит в архаический период (VI—V вв. до н. э.) к распространению в Южном Приаралье так называемых ахеменидских комплексов, генетическая связь которых не с иранскими, а со среднеазиатскими комплексами типа Намазга VI представляется вполне убедительной<sup>41</sup>. Наме-

тить линию развития от амирабадской культуры эпохи поздней бронзы к раннеантитичной, архаической, мы не можем, но и объяснять появление последней только южными влияниями было бы неверным. Бесспорно, что появление гончарной посуды, иными словами, распространение гончарного круга, должно быть связано с южными заимствованиями, а с кругом могли быть восприняты и некоторые керамические формы (например, сосуды с подкосом). Но несомненно и то, что дальнейшее развитие производительных сил, дальнейшее развитие ирригационного земледелия на новом, более высоком уровне, переход к металлургии железа — все это не могло не повлечь за собой заметные изменения в облике материальной культуры, не связанной прямой преемственностью с культурой эпохи поздней бронзы.

Формирование культуры «варварской» кочевой сако-массагетской периферии оазисов в первой половине I тысячелетия до н. э. шло по пути развития традиций культур степной бронзы, и в своем поступательном движении уровень производительных сил общества ранних кочевников отставал от такового в оазисах. Однако оба эти общества существовали отнюдь не изолированно, а находились в постоянных контактах.

Эти контакты сказывались не только в некоторых чертах материальной и духовной культуры тех и других, но и в таких явлениях, как переход отдельных групп кочевое население к оседлости. При этом хозяйственно-культурный тип полукочевых скотоводов и земледельцев традиционно сохранялся на территории степной периферии амударьинских оазисов на протяжении тысячелетий, тогда как в самих оазисах господствовал тип оседлого хозяйства, основанный на высокоразвитом ирригационном земледелии и скотоводстве.

<sup>40</sup> Сб.: Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.—Л., 1966, с. 189.

<sup>41</sup> Кузьмина Е. Е. К вопросу о формировании культуры Северной Бактрии, с. 146.

## СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	— Археологические открытия. М.
АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.
АЭБ	— Археология и этнография Башкирии. Уфа
БМОИП	— Бюллетень Московского общества испытателей природы
ВАН	— Вестник Академии наук СССР
ВАУ	— Вопросы археологии Урала
ВДИ	— Вестник древней истории
ВИ	— Вопросы истории
ГИМ	— Государственный исторический музей
ГЭ	— Государственный Эрмитаж
ИМКУ	— История материальной культуры Узбекистана. Ташкент
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСИЭ	— Краткие сообщения Института этнографии АН СССР
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
МХЭ	— Материалы Хорезмской экспедиции. М.
ПИДО	— Проблемы истории докапиталистических обществ
РАНИОН	— Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
РГО	— Русское географическое общество
СА	— Советская археология
САИ	— Свод археологических источников
СВ	— Советское востоковедение
СОПС	— Совет по освоению производительных сил
СЭ	— Советская этнография
ТХЭ	— Труды Хорезмской экспедиции. М.
ЮТАКЭ	— Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция

## ОГЛАВЛЕНИЕ

	Введение . . . . .	5
Глава I.	История исследования . . . . .	13
Глава II.	Палеогеография Южного Приаралья . . . . .	23
Глава III.	Культура населения Южного Приаралья во II тысячелетии до н. э. . . . .	39
	Тазабеглябские поселения . . . . .	44
	Андроновские поселения . . . . .	104
	Керамика поселений . . . . .	109
	Орудия и украшения из металла . . . . .	127
	Поделки из глины, кости, камня . . . . .	137
	Вопросы датировки . . . . .	139
Глава IV.	Южное Приаралье в эпоху поздней бронзы	147
Глава V.	Земледельцы и скотоводы низовий Аму- дары . . . . .	173
Глава VI.	Поселения и жилище . . . . .	195
Глава VII.	Погребальный обряд и формы обществен- ной и семейной организации . . . . .	211
	Заключение . . . . .	229

ИТИНА МАРИАННА АЛЕКСАНДРОВНА  
ИСТОРИЯ СТЕПНЫХ ПЛЕМЕН  
ЮЖНОГО ПРИАРАЛЬЯ  
(II — НАЧАЛО I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ  
ДО Н. Э.)

Утверждено к печати  
Институтом этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая

Редактор Д. М. КОГАН  
Редактор издательства Н. И. СЕРГИЕВСКАЯ  
Художественный редактор И. К. КАПРАЛОВА  
Технический редактор А. М. САТАРОВА  
Корректоры Л. В. ПИСЬМАН,  
Л. И. ХАРИТОНОВА, Т. И. УДАЛОВА

Сдано в набор 11/X 1976 г.  
Подписано к печати 10/II 1977 г.  
Формат 84×108<sup>3</sup>/<sub>16</sub>. Бумага типографская № 2.  
Усл. печ. л. 26,4. Уч.-изд. л. 28,5.  
Тираж 1400. Т-03332. Тип. зак. 1297.  
Цена 3 р. 53 к.

Издательство «Наука»  
103717 ГСП, Москва, К-62, Подосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука»  
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Страница	Колонка, строка	Напечатано	Должно быть
78	лев., рис. 32	<i>дом 2</i>	<i>дом 3</i>
122	прав., 16 св.	рис. 67,6	рис. 57,6
145	лев., 2 св.	рис. 59, 0	рис. 54, 0
193	лев., 26 св.	достижения	достижений

к. 1297. М. А. Игина

